И. И. НЕПЛЮЕВЪ

И

ОРЕНБУРГСКІЙ КРАЙ ВЪ ПРЕЖНЕМЪ ЕГО СОСТАВѢ ДО 1758 Г.

Историческая монографія

В. Н. ВИТЕВСКАГО.

ТОМЪ ТРЕТІЙ

Съ приложеніемъ портретовъ сына и внуковъ Неплюева, видовъ Поддубскаго храма, новаго собора въ Оренбургѣ и Неплюевскаго кадетскаго корпуса.

Зѣло пріятно есть слышать Намъ о мирѣ и устроеніи Оренбургскаго края и о твоемъ, губернаторъ, многомъ радѣніи, за что Мы тебя благодарствуемъ.

Императрица Елизавета—Неплюеву.

Монографія удостоена ИМПЕРАТОРСКОЮ Академіею Наукъ почетнаго отзыва; Учен. Комитет. Мин. Нар. Просв. ***одобрена*** **для фундаментальныхъ библіотекъ всѣхъ среднихъ учебныхъ заведеній и для безплатныхъ народныхъ библіотекъ и читаленъ; Главнымъ Управлен. Военно-Учебныхъ Заведеній** ***рекомендована*** **для фундаментальныхъ библіотекъ всѣхъ военно-учебныхъ заведеній.**

КАЗАНЬ.

Типо-Литографія В. М. КЛЮЧНИКОВА, Большая Проломная, соб. д.

1897.

Дозволено цензурою. Декабря 10 дня 1897 г. Москва.

Предисловіе къ третьему тому.

Третій томъ настоящей монографіи, такъ же какъ и два первые, состоитъ изъ десяти главъ (XXI—XXX). Въ первыхъ шести главахъ (XXI—XXVI) излагается исторія промышленности и торговли въ Оренбургскомъ краѣ до Неплюева и особенно при немъ, въ связи съ его отношеніями и Русскаго Правительства къ средне-азіатскимъ странамъ и народамъ. Въ главѣ XXVII говорится о волненіи среди казанскихъ татаръ въ 1747 году и о башкирскомъ бунтѣ въ 1755 году, подъ руководствомъ мещерякскаго муллы Батырши Алѣева. Глава XXVIII знакомитъ читателя съ послѣдствіями этого бунта. Въ главѣ XXIX сдѣланъ обзоръ служебной дѣятельности Неплюева частію при Императорѣ Петрѣ III и особенно—въ первые годы царствованія Императрицы Екатерины II, имѣвшей безграничное довѣріе къ опытности, уму и честности Неплюева. Послѣдняя XXX глава монографіи содержитъ въ себѣ свѣдѣнія о частной жизни Неплюева, по выходѣ его въ отставку, объ его болѣзни, кончинѣ и погребеніи, а также о чествованіи его памяти въ потомствѣ черезъ сто лѣтъ послѣ его смерти и черезъ двѣсти лѣтъ послѣ его рожденія.

Промышленная дѣятельность въ Оренбургскомъ краѣ до Неплюева находилась въ самомъ патріархальномъ состояніи; промышленники занимались только тѣмъ, для чего не требуется техническихъ знаній. Не смотря на природныя богатства Оренбургскаго края, его обитатели не пользовались матеріальнымъ довольствомъ въ жизни, потому что промышленность края, въ тѣсномъ значеніи этого понятія, находилась въ младенческомъ состояніи. Неплюевъ первый обратилъ вниманіе на природныя богатства края и, благодаря своимъ трудамъ, смѣтливости и энергіи, поставилъ промышленность Оренбургскаго края на раціональную почву, въ смыслѣ техническомъ. Его Великій Учитель, Императоръ Петръ I, заботясь о развитіи въ Россіи горнаго дѣла, особенно старался поощрять частную предпріимчивость: право отыскивать руду было предоставлено всѣмъ, «дабы (говорилъ Петръ Великій) Божіе благословеніе подъ землею втунѣ не оставалось». Неплюевъ, какъ ученикъ глубоко чтимаго имъ Императора, остался вѣренъ ему и въ этомъ отношеніи, отстаивая предъ Правительствомъ права частныхъ лицъ на розысканіе рудъ, открытіе заводовъ, фабрикъ и другихъ промышленныхъ предпріятій. До Неплюева во всемъ Оренбургскомъ краѣ не было ни одного завода, а при немъ устроено 28 заводовъ, кромѣ 3 проэктированныхъ: 15 мѣдеплавильныхъ и 13 желѣзо-

дѣлательныхъ; при заводахъ числилось 2250 дворовъ, 11 храмовъ, 7 доменъ, 13 горновъ, болѣе 56 доменныхъ печей и свыше 70 молотовъ для ковки желѣза.

Устройство заводовъ въ Оренбургскомъ краѣ, какъ и въ другихъ мѣстахъ, въ значительной степени содѣйствовало колонизаціи незаселенныхъ раньше земель: одни изъ крестьянъ внутренней Россіи, надѣясь на выгодный заработокъ, переселялись сюда добровольно; другіе шли на заводы по желанію ихъ владѣльцевъ—заводчиковъ; особенно же заводы сдѣлались притономъ бѣглыхъ, непомнящихъ родства и незаконорожденныхъ. По ходатайству Неплюева, Твердышевъ, Мясниковъ и нѣкоторые другіе заводчики получили право покупать крестьянъ, для работъ на заводахъ, цѣлыми деревнями, и потомъ переселяли ихъ на пріобрѣтенные ими у башкирцевъ участки; земли же, на которыхъ раньше жили крестьяне, они могли продавать по своему усмотрѣнію [1]). Заводы, устроенные въ Оренбургскомъ краѣ частными лицами, доставляя большія выгоды казнѣ, были еще прибыльнѣе для ихъ владѣльцевъ: Мясниковы, имѣвшіе за собой, при открытіи заводовъ, до полмилліона рублей долгу, въ теченіе 28 лѣтъ не только уплатили полностію весь долгъ, а еще пріобрѣли 8000 душъ крестьянъ, построили нѣсколько заводовъ и скопили $2^1/_2$ милліона рублей чистаго капитала. Турчениновъ, который раньше ничего не имѣлъ, сдѣлавшись заводчикомъ, нажилъ милліонное состояніе [2]). При Неплюевѣ также были заведены въ Оренбургскомъ краѣ (въ Исетской провинціи) стекольные и винокуренные заводы, построена шляпная фабрика, обработывалась въ фарфоръ глина, полировались разноцвѣтные камни; многіе научились находить и добывать селитру, алебастръ, нефть, квасцы, сѣру, разныхъ сортовъ и цвѣтовъ краски; при Неплюевѣ же началась правильная обработка илецкой соли; урегулированы были рыбные и другіе промыслы; башкирцы занялись приготовленіемъ пряжи и холста изъ крапивы и камня—азбеста; добывали изъ молока и сыворотки спиртъ для домашняго употребленія и т. п. Въ южныхъ мѣстахъ Оренбургской губерніи были сдѣланы попытки къ разведенію хлопка, при содѣйствіи пріѣзжавшихъ въ Оренбургъ хивинцевъ, бухарцевъ и ташкенцевъ (сартовъ); съ тою же цѣлью дозволено казанскимъ татарамъ, заселившимъ Каргалинскую или Сеитовскую слободу, кортомить и покупать у башкирцевъ свободныя земли [3]). Такъ умѣлъ пробудить къ жизни природныя богатства и силы края Неплюевъ,—этотъ, безспорно, умный, честный и энергичный труженикъ на поприщѣ государственной и общественной дѣятельности.

Не менѣе была плодотворна дѣятельность Неплюева и въ отношеніи развитія торговли въ Оренбургскомъ краѣ. Но для того, чтобы проложить путь торговому движенію русскихъ въ Среднюю Азію, необходимо было, по мѣткому выраженію Петра Великаго, овладѣть «вратами и ключемъ» къ средне-азіатскимъ странамъ и народамъ, т. е. киргизъ-кайсацкими ордами, хотя бы пришлось для того употребить до милліона рублей денегъ [4]). Неплюевъ хорошо сознавалъ и понималъ планы Преобразователя Россіи, и

---

[1]) П. С. Зак., т. XV, № 10893.
[2]) См. въ Отеч. Зап. (1859 г., № 12, стр. 425): „Неизданное сочиненіе кн. Щербатова".
[3]) П. С. Зак., т. XV. Указъ 8 августа 1755 года.
[4]) См. въ наст. монографіи, стр. 137.

обратилъ особенное вниманіе, какъ начальникъ края, на отношенія киргизцевъ къ русскимъ. Долго ему пришлось бороться и хитрить съ киргизскимъ ханомъ Малой Орды Абулъ-Хаиромъ, злѣйшимъ врагомъ русскихъ и личнымъ врагомъ самого Неплюева, и только смерть Абулъ-Хаира, убитаго Баракъ-Салтаномъ, развязала ему руки. Воспользовавшись междоусобіями въ Ордѣ, Неплюевъ направилъ выборъ въ ханы въ пользу Нурали-Салтана, старшаго сына Абулъ-Хаира, который 10 іюля 1749 года, при многочисленномъ собраніи народа, и былъ торжественно конфирмованъ въ киргизскіе ханы въ Оренбургѣ, на особенно приготовленномъ для того мѣстѣ, за р. Яикомъ, при чемъ ханъ получилъ, съ Высочайшаго соизволенія, особый патентъ на ханское достоинство и въ даръ — присланныя изъ Петербурга парчевую шубу на собольемъ мѣху и шапку изъ чернобурой лисицы, стоившія 1674 р. 87 коп., а также — «оправную» саблю съ надписью на русскомъ и татарскомъ языкахъ, оцѣненную вмѣстѣ съ поясомъ въ 85 рубл. 77 коп. Неплюевъ щедро одарилъ и мать Нурали-Хана, Пупай-Ханшу, его братьевъ, знатныхъ старшинъ, киргизскихъ біевъ и простыхъ киргизцевъ, бывшихъ въ свитѣ Нурали; не разъ угощалъ гостепріимно ихъ и обѣдами, сопровождавшимися музыкой и пушечными салютами; потѣшалъ фейерверками и танцами; развлекалъ прогулками по городу и за городъ и т. п., употребивъ на подарки и угощеніе киргизцевъ, во время конфирмаціи Нурали-Хана, свыше 3000 рублей.

Обласканный и щедро одаренный Неплюевымъ, Нурали-Ханъ обѣщался заботиться о безопасности торговыхъ каравановъ, во время проѣзда ихъ чрезъ киргизскія степи. Овладѣвъ «вратами и ключемъ» въ Среднюю Азію, Неплюевъ завелъ торговыя сношенія съ Хивой, Бухарой, Ташкентомъ и др. средне-азіатскими ханствами и городами. Въ Оренбургѣ и Троицкой крѣпости были устроены за городомъ мѣновые дворы, куда ежегодно пріѣзжали для торга, кромѣ киргизцевъ, сарты, хивинцы, бухарцы, каракалпаки и др. азіатскіе народы, вывозившіе много золота и серебра въ рупіяхъ (монета) и слиткахъ. Неплюевъ, между прочимъ, замѣчаетъ въ своихъ Запискахъ: «съ 1745 года знатный торгъ въ Оренбургѣ возымѣлъ начало, такъ-что я уже въ состояніи былъ, вмѣсто получаемыхъ отъ начала той экспедиціи ежегодно до 30000 рубл. изъ казны, содержать оную отъ доходовъ пошлинныхъ, а сверхъ того ввезено торгомъ въ Россію 5000 р. серебра, а болѣе того числа вошло, какое не было въ объявкѣ, и не мало золота, а пошлинный сборъ доходилъ до 50 т. въ годъ. Прежде меня отъ бывшей коммерціи никогда трехъ тысячъ въ годъ не приходило». [1]) Это свидѣтельство Неплюева совершенно подтверждается многими оффиціальными данными. Въ дѣлахъ Московскаго Архива Министерства Юстиціи, между прочимъ, сохранилась вѣдомость, изъ которой видно, что разнаго рода сборы и подушныя деньги, недостигавшіе раньше и до шести тысячъ въ годъ, при Неплюевѣ считались сотнями тысячъ [2]). Взаимная вражда киргизскаго Нурали-Хана и хивинскаго Каипъ-Хана особенно мѣшала успѣхамъ караванной торговли Россіи съ Средней Азіей, но Неплюевъ и въ этихъ затруднительныхъ обстоятельствахъ

[1]) Изд А. С. Суворина, 1893 г., стр. 139.

[2]) Извѣстія Общ. арх., исторіи и этнографіи, при Императорскомъ Казанскомъ Университетѣ; т. XII, вып. 3, приложеніе, стр. 47—48.

нашелъ исходъ. Узнавъ о взаимныхъ переговорахъ Нурали-Хана съ зюнгорскимъ владѣльцемъ Нямгаломъ, который хотѣлъ жениться на сестрѣ Нурали, Неплюевъ не только разстроилъ эти планы, а даже поссорилъ киргизцевъ съ зюнгорцами, вооруживъ ихъ другъ противъ друга,—и Нурали-Ханъ снова вынужденъ былъ сдѣлаться орудіемъ въ рукахъ Неплюева, для достиженія намѣченныхъ имъ торгово-промышленныхъ цѣлей. Киргизцы Средней Орды, пріѣзжая въ Троицкую крѣпость, вымѣнивали иногда русскіе товары на плѣнныхъ калмыковъ и особенно подростковъ и калмыцкихъ дѣтей, захваченныхъ ими въ плѣнъ. Начиная съ сентября 1756 года по сентябрь 1757 года, было промѣнено киргизцами русскимъ купцамъ на разный товаръ 186 чел. калмыковъ, въ томъ числѣ было 150 чел. муж. пола и 36 чел. женскаго пола. Но особенно бойко шла мѣна товаровъ на скотъ: съ 1745—1759 г. одними киргизцами было промѣнено болѣе 800000 головъ разнаго скота, что по тарифнымъ цѣнамъ того времени стоило около 4 милліоновъ рублей. Детальную обработку всѣхъ отмѣченныхъ здѣсь результатовъ дѣятельности Неплюева, въ отношеніи развитія промышленности и торговли въ Оренбургскомъ краѣ, читатель и найдетъ въ первыхъ шести главахъ (XXI—XXVI) настоящаго 3-го тома.

Въ кратковременное царствованіе Императора Петра III, Неплюевъ не имѣлъ никакого вліянія на дѣла управленія государствомъ: «бывалъ я»,— замѣчаетъ онъ въ своихъ Запискахъ, — «ежедневно у моея должности, но нѣмымъ, ибо никто уже и мнѣнія моего не требовалъ». [1]—Но съ восшествіемъ на престолъ Екатерины II, Неплюевъ становится самымъ близкимъ лицомъ къ Императрицѣ и съ отличной пользой служитъ ей и отечеству, въ теченіе двухъ съ половиною лѣтъ, и только слабость силъ и совершенная потеря зрѣнія заставили его выйти въ отставку, хотя Императрица Екатерина II и желала оставить его на службѣ. Неплюевъ послѣдніе годы своей жизни провелъ въ родовомъ селѣ Поддубьѣ, построилъ тамъ каменный храмъ, указалъ въ немъ мѣсто для своей могилы и тихо скончался на 81 году жизни, 11 ноября 1773 года.

Много лѣтъ прошло съ того времени, но память о Неплюевѣ жива въ потомствѣ и Россія никогда не забудетъ своего вѣрнаго сына и честнаго слугу Русскихъ Царей и отечества. Вѣчная, вѣчная, вѣчная ему память!!!

Владиміръ Витевскій.

[1]) См. стр. 167. Изд. А. С. Суворина, 1893 г.

ГЛАВА XXI.

Мѣропріятія и заботы Неплюева о развитіи промышленности въ Оренбургскомъ краѣ.—Соляные промыслы.—Илецкая Защита и добываемая въ ней соль.—Рыбные промыслы.—Гурьевскіе учуги и передача ихъ Яицкому войску.—Пошлинный сборъ съ рыбы и ея продуктовъ.—Столкновенія Яицкаго войска съ астраханскими рыбопромышленниками и опредѣленіе морскихъ границъ для войсковаго рыболовства.

„Искусство, соединенное съ трудолюбіемъ, превозмогаетъ всѣ трудности и препятствія, и самыхъ дикихъ звѣрей усмиряетъ".

Рычковъ.

Промышленная дѣятельность въ Оренбургскомъ краѣ до Неплюева находилась въ самомъ патріархальномъ состояніи; промышленники занимались только тѣмъ, для чего не требовалось техническихъ знаній. Недостатокъ раціональнаго хозяйства восполнялся природными богатствами края и терпѣніемъ его обитателей. Населеніе Оренбургской губерніи умѣло расчищать подъ пашню земли, разводить домашній скотъ, ловить звѣрей, птицъ и рыбу, добывать изъ рыбы икру и клей, находить соль, гнать смолу и т. п. Эта, повидимому, малозначительная дѣятельность требуетъ большаго числа рабочихъ рукъ и особеннаго напряженія физическихъ силъ. Несомнѣнно, что постоянное движеніе рабочаго человѣка съ топоромъ, пилой и ружьемъ въ лѣсу, съ косой въ лугахъ, съ рыболовными снарядами по рѣкамъ и озерамъ имѣетъ огромное экономическое значеніе: безъ этой, кажется, немудреной дѣятельности не было-бы нынѣшней Россіи съ ея территоріальнымъ богатствомъ и крѣпкимъ государственнымъ строемъ. Но дѣло въ томъ, что природныхъ богатствъ въ Оренбургскомъ краѣ было много, довольно было приложено къ нимъ и труда, а въ результатѣ все-таки чувствовался недостатокъ матеріальныхъ средствъ къ жизни. Причина этого, безъ сомнѣнія, скрывалась въ томъ, что промышленность края, въ тѣсномъ значеніи этого понятія,—дѣятельность, которая стремится различнымъ про-

изведеніямъ природы придать высшую цѣнность,—находилась въ младенческомъ состояніи.

Неплюевъ первый обратилъ должное вниманіе на природныя богатства края и, благодаря своимъ трудамъ, смѣтливости и энергіи, достигъ того, что промышленность Оренбургскаго края была поставлена при немъ на раціональную, въ смыслѣ техническомъ, почву. Самыми прибыльными и распространенными промыслами въ Оренбургской губерніи были соляные и рыбные. Что касается соли, то ея, по замѣчанію Рычкова, въ Оренбургскомъ краѣ находилось *„несмѣтное количество“*. Не говоря уже о такихъ озерахъ, какъ Грязное, Индерское[a] и др, здѣсь было столько мелкихъ соленыхъ озеръ, что и перечислить трудно[b]. Въ 1744 г., благодаря заботамъ Неплюева, были открыты въ Исетской провинціи соленыя озера. Каженное, Луговое, Гашново, Кривое, Сорочье и Аткуль[c]: Всѣ эти озера находятся въ нынѣшнемъ Челябинскомъ уѣздѣ; кромѣ того, здѣсь же были озера: Букри, Шемели, Уткинъ-Кулатъ, Тузлу-Кулатъ, Таузаткуль, Копылово, Апенайка, Булако, Чубаратъ, Суминское, Башканово, Горькое и многія другія. Не мало было соленыхъ озеръ и за таможенной линіей Оренбургской губерніи, гдѣ и понынѣ находятся соленыя озера: Кишкиль, Карабуръ, Эбелей, Ургачъ, Сараба, Консуатъ, Мактымъ, Карсакбашъ, Ямантузъ, Карабашъ, Чикабай, Чумышкуль, Каратузъ[d] и другія. Неплюевъ приказалъ составить чертежи и планы всѣхъ солэныхъ озеръ и препроводилъ ихъ въ С.-Петербургскій Кабинетъ, въ концѣ декабря 1744 г., съ кондукторомъ Рычковымъ, которому также вручены были и *„пробныя соли“* изъ разныхъ озеръ“ [e].

Въ 64 верстахъ на Ю. отъ Оренбурга находятся знаменитыя копи илецкой соли, сдѣлавшейся извѣстною еще задолго до Неплюева; такъ въ *„Книгѣ большему чертежу“* [f] упоминается о р. Илезъ или Илекъ и

---

a) Озеръ съ названіемъ „Грязное“ въ Оренб. губ. множество; здѣсь разумѣется Грязное озеро, находящееся въ 60 верстахъ отъ Гурьева городка къ В., противъ Граннаго бугра. Оно можетъ дать, по вычисленію нѣкоторыхъ, 90 милліоновъ пудовъ соли, а относительно Индерскаго озера г. Азовсковъ замѣчаетъ, что соли его достанетъ на 50 тысячъ лѣтъ, если брать изъ него ежегодно 15000 возовъ, предполагая, что ежегоднаго осадка даже не будетъ. См. Урал. Войск. Вѣдом. 1868 г., № 14. Ср. „Уральское казачье войско“ Рябинина ч. I, стр. 145; Палласъ: „Путешеств. по разнымъ провинціямъ Россіи“; „Н. Бородинъ: „Уральск. каз. войско“: т. I, стр. 50—57.

b) Топогр. Оренб. губ., ч. I, стр. 219.

c) Жуковскій. Краткое обозрѣніе достопамятныхъ событій Оренб. края, стр. 15.

d) См. описаніе этихъ озеръ въ „Сборникѣ статистическихъ, историч. и археологическихъ свѣдѣній по бывшей Оренб. и нынѣшней Уфимской губ.“, изд. подъ редакціей Н. А. Гурвича, Уфа. 1868 г.

e) Указы 1745 г. въ Тург. обл. арх., по оп. № 18, л. 288.

f) См. стр. 70 и 71.

говорится, что тутъ есть гора Тустебе, т. е, тузъ-тюбе, что̀ значитъ соль-гора. Въ уставѣ о соли, состоявшемся 31 декабря 1727 г.[a]), также упоминается объ илецкой соли, которая была обложена трехкопѣечною пошлиною съ пуда, хотя правильно организованнаго промысла этой соли въ то время еще не было. Начало разработки илецкой соли относится только къ половинѣ XVIII вѣка, именно ко времени управленія краемъ Неплюева. Въ 1744 году Неплюевъ распорядился, чтобы былъ произведенъ осмотръ соляныхъ залежей въ Илецкой Защитѣ. Съ этою цѣлію былъ командированъ въ Илецкую Защиту маіоръ Кублицкій, который и произвелъ осмотръ залежей илецкой соли въ 53 мѣстахъ на саженной глубинѣ. Въ слѣдующемъ году съ тою же цѣлію посѣтилъ Илецкую Защиту англичанинъ Иннисъ, служившій полковникомъ въ Ревельскомъ драгунскомъ полку[b]), а съ 1754 году илецкая соль поступаетъ въ вѣдомство казны. До этого времени илецкая соль безпрепятственно добывалась киргизами, башкирами и мещеряками. Сначала башкиры пользовались солью только для собственнаго продовольствія, но до построенія Оренбурга добровольное добываніе илецкой соли было затруднительно и опасно, почему башкиры больше пользовались пермянской солью, которая выдавалась имъ въ Казани изъ казны[c]); съ построеніемъ же Оренбурга, когда прежняя опасность отъ киргизъ миновалась, башкиры стали пользоваться исключительно илецкой солью и даже тайно отправляли ее возами въ Казанскую губернію и другія сосѣднія мѣста. Правительство, чтобы прекратить контрабандную продажу соли, устроило заставы и коммиссарства, но зло продолжало существовать въ прежной своей силѣ: тайный вывозъ илецкой соли въ другія мѣста не прекращался. Такимъ образомъ до Неплюева и нѣкоторое время при немъ, мѣстное населеніе Оренбургскаго края пользовалось илецкою солью какъ для собственнаго продовольствія, такъ и для контрабандной продажи соли.—Понятно, что это было очень не выгодно для правительства въ финансовомъ отношеніи, тѣмъ болѣе, что оно убѣдилось въ безполезности заставъ и наказаній для прекращенія воровской продажи соли. Неплюевъ въ 1748 г. вошелъ въ Сенатъ съ представленіемъ о томъ, чтобы позволено было вывозить илецкую соль въ Казанскую губернію какъ водой, такъ и сухимъ путемъ, и чтобы всѣ, пріѣзжающіе изъ этой губерніи въ Оренбургъ, безпрепятственно были допу-

---

a) П. С. З., т. VII, № 219.

b) Рычковъ. Топ. Оренб. губ., ч. I, стр. 266. Сравн. Черемшанскаго: „Описаніе Оренб. губ.“, стр. 425; также „Вѣстн. Русск. Геогр. Общ.“ 1852 г., кн. 1, хроника, стр. 12.

c) Рычковъ. Топогр. Оренб. губ., ч. I, стр. 85.

скаемы до вывоза илецкой соли въ сосѣднія губерніи. Но Соляная Контора, на заключеніе которой Сенатъ передалъ представленіе Неплюева, заявила, что дозволеніе свободнаго вывоза илецкой соли въ Казанскую губернію неизбѣжно увеличитъ контрабандный провозъ соли изъ Оренбурга и въ другія мѣста, почему Сенатъ 13 февраля 1749 г. постановилъ: „Илецкую соль въ Казанскую губернію и въ другіе той губерніи города и мѣста сухимъ и водянымъ путемъ до будущаго указа не возить, чтобъ подъ видомъ оной, вывозя воровски, продажи чинено не было“ [a]. Не смотря на это запрещеніе, вывозъ воровской соли продолжался. Сенатъ пришелъ къ тому убѣжденію, что контрабандный провозъ соли не прекратится до тѣхъ поръ, пока иновѣрцы Оренбургской губерніи будутъ пользоваться правомъ безплатнаго продовольствія солью, и потому поручилъ Неплюеву, при содѣйствіи Соляной Конторы, изыскать средства къ пресѣченію зла, не лишая однакожъ башкирцевъ дароваго продовольствія солью, какъ это было и раньше. Такимъ образомъ Неплюеву предстояло рѣшить нелегкую задачу: онъ долженъ быть согласить интересы казны и выгоды инородцевъ „какъ старыхъ жительствъ (кои по званію Башкиріи генерально именуются башкирцами, въ числѣ коихъ находятся мещеряки, вотяки, мордва, чуваша и черемиса), такъ и новопоселившихся въ Оренбургской губерніи“. Удовлетворительное рѣшеніе этой задачи затруднялось еще болѣе тѣмъ, что Сенатъ, предоставляя иновѣрцамъ безплатное и свободное пользованіе солью, требовалъ, чтобы русскіе поселенцы края покупали ее изъ казны по 35 коп. за пудъ, такъ-какъ почти было не возможно услѣдить, чтобы башкирцы не продавали добытой ими въ излишествѣ соли русскимъ, по крайней мѣрѣ, тѣмъ изъ нихъ, кои были сосѣдями башкирскихъ деревень. Неплюевъ, обсудивъ этотъ вопросъ совмѣстно съ членами Соляной Конторы: статскимъ совѣтникомъ Карломъ и надворнымъ совѣтникомъ Домашневымъ, между прочимъ, предложилъ Сенату слѣдующія мѣры къ прекращенію тайной продажи соли: „объявить иновѣрческимъ старшинамъ и обязать ихъ подписками, дабы они по соль посылали въ опредѣленное Оренбургской губернской канцеляріей время и предписанными дорогами отъ каждой волости съ письменнымъ свидѣтельствомъ или требованіемъ за руками старшинъ, сколько соли пудовъ въ которую волость будетъ потребно, и по возвращеніи ихъ съ тою солью по первой дорогѣ (коя изъ Илецка) въ Оренбургѣ, а по другой (коя отъ Эбеляя озера) въ Троицкой крѣпости, кому отъ Оренбургскаго главнаго командира поручено будетъ, при себѣ перевѣшивать, и сколько пудовъ которой именно волости по перевѣсѣ

[a]) П. С. З., т. XIII, № 9573.

явится, записывать вѣрно въ нарочно-учрежденную для того скрѣпленную тетрадь или книгу, и ежели при томъ перевѣсѣ явится, сверхъ старшинскаго требованія, у которой волости излишняя соль, то для надлежащаго въ расходѣ употребленія брать въ казенные магазейны, а за нее выдавать привозчикамъ по подрядной цѣнѣ деньги, почему куда оная въ истинѣ становиться будетъ; а прочую соль противъ старшинскихъ свидѣтельствъ на ихъ удовольствіе пропускать безъ задержанія, не допуская ихъ ни до какихъ притомъ убытковъ и тою солью имъ самимъ довольствоваться, такожъ другъ съ другомъ ссужаться и продавать также каждому въ своей волости, ибо изъ прежнихъ представленій видно, что для соли за разными случаями не всякъ ѣздилъ, а изъ волости въ другую волость, кольми же наче пріѣзжимъ не только великороссійскимъ, но ниже своей братьи не продавали и не ссужалися, того онымъ старшинамъ каждому за своимъ вѣдомствомъ прилежно наблюдать и крѣпкое смотрѣніе имѣть" [a]. За несоблюденіе этихъ правилъ угрожало виновнымъ наказаніе, положенное по именному указу 15 декабря 1749 г. [b], а старшины за послабленіе подвергались штрафу. Для продовольствія лицъ, не имѣвшихъ права пользоваться солью безплатно, Неплюевъ предложилъ учредить въ Оренбургѣ и Троицкой крѣпости казенную продажу соли по 35 коп. за пудъ подъ наблюденіемъ особыхъ чиновниковъ, снабженныхъ инструкціями и шнуровыми книгами за печатью и скрѣпомъ Оренбургской губернской канцеляріи, „и смотрѣніе надъ тѣми сборщиками въ исправленіи ихъ должности и въ прочемъ по тамошнему состоянію поручить, хотя изъ военныхъ, кому главной той губерніи командиръ заблагоразсудитъ, давъ ему въ силѣ указовъ инструкцію" [c]. Что касается регулярныхъ и нерегулярныхъ воинскихъ, статскихъ и духовныхъ людей", находящихся на дѣйствительной службѣ въ Оренбургскомъ краѣ, а также и отставныхъ съ ихъ семействами; то Неплюевъ ходатайствовалъ предъ Сенатомъ, „не соизволено-ль будетъ, имая съ нихъ деньги", вмѣсто 35 коп. цѣны въ Оренбургѣ, брать по 10 коп. за пудъ; а въ Троицкой и другихъ крѣпостяхъ, почему въ истинѣ на мѣстѣ станетъ, дабы чрезъ то порядочное и безтягостное учрежденіе возможно было всѣхъ сумнительствъ и подлоговъ миновать; и того ради во всякую крѣпость отпущать по вѣдомостямъ командирскимъ на стара и мала мужеска и женска пола (исключая младенцевъ, кои будутъ отъ рожденія ниже двухъ лѣтъ) противъ солдатскихъ по воинскому штату дачъ, по 24 ф

[a] П. С. З., т. XIII, № 10097, п. I.
[b] Тамъ же, № 9697.
[c] Пунктъ 2.

въ годъ; а драгунамъ и солдатамъ дѣйствительно служащимъ отпускать по тому-жъ числу изъ магазиновъ безденежно[a]". Наличное количество соли Неплюевъ предложилъ привести въ извѣстность и, оставивъ по 24 ф. на душу, излишекъ взять въ казну, уплативъ ея дѣйствительную стоимость *„безобидно"*[b]. Кромѣ того, Неплюевъ признавалъ за полезное усилить надзоръ на заставахъ, которыя были учреждены со стороны великороссійскихъ городовъ къ Башкиріи, сосредоточивъ главное управленіе ими въ Мензелинскѣ, гдѣ долженъ былъ поселиться для жительства и опредѣленный въ Казанскую губернію главный надзиратель, „дабы частые къ тѣмъ мѣста мъ кои къ вывозу въ великороссійскіе города подаютъ причину, разъѣзды и смотрѣніе имѣть было можно, а сверхъ того и другія порученныя ему смотрѣніемъ мѣста въ пристойное время надлежащимъ, въ силу данной ему инструкціи, порядкомъ осматривать, и что къ лучшему усмотритъ или въ чемъ какое вспоможеніе будетъ потребно и въ прочемъ, сношеніе имѣть съ Оренбургской губернской канцеляріей"[c]. Неплюевъ также просилъ Сенатъ отмѣнить вывозъ илецкой соли для продажи въ Уфимскую провинцію, а довольствоваться ей пермскою солью, чтобы легче было слѣдить за контрабандной продажей соли, такъ какъ между илецкой и пермской солью существуетъ значительная разница[d]. Сенатъ, утверждая представленіе Неплюева, не призналъ однакожъ возможнымъ удовлетворить его ходатайства за служилыхъ людей и постановилъ: „воинскимъ, статскимъ и духовнымъ чинамъ, въ службѣ находящимся, такожъ и прочимъ, живущимъ тамо, соль покупать, по силѣ именнаго 1749 г. декабря 15 дня указа, изъ казны, показанною въ томъ указѣ цѣною, по 35 к. пудъ, такожъ унтеръ-офицерамъ, капраламъ, драгунамъ и солдатамъ, дѣйствительно въ военной службѣ служащимъ, въ натурѣ соли не давать, а давать за оную деньгами по 21 к. въ годъ на человѣка, полагая каждому на 24 ф. соли"[e]. Сознавая, какъ трудно было пресѣчь воровскую продажу соли, Неплюевъ словесно заявилъ въ присутствіи Сената, „что въ Уфимской и Исетской провинціяхъ съ тѣми иновѣрцами и такіе живутъ, коимъ, по силѣ указовъ, должно соль покупать изъ казны, и тако и впредь не безъ сомнѣнія есть, чтобъ чрезъ тотъ иновѣрцамъ соли позволенный вывозъ не могли оною солью и тѣ довольствоваться, коимъ надлежитъ покупать соль изъ казны»[f].

---

[a]) Пунктъ 3. [b]) Пунктъ 4.
[c]) Пунктъ 6 того же указа.
[d]) Пунктъ 7.
[e]) П. С. З., т. XIII, стр. 835—836.
[f]) Тамъ же, стр. 837.

Въ виду такого заявленія, Сенатъ поручилъ Неплюеву, по возвращеніи въ Оренбургъ, склонять иновѣрцевъ, „чтобы они, вмѣсто положеннаго на нихъ ясака, а съ другихъ опредѣленныхъ по указамъ податей, соль покупали изъ казны указною цѣною; однакожъ при томъ прилежно наблюдать, ежели оные иновѣрцы, вмѣсто положеннаго на нихъ ясака и опредѣленныхъ податей, соль покупать похотятъ изъ казны указною цѣною, то не будетъ ли противъ платежа ясака и опредѣленныхъ податей какого уменьшенія: и для того, собравъ всѣ къ тому подлежащія окрестности и разсмотря, представить въ Правительствующій Сенатъ немедленно“ [a]. Въ слѣдующемъ году Неплюевъ донесъ Сенату, что „кажется, башкирцы и мещеряки охотно къ тому приступили и за отягощеніе себѣ (покупку соли изъ казны) не вмѣняютъ, разсуждая изъ того пользу, что они безъ платежа ясака единственно служилыми будутъ такъ, какъ и казаки, и просятъ только, чтобы земли ихъ, изъ высочайшей Ея Императорскаго Величества милости, указомъ были имъ подтверждены“. Предлагая на этихъ условіяхъ ввести между башкирцами и мещеряками казенную продажу соли, Неплюевъ также доносилъ Сенату: „сколько оной соли въ расходѣ быть можетъ, и какая отъ того прибыль воспослѣдуетъ, то нынѣ сообразить невозможно, хотя воеводы уфимскій и исетскій о числѣ мужеска и женска пола душъ и написали 123,122 души, но такъ или нѣтъ, на то документовъ имѣть не можно; къ тому-жъ башкирцы и мещеряки не всѣ будутъ илецкою солью довольствоваться, но которые ближе къ Камѣ рѣкѣ, тѣ—пермскою; они же соли не столько въ употребленіи имѣютъ, какъ русскіе, да еще на нынѣшній годъ у многихъ и прежде заведенной будетъ. Но какъ-бы то ни было, всегда можетъ прибыли быть въ казну несравнительно болѣе, и ежели ясакъ, котораго на всѣхъ Уфимской и Исетской провинціи башкирцахъ, мещерякахъ и обрѣтающихся между ними татарахъ 4392 руб. 65½ к. [b], но еслибъ и того меньше было, и то-бъ казнѣ не убыточно, но еще и полезнѣе было, для того, что тайные провозы илецкой соли въ русскія жилà пресѣкутся, и впадшія въ тѣ погрѣшенія бѣдствія, также военные люди, которыхъ не малое число на заставахъ употреблено, свободятся и соляное коммисарство въ Мензелинскѣ будетъ не потребно, а которые около Самары для смотрѣнія тайныхъ съ Яика провозовъ есть, тѣ по-прежнему остаться имѣютъ“ [c]. Относительно бобылей и тептярей Неплюевъ былъ того мнѣнія,

---

a) Тамъ же.

b) Собственно съ башкиръ сбиралось ежегодно 2054 р. 78 к., такъ что на каждый дворъ приходится не болѣе 25 коп. „Топогр. Оренб. губ.“ Рычкова, ч. I, стр. 92. См. въ наст. моногр. стр. 422.

c) П. З. З., т. XIV, стр. 42 и 43, № 10198.

что, при введеніи въ Башкиріи казенной продажи соли, онъ не считалъ нужнымъ освобождать ихъ отъ положенной на нихъ въ 1748 г. 80 к. подати, которой сбиралось со всѣхъ нихъ 23105 р. 60 к. въ годъ. Неплюевъ руководился въ данномъ случаѣ слѣдующими соображеніями: 1) покупка бобылями и тептярями соли изъ казны принесла бы менѣе выгодъ, чѣмъ взимаемый съ нихъ подушный сборъ; 2) всѣ они были пришельцы, или бѣглые изъ Казанской губерніи, т. е. изъ такихъ людей, которые не только покупали соль, но платили и подушный окладъ; 3) „довольно имъ и того“,—замѣчаетъ Неплюевъ,—„что они до послѣдняго бунта башкирскаго были ихъ (башкирцевъ), какъ крестьяне, и платили имъ оброки, а послѣ того бунта по именнымъ 1736 и 1739 г. указамъ, а особливо по воспослѣдовавшему въ 1747 г. 26 мая, отъ подтвержденія башкирскаго и оброковъ освобождены, и тѣ земли, на которыхъ они жили, имъ въ свойство отданы“. Наконецъ освобожденіе ихъ отъ подушной подати, по мнѣнію Неплюева, сравняло бы ихъ съ башкирцами и мещеряками и могло способствовать еще большему единенію ихъ интересовъ и стремленій, чего по мѣстнымъ условіямъ края слѣдовало избѣгать. Сенатъ, соглашаясь съ мнѣніемъ Неплюева, постановилъ: *съ башкирцевъ и мещеряковъ ясакъ снять и утвердить за башкирцами право владѣнія землями, а соль всѣмъ имъ покупать въ казнѣ по 35 к. за пудъ*[a]. Но объявляя илецкую соль достояніемъ казны, правительство не взяло на себя ея добываніе, а передало въ частныя руки: за разработку Илецкой соли взялся сотникъ Оренбургскаго казачьяго войска Алексѣй Углицкій[b], съ условіемъ доставлять ее въ казну по 6 коп. съ пуда, въ количествѣ 50 тысячъ пудъ ежегодно, а въ случаѣ надобности—и болѣе. Кромѣ того Углицкій обязался построить на свой счетъ, подъ руководствомъ инженеровъ, „небольшую защиту оплотомъ съ баттареями для пушекъ“, казармы для гарнизона, нѣсколько покоевъ и провіантскій магазинъ, доставлять осенью и зимой дрова и возить изъ Оренбурга провіантъ на своихъ подводахъ[c]. Благодаря этому, въ Киргизской степи возникло новое поселеніе—Илецкая Защита[d], куда была переведена рота Алексѣевскаго пѣхотнаго полка въ полномъ комплектѣ; для религіозныхъ потребностей солдатъ и рабочихъ, которыхъ бы-

---

a) П. С. З., т. XIV, № 10198. Ср. Рычкова: „Топогр. Оренб. губ.“, ч. I, стр. 264; ч. II, стр. 26. Изд. 1762 г.

b) Углицкій названъ, по недосмотру корректора, Ушицкимъ въ моемъ очеркѣ: „Неплюевъ и Оренбургъ“. См. въ отд. оттискѣ стр. 426—427.

c) Топогр. Оренб. губ. Изд. 1762 г., ч. II, стр. 26, а въ изданіи 1887 г. стр. 253.

d) Нѣкоторые смѣшиваютъ Илецкую Защиту (см. въ прил. къ „Адресъ-Календарю Оренб. губ. за 1849 г.“ стр. 10) съ Илецкимъ городкомъ, основаннымъ въ 1737 г., а не въ 1730, какъ бездоказательно и *невѣрно* утверждаетъ г. Бородинъ, составитель книги: «*Уральское казачье войско*». Статистич. описаніе въ 2 томахъ. Уральскъ 1891 г. (См. т. I, стр. 5, прим. 2). Сравн. въ наст. монегр. стр. 279.

вало ста по два и болѣе, построена была церковь и къ ней опредѣленъ особый причтъ. Не смотря на то, что Илецкая Защита была устроена съ согласія киргизскаго хана Нурали[a], возникновеніе и укрѣпленіе ея особенно было непріятно киргизамъ: стѣсняя добровольное добываніе киргизами соли, Илецкая Защита могла быть непріятна имъ и просто какъ крѣпость, снабженная гарнизономъ и пушками. Между тѣмъ казна имѣла теперь 29 коп. чистаго барыша на каждый пудъ илецкой соли, или отъ 14 до 15 тысячъ рублей въ годъ, если принять за ежегодное количество добываемой соли 50000 пудъ, какъ обязался Углицкій. Еще 24 мая 1753 г. состоялся указъ, которымъ было предписано: „въ Оренбургѣ и въ принадлежащихъ къ оному новыхъ крѣпостяхъ и селеніяхъ учредить казенные соляные магазины". Въ исполненіе этого указа, въ Оренбургѣ было открыто Соляное Правленіе, а на рѣкѣ Бѣлой, близъ урочища Бугулчанъ, устроена судовая пристань, откуда было отправлено нѣсколько тысячъ пудовъ илецкой соли въ Казань и другіе города; впослѣдствіи „сей способъ отправленія соли", — замѣчаетъ Рычковъ, — „за разными неудобностями, а паче за великою окружностію, оставленъ"[b]. Во многихъ другихъ мѣстахъ края были построены казенные соляные магазины, изъ которыхъ могли бы всѣ, не исключая и иновѣрцевъ, покупать илецкую и эбеляйскую соль. Для развозки илецкой соли изъ Оренбурга по другимъ пунктамъ края, были употреблены тептяри и бобыли, получавшіе за свой трудъ по 6 и $7^1/_2$ коп. съ пуда изъ казенныхъ суммъ[c]. Чтобы пресѣчь контрабандную продажу соли, правительство рѣшилось также уменьшить нѣсколько подушный окладъ; указомъ 15 іюля 1754 г. было предписано: „со всѣхъ положенныхъ въ подушный окладъ всякаго званія людей и крестьянъ, коихъ числится по ревизскимъ 1747 г. книгамъ 6,614,529 душъ, въ томъ числѣ приписныхъ къ Адмиралтейству для корабельной работы 66055 да называемыхъ типтярей и бобылей 28850 душъ, приписныхъ къ Оренбургской губерніи, *съ каждой души по шести коп. сложить*, и, при платежѣ сего года послѣдней половины, означеннаго числа по 6 коп. не взыскивать"[d]. — Въ этомъ указѣ также говорится, что сбавка подушнаго оклада можетъ время отъ времени увеличиваться, если только всякій подданный будетъ употреблять всѣ мѣры къ пресѣченію контрабандной продажи соли. Въ то же время Сенатъ затребовалъ отъ Неплюева вѣдомости,

---

a) Мейеръ. Киргизская степь Оренб. вѣдомства, Спб. 1865 г., стр. 13.

b) Топогр. Оренб. губ. Изд. 1887 г., стр. 163, а по изд. 1762 г., ч. I, 231.

c) Журналъ, или дн. записки капитана Рычкова, I, стр. 132.

d) П. С. З., т. XIV, № 10260.

сколько и на что именно изъ прежде положеннаго на башкирцевъ и тептярей ясака расходовалось денегъ, такъ-какъ собираемыя теперь, вмѣсто ясака, деньги за соль должны были поступать въ общую соляную сумму. Въ 1756 г., по представленіи Неплюевымъ данныхъ, Сенатъ, по сношенію съ Военной Коллегіей, опредѣлилъ: „вмѣсто сложеннаго съ башкирцевъ и тептярей ясаку, столько же отпускать изъ собираемой суммы на содержаніе учрежденныхъ въ Оренбургской губерніи гарнизонныхъ, драгунскихъ Оренбургскаго и Уфимскаго полковъ“ [a].

Другимъ наиболѣе прибыльнымъ и распространеннымъ промысломъ въ Оренбургской губерніи, кромѣ солянаго, было рыболовство, особенно излюбленное и прочно-организованное среди Яицкаго войска. Спеціалистъ по статистикѣ Уральскаго казачьяго войска, г. Бородинъ, изучившій во всѣхъ подробностяхъ рыболовные промыслы войска, замѣчаетъ по этому поводу: „какъ земледѣліе, питающее большую часть населенія Россіи, является въ глазахъ простолюдина не простымъ занятіемъ, а дѣломъ священнымъ и окружается особымъ поэтическимъ ореоломъ; такъ и рыболовство у уральскихъ казаковъ, представляя доселѣ любимый промыселъ населенія, имѣетъ свою поэзію: почти во всѣхъ мѣстныхъ бытовыхъ пѣсняхъ неизмѣнно фигурируетъ „Яикушка-сынъ Горыновичъ съ золотымъ донышкомъ, серебряными краишками“, замѣняющій здѣсь „мать-сыру землю“. Но, кромѣ отраженія въ народной поэзіи, экономическое значеніе рыболовнаго промысла для мѣстнаго насeлeленія отразилось положительно во всѣхъ болѣе или менѣе серьезныхъ сторонахъ жизни Уральской общины, и не смотря на то, что въ нѣкоторыхъ случаяхъ это значеніе его является просто такъ называемымъ переживаніемъ, самое существованіе такого переживанія указываетъ на всепоглощающую роль этого промысла въ прежнее время“ [b]. Намъ уже извѣстно, что заселеніе Нижнеяицкой линіи начато при Неплюевѣ, благодаря которому возникла и вся линія форпостовъ отъ Яицкаго городка до Гурьева [c]. Но заселеніе нижняго теченія р. Яика не было для Яицкихъ казаковъ расширеніемъ ихъ владѣній, а оно скорѣе было наложенною на нихъ обязанностью, хотя и принятою ими добровольно въ избѣжаніе того, чтобы низовья ихъ кормильца „Яика-Горынича съ золотымъ донышкомъ“ не перешли въ чужія руки. Вслѣдствіе этого Яицкіе казаки долго смотрѣли на свои низовые форпосты, какъ на колоніи, и ревностно слѣдили за тѣмъ, чтобы эти колоніи не могли повредить ихъ митрополіи, коренному ихъ

---

[a] П. С. З., т. XIV, № 10540.
[b] *Уральское казачье войско.* Статистическое описаніе. Уральскъ, 1891 г. См. т. I, стр. 352 и 353.
[c] Ср. выше въ наст. моногр. стр. 254—255.

гнѣздышку—Яицкому городку, или нынѣшнему Уральску; отсюда истекали и протесты Яицкаго войска противъ развитія независимаго отъ нихъ низоваго рыболовства, особенно же морскаго. Неплюевъ, какъ мы видѣли[a], настоялъ на томъ, чтобы Гурьевскіе учуги были отворены для Яицкаго войска на 8 саж. съ обоихъ береговъ, но гурьевцы изъ корыстныхъ цѣлей, не хотѣли въ точности исполнять этого постановленія, утвержденнаго Сенатомъ[b]. Въ февралѣ 1750 г. Яицкое войско узнало, что въ Гурьевскихъ учугахъ не существуетъ того „отлома", какой предписывался указомъ 1743 года. Для изслѣдованія дѣла на мѣстѣ, отъ Яицкаго войска былъ отправленъ старшина Михаилъ Бородинъ, который, при содѣйствіи походнаго атамана Зѣвакина, нашелъ, что съ одной стороны учугъ былъ почти выведенъ на берегъ, а съ другой—проходъ для рыбы, идущей изъ моря, былъ оставленъ въ такомъ мѣстѣ, гдѣ глубина рѣки была не болѣе двухъ четвертей. Яицкое войско сообщило о томъ Военной Коллегіи, которая, по сношеніи съ Сенатомъ, предписала „отворить учугъ изъ настоящаго теченія Яика рѣки по 8 саж. съ каждой стороны". Не смотря на это, Неплюевъ хорошо сознавалъ тѣ невыгоды, какія испытывали Яицкіе казаки отъ того, что Гурьевскіе учуги находились не въ ихъ рукахъ; но еще лучше сознавали это сами казаки, такъ-какъ рыболовство составляло тогда главный и почти единственный промыселъ Яицкихъ казаковъ, дававшій имъ средства къ жизни и службѣ царской. Поэтому Неплюевъ употребилъ съ своей стороны всѣ зависѣвшія отъ него мѣры къ тому, чтобы Гурьевскіе учуги были вовсе уничтожены и чтобы низовья р. Яика перешли въ исключительное пользованіе Яицкаго войска, не дремали и сами казаки.

Заботясь объ интересахъ Яицкаго войска, Неплюевъ вошелъ въ сношеніе съ Военной Коллегіей, не угодно-ли будетъ ей ходатайствовать предъ Сенатомъ объ отдачѣ Гурьевскихъ учуговъ въ аренду Яицкому войску за 4656 р. 91 к., таможню же и кабакъ, бывшіе въ Гурьевѣ, Неплюевъ предложилъ передать въ вѣдомство Оренбургской губернской канцеляріи. Военная Коллегія сдѣлала отъ себя представленіе о томъ въ Сенатъ, который затребовалъ отъ Неплюева подробныя свѣдѣнія по данному вопросу, и объявилъ торги на Гурьевскіе учуги въ Москвѣ и другихъ городахъ. Яицкое войско отправило на торги старшину Андрея Глазухина, а Неплюевъ не замедлилъ представить въ Сенатъ отъ себя особое мнѣніе, относительно передачи Гурьевскихъ учуговъ въ аренду Яицкому войску, стараясь отстоять интересы казаковъ. Сенатъ, согласившись съ мнѣніемъ

---

a) См. тамъ же.
b) П. С. З., т. XIII, № 9689.

Неплюева, постановилъ: „устроенные при Гурьевѣ-городкѣ учуги съ рыбными ловлями, съ таможенными и кабацкими сборами отдать въ содержаніе Яицкому войску". Въ половинѣ сентября 1752 г. въ Камеръ-Коллегіи былъ заключенъ съ Яицкимъ войскомъ контрактъ, по которому войско получило право на совершенное уничтоженіе Гурьевскихъ учуговъ. Въ контрактѣ не сказано, почему именно положено было вовсе уничтожить Гурьевскіе учуги, но на основаніи нѣкоторыхъ данныхъ можно предполагать, что совершенное уничтоженіе Гурьевскихъ учуговъ болѣе соотвѣтствовало интересамъ Яицкаго войска, чѣмъ арендное пользованіе ими. Согласно контракту, заключенному съ Камеръ-Коллегіей, Яицкое войско обязалось уплачивать ежегодно за учуги и рыбныя ловли по р. Яику 4692 руб. 69⅓ коп., а за таможенный и кабацкій сборы по 754 руб. 10 коп., всего же 5446 руб. 79⅓ к.[a] Кромѣ того, на Яицкое войско были наложены и другія обязанности: 1) если въ Гурьевѣ или близъ него есть мѣста, удобныя для ловли рыбы, то въ тѣхъ мѣстахъ какъ самимъ казакамъ, такъ и партикулярнымъ промышленникамъ ни подъ какимъ видомъ противъ Гурьева-городка и въ прочихъ урочищахъ нигдѣ рыбы не ловить; 2) рыбу, икру, вязигу и прочіе рыбные продукты въ этихъ мѣстахъ не приготовлять и къ лову не только „россійскихъ людей, но и калмыковъ не допускать"; 3) въ Астрахань не доставлять ни рыбы, ни рыбныхъ продуктовъ на мѣну и продажу подъ угрозою (за неисполненіе этого) взысканія штрафы безъ отговорокъ; 4) еслибы допущенными злоупотребленіями былъ нанесенъ казнѣ ущербъ по таможенному и винному сбору въ Астрахани, то весь происшедшій недоборъ въ доходахъ падалъ на Яицкое войско; 5) вино Яицкіе казаки были обязаны покупать на великороссійскихъ винныхъ заводахъ по добровольному договору съ заводовладѣльцами и о томъ, съ кѣмъ войско войдетъ на этотъ счетъ въ соглашеніе, объявлять въ Оренбургской губернской или Симбирской[b] провинціальной канцеляріи, и сверхъ того количества, на какое будетъ заключенъ подрядъ, вина и водокъ въ войско отнюдь не привозить; 6) вино и водку продавать по астраханской цѣнѣ съ тѣми же прикладными деньгами, сверхъ откупа, и отдавать послѣднія въ казну сполна; въ Астраханскую губернію и въ урочища изъ Гурьева-городка вина и водокъ не продавать, подъ страхомъ взысканія по указамъ; 7) если по какимъ-либо соображеніямъ Коллегія Иностранныхъ Дѣлъ разрѣшитъ нѣсколькимъ калмыцкимъ кибиткамъ кочевать при р. Яикѣ у Гурьева-

---

[a]) Въ настоящее время Уральское войско ежегодно вноситъ въ казну за рыболовство по Уралу 1340 р. 77 к. сер.

[b]) Раньше Яицкое войско, по указу Императрицы Анны Іоановны, получало вино съ симбирскихъ казенныхъ заводовъ, въ количествѣ 100 ведръ ежегодно.

городка, то дозволить имъ ловъ рыбы для собственнаго пропитанія, а не для продажи, въ мѣстахъ, указанныхъ имъ Яицкимъ войскомъ; 8) съ соленой красной рыбы и икры, вывозимыхъ въ великороссійскіе города, взимать, вмѣсто прежней 1/10, одну пятую долю[a]. Пошлина съ икры и соленой рыбы была увеличена вмѣсто пошлины за соль „которую бы (сказано въ указѣ) имъ на то соленіе покупать отъ казны должно"; на мелкую же и мерзлую рыбу пошлина оставлена прежняя, т. е., одна десятая. Для сбора пошлинныхъ денегъ велѣно въ удобныхъ мѣстахъ назначить сборщиковъ, снабдить ихъ строжайшими инструкціями и смотрѣть за ними „*неослабно*"; а по истеченіи года Яицкое войско обязано было представлять въ Сенатъ подробныя свѣдѣнія о пошлинныхъ доходахъ, полученныхъ за соль, соленую рыбу, икру и др. рыбные продукты (клей, вязигу); этотъ сборъ причислялся къ общей суммѣ соляныхъ доходовъ въ Имперіи[b].

Вопреки указу 20 декабря 1753 г., которымъ повелѣвалось брать десятую долю только съ соленой рыбы и ея продуктовъ, сборщики брали одну десятую также съ мерзлой рыбы и малосольной икры. Вслѣдствіе этого, войсковой атаманъ Меркурьевъ въ 1754 г. обратился съ жалобой въ Камеръ-Коллегію. Указывая на уничтоженіе сбора за соль, Меркурьевъ замѣчаетъ, что если бы даже и былъ допущенъ этотъ сборъ; то во всякомъ случаѣ уравненіе пошлины съ мерзлой рыбы и малосольной икры съ пошлиной за соленую рыбу и икру не имѣетъ за себя достаточныхъ основаній. Въ подтвержденіе своего мнѣнія, Меркурьевъ вызсказываетъ слѣдующія соображенія, заимствованныя имъ изъ опыта. Въ икру лѣтняго засола, говорилъ онъ, употребляется на 25 пудъ икры отъ 5 до 6 пуд. соли, а на такое же количество икры, приготовляемой изъ мерзлой рыбы,—не болѣе какъ отъ 30 до 40 фунтовъ; однакожъ, не смотря на то, что въ икру лѣтняго засола употребляется соли въ пять или даже шесть разъ болѣе, чѣмъ въ икру изъ мерзлой рыбы, съ первой, по расцѣнкѣ самарскихъ и сызранскихъ сборщиковъ, берется съ воза въ 25 пудъ около полутора рубля десятаго сбора, тогда-какъ съ икры зимняго соленія изъ мерзлой рыбы, требующей гораздо меньше соли, съ бочки въ 25 пудъ соленаго десятаго сбора взимается 4 р. 50 к. Такая несоразмѣрность, замѣчаетъ Меркурьевъ, отяготительна для Яицкаго войска, которое содержится и службы свои отправляетъ, благодаря по преимуществу рыбнымъ промысламъ. Соображенія Меркурьева, какъ человѣка хорошо знакомаго съ дѣломъ, о которомъ онъ говоритъ, не были оставлены безъ вниманія и

---

[a]) П. С. З., т. XIII, №№ 9689 и 9988. Ср. „Уральскія Войсковыя Вѣдомости" 1872 г., № 31.
[b]) П. С. З., т. XIV, № 10334.

въ Петербургѣ. Каморъ-Коллегія въ декабрѣ того же года представила на рѣшеніе Сената мнѣніе, не угодно-ли ему будетъ, съ цѣлію провѣрки показаній атамана Меркурьева, предписать Неплюеву, чтобы онъ „учинилъ дѣйствительную и справедливую пробу“, сколько именно идетъ соли на икру зимняго соленія изъ мерзлой рыбы на бочку въ 25 пудъ, и съ того количества соли, какое окажется въ дѣйствительности необходимымъ для засола икры, и брать соляную пошлину[a]. Сенатъ, раздѣляя вполнѣ мнѣніе Каморъ-Коллегіи, предписалъ Неплюеву сдѣлать надлежащее распоряженіе. Неплюевъ командировалъ въ Яицкій городокъ маіора Пазухина, который, при содѣйствіи войсковыхъ старшинъ, долженъ былъ произвести „дѣйствительную и справедливую пробу“. Пазухинъ, выполнивъ возложенное на него порученіе, сообщилъ, что въ сложности всѣхъ багреной на каждую бочку среднимъ числомъ приходится дерева 2 пуда $28^1/_2$ фунта, въ каждой бочкѣ икры 25 пуд. 18 ф., а соли на это количество потребляется $39^1/_4$ ф. и 22 золотника, такъ-что по указанной цѣнѣ соли расходовалось „на $34^1/_2$ коп. и съ шестью на десять“, или на $35^1/_{10}$ коп. Замѣчательно по этому поводу мнѣніе самого Неплюева. Донося 5 іюня 1755 г. въ Сенатъ о данныхъ, сообщенныхъ ему Пазухинымъ, Неплюевъ писалъ, что такъ-какъ кладка икры при каждомъ багреньѣ не одинакова да и самыя бочки неодинаковой величины; то если положить со всѣхъ бочекъ съ икрой пошлинный сборъ равный, тогда Яицкіе казаки, равно какъ и пріѣзжіе купцы, могутъ дѣлать бочки подъ икру тоньше и больше настоящихъ, въ которыя и соли потребуется уже больше, чѣмъ показано Пазухинымъ. Въ предотвращеніе такихъ злоупотребленій и обмана, Неплюевъ находилъ болѣе выгоднымъ взимать пошлинный сборъ съ малосольной икры такимъ образомъ: съ бочки въ 25 пудовъ, включая сюда и вѣсъ самаго дерева, по 40 коп., „а которыя бочки“,—говоритъ онъ,—„будутъ вѣсомъ въ деревѣ съ икрою болѣе или менѣе, то съ пуда, также и въ мелкихъ посудахъ, какъ-то въ лукошкахъ и туясахъ[b], считая по 2 коп. съ пуда и съ деревомъ, а съ тѣхъ, которыя менѣе пуда, то противъ того, располагая по препорціямъ“. Такой сборъ, по мнѣнію Неплюева, какъ Яицкому войску, такъ и купцамъ, пріѣзжающимъ для покупки малосольной икры, „противъ прежде чиненнаго отяготителенъ быть не можетъ, а въ интересѣ Ея Императорскаго Величества упущенія не воспослѣдуетъ“[c]. Вмѣстѣ съ тѣмъ Неплюевъ распорядился, чтобы въ Са-

---

[a]) П. С. З., т. XIV, № 10334.

[b]) Туясъ—буракъ.

[c]) П. С. З., т. XIV, № 10419.

марѣ и Сызранѣ устроены были, гдѣ нужно, заставы, на которыхъ бы строго наблюдали за провозимой икрой, дабы въ зимнюю пору не вывозили икру, оставшуюся отъ лѣтняго засола, подъ видомъ зимней малосольной икры. Но всегда предусмотрительный Неплюевъ, оберегая интересы казны, не игнорировалъ и частныхъ выгодъ промышленно-торговаго класса, заботливо охраняя ихъ личныя права и преимущества. Распорядившись, чтобы Самарская и Сызранская воеводскія канцеляріи устроили заставы для надзора за вывозимой съ Яика икрой, онъ требовалъ, чтобы рыбопромышленникамъ „никакихъ обидъ и напрасныхъ примѣтокъ не чинили, и не принуждали-бъ купцовъ выкладывать икру изъ бочекъ и изъ мелкихъ судовъ, или обручей снимать, но можно (замѣчаетъ онъ) напаріе малое учинить, и тѣмъ каждое судно пробовать до дна на подобіе того, какъ муку въ куляхъ пробуютъ, отъ чего купцамъ тягости и въ икрѣ траты не будетъ, токмо-бы затѣмъ купцамъ простóю (задержки) и волокитъ чинено не было“ [a]. Сенатъ утвердилъ представленіе Неплюева и, согласно съ мнѣніемъ Камеръ-Коллегіи и Главной Соляной Конторы, постановилъ: „имѣющійся въ городахъ Самарѣ и Сызранѣ на Батрацкой ярмаркѣ и въ пригородахъ Сергіевскѣ и Алексѣевскѣ, съ привозной съ Яику соленой рыбы и ея соленыхъ же припасовъ и икры, вмѣсто соли, десятый сборъ для приращенія интереса отдать на откупъ сызранскому бургомистру Кондалаеву срокомъ на 4 года, начиная съ 1755 года“ [b]. Кондалаевъ обязался вносить въ казну ежегодно, сверхъ прежде бывшаго сбора въ 3716 р. 68½ коп., еще 313 руб. 31½ коп., или въ общей сложности 4030 руб., уплативъ при этомъ въ Камеръ-Коллегію 942 руб. 20 коп. печатныхъ, крѣпостныхъ и др. пошлинъ. Такимъ образомъ казна получила отъ этого откупа 2195 руб. 46 коп. чистаго дохода. Вмѣстѣ съ симъ Кондалаевъ, согласно заключенному съ нимъ контракту, долженъ былъ сбирать пошлину только съ того числа малосольной икры, сколько будетъ употреблено на нее соли. Что касается Оренбурга и приписныхъ къ нему крѣпостей, то пошлинный сборъ съ малосольной икры былъ порученъ вѣдомству и надзору Оренбургской губернской канцеляріи, которая собранныя деньги должна была представлять въ Главную Соляную Контору.

Яицкіе казаки, чтобы вознаградить себя за пошлинный сборъ съ икры въ учрежденныхъ заставахъ, стали вывозить не мало соленой и свѣжей рыбы съ рѣкъ Большаго и Малаго Узеней въ Симбирскій и другіе уѣзды, жители которыхъ и сами пріѣзжали на Узени большими партіями за рыбой. Сенатъ, узнавъ о томъ изъ донесенія полковника Казаринова,

---

[a] Тамъ же.
[b] Тамъ же, № 10696.

указомъ отъ 30 апрѣля 1756 г. запретилъ „съ отысканныхъ симбирскимъ купцомъ Кашинцевымъ соляныхъ узенскихъ озеръ“ какъ Яицкимъ казакамъ, такъ и другимъ брать соль и тузлукъ, о чемъ было сообщено въ Камеръ-Коллегію и въ Главную Соляную Контору, для принятія надлежащихъ мѣръ предосторожности“ [a]. Получивъ въ свое владѣніе устья р. Яика и прилегающій къ нимъ морской участокъ, Яицкое войско естественно должно было озаботиться изысканіемъ мѣръ, которыя бы способствовали свободному и безпрепятственному входу наибольшаго количества рыбъ изъ Каспія въ р. Яикъ. Нужно замѣтить, что противъ самаго Яицкаго городка, теперь Уральска, издавна, еще до уничтоженія Гурьевскихъ учуговъ [b], существовалъ особый учугъ, или деревянная забойка, которая какъ тогда, такъ и теперь зимою и весной разбирается, а лѣтомъ устраивается вновь [c]. Начиная съ этого учуга, препятствующаго уходу рыбы изъ войсковыхъ предѣловъ, и до самаго устья Яика, на всемъ протяженіи рѣки, казаки принимали самыя строгія мѣры къ сохраненію возможной тишины на рѣкѣ въ теченіе всего лѣта, чтобы рыба (особенно красная) спокойно могла входить въ Яикъ и выбирать себѣ мѣста на зиму, извѣстныя у казаковъ подъ именемъ „*ятовей*“ [d]. Кромѣ того, при устьѣ Яика и въ морскомъ участкѣ войсковыхъ водъ былъ организованъ надзоръ за потаеннымъ рыболовствомъ въ неположенное время, когда рыба должна идти изъ моря на зимнія ятови въ рѣку Яикъ, и за обловами астраханскихъ рыбопромышленниковъ [e]. Такимъ образомъ „Яикъ-Горынычъ съ его золотымъ донышкомъ“, какъ величаютъ его Уральскіе казаки въ своихъ пѣсняхъ, издавна служилъ главнымъ источникомъ и средоточіемъ рыболовства Яицкаго войска; но несомнѣнно, что Яицкіе казаки уже и при Неплюевѣ пользовались морскими дачами въ сѣверной части Каспійскаго моря, хотя право на морское рыболовство окончательно утверждено за ними только въ первой четверти XIX столѣтія [f]. Неплюеву, какъ увидимъ, приходилось не разъ мирить Яицкихъ

---

[a] П. С. З., т. XIV, № 10334.

[b] См. челобитную Яицкаго войска отъ 7 декабря 1720 г. въ „Уральск. Войск. Вѣдом.“ за 1869 г., № 33, стр. 6; указъ войсковому атаману Андрею Бородину изъ канцеляріи Оренб. Коммиссіи 26 марта 1742 г. Ср. Н. Бородина: „Уральское казачье войско“, т. I, стр. 365.

[c] Начиная съ 1889 г. учугъ устраивается по измѣненной системѣ съ желѣзной (на половину) рѣшеткой, при чемъ желѣзные прутья въ рамкѣ могутъ быть поднимаемы каждый отдѣльно. Подробности см. въ кн. Н. Бородина: Уральское казачье войско“, т. I, стр. 382—383.

[d] Слово „*ятовь*“ происходитъ отъ татарскаго „*ятты*“, (киргизскаго „*джатты*“), что означаетъ „*лечь*“; казаки называютъ ятовями тѣ мѣста, гдѣ рыба „*ложится*“ на зиму. Тамъ же, стр. 385, пр. I.

[e] Въ 1884 г., для надзора за потаеннымъ рыболовствомъ въ устьяхъ Урала и морскомъ участкѣ Уральскаго войска, построенъ крейсеръ „Уралецъ“, стоившій войску свыше 46000 р., а весною 1890 г. для той же цѣли на Журавлевскомъ заводѣ въ Самарѣ изготовлена за 7500 р. паровая винтовая лодка „Уралка“, см. тамъ же, стр. 368.

[f] Ср. „Уральское казачье войско“ Н. Бородина, т. I, стр. 356.

казаковъ съ астраханскими рыбопромышленниками, которые старались отстоять свои права на учуги и рыбныя ватаги, находившіяся близъ Гурьева-городка. Московскіе купцы Иванъ Володиміровъ да Иванъ Мыльниковъ заявили о своемъ желаніи взять въ аренду отъ казны на десять лѣтъ за 50000 руб. въ годъ „астраханскія, поморскія на Яикѣ въ Гурьевѣ-городкѣ, саратовскія, царицынскія и прочія казенныя рыбныя ловли и учуги и тюленьи промыслы" [a], обѣщаясь пригласить до десяти человѣкъ компанейщиковъ изъ купечества низовыхъ приволжскихъ городовъ. Не смотря на предостереженія Камеръ-Коллегіи, что Володиміровъ и Мыльниковъ люди ненадежные и подозрительные, содержавшіеся раньше подъ арестомъ за злоупотребленія при вымѣнѣ мелкихъ серебряныхъ денегъ [b], правительство согласилось на ихъ предложеніе и заключило съ ними контрактъ [c] на отдачу имъ въ аренду рыбныхъ промысловъ безъ платежа печатныхъ, перекупныхъ, четвертныхъ и другихъ пошлинъ. Арендаторы, между прочимъ, обязались „со вступленія ихъ въ тѣ промыслы, изъ уловленной рыбы икру строить армянскую самую добрую, изъ которой-бы большая часть находилась годной *„въ заморскій отпускъ"*, а также „и домогаться, чтобъ нѣкоторую рыбу строить такимъ манеромъ, дабы она и *въ заморскій отпускъ* годна быть могла; и оную уловленную рыбу и построенные изъ нея рыбные припасы, икру и клей, продавать имъ во всѣхъ городахъ и на ярмаркахъ и у портовъ, гдѣ они похотятъ, повольною цѣною, съ таможенною запискою, безъ платежа таможенныхъ пошлинъ" [d]. Правительство, какъ видно, заботилось о развитіи рыбныхъ промысловъ не только для продовольствія внутри Россіи, но и для отпуска рыбы и ея продуктовъ за границу. Что касается платы арендной суммы, то въ этомъ отношеніи откупщики выговорили себѣ нѣкоторыя льготы: „и за тѣ промыслы (сказано въ кондиціяхъ) сумму по 50000 руб., со вступленія своего въ тѣ промыслы, платить они будутъ въ С.-Петербургѣ, а чего не достанетъ, въ Москвѣ, или гдѣ имъ отъ Правительствующаго Сената повелѣно будетъ, именно: на первый годъ заплатятъ они въ другомъ году, а ежели платежемъ въ томъ году не исправятся, то конечно въ третьемъ году въ первыхъ четырехъ мѣсяцахъ, для того, что имъ, по прошествіи перваго года, всей той суммы сполна въ другомъ году заплатить не возможно: понеже они въ первый годъ будутъ тѣ промыслы размножать, и надобна готовая денежная немалая сумма, да и уловная на тѣхъ промыслахъ рыба

---

[a] П. С. З., т. XI, № 8131.
[b] Тамъ же, стр. 150, столб. 2.
[c] См. кондиціи, заключенныя съ Володиміровымъ и Мыльниковымъ въ П. С. З., т. XI, стр. 151 155.
[d] Тамъ же, стр. 151 и 152.

и прочая въ скоромъ времени къ портамъ прибыть и продана быть не можетъ, а на другіе годы оную всю сумму платить имъ по прошествіи настоящаго года, на который платежъ быть имѣетъ въ другомъ году въ первой генварской трети, безъ всякихъ отговорокъ"[a].—Для наблюденія и и надлежащаго контроля за доходами съ рыбныхъ ловлей, правительство учредило особое управленіе казенными рыбными промыслами въ низовьяхъ Волги и Яика: въ Астрахани была открыта Рыбная Контора, главнымъ командиромъ которой былъ опредѣленъ вице-президентъ Михаилъ Раевскій, а его товарищемъ назначенъ московскій купецъ Иванъ Мыльниковъ на пять лѣтъ, впредь до усмотрѣнія. Кромѣ Астрахани, были также учреждены рыбныя конторы въ Саратовѣ и въ Гурьевѣ-городкѣ; завѣдываніе Саратовской Рыбной Конторой было поручено отставному подполковнику Ѳеодору Матрунину, а Гурьевской—подполковнику (тоже изъ отставныхъ) Ивану Ивашеву, которые были подвѣдомы вице-президенту Раевскому. На увеличеніе и размноженіе рыбныхъ промысловъ было ассигновано 55000 рублей[b]. Въ Астрахани въ это время было до 23 ватажниковъ и у иного купца на его ватагѣ промышляло до 1500 рабочихъ, какъ напримѣръ у Тихона Лошкарева и Ѳеодора Кобятова; здѣсь же находились и богатыя рыбныя ловли, принадлежащія Спасскому монастырю[c]. Близъ Гурьева-городка находились рыболовныя ватаги астраханскаго купца Петра Туркина и красноярскаго—Якова Вокурова[d], арендованныя ими на три года (съ 1754—1757 г.) отъ Астраханской Рыбной Конторы, которая и выдала имъ „памяти", или свидѣтельства на рыбныя ловли. Въ 1755 году Яицкіе казаки, находясь на севрюжьемъ рыболовствѣ, узнали о существованіи этихъ ватагъ отъ атамана сотенной команды Ивана Акутина, который, впрочемъ, не могъ опредѣлить съ точностію мѣста нахожденія отмѣченныхъ ватагъ. Войсковой старшина Андрей Мироновъ, бывшій походнымъ атаманомъ на севрюжьемъ рыболовствѣ, предполагая, что „отъ оной ватаги войску Яицкому не безъ препятствій", немедленно донесъ о томъ войсковому атаману Андрею Бородину, который, предложивъ избрать въ казачьемъ Кругу „настоящихъ и знающихъ" людей, приказалъ произвести слѣдствіе и о результатахъ довести до его свѣдѣнія. Войско избрало для производства слѣдствія войско-

---

[a]) Тамъ же, стр. 152.

[b]) П. С. З., т. XI, № 8730. Ср. №№ 8720 и 8793.—Сл. стр. 254—256 въ настоящ. монографіи, а также „*Истор. Россіи*" С. М. Соловьева, т. XXI, стр. 250.

[c]) Н. А. Поповъ: „Татищевъ и его время", стр. 361.

[d]) Въ „Ур. Войск. Вѣдомостяхъ" (1873 г., № 21) Вокуровъ названъ невѣрно Сокуровымъ.

выхъ старшинъ Якова Колпакова и Осипа Уфимцева и есауловъ Михаила Севрюгина и Максима Пачколина, которые, исполнивъ данное имъ порученіе, донесли, что, по прибытіи ихъ въ Гурьевъ-городокъ, они попросили бывшаго тамъ коммендантомъ капитана Рогова дать имъ четверыхъ казаковъ изъ мѣстной команды; въ сопровожденіи этихъ казаковъ и астраханца Ивана Григорьева Шарова, они отправились въ небольшой лодкѣ и, по указанію Шарова, на Черной рѣчкѣ[a], противъ Слюдныхъ горъ, верстахъ въ 8 отъ Гурьева, они нашли рыболовную ватагу, на мѣстѣ которой были выстроены лабазъ и сосновый амбаръ, покрытые и обнесенные камышемъ. По осмотру, произведенному слѣдователями въ этихъ строеніяхъ, кромѣ сѣтей и другихъ рыболовныхъ принадлежностей, оказались запасы соли и посуда для соленія рыбы, а одинъ работникъ, находившійся на ватагѣ, заявилъ слѣдователямъ, что хозяинъ ватаги—астраханскій купецъ Петръ Туркинъ, который только предъ тѣмъ отправился съ рыбой въ Астрахань. Отъ ватаги Туркина къ устью Яика текли четыре ерика: Калмыцкій, Подстепный, Стрѣлецкій и Прорва, самая же ватага находилась отъ устья р. Яика на разстояніи семи или осьми верстъ. Кромѣ того, слѣдователи узнали также, что въ самомъ Яикѣ ловятъ рыбу солдаты Гурьевскаго гарнизона, о чемъ тогда же было заявлено гурьевскому комменданту капитану Рогову. Мѣстонахожденіе другой ватаги слѣдователи показали приблизительно въ 20 верстахъ отъ Гурьева, гдѣ неподалеку впадали въ море вышеназванные ерики, а въ 10 верстахъ протекалъ Баксайскій ерикъ. Такъ-какъ близъ этихъ ватагъ, кромѣ ильменей съ стоячею водою, другихъ рыболовныхъ мѣстъ не было, то слѣдователи заключили, что Туркинъ и Вокуровъ производятъ ловъ рыбы въ поименованныхъ ерикахъ. Во время осмотра ватагъ Туркина и Вокурова, слѣдователи имѣли при себѣ, въ качествѣ посторонняго свидѣтеля, кондуктора Петра Протопопова. Донося войсковому атаману о результахъ своего осмотра, слѣдователи приложили и копіи „съ памятей", выданныхъ ватажникамъ изъ Астраханской Рыбной Конторы. На сколько можно судить по этимъ „памятямъ", условія, заключенныя ватажниками съ Астраханской Рыбной Конторой, были стѣснительны для рыботорговцевъ. Согласно кондиціямъ, рыбопромышленники обязывались обработывать клей, добываемый изъ рыбы, только однимъ такъ

---

[a]) Черная рѣчка, по донесенію слѣдователей, соединяла тогда р. Яикъ съ Каспійскимъ моремъ и отличалась быстрымъ теченіемъ, имѣя до трехъ саженъ глубины; на картѣ же 1745 г., составленной геодезистомъ Чичаговымъ, Черная рѣчка съ р. Яикомъ не соединена, хотя разстояніе между ея верховьемъ и р. Яикомъ весьма незначительно, такъ-что въ весеннее половодье она, безъ сомнѣнія, соединялась съ Яикомъ (Ураломъ).

называемымъ *скопчатымъ* образомъ по тѣмъ образцамъ, которые выдавались имъ изъ Рыбной Конторы; кромѣ того, они не смѣли продавать его частнымъ лицамъ, а все количество добытаго клея должны были безденежно и безъ утайки представлять въ казну. Икру позволялось дѣлать только зернистую и ни въ какомъ другомъ видѣ не продавать ее, подъ угрозой строгой отвѣтственности. Такія стѣснительныя условія повели къ тому, что началась контрабандная продажа икры и клея; такъ въ іюлѣ 1755 года въ Чаганскихъ вершинахъ, верстахъ въ 25 отъ Яицкаго городка, было задержано десять подводъ съ рыбнимъ клеемъ въ количествѣ 250 пудовъ[a]. Изъ показаній возчиковъ обнаружилось, что этотъ клей былъ отпущенъ съ ватагъ Туркина и Вокурова. Между тѣмъ войсковой атаманъ Бородинъ, получивъ доношеніе слѣдователей Уфимцева, Колпакова и др., не замедлилъ сообщить о томъ Военной Коллегіи, приложивъ къ дѣлу копіи съ „памятей“, выданныхъ ватажникамъ изъ Астраханской Рыбной Конторы, и съ показаній возчиковъ, задержанныхъ съ клеемъ. Воспользовавшись благопріятнымъ случаемъ, атаманъ Бородинъ писалъ въ Военную Коллегію, что „въ этотъ годъ на весеннемъ рыболовствѣ былъ въ рыбѣ великій недоловъ, отчего войску Яицкому причинилось крайнее разореніе и недостатки“, и что плату за Гурьевскіе учуги оно было вынуждено сбирать „по себѣ и платить спуста“; что „Военной Коллегіи довольно извѣстно, что войско Яицкое только отъ рыбной ловли все свое содержаніе имѣетъ и на томъ весь корпусъ содержится, а иныхъ никакихъ промысловъ не имѣетъ“ [b].—Въ заключеніе всего, атаманъ просилъ отъ имени всего Яицкаго войска, чтобы Оренбургской и Астраханской губернскимъ канцеляріямъ предписано было произвести о ватагахъ слѣдствіе; самыя ватаги просилъ уничтожить, а „убытки, нанесенные Яицкому войску чрезъ недоловъ рыбы и напрасную плату за Гурьевскіе учуга, съ кого будетъ слѣдовать, взыскать“. Военная Коллегія заподозрила въ выдачѣ „памятей“ на эти ватаги подлогъ, такъ-какъ дозволеніе Астраханской Рыбной Конторы завести въ означенныхъ мѣстахъ частныя ватаги противорѣчило 19 пункту контракта, заключеннаго съ Яицкимъ войскомъ, и дѣло передано было въ Камеръ-Коллегію. Въ то же время Астраханской и Оренбургской губернскимъ канцеляріямъ было предписано произвести наистрожайшее слѣдствіе, съ назначеніемъ отъ Яицкаго войска войсковаго старшины и особаго депутата, и по изслѣдованіи дѣла, „нанесенные войску

---

a) Уральск. Войск. Вѣдомости 1873 г., № 21. Ср. Рябининъ. Уральское казачье войско, ч. I, стр. 187.

b) Тамъ же.

Яицкому убытки, съ кого надлежитъ, взыскать, войско немедленно удовлетворить и съ виновными учинить по указамъ, безъ всякаго упущенія". Тогда же было постановлено, чтобы въ означенныхъ мѣстахъ ватагъ, а равно и рыбной ловли не было.

Причины столкновеній Яицкаго войска съ астраханскими рыбопромышленниками очевидно заключались въ томъ, что правительство, отдавая Яицкому войску на откупъ рыбныя ловли, не обозначило точнымъ образомъ районовъ вѣдомства Саратовской и Астраханской рыбныхъ конторъ отъ урочищъ войсковыхъ рыбныхъ промысловъ, такъ-что опредѣленной грани между водами тѣхъ и другихъ не было. Чтобы положить конецъ подобнымъ столкновеніямъ на будущее время, Неплюевъ, въ силу предписанія Военной Коллегіи, вошелъ въ сношеніе съ Астраханской губернской канцеляріей о производствѣ слѣдствія, относительно ватагъ Туркина и Вокурова. Астраханская канцелярія назначила слѣдователемъ адъютанта Носкова, а Оренбургская—капитана Толстова, которые, при содѣйствіи войсковаго старшины Миронова, и должны были произвести слѣдствіе. Носковъ и Толстовъ, по прибытіи на мѣсто, заявили, что ватаги, заведенныя купцами Туркинымъ и Вокуровымъ, могутъ быть оставлены подъ тѣмъ только условіемъ, чтобы ватажники производили ловъ рыбы въ морѣ, противъ Маячнаго бугра, не уклоняясь на В. къ Черной рѣчкѣ и на З. къ Баксаю, такъ-какъ это могло-бы помѣшать ходу рыбы изъ моря упомянутыми рѣчками въ Яикъ. Неплюевъ съ своей стороны призналъ за лучшее, чтобы вовсе не было ватагъ на этомъ мѣстѣ, тѣмъ болѣе, что существованіе ихъ въ означенныхъ мѣстахъ противорѣчило контракту, заключенному съ Яицкимъ войскомъ, и могло снова повести къ спорамъ и разбирательству претензій между астраханскими рыбопромышленниками и казаками. Представляя свое мнѣніе на заключеніе Камеръ-Коллегіи, Неплюевъ 11 іюля 1756 года препроводилъ и ландкарту, присланную Толстову изъ Астраханской канцеляріи; на этой ландкартѣ были означены всѣ впадающія въ р. Яикъ притоки, а также истекавшія изъ нея рѣчки и ерики проточные и глухіе, заросшіе камышомъ. Камеръ-Коллегія нашла эту ландкарту невѣрной, и потому 19 іюня 1757 года предписала Оренбургской и Астраханской канцеляріямъ назначить новую слѣдственную коммиссію, составивъ ее на этотъ разъ изъ товарища астраханскаго губернатора, одного надежнаго штабъ-офицера отъ Оренбургской губернской канцеляріи и депутата изъ старшинъ Яицкаго войска. Вновь организованная коммиссія должна была, при постороннихъ свидѣтеляхъ изъ гурьевскихъ жителей, составить вѣрный планъ всѣхъ вышеозначенныхъ мѣстъ и особую ландкарту, означивъ на ней, „какіе изъ р. Яика имѣются протоки, ерики и рѣчки, и

всѣ-ль оные проточные или изъ нихъ есть глухіе и заросшіе камышемъ". Слѣдователи должны были также разузнать, не было ли въ указанныхъ мѣстахъ еще другихъ ватагъ, кромѣ упомянутыхъ, за кѣмъ и на какихъ оброкахъ онѣ состоятъ, въ какомъ разстояніи находятся эти ватаги отъ Гурьева и Яицкаго городка. Та же коммиссія обязана была опредѣлить съ точностью, „по какія именно урочища на морѣ" могла бы отдавать воды на оброкъ Астраханская Рыбная Контора, дабы войску Яицкому „никакого уже помѣшательства въ ловлѣ рыбы произойти не могло". По окончаніи слѣдствія, коммиссія должна была сообщить о результатахъ въ Астраханскую и Оренбургскую канцеляріи, которыя, снесясь между собою, обязаны были представить свое мнѣніе на заключеніе Камеръ-Коллегіи, и, до рѣшенія этого дѣла, никого въ спорныхъ мѣстахъ къ лову рыбы не допускать.

Оренбургская губернская канцелярія назначила слѣдователемъ секундъ-маіора Вилярскаго полка Останкова, а изъ Астрахани отправился на мѣсто слѣдствія товарищъ астраханскаго губернатора Гнѣвашевъ. Въ распоряженіе Останкова былъ данъ геодезистъ Весельковъ, а въ избѣжаніе ошибокъ, при составленіи новой ландкарты, имъ вручена была копія съ ландкарты, бывшей у Толстова, которая могла-бы служить нагляднымъ доказательствомъ недостатковъ предшествовавшаго слѣдствія, произведеннаго Толстовымъ, Носковымъ и Мироновымъ; новую ландкарту велѣно было составить въ двухъ экземплярахъ, изъ коихъ одинъ предназначался для Астраханской, а другой для Оренбургской губернской канцеляріи. Неплюевъ немедленно извѣстилъ Яицкое войско о назначеніи въ слѣдователи Останкова, а Гурьевской канцеляріи было предписано не допускать ни кого до лова рыбы въ спорныхъ мѣстахъ, гдѣ находились ватаги Туркина и Вокурова. Останковъ, получивъ указъ Камеръ-Коллегіи и подробную инструкцію, отправился, въ сопровожденіи геодезиста Веселькова, къ мѣсту своего назначенія чрезъ Яицкій городокъ, чтобы взять съ собою старшину Синицына, избраннаго войскомъ для соучастія въ производствѣ слѣдствія. Къ началу сентября того же года слѣдствіе было закончено, а 11 сентября Останковъ доносилъ, что „хотя Баксай сверху изъ р. Яика въ море теченія нынѣ не имѣетъ, но весною, во время полой воды, изъ р. Яика къ морю теченіе бываетъ; поэтому (писалъ онъ), дабы впредь отъ Яицкаго войска никакихъ въ помѣшательствѣ затрудненій не происходило, по общему ихъ разсужденію, назначено внѣ р. Баксая къ Астрахани въ 12 верстахъ межой урочище, чрезъ называемый Богатый Култукъ[a]), по возморью при концѣ перваго Пороховаго

---

[a]) „Култукъ" (слово киргизское) значитъ заливъ.

бугра, гдѣ находится Крутой яръ, а по лѣвую сторону при устьѣ рѣчки Соколка на Гранномъ бугрѣ". Правая грань отъ устья рѣки Яика къ Астрахани проходила чрезъ урочища Маячный бугоръ и Турыжниковъ, чрезъ Бакеайскую косу и Богатый Култукъ до Пороховаго бугра, на протяженіи 67 верстъ и 200 саж.[a]), а лѣвая граница морскихъ владѣній, простиравшаяся отъ устья Яика до Соколка, равнялась 43 верстамъ и 430 саж., такъ-что длина всей рыболовной морской линіи Яицкихъ казаковъ заключала въ себѣ почти *сто одинадцать съ половиною* верстъ[b]). Такимъ образомъ мы видимъ, что границы морскихъ водъ, принадлежащихъ Яицкому войску, были опредѣлены съ точностію еще при Неплюевѣ, благодаря его заботамъ объ экономическихъ интересахъ войска, и если впослѣдствіи снова возникалъ споръ изъ-за этихъ границъ, то это обусловливалось вовсе не тѣмъ, что будто опредѣленныхъ границъ не было, какъ думаетъ о томъ г. Данилевскій[c]),—всѣ споры, возникавшіе послѣ у казаковъ съ частными рыбопромышленниками, какъ и знаменитый споръ съ Уральскимъ войскомъ князя Юсупова, тянувшійся болѣе 20 лѣтъ, зависѣли отъ своевольства и насильственныхъ захватовъ казачьихъ водъ рыбопромышленниками, которые не желали даже и узнавать дѣйствительныхъ границъ между своими и казачьими водами въ сѣверной части Каспійскаго моря, но границы эти, какъ оказывается, были.

Нѣкоторые изъ астраханскихъ рыбопромышленниковъ имѣли свои ватаги даже близъ устья р. Эмбы, какъ напримѣръ астраханскій купецъ Алексѣй Курочкинъ. Неплюевъ нашелъ это неудобнымъ, въ виду неизбѣжныхъ столкновеній съ киргизами, которые, пользуясь отдаленностью мѣста отъ казачьихъ форпостовъ, не рѣдко нападали на рыбопромышленниковъ, грабили ихъ и увозили въ плѣнъ. Когда въ 1750 году киргизы, считая „тѣ мѣста своими, морской рыбный станъ (Курочкина) и работныхъ людей осадомъ осадили", Астраханская канцелярія просила Оренбургскую канцелярію распорядиться, чтобы „киргизъ-кайсакамъ то чинить запретить, и рыбному-бъ стану разоренія и людямъ взятья въ плѣнъ не происходило"[d]). Неплюевъ, въ отвѣтъ на это, писалъ въ Коллегію Ино-

---

a) Въ 1817 г. здѣсь, по указанію войсковыхъ депутатовъ полковника Буренина и есаула Чегнахаева, была найдена и освидѣтельствована межевая яма съ каменями и угольями, доказывающая старинную границу морскихъ владѣній Уральскаго войска.

b) См. Спорное дѣло Урал. казаковъ съ кн. Юсуповымъ изъ-за права на владѣніе Богатокултукскими водами, начатое въ 1803 г. и конченное, въ пользу войска, въ 1826 г. По описи бумагъ І. И. Желѣзнова № 15.

c) Изслѣдованіе о состояніи рыболовства въ Россіи, т. III, стр. 30.

d) Указъ изъ Колл. Ин. Дѣлъ Неплюеву, отъ 18 іюня 1750 г. за № 235. Въ Тург. Арх. Указы 1750 г., № 23, л. 109.

странныхъ Дѣлъ, что „онаго Курочкина рыбной станъ уже далѣе Яицкаго устья, за форпостами къ устью р. Эмбы и близъ кочевья степныхъ народовъ, и киргизъ-кайсаки, видя за форпостами и къ себѣ въ близости, набѣгомъ и нападеніемъ на оный, а особливо къ увозу имѣющихся тамо отъ него Курочкина людей соблазняться причину имѣютъ, а охранять оной съ Яицкихъ форпостовъ или взятыхъ ими въ плѣнъ людей отыскивать невозможно“[a].—Коллегія Иностранныхъ Дѣлъ, имѣя въ виду незначительность доходовъ для казны отъ ватагъ Курочкина, вполнѣ согласилась съ мнѣніемъ Неплюева и предписала Камеръ-Коллегіи: „ту отданную купцу Курочкину рыбную ловлю съ него снять, и впредь никого тамо рыбу ловить не допускать“[b]. Неплюевъ тѣмъ болѣе могъ желать этого, что среди киргизовъ распространился слухъ, будто на мѣстѣ ватагъ Курочкина „ко вреду ихъ строится россійская крѣпость“, какъ онъ доносилъ о томъ въ Коллегію Иностранныхъ Дѣлъ, отъ 9 мая 1750 года[c].—Между тѣмъ, Яицкое войско, чтобы окончательно оградить свои интересы въ рыболовствѣ, стало хлопотать объ отдачѣ ему казною и солянаго сбора. Выше мы видѣли[d], что этотъ сборъ отданъ былъ въ аренду Кондалаеву и, конечно, приносилъ имъ большія выгоды. Сенатъ уважилъ просьбу войска и указомъ 18 февраля 1758 г. опредѣлилъ: отдать войску Яицкому съ 1 января 1759 года въ аренду сборъ, производившійся съ соленой рыбы и ея продуктовъ въ Самарѣ, Сызранѣ, на Батрацкой ярмаркѣ, въ Сергіевскѣ и Алексѣевскѣ,—и отдать безъ торговъ, по тогдашнему окладу арендной платы, за 4588 р. 17$^1/_2$ коп., присоединивъ къ этой суммѣ сборъ съ той икры и соленой рыбы, которыя будутъ проданы въ Оренбургѣ и полинейныхъ крѣпостяхъ, куда Яицкіе казаки только возили рыбу и ея продукты[e]. Этотъ послѣдній сборъ, какъ оказалось, составилъ 415 руб. 67 коп., такъ-что вся арендная плата равнялась 5003 р. 84$^1/_2$ коп., или по настоящему курсу на серебро 1429 р. 67$^3/_4$ к.,—сумма, которую до сихъ поръ Уральское войско вноситъ въ Государственное Казначейство. Съ отмѣною налога на соль, этотъ сборъ составляетъ не болѣе, какъ косвенный мѣстный налогъ на рыболовство и, безъ сомнѣнія, зависитъ въ своихъ размѣрахъ отъ того или другаго залова рыбы въ данный годъ; не смотря на то, онъ еще на долго останется одною изъ наиболѣе доходныхъ статей для Уральскаго войска, по заявленію самихъ же уральцевъ[f]. Ученый путешественникъ

---

[a]) Тамъ же, л. 110. Промеморія изъ Колл. И. Дѣлъ въ Камеръ-Коллегію, отъ 14 іюня 1750 г. (Копія).
[b]) Тамъ же, л. 111.
[c]) Тамъ же, л. 110 на оборотѣ.
[d]) См. стр. 631 въ настоящ. моногр.
[e]) П. С. З., т. XIV, № 10800.
[f]) Н. Бородинъ. Уральское казачье войско, т. I, стр. 859, 877 и 878.

XVIII в. Палласъ замѣчаетъ о рыболовствѣ Яицкихъ казаковъ: „рыбная ловля нигдѣ въ Россіи столь хорошо не расположена и законами не ограничена, какъ въ здѣшнемъ мѣстѣ“ [a]. По заявленію г. Бородина, спеціально знакомаго съ современнымъ состояніемъ рыболовства на Уралѣ, „это мнѣніе Палласа можно, съ извѣстной точки зрѣнія, повторить и по отношенію къ настоящему времени“ [b].—Вся система войсковыхъ рыболовствъ составляетъ строго организованное рыбное хозяйство, гдѣ все разсчитано на то, чтобы съ одной стороны всѣхъ участниковъ рыболовства поставить въ одинаковыя условія для залова рыбы, не давая какого-либо преимущества капиталу, а съ другой — чтобы выловить рыбу даннаго района рѣки съ наименьшей затратой труда и времени и притомъ въ такую пору года, когда рыба и ея продукты цѣнятся дороже [c]. Чтобы каждый казакъ имѣлъ, по возможности, одинаковую надежду на заловъ рыбы, войско, издревле имѣя рѣку Уралъ въ общемъ владѣніи, само выработало и ввело общія и обязательныя правила для всѣхъ рыболововъ съ точнымъ опредѣленіемъ времени, мѣста и орудій рыболовства [d]. Такимъ образомъ Яицкое войско, благодаря Неплюеву, получило въ свое владѣніе воды, изобилующія рыбой, которыми пользуется и до сихъ поръ: *все нижнее теченіе Урала, на протяженіи почти 600 верстъ, и сѣверный районъ Каспійскаго моря болѣе чѣмъ на сто верстъ принадлежатъ безраздѣльно Уральскому войску,* для котораго рыболовство составляетъ весьма важное подспорье въ экономическомъ отношеніи, — пусть же память о Неплюевѣ никогда не умретъ среди сыновъ р. Урала. Но мудрый администраторъ края особенно заботился о насажденіи и развитіи горнозаводской промышленности въ Оренбургскомъ краѣ, на чемъ мы теперь и остановимся.

---

[a] Путешествія, т. I, стр. 422. Изд. 2.

[b] Уральское казачье войско, т. I, стр. 357.

[c] Тамъ же, стр. 272.

[d] О времени, системѣ, способахъ, орудіяхъ и выгодахъ рыболовства Уральскаго войска см. подробности въ кн. Н. Бородина. „Уральское казачье войско“. т. I, стр. 271—298, 351—469.

ГЛАВА XXII.

Горнозаводская промышленность въ Оренбургскомъ краѣ при Неплюевѣ.—Иванъ Борисовичъ Твердышевъ, какъ основатель горнозаводскаго дѣла въ краѣ.—Мѣдеплавильные и желѣзодѣлательные заводы въ Оренбургскомъ краѣ при Неплюевѣ.—Выгоды частныхъ заводчиковъ и казны.—Общій взглядъ на состояніе горнозаводской промышленности послѣ Твердышева.—Минеральныя и другія природныя богатства Оренбургскаго края, открытыя при Неплюевѣ.

„Плутонъ въ разсѣлинахъ мятется,
Что Россамъ въ руки предается
Драгой его металлъ изъ горъ,
Который тамъ натура скрыла;
Отъ блеска днѐвнаго свѣтила
Онъ мрачный отвращаетъ взоръ".
Ломоносовъ.

„Во многихъ мѣстахъ лежавшіе отъ начала праздно въ недрахъ земныхъ минералы стараніемъ моимъ сдѣлались открыты, а посему и желающіе явились заводить разные заводы, коихъ польза какъ общая, такъ и частная заводчиковъ всѣмъ уже извѣстна":
Неплюевъ.

Попытки къ добыванію и обработкѣ рудъ были сдѣланы еще въ до-Петровской Руси, хотя въ самыхъ незначительныхъ размѣрахъ, представляя лишь случайный промыселъ [a]. Съ начала XVIII столѣтія горное дѣло получаетъ значеніе одной изъ важнѣйшихъ отраслей государственнаго хозяйства Россіи; Петръ Великій первый проводитъ мысль о необходимости распространенія спеціальныхъ знаній по горному производству, чтобы дать надлежащее развитіе этому полезному дѣлу. Въ 1700 г. онъ, при помощи Приказа Большой Казны, учреждаетъ особый Приказъ Рудокопныхъ Дѣлъ, закрытый въ 1711 г. и затѣмъ снова возстановленный въ 1715 г. [b].

Проэкты саксонца Блюэра, посвятившаго нѣсколько лѣтъ изученію

---

[a] Акты Истор., т. IV, № 221; т. V, №№ 72, 257. Ср. П. С. З., т. I, №№ 296, 391 и 392. Спб. Вѣстн. 1819 г., ч. VII, стр. 144.

[b] П. С. З., т. IV, №№ 1812 и 2370; т. V, 2908.

геологическихъ свойствъ Восточной Россіи, послужили началомъ правильнаго развитія горнаго дѣла; знанія и энергическая дѣятельность Геннина[a]), предпріимчивость и богатства Строгановыхъ и Демидовыхъ открыли дальнѣйшій благопріятный ходъ горному производству, поощряемому со стороны Русскаго правительства различными льготами. Купцы, устроявшіе заводы, были освобождаемы отъ службы, тѣмъ же правомъ пользовались и первые ихъ товарищи, равно какъ и тѣ, которые входили съ ними въ соглашеніе или компанію по устройству заводовъ не позже полуторагодичнаго срока, со времени открытія заводовъ первыми. Кромѣ того заводчики получили право скупать заселенныя имѣнія, но не иначе, какъ только для заводовъ и каждый разъ съ особаго разрѣшенія Бергъ-Коллегіи. Наконецъ заводчикамъ, какъ и фабрикантамъ, была открыта дорога къ дворянству. Петръ Великій съ своей стороны лично старался содѣйствовать успѣхамъ предпріятія заводчиковъ, вступая въ непосредственныя сношенія съ ними: онъ посѣщалъ ихъ дома и воспринималъ при крещеніи ихъ дѣтей; публично выражалъ уваженіе къ ихъ дѣятельности и давалъ указанія, какъ лучше вести дѣло; оказывалъ разныя вспоможенія деньгами, машинами и т. п. Петръ Великій смотрѣлъ даже сквозь пальцы на то, что заводовладѣльцы, какъ Демидовъ, принимали къ себѣ бѣглыхъ, обращая ихъ въ рабочихъ; извѣстно, что не пренебрегали бѣглыми и на казенныхъ заводахъ, гдѣ послѣ второй ревизіи оказалось ихъ 2357 человѣкъ[b]). Всѣ эти льготы и привиллегіи промышленно-торговаго класса вытекали изъ убѣжденія Петра, что *„свободная торговля и искусное рукодѣліе составляютъ изобиліе и силу государства*[c]), а чтобы дать большее развитіе этой силѣ, Преобразователь Россіи считалъ необходимымъ вызвать наружу природныя богатства земли и дать имъ надлежащую цѣну и соотвѣтствующій знаніямъ и потребностямъ времени видъ. Благодаря отмѣченнымъ условіямъ, стали возникать заводы близъ Витки, Верхотурья, Казани[d]) и въ другихъ для того удобныхъ мѣстахъ. На самомъ водораздѣлѣ Камской и Обской системъ былъ построенъ городъ Екатеринбургъ, который потомъ и сдѣлался центромъ горнаго управленія сибирскихъ, уральскихъ и пермскихъ заводовъ. Промышленники стали постепенно стремиться далѣе, на Ю. отъ Екатеринбурга, знакомясь съ природными богатствами башкирскихъ земель, не смотря на противодѣйствіе со стороны самихъ башкиръ. Въ 1720 г. состоялся высо-

---

[a]) Горный Журналъ 1826 г., №№ 1–5, 9; 1827 г., №№ 1, 2, 5; 1828 г., № 2.

[b]) П. С. З., т. XIV, № 10164.

[c]) Семеновъ. Истор. изученіе о росс. торговлѣ и промышленности съ XVIII в., т. I, стр. 3

[d]) Н. А. Поповъ. Татищевъ и его время, стр. 135.

чайшій указъ, которымъ повелѣвалось Бергъ-Коллегіи вѣдать уфимскіе мѣдные и желѣзные заводы, а приписываемые къ нимъ крестьяне освобождались отъ всѣхъ податей и другихъ денежныхъ сборовъ[a]. Въ то же время правительство приглашало башкиръ къ содѣйствію въ отысканіи рудъ на ихъ земляхъ, поощряя къ тому разными наградами и обѣщаніями привиллегій. Мы не будемъ входить въ подробное разсмотрѣніе правительственныхъ мѣръ, по отношенію къ горнозаводской промышленности вообще, и тѣхъ льготъ и привиллегій, которыми преемники Петра Великаго отмѣтили свое царствованіе[b]; замѣтимъ только, что, не смотря на всѣ затрудненія, съ однихъ казенныхъ заводовъ получено чистой прибыли 113,808 р. 63 коп.; на одномъ Екатеринбургскомъ заводѣ съ 1724—1737 г. было добыто 1,906,900 п. 5¾ ф. чугуна; 2,210,422 п. и 5 ф. полосоваго желѣза; 62,549 п. и 36¾ ф. колотаго; 235,565 п. и 17¾ ф. пищальнаго; 32855 п. и 5¼ ф. дощатаго; 70,267 п. и 38½ ф. укладу; 29318 п. и 12 ф. стали, а всего (чугуна, желѣза и стали) въ общей сложности 4,547,878 пуд. 31 ф., или болѣе чѣмъ 4½ милліона пудовъ[c]. Приведенныя цифры довольно внушительны и достаточно говорятъ за успѣхъ горнаго дѣла. Что касается числа заводовъ, то въ 1734 г. ихъ было 30, изъ нихъ 11 казенныхъ и 19 частныхъ, въ числѣ послѣднихъ 14 заводовъ принадлежали Демидовымъ[d]. Въ 1737 г. считалось уже болѣе 40 заводовъ, но собственно въ Оренбургскомъ краѣ до Неплюева не было ни одного завода, не смотря на изобиліе разныхъ рудъ въ этомъ краѣ.

Кирилловъ первый указалъ на богатство рудъ въ Оренбургскомъ краѣ. Рычковъ, его ближайшій сотрудникъ, между прочимъ, говоритъ: „по проэктамъ статскаго совѣтника Кириллова къ построенію города Оренбурга между прочими представленными отъ него пользами и прогрессами, немало уважено было изобрѣтеніе всякихъ металловъ и минералловъ, и заведеніе *горныхъ заводовъ*, которыхъ *по то время въ здѣшнихъ мѣстахъ ни одного не было*, въ чемъ онъ не только въ Башкиріи, но и въ Киргизъ-Кайсацкихъ мѣстахъ не малую надежду подавалъ“ [e]. Въ виду этого,

---

[a] П. С. З., т. VI, №№ 3679, 3700 и 3711.

[b] Подробн. смотр. въ изслѣдованіи Н. А. Попова: „Татищевъ и его время“ (стр. 134—161); въ сочиненіи Семенова: „Истор. изученіе свѣдѣній о россійской торговлѣ съ XVIII в.“ (стр. 237 и д. въ I части); въ сочиненіи Германа: „Описаніе заводовъ, бывшихъ подъ вѣдомствомъ Екатеринбургскаго горнаго начальства“, (Екатер. 1808 г.) и его же: „Начертаніе горнаго дѣла въ Росс. Имперіи“.

[c] Н. А. Поповъ: Татищевъ и его время, стр. 137, 159—160.

[d] Остальные заводы принадлежали Строгановымъ, Осокинымъ, Турчанинову, Тряпицыну и др.

[e] Топогр. Оренб. губ., ч. II, стр. 390. Изд. 1887 г., а въ изд. 1763 г., ч. II, стр. 221.

въ инструкціи, данной Кириллову при его отправленіи въ Оренбургскую экспедицію, было сказано, чтобы онъ „прилагалъ крайнее стараніе о сыскѣ рудъ и минералловъ и о заведеніи заводовъ"[a]. По прибытіи въ Уфу, Кирилловъ, познакомившись съ лучшими башкирскими старшинами, старался по свидѣтельству Рычкова: „пристойнымъ образомъ пріохочивать ихъ къ прінску и указанію рудныхъ и минеральныхъ мѣстъ, и еще до выступленія его въ первый походъ для заложенія Оренбурга, истребовалъ изъ Екатеринбурга одного горнаго офицера, штейгеровъ и другихъ служителей, которые при немъ въ томъ первомъ походѣ и находились, и по тракту его на разныхъ мѣстахъ многія мѣдныя и желѣзныя руды обыскали, а по примѣру ихъ и сами башкирцы изъ награжденія рудные камни и признаки объявлять стали"[b]. Узнавъ о богатствѣ рудныхъ залежей въ окрестностяхъ Табынска, Кирилловъ положилъ устроить здѣсь казенный заводъ для выплавки мѣди; онъ, по свидѣтельству Рычкова, надѣялся „въ такое дѣйство и размноженіе его привесть, чтобъ на каждый годъ чистой мѣди тысячъ до пятидесяти и болѣе пудъ на семъ заводѣ выплавливать"[c]. Не смотря на сомнѣніе въ томъ Татищева, главнаго начальника сибирскихъ и казанскихъ заводовъ, Кирилловъ поручилъ балахонцу Ивану Утятникову построить заводъ, при помощи „горныхъ служителей". Въ десяти верстахъ отъ Табынской крѣпости, на р. Воскресенкѣ, у подошвы Воскресенской горы, отъ которой получила свое названіе и самая рѣчка Воскресенка, въ 1736—1737 г. шла дѣятельная работа по устройству Воскресенскаго мѣдеплавильнаго завода и дѣло уже близилось къ концу; но начавшійся мятежъ среди башкиръ помѣшалъ его окончанію, а смерть Кириллова „сіе его намѣреніе и вовсе уничтожила"[d]. Ближайшіе преемники Кириллова по управленію краемъ должны были обратить все свое вниманіе на усмиреніе башкиръ и устройство края въ стратегическо-военномъ отношеніи, такъ-что до Неплюева ничего не было сдѣлано по устройству заводовъ и развитію горнозаводской промышленности въ краѣ.

Между тѣмъ внѣшнее и внутреннее состояніе Россіи требовало въ это время такой финансовой экономіи, которая бы, не истощая денежныхъ средствъ казны, содѣйствовала развитію производительныхъ силъ государства; въ примѣненіи къ горному дѣлу такая экономія выразилась позволеніемъ разработывать руды частнымъ лицамъ. Въ бергъ-регламентѣ,

---

[a] См. пункты 15, 16, 17 и 18-й „Инструкціи"; ср. и пунктъ 27-й той же „Инструкціи".

[b] Топогр. Оренб. губ., стр. 391—392. Изд. 1887 г.

[c] Тамъ же, стр. 392.

[d] Тамъ же. Ср. въ настоящ. монографіи стр. 385.

изданномъ въ 3 день марта 1739 г., между прочимъ, было сказано, что „казенные заводы, для многихъ оконечностей и излишнихъ иждивеній, не столь прибыточны и государству полезны, какъ оные, которые на иждивеніи частныхъ людей содержатся: ибо партикулярные люди, имѣя заводы и фабрики въ своемъ собственномъ владѣніи, для лучшей своей пользы, стараніе прилагаютъ всякимъ удобовозможнымъ образомъ тѣ заводы и фабрики распространять, а на заводахъ заводятъ разныя фабрики и дѣлаютъ всякія вещи къ употребленію домашнему, отчего тѣ фабрики въ государствѣ размножаются и въ лучшее состояніе приходятъ“[a]. Эти надежды правительства на частную предпріимчивость и предстояло теперь осуществить въ Оренбургскомъ краѣ Неплюеву, но при тогдашнемъ состояніи края сдѣлать это было не легко: туземное населеніе представляло грубую массу, совершенно неприготовленную къ развитію природныхъ силъ страны; колонизація края совершалась медленно; частныхъ капиталистовъ въ виду не было къ тому же не доставало опытности и знанія,—словомъ, все было бѣдно и неустроено, когда Неплюевъ прибылъ въ Башкирію. Однакожъ, не смотря на такія неблагопріятныя условія для горназаводской промышленности, Неплюевъ приступилъ къ посильному осуществленію видовъ правительства, относительно горнаго дѣла въ Оренбургскомъ краѣ, избравъ себѣ помощникомъ въ этомъ предпріятіи Ивана Борисовича Твердышева, одного изъ энергичныхъ вольныхъ колонизаторовъ Башкиріи.

И. Б. Твердышевъ былъ *симбирскій* купецъ[b] и отличался неутомимою предпріимчивостью, знаніемъ промышленнаго и горнаго дѣла и въ особенности—примѣрною честностью, чтò тогда было весьма рѣдкимъ явленіемъ. Онъ началъ свое промышленное поприще въ мѣщанскомъ званіи съ торговли мясомъ. Въ то время, когда Неплюевъ узналъ о нравственныхъ качествахъ Твердышева, послѣдній жилъ въ Симбирскѣ, будучи уже купцомъ, и пользовался всеобщимъ уваженіемъ за опытность въ своемъ дѣлѣ и нелицемѣрное желаніе быть полезнымъ обществу. Желая ближе ознакомиться съ Твердышевымъ, Неплюевъ предложилъ ему поставку провіанта въ Оренбургъ, что и было выполнено Твердышевымъ съ знаніемъ дѣла и полною добросовѣстностью. Узнавъ о намѣреніи Неплюева положить начало горнозаводской промышленности въ Оренсургскомъ краѣ, Твердышевъ, въ надеждѣ на его содѣйствіе и помощь, изъявилъ желаніе заняться гор-

---

[a]) П. С. З., т. XI, № 8571. Слич. „Татищевъ и его время“ Н. А. Попова, стр. 161.

[b]) И. Б. Твердышевъ въ иныхъ указахъ (см. напр. въ П. С. З., т. XII, № 8921) названъ невѣрно сибирскимъ купцомъ, что, вѣроятно, объясняется ошибкою писцовъ и недосмотромъ корректоровъ.

нымъ дѣломъ, если только казна позволитъ ему возобновить разрушенный мѣдеплавильный Воскресенскій заводъ. Такимъ образомъ Твердышевъ самъ какъ-бы шелъ на встрѣчу правительству, желавшему отдать разработку рудъ въ частныя руки, а энергія и добросовѣстность Неплюева и Твердышева, при единствѣ ихъ интересовъ съ правительственными цѣлями, могли впередъ гарантировать успѣхъ горнаго дѣла въ краѣ.—Неплюевъ, представляя о желаніи Твердышева въ Бергъ-Коллегію, писалъ, что «Твердышевъ ко взысканію рудъ ревность показываетъ и въ нѣкоторыхъ мѣстахъ и чрезъ стараніе свое новые рудные признаки обыскалъ, и, ревнуя къ дѣйствительному того завода произведенію, проситъ, чтобъ ему оные отданы были" [a].

Нужно замѣтить, что были и другіе охотники, кромѣ Твердышева, которые желали-бы возобновить Воскресенскій заводъ: такъ извѣстный въ то время заводчикъ дѣйств. ст. сов. Акинфій Демидовъ еще въ 1742 году просилъ Бергъ-Коллегію объ отдачѣ ему этого завода, того же желалъ и богатый солепромышленникъ Петръ Осокинъ и другіе предпріимчивые люди [b]. Но, благодаря ходатайству Неплюева, заводъ остался за Твердышевымъ, который обязался уплатить казнѣ 565 руб. 79¾ коп. [c], издержанные Кирилловымъ на устройство завода, и сдѣлалъ болѣе чѣмъ на 21000 р. уступки, при поставкѣ провіанта для Оренбургской Коммиссіи, противъ казанскихъ подрядчиковъ. Неплюевъ, указывая на это обстоятельство, замѣчаетъ, что „Оренбургская Коммиссія на него Твердышева въ дѣйствительномъ произведеніи и содержаніи того завода, яко на знаемаго человѣка, полагается (ибо заключенные съ нимъ отъ той Коммиссіи на немалую сумму разные контракты исправно содержалъ и содержитъ, и немалую сумму прибыли показалъ) и имѣетъ надежду [d]; онъ же яко торгующій при Оренбургѣ и близъ онаго въ Симбирскѣ живущій, по новости того мѣста, для разныхъ способовъ потребный человѣкъ" [e].—Въ виду этихъ соображеній, Сенатъ 16 апрѣля 1744 г. постановилъ отдать Воскресенскій заводъ для возобновленія Твердышеву и „заключить съ нимъ контрактъ съ надежными поруками по указу", а Демидову, Осокину и другимъ предоставить право „мѣдныя и желѣзныя руды и минералы сыскивать въ прочихъ той Уфимской провинціи мѣстахъ, и буде кто сыщетъ, то къ произведенію заводовъ, по силѣ бергъ-регламента-жъ и инструкціи, отдавать" [f].

---

[a]) П. С. З., т. XII, № 8921.

[b]) Тамъ же, стр. 78, столб. 2.

[c]) Въ П. С. Зак. (т. XII, № 8921) эта цыфра напечатана не вездѣ точно, такъ на стр. 84 (т. XII, столб. 2), вмѣсто 565 р. 79¾ к., напечатано 56 р. 79 коп., что не оговорено и въ опечаткахъ.

[d]) П. С. З., т. XII, № 8921, стр. 79.

[e]) Тамъ же, стр. 80, столб. I.

[f]) Тамъ же, стр. 80, столб. 2, и стр. 81.

По кондиціямъ Бергъ-Коллегіи, Твердышевъ долженъ былъ въ теченіе трехъ лѣтъ, считая время со дня изданія указа, устроить заводъ, подъ опасеніемъ штрафа въ 500 руб.[a]; но, благодаря энергіи, опытности и умѣнью ужиться съ башкирцами, Твердышевъ окончилъ заводъ въ одинъ годъ, при содѣйствіи своихъ братьевъ Якова и Петра Твердышевыхъ и симбирскаго же купца Ивана Мясникова. Воскресенскій заводъ былъ устроенъ Твердышевымъ не на прежнемъ мѣстѣ, а на 90 верстъ выше Табынска на р. Торъ, впадающей съ правой стороны въ р. Нугушъ, правый притокъ р. Бѣлой[b].

Представляя дѣло объ отдачѣ Воскресенскаго завода въ Сенатъ, Неплюевъ изложилъ планъ и дальнѣйшаго развитія горнозаводской промышленности въ Оренбургскомъ краѣ; въ основаніе этого плана были положены указы Петра Великаго. Главнымъ благопріятствующимъ условіемъ для развитія горнаго дѣла въ Оренбургскомъ краѣ, при отысканіи рудъ и устройствѣ заводовъ, Неплюевъ считалъ право на занятіе этимъ дѣломъ частнихъ предпринимателей съ тѣмъ, чтобы каждый заводчикъ имѣлъ землю и лѣсъ для водворенія рабочихъ; но при этомъ заводчики не должны были пріобрѣтать у башкирцевъ лишнія земли, которыя продавались ими за безцѣнокъ, такъ-какъ съ пріобрѣтеніемъ бо́льшаго съ дѣйствительной потребностью количества земли могла-бы пресѣчься конкуренція съ новыми заводчиками. Неплюевъ также высказалъ мнѣніе, что если руды будутъ найдены на земляхъ башкирцевъ, участвовавшихъ въ бунтахъ, то заводы, устроенные на нихъ, должны были поступать въ вѣдѣніе казны; если же руды найдутся на земляхъ башкирцевъ, неучавствовавшихъ въ бунтахъ; то „за неспособныя земли и за надлежащій къ заводскому строенію лѣсъ и дрова имѣетъ заводчикъ платить имъ по настоящей цѣнѣ; буде подъ заводъ понадобятся отхожія ихъ башкирскія угодья, какъ-то: лѣса и тому подобное, которыми башкирцы сами пользовались, или другимъ по обыкновенію своему изъ оброковъ отдавали, или продадутъ, въ томъ договариваться съ ними башкирцами, какъ то по состоявшемуся въ 1739 г. 20 августа именному указу поступать съ ними велѣно“. Заводчики обязывались содержать заводы своими людьми, нанимая или покупая ихъ[c]. Для охраненія заводовъ отъ разбойническихъ набѣговъ, заводчикъ долженъ былъ содержать военный отрядъ, командиръ котораго назначался начальникомъ края; кромѣ

---

a) Тамъ же, стр. 83, столб. 2.

b) Рычковъ иногда называетъ р. Торъ невѣрно притокомъ р. Бѣлой (Топ. Оренб. губ., ч. II, стр. 395). Изд. 1887 г., а по изд. 1763 г., ч. II, стр. 226.

c) По указу 1722 г. на казенные заводы велѣно было покупать обучавшихся какому-либо ремеслу за 50 р., стоимость же простыхъ работниковъ не была опредѣлена.

того, заводовладѣлецъ могъ имѣть для заводскихъ людей собственное оружіе и отъ 10 до 25 пудъ пороху. Въ видахъ учета заводчиковъ по отношенію къ казнѣ, Неплюевъ предлагалъ завести особыя шнуровыя за печатью книги, въ которыя заводовладѣлецъ долженъ былъ записывать безъ утайки, сколько выплавляется на заводѣ мѣди; книги эти, провѣряемыя въ Оренбургѣ, могли предупреждать въ извѣстной степени злоупотребленія со стороны частныхъ предпринимателей горнаго дѣла. Количество мѣди, которое должно было поступать въ казну, заводчики обязывались доставлять въ Оренбургъ на своихъ подводахъ, а въ случаѣ нерадѣнія объ интересахъ казны—заводчику угрожала конфискація всего его имущества и передача завода въ другія надежныя руки[a]). Представленіе Неплюева было утверждено Сенатомъ, и Бергъ-Коллегія составила опредѣленныя правила для устройства въ Оренбургской губерніи частныхъ горныхъ заводовъ, разрѣшивъ строить ихъ всѣмъ желающимъ; частные предприниматели получили право покупать у башкирцевъ земли въ вѣчное владѣніе или же брать ихъ „въ оброкъ" на извѣстные сроки. Благодаря этому, Твердышевъ получилъ такое богатство лѣсовъ, что пространство, занимаемое ими, будучи раздѣлено на 50 годовыхъ лѣсосѣкъ, могло на полвѣка обезпечить существованіе пріобрѣтеннаго имъ Воскресенскаго завода Для обработки рудъ, по разсчету на каждую тысячу пудовъ мѣди, было приписано 50 крестьянскихъ дворовъ, полагая по четыре человѣка на каждый дворъ. Въ казну должна была идти $^{1}/_{10}$ часть всѣхъ доходовъ[b]). Неплюевъ не ошибся, оказавъ Твердышеву свое содѣйствіе и предпочтеніе предъ другими вліятельными заводчиками: горнозаводское дѣло стало развиваться быстро и съ большимъ успѣхомъ. Но на первыхъ порахъ открытіе Твердышевымъ завода и привиллегіи, обѣщанныя заводчикамъ отъ Бергъ-Коллегіи, не могли вызвать особенной конкурренціи. Причины этого заключались отчасти въ недостаткѣ людей, свѣдущихъ въ горномъ дѣлѣ, а отчасти и въ опасеніи безпорядковъ и мятежей, происходившихъ въ Башкиріи; трудно также было склонить башкирцевъ къ продажѣ земель и обезопасить новые заводы, для чего необходимо было имѣть особую счастливую натуру Твердышева. Башкирцы, по свидѣтельству Рычкова, ничего такъ не берегли, какъ свои старинныя вотчинныя земли и лѣсныя угодья[c]), такъ-какъ только при ихъ сохранности и цѣнности они могли заниматься съ выгодою скотоводствомъ и пчеловодствомъ. Горное дѣло, требовавшее для своего развитія большаго

---

a) П. С. З., т. XII, № 8921.

b) Тамъ же.

c) Топогр. Оренб. губ. Изд. 1763 г., ч. II, стр. 226, а въ изд. 1887 г. стр. 395. Ср. П. С. З., т. XIII, № 10141, стр. 900, столб. 2.

количества земли и лѣсовъ, должно было нанести нѣкоторый ущербъ старинным башкирским промыслам, а потому необходимо было остерегаться, чтобы не навлечь на себя серьезныхъ затрудненій. Въ предупрежденіе этого, правительство не рѣдко предписывало и напоминало мѣстнымъ властямъ, чтобы отношенія заводчиковъ къ башкирцамъ, какъ туземному рабочему населенію, были нисколько не стѣснительны для послѣднихъ. Въ отвѣтъ на это Оренбургская канцелярія всегда исправно и по формѣ рапортовала: „здѣсь крѣпко наблюдается, дабы заводчики съ ними башкирцами порядочно поступали и, безъ договора съ ними, лѣсомъ и никакими угодьями не пользовались, и такъ оное здѣсь порядочно происходитъ, что отъ башкирцевъ никакихъ жалобъ и отъ заводчиковъ неудовольствія не было“ [a]. —Между тѣмъ Тевкелевъ, интересовавшійся положеніемъ башкирцевъ, доносилъ правительству совершенно иное: столкновенія русскихъ съ башкирцами были не рѣдки, но Твердышевъ умѣлъ ладить и съ башкирцами. Какъ честный и добросовѣстный человѣкъ, Иванъ Борисовичъ дѣйствовалъ такъ, что башкирцы полюбили его и не только не препятствовали ему въ развитіи горнаго дѣла, а напротивъ, изъ уваженія и довѣрія къ нему, сами старались отыскивать руды, добывали и доставляли ихъ на заводъ, а нѣкоторые нанимались въ работники для возки дровъ. Благодаря своей энергіи и умѣнью уживаться съ башкирцами, Твердышевъ почти въ одинъ годъ возобновилъ и привелъ въ дѣйствіе *Воскресенскій* [b] заводъ, на которомъ было устроено семь плавильныхъ печей съ гармахерскими горнами. Вслѣдъ за Воскресенскимъ заводомъ стали открываться и другіе; въ теченіе пяти лѣтъ (1748—1753 г) Твердышевъ, въ компаніи съ своимъ землякомъ Ив. Мясниковымъ, устроилъ еще 4 мѣдеплавильные завода: въ 1748 г.—*Преображенскій* на р. Урмаинъ-Алаирѣ (притокъ Сакмары); въ 1751 г.—*Богоявленскій* на р. Барметѣ, впадающей въ Зиганъ (притокъ Бѣлой); въ 1752 г —*Архангелогородскій* на р. Акъ-Сымѣ [c] (притокъ Бѣлой); и въ 1753 г.—*Верхоторскій* на р. Торѣ, впадающей въ Нугушъ, притокъ р. Бѣлой [d]. Примѣру Твердышева послѣдовали и

---

a) Хапыковъ. Обозрѣніе рудокопнаго производства частныхъ заводовъ Оренб. губерніи. 1841 г., стр. 53.

b) Воскресенскій заводъ назыв. также *Шильвинскимъ* отъ р. Шильвы. См. Памятн. Книжк. Оренб. губ 1865 г., отд. II, стр. 10.

c) Онъ же и „*Архангельскій*“ („Топогр. Оренб. губ.“ Рычкова, стр. 400. Изд. 1887 г.); но его не слѣдуетъ смѣшивать съ *Архангельскимъ* заводомъ на р. Шаранѣ, принадлежавшимъ Красильниковымъ (тамъ же, стр. 403).

d) Въ «*Топогр. Оренб. губ.*» (Изд. 1887 г. на стр. 395) р. Торъ названа невѣрно притокомъ р. Бѣлой, (Ср. тамъ же, стр. 194 и см. карту). Рычковъ также иногда разнорѣчитъ относительно времени и мѣста основанія заводовъ: такъ на стр. 194 говорится, что *Богоявленскій* заводъ былъ построенъ въ *1751 г. на р. Барметѣ*, а на стр. 400 сказано, что онъ построенъ *на р. Усолкѣ въ 1752 г.*

другіе предпріимчивые люди: тульскіе заводчики Иванъ и Максимъ Масаловы[a] построили въ 1751 г. на р. Канѣ (притокъ Бѣлой) *Кано-Никольскій* мѣдный заводъ; въ томъ же году симбирскій купецъ Матвѣй Мясниковъ на р. Укашлѣ, въ 38 в. отъ Уфы, основалъ *Благовѣщенскій* заводъ; въ 1752 г. тульскіе купцы братья Красильниковы (Григорій, Иванъ и Петръ) на р. Шаранѣ, впадающей въ Сюнь (притокъ Ика), построили *Архангельскій* мѣдный заводъ; симбирскій купецъ Герасимъ Глазовъ на р. Кичуѣ, впадающей въ Шешму (притокъ Камы), положилъ основаніе *Богословскому* заводу, а балахонскій купецъ Иванъ Осокинъ на р. Кидашѣ (притокъ Большаго Ика, впадающаго въ Каму) устроилъ *Троицкій* мѣдеплавильный заводъ.

Въ то время, какъ горнозаводская промышленность въ Оренбургскомъ краѣ, благодаря заботамъ Неплюева и частной инициативѣ, стала быстро развиваться, Бергъ-Коллегія предписала Главному Правленію сибирскихъ и казанскихъ заводовъ командировать въ Башкирію спеціалиста въ горномъ дѣлѣ, для ознакомленія съ рудными и минеральными богатствами края и „къ изысканію *казенныхъ* домонныхъ и молотовыхъ фабрикъ". Изъ Екатеринбурга былъ командированъ съ этою цѣлію бергъ-гешворенъ Петръ Степановъ, который, въ сопровожденіи горныхъ служителей, долженъ былъ отправиться въ Башкирію.—Неплюевъ, извѣщенный о томъ промеморіей отъ 10 іюля 1753 г., представилъ въ Сенатъ особое мнѣніе, стараясь выяснить и доказать, что развитіе горнаго промысла на счетъ казны не выгодно для правительства и, кромѣ того, можетъ вызвать недовольство среди башкиръ, такъ-какъ отъ этого пострадаютъ ихъ бортевыя угодья и конскіе заводы „которые (замѣчаетъ Неплюевъ), послѣ ихъ замѣшанія, нынѣ нарочито у нихъ поправились" [b]. Сенатъ препроводилъ мнѣніе Неплюева на обсужденіе Бергъ-Коллегіи, а бергъ-гешворену Степанову посланъ былъ указъ, чтобъ, находясь въ Башкиріи, „онъ и подчиненные ему, изыскивая тѣ руды и каменья, также и подъ строеніе заводовъ удобныя мѣста, того не объявляли и не разглашали-бъ, что тѣ руды и мѣста для казенныхъ заводовъ потребны, а сказывали-бъ, что они посланы затѣмъ, по прошенію партикулярныхъ людей, дабы башкирскій, яко не разумный народъ, прежде времени о томъ въ размышленіе не привесть" [c].—Бергъ-

---

[a]) Братья „Масаловы" въ нѣкотор. документахъ назыв. Мосоловы" (см. Пам. кн. Оренб. губ. за 1870 г.; ср. въ П. С. Зап., т. XII, стр. 858, т. XIII, стр. 869 и 883, т. XIV, стр. 210 и 211). Рычковъ называетъ ихъ вездѣ Масаловыми; мы думаемъ, что—„Масалóвы" тѣ же „Мосолóвы", а не „Масàловы", какъ можно было-бы думать: здѣсь правописаніе уступило мѣсто выговору.

[b]) П. С. З., т. XIII, № 10141, стр. 899, столб. 2.

[c]) Тамъ же, стр. 901, столб. I.

Коллегія, обсудивъ мнѣніе Неплюева, высказалась въ пользу устройства казенныхъ заводовъ въ Оренбургскомъ краѣ; но Сенатъ, къ удовольствію частныхъ промышленниковъ и Неплюева, 13 октября 1753 года постановилъ: *казенныхъ желѣзныхъ и мѣдныхъ заводовъ въ Оренбургскомъ краѣ не заводить, а стараться о размноженіи частныхъ заводовъ*, устройство которыхъ должно происходить по добровольному соглашенію заводчиковъ съ башкирами[a].—Въ слѣдующемъ году было подтверждено дозволеніе, въ силу котораго въ Оренбургской губерніи каждый могъ искать руды на казенныхъ и частныхъ земляхъ и строить заводы, по предварительномъ сношеніи съ горнымъ начальствомъ[b].

Такимъ образомъ, благодаря Неплюеву, частная предпріимчивость въ развитіи горнаго дѣла получила полную свободу; но едвали-бы Сенатъ сталъ на сторону Неплюева, вопреки мнѣнію Бергъ-Коллегіи, если бы въ этомъ дѣлѣ не были заинтересованы нѣкоторыя вліятельнѣйшія лица въ Петербургѣ, пожелавшія воспользоваться богатствами Оренбургскаго края. Въ 1754 г. въ верховьяхъ Большаго и Малаго Ика (притокъ Сакмары) строитъ свой *Покровскій* мѣдный заводъ генералъ-фельдмаршалъ, графъ Александръ Ивановичъ Шуваловъ, а братъ его графъ Петръ Иван Шуваловъ тогда же устраиваетъ три завода на рѣчкахъ Курпутѣ и Уреекѣ; генералъ-прокуроръ Александръ Ивановичъ Глѣбовъ получилъ дозволеніе устроить заводъ на рѣчкахъ Тувлѣ, Шермянкѣ, Еркулѣ и Сыпѣ, а графъ Карлъ Евеимовичъ фонъ-Сиверсъ основалъ *Вознесенскій* мѣдеплавильный заводъ на р. Иргизлѣ, впадающей въ р. Бѣлую. Несомнѣнно, что эти лица имѣли рѣшающее вліяніе на ходатайство Неплюева о передачѣ горнаго дѣла въ Оренбургскомъ краѣ частнымъ промышленникамъ. Всѣ вышепоименованные заводы были мѣдеплавильные, изъ нихъ 15 находились въ дѣйствіи уже при Неплюевѣ, а 3 были только еще проэктированы. Между тѣмъ въ разныхъ мѣстахъ Башкиріи, особенно на Сибирской дорогѣ, найдены были богатые залежи желѣзныхъ рудъ, обработка которыхъ обѣщала еще большія выгоды, чѣмъ выплавка мѣди, почему заводчики и обратили главное вниманіе на добываніе и выдѣлку желѣза.

Въ 1746 г. тульскій купецъ Коробковъ основалъ на истокѣ Кургулакъ, или Каслинскомъ[c], въ Исетской провинціи, въ 150 в. отъ Ека-

---

[a]) П. С. З., т. XIV, № 10244. Ср. Черемшанскаго: „Описаніе Оренб. губерніи“, стр. 397; Семенова: „Историческое изученіе свѣдѣній о россійской торговлѣ и промышленности въ XVIII в.“, ч. I, стр. 242.

[b]) Тамъ же.

[c]) Каслинскій истокъ истекаетъ изъ озера Каслинскаго и впадаетъ въ озеро Кизылъ-Ташъ.

теринбурга и въ 90 в. отъ Челябинска, *Каслинскій* желѣзный заводъ, который впослѣдствіи былъ купленъ ст. сов. Никитою Демидовымъ. Въ 1747 г. въ Уфимской провинціи на р. Назѣ, впадающей въ Уфу, балахонецъ Петръ Осокинъ построилъ *Назе-Петровскій* желѣзный заводъ, перешедшій потомъ къ тульскимъ заводчикамъ Мосоловымъ и проданный ими Никитѣ Демидову, которому также принадлежалъ *Киштымскій* желѣзный заводъ, на р. Киштымѣ (прав. притокъ Уфы), въ 20 верст. отъ Каслинскаго завода. Въ 1751 г. братья Иванъ и Василій Порфирьевичи Мосоловы положили основаніе *Златоустовскому* чугунно-литейному и мѣдеплавильному заводу, представляющему въ настоящее время образцовое заведеніе горнозаводской промышленности. Первоначально *Златоустовскій* заводъ былъ застроенъ на рѣчкахъ Саткѣ и Кувашѣ, а потомъ, вслѣдствіе недостатка воды въ упомянутыхъ рѣчкахъ, Бергъ-Коллегія приказала перенести его на р Ай (притокъ Уфы), въ которую впадаютъ р. Сатка и Кувашъ[a]. Мосоловы 20 ноября 1751 г. заключили въ Оренбургской губ. канцеляріи съ башкирами Каратабынской и Баратабынской волости условіе, по которому земли по обѣ стороны р. Міяса, на протяженіи 50 верстъ, перешли во владѣніе Мосоловыхъ со всѣми рѣчками, рыбными ловлями, пашнями, лѣсами и „химѣлевымъ щипаніемъ". Изъ этой купчей крѣпости, возобновленной 10 сентября 1775 г. Лугининымъ, преемникомъ Мосоловыхъ, видно, между прочимъ, что башкирцы, продавшіе свои земли, могли кочевать на нихъ по прежнему, кромѣ тѣхъ мѣстъ, которыя наход. около озеръ Аргази, Ишкуля и Міясова; а башкирамъ-вотчинникамъ, изстари поселившимся на этихъ мѣстахъ, предоставлено было право пользоваться для своихъ нуждъ лугами, лѣсомъ, пашнями и рыбною ловлею.—Въ случаѣ неустойки, башкиры были обязаны уплатить Мосоловымъ втрое ихъ убытки, а если бы дѣло дошло до судебной тяжбы—принять на себя „происки и волокиты" [b].—Выгоды отъ добыванія и обработки желѣза обратили на себя вниманіе и въ Петербургѣ: графъ А. С. Строгановъ строитъ два желѣзодѣлательные завода: *Троицкій*, или *Саткинскій* на р. Саткѣ (притокъ Ая) и *Артинскій* на р. Артѣ (притокъ Уфы); графъ П. И. Шуваловъ, въ компаніи съ коллежск. ассесоромъ Кузьмою Матвѣевымъ, въ 1754 г. основалъ желѣзодѣлательные заводы: *Авзяно-Петровскій*, *Нижне-Авзянскій*, а также на рѣкахъ Кагѣ, Зиганѣ и Шишенягѣ[c]. Въ 1757—1758 г. возникаютъ желѣзные

---

a) Рычковъ. Топогр. Оренб. губ., стр. 197 и 404. Изд. 1887 г.
b) См. границы проданной башкирами Мосоловымъ земли на картѣ Міасскихъ золотыхъ промысловъ, приложенной къ Пам. Кн. Оренб. губ. за 1870 г.
c) Рычковъ. Топогр. Оренб. губ., стр. 197.

заводы Твердышева и Мясникова: *Катавъ-Ивановскій* и *Юрюзенскій*[a]; Твердышевъ также положилъ основаніе заводамъ: *Симскому, Тирлянскому, Бѣлорѣцкому* и *Минскому*[b]. Сначала заводы Оренбургскаго края находились въ вѣдѣніи Оренбургской губернской канцеляріи, а въ 1754г. въ Уфѣ было открыто Оренбургское Горное Правленіе, въ вѣдомство котораго и перешли всѣ заводы края, кромѣ *Верхне-Сергинскаго, Нижне-Сергинскаго, Каслинскаго, Киштымскаго* и *Назе-Петровскаго*[c], подчиненныхъ Главному Горному Правленію въ Екатеринбургѣ.

Устройство заводовъ въ Оренбургскомъ краѣ, какъ и въ другихъ мѣстахъ, въ значительной степени содѣйствовало и колонизаціи дотолѣ незаселенныхъ мѣстъ: одни изъ крестьянъ внутренней Россіи, надѣясь на выгодный заработокъ, сами переселялись сюда добровольно, другіе шли на заводы по желанію ихъ владѣльцевъ-заводчиковъ, особенно же заводы сдѣлались притономъ для бѣглыхъ, незаконнорожденныхъ и непомнящихъ родства. На основаніи инструкціи, данной еще Татищеву 23 марта 1734 г., полагалось при каждомъ желѣзномъ заводѣ 160 дворовъ, а при мѣдныхъ заводахъ по 50 дворовъ на каждые 1000 пудъ выплавки чистой мѣди, считая по четыре души муж. пола во всякомъ дворѣ. По этому расчету, сдѣланному Бергъ-Коллегіей въ 1752 г., на всѣ частные заводы губерній Казанской, Оренбургской и Сибирской требовалось 8362 души, въ дѣйствительности же оказалось 25627 д., т. е., на 17265 д. больше узаконеннаго числа заводскихъ крестьянъ; въ числѣ 25627 д. оказалось 11391 д. приписныхъ государственныхъ крестьянъ, 8377 д. пришлыхъ и другихъ и 5856 д. покупныхъ[d]. Въ виду недостатка рабочихъ рукъ на казенныхъ заводахъ, Бергъ-Коллегія высказалась за то, чтобы на частныхъ заводахъ оставлены были изъ сверхкомплектныхъ только крѣпостные и покупные крестьяне, а также незаконнорожденные и непомнящіе родства, всѣ же остальные должны быть приписаны къ казеннымъ заводамъ. Не смотря на это, заводчики не только постарались удержать при себѣ „пришлыхъ“, но и обратили ихъ въ своихъ рабовъ: изъ сенатскаго указа 30 декабря 1755 года видно, что 4498 д. бѣглыхъ крестьянъ, оказавшихся на заводахъ Демидовыхъ и Осокиныхъ, были приписаны къ ихъ заводамъ на всегда, въ виду тѣхъ соображеній, что высылка бѣглыхъ на прежнія мѣста потребовала бы большихъ конвоевъ, не

---

[a]) Юрюзенскій заводъ названъ у Рычкова („Топ. Ор. губ.“ стр. 197) *Юрюнскій*, а у Шевича—*Юрезанскій* (Пам. кн. Оренб. губ. 1865 г., отд. II, стр. 14).

[b]) Бѣлорѣцкій заводъ основанъ въ 1761 г., а Минскій—въ 1779 г.

[c]) Эти заводы принадлежали Ивану Демидову.

[d]) П. С. З., т. XIII, № 10131, стр. 883. Въ одномъ изъ трехъ послѣднихъ чиселъ очевидно пропущено 3 душ., такъ-какъ 8377+11391+5856=25624, а не 25627. Считаемъ не лишнимъ замѣтить, что въ П. С. Зак. встрѣчается достаточно опечатокъ, которыя, къ сожалѣнію, нигдѣ не оговорены.

гарантируя ихъ отъ новыхъ побѣговъ, во время пути и по прибытіи на мѣсто, а между тѣмъ заводское дѣло могло-бы значительно отъ того пострадать[a]. Поэтому, оставивъ бѣглыхъ при заводахъ, правительство лишь обязало содержателей ихъ впредь бѣглыхъ не принимать; но, какъ извѣстно, это запрещеніе было не первое и не послѣднее: бѣглые и послѣ находили пріютъ среди заводскихъ крестьянъ, а заводчики продолжали эксплуатировать ихъ трудъ въ свою пользу.

Выше мы замѣтили, что въ Оренбургскомъ краѣ до Неплюева не было ни одного завода, а при немъ явилось 28 заводовъ[b], кромѣ 3 проэктированныхъ; изъ нихъ 15 мѣдныхъ и 13 желѣзныхъ; при заводахъ числилось 2250 дворовъ, 11 храмовъ, 7 доменъ, 13 горновъ, болѣе 56 печей и свыше 70 молотовъ для расковки желѣза.—Желѣзодѣлательные заводы, устроенные Твердышевымъ на разумныхъ экономическихъ основаніяхъ, упрочили въ Оренбургскомъ краѣ выгодную обработку желѣза. Ни сколько не будетъ преувеличеннымъ, если мы скажемъ, что въ развитіи горнозаводской промышленности въ Оренбургской губерніи Твердышеву, послѣ правительства, принадлежитъ первое мѣсто: почти тѣ только заводы и оказались прочными, которые были основаны и устроены имъ; заводы же возникшіе послѣ него, частію уже пришли въ упадокъ, частію подвержены непрочности своего существованія. Дѣятельность Твердышева, вполнѣ оправдавшаго довѣріе къ нему Неплюева и правительства, получаетъ еще большее значеніе въ глазахъ потомства, когда мы видимъ, что его преемники по части горнаго производства стояли несравненно ниже своего даровитаго и предпріимчиваго предшественника[c]. Вопросъ о томъ, какимъ образомъ Твердышевъ, неучившійся въ техническихъ заведеніяхъ, могъ получить хорошія техническія свѣдѣнія, при наличности данныхъ, остается не рѣшеннымъ; можно только предполагать, что Твердышевъ, благодаря здравой русской смѣткѣ и способности перенимать, научился многому у техниковъ-иностранцевъ, которые находились на заводахъ Екатеринбургскаго округа,—тамъ, напримѣръ, были: голландецъ Миллеръ, двое Кейсеровъ изъ Ганновера, саксонцы: Блюэеръ, Георги, Ваплеръ, Готфридъ, Генель, Берентъ, Циммерманнъ, Михаэлисъ, Лангъ, Корсъ, Дрибель, Беэръ, Дервель и друг.[d]—Весьма вѣроятно, что съ этими лицами или съ ихъ учениками могъ имѣть сношеніе, а съ нѣкоторыми, можетъ быть, даже и короткое знакомство любозна-

---

a) П. С. З., т. XIV, № 10494.

b) Собственно при Неплюевѣ было открыто 17 заводовъ, а остальные 11 вскорѣ послѣ него. См. въ соч. Черемшанскаго: „Описаніе Оренб. губ." таблицу заводовъ.

c) Пам. кн. Оренб. губ. 1865 г., стр. 13.

d) Н. А. Поповъ. Татищевъ и его время, стр. 44.

тельный Твердышевъ, особенно когда онъ самъ сдѣлался заводчикомъ[a]. Съ другой стороны, и самъ Неплюевъ, какъ человѣкъ хорошо образованный и видавшій много на своемъ вѣку, особенно во время путешествія за границей, могъ давать Твердышеву полезныя указанія по части техническаго устройства его заводовъ. Неплюевъ, какъ намъ извѣстно, отличался всегда должнымъ вниманіемъ къ трудамъ другихъ и старался, на сколько это зависѣло отъ него, поощрять ихъ; сознавая важныя заслуги Твердышева въ горномъ дѣлѣ и цѣня его честность, Неплюевъ постоянно заботился объ успѣшномъ развитіи его заводовъ. Такъ, благодаря Неплюеву, Твердышевъ и Мясниковъ получили право покупать крестьянъ, для работъ на заводахъ, цѣлыми деревнями и переселять ихъ на пріобрѣтенныя ими у башкирцевъ земли[b]; земли же, остававшіяся пустыми, по случаю переселенія крестьянъ на заводы, они могли продавать по своему усмотрѣнію[c].

Заводы, устроенные частными лицами, доставляя выгоды казнѣ, были еще выгоднѣе для ихъ владѣльцевъ. По кондиціямъ, какъ мы уже знаемъ, заводчики должны были платить въ казну 1/10 ч. съ выплавляемой ими мѣди и 2/3 выплавленной мѣди доставлять въ Екатеринбургъ, получая за то по пяти съ полтиною рублей, такъ-что заводчики изъ 10 пудъ выплавленной ими мѣди имѣли только 3 пуда въ вольную продажу, которая ими производилась въ обѣихъ столицахъ отъ 11 до 12 руб. за пудъ. На первый взглядъ это кажется слишкомъ невыгоднымъ для заводчиковъ, но въ дѣйствительности заводчики быстро обогащались, не чувствуя ни малѣйшей тягости. Щербатовъ свидѣтельствуетъ, что, разсматривая счетныя заводскія книги Твердышева, при дѣлежѣ его съ племянницами Мясниковыми, онъ нашолъ, что пудъ мѣди обходился самому Твердышеву въ полтора рубля и только въ одинъ или въ два года отъ 1 р. 60 к. до 1 р. 70 к.—Щербатовъ также говоритъ, что самъ Твердышевъ *лично* увѣрялъ его въ томъ, что пудъ мѣди никому изъ заводчиковъ не обходился болѣе 2 р. 25 к, а нѣкоторымъ (напр. Походяшеву и Турчениновy)—немного болѣе рубля. Мясниковы, имѣвшіе на себѣ при открытіи заводовъ въ 1756 г. *до полмилліона* долгу, въ 28 лѣтъ пріобрѣли 8000 д. крестьянъ, построили нѣсколько заводовъ, *уплатили весь долгъ и скопили два съ половиной милліона рублей чистаго капитала.* „Я также помню Турченинова",—замѣчаетъ Щербатовъ,—„который ничего не имѣлъ,

---

[a]) В. С. Хвостовъ свидѣтельствуетъ, что у Твердышева была большая библіотека, состоявшая изъ русскихъ и иностранныхъ сочиненій. См. его *«Записки»* въ Русск. Арх. 1870 г., т. I, стр. 566.

[b]) Къ сожалѣнію, это право повело впослѣдствіи къ столкновенію съ башкирцами и даже озлобило нѣкоторыхъ изъ нихъ противъ Твердышева. Извѣстно, напр., что башкирскій старшина Юлай и его сынъ Саловатъ, Пугачевскій бригадиръ, пожгли нѣкоторые изъ заводовъ Твердышева въ самый разгаръ Пугачевщины.

[c]) П. С. З., т. XV, № 10893.

но лѣтъ въ тридцать милліонщикомъ сталъ"[a]. Таковы были выгоды частныхъ завододержателей; но прибыль ихъ увеличилась еще болѣе, когда количество поставляемой ими для казны мѣди по 5 р. 50 коп. за пудъ было уменьшено на одну треть[b].—Такимъ образомъ, если мы опредѣлимъ среднюю стоимость пуда мѣди для заводчика въ два рубля; оказывается, что *каждый заводчикъ съ 10 пудъ выплавленной имъ мѣди получалъ чистаго барыша 50 р., или 5 р. на каждый пудъ мѣди*, не смотря на то, что въ вольную продажу у него оставалось только 3 пуда. При такихъ процентахъ, когда 100 руб. давали прибыли еще 400 или 500 руб., не мудрено было сдѣлаться въ 30 лѣтъ и „*милліонщикомъ*". Къ сожалѣнію, ближайшіе преемники Твердышева не съумѣли должнымъ образомъ воспользоваться богатыми плодами его неутомимыхъ и продолжительныхъ трудовъ въ горнозаводскомъ дѣлѣ; отказавшись отъ личнаго участія въ заводскихъ промыслахъ, они поручали свои заводы разнымъ управляющимъ, а сами жили въ столицѣ, которая привлекала ихъ различными удовольствіями и бо́льшей возможностью тратить деньги. Случалось, что они и навѣщали свои заводы, но не для лучшей постановки на нихъ производства, а для разнообразія и развлеченій. Утомленные и пресыщенные чувственными удовольствіями и роскошью, они только на время поселялись въ своихъ заводскихъ дворцахъ, устроенныхъ въ восточномъ вкусѣ, и отдавались полной нѣгѣ избалованнаго вкусами организма, обращая жизнь въ какой-то непрерывный пиръ съ охотой всевозможныхъ родовъ, для чего содержались при заводахъ большія псарни и цѣлыя толпы крѣпостныхъ псарей. Между тѣмъ управляющіе заводовъ, подъ шумъ пирующихъ хозяевъ и многочисленныхъ гостей, старались приберечь денежку для себя на „черный день"; расходы все увеличивались, а доходы умалялись; пришлось усиливать производство, не жалѣя крестьянъ. По мѣрѣ истощенія капиталовъ, исчезали и матеріалы, произведшіе ихъ: тамъ отъ ветхости что-нибудь обвалилось; здѣсь кое-что нужно было поправить; въ третьемъ мѣстѣ сгорѣло,— словомъ, вездѣ требовалась поддержка, нужны были деньги, а деньги тратились безъ расчета и счета, безъ всякой заботы объ удовлетвореніи насущныхъ потребностей въ содержаніи заводовъ. Неудивительно, что, при такихъ условіяхъ, дѣла̀ заводчиковъ пошли плохо, не смотря на увеличеніе рабочихъ силъ и усиленное дѣйствіе заводовъ: горныя пошлины платились неаккуратно; долги росли все болѣе и болѣе, а смотрители и управляющіе заво-

---

[a] Неизданное соч. Щербатова въ Отеч. Зап. 1859 г., № 12, стр. 425.

[b] Тамъ же, стр. 425. Ср. указы 7 марта и 8 апрѣля 1755 г., 9 октября 1756 г., также Ж. М. Н. Просв. 1868 г., № 3, стр. 776—782.

довъ, благодаря пассивному и безконтрольному отношенію къ заводамъ самихъ владѣльцевъ, обогащались и наконецъ заявляли своимъ хозяевамъ, что въ конторскихъ кассахъ денегъ нѣтъ для продолженія дѣйствія заводовъ. Заводовладѣльцы, привыкшіе къ роскоши и удовольствіямъ бездѣятельной жизни, спѣшатъ передать свои заводы въ аренду; но управленіе арендаторовъ оказывается не лучше прежняго, такъ-какъ управителями заводовъ остаются тѣ же лица, которыя эксплуатировали ихъ въ свою пользу раньше, и держаться тѣхъ же порядковъ. Все это повело къ тому, что правительство, получавшее при Неплюевѣ большія выгоды отъ частныхъ Оренбургскихъ заводовъ, было вынуждено взять нѣкоторые заводы подъ свое покровительство и передать ихъ въ казну. Такимъ образомъ то, *что было нажито и устроено трудолюбивыми и честными стариками, безпорядочно и ухарски тратилось ихъ дѣтками и внучками, искавшими магометанскаго рая на землѣ.* Мы коснулись только отчасти этой безотрадной стороны капиталистовъ-промышленниковъ въ виду того грустнаго факта, что ложное пониманіе значенія капиталовъ отразилось въ нѣкоторой степени и на заводахъ почтеннаго труженика Твердышева, когда они перешли частію по замужеству къ его дочери, частію по наслѣдству къ его роднымъ, стоявшимъ по своему положенію выше купеческаго званія. Впрочемъ эти новые заводовладѣльцы, создавшія самыя неблагопріятныя условія для развитія горнаго дѣла въ Оренбургскомъ краѣ, принесли и нѣкоторую косвенную пользу: переселивъ значительную часть своихъ крестьянъ на заводскія земли, они тѣмъ самымъ способствовали увеличенію числа рабочихъ рукъ въ Оренбургскомъ краѣ. Иванъ Борисовичъ Твердышевъ былъ достойный сотрудникъ Неплюева, который питалъ къ нему глубокое уваженіе, какъ къ предпріимчивому и честному человѣку. Твердышевъ еще при Неплюевѣ получилъ чинъ коллежскаго ассесора, равно какъ и его сотрудникъ Иванъ Мясниковъ. По разсказамъ нѣкоторыхъ лицъ память о Твердышевѣ доселѣ сохраняется на заводахъ: нѣкоторыя заводскія конторы и до сихъ поръ сохранили бухгалтерію, заведенную Твердышевымъ и, благодаря ей, отличаются правильностію и легкостью своихъ счетовъ.

Кромѣ богатыхъ залежей мѣдныхъ и желѣзныхъ рудъ, вызванныхъ изъ недръ земли Твердышевымъ и его компаніей, при живомъ содѣйствіи Неплюева, въ Оренбургскомъ краѣ оказалось не мало и простыхъ каменныхъ породъ, обработка которыхъ также началась при Неплюевѣ и доставляла значительныя выгоды для поселенцевъ края. Недалеко отъ Оренбурга добывали плитной камень, употреблявшійся на строеніе крѣпостей и зданій въ самомъ городѣ; особенно отличался доброкачественностью камень, который добывали при урочищѣ Гребеняхъ, въ 22 верстахъ отъ Орен-

бурга: онъ могъ съ удобствомъ быть употребляемъ на карнизы и другія архитектурныя украшенія[a].

Въ пяти верстахъ отъ Оренбурга находилось много извести, а въ Гребеняхъ были заведены казенные известковые заводы, гдѣ на жженіе извести шелъ плитной камень. Уфимская провинція была богата горновыми, точильными и жерновыми камнями, составляющими необходимую принадлежность заводовъ, кузницъ и мельницъ; лучшіе изъ горновыхъ и жерновыхъ камней находили около Табынска, а точильные на р. Ташлѣ, впадающей въ Сакмару[b] и названной отъ Урусова Каменною, близъ озера Толкаса. Въ 1740 г.[c] отрядъ Урусова, слѣдуя къ этому озеру, нашелъ между рѣчкой Карасу и Сосновымъ ключемъ превосходный *алебастръ*, который встрѣчался также въ изобиліи близъ Озерной крѣпости и въ другихъ мѣстахъ обширнаго Оренбургскаго края, а около Татищевой крѣпости—пристани за р. Камышъ-Самарою[d] брали *мѣлъ*, откуда возили его въ Оренбургъ на казенныя потребности. Въ Мякотинской волости, въ вершинѣ р. Бабай, и въ Чалджаутской волости, межъ озеръ Уялей и Иреляша, добывали *слюду*, которая попадалась также въ горѣ Гирьялъ, между Ильинскою и Верхнеозерною крѣпостями. По берегамъ многихъ рѣкъ, въ горахъ и на равнинахъ Башкиріи находили разноцвѣтные дорогіе каменья: *мраморъ*, *хрусталь*, *агаты*, *тумпасы*, *яшму* и др. большими и малыми штуками; Рычковъ замѣчаетъ, что эти „каменья въ полировкѣ не только не хуже, но едва и не лучше-ль иностранныхъ: ибо по ихъ твердости весьма чистый глянецъ даютъ и различныя фигуры показываютъ“ [e]. Но особенный интересъ представлялъ камень, который находили въ Кара-Табынской волости неподалеку отъ р. Яика. Рычковъ называетъ его *азбестъ*, или *аміантъ* и говоритъ, что онъ „видомъ желто-бѣловатъ съ прозеленью, и когда растолченъ, то бываетъ подобенъ хлопчатой бумагѣ, такъ-что умѣющіе могутъ его прясть и дѣлать изъ него полотно, которое на огнѣ не сгораетъ, но выгорая вся рудность оставитъ его бѣлымъ, какъ-бы то было вымыто“ [f]. Прапорщикъ Пензенскаго полка Жераховскій, служившій въ Орен-

---

[a]) Рычковъ. Топогр. Оренб. губ., ч. I-я, стр. 248. Изд. 1762 г.

[b]) Въ печати экз. „Топогр. Оренб. губ.“ (ч. I, стр. 177, изд. 1887 г.) сказано, что р. Ташла впадаетъ въ р. Самару, а въ рукописномъ текстѣ, приложенномъ къ атласу Красильникова,- въ Сакмару. Мы думаемъ, что здѣсь нужно разумѣть р. Ташлу, впадающую съ правой стороны въ р. Икъ, правый притокъ р. Сакмары.

[c]) Въ „Топогр. Оренб. губ.“, печатной и рукописной, означенъ *невѣрно 1750 г.*, когда Урусова въ живыхъ уже не было: онъ умеръ 20 іюля 1741 г. См. выше стр. 176 въ наст. монографіи.

[d]) Здѣсь разумѣется Камышъ-Самара, впадающая съ правой стороны въ рѣку Уралъ, а не притокъ р. Самары.

[e]) Топ. Оренб. губ., ч. I, стр. 178. Изд. 1887 г.

[f]) Тамъ же. Это такъ называемый *горный ленъ*.

бургскомъ гарнизонѣ, нашелъ на рѣчкѣ Курасанѣ камни съ прилипшею къ нимъ свинцовою „матеріей, подобной карандашу", о чемъ онъ и донесъ 8 января 1747 года въ Кабинетъ Ея Величества и Неплюеву, а 28 февраля того же года Неплюевъ, при особомъ рапортѣ, отправилъ въ Петербургъ съ сотникомъ Могутовымъ „въ двухъ ящикахъ серебряные минеральные признаки", найденные Жераховскимъ, въ дополненіе къ прежде-посланнымъ съ инженеръ-капитаномъ Галафеевымъ[a]. Съ наступленіемъ лѣта, Неплюевъ командировалъ Жераховскаго въ Петербургъ и далъ ему въ проводники двоихъ солдатъ Оренбургскаго гарнизона Аѳанасія Скучаровскаго и Павла Щеглова. Опыты, произведенные надъ образчиками „свинцовой матеріи", найденной Жераховскимъ, показали, что въ ней серебра *почти не было*[b]; однакожъ, не смотря на то, Кабинетъ постановилъ отправить въ Оренбургскій край штейгера Ягана-Готлипа—Клюгъ „съ подлежащимъ наставленіемъ отъ генералъ-маіора Беэра, для подлиннаго освидѣтельствованія и удостовѣренія пробы и для пріиску въ тамошнихъ мѣстахъ другихъ минералловъ"[c]. Тѣмъ же Жераховскимъ собрана была большая коллекція разноцвѣтныхъ камней, найденныхъ имъ по рѣкамъ Яику и Курасану, близъ Уклыкарагайской крѣпости; экспертиза нашла эти камни „годными къ разному употребленію", и сама Государыня, соизволившая разсматривать ихъ, выразила свое удовольствіе, заявивъ, что Ея Величеству особенно понравились „красные большіе камни, взятые на р. Курасанѣ, близъ Уклыкарагайской крѣпости, чего ради Ея Императорское Величество указала сдѣлать въ Оренбургской губерніи въ пристойномъ мѣстѣ рѣзную полировальную мельницу, на которой бы можно было добываемыя тамо камни полировать и въ Петербургъ готовые отправлять, чтобъ въ привозѣ неразрѣзныхъ и неполировальныхъ излишняго расходу не было"[d]. Жераховскому велѣно было возвратиться въ Оренбургъ, а его проводники-солдаты Скучаровскій и Щегловъ были опредѣлены къ работамъ на Петергофскую мельницу, гдѣ они могли научиться обработкѣ камней,—ихъ разрѣзкѣ и полировкѣ[e]. Въ концѣ августа Жераховскій прибылъ въ Оренбургъ, и 29 числа того же мѣсяца вручилъ Неплюеву указъ Кабинета Ея Величества объ устройствѣ разрѣз-

---

[a]) См. „Указы 1748 г." въ Тург. арх., л. 111.

[b]) Въ Указѣ Кабинета отъ 15 іюня 1747 г. сказано: „въ оной матеріи, по пробѣ здѣсь, *явилось серебра малая часть*", а въ указѣ 30 марта 1748 г. говорится: „и по пробѣ—*ничего въ себѣ серебра не содержитъ*". См. въ Тургайск. Архивѣ „*Указы*" 1747 года, л. 142 на обор., и 1748 г., л., 111.

[c]) Тамъ же, „Указы 1747 г.", л. 142 на об.

[d]) Тамъ же, л. 142.

[e]) Тамъ же, л. 143.

ной и полировальной мельницы въ Оренбургской губерніи. Въ силу этого указа, Неплюевъ долженъ былъ найти близъ Уклыкарагайской крѣпости „удобное и безопасное отъ непріятельскихъ набѣговъ мѣсто", гдѣ бы могла быть устроена разрѣзная и полировальная мельница; Жераховскому велѣно „сыскивать годные на разныя потребности каменья, а именно красный и яшмовый зеленый и прочіе добраго виду крѣпкіе и къ полированію годные, какіе могутъ сыскаться, и привозить оные въ одно мѣсто, которое изобрѣтено быть имѣетъ къ строенію разрѣзной и полировальной мельницы" [a]. — Неплюевъ, по силѣ того же указа, долженъ былъ оказывать всякое содѣйствіе Жераховскому, назначивъ къ нему, для вспоможенія, по его выбору, способныхъ къ тому дѣлу людей и охранный конвой, чтобы „отъ непріятельскихъ набѣговъ безопасно было и въ пріисканіи каменья никакого препятствія не имѣлось, чего ради (сказано въ указѣ) и принадлежащіе къ тому инструменты, кои прежде у него Жераховскаго были, и, сверхъ того, какіе еще въ прибавку потребны будутъ, ему дать да и въ прочемъ, что до того дѣла касаться будетъ, всякое вспоможеніе ему чинить, а для ѣзды его и обрѣтающихся съ нимъ въ тамошнихъ мѣстахъ давать потребное число подводъ и на нихъ прогонныя деньги, ему-жъ Жераховскому, со времени пріѣзда его въ Оренбургъ и пока у того дѣла будетъ, производить *жалованья по сту рублевъ въ годъ* и на прочія къ тому дѣлу потребности, безъ чего обойтиться невозможно, деньги употреблять изъ тамошнихъ доходовъ на счетъ Кабинета, а сколько когда и на что именно издержано будетъ, о томъ въ Кабинетъ Е. И. В. присылать вѣдомость" [b]. — Изъ того же указа видно, что не мало было запасено каменьевъ въ Табынскѣ, куда ихъ еще раньше доставлялъ тотъ же Жераховскій; относительно ихъ Кабинетъ писалъ Неплюеву: „каменья, которые его жъ Жераховскаго и прежнихъ лѣтъ приготовленія свозены въ Табынскъ, оные оставить тамъ до указу: ибо здѣсь довольно есть и привезенныхъ сюда, и на годъ времени за ними работы будетъ; а когда будутъ тѣ или иные потребны, тогда заблаговременно объ отправленіи оныхъ водою будетъ писано [c]. Выше мы замѣтили, что Жераховскій принялъ „свинцовую матерію" за „серебряные минеральные признаки"; во избѣжаніе подобныхъ ошибокъ на будущее время, ему даны были для образца три штуфа серебряныхъ рудъ, присланные отъ генералъ-маіора Беэра, инструменты же, необходимые для него, велѣно изготовить въ Екатеринбургѣ на тамошнихъ заводахъ [d].

---

[a] Тамъ же.
[b] Тамъ же, л. 142 на оборотѣ.
[c] Тамъ же, л. 143.
[d] Указы 1748 г., л. 111. Указъ 30 марта 1748 г. изъ Кабинета Е. И. Велич.

Неплюевъ командировалъ въ Исетскую провинцію поручика Бигильдѣева, который долженъ былъ передать Жераховскому посланные три штуфа серебряной руды и осмотрѣть мѣстность, гдѣ было положено устроить разрѣзную и полировальную мельницу, и о всемъ обстоятельно донести въ Оренбургскую канцелярію. Что касается инструментовъ, необходимыхъ для заводимой мельницы, то Неплюевъ предписалъ Жераховскому „сдѣлать таковымъ немедленно реэстръ, тако-жъ рисунки, а чему можно, то и модели съ надлежащею пропорціею и отослать отъ себя прямо въ Екатеринбургъ въ Канцелярію Главнаго Заводскаго Правленія съ требованіемъ, чтобъ по тому всѣ оные инструменты сдѣланы и къ нему, Жераховскому, на надлежащее мѣсто за провожаніемъ отъ Заводской канцеляріи присланы были". Въ случаѣ надобности, Жераховскому предоставлено было право требовать изъ Екатеринбурга одного мастора для разрѣзки и полированія камней. Въ то же время Бигильдѣеву было поручено осмотрѣть *Каслинскій* желѣзный заворъ, застроенный тульскимъ купцомъ Яковомъ Коробковымъ[a].—Впослѣдствіи изъ Петербурга присланы были въ Башкирію особые каменотесцы, которые собирали различные каменья и, обдѣлавъ ихъ по даннымъ имъ моделямъ, присылали ихъ въ Оренбургскую губернскую канцелярію, откуда они были отправляемы зимой на Петергофскую точильную мельницу[b].

Богатство глины около самаго Оренбурга дало возможность казнѣ и частнымъ предпріимчивымъ людямъ устроить нѣсколько кирпичныхъ заводовъ, доставлявшихъ матеріалъ для постройки городскихъ зданій и кладки печей; но кирпичъ, который приготовлялся на этихъ заводахъ, не могъ выдерживать дѣйствія сильнаго огня—расплывался, что, по мнѣнію Рычкова, обусловливалось свойствомъ самой глины. Напротивъ Кизильская и Губерлинская глина[c] отличалась огнеупорностью: горшки, сдѣланные изъ нея, выдерживали самый сильный огонь. Но особенно славилась Чебаркульская бѣлая глина, наход. въ Исетской провинціи, подлѣ озера Большаго Мисяша, въ 5 верстахъ на С. отъ Чебаркульской крѣпости, а также Увельская глина, которую добывали въ 10 верстахъ отъ Верхнеувельской Красильниковой слободы на ровномъ мѣстѣ. Неплюевъ приказалъ доставить ему разные сортà глины и отправилъ ихъ на экспертизу

---

a) Тамъ же, лл. 112—114. Подлинный указъ Неплюева за № 104, отъ 26 мая 1748 г.

b) Рычковъ. Топогр. Оренб. губ., ч. I, стр. 178. Изд. 1887 г.

c) Кизильская глина добывалась въ 4 верстахъ отъ Кизильской крѣпости по направленію въ Орскъ, а Губерлинская—въ Губерлинскихъ горахъ, вверхъ по рѣчкѣ Чебаклѣ.

Петербургскій Кабинетъ, гдѣ *Чебаркульская глина была признана за лучшую и пригодную для выдѣлки фарфора*. Въ 1752 г. на мѣсто нахожденія Чебаркульской глины изъ Петербурга былъ присланъ промывальщикъ порцелейной фабрики, который подъ руководствомъ бергъ-мейстера Виноградова и занялся промывкою глины[a]; главный же надзоръ за производствомъ работъ былъ порученъ Исетской провинціальной канцеляріи; приготовляемую здѣсь глину отправляли ежегодно по зимнему пути въ Петербургъ на порцелейную фабрику.—*Увельская глина*, найденная секретаремъ Исетской канцеляріи Черемисиновымъ, *оказалась даже лучше Чебаркульской*: изъ пуда этой глины можно было получить два кирпича самаго чистаго фарфора вѣсомъ въ 5 фунтовъ[b].

Благодаря Неплюеву, извлечены были изъ земли и другія минеральныя богатства: на Сибирской дорогѣ при рѣчкѣ Симѣ, въ Кудейской волости и нѣкоторыхъ другихъ мѣстахъ найдено достаточно *селитры*, а въ горахъ Айлинской волости, на той же дорогѣ, переводчикъ Уразлинъ нашелъ *квасцы*; докторъ Риндеръ заявилъ, что, въ бытность его въ Исетской провинціи, онъ встрѣчалъ около села Кислянскаго въ Окуневскомъ дистриктѣ *купоросныя воды*. По р. Соку (лѣвый притокъ Волги), близъ Сергіевска, найдено много *сѣры*, почему здѣсь еще при Петрѣ Великомъ были устроены сѣрные заводы, которые впослѣдствіи были уничтожены, а въ замѣнъ ихъ построенъ былъ сѣрный заводъ, верстахъ въ 20 отъ Самары вверхъ по Волгѣ, гдѣ въ описываемое время находился *Сѣрный городокъ*. Здѣсь добывали сѣру изъ высокой горы, у подошвы которой находился самый заводъ; иногда попадалась здѣсь и натуральная сѣра на подобіе янтаря. Означенный заводъ находился въ вѣдѣніи Главной канцеляріи артиллеріи и фортификаціи; для производства работъ къ нему было приписано нѣсколько ясачныхъ крестьянъ, состоявшихъ подъ непосредственнымъ надзоромъ особаго офицера, назначеннаго отъ упомянутой канцеляріи[c]. Неподалеку отъ Сергіевска были также открыты и *нефтяные ключи*. Старшина изъ татаръ Надыръ Уразметевъ съ сыномъ Юсупомъ, открывъ четыре нефтяные ключа близъ рѣчки Карамалы, обратился въ Бергъ-Коллегію съ просьбою о дозволеніи устроить ему заводъ на этомъ мѣстѣ, на чтò и получилъ разрѣшеніе 16 іюня 1754 года. Рычковъ, между прочимъ, сообщаетъ, что „ставропольскій коммиссаръ Мои-

---

a) Рычковъ. Топогр. Оренб. губ., ч. I, стр. 182 и 183. Изд. 1887 г. Здѣсь изложенъ и самый способъ промывки глины.

b) Тамъ же.

c) Рычковъ. Топогр. Оренб. губ. Изд. 1887 г., ч. I, стр. 191, а по изд. 1762 года, ч. I, стр. 270. Ср. письмо Рычкова къ Миллеру, отъ 3 іюня 1760 г. въ соч. Пекарскаго: „Жизнь и литер. переписка П. Ив. Рычкова“, стр. 83 и 84.

сей Александровъ сынъ Богдановъ, любопытный читатель книгъ, мужъ довольнаго искусства и вѣроятія", увѣдомилъ его письмомъ, отъ 2 октября 1759 г., что „онъ въ сентябрѣ мѣсяцѣ того года, будучи за своими нуждами далѣе Сергіевска поболѣе тридцати верстъ, видѣлъ рѣчку, которая по-татарски именуется Аиряки, а по-россійски Молочная; сначала, отъ самыхъ вершинъ верстъ на семь или и больше, имѣетъ она воду хорошую и въ лѣтнее время студеную, и такъ впадаетъ въ озеро, которое по длинѣ въ сорокъ, а ширины въ двадцать пять саженъ, глубины мѣстами въ сажень, а индѣ меньше аршина. На днѣ сего озера видны разноцвѣтные признаки, а именно: синіе, желтые, бѣлые, черные и зеленые, а на поверхности воды примѣчается *матерія на подобіе дегтя* и производитъ духъ весьма противный. Помянутая рѣка, протекши сіе озеро, становится уже такъ бѣла, какъ *молоко*, и такою водою течетъ версты на двѣ или на полторы, и впадаетъ въ р. Сургутъ[a], гдѣ еще нѣсколько своей бѣлизны имѣетъ, но потомъ вскорѣ умаляетъ оную и получаетъ чистую воду такую, какову въ вершинѣ своей имѣла. Означенное озеро отъ пригорода Сергіевска въ тридцати, а отъ чувашской деревни Иштулкиной въ восьми верстахъ" [b]).—Палласъ, описывая р. Сокъ, замѣчаетъ также, что около Семенова онъ встрѣтилъ нефтяные ключи[c].

Намъ уже извѣстна попытка Соймонова построить около Табынска стекольный заводъ[d]; но за недостаткомъ мастеровъ намѣреніе его не осуществилось. Неплюевъ, заботясь о широкомъ развитіи промышленности, постарался найти частныхъ предпринимателей и для обработки стекла; при немъ въ Исетской провинціи было устроено два стекольные завода: одинъ на рѣчкѣ Духовкѣ въ 23 верстахъ отъ Исетска, а другой въ 15 в. отъ него же на рѣчкѣ Юзѣ; первый принадлежалъ челябинскому купцу Аѳанасью Битюгову, а второй Челябинскому же купцу Ѳедору Токареву съ братьями. Въ семи верстахъ отъ Исетска, на рѣчкѣ Боровкѣ, Аѳанасій Битюговъ, владѣтель Духовскаго стекольнаго завода, устроилъ шляпную фабрику, а въ 78 в. отъ Исетска, на р. Осиновкѣ, П. И. Шуваловъ завелъ винокуренный заводъ[e]. Кромѣ того, въ Оренбургскомъ краѣ умѣли приготовлять спиртъ изъ молока и сыворотки для домашняго употребленія[f].

---

[a]) Будучи въ 1867 г. въ селѣ Сидоровкѣ, подлѣ котораго протекаетъ р. Сургутъ, авторъ настоящей монографіи лично убѣдился въ присутствіи сѣры въ этой рѣкѣ: въ самоварѣ съ этой водой получался такой осадокъ сѣры, что нельзя было пить,—приходилось брать для того воду изъ колодца.

[b]) Топогр. Оренб. губ., ч. II, стр. 316. Изд. 1887 г.

[c]) Маракуевъ. П. С. Палласъ, стр. 66.

[d]) Смотр. выше стр. 385 въ настоящей монографіи.

[e]) Рычковъ. Топогр. Оренб. губ. Изд. 1887 г., стр. 352.

[f]) См. статью Рычкова: „Опыты виннаго куренія на домашній расходъ" въ „Труд. В. Э. Общ." 1767 г., ч. V.

Территорія Оренбургскаго края изобиловала также разнаго рода и цвѣта красками. Крестьяне Карачевскаго форпоста Скородумовы въ 1752 году нашли *синюю* краску, похожую на брусковую, на рѣчкѣ Бердяшѣ, верстахъ въ пяти отъ мѣста жительства старшины Шиганая Бурчакова, и на правомъ берегу рѣки Синары при одномъ ключѣ, находившемся въ верстѣ отъ Усть-Багарядкаго юрта[a]. При Троицкомъ Раѳаиловѣ монастырѣ добывали краску *умбру*[b], около Сергіевска—*вохру*[c], а при деревнѣ Ильиной, въ 31 верстѣ отъ Исетска, на лѣвой сторонѣ р. Юрумы, найдена была *лазоревая* краска, на подобіе кубовой[d]. Верхотурскій купецъ и заводчикъ Максимъ Походяшевъ, нашедшій эту краску, называлъ ее мѣдною рудою и безъ своего позволенія брать ее никого не допускалъ[e]. На берегу р. Эрезеня, въ Мурзаларской волости по Сибирской дорогѣ, въ одной горѣ переводчикъ Уразлинъ нашелъ *красную* краску, какая встрѣчалась и близъ Орской крѣпости; тѣмъ же Уразлинымъ была открыта *синяя* краска въ Кудейской волости, между рѣкъ Сима и Эрезеня. Кромѣ того, въ Оренбургской губерніи находили особый родъ *кошенили,* приготовляемый изъ червячковъ, водящихся на клубникѣ (potentilla); оренбургскій coccus, по отзывамъ аптекаря и почетнаго члена Академіи Наукъ Моделя, уступая американскому, оказался лучше польскаго (coccus polonicus)[f]; малороссы или черкасы, поселившіеся на р. Кинели, добывали изъ него хорошую краску[g]. Въ южныхъ мѣстахъ Оренбургской губерніи были сдѣланы попытки къ разведенію хлопка при содѣйствіи пріѣзжавшихъ въ Оренбургъ хивинцевъ, бухарцевъ и ташкентцевъ (сартовъ); для этой цѣли казанскимъ татарамъ, занимавшимъ Каргалинскую или Сеитовскую слободу, позволено было кортомить и покупать у башкирцевъ земли[h]. Цѣна бумажнаго хлопка въ Оренбургѣ при Неплюевѣ была отъ 10 до 15 коп. за фунтъ въ сыромъ видѣ, а въ пряжѣ отъ 30 до 40 коп.[i] Башкирки умѣли прясть нитки и ткать холстъ изъ

---

a) Тамъ же, стр. 192 и 193.

b) Тамъ же, стр. 353.

c) Тамъ же, стр. 193.

d) Тамъ же, стр. 352.

e) Тамъ же, стр. 192.

f) Объ Оренбургск. кошенили смотр. статьи П. И. Рычкова въ «Труд. Вольно-Экон. Общ.» за 1767 г., ч. VI, стр. 69—83; 1768 г., ч. IX, 164—173; 1770 г., ч. XV, 80—87; 1771 г., ч. XVIII, 215—226.

g) Пекарскій.—Жизнь и литер. переп. П. И. Рычкова. Спб. 1867 г., стр. 98—100.

h) П. С. З., т. XV, указъ 8 авг. 1755 г. Ср. Топ. Оренб. губ. Рычкова, стр. 255. Изд. 1887 г.

i) См. статью Рычкова: «О мануфактурахъ изъ хлопчатой бумаги и верблюжьей шерсти» въ «Труд. В. Эк. Общ.» за 1766 г., ч. II, стр. 89—101.

крапивы. Рычковъ, сообщая о томъ Миллеру, писалъ слѣдующее: „въ Зауральской Башкиріи будучи, почти во всѣхъ башкирскихъ деревняхъ я видѣлъ, что башкирскія бабы и дѣвки, собирая въ осень крапиву, умѣютъ ее такъ учреждать, какъ посконь: прядутъ изъ нея нитки и дѣлаютъ изъ нихъ холстины. Мнѣ мнится по кудели, что веревки и канаты не хуже пеньковыхъ изъ крапивной кудели могутъ быть сдѣланы"[a).— Оренбургскіе пуховые платки и другія издѣлія изъ козьяго пуха, приготовляемыя и теперь въ Оренбургской губерніи, получили свое начало также въ описываемое время, благодаря указаніямъ Рычкова[b).

Извѣстно, что Петръ Великій, заботясь о развитіи въ Россіи горнаго дѣла, особенно старался поощрять частную предпріимчивость: право отыскивать руду было предоставлено отъ него всѣмъ, даже на чужихъ земляхъ, «*дабы* (говорилъ онъ) *Божіе благословеніе подъ землею втунѣ не оставалось*». Неплюевъ, какъ ученикъ Петра, остался вѣренъ ему и въ этомъ отношеніи, отстаивая предъ правительствомъ права частныхъ заводчиковъ и вообще промышленныхъ силъ ввѣреннаго ему обширнаго края. Благодаря энергіи и заботамъ Неплюева, какъ мы видимъ, въ Оренбургской губерніи были открыты разныя руды, заведены желѣзодѣлательные, мѣдеплавильные, стекольные и винокуренные заводы; здѣсь обработывалась въ фарфоръ глина, полировались разные камни; жители края умѣли находить селитру, алебастръ, нефть, квасцы, сѣру, разныхъ цвѣтовъ краски; при Неплюевѣ началась правильная обработка соли; урегулированы были рыбные и др. промыслы; башкирцы занялись приготовленіемъ пряжи и холста изъ крапивы и камня—азбеста, гнали изъ молока и сыворотки спиртъ для домашняго употребленія и т. п. Такъ умѣлъ пробудить къ жизни природныя богататва и силы Оренбургскаго края этотъ, безспорно, могучій умъ и энергичный труженикъ на поприщѣ государственной и общественной жизни.

Перейдемъ теперь къ обзору его мѣропріятій, для развитія внутренней и внѣшней торговли въ Оренбургскомъ краѣ, въ связи съ его отношеніями къ киргизъ-кайсакамъ и другимъ средне-азіатскимъ народамъ.

---

a) Пекарскій.—Жизнь и литер. переп. П. И. Рычкова, стр. 94. Ср. «Труд. В Экон. Общ.» 1770 г., ч. XV, 84—112.

b) Опытъ о козьей шерсти, Тамъ же, 1766 г., ч. II, стр. 63—68.

ГЛАВА XXIII.

Заботы Петра Великаго о началѣ торга съ Индіей и Персіей.—Состояніе торговли въ Оренбургскомъ краѣ до Неплюева.—Первыя торговыя сношенія русскихъ съ средне-азіатскими народами.—Грабежи торговыхъ каравановъ.—Добровольное принятіе каракалпаками русскаго подданства и вѣроломство Абулъ-Хаиръ-Хана.—Предосторожности отъ нападенія киргизъ-кайсаковъ.—Причины вражды между Неплюевымъ и Абулъ-Хаиромъ.—Козь-Ахметъ-Салтанъ.—Междоусобія въ Малой киргизской ордѣ и убійство Абулъ-Хаира.

Свободная торговля и искусное рукодѣліе составляютъ изобиліе и силу государства.

Петръ Великій.

Укрѣпляя пограничную линію съ киргизскими степями и стараясь охватить всю Башкирію кольцомъ крѣпостей и редутовъ, Неплюевъ въ то же время хорошо сознавалъ, что ни крѣпости съ ихъ гарнизонами, ни вооруженные и сильные отряды солдатъ и казаковъ не могли замѣнить той духовной и ассимилирующей силы, которая, не требуя потоковъ крови и человѣческихъ жертвъ, постепенно смягчаетъ и уничтожаетъ племенную рознь между чуждыми народами, внушаетъ имъ взаимное довѣріе и способствуетъ взаимному обмѣну понятій, нравовъ, произведеній природы и т. п. Глубоко проникнутый этимъ убѣжденіемъ, Неплюевъ особенно заботился о лучшей организаціи внутренняго административнаго устройства среди разноплеменнаго населенія края. Во все время, пока во главѣ управленія Оренбургскимъ краемъ стоялъ Неплюевъ, на передовыхъ постахъ стратегической линіи и въ авангардѣ военныхъ отрядовъ находились увѣщаніе, дружелюбіе, гуманность и справедливость, по отношенію къ инородческимъ племенамъ края, и только въ крайнемъ случаѣ Неплюевъ позволялъ обращаться къ помощи солдатскаго штыка и казачьей пики, которые, благодаря его осторожности, всегда были наготовѣ, но и въ этомъ послѣднемъ случаѣ онъ предпочиталъ дипломатическія мѣры и политическій тактъ. Искренно желая мирнаго развитія края и сближенія его населенія съ средне-азіатскими народами, Неплюевъ обратилъ особенное вниманіе на развитіе промышленныхъ и торговыхъ силъ страны. Намъ уже извѣстно, что едѣ-

далъ Неплюевъ для развитія промышленности въ Оренбургскомъ краѣ[a]; разсмотримъ теперь его мѣропріятія относительно торговли, отмѣтивъ въ общихъ чертахъ состояніе ея до Неплюева.

Торговля, какъ показалъ опытъ, совершаетъ свои завоеванія издали, иногда даже гораздо прежде, чѣмъ завладѣютъ варварами цивилизованные народы; живой примѣръ и доказательство этого мы видимъ въ Англіи, которая держитъ въ торговомъ подданствѣ Турцію, Испанію, Португалію и цѣлыя племена дикарей въ Азіи, Африкѣ, Америкѣ и Австраліи. Англійскіе купцы находили возможность и во время Неплюева пробираться въ киргизскія степи и продавать киргизамъ свои товары: поручикъ Гладышевъ въ 1742 году[b] встрѣтилъ въ Малой Киргизской ордѣ англійскаго купца Джока, у котораго онъ и самъ покупалъ товары для подарковъ каракалпакамъ [c]. Развитіе торговли въ Оренбургскомъ краѣ, какъ и развитіе промышленности, обѣщало большія финансовыя выгоды казнѣ и частнымъ лицамъ, что также хорошо понималъ Неплюевъ. Чулковъ утверждаетъ, что русскіе и татары издавна вели торговлю съ туркменцами, отправляясь изъ Астрахани на небольшихъ лодкахъ по Каспійскому морю къ Туккарачайской пристани. Туркменецъ изъ колѣна Садырь, по имени Ходжа-Нефесъ, познакомившись съ астраханскими торговыми людьми, просилъ взять его въ Астрахань для сообщенія важнаго предложенія, „къ великой пользѣ Государства Россійскаго служащаго".— По прибытіи въ Астрахань въ 1713 г, Ходжа-Нефесъ познакомился съ жившимъ здѣсь персидскимъ княземъ изъ Гилани, который принялъ крещеніе и былъ извѣстенъ между русскими подъ фамиліей князя Самонова. Вскорѣ послѣ этого, Ходжа-Нефесъ, въ сопровожденіи Самонова, отправился въ Москву, былъ представленъ Государю Петру Великому, сообщилъ ему о богатствахъ Средней Азіи и подробно изложилъ свой планъ о возможности завести торговлю съ Индіей. Въ то же время хивинскій посолъ Ачерби увѣрялъ, что средне-азіатскія рѣки изобилуютъ золотоноснымъ пескомъ, и просилъ Петра построить при устьѣ Аму-Дарьи русскій городъ съ гарнизономъ въ 1000 чел. Подъ вліяніемъ этихъ разсказовъ Нефеса и Ачерби, Петръ и пришелъ къ мысли объ экспедиціи въ Хиву Бековича Черкасскаго.

---

a) См, выше гл. XXI и XXII.

b) Въ первоначальномъ очеркѣ: «Неплюевъ и Оренбургъ,», по недосмотру корректора, означенъ ошибочно 1642 годъ. Смотр. въ отд. оттискѣ стр. 358.

c) Левшинъ. Описаніе Киргизъ-Кайсацкихъ ордъ и степей, ч. II, стр. 161. Слич. Чтен. Общ. Истор. и древн. Росс. за 1861 г., № 1.

Въ 1716 году Бековичъ, получивъ инструкцію отъ Государя, отправился въ Астрахань, чтобы „развѣдать о восточной Индіи и о тамошней коммерціи ея сухо-водянымъ путемъ". По прибытіи въ Астрахань, Бековичъ командировалъ нѣсколько офицеровъ-геодезистовъ, въ сопровожденіи Нефеса и Самонова, для съемки на карту Каспійскаго и Аральскаго морей, а самъ, пригласивъ съ собой охотниковъ изъ астраханскихъ купцовъ (русскихъ, бухарцевъ и татаръ), переправился въ Закаспійскую степь. Будучи уже за р. Эмбой, Бековичъ получилъ собственноручный указъ Петра Великаго, которымъ повелѣвалось избрать и послать черезъ Персію въ Индію надежнаго человѣка, чтобы онъ „развѣдалъ о золотѣ", а оттуда чрезъ Китай—въ Бухарію. Бековичъ избралъ для этого мурзу Тевкелева, но печальный исходъ экспедиціи въ Хиву помѣшалъ Петру въ осуществленіи намѣченнаго имъ плана. Впрочемъ Петръ не потерялъ надежды къ достиженію цѣли. Извѣстно, что бухарскій эмиръ отнесся весьма несочувственно къ безчеловѣчному убійству Бековича, почему Петръ, по свидѣтельству Чулкова, „новую возымѣлъ надежду для торга съ Индіею, чего ради отправленъ былъ черезъ Персію къ означенному бухарскому эмиру Флоріо Беневій (Беневени)", который зналъ языки персидскій, турецкій и татарскій и занималъ мѣсто секретаря Оріентальной Экспедиціи при Коллегіи Ин. Дѣлъ. Чулковъ говоритъ, что цѣль Низоваго (Персидскаго) похода Петра заключалась, между прочимъ, въ желаніи завести торговыя сношенія съ Персіей. Когда Петръ находился въ Астрабадскомъ заливѣ, лейтенантъ Соймоновъ доложилъ ему, что самая лучшая дорога до Японіи и Индіи черезъ Сибирь; но Петръ отвѣтилъ ему на это: „не нынѣ, да и далеко, а способнѣе отъ Астрабада до бухарскаго городка Балха: на верблюдахъ не больше двѣнадцати дней ходу".—Въ томъ же году, при отправленіи въ Гилань съ транспортнымъ судномъ капитанъ-лейтенанта Соймонова, Петръ имѣлъ разсужденіе съ купцомъ Андреемъ Семеновымъ о предбудущей коммерціи съ Индіей или Мингреліей и о прочихъ мѣстахъ, находящихся къ западу отъ Каспійскаго моря, и самъ указалъ главный торговый пунктъ для русскихъ купцовъ на р. Курѣ, куда въ 1724 г. изъ Казанской губерніи было отправлено 5000 чел. мордвы, чтобы построить здѣсь крѣпость; тогда же Соймоновъ получилъ приказаніе заводить крѣпости въ Мезандронской и Астрабадской провинціяхъ, съ цѣлію обороны и торговли съ Индіей. „Но всѣ сіи премудрыя Его Величества, нужнѣйшія и прибыточныя къ славѣ Россійскаго Государства предпріятія (замѣчаетъ Чулковъ) пресѣклись; вопервыхъ: убіеніемъ князя Бековича отъ хивинскаго хана, и хотя начатая онымъ княземъ экспедиція не имѣла желаемаго успѣшнаго окончанія, *но послужила однакожъ*

къ заведенію Оренбургской губерніи; во вторыхъ, что всего наиважнѣе, съ кончиною сего премудраго Государя, отца отечества и неусыпнаго о благополучіи подданныхъ попечителя, а по времени и случаемъ уступкою всѣхъ провинцій, по-прежнему, Персидской державѣ [a])".

Иниціатива колонизаціоннаго и торгово-промышленнаго движенія чрезъ киргизскія степи въ Среднюю Азію принадлежитъ Петру Великому, который называлъ эти степи *ключемъ* къ средне-азіатскимъ странамъ[b]). Чтобы отпереть ворота въ Среднюю Азію и проложить чрезъ нихъ путь торговому и политическому вліянію Россіи на востокъ, необходимо было овладѣть этимъ ключемъ. Флоріо Веневій (Беневени), командированный Петромъ въ Бухарію, прожилъ тамъ почти четыре года, начиная съ осени 1721 г. и до весны 1725 года. Беневени близко и непосредственно ознакомился съ природными богатствами Средней Азіи[c]), а его камердинеръ Николо Миноръ, по желанію Беневини, сопровождалъ одинъ изъ торговыхъ каравановъ въ Балхъ, Бадакшанъ и попутные города[d]). Сознавая трудность пути со стороны Сибири и Каспійскаго моря, вслѣдствіе неудавшихся раньше попытокъ, Петръ Великій задумалъ избрать третій путь въ Среднюю Азію чрезъ киргизскія степи. Не смотря на топографическія неудобства этого пути (обиліе песковъ, отсутствіе рѣкъ и т. п.), Петръ былъ убѣжденъ, что только съ присоединеніемъ къ Россіи киргизскихъ степей можно будетъ извлечь пользу изъ сношеній съ среднеазіатскими народами. Несчастный исходъ экспедиціи Бековича Черкасскаго въ Хиву не ослабилъ стремленій Петра на востокъ: не даромъ же онъ готовъ былъ издержать милліонъ рублей только на то, чтобы „Киргизская орда хотя однимъ листомъ подъ протекціею Россійской Имперіи быть обязалась[e])", но смерть помѣшала Петру осуществить свои планы; прорубивъ окно въ З. Европу, Петръ предоставилъ своимъ преемникамъ овладѣть ключемъ и отворить ворота въ Среднюю Азію.

Умеръ Петръ Великій, но не умерли его дѣла, мысли, планы и намѣренія. Прошло восемь лѣтъ со времени смерти Петра,—и Россія приблизилась къ воротамъ Средней Азіи: Абулъ-Хаиръ, ханъ Малой Киргизской Орды, изъявилъ желаніе припять русское подданство и просилъ объ основаніи и устройствѣ русскаго города при устьѣ р. Ори. Оберъ-се-

---

a) Чулковъ Мих. «О древней Росс. коммерціи при Каспійскомъ морѣ» и проч. Спб. 1781 г. т. II, кн. III. Сравн. въ Оренб. Городск. библіотекѣ рукоп. Генса, 4 f, стр. 671.
b) См. выше стр. 136.
c) См. въ IX т. Запис. Русск. Геогр. Общ.; «Донесенія и письма Беневени».
d) Костенко. Средняя Азія, стр. 102.
e) См. выше стр. 136.

кретарь Сената, И. К. Кирилловъ, какъ мы уже знаемъ, составилъ проэктъ о мѣрахъ и средствахъ для осуществленія желаній Абулъ-Хаира и плана, намѣченнаго еще Петромъ Великимъ; проэктъ былъ одобренъ и снаряжена особая экспедиція, для его выполненія, подъ начальствомъ самого Кириллова. Съ ходомъ и результатами этой экспедиціи мы уже знакомы[a]). Не смотря на громадныя затрудненія въ пути и препятствія со стороны башкиръ, Кирилловъ все-таки дошелъ до устья р. Ори и основалъ здѣсь русскій городъ Оренбургъ, переименованный впослѣдствіи въ Орскъ; но мѣновая торговля съ средне-азіатскими народами на границѣ съ киргизскими степями происходила и раньше основанія этого города. Мѣна товаровъ производилась преимущественно между хивинцами, бухарцами, киргизами и кочевавшими по правому берегу рѣки Яика калмыками. Въ лѣтнее время киргизы иногда располагались на кочевья невдалекѣ отъ р. Яика и по его лѣвымъ притокамъ, особенно по Утвѣ и Илеку, куда являлись средне-азіатскія гости и на бумажныя ткани вымѣнивали у киргизъ барановъ, лошадей и верблюдовъ, продавая потомъ ихъ съ большими барышами въ Хивѣ и другихъ мѣстахъ. Бывали случаи, что хивинцы и бухарцы пріѣзжали съ своими товарами къ самому учугу на Яикѣ, чтобы размѣняться предметами вывоза съ калмыками, причемъ иногда происходили столкновенія и съ Яицкими казаками, какъ это видно изъ слѣдующей жалобы въ Коллегію Иностранныхъ Дѣлъ.

Хивинскій купецъ Достъ-Магометъ—Абаза и бухарецъ Абдулъ—Джабаръ 28 ноября 1734 г. подали въ К. И. Дѣлъ жалобу на Яицкихъ казаковъ, разграбившихъ ихъ караванъ съ товарами. Изъ этой жалобы видно, что средне-азіатскіе гости прибыли на рѣку Яикъ съ своимъ караваномъ въ апрѣлѣ 1732 года и десять дней дожидались спада воды, по случаю весенняго половодья, чтобы потомъ пробраться къ калмыкамъ. Комендантъ и охранитель учуга объявилъ имъ, что калмыки откочевали далеко въ степь и приказалъ имъ ѣхать въ Яицкій городокъ. Вслѣдствіе этого, караванъ прибылъ къ самому учугу; казаки взяли караванныхъ старшинъ и повезли ихъ къ своему атаману, а съ наступленіемъ ночи караванъ былъ разграбленъ; 15 челов. изъ охранявшихъ караванъ киргизовъ были убиты, а остальные перевязаны. Казаки захватили на 4705 р. 90 к. разнаго товара и 558 бухарскихъ червонцевъ[b]), такъ-что вся добыча казаковъ равнялась почти шести тысячамъ рублей.

---

a) См. выше стр. 118—158, гл. VI.

b) Червонецъ стоилъ 2 р, 60 коп.; слѣдовательно въ 558 червонцахъ было 1227 р. 60 коп.

Между тѣмъ караванные старшины, увезенные казаками, только на слѣдующее утро увидали атамана рыболовства, который объявилъ имъ, что разграбленіе ихъ каравана произошло по ошибкѣ, такъ-какъ казаки приняли ихъ за каракалпаковъ. Выражая сожалѣніе объ убитыхъ стражникахъ, атаманъ однакожъ предупредилъ купцовъ, что казаки не хотятъ возвратить отнятыхъ у нихъ товаровъ и что не лучше-ли имъ, въ избѣжаніе новыхъ непріятностей, отправиться въ свои мѣста жительства и предложилъ имъ на дорогу четыре верблюда и на шесть дней провіанту. Средне-азіатскіе гости, попавшіе въ ловушку, приняли предложеніе атамана и отправились во-свояси, чтобы только вырваться изъ рукъ наружно соболѣзновавшихъ о нихъ казаковъ; но, выѣхавъ въ степь, они раздѣлились на двѣ партіи: одни отправились въ свои мѣста, а другіе явились къ коменданту учуга и сообщили ему о разграбленіи каравана. Комендантъ посовѣтовалъ имъ обратиться за удовлетвореніемъ ихъ жалобы къ астраханскому губернатору. Потерпѣвшіе наняли судно и отправились въ Астрахань. По прибытіи въ городъ, они явились къ губернатору, который, выслушавъ потерпѣвшихъ, отправилъ ихъ, подъ охраною особаго конвоя солдатъ, въ Яицкій городокъ, для вытребованія отъ казаковъ ограбленныхъ денегъ и товара; въ случаѣ упорства казаковъ, губернаторъ обѣщался донести о томъ самой Императрицѣ, согласно волѣ которой онъ и долженъ будетъ поступить. Когда заѣзжіе и ограбленные купцы прибыли въ Яицкій городокъ, войсковой атаманъ до трехъ разъ собиралъ казаковъ въ Кругъ и объявилъ потерпѣвшимъ, что ихъ товары и деньги цѣлы, но что казаки не соглашаются отдать ихъ до тѣхъ поръ, пока на то не послѣдуетъ указа самой Государыни. Абаза и Джабаръ, сообщивъ о томъ астраханскому губернатору, отправились въ Петербургъ, гдѣ въ то время находился и сынъ войсковаго атамана Григорья Меркурьева Иванъ, принимавшій участіе въ ограбленіи каравана. Между тѣмъ астраханскій губернаторъ распорядился послать въ Яицкій городокъ, для производства слѣдствія, капитана Ив. Порѣцкаго, который, исполнивъ порученное ему дѣло, представилъ въ Военную Коллегію о томъ особый экстрактъ, а Джабаръ и Абаза подали съ своей стороны жалобу въ Коллегію Ин. Дѣлъ, прося удовлетворенія и защиты. При слѣдствіи, какъ то видно изъ дѣла, казаки „во взятьѣ червонцевъ и многаго числа товаровъ“ заперлись и показали, что, во время нахожденія ихъ на рыболовствѣ, на отводный караулъ напали хивинцы и бухарцы, вмѣстѣ съ киргизами и каракалпаками, вслѣдствіе чего и завязалась драка.—Вскорѣ на выручку караульныхъ,—какъ показывали далѣе казаки,—прибылъ новый отрядъ; хивинцы, бухарцы и сообщники ихъ—киргизы были разбиты; далѣе казаки

показали, что во время этой драки дѣйствительно были отняты у купцовъ нѣкоторыя вещи, но далеко не на такую сумму, какъ показываютъ потерпѣвшіе, и что эти вещи „по ихъ казачьему обыкновенію“ тотчасъ же и были раздѣлены между собой.

Коллегія Иностранныхъ Дѣлъ, получивъ жалобу купцовъ, затребовала отъ астраханскаго губернатора свѣдѣнія о случившемся грабежѣ каравана. Губернаторъ донесъ, что слѣдствіе по этому дѣлу уже произведено капитаномъ Порѣцкимъ и экстрактъ о томъ отправленъ въ Военную Коллегію.—Между тѣмъ Военная Коллегія, разсмотрѣвъ дѣло, не нашла казаковъ виновными и, препровождая копію съ слѣдственнаго экстракта въ Коллегію Иностранныхъ Дѣлъ, просила навести справку: „не было-ли отъ оныхъ ордъ въ то время россійскимъ подданнымъ какого разоренія или взятья въ плѣнъ, понеже у нихъ найдены нѣкоторыя солдатскія амуничныя вещи, а какъ извѣстно, что бухарцы въ прошлыхъ годахъ пограбили полковника Гарбера съ карваномъ[a]. Какъ и чѣмъ рѣшила это дѣло К. И. Дѣлъ, намъ неизвѣстно, но едва-ли купцы получили свои товары и деньги, тѣмъ болѣе, что въ грабежѣ ихъ каравана былъ замѣшанъ и сынъ войсковаго атамана Григорья Меркурьева, пользовавшагося особенной благосклонностью вліятельныхъ при Государынѣ лицъ.

Несомнѣнно, что такія столкновенія оберегателей русской границы на востокѣ съ заѣзжими средне-азіатскими купцами должны были охладить стремленія послѣднихъ съ торговыми цѣлями на р. Яикъ; но нельзя сказать, чтобы и послѣ этого средне-азіатскіе народы не старались войти въ торговыя сношенія съ Россіей. Въ 1734 году нѣсколько ташкентскихъ купцовъ—сартовъ, услыхавъ о предположенномъ построеніи русскаго города на устьѣ р. Ори, сообщили о томъ своимъ городскимъ старшинамъ и тогда же, съ дозволенія послѣднихъ, нѣсколько человѣкъ изъ нихъ отправились съ товарами въ Уфу чрезъ владѣнія Абулъ-Хаиръ-Хана, который не только позволилъ имъ свободно пройти чрезъ свои земли, но далъ имъ еще и проводниковъ изъ киргизовъ. Въ началѣ 1735 г. сартскіе купцы прибыли въ Уфу и заявили И. К. Кириллову, что они желали-бы учредить въ новомъ городѣ ярмарку, обѣщаясь ежегодно пріѣзжать на нее съ торговыми караванами и приглашая къ себѣ въ Ташкентъ, имѣвшій уже тогда до 6000 домовъ и до 150 мечетей[b], русскихъ купцовъ съ ихъ товарами. Кирилловъ весьма сочувственно отозвался на это

---

a) См. въ чернов. бумагахъ І, И. Желѣзнова (по описи № 31) выписку изъ книгъ Казач. Повытья № 9, л. 386.

b) Рычковъ, Топогр. Оренб, губ., ч. І, стр. 32.

предложеніе, тѣмъ болѣе, что въ 10 пунктѣ данной ему инструкціи было сказано: „По основаніи города и послѣ свиданія съ Абулъ-Хаиромъ, при первомъ удобномъ случаѣ, отправить караванъ въ Бухарію и, если можно, далѣе; равнымъ образомъ стараться о привлеченіи въ Россію для торговли купцовъ изъ разныхъ мѣстъ Азіи".—Въ то же время Кирилловъ, за неимѣніемъ крупныхъ капиталистовъ въ Уфѣ, посовѣтывалъ ташкентскимъ купцамъ отправиться съ ихъ товарами въ Казань, снабдивъ ихъ рекомендательнымъ письмомъ, въ которомъ просилъ, чтобы имъ было оказано „всякое приласканіе и увольненіе отъ пошлинъ". Сарты-купцы, воспользовавшись благимъ совѣтомъ и содѣйствіемъ Кириллова, отправились въ Казань, гдѣ съ выгодой продали свои товары и возвратились въ Ташкентъ чрезъ Оренбургъ (Орскъ), который уже началъ отстраиваться.

Добровольный пріѣздъ въ Россію ташкентскихъ купцовъ-сартовъ вполнѣ отвѣчалъ видамъ Русскаго правительства, желавшаго осуществить намѣренія Петра Великаго. Съ цѣлію наибольшаго привлеченія русскихъ къ поселенію въ Оренбургѣ, жителямъ новаго города дарованы были разныя привиллегіи: дома ихъ были освобождены отъ всякаго постоя, дозволено заводить фабрики и открывать заводы и т. п.[a]. Чтобы предотвратить возможность недоразумѣній, споровъ и ссоръ, при сборѣ таможенныхъ пошлинъ съ товаровъ, Кириллову было поручено составить особый тарифъ, примѣнительно къ другимъ пограничнымъ (азіатскимъ) странамъ. Кирилловъ „для установленія и учрежденія новой коммерціи" пригласилъ Ив. Рычкова[b], но онъ прибылъ въ Самару уже послѣ смерти Кириллова, а вскорѣ и самъ скончался[c]. Кромѣ того, предположено было устроить на Аральскомъ морѣ пристань и обезопасить ее вооруженными судами. Для осуществленія этого намѣренія, думали построить нѣсколько шлюпокъ на р. Яикѣ и затѣмъ, разобравъ ихъ, держать наготовѣ со всѣми принадлежностями, чтобы потомъ, при первой возможности, перевести ихъ на Аральское море и вооружить пушками[d].

Въ 1736 году предположено было отправить въ Ташкентъ торговый караванъ, проводниками котораго въ пути могли-бы служить ташкентскіе купцы-сарты, прибывшіе въ Казань. Вмѣстѣ съ этимъ караваномъ долженъ былъ отправиться, подъ видомъ купца, капитанъ англійской мор-

---

a) Чулковъ, ч. II, кн. 3, стр. 14, 20, 23. Сравн. Семенова: «Истор. изученіе свѣд. о росс. торговлѣ», ч. III, стр. 181.

b) Отецъ П. И. Рычкова, историка Оренбургскаго края.

c) Сочин. и Перевод. за 1759 г., апрѣль, стр. 335. Ср. Пекарскаго: «Жизнь и литер. переписка П. И. Рычкова», стр. 7.

d) Левшинъ. Описаніе киргизъ-кайсацкихъ ордъ и степей, ч. II, стр. 115, Сравн. Топогр. Оренб. губ. Рычкова, ч. I, стр. 213.

ской службы Эльтонъ, для собранія топографическихъ свѣдѣній о Ташкентскихъ владѣніяхъ и особенно для обозрѣнія и описанія Аральскаго моря, но смерть Кириллова помѣшала осуществленію этого плана. Впослѣдствіи еще разъ обратились къ попыткѣ построенія русскаго города на Аральскомъ морѣ, но и эта попытка кончилась безуспѣшно, а Эльтонъ перешелъ на службу къ персидскому шаху Надиру[a].

Мы уже знаемъ, что И. К. Кирилловъ, вмѣсто распространенія торговли въ Оренбургскомъ краѣ, долженъ былъ вести упорную борьбу съ башкирцами, которые не жалѣли ни жизни, ни имущества, чтобы только отстоять свое господство надъ обширною страною. По случаю постоянныхъ волненій среди башкиръ, русскіе купцы боялись ѣздить въ новопостроенный Оренбургъ (Орскъ), тѣмъ болѣе, что проѣздъ туда былъ соединенъ съ большими опасностями; но азіатскіе купцы и киргизы не переставали посѣщать новый городъ и въ это время, вымѣнивая нужныя для нихъ вещи, хотя эта мѣна въ первое время была весьма незначительна и совершалась безпошлинно. Преемникъ Кириллова, В. Н. Татищевъ поручилъ Рычкову—отцу составить купеческій тарифъ, но престарѣлый Рычковъ, какъ мы уже замѣтили, не успѣвъ окончить этого дѣла, скончался въ 1738 г. Въ томъ же году было положено завести съ киргизами торговлю для вымѣна у нихъ верблюжьей шерсти, которая шла на приготовленіе англійскихъ комлотовъ и другихъ шерстяныхъ матерій. Татищевъ приказалъ построить внѣ города *Мѣновой Дворъ* съ потребнымъ числомъ лавокъ и открылъ въ городѣ ярмарку, стараясь привлекать на нее киргизовъ, хивинцевъ, бухарцевъ и сартовъ. Посѣтивъ первоначальный Оренбургъ, для приведенія къ присягѣ Абулъ-Хаиръ-Хана, Татищевъ снарядилъ и отправилъ въ Ташкентъ первый торговый караванъ, въ которомъ разнаго товара было на 20000 рублей[b]. Начальникомъ этого каравана былъ назначенъ поручикъ Миллеръ, при коемъ находился офицеръ-геодезистъ для топографическихъ работъ. Къ сожалѣнію, исходъ этого предпріятія былъ печальный: на разстояніи двухдневнаго пути отъ Ташкента караванъ былъ разграбленъ киргизами Большой орды[c]. Такой исходъ перваго русскаго каравана въ Среднюю Азію тѣмъ болѣе былъ непріятенъ Татищеву, что часть его товаровъ была казенная.

В. Н. Татищевъ послѣ этого убѣдился, что покуда не будетъ должнымъ образомъ изслѣдованъ и обезопашенъ караванный путь въ Среднюю Азію, до

---

a) Тамъ же, стр. 201.
b) Левшинъ. Опис. Кирг. ордъ, ч, II, стр. 137. Сравн. Оренб. Еп. Вѣд. за 1873 г., стр. 163.
c) Рычковъ. Топогр. Оренб. губ., ч. I, стр. 27.

тѣхъ поръ не мыслима никакая мѣновая торговля съ ея обитателями; но правительство и послѣ этого не переставало дѣлать нѣкоторыя попытки для достиженія намѣченной цѣли. Въ 1739 году изъ Оренбурга (Орска) были отправлены еще два каравана, которые невдалекѣ отъ города, въ степи, были разграблены киргизами Малой орды [a]. Дѣти хана Абулъ-Хаира, прибывшіе въ Оренбургъ въ 1740 году, обѣщались князю Урусову, преемнику Татищева, возвратить товары двухъ послѣднихъ каравановъ; но обѣщаніе это не было исполнено: плата за охраненіе каравановъ во время пути была несравненно менѣе той прибыли, какой киргизы пользовались при грабежѣ торговыхъ каравановъ.—Съ другой стороны, отсутствіе точныхъ топографическихъ свѣдѣній о киргизскихъ степяхъ, чрезъ которыя пролегалъ караванный путь, служило большимъ препятствіемъ развитію мѣновой торговли съ Средней Азіей. Киргизы—проводники могли намѣренно заводить караваны въ безводныя и песчаныя мѣста, чтобы съ большимъ удобствомъ произвести здѣсь грабежъ и оставить предпріимчивыхъ смѣльчаковъ въ незнакомой имъ степи одпихъ, на произволъ судьбы. Правительство сознавало это и потому еще Кириллову было приказано, чтобы съ каждымъ караваномъ отправлялись геодезисты для описанія и нанесенія разныхъ мѣстъ на карту [b]; уже были сдѣланы и попытки въ этомъ отношеніи, но несчастный исходъ первыхъ трехъ каравановъ помѣшалъ осуществленію этого дѣла при Татищевѣ. Наиболѣе посчастливилось въ этомъ В. А. Урусову, который, вслѣдствіе просьбы Абулъ-Хаиръ-Хана, командировалъ въ 1740 году на Сыръ-Дарью и въ Хиву геодезиста Муравина и инженера Назимова. Замѣчательно, между прочимъ, то обстоятельство, что Муравинъ былъ даже выбранъ Абулъ-Хаиромъ, владѣвшимъ въ то время Хивою, въ защитники его и ходатаи предъ персидскимъ шахомъ Надиромъ, когда послѣдній приближался къ Хивѣ [c]. Абулъ-Хаиръ выслалъ Муравина на встрѣчу шаха съ привѣтствіемъ и просьбою оставить за нимъ Хивинское ханство. Шахъ Надиръ принялъ Муравина весьма радушно, щедро одарилъ его и выразилъ желаніе лично видѣться съ Абулъ-Хаиромъ, увѣряя, что онъ дружелюбно приметъ и наградитъ его, какъ подданнаго Русской Государыни, съ которой онъ желаетъ жить всегда въ дружбѣ и мирѣ. Но Абулъ-Хаиръ, опасаясь вѣроломства со стороны Надира, удалился въ свои кочевья, а шахъ вступилъ въ Хиву и, освободивъ десять русскихъ плѣнниковъ, отправилъ ихъ съ татариномъ

---

a) Левшинъ. Опис. Кирг. ордъ, ч. II, стр. 140.

b) См. пунктъ II Инструкціи, данной Кириллову.

c) Левшинъ. Опис. Киргис. ордъ, ч. II, стр. 148.

Янаевымъ въ Самару, при чемъ каждый плѣнный получилъ по 50 руб. деньгами и лошадь[a]. — Муравинъ и Назимовъ прожили въ Хивѣ цѣлый годъ, составили первую карту киргизскихъ степей и хивинскихъ владѣній и благополучно возвратились въ Самару[b].

Карта степей, составленная Муравинымъ и Назимовымъ, и разсказы о средне-азіатскихъ странахъ десяти русскихъ плѣнниковъ, прибывшихъ въ Самару съ Янаевымъ, могли достаточно ознакомить предпріимчивыхъ изъ русскихъ купцовъ съ неизвѣстными имъ дотолѣ странами; но неудачный исходъ первыхъ трехъ каравановъ и опасенія, внушаемыя киргизскими нападеніями, повели къ тому, что, не смотря на болѣе положительныя свѣдѣнія о караванномъ пути, въ 1742 году послѣдовало запрещеніе русскимъ купцамъ отправлять торговые караваны въ Среднюю Азію и ѣздить съ товарами въ киргизскія орды[c]. Пошлинный сборъ, начиная съ 1738 и по 1742 годъ, не превосходилъ 3872 р. 39¼ к.[d]. Въ такомъ состояніи находилась оренбургская торговля, когда въ управленіе краемъ вступилъ Неплюевъ.

Почти одновременно съ прибытіемъ Неплюева въ Самару для управленія краемъ, сюда явился и поручикъ Оренбургскаго полка Дмитрій Гладышевъ, находившійся въ Киргизской степи съ 1741 г.[e]. Гладышевъ представился Неплюеву и доложилъ ему, что когда онъ былъ у Абулъ-Хаира, къ нему явилось шестеро каракалпацкихъ старшинъ[f] и трое ходжей и просили его, Гладышева, о принятіи ихъ въ русское подданство со всѣмъ нижне-каракалпацкимъ народомъ, численность котораго простиралась до 30000 кибитокъ, вслѣдствіе чего Гладышевъ, въ присутствіи Абулъ-Хаира, привелъ каракалпацкихъ старшинъ и ходжей къ присягѣ; каракалпаки клялись: „Божіимъ повелѣніемъ по своей вѣрѣ пришли въ россійское подданство и, поцѣловавъ Коранъ, присягали мы нижепоименованные каракалпаки[g]". Вручая Неплюеву присяжные листы, Гладышевъ также передалъ и письмо каракалпацкихъ старшинъ, съ приложеніемъ трехъ чернильныхъ печатей. Въ этомъ письмѣ говорилось, между прочимъ, о давнишнемъ желаніи каракалпаковъ принять русское подданство и о намѣреніи ихъ старшинъ посѣтить Оренбургъ, для личныхъ переговоровъ

---

a) Тамъ же. Поповъ. Татищевъ и его время, стр. 367.
b) Рычковъ. Топ. Оренб. губ., ч. I, стр. 211. Ср. Левшинъ: «Опис. кирг. ордъ», ч. II, стр. 141.
c) Семеновъ. Истор. изученіе свѣд. о росс. торговлѣ въ XVIII в., ч, III, стран. 182. Сл. у Чулкова ч. 2-ю, кн. 3-ю, стр. 23, 32.
d) Рычковъ. Топогр. Оренб. губ., ч. I, стр. 321.
e) См. выше стр. 176.
f) Абейдулла, Муратъ-Шихъ съ сыномъ, Уразанъ-Батырь, Токумбетъ-Бій, Убелай-Салтанъ и Хозя-Мерзень. См. Топ. Ор. губ. Рычковъ, ч. I, стр. 115. Изд. 1887 г., а въ изд. 1762, ч. I, стр. 161.
g) Далѣе слѣдуютъ подписи ихъ именъ и тамги.

о томъ съ пограничнымъ начальствомъ. Въ томъ же году каракалпацкіе депутаты Маморъ и Кушанъ были приглашены Неплюевымъ въ Оренбургъ, куда они прибыли, въ сообществѣ съ Абулъ-Хаиромъ, и здѣсь, отъ имени всего своего народа, торжественно повторили присягу, данную раньше Гладышеву.

Переходъ каракалпаковъ въ русское подданство обѣщалъ большія выгоды для развитія внѣшней торговли Оренбургскаго края, почему Неплюевъ всячески старался пріохотить новыхъ подданныхъ къ поселенію въ самомъ Оренбургѣ. Отправляя Гладышева вторично къ каракалпакамъ, онъ приказалъ ему: „пріохачивать каракалпаковъ, истолковывая имъ Оренбургскую привиллегію, не только къ Оренбургскому торгу, но и на поселеніе въ Оренбургѣ, и кои пожелаютъ при Оренбургѣ жить, тѣхъ отправлять и о таможнихъ ихъ обращеніяхъ, якоже и о смежныхъ къ нимъ народахъ, развѣдывать, а особливо объ аральцахъ узнать и стараться, чтобъ отъ нихъ съ равномѣрнымъ же прошеніемъ, какъ и отъ каракалпакъ, посланцы посланы были[a]“. Гладышевъ возвратился изъ степей, въ сопровожденіи 8 челов. знатныхъ каракалпацкихъ старшинъ и двухъ плѣнниковъ. Старшины, послѣ свиданія съ Неплюевымъ, были отпущены имъ въ Петербургъ, куда прибыли въ августѣ 1743 г. и удостоились аудіенціи Государыни, которая, въ присутствіи Наслѣдника русскаго престола Петра Ѳеодоровича, вручила имъ граммату на вѣрноподданство[b]. Пока каракалпацкіе депутаты были еще въ столицѣ, Неплюевъ командировалъ въ степь унтеръ-офицера Филиппа Гордѣева, хорошо знавшаго татарскій языкъ, и толмача Мансура Дѣльнаго съ подарками каракалпакамъ. Посланные. исполнивъ порученіе, въ ноябрѣ того же года возвратились въ Оренбургъ, въ сопровожденіи нѣсколькихъ каракалпацкихъ старшинъ, между которыми находился и Халветъ-Шихъ, сынъ Мурата, считавшагося у каракалпаковъ за святаго и знатнаго человѣка[c]. Неплюевъ обласкалъ дорогихъ гостей, а Халветъ, при отъѣздѣ изъ Оренбурга, получилъ указъ на потомственное тарханство.

Когда, казалось, не было ни малѣйшаго сомнѣнія въ союзѣ Россіи съ каракалпаками, и когда въ головѣ Неплюева роились разные планы, относительно развитія торговли,—киргизскій ханъ Абулъ-Хаиръ совершенно измѣнилъ свой образъ дѣйствій: содѣйствуя самъ принятію каракалпаками русскаго подданства, онъ напалъ на ихъ аулы, многихъ лишилъ имущества и даже жизни и еще больше взялъ въ плѣнъ, отогнавъ въ свой ко-

---

a) Тамъ же, стр. 164.
b) Гладышевъ послѣ этого получилъ чинъ капитана (Рычковъ топ. Ор. г. ч. 1, с. 121.
c) Тамъ же, стр. 172.

чевья 20000 рогатаго скота и столько же овецъ. Неплюевъ, между прочимъ, доносилъ въ Сенатъ, что Абулъ-Хаиръ „на каракалпацкій народъ съ своими единоплеменниками непріятельское учинилъ нападеніе и *весьма ихъ разорилъ* акибы за то, что они по его ханскому требованію не отправили въ образъ податей, которыя онъ напредь сего *наглостію* съ нихъ нѣсколько разъ бирывалъ, отговорясь тѣмъ, что они также, какъ и онъ ханъ, подданные Ея Императорскаго Величества, а въ самомъ дѣлѣ за то, что возымѣлъ на нихъ подозрѣніе, яко-бы они, согласясь съ россійскими людьми, хотятъ киргизъ-кайсакъ воевать; и при такомъ ихъ разореніи каракалпацкаго хана Урускула захватилъ и нынѣ у себя держитъ, да и еще-де съ такою-жъ наглостію на оныхъ каракалпакъ иттить былъ намѣренъ[a]". Когда каракалпацкіе посланцы, представлявшіеся Государынѣ, возвращались въ свои кочевья, Неплюевъ отправилъ съ ними капитана Гладышева, вручивъ ему Высочайшую граммату на подданство каракалпацкаго народа. Путь лежалъ чрезъ владѣнія Абулъ-Хаира, къ которому посланцы, въ сопровожденіи Гладышева, и заѣхали; но ханъ не только принялъ ихъ недружелюбно, а просто „ограбилъ и данную къ нимъ отъ Ея Императорскаго Величества всемилостивѣйшую грамоту отъ онаго капитана насильствомъ отобралъ и, распечатавъ, читалъ; и тако тѣхъ посланцовъ, *ограбя*, тайно отъ себя отпустилъ[b]". Унтеръ-офицеръ, возвратившійся изъ степи и сообщившій о томъ Неплюеву, высказалъ даже предположеніе, что едвали ханъ «*не убилъ*» каракалпацкихъ посланцевъ. Въ то же время Абулъ-Хаиръ *ограбилъ* и астраханскихъ купцовъ, проѣзжавшихъ чрезъ его владѣнія „для торгу въ Хиву и Бухару". Не смотря на дерзость и вѣроломство Абулъ-Хаира, Неплюевъ все-таки счелъ за лучшее держаться нейтралитета въ этомъ дѣлѣ: „въ каракалпацкія дѣла (доносилъ онъ въ Сенатъ) я нынѣ не вступилъ, токмо писалъ къ хану, чтобъ меня увѣдомилъ, въ чемъ то показанное у нихъ замѣшаніе состоитъ, и капитана-бъ Гладышева сюда возвратилъ, ибо съ одну сторону, какъ отъ пріѣзжихъ слышу, что и они непорядочно поступили, яко посыланныхъ отъ Абулъ-Хаиръ-Хана для взятья къ нимъ, по его мнѣнію, въ податъ крупъ на стѣ верблюдахъ не токмо со отказомъ возвратили, но и, ограбя, половину верблюдовъ захватили и, можетъ быть, тѣмъ ему подали причину мыслить, что они противу ихъ съ здѣшнею стороною въ согласіи; съ другой (стороны)—хотя-бъ они и во всемъ правы были,

---

a) См. въ Сенат. Архивѣ: «Дѣло по проэкту тайн. сов. Ив. Неплюева и генерала фонъ-Штокмана о мѣрахъ противъ киргизъ-кайсаковъ» 1744 г., № 118, л. 62.
b) Тамъ же.

какъ одинъ изъ нихъ ко мнѣ пишетъ, но вспоможенія имъ учинить или сатисфакцію сильною рукою доставить—крайнія невозможности, а особливо при нынѣшнемъ ханскомъ колеблемомъ состояніи, и выговаривать съ горячестію за несходно признавается, а и впредь ежели ханъ на явныя противности къ здѣшней сторонѣ не поступитъ, то сходнѣе кажется токмо то едино, чтобъ неоправдая ни которую сторону, но паче, приписывая ко обоимъ невоздержанность, увѣщевать успокоиться[a]". Между тѣмъ Абулъ-Хаиру хотѣлось какъ-нибудь запутать въ это дѣло и Неплюева. На „общемъ у хана сборѣ" преданныхъ ему старшинъ Гладышеву было объявлено, что „ему въ каракалпаки, пока они въ чувство не придутъ, ѣхать неможно, а ежелибъ онъ Гладышевъ самъ собою поѣхалъ, то провожатыхъ ему не дадутъ[b]". Получивъ обратно отъ Абулъ-Хаира граммату на вѣрноподданство каракалпаковъ, Гладышевъ возвратился въ Оренбургъ, а каракалпацкій ханъ Урускулъ былъ отпущенъ на время въ свои владѣнія съ обязательствомъ, по истеченіи опредѣленнаго срока, возвратиться къ Абулъ-Хаиру, при которомъ остались аманатами нѣсколько каракалпацкихъ старшинъ, жена и сынъ Урускула. Абулъ-Хаиръ расчитывалъ на то, что Урускулъ уговоритъ свой народъ удовлетворить требованія киргизскаго хана. Въ то же время Джанъ-Бѣкъ-тарханъ, зять хана, писалъ Неплюеву, что если „надобно киргизскія и каракалпацкую орды въ равенствѣ содержать, то у нихъ Урускулъ ханъ въ рукахъ находится, и чтобъ онаго или сына его, для лучшей вѣрности и окончанія тамошнихъ дѣлъ, взять въ Оренбургъ, объявляя, что отъ онаго хана къ верхнимъ россійскимъ мѣстамъ всегда многое безпокойство чинится.[c]"—Донося о томъ въ Колл. Иностр. Дѣлъ и въ Сенатъ, Неплюевъ замѣчаетъ: „понеже вѣдая, что все то Джанъ-Бѣково письмо по совѣту Абулъ-Хаиръ-хана и въ его Абулъ-Хаировъ фаворъ писано, и при нынѣшнихъ тамошнихъ состояніяхъ въ оныя дѣла вступиться никакой потребности не нахожу, то я нарочно въ оныя каракалпацкія дѣла не вмѣшался, и что касается до упомянутаго каракалпацкаго Урускулъ-хана, на то ко оному тархану отвѣтствовалъ, что о происшедшихъ между киргизъ-кайсаками и каракалпаками поступкахъ, при которыхъ оной Урускулъ въ киргизъ-кайсацкія руки попался, никакого обстоятельнаго извѣстія не имѣю, и для того-бъ онъ увѣдомилъ меня, какимъ образомъ и отъ отчего такъ произошло, что

---

a) Тамъ же, лл. 64 на об. и 65.
b) Тамъ же. лл. 134 на об. и 135.
c) Тамъ же.

получа и отвѣтъ объ ономъ ханъ учиню[a]". Испрашивая указаній Колл. Ин. Дѣлъ, какъ дѣйствовать „напредь" въ отношеніи каракалпаковъ, Неплюевъ говоритъ: „ибо собою вмѣшаться въ такія дѣла опасенъ, яко не знаю, можно-ли утрафить, понеже съ одну сторону ежели вступиться, то надобно и защищать, къ чему, какъ я и напредь доложилъ, крайнія невозможности, а съ другую—ежели оставить, то отчасти здѣшнему кредиту предосужденіе, яко они дѣйствительно въ протекцію приняты, а можетъ быть возмутъ иную, т. е. зюнгорскую, какъ и однородцы ихъ верхніе каракалпаки; токмо по всѣмъ вышеозначеннымъ окрестностямъ ненадежно, чтобъ нынѣшняго лѣта изъ каракалпацкой ихъ орды, по учиненному отъ нихъ обнадоживанію, купеческій караванъ и лучшіе ихъ люди пріѣхать сюда могли, опасаясь злобы киргизъ-кайсацкой, а паче Абулъ-Хаиръ-хановой, который ихъ къ тому и не допуститъ[b]".— Опасаясь новыхъ нападеній со стороны Абулъ-Хаира, каракалпаки откочевали ближе къ зюнгорамъ, подъ защиту ихъ владѣльца Галданъ-Цырена. Послѣ этого въ Оренбургѣ только случайно можно было встрѣтить каракалпаковъ, выбѣгавшихъ изъ киргизскаго плѣна; ихъ обыкновенно отправляли въ Уфимскую провинцію, если они желали креститься, и селили въ Нагайбацкой крѣпости и ея окрестностяхъ[c].

Между Неплюевымъ и Абулъ-Хаиромъ начинается съ этого времени непримиримая вражда, отъ которой „многія затрудненія, безпокойства и опасности происходили," какъ свидѣтельствуетъ о томъ бригадиръ Тевкелевъ, главный примиритель враждующихъ сторонъ[d]. Вражда эта усилилась еще болѣе, когда Абулъ-Хаиръ встрѣтилъ препятствія со стороны Неплюева къ обмѣну своего сына Ходжи-Ахмета, находившагося аманатомъ въ Россіи съ 1738 г., на Чингиза, рожденнаго отъ наложницы—калмычки. Неплюевъ настаивалъ на томъ, чтобы Абулъ-Хаиръ далъ въ аманаты, вмѣсто Ходжи-Ахмета, другаго законнаго своего сына отъ ханши Пупай[e], отличавшейся рѣдкимъ природнымъ умомъ, а не Чингиза, „яко оный Чингизъ (доносилъ Неплюевъ въ Сенатъ) киргизъ-кайсакамъ ни въ какое обязательство служить не можетъ[f]". Сенатъ, раздѣляя мнѣніе Неплюева, отказалъ хану въ удовлетвореніи его просьбы.

Ходжи-Козь-Ахметъ-Салтанъ изъ предосторожности содержался въ Со-

---

a) Тамъ же, л. 135 на оборотѣ.
b) Тамъ же, л. 136.
c) См. выше въ наст. монографіи стр. 441.
d) Рычковъ. Топогр. Оренб. губ., ч. II, стр. 125—126. Изд. 1762 г.
e) Пупай имѣла отъ Абулъ-Хаира дочь Зюлейху и шесть сыновей: Нурали, Ирали, Ходжи-Ахмета, Айчувака, Адиля и Каратая.
f) Указъ Колл. Ин. Дѣлъ, отъ 7 дек. 1749 г. за № 779.

рочинской крѣпости, въ 176 верстахъ отъ Оренбурга по тракту на Самару[a]. Получивъ отказъ на свою просьбу, Абулъ-Хаиръ задумалъ тайнымъ образомъ похитить своего сына, подсылая къ нему киргизъ, которые-бы могли содѣйствовать его побѣгу. Подстрекаемый отцемъ и его лазутчиками, Ходжи-Ахметъ удалилъ отъ себя лучшихъ старшинъ и „денно и ночно" сталъ совѣщаться о побѣгѣ изъ Сорочинской крѣпости съ двумя киргизцами, изъ коихъ одного звали Касай, а другаго Мергень-Кашка. Находившійся при ханскомъ сынѣ толмачъ донесъ о томъ коменданту крѣпости Лазареву. Узнавъ о томъ, Ходжи-Ахметъ едва „не срубилъ толмача саблею", а одинъ изъ его соумышленниковъ ворвался въ квартиру секундъ-маіора Лазарева съ обнаженнымъ кинжаломъ, угрожая его жизни. Въ то же время Ходжи-Ахметъ, „по согласію съ тѣми двумя бездѣльниками (какъ доносилъ Неплюевъ), *умыслилъ было двухъ своихъ старшинъ и одну жонку*, по самымъ бездѣльнымъ причинамъ, самъ *смертію казнить* и того у командующаго въ оной крѣпости секундъ-маіора усильно требовалъ, объявляя, яко-бы то надлежитъ ему съ ними по закону своему учинить[b]".—Лазаревъ донесъ о поведеніи Ходжи-Ахмета Неплюеву, который тотчасъ командировалъ въ Сорочинскую крѣпость, для производства слѣдствія, ассесора Рычкова, старшину Елумбетя, находившагося раньше при ханскомъ сынѣ, и есаула изъ киргизъ, предъ тѣмъ только-что пріѣхавшаго изъ степи отъ Абулъ-Хаира. Ходжи-Ахметъ, видя обнаруженіе своихъ тайныхъ замысловъ, въ „немалую робость пришолъ и какъ съ толмачемъ, такъ и со всѣми своими людьми помирился[c]"; соумышленники же его были взяты въ Оренбургъ и посажены подъ арестъ, о чемъ немедленно сообщено было и Абулъ-Хаиру. Несомнѣнно, что этотъ случай еще болѣе долженъ былъ озлобить Абулъ-Хаира, разсчитывавшаго на успѣхъ своихъ плановъ. Продолжая увѣрять Неплюева въ своихъ вѣрноподданическихъ чувствахъ, Абулъ-Хаиръ рѣшился силою отнять и возвратить къ себѣ Ходжи-Кozь-Ахметъ-Салтана: около 2000 преданныхъ ему киргизъ пробрались на Самарскую степь къ Крестовому редуту, находившемуся въ 22 верстахъ отъ Сорочинской крѣпости; нѣсколько киргизцевъ намѣрены были ночью прокрасться въ крѣпость и тайно увезти съ собой Ходжи-Ахмета, но попытка ихъ кончилась безъуспѣшно: со стороны Неплюева все было предусмотрѣно и, благодаря бдительности коменданта крѣпости Лазарева, захватить Ходжи-Ахмета киргизцамъ не

---

a) См. выше стр. 276.
b) Сеп. Арх., Дѣло 1744 г., № 118, л. 104 на оборотѣ.
c) Тамъ же, л. 105.

удалось; за то озлобленные киргизцы, на обратномъ пути въ свои аулы, многихъ русскихъ забрали въ плѣнъ, другихъ убили и отогнали много скота у мирныхъ жителей края. Этотъ *«злой замыселъ»*, въ связи съ прежними воровскими набѣгами киргизъ, послужилъ для Неплюева ближайшимъ поводомъ къ составленію общаго проэкта о мѣрахъ предосторожности противъ киргизъ-кайсаковъ всѣхъ трехъ киргизскихъ ордъ. Пригласивъ атамана Яицкаго казачьяго войска и нѣсколько лучшихъ старшинъ, а также генералъ-маіора фонъ-Штокмана и ассесора Рычкова, Неплюевъ составилъ, совмѣстно съ ними, *«запасный планъ»* къ обузданію киргизъ-кайсаковъ и, при особомъ мнѣніи, представилъ его на разсмотрѣніе и заключеніе Правительствующаго Сената[a]. Киргизъ-кайсаки[b] не могли не озабочивать Неплюева: они дѣлали частые и опустошительные набѣги на пограничныя селенія русскихъ и башкирцевъ; грабили и увозили въ плѣнъ калмыковъ; отгоняли въ громадномъ количествѣ лошадей и рогатый скотъ; иногда выжигали подножный кормъ въ степи и служили главнымъ препятствіемъ развитію внѣшней торговли Россіи съ бухарцами, хивинцами, сартами и другими средне-азіатскими народами. Занимая громадное степное пространство отъ р. Яика и Каспійскаго моря до Аральскаго въ одну сторону и отъ Тобола, Ишима и Иртыша до 44° с. ш. въ другую, киргизы, при своей кочевой жизни, представляли почти непреодолимыя трудности къ ихъ обузданію. Они раздѣлялись на три главныя орды: большую, среднюю и меньшую. Б о л ь ш а я киргизская орда, не смотря на ея названіе, по численности была меньше остальныхъ ордъ: Рычковъ замѣчаетъ, что „болѣе десяти тысячъ человѣкъ на войну никогда изъ нихъ не собирается[c]“. Она кочевала близъ Туркестана и Ташкента по рѣкамъ Чирчику, Арыщу и Калясу и находилась подъ протекціей зюнгорскаго владѣльца, занимаясь грабежемъ купеческихъ каравановъ и ташкентскихъ обывателей. С р е д н я я киргизская орда зимою кочевала по р. Тургаю и по Сыръ-Дарьѣ, при урочищѣ Кара-Кумъ, и частію при Аральскомъ морѣ, а лѣтомъ занимала мѣста, лежащія при верховьяхъ рѣкъ Тобола, Ишима и Иртыша, по р. Ую и верхнему теченію р. Яика до Орской крѣпости Въ Средней ордѣ, наиболѣе зажиточной и смирной, считалось четыре глав-

---

a) См. тамъ же: «Краткое изъясненіе о состояніи киргизъ-кайсацкому народу и при томъ нижайшее мнѣніе о приведеніи оныхъ при случаяхъ во успокоеніе и послушаніе;» лл. 3—12.

b) В. Н. Татищевъ говоритъ, что слово «к и р г и з ъ» означаетъ ходящаго по степи, степнаго и бездомнаго человѣка, а «к а й с а к ъ» или «к а з а к ъ»—отпадшаго или ушлеца. См. Топ. Оренб. губ. Рычкова, изд. 1887 г., ч. I, стр. 94.

c) Р ы ч к о в ъ. Топогр. Оренб. губ., ч. I, стр. 18.

ные рода; Найманы, Аргинцы, Увакъ-Гирейцы и Кипчаки, изъ коихъ Аргинскій родъ подраздѣлялся на девять колѣнъ[a], а Кипчаки—на пять колѣнъ[b].

Малая киргизская орда была ближе другихъ къ русской границѣ, составляя самую безпокойную и коварную ея сосѣдку. Она занимала Бухарскую сторону, начиная отъ Орска до устья р. Эмбы и Каспійскаго моря, кочуя не въ далекомъ разстояніи отъ р. Яика, а зимой углубляясь въ степь къ Аральскому морю, гдѣ обитали нижніе каракалпаки, принявшіе русское подданство, главное же ядро ея или центръ находился на рѣкахъ Илекѣ и Иргизѣ съ ихъ притоками[c]. Она раздѣлялась на двѣ главныя части: на Алчинцевъ и Семиродцевъ, или Джатыръ, изъ коихъ первые считались смѣлѣе и вліятельнѣе послѣднихъ. Знатнѣйшіе аймаки, или роды, въ Средней ордѣ были слѣдующіе: 1) Алчинскій, 2) Адажскій, 3) Машкарскій, 4) Таминскій, 5) Табынскій, 6) Китейскій, 7) Кара-Китейскій, 8) Чумакайскій, 9) Чиклинскій и 10) Джигалъ-Байлинскій[d].

Относительно численности киргизъ-кайсаковъ положительныхъ данныхъ, конечно, тогда быть не могло, но, безъ сомнѣнія, ихъ было не мало. Неплюевъ въ своемъ доношеніи Сенату о Средней и Меньшой ордѣ говоритъ: „какое людство въ обѣихъ ордахъ, о томъ подлинныхъ извѣстій при Оренбургской Коммиссіи не имѣется, ибо киргизъ-кайсацкіе владѣльцы въ нѣкоторыхъ своихъ письмахъ о числѣ подвластныхъ имъ людей хотя и показывали, но, по своему обыкновенію, толь умножительно, что вѣрить невозможно, и одинъ другаго улусы себѣ присвояютъ[e]; однакъ, по разсужденію отъ Оренбургской Коммиссіи усмотрѣннаго ихъ состоянія, по ихъ природной къ войнѣ, а паче къ воровству склонности, мнится, что при случаѣ ихъ генеральнаго къ войнѣ предвоспріятія или замѣшанія легко можетъ собраться въ обѣихъ тѣхъ ордахъ, т. е. Средней и Меньшой, до тридцати тысячъ человѣкъ и болѣе дѣльнаго люду съ огненнымъ ружьемъ (ибо стрѣлъ мало употребляютъ, а имѣютъ большіе карабины безъ замковъ, съ фитилями), изъ котораго они всегда, слѣзши съ лошадей, на сошкахъ

---

a) Колѣна эти назывались: 1) Чакчатъ, 2) Чарджитъ. 3) Тюртюулъ, 4) Караулъ, 5) Каракисякъ, 6) Капджагалы, 7) Атчай, 8) Тараклы, 9) Кулчанъ-Аргинское.

b) 1) Кипчакское, 2) Кунделенъ, 3) Узунъ, 4) Танабуга, 5) Карабалыкъ-Кипчакское.

c) Подробности о мѣстахъ кочевья киргизъ см. въ «Топогр. Оренб. губ.» Рычкова, изд. 1887 г., ч. I, стр. 97—99, 101—103.

d) Тамъ же, стр. 103.

e) Неплюевъ въ скобкахъ замѣчаетъ: «въ прошломъ году одинъ Баракъ-Салтанъ Средней орды при присягѣ показалъ, аки-бы при немъ людей одного Найманскаго рода сорокъ тысячъ кибитокъ».

цѣлко стрѣляютъ, и порохъ каждый про себя дѣлать умѣетъ, также и въ свинцѣ у нихъ не оскудѣваетъ[a]".

Такимъ образомъ оказывается, что киргизы и по своей численности, и по оружію могли наносить значительный вредъ русскимъ, тѣмъ болѣе,— какъ доносилъ Неплюевъ въ Сенатъ,—что они имѣли у себя „довольное число исправныхъ лошадей и, во время нужды, избирая крѣпкія мѣста, соединенными силами обороняются, наибольшее же ихъ воинское искусство въ томъ состоитъ, чтобы умѣть тайно воровскіе недбѣги чинить, а паче лошадиные табуны отгонять и въ разъѣздахъ находящихся или за какимъ-либо дѣломъ отправившихся людей, незапно набѣгая, крадутъ; раздѣляясь на разныя партіи, выжигаютъ степь, отчего конскій кормъ пропадаетъ, и на то всегда больше надѣются, нежели на воинское сопротивленіе. Имѣя исправныхъ лошадей, ретируются съ великимъ поспѣшеніемъ; но когда разбиты и куражу не возъимѣютъ, то по своевольности ихъ, кто-бы предводителемъ ихъ ни былъ, паки собрать и къ военному дѣлу обратить ихъ трудно[b]."—Въ то время, какъ русскіе военные отряды нуждались въ раціонахъ и порціонахъ, киргизы довольствовались немногимъ: „провіанта съ собою (доносилъ Неплюевъ) они никогда не возятъ, но питаются лѣтнею порою кумысомъ, который дѣлается у нихъ изъ кобыльяго молока, также и лошадинымъ мясомъ, употребляя на то болѣе присталыхъ лошадей; зимою же и къ веснѣ какъ они сами, такъ и лошади за недовольствомъ корму бываютъ безсильны и въ худшемъ своемъ состояніи. При всемъ томъ, около себя никакихъ тягостей, кромѣ ихъ кибитокъ и скота, не имѣютъ, ибо все ихъ богатство состоитъ въ скотѣ, а больше въ лошадяхъ и овцахъ[c]".

Для безопасности и защиты пограничныхъ съ киргизскими степями мѣстъ, Неплюевъ нашелъ необходимымъ и болѣе цѣлесообразнымъ дѣйствовать противъ киргизъ-кайсаковъ не однимъ корпусомъ, а нѣсколькими и съ разныхъ сторонъ, а именно: 1) отъ Яицкаго городка, 2) отъ Оренбурга, 3) отъ Орска, 4) отъ Уйской линіи и 5) отъ Сибирской линіи укрѣпленій, сосредоточивъ въ этихъ пяти пунктахъ регулярныя и нерегулярныя войска. Главнымъ военнымъ базисомъ, по мнѣнію Неплюева, долженъ былъ служить Оренбургъ. Кромѣ трехъ регулярныхъ полковъ (одинъ конный и два пѣхотные), въ составъ Оренбургскаго корпуса должны были войти: тысяча донскихъ казаковъ, три тысячи уфимскихъ башкиръ, 500

---

a) Сен. Арх. Дѣло 1744 г. за № 118, л. 7.
b) Тамъ же.
c) Тамъ же.

мещеряковъ, 300 ясачныхъ татаръ, отъ 300 до 500 ставропольскихъ крещеныхъ калмыкъ и отъ трехъ до четырехъ тысячъ изъ Казанской губерніи татаръ, приписанныхъ къ адмиралтейству, и другихъ инородцевъ. На Орскую линію Неплюевъ опредѣлилъ командировать 2000 уфимскихъ башкиръ, 500 мещеряковъ и 500 яицкихъ казаковъ; на Уйскую—1000 чел. зауральскихъ башкиръ, мещеряковъ и служилыхъ татаръ изъ Исетской провинціи, 500 крестьянъ „обыкновенныхъ къ военному дѣлу“ изъ Екатеринбургскаго вѣдомства, 500 такихъ же крестьянъ изъ Исетской провинціи, 500 яицкихъ казаковъ, 500 крѣпостныхъ (изъ новостроющихся крѣпостей) казаковъ, до 300 красноуфимскихъ, нагайбацкихъ и ельдяцкихъ казаковъ и три роты (въ полномъ комплектѣ) изъ Уфимскаго гарнизоннаго полка. На Сибирской границѣ, прилегающей къ киргизскимъ степямъ, Неплюевъ положилъ собрать до 1000 крестьянъ, до 500 служилыхъ татаръ изъ уѣздовъ Тобольскаго, Тюменскаго, Ялуторовскаго и Верхоторскаго, а казаковъ и регулярныхъ, сколько окажется возможнымъ, назначивъ главнымъ командиромъ надъ ними опытнаго въ военномъ дѣлѣ полковника Павлуцкаго. Нижнеяицкую линію должны были стеречь отъ нападенія киргизцевъ Яицкіе казаки, а со стороны Астрахани—Волжскіе калмыки въ числѣ 5000 чел., съ лучшими и надежными зайсангами, подъ командою опытнаго и надежнаго лица.

Представляя свой „запасный планъ“ въ Сенатъ, Неплюевъ замѣчаетъ: „всѣ объявленныя мѣры и наряды по здѣшнему за нужно разсуждено въ запасъ, и на предбудущее время однажды постановить, дабы въ случаѣ потребности всегда вѣдать, отколь какіе способы получить. При всемъ томъ хотя безъ случая противности отъ киргизцевъ, по предписанному запасному плану, генеральнаго движенія и непотребно, однакожъ разсуждается, что, въ случаѣ нужды, какъ-бы регулярные три полка заблаговременно получить, ибо въ близости оныхъ нѣтъ; того ради, ежели сіе представленіе милостивно аппробуется, не соизволено-ль будетъ тѣ три полка изъ расположенныхъ въ Казанской и Нижегородской губерніяхъ подвинуть къ Кичуйскому фельдшанцу, который отъ Казани во стѣ осьмидесяти, а отсюда въ трехъ стахъ въ сорока верстахъ, яко тутъ для лѣтняго компаменту конскихъ кормовъ довольно и мѣста хлѣбныя, нехуже самыхъ казанскихъ, а къ зимѣ паки на винтеръ-квартиры возвращаться, ежель здѣсь нужды не будетъ, но трудно, а буде здѣсь нужда востребуетъ, то они подвинуты могутъ быть безъ труда и безъ потерянія времени[a].“—Предпо-

---

[a]) Тамъ же, лл. 11 и 12.

лагая, что разсмотрѣніе и осуществленіе „запаснаго плана“ замедлится, Неплюевъ просилъ на первое время командировать въ его распоряженіе изъ Уфимской провинціи „лучшихъ, доброконныхъ и оружейныхъ“ 2000 башкирцевъ и 500 мещеряковъ, 300 ставропольскихъ калмыкъ, отъ 800 до 1000 яицкихъ казаковъ и подвинуть ближе къ Яицкому городку 1000 волжскихъ калмыкъ. Ставропольскіе крещенные калмыки должны были охранять мѣста, лежащія между Илецкимъ городкомъ и Татищевой пристанью, а яицкіе казаки, башкирцы и мещеряки предназначались въ Оренбургъ, Орскъ, въ Кизылскую крѣпость и на форпосты.

Проэктъ или „запасный планъ“ Неплюева былъ заслушанъ въ Сенатѣ 1 марта того же 1744 года, въ присутствіи самого Неплюева[a]), одобренъ и принятъ во всѣхъ его частяхъ: „*и во всемъ томъ* (говорится въ сенатскомъ постановленіи), *что до тѣхъ киргизъ-кайсацкихъ дѣлъ принадлежитъ, велѣть поступать по опредѣленіямъ и сообщеніямъ тайнаго сов. Неплюева, понеже всѣ тѣ киргизскія дѣла собственно на него положены*[b])“. Въ Военной Коллегіи 2 апрѣля 1744 г. состоялось постановленіе о томъ, чтобы къ Кичуйскому фельдшанцу, по первому весеннему пути, были командированы три драгунскіе полка: Олонецкій, Луцкій и Вологодскій; первый находился въ Нижегородской губерніи въ командѣ генералъ-маіора Николая Срешнева, а послѣдніе два—въ Казанской губерніи въ вѣдѣніи бригадира Бардюкевича; тогда же посланъ былъ указъ къ Яицкому войску о нарядѣ казаковъ и въ другія мѣста[c]). Чтобы обезпечить военные отряды провіантомъ и фуражемъ, Неплюевъ просилъ Сенатъ на первое время ассигновать 15000 руб.[d]) Сенатъ предписалъ особымъ указомъ, отъ 22-го іюня 1744 г. за № 947, Штатсъ-Конторѣ выдать Неплюеву означенную сумму изъ доходовъ Астраханской, Казанской и Сибирской губерній[e]), о чемъ и было сдѣлало надлежащее распоряженіе[f]).

Одновременно съ этими предосторожностями, Неплюевъ старался внушить киргизамъ довѣріе къ русской власти. Киргизы жаловались, что башкирцы отгоняютъ у нихъ лошадей. Неплюевъ командировалъ въ Башкирію капитана Казанскаго драгунскаго полка Можарова, въ сопровожденіи башкирскаго старшины Кадряса съ 12 башкирцами, а также

---

a) Сен. Арх. Дѣло 1744 г., за № 118, л. 17.
b) Тамъ же, л. 18.
c) Подробную переписку по этому дѣлу съ разными административными учрежденіями смотр. тамъ же, лл. 17—38.
d) Тамъ же, л. 61.
e) Тамъ же, л. 72.
f) Тамъ же. Репортъ Штатсъ-Конторы за № 1878, отъ 28 іюня 1744 г.

12 драгунъ съ унтеръ-офицеромъ и капраломъ. Можаровъ, снабженный отъ Неплюева особой инструкціей[a] и конвоемъ, долженъ былъ собрать въ Табынскѣ еще 130 казаковъ[b] и съ ними отыскивать украденныхъ у киргизцевъ лошадей, а также всячески препятствовать новому отгону скота и лошадей какъ съ той, такъ и съ другой стороны. Неплюевъ вручилъ Можарову особый указъ[c] къ башкирцамъ Уфимской и Исетской провинцій, въ которомъ старшины, сотники и простые башкирцы приглашались содѣйствовать Можарову всѣми способами къ отысканію отогнанныхъ у киргизцевъ лошадей и въ доставленіи ихъ въ Орскъ къ полковнику Пальчикову. Подлинный указъ Можаровъ долженъ былъ имѣть при себѣ, а башкирцамъ давать и разсылать съ него копіи, для снятія которыхъ былъ ему данъ ученикъ изъ Оренбургской татарской школы, знающій „русскую и татарскую грамоту". Мѣра эта оказалась дѣйствительной. Неплюевъ 4 сентября того же года доносилъ въ Сенатъ: „по всей порученной мнѣ Оренбургской губерніи, за помощію Божіею, обстоитъ (благополучно) и киргизъ-кайсацкіе владѣльцы, и старшины, также и весь народъ чрезъ все нынѣшнее лѣто кочевали и торгъ свой въ Орской крѣпости производили спокойно, и мѣна съ ними, также и изъ прочихъ азіатскихъ странъ пріѣзжавшими купцами (коихъ предъ прежними годами было гораздо умножительнѣе) окончилась, и россійскіе купцы разъѣхались благополучно, *къ чему не мало способствовало отысканіе и возвращеніе киргизъ-кайсакамъ отогнанныхъ у нихъ башкирцами лошадей*, которыхъ сыскано и хозяевамъ въ Орской крѣпости возвращено прошлогоднихъ 337 да сего лѣта 41, итого 378 лошадей, а при томъ изъ воровъ башкирцевъ сысканные десять человѣкъ, кои сего лѣта воровали, при нихъ въ Орску были наказаны плетьми, чѣмъ киргизъ-кайсаки столько были довольны, что они, видя чинимую справедливость, и что за воровство башкирцамъ упущенія не было, сами между собою и своихъ воровъ киргизъ-кайсаковъ, ловя, приводили въ Орскъ къ полковнику Пальчикову и у него судились и наказываны были по справедливости, что ему полковнику не только было позволено, но подтверждено и пріохочивать, дабы они и впредь, видя чинимую имъ справедливость, въ дѣлахъ своихъ такимъ образомъ разбираться привыкли. А хотя и еще нѣсколько изъ тѣхъ башкирцами угнанныхъ лошадей сысканныя имѣются, но удержаны здѣсь съ тѣмъ разсужденіемъ, чтобъ изъ нихъ удовольствовать илецкихъ каза-

---

a) См. эту инструкцію тамъ же на лл. 113—116.
b) Нагайбацкихъ казаковъ 50, красноуфимскихъ 50 и табынскихъ 30. Тамъ же, л. 115 на оборотѣ.
c) См. этотъ указъ тамъ же на л. 117.

ковъ, у которыхъ въ прошломъ годѣ киргизъ-кайсаки лошадей отогнали, а возвращеніе на оныя не учинили[a]." Такимъ образомъ, стараясь удовлетворить законныя требованія киргизцевъ, Неплюевъ внушалъ имъ довѣріе: двѣ тысячи кибитокъ тогда же просили у него позволенія расположиться на зимовье между Озерной и Красногорской крѣпостями, по ту сторону р. Яика, что и было имъ дозволено[b]. Между тѣмъ Абулъ-Хаиръ-ханъ откочевалъ отъ Орека въ глубь степи и прислалъ къ Неплюеву вахмистра князя Уракова, находившагося при немъ съ августа 1743 г. „для примѣчанія его поступковъ". Ураковъ привезъ отъ хана и передалъ Неплюеву два письма: одно на Высочайшее Государыни имя, а другое лично Неплюеву. Въ этихъ письмахъ Абулъ-Хаиръ проситъ, чтобы его сынъ Ходжи-Ахметъ, находившійся въ Сорочинской крѣпости, былъ отправленъ ко двору Ея Императорскаго Величества „для доношенія о себѣ и для просьбы о свободѣ". Сообщая о томъ Сенату, Неплюевъ замѣчаетъ: „ежели того не учинить, то отецъ его легко можетъ въ новое размышленіе и неспокойство приттить изъ того, акибы никакое его требованіе и прошеніе не исполняется[c]". 16 декабря того же 1744 года Козь-Ходжи-Ахметъ-Салтанъ, въ сопровожденіи одного штабъ-офицера, двоихъ старшинъ и кощея, былъ отправленъ на ямскихъ лошадяхъ чрезъ Москву въ Петербургъ.

По пріѣздѣ въ столицу, Козь-Ахметъ написалъ и прислалъ въ Коллегію Иностранныхъ Дѣлъ три письма: отцу, Неплюеву и Токатъ-Батырю. Коллегія, при особомъ указѣ отъ 2 апрѣля 1745 г.,[d] препроводила эти письма въ Оренбургъ къ Неплюеву, приложивъ къ оригиналамъ и переводъ съ этихъ писемъ. Увѣдомляя Неплюева о благополучномъ прибытіи въ Петербургъ, Козь-Ахметъ, между прочимъ, писалъ ему: *„Прошу Васъ при семъ вложенное письмо мое къ отцу моему Абулъ-Хаиръ-Хану отослать безъ удержанія, а особливо прошу какъ о моемъ отцѣ, такъ и о состояніи народа нашего увѣдомленіемъ не оставить[e]"*. Заботясь, какъ мужъ и отецъ, о женѣ и дѣтяхъ, Козь-Ахметъ писалъ опекуну своей семьи: *„Въ Оренбургѣ при дѣтяхъ моихъ приставленному Токатъ-Батырю поздравленіе, а по поздравле-*

---

a) Тамъ же, л. 223.
b) Тамъ же, л. 223 на оборотѣ.
c) Тамъ же, лл. 232 и 239. Доношенія Неплюева въ Сенатъ отъ 29 сентября и 8 ноября 1744 г.
d) Подлинный указъ за № 142 подписали: Графъ А. Бестужевъ-Рюминъ, Графъ Мих. Воронцовъ, Иванъ Юрьевъ, Ив. Веселовскій, Петръ Курбатовъ, Андреянъ Неплюевъ (очевидно, сынъ И. И. Неплюева), Василій Бакунинъ, переводчикъ Александръ Турчениновъ и подканцеляристъ Петръ Поповъ. См. въ Тург. арх. столб. указовъ за 1745 г., по описи № 18, л. 129.
e) Тамъ же, л. 131, а на оборотѣ 130 л. пах. оригиналъ письма къ Неплюеву.

ніи отъ меня—такой приказъ: содержать тебѣ дѣтей моихъ и жену, нечиня имъ никакого оскорбленія, такъ, какъ и при мнѣ содержаны были, а ежели инако содержать будешь, тогда на меня не пеняй,—и жить тебѣ спокойно, аще Господь Богъ соизволитъ, а я къ вамъ въ скоромъ времени прибуду, а присемъ всѣмъ пребывающимъ поздравленіе мое объявляю[c)]". Письмо Козь-Ахмета къ отцу приводимъ здѣсь цѣликомъ:

„Ея Императорскаго Величества, Великой Государыни вѣрноподданному Киргизъ-Кайсацкой Меньшей Орды, высокопочтенному отцу моему Абулъ-Хаиръ-Магометъ-Бахадырь-Хану и почтеннѣйшей матери моей, и почтеннымъ братьямъ моимъ Туралѣю[d)] (Нуралѣю?) и Эрали-Салтанамъ, и всѣмъ бѣгамъ, старшинамъ и батырямъ поздравленіе.

Вамъ Милостивому Государю доношу, что по указу Ея Императорскаго Величества, Всемилостивѣйшей Государыни изъ Сорочинской крѣпости отправленъ былъ я въ Москву и, по прибытіи моемъ въ Москву, съ подобающею честію я принятъ былъ и, по прошествіи нѣсколько дней, по Ея же Всепресвѣтлѣйшей, Державнѣйшей и Всемилостивѣйшей Государыни указу, въ резиденцію Ея Императорскаго Величества въ Санктъ-Петербургъ отправленъ, куда во всякомъ благополучіи и прибылъ и въ той надеждѣ нахожусь, что во всемъ къ пользѣ нашей отъ Ея Императорскаго Величества высочайшую милость себѣ получить удостоился, нынѣ же я со всякимъ удовольствіемъ и въ покоѣ пребываю.

Присемъ же и рабъ Вашъ старшина Елумбетъ Васъ, Высокопочтеннаго Абулъ-Хаиръ-Хана, Ханшу и всѣхъ дѣтей Вашихъ—Салтановъ поздравляю и притомъ прошу о неоставленіи дѣтей моихъ, а я при милости Козь-Ахметъ-Салтана во всякомъ благополучіи и довольствіи нахожуся.

Во увѣреніе сего подписуюсь Козь-Ахметъ-Салтанъ. Марта въ послѣднихъ числахъ 1745 г.[e)]".

Удаленіе Козь-Ахмета изъ предѣловъ Оренбургскаго края до того озлобило Абулъ-Хаиръ-Хана, что онъ сталъ открыто выражать свое недовольство и даже подстрекать киргизъ къ нападеніямъ на русскія границы. Разсчитывая на содѣйствіе В. Н. Татищева, астраханскаго губернатора, Абулъ-Хаиръ писалъ ему: „я съ Вашимъ Высокопревосходительствомъ состою союзно и по прошенію моему, кого я прикажу у васъ содержать, того вы и изволите содержать, а ежели кого надлежитъ отпустить, то также отпускаете, чѣмъ я и

c) Тамъ же, л. 132 на оборотѣ.
d) У Козь-Ахмета былъ братъ Нурали, а не Туралѣй,—думаемъ, что это простая ошибка писца, а не переводчика,
e) Тамъ же, лл. 131 на обор. и 132.

весьма доволенъ; здѣшній же мой знакомый генералъ *Неплюевъ меня совсѣмъ оставляетъ* для того, что ежели когда случится, по прошенію моему, изъ людей кого отпустить или содержать, то онъ ничего не исполняетъ, а сказываетъ, будто-бы онъ такого указа у себя не имѣетъ. А хотя онъ и близко возлѣ насъ имѣется, точію въ нашей ордѣ поступками искусства не имѣетъ, а вы изволите хотя отъ меня и въ дальномъ разстояніи быть, только я признаваю васъ къ собѣ въ ближнемъ союзѣ[a]". Абулъ-Хаиръ въ то-же время жаловался и на то, что Неплюевъ не оказывалъ „никакой чести" его посланцамъ,—„и въ томъ оные мои посланные (писалъ ханъ) приносятъ мнѣ жалобу не для чего иного, только что между кайсацкаго народа пріятель и непріятель намъ есть не безъ стыда, понеже прежде всѣхъ возъимѣлъ я быть въ подданствѣ Ея Императорскаго Величества и во всѣхъ моихъ представленіяхъ вѣрность Ея Императорскому Величеству оказалась, для того я отъ дѣтей своихъ нынѣ нахожусь въ стыдѣ. Былъ же посланъ мой сынъ посольствомъ, который и одержанъ. Ежели-бъ я прежде Вашему Высокопревосходительству представлялъ, то можетъ быть, что чрезъ васъ оное исполнилось, для чего всякому человѣку Богъ надобенъ, понеже всю правду объявляю, а по желанію моему надлежало-бъ ихъ удовольствовать, а теперь уже положился я на волю Божію, а въ дѣлахъ я усмотрѣлъ, что *обиженъ сильно;* такимъ же образомъ оной мой сынъ смертію кончится, что у васъ Дондукъ-Дашинъ сынъ, или Божіею волею въ рукахъ моихъ, и ежели такъ надлежитъ, тому уже такъ и быть; однако однимъ младенцемъ всего владѣнія владѣть неможно, причемъ Вашего Высокопревосходительства прошу о дѣлахъ нашихъ приложить стараніе.—Ежели онаго учинено не будетъ, то уже намъ всеконечно особая смерть случится отъ сего приключившагося намъ стыда. Оное я представленіе вамъ учинилъ, по надеждѣ пріятности вашей ко мнѣ, нескрытно для того, что вы мой *пріятель*[b]".

Татищевъ, какъ опытный дипломатъ, отвѣчалъ Абулъ-Хаиру, что онъ вступаться въ киргизскія дѣла не имѣетъ права: „ибо (писалъ онъ) все сіе единственно указомъ Ея Императорскаго Величества поручено оренбургскому губернатору, тайному совѣтнику г. Неплюеву, а въ удовольствіе Ваше, по нынѣшнему письму, Ея Императорскому Величеству я всеподданнѣйше доносилъ, на что можете всемилостивѣйшэй резолюціи чрезъ онаго тайнаго совѣтника ожидать; чтожъ Вы изъявляете свою вѣрность, за сіе Васъ похваляю, и если въ вѣрности и послушаніи будете непоколебимо

---

a) Тамъ же, л. 218.
b) Тамъ жэ, л. 216.

находиться, то отъ Ея Императорскаго Величества высочайшею милостію оставлены не будете, при чемъ и я мое доброходство показывать не оставлю, посланцевъ же сюда прислать изволите или нѣтъ,—въ волѣ Вашей состоитъ, а для купечества кто изъ кайсакъ ѣхать пожелаетъ, оныхъ благоволите отправлять къ Гурьеву—городку, гдѣ для онаго нарочное мѣсто учреждено и купцовъ отсюда поѣхало туда нынѣ довольно[a)]".

Въ то время, когда Абулъ-Хаиръ сильно волновался и досадовалъ на Неплюева, его сынъ Козь-Ахметъ, какъ питомецъ привольныхъ степей, страшно *скучалъ* въ Петроградѣ. Не прошло и семи мѣсяцевъ со времени его прибытія въ столицу, какъ графъ Бестужевъ-Рюминъ писалъ Неплюеву: „Понеже Киргизъ-Кайсацкой Меньшей Орды Абулъ-Хаиръ-Хановъ (сынъ) Козь-Ахметъ-Салтанъ здѣшнимъ житьемъ весьма скучаетъ, и непрестанно проситъ объ отпускѣ его отсюда; и при такой его скукѣ, и обрѣтающіеся при немъ старшины его имъ Салтаномъ огорчены; и опасно, чтобъ оной, будучи здѣсь, съ той его скуки не учинилъ какой непристойности. Того ради вамъ прислать свое мнѣніе, можно-ль онаго Салтана отсюда отпустить, или гдѣ его впредь пристойно признаваете содержать.[b)]".

Неплюевъ получилъ этотъ указъ 27 ноября 1745 г., а чрезъ день отвѣчалъ, что онъ доселѣ руководился въ этомъ отношеніи однимъ правиломъ: на всѣ требованія и просьбы Абулъ-Хаира о сынѣ онъ обыкновенно отвѣчалъ, что „это отъ него не зависитъ, а состоитъ въ единомъ Ея Императорскаго Величества соизволеніи". Находя неудобнымъ и небезопаснымъ содержать Козь-Ахмета въ Оренбургѣ, Неплюевъ въ то же время затруднялся указать для него какое-либо другое мѣсто и совѣтовалъ спросить о томъ бригадира Тевкелева, находившагося въ Петербургѣ, „яко сіе дѣло (замѣчаетъ Неплюевъ) чрезъ него началось и основано, ему же и тамошнія окрестности вѣдомы[c)]". Когда Коллегія Ин. Дѣлъ пожелала узнать мнѣніе о томъ Тевкелева, послѣдній заявилъ, что всего лучше было-бы перевести Козь-Ахмета въ Казань и поселить его тамъ въ татарской слободѣ: „понеже тамо (замѣчаетъ Тевкелевъ) никакой и ни отъ чего опасности быть не можетъ, ему же тамо жить пріятнѣе быть можетъ: Козь-Ахметъ съ тамошними татарами станетъ видѣться и въ гости къ нимъ ходить, и потому тамо ему дальной скуки быть не можетъ, такожде и отцу его хану при тамошней близости не такъ досадно или противно бу-

---

a) Тамъ же, лл. 219 и 220.
b) Указъ Неплюеву изъ Кол. Ин. Дѣлъ за № 571, отъ 21 октября 1745 г. Тамъ же на л. 263 оригиналъ, а на л. 264—копія съ него за № 621.
c) Тамъ же. Указы за 1746 г., по опис. № 19, л. 68—71.

детъ, да и впредь но соизволено-ль будетъ ханскихъ дѣтей и прочихъ аманатовъ, для вышеизображенныхъ резоновъ, всегда содержать въ Казани, и для того тамо сдѣлать особливый домъ, и ежели оное однажды учредить и въ порядокъ ввести, то впредь дальняго затрудненія и отъ побѣгу опасности быть не видится. И когда оные (киргизы) пожелаютъ отъ скуки и за городъ выѣхать гулять, будетъ безопасно же и, можетъ быть, и Абулъ-Хаиръ-Хану то весьма не противно будетъ. Сверхъ того, онъ, Абулъ-Хаиръ-Ханъ, и то можетъ взять въ разсужденіе, что въ Казани всякая провизія дешевле оренбургскаго; онъ же Абулъ-Хаиръ-Ханъ будетъ знать, что то какъ уже учреждено, и впредь къ спору и безпокойству причины имѣть не можетъ[a]". При этомъ Тевкелевъ сообщилъ Коллегіи Иностранныхъ Дѣлъ, что Козь-Ахметъ-Салтанъ, разсорившись 5-го января 1746 года съ старшиной Калвекомъ изъ-за купленнаго для нихъ мяса, избилъ Калвека, а послѣдній бросился на ханскаго сына съ ножемъ, чтобы заколоть его; но былъ удержанъ караульными и удаленъ; послѣ Тевкелевъ „согласилъ и примирилъ ихъ[b]". Марта 11 дня 1746 г. въ Сенатѣ состоялся указъ на имя Коллегіи Ин. Дѣлъ, которымъ предписывалось отправить Козь-Ахмета въ Казань, а 22 марта того же года Коллегія Ин. Дѣлъ препроводила казанскому губернатору Загряскому инструкцію, какъ онъ долженъ былъ содержать въ Казани Козь-Ахметъ-Салтана. Загряскій, въ исполненіе этой инструкціи, долженъ былъ отвести Козь-Ахмету приличную квартиру въ татарской слободѣ и опредѣлить къ нему искуснаго офицера и караулъ; но Козь-Ахметъ могъ свободно посѣщать татарскихъ мурзъ и богатыхъ купцовъ, а также принимать ихъ у себя, какъ гостей, и пользоваться прогулкой за городъ, при чемъ велѣно было „искуснымъ образомъ, чтобы оный Салтанъ признать не могъ, наблюдать того, чтобы онъ куда не ушелъ или-бъ чего непристойнаго надъ собою не учинилъ". Въ случаѣ, если бы Неплюевъ потребовалъ Козь-Ахмета или кого-либо изъ его старшинъ и служителей въ Оренбургъ, или пожелалъ-бы перемѣнить находившагося при немъ толмача Османа Араслланова; то казанскій губернаторъ долженъ былъ „по тому исполненіе чинить и, при случаяхъ, въ Коллегію Ин. Дѣлъ о томъ, якоже и о состояніи онаго Салтана, репортовать[c]". Коллегія Ин. Дѣлъ также увѣдомила Загряскаго, что Козь-Ахметъ-Салтанъ получилъ, при отъѣздѣ изъ Петербурга, кормовыя деньги на апрѣль мѣсяцъ по 50 к. въ день,

---

a) Тамъ же, л. 75 и 76.
b) Тамъ же, л. 76 на оборотѣ.
c) Тамъ же, лл. 78 и 79.

его старшины по 20 к., а кощей по 10 к. на день; въ такомъ же размѣрѣ велѣно было выдать имъ суточныя и на май, когда они прибудутъ въ Москву, изъ конторы Колл. И. Дѣлъ; въ Казани они „по толикому-жъ числу" должны были получать кормовыя деньги изъ Казанской губернской канцеляріи, а „когда (говорится въ указѣ Коллегіи) отъ тайнаго совѣтника и оренбургскаго губернатора Неплюева пришлются къ тому Салтану двѣ жены его, и онымъ, также и будущимъ при нихъ людямъ, кормовыя деньги производить по тому, по скольку отъ онаго тайнаго совѣтника опредѣлено будетъ[a]".

При отъѣздѣ изъ Петербурга, Козь-Ахметъ-Салтанъ, старшины и кощей были награждены: Козь-Ахметъ получилъ въ награду 150 руб. деньгами и особо отъ канцлера 4 арш. сукна (по 2 р. 50 к. за аршинъ); каждый изъ троихъ его старшинъ—по 30 руб., а кощей—10 р.[b]. Для охраны и сопровожденія въ пути, Козь-Ахмету данъ былъ особый конвой, отъ Петербурга до Казани, а его отцу, Абулъ-Хаиръ-Хану, была послана Высочайшая граммата, въ которой, между прочимъ, было сказано: „Мы Великая Государыня, показуя къ тебѣ и къ фамиліи твоей Высочайшую Нашу Императорскую милость, всемилостивѣйше повелѣли онаго сына твоего и со обрѣтающимися при немъ людьми отпустить отсюда въ Казань, и тамъ дать ему квартиру въ татарской слободѣ, и въ прочемъ онаго содержать со всякимъ удовольствіемъ, пока ты перемѣнишь его другимъ твоимъ отъ настоящей ханши сыномъ или внукомъ да и впредь оныхъ твоихъ дѣтей или внучатъ перемѣнять каждаго года, о чемъ и Нашему тайному совѣтнику и оренбургскому губернатору Неплюеву и указъ Нашего Императорскаго Величества посланъ. И когда онъ, Неплюевъ, о чемъ тебѣ именемъ и указомъ Нашимъ будетъ объявлять, и тому тебѣ совершенно вѣрить и всевозможное исполненіе чинить, за что и о вящей Нашей Императорской милости твердую надежду имѣть можешь[c]". Граммату долженъ былъ отвезти къ Абулъ-Хаиръ-Хану старшина Елумбеть, находившійся при его сынѣ въ Казани.

Поселившись въ древней столицѣ Казанскаго царства, Козь-Ахметъ-Салтанъ чувствовалъ себя гораздо лучше, чѣмъ въ Петербургѣ. Познакомившись съ знатнѣйшими фамиліями изъ казанскихъ татаръ, Козь-Ахметъ увлекся одной дѣвушкой—татаркой и пожелалъ на ней жениться, о чемъ не замедлилъ написать и Неплюеву, испрашивая его разрѣшенія на этотъ

---

a) Тамъ же.

b) Тамъ же, л. 82.

c) Тамъ же, лл. 80 и 81.

бракъ. Неплюевъ, запросивъ Казанскую губернскую канцелярію о личности и семейномъ положеніи невѣсты, 8 января 1747 года донесъ о томъ въ Коллегію Ин. Дѣлъ, присовокупивъ, что онъ съ своей стороны находитъ не только возможнымъ дозволить этотъ бракъ, а и желательнымъ: „ибо казанская татарка (доносилъ онъ) степнаго житья ихъ не пожелаетъ, а чрезъ то поводъ подастся склонять и прочихъ къ лучшему человѣческому житью".— Коллегія Ин. Дѣлъ, соглашаясь съ Неплюевымъ, сдѣлала все-таки слѣдующую оговорку: „но что принадлежитъ вообще до киргизъ-кайсакъ, то хотя оные называются и подданными Ея Императорскаго Величества, но къ нимъ изъ Башкиріи и изъ казанскихъ и оренбургскихъ татаръ въ замужество невѣстъ не отпускать, также башкирцамъ и татарамъ на киргизъ-кайсачкахъ жениться не дозволять, и отнюдь до свойства ихъ не допускать, какъ такое-жъ престереженіе велѣно чинить и астраханскому губернатору надъ тамошними и кизлярскими татарами [a]". Но дальнѣйшій ходъ событій въ Оренбургскомъ краѣ и Киргизской степи разстроилъ этотъ романическій бракъ Козь-Ахметъ-Салтана съ казанской красавицей изъ хорошей семьи. Абулъ-Хаиръ-Ханъ, по—прежнему, былъ недоволенъ Неплюевымъ: онъ давно уже желалъ видѣть своего сына Козь-Ахмета въ степи, у себя, а не въ Казани.

Киргизы, какъ мы уже знаемъ[b], и раньше не рѣдко нападали на кочевавшихъ между Яикомъ и Волгой калмыковъ и на пограничныя русскія селенія и казачьи форпосты; а теперь эти набѣги сдѣлались тѣмъ болѣе опасными, что Абулъ-Хаиръ-Ханъ, озлобленный на Неплюева, не только не предпринималъ никакихъ мѣръ къ удержанію киргизъ отъ набѣговъ, а напротивъ изъ-подъ руки старался подстрекать ихъ къ тому, пользуясь всякимъ удобнымъ случаемъ и поводомъ. Осенью 1745 г. калмыки отогнали у киргизъ отъ 1100 до 3000 лошадей[c]. Не смотря на то, что киргизы въ скоромъ времени получили 806 лошадей, отбитыхъ у калмыкъ яицкими казаками, и 74 кожи, снятыхъ съ павшихъ въ Яицкомъ городкѣ лошадей, они рѣшились отомстить калмыкамъ. Чтобы избѣжать столкновенія съ Яицкими казаками, оберегавшими все нижнее теченіе р. Яика, киргизы зимою 1746 года пробрались въ калмыцкіе улусы по льду сѣвернаго побережья Каспійскаго моря, ниже Гурьева, гдѣ не было ни одного стратегическаго пункта; 13 февраля они неожиданно на-

---

a) Столб. указовъ за 1747 г. въ Тург. обл. арх. по описи № 20, лл. 65 и 66. Указъ Неплюеву изъ Колл. Ин. Дѣлъ, отъ 11 мая 1747 г., за № 255.

b) Сравн. въ наст. монографіи стр. 248—253.

c) По свидѣтельству калмыкъ было угнано 1100 лошадей, а по удостовѣренію киргизъ—3000 л.

пали на калмыкъ, кочевавшихъ верстахъ въ двухъ отъ Краснаго Яра, и 55 чел. изрубили „на смерть", болѣе 600 чел.[a] захватили въ плѣнъ, отогнали 2477 гол. лошадей, верблюдовъ и рогатаго скота. Кромѣ того, киргизы ограбили ватагу астраханскаго купца Леонтія Бокова[b], а 18-го февраля напали, пониже Чернаго Яра, на казенный транспортъ съ мукой и крупой, ѣхавшій изъ Енотаевской крѣпости въ Калмыковскій (на Волгѣ) форпостъ; 11 челов. калмыкъ, находившихся при обозѣ, были убиты, а шестеро казаковъ, конвоировавшихъ транспортъ, взяты въ плѣнъ; крупу киргизы взяли себѣ, а муку разсыпали по дорогѣ[c]. Сами киргизы, при этомъ нападеніи, мало потерпѣли: изъ 1500 чел. они потеряли только 24 чел., изъ нихъ 20 человѣкъ были убиты казаками и четверо захвачены въ плѣнъ; двое изъ плѣнниковъ умерли въ Астрахани, а двое были отправлены Волгой въ Ставрополь, но во время пути одинъ изъ нихъ, съ кандалами на ногахъ, бросился въ воду и —утонулъ.

Неплюевъ, сообщивъ о случившемся въ Сенатъ и въ Коллегію Ин. Дѣлъ, отправилъ къ Абулъ-Хаиръ-Хану отставнаго переводчика Араслана Бокметева, хорошо и лично извѣстнаго хану и его семейству, и съ нимъ толмача Гордѣева и одного школьника, знающаго татарскій языкъ. Арасланъ долженъ былъ приложить все стараніе, чтобы убѣдить хана принять надлежащія мѣры къ возвращенію захваченныхъ киргизами подъ Краснымъ Яромъ людей и скота. 23 августа 1746 года Неплюевъ доносилъ въ Коллегію Ин. Дѣлъ, что въ Оренбургъ пріѣзжали два посланца отъ Джанъ-Бекъ-тархана и привезли съ собою мальчика и дѣвушку, взятыхъ киргизами въ плѣнъ подъ Краснымъ Яромъ, а потомъ туда же прибыли „и отъ Абулъ-Хаиръ-Хана посланцы, три человѣка, и съ ними отъ переводчика Араслана толмачъ Гордѣевъ, и привезли одну калмыцкую женку, а пріѣзжали оные съ такимъ отъ хана требованіемъ, чтобы одного изъ нихъ отправить въ Казань къ сыну его, дабы онъ персонально видѣть его могъ, изъ которыхъ одинъ туда и отправленъ[d]". Кромѣ того, Абулъ-Хаиръ требовалъ, чтобы Неплюевъ „для лучшаго къ возвращенію взятаго изъ-подъ Краснаго Яра скота" задержалъ изъ пріѣзжающихъ въ Оренбургъ „для торгу киргизъ-кайсакъ тридцать чело-

---

a) 461 ч. женск. пола и 163 муж. п., въ томъ числѣ одинъ владѣльческій сынъ Хошутъ Маргнаева владѣнія, два русскіе мальчика и двѣ крещеныя калмычки, изъ коихъ одна съ двумя дѣтьми (мальч. и дѣвочкой), и семь чел. калмыцкихъ дѣтей безъ обозначенія пола. См. въ Сен. Арх. Дѣло за № 181, 1747 г., л. 2.

b) По оцѣнкѣ всего на 275 р. Тамъ же, л. 3.

c) Тамъ же, л. 3 на оборотѣ.

d) См. въ Сен. Архивѣ: «Дѣло о нападеніи киргизъ-кайсаковъ» за № 181, 1747 г., листъ 18.

вѣкъ, въ томъ числѣ отъ Меньшой, Средней и Большой орды по десяти человѣкъ, и Джанъ-Бековыхъ посланцевъ и содержалъ-бы ихъ при сынѣ его Козь-Ахметъ-Салтанѣ, о чемъ и дѣти его ханскіе просили, только-бъ того, яко оное по ихъ требованію учинено будетъ, киргизъ-кайсакамъ не объявлять [a]". Толмачъ Гордѣевъ, въ свою очередь, сообщилъ Неплюеву, что когда Абулъ-Хаиръ, послѣ совѣщанія съ старшинами, послалъ къ одному киргизянину отобрать у него четверыхъ плѣнниковъ; то владѣлецъ ихъ не только не послушался посланнаго отъ хана, но и готовъ былъ „съ нимъ стрѣляться". Абулъ-Хаиръ, посовѣтовавшись снова съ старшинами, пригласилъ къ себѣ переводчика Араслана и наединѣ объявилъ ему, что старшины соглашаются возвратить въ Россію только половину плѣнныхъ, а остальныхъ желаютъ раздѣлить по себѣ „и спрашивалъ его, можно-ль то учинить; но какъ оный Арасланъ сталъ то нарѣкать и противное говорить, то ханъ не только того не принялъ, но при томъ уже и его Араслана стращалъ удержаніемъ за то, доколѣ сынъ его не отпустится [b]". Отправляя Гордѣева въ Оренбургъ, по совѣту старшинъ, Абулъ-Хаиръ настаивалъ на томъ, чтобы киргизамъ были возвращены сполна всѣ лошади, отогнанныя у нихъ калмыками, при чемъ „ханъ особливо объявилъ ему Гордѣеву, что въ отдачѣ тѣхъ ихъ лошадей хотя только обнадеживанье имъ кайсакамъ подано будетъ, то онъ возвращеніемъ оныхъ плѣнныхъ и скота обнадеживаетъ, и для того присылки за тѣмъ хозяевъ туда къ себѣ требовалъ [c]". Безъ сомнѣнія, честолюбивый и мстительный Абулъ-Хаиръ желалъ перехитрить Неплюева и еще больше возстановить киргизъ противъ русскихъ; но Неплюевъ хорошо понималъ хитраго хана: онъ не задержалъ никого изъ киргизъ и донесъ въ Коллегію Ин. Дѣлъ, что „ханъ писалъ о задержаніи въ Оренбургѣ киргизъ-кайсаковъ, пріѣзжающихъ для торгу, не для чего иного, какъ токмо по недовольствію его въ требуемой отъ него сыну его перемѣнѣ, къ развращенію народа, дабы чрезъ то ихъ къ Оренбургской сторонѣ во озлобленіе привести, и тѣмъ-бы ко всякимъ своимъ помысламъ лучшій способъ возъимѣть; и ежели бы то учинить, то-бъ весь народъ въ такой страхъ придти могъ, что не токмо-бъ вдаль откочевали, но и самого отчаянія отъ тамошней стороны ожидать было надобно, или и на явныя противности возбудить [d]". Въ то же время Неплюевъ написалъ Абулъ-Хаиру, чтобы киргизы

---

a) Тамъ же.
b) Тамъ же, л. 18 на оборотѣ.
c) Тамъ же, л. 19.
d) Тамъ же, лл. 19 и 20.

„въ произшедшей отъ ихъ плутовъ продерзости сами, для своего покоя и благополучія, поправленіе учинили, и тѣмъ-бы взятыхъ людей и скотъ, а паче тотъ скотъ, кой отъ русскихъ отогнанъ[a], какъ возможно возвратили, а что онъ ханъ требовалъ о задержаніи киргизцевъ,—и оное учинить несходно съ справедливостью[b]". Вручивъ это письмо посланцамъ хана, Неплюевъ отправилъ съ ними въ орду толмача Гордѣева и трехъ красноярскихъ жителей „для лучшаго отысканія взятыхъ кайсаками людей и лошадей".

23 сентября того же года Неплюевъ донесъ Коллегіи Ин. Дѣлъ, что зять Абулъ-Хаиръ-Хана, Джанъ-Бекъ-Салтанъ, пріѣзжалъ въ Оренбургъ и заявилъ, что на бывшемъ у хана мірскомъ совѣтѣ было рѣшено „сыскивать калмыцкихъ плѣнниковъ, сколько ихъ на лицо у нихъ есть", и до сорока человѣкъ было уже собрано, что „и отъ другихъ на торгу пріѣзжающихъ киргизцовъ подтвердилось[c]". Абулъ-Хаиръ въ особомъ письмѣ, присланномъ съ Джанъ-Бекомъ, также обнадеживалъ Неплюева возвращеніемъ плѣнныхъ, но скоро взаимныя отношенія Абулъ-Хаира и Неплюева еще болѣе обострились. Когда ханъ узналъ отъ возвратившихся въ орду посланцевъ, что оренбургскій губернаторъ не задержалъ, по его письму, 30 чел. киргизъ въ Оренбургѣ,—онъ позвалъ къ себѣ переводчиковъ Араслана Бекметева и Гордѣева и, обнаживъ дротикъ, „хотѣлъ срубить Гордѣева и при томъ ваше высокопревосходительство"—доносилъ Бекметевъ Неплюеву,—„*неподобно ругалъ,* что по его письмамъ никогда не исполняете, и говорилъ намъ, я—де васъ, *яко собакъ,* у себя заморю[d]". Абулъ-Хаиръ этимъ не ограничился: онъ отнялъ у красноярскаго казака Ѳеодора Ганюшкина приведенныхъ имъ 9 верблюдовъ и роздалъ ихъ своимъ служителямъ, а освобожденныхъ 15 человѣкъ плѣнныхъ и 50 лошадей, отобранныхъ у киргизъ, раздѣлилъ между бывшими при немъ старшинами. Арасланъ также писалъ Неплюеву: „еще приказалъ мнѣ ханъ писать къ вашему высокопревосходительству, чтобы какъ возможно киргизцевъ задержать, ибо безъ того, по ихъ легкомыслію, обойтись не можно, особливо о сынѣ говоритъ, что онъ его не въ аманаты отдалъ, но послалъ вмѣсто себя для свиданія, какъ прежде и Ирали-Салтанъ былъ у двора Ея Императорскаго Величества, и возвращенъ къ нему хану, а Ходжу-Ахметъ-Салтана не отпущаютъ и обманываютъ; что Тевкелевъ и

---

a) У русскихъ было отогнано изъ-подъ Краснаго Яра: 931 лошадь, 565 быковъ и коровъ, 136 барановъ и овецъ и 83 верблюдовъ. Тамъ же, л. 2 на оборотѣ.

b) Тамъ же, л. 19 на оборотѣ.

c) Тамъ же.

d) Доношенія Неплюеву Араслана Бекметева, отъ 15 и 17 Сентября 1746 года. См. тамъ же, лл. 27 на оборотѣ, 28 и 29.

сынъ его скоро будетъ въ Оренбургъ: уже де тому года съ два, какъ Товкелевъ ѣдетъ въ Оренбургъ и говорятъ, яко онъ увѣдомился, что у *сына его отрощены волосы и хотятъ* (его) *крестить*, и для того онъ имѣетъ отчаяніе и насъ за то не отпущаетъ. Ежели жъ ваше высокопревосходительство нынѣ киргизцевъ задержать не соизволите, то, конечно, ни плѣнныхъ не отдадутъ, ни насъ не отпуститъ[a]". Когда киргизы стали просить Абулъ-Хаира, чтобы онъ отдалъ имъ казака Ганюшкина и пріѣхавшихъ съ нимъ калмыковъ, въ замѣнъ задержанныхъ пяти киргизъ въ Астрахани, то ханъ отвѣтилъ, что онъ удержитъ ихъ при себѣ и никуда не отпуститъ. Араcланъ Бекметевъ вообще замѣчаетъ: „по всѣмъ его нынѣшнимъ обхожденіямъ видно, что онъ имѣетъ намѣреніе отъ Россійской стороны отдалиться, только народъ его къ тому не соглашается и лучшіе люди того весьма не желаютъ, а онъ о задержаніи сына его весьма озлобился и объявляетъ намъ, что онъ уже отъ сына своего вовсе отчаялся и признаваетъ его мертвымъ для того, что когда-де-нибудь оному моему сыну безсмѣнно тамо умереть, и затѣмъ насъ, вмѣсто своего сына, удержалъ *и чинится намъ не малая обида*[b]".

Замѣчая ослабленіе своего вліянія на киргизъ и не видя сочувствія своимъ планамъ и желаніямъ со стороны Неплюева, Абулъ-Хаиръ отправилъ въ Оренбургъ киргизца Завзана, или Заузанга, который долженъ былъ передать Неплюеву слѣдующее письмо озлобленнаго хана:

„Ея Императорскаго Величества Господину Тайному Совѣтнику и Кавалеру Ивану Ивановичу Неплюеву желаю здравствовать.

При семъ вамъ объявляю: Елумбетъ съ человѣкомъ вашимъ, толмачемъ Филатомъ Гордѣевымъ, пріѣхавъ отъ меня къ вамъ, объявили и вы объ ономъ извѣстились, также съ нимъ посланное письмо я здѣсь получилъ и обо всемъ разсмотрѣлъ, въ которомъ пишите, что ловить людей у васъ необычно, хотя я о томъ прежде слыхалъ и извѣстенъ, токмо для довольствія моего, по обыкновенію нашего народа, въ надеждѣ на васъ, чтобъ для пользы вашей и нашей такое дѣло служить могло, къ тому-жъ дикой весь киргизъ-кайсацкой народъ тѣмъ установиться-бы могъ. По посылаемымъ моимъ письмамъ ни единожды ничего не учинилось, но и пуще со всѣмъ нашимъ народомъ въ ссорѣ и въ стыду меня оставили, и я, надѣясь на васъ, яко на стѣну, въ службахъ Всемилостивѣйшей Государыни находился; *кто плуты, тѣ вамъ угодны*. Я уповалъ, что учиненныя

a) Тамъ же, л. 28.
b) Тамъ же, л. 29.

мои дѣла приняты за добрыя, но оныя вамъ неугодны есть, которыя я уже попалъ. Когда о томъ указу не имѣется, куда сына моего Ходжу-Ахмета дѣвали,—развѣ о немъ указъ имѣется?—Хотя онъ и живъ, токмо я почитаю его за мертваго: ежели-бъ былъ живъ, то онъ-бы пріѣхалъ. Да въ Астрахани пойманы пріѣхавшіе для торгу пять человѣкъ киргизцевъ и на Яикѣ задержанные,—оные гдѣ?—Ежели таковые не освободятся, то имѣющіяся между нами дѣла какъ окончиться могутъ?—Я въ письмѣ не объявлялъ-ли, что ежели людей не захватишь, то я осерчаю; изволь, генералъ, я предамъ въ Божескую волю и *вами недоволенъ*. Даруй Богъ Всемилостивѣйшей Государынѣ многолѣтное здравіе и ты здравствуй; тамо мои письма въ дѣйствіе не производились, такожде и ваши здѣсь въ дѣйствіе не производятся. Назадъ тому два года, какъ мурза Тевкелевъ и сынъ мой ѣдетъ; ежели они, пріѣхавъ съ мурзою, не окончатъ, то здѣшнія дѣла не окончатся. У меня Ея Императорскаго Величества указъ имѣется, чтобъ обо всемъ генералу представлять и всякія-бъ наши дѣла оканчиваны были; каковъ у васъ указъ, таковъ и у меня имѣлись, а вы, генералъ, ни единаго дѣла не окончили; *я вамъ сталъ не надобенъ,—уже отъ меня вы ничего не ожидайте и я отъ васъ ничего себѣ не ожидаю;* хотя вина ваша, токмо я въ Божескую волю предалъ; *я караулить уже не могъ* по Тоболу съ вершины и до устья Яика,—*караулъ самъ,*—и плутовъ унимать не могъ. Тамо Государыня неизвѣстна, а я здѣсь не зналъ, *только ты одинъ зналъ и государь сталъ*[a]".

Получивъ это письмо, Неплюевъ въ тотъ же день чрезъ генералъ-маіора Штокмана послалъ „ордеры" во всѣ форпосты и по крѣпостямъ „о крѣпкой предосторожности," сообщивъ о томъ же генералъ-маіору Киндерману на Сибирскую линію и подтвердивъ особымъ указомъ Яицкому войску. На рѣзкое письмо Абулъ-Хаиръ-Хана Неплюевъ отвѣчалъ по его выраженію „въ посредственныхъ и генеральныхъ терминахъ", опасаясь, чтобы ханъ не могъ изъ его письма „чего къ развращенію народа употребить[b]". Стараясь успокоить Абулъ-Хаира, Неплюевъ писалъ ему: „Ваше высокопочтеннаго хана письмо съ человѣкомъ вашимъ Зоузангомъ я получилъ, изъ котораго съ удивленіемъ усмотрѣлъ, что письма мои вамъ инаково истолкованы; мню, что бывающіе здѣсь у меня ваши люди не то вамъ доносятъ, что я приказываю, ибо вы показуетесь мною

---

a) Тамъ же, лл. 26 и 27. На подлинномъ письмѣ приложена чернильная печать Абулъ-Хаиръ-Хана. Подлинникъ переводилъ и подписалъ переводчикъ Ямагулъ Гулѣевъ.

b) Тамъ же, л. 25. Доношеніе Неплюева въ Коллегію Ин. Дѣлъ, отъ 23 Сентября 1746 г.

недовольны, что въ вашей волѣ состоитъ разсуждать, а мнѣ того довольно, что я во всемъ поступалъ, и поступаю, и впредь поступать долженъ не инаково, какъ по силѣ Ея Императорскаго Величества указовъ, и вамъ не иное что писалъ, но токмо то, что вы, высокопочтенный ханъ, по присяжной своей должности, исполнять должны, по которой, надѣюсь, что вы, высокопочтенный ханъ, никогда не оставите высочайшихъ Ея Императорскаго Величества повелѣній исполнять, и людей къ вамъ посланныхъ, яко то Араслана и другихъ, нынѣ возвратите, ибо объ нихъ при дворѣ Ея Императорскаго Величества извѣстно, кто и для чего къ вамъ посланы. Въ прочемъ я о всеподданнѣйшей къ Ея Императорскому Величеству вѣрности всего киргизъ-кайсацкаго народа не сумнѣваюсь, что они, купно съ вами, бездѣльникамъ потакать не будутъ, а я неотмѣнно съ моимъ доброжелательствомъ къ вамъ пребываю[a]".

Донося Коллегіи Иностр. Дѣлъ и въ Сенатъ о поступкахъ Абулъ-Хаира, Неплюевъ выразилъ желаніе, что полезно было-бы отправить къ Абулъ-Хаиръ-Хану бригадира Тевкелева, какъ человѣка хорошо извѣстнаго въ Киргизской ордѣ и знакомаго съ тамошними обычаями и порядками. Мнѣніе Неплюева о командированіи Тевкелева въ орду было принято: Тевкелевъ былъ вызванъ въ Коллегію Ин. Дѣлъ и получилъ инструкцію, какъ ему дѣйствовать, чтобы „Абулъ-Хаиръ-Хана съ т. сов. Неплюевымъ въ согласіе и дружбу привесть".

Между тѣмъ самъ Абулъ-Хаиръ не только не заботился о примиреніи съ Неплюевымъ и о возвращеніи плѣнныхъ калмыкъ и отогнаннаго скота, а напротивъ старался усилить вражду киргизъ противъ русскихъ и калмыкъ. Въ началѣ января 1747 года, сакмарскій татаринъ Кубекъ, отпущенный Неплюевымъ въ киргизскія степи еще въ августѣ 1746 года по своимъ дѣламъ, а больше, „для развѣдыванія", явился къ походному полковнику Лабзеню и сообщилъ, что онъ присланъ отъ киргизъ-кайсацкихъ старшинъ-батырей Чабая, Алтая и Кирилбая съ вѣстію о намѣреніи киргизъ напасть на волжскихъ калмыковъ. Кубекъ при этомъ, между прочимъ, заявилъ, что онъ самъ видѣлъ многочисленное скопище киргизъ, собравшихся по ту сторону р. Эмбы, и что они намѣрены пройти въ калмыцкіе улусы, какъ и въ прошломъ году, по льду Каспійскаго моря, ниже Гурьева городка. Лабзень тотчасъ же послалъ съ извѣстіемъ о томъ въ Астрахань двоихъ „доброконныхъ" казаковъ прямо черезъ степь, а къ походному атаману Сумкину, завѣдывавшему яицкими форпостами

---

a) Тамъ же, л. 30.

былъ отправленъ рапортъ на случай предосторожности. Сумкинъ, получивъ рапортъ Лабзеня, тотчасъ же донесъ о томъ Яицкому войску, которое немедленно командировало на нижніе форпосты 1350 ч. казаковъ съ двумя пушками, подъ командою атамана Ивана Меркурьева, при надлежащемъ числѣ старшинъ, изъ коихъ двое были отправлены на верхніе форпосты „для собранія и умноженія людей на нижнихъ форпостахъ"[a]. —Неплюевъ получилъ рапортъ о томъ отъ Яицкаго войска 6-го февраля и тотчасъ же распорядился отправить въ Яицкій городокъ полковника Пензенскаго гарнизоннаго полка Пальчикова, снабдивъ его особой инструкціей. Сверхъ 1350 чел., командированныхъ Яицкимъ войскомъ въ низовья Яика, Неплюевъ приказалъ скомплектовать еще отрядъ казаковъ въ 700 чел., изъ коихъ 200 чел. должны были немедленно поспѣшить въ Низовый корпусъ, а 500 челов.—ожидать прибытія въ Яицкій городокъ полковника Пальчикова; въ случаѣ же нужды, и эти 500 чел. могли выступить въ походъ раньше прибытія Пальчикова. На всѣхъ форпостахъ приказано было имѣть по шести „двуконныхъ и добрыхъ" казаковъ, для наблюденія за киргизами, чтобы „чрезъ нихъ яко въ Яицкомъ городкѣ, такъ и въ Нижнемъ корпусѣ извѣстіе имѣть и потому мѣры брать[a]". Для обороны Илецкаго городка, Неплюевъ отправилъ изъ Оренбурга 300 чел. регулярныхъ казаковъ, подъ начальствомъ секундъ-маіора, а въ Разсыпнинскую крѣпость— сто чел. драгунъ изъ Шешминскаго ландмилицкаго полка. Если бы оренбургскіе казаки, командированные въ Илецкій городокъ, понадобились въ Низовомъ корпусѣ; то они должны были слѣдовать немедленно туда же, а на ихъ мѣсто велѣно взять 60 челов. изъ Разсыпнинскаго стратегическаго отряда драгунъ.

По пріѣздѣ въ Яицкій городокъ, Пальчиковъ, совмѣстно съ войсковымъ атаманомъ и лучшими старшинами, долженъ былъ составить „военный консиліумъ" и обсудить, какія предпринять мѣры на случай обороны отъ киргизовъ, для „поиску ихъ и наказанія"; затѣмъ, нисколько немедля, Пальчиковъ „денно и ночно" долженъ былъ спѣшить въ Гурьевъ, чтобы здѣсь снова разсмотрѣть составленный планъ дѣйствій противъ киргизовъ, при участіи гурьевскаго коменданта, походнаго атамана и лучшихъ старшинъ. Но воровская партія киргизъ, какъ оказалось, предупредила военно-стратегическія распоряженія пограничнаго начальства: Пальчиковъ выѣхалъ изъ Оренбурга 6 февраля, а киргизы перебрались изъ-за Яика въ астраханскія степи еще 28 января того же 1747 г.; они прошли по

---

a) Тамъ же, л. 44.
b) Тамъ же, л. 45.

льду Каспійскаго моря, какъ и въ предыдущемъ году, въ разстояніи дневнаго пути ниже Гурьева. Киргизы хотѣли было захватить въ плѣнъ четырехъ калмыкъ-гулебщиковъ и двоихъ красноярскихъ казаковъ, отправленныхъ изъ Гурьева въ Астрахань съ письмами, но и тѣ и другіе успѣли скрыться отъ нихъ и возвратились въ Гурьевъ. Узнавъ отъ нихъ о движеніи киргизъ, походный атаманъ Сукинъ съ отрядомъ въ 600 казаковъ поспѣшилъ къ нижнему устью рѣчки Баксая, и на разстояніи ста верстъ отъ Гурьева и Астрахани расположился лагеремъ, чтобы ожидать здѣсь возвращенія киргизъ въ ихъ аулы; тридцать казаковъ, подъ командою одного есаула, были немедленно отправлены для рекогносцировокъ и наблюденія за киргизами по дорогамъ, которыя шли изъ Гурьева къ Астрахани. Въ то же время, по совѣту старшинъ изъ Яицкаго войска, Сукинъ послалъ чрезъ почту атаманамъ Меркурьеву и Кабанкѣ ордеры, чтобы они „имѣли смотрѣніе недреманнымъ окомъ, дабы воровъ киргизцевъ чрезъ Яикъ обратно не пропустить“. Меркурьевъ, въ силу распоряженія Сукина, долженъ былъ съ главной командой въ 1350 чел. расположиться по Яику ниже Индерскихъ горъ, а Кабанка съ 200 казаковъ—повыше тѣхъ же горъ. Полковникъ Пальчиковъ, въ свою очередь, командуя сотней казаковъ, „со всевозможнымъ поспѣшеніемъ марщировалъ на низъ Яика“. Между тѣмъ киргизы (число ихъ простиралось отъ 500 до 600 ч.), не доѣзжая Краснаго Яра, разбились на двѣ партіи, изъ коихъ одна направилась вверхъ по Волгѣ къ Черному Яру, а другая—внизъ по рѣкѣ къ Красному Яру.—Не найдя ни гдѣ кочующихъ калмыкъ, обѣ партіи соединились при Селитреномъ городкѣ вмѣстѣ и направились въ свои аулы чрезъ урочище Зеленый Колокъ, находящійся на 130 верстъ южнѣе Индерскихъ горъ. На возвратномъ пути они захватили двоихъ казаковъ, ѣхавшихъ съ письмами изъ Астрахани въ Черный Яръ, и двоихъ калмыкъ, находившихся на рыболовствѣ, но одинъ изъ нихъ ушелъ, другаго отбили русскіе; изъ казаковъ одного киргизы отпустили сами, а другаго увезли съ собой.

Узнавъ о возвратномъ движеніи киргизъ, Сукинъ отправилъ впередъ себя поручика Останкова къ Меркурьеву[a], чтобы послѣдній поспѣшилъ къ Зеленому Колку, и самъ вслѣдъ за нимъ направился съ своей командой туда же; но Останковъ не засталъ Меркурьева, уже выступившаго въ походъ, а Меркурьевъ не засталъ киргизцевъ, съ которыми пришлось имѣть дѣло отряду походнаго полковника Петра Кочурова,

---

а) Меркурьевъ находился съ главной командой у верхняго устья рѣчки Баксая, въ разстояніи 70 верстъ отъ Зеленаго Колка, по направленію къ Гурьеву.

находившемуся у Зеленаго Колка, куда киргизы прибыли 13 февраля на закатѣ солнца. Не смотря на то, что киргизъ было болѣе 500 чел., а въ распоряженіи Кочурова—только одна сотня казаковъ, храбрый полковникъ напалъ на ордынцевъ, препятствуя ихъ переходу черезъ Яикъ. Завязался кровавый бой, продолжавшійся до полуночи. Вѣстовые казаки, какъ вихрь, помчались въ сосѣдніе форпосты, откуда вскорѣ, на подкрѣпленіе боевой молодецкой сотни Кочурова, прискакали еще 80 чел. казаковъ. Киргизы потеряли 102 лошади, отнятыхъ казаками, и до 50 чел. убитыми, при чемъ одинъ киргизскій старшина былъ захваченъ въ плѣнъ живымъ; остальные воры, видя, что имъ не справиться съ казаками, бросились за Яикъ и помчались въ родную степь. На другой день битвы, явился къ мѣсту переправы киргизъ и Меркурьевъ. Выбравъ изъ своей команды „доброконныхъ" и самыхъ лучшихъ казаковъ, Меркурьевъ переправился черезъ Яикъ и погнался за киргизами, чтобы снова напомнить имъ о казачьей пикѣ и молодецкой шашкѣ; казачій отрядъ, во главѣ съ Меркурьевымъ, скакалъ цѣлый день по степи, но такъ и не могъ настичь хищниковъ, которыхъ, какъ говорится, „и слѣдъ простылъ[a]".

Изъ доношеній Неплюева въ Сенатъ и Коллегію Иностр. Дѣлъ видно, что онъ считалъ главнымъ виновникомъ нападенія киргизъ на калмыковъ Абулъ-Хаиръ-Хана: „Правительствующій Сенатъ (писалъ онъ) изъ такихъ ихъ киргизскихъ поступокъ изволитъ усмотрѣть, что отъ нихъ не только въ прежде происшедшихъ продерзостяхъ поправленія нѣтъ, но больше оныя умножаютъ, что, какъ изъ прежде оказанныхъ обращеній довольно можно видѣть, *не отъ иного кого (происходитъ), какъ токмо плутовствомъ Абулъ-Хаира,* а чтобъ весь народъ генерально къ тому участны были, того признать не возможно, яко то и тѣмъ довольно подтверждается, какъ оное воровское собраніе учинилось, то вышеписаннаго здѣшняго татарина Кубека сами старшины, не жалѣя и своихъ людей, съ извѣстіемъ о томъ наскорѣ послали[b]". Желая фактически убѣдиться во своемъ предположеніи касательно коварства Абулъ-Хаира, Неплюевъ предписалъ полковнику Пальчикову строжайше допросить плѣннаго киргизскаго старшину Ж у л т а я С а п у л а т о в а, захваченнаго въ плѣнъ у Зеленаго Колка, подъ угрозой пытокъ и смертной казни, не произошло—ли то нападеніе по наущенію хана, а затѣмъ отправить его въ Ставропольскую (на Волгѣ) крѣпость скованнаго и содержать тамъ, подъ крѣпкимъ карауломъ, въ ручныхъ и нож-

---

a) Тамъ же, лл. 59—61. Подлин. доношеніе Неплюева въ Сенатъ, отъ 26 февраля 1747 г., за № 148.

b) Тамъ же, л. 48 на оборотѣ.

ныхъ желѣзахъ, никого къ нему не допуская, о чемъ сообщено было и коменданту Ставропольской крѣпости Останкову. До вскрытія р. Яика и весенняго разлива рѣкъ, когда переправа чрезъ Яикъ затруднительна, Пальчиковъ долженъ былъ жить на низовой линіи, имѣя неослабный надзоръ за киргизами, въ Илецкомъ же городкѣ оставлена была только одна сотня регулярныхъ казаковъ, а двѣ сотни выведены оттуда въ другія мѣста. Опасаясь, чтобы киргизы не перестали пріѣзжать въ пограничныя крѣпости и въ Оренбургъ для торгу, Неплюевъ послалъ къ секундъ-маіору Филиппову, коменданту Орской крѣпости, указъ, чтобы онъ разяснилъ кочующимъ близъ Орска киргизамъ, чего хотѣла и что получила воровская партія, ходившая на калмыковъ, и объявилъ, чтобъ „они не опасались ничего, яко добрые люди, кочевали спокойно и желающіе для торгу въ Оренбургъ ѣздили безъ всякаго сумнѣнія, ибо здѣсь добрые люди съ ворами никогда сравняемы не бываютъ и не будутъ“. Чтобы узнать, какое „дѣйствіе и разсужденіе въ киргизскомъ народѣ отъ разбитія этой воровской партіи произойдетъ“, Неплюевъ написалъ о томъ къ тѣмъ самымъ старшинамъ, которые прислали съ вѣстію о движеніи киргизцевъ сакмарскаго татарина Кубека, въ сопровожденіи двоихъ киргизъ; отпуская послѣднихъ въ орду, Неплюевъ послалъ съ ними еще одного преданнаго ему человѣка съ письмомъ отъ себя на имя старшинъ. Заботясь о возвращеніи изъ орды переводчика Араслана и красноярскаго купца Ѳеодора Ганюшкина, Неплюевъ задержалъ посланцевъ Абулъ-Хаира, возвращавшихся отъ намѣстника Калмыцкаго ханства, а „неспокойнаго старшину Тимгана,“ который былъ присланъ изъ Казани въ Оренбургъ „для отпуску его въ орду, паки въ Казань возвратилъ“, гдѣ онъ находился при Козь-Ахметъ-Салтанѣ. Считая Абулъ-Хаира главнымъ врагомъ русскихъ, Неплюевъ всячески старался скрыть отъ него это и писалъ въ Сенатъ: „Къ Абулъ-Хаиръ-Хану или прямо, или чрезъ сына его Нурали-Салтана чрезъ нарочнаго отзовусь *съ умѣренностью,* взявъ за основаніе то, что ко мнѣ оной Нурали-Салтанъ прошлой осени писалъ, яко-бы онъ Ханъ означеннаго переводчика Араслана съ товарищемъ намѣренъ будущею весною, со обстоятельнымъ отвѣтомъ и со удовольствіемъ, отъ себя ко мнѣ отпустить, и что я, въ ожиданіи ихъ, посланцевъ его, отъ намѣстника ханства калмыцкаго возвратившихся, удержалъ, дабы, по прибытіи ихъ, мнѣ съ тѣми его посланцами обстоятельно о всемъ ему дать знать (а въ самомъ дѣлѣ для того оные удержаны, дабы чрезъ нихъ реченныхъ переводчика и купца высвободить), а притомъ буду писать и о вышеписанной воровской партіи, ходившей къ Волгѣ, со упованіемъ, яко то безъ вѣдома ихъ чинилось, и что они въ томъ тѣмъ плутамъ не потакнутъ и впредь воздерживать будутъ. Для

того-жъ еще человѣка пошлю и къ Джанъ-Бекъ-тархану, дабы чрезъ тѣхъ посланныхъ состояніе и намѣреніе ихъ лучше усмотрѣть, а паче, чтобъ добросостоятельныхъ людей въ покоѣ утвердить, дабы къ плутамъ въ соединеніе не пришли и къ генеральному замѣшанію причины не возъимѣли, и, сколько возможно, отвратить отъ Абулъ-Хаиръ-Хана, чтобъ его коварствамъ не вѣрили и о Высочайшей Ея Императорскаго Величества милости и протекціи безсумнительны были.... Таковъ кондуитъ я съ киргизскимъ народомъ держу и впредь держать намѣренъ, яко лучше того разумѣть не могу[a]". Выражая въ своихъ письмахъ къ Абулъ-Хаиру уваженіе и довѣріе, Неплюевъ въ то же время, какъ мы уже замѣтили выше, отлично понималъ его интриги и козни противъ русскихъ и, въ частности, противъ него: „безсумнительно (писалъ онъ въ Сенатъ), что то злодѣйство произошло плутовствомъ Абулъ-Хаиръ-Хана, какъ то Государственной Коллегіи Ин. Дѣлъ по прежнимъ моимъ доношеніямъ извѣстно, что онъ звѣрскимъ образомъ корреспонденцію со мною пресѣкъ и плутовствомъ киргизскимъ угрожалъ, и бездѣльникамъ изъ оныхъ на всякія продерзости публично изволялъ, и посланныхъ къ нему отсель сначала прошлаго лѣта отставнаго переводчика Араслана и красноярскаго купца Ѳеодора Ганюшкина, обравъ бывшее при нихъ лучшее, у себя удержалъ, а которыхъ людей съ ними бывшихъ и отпустилъ, но совсѣмъ ограбилъ[c]". Неплюевъ всегда былъ остороженъ и предусмотрителенъ, а теперь ему тѣмъ болѣе необходимо было „недреманнымъ окомъ" смотрѣть въ киргизскія степи. На случай безопасности въ будущемъ, онъ просилъ Сенатъ сдѣлать распоряженіе, по сношенію съ Военной Коллегіей, о возвращеніи къ нему того полка, который былъ командированъ въ 1744 году, по случаю волненій среди зюнгорцевъ, въ распоряженіе генералъ-маіора Киндермана и расположенъ по крѣпостямъ Сибирской линіи, начиная отъ р. Тобола по Ишиму: „нижайше прошу (писалъ онъ въ Сенатъ) тотъ полкъ паки въ команду мою возвратить (яко тамо отъ зюнгорцевъ опасности уже не настоитъ), дабы я могъ Уйскую линію прикрыть, ибо оная за командированіемъ того полку малолюдна, а введенныя туда по причинѣ той же Уфимскаго драгунскаго полку пять ротъ подвинуть надлежитъ ниже Уйской линіи по Яику, и расположить между Верхояицкой и Орской крѣпостей, въ прибавокъ къ имѣющимся тутъ командамъ, по крѣпостямъ и редутамъ, дабы во время какой нужды можно было и партію достойную сочинить и крѣпости небезлюдны оста-

---

a) Тамъ же, листъ 66.
b) Тамъ же.

вить; сюда жъ намѣренъ изъ армейскихъ трехъ полковъ, въ командѣ моей обрѣтающихся, командировать всѣхъ людей, токмо оставя въ пристойныхъ мѣстахъ, неподалеку отъ Волги, при ихъ тягостяхъ надлежащіе караулы, тако же и башкирцамъ, и крещенымъ калмыкамъ обыкновенной нарядъ учинить, а внизъ по Яику, между Яицкаго и Гурьева городковъ, лучшимъ образомъ форпосты учредить, дабы были немалолюдны[a]". Мы уже знаемъ, что Яицкіе казаки обязались содержать по нижнему теченію р. Яика два полка, въ комплектѣ 1016 чел.;[b] но первоначально эта тысяча, кромѣ высшихъ чиновъ (атамановъ, старшинъ, есауловъ), раздѣлялась на 40 и болѣе мелкихъ партій, отъ 20 до 30 челов. въ каждой, и въ столькихъ же пунктахъ размѣщалась по Яику. Киргизы, провѣдавъ о томъ, безбоязненно, собравшись въ большемъ числѣ, шли на Яикъ и Волгу, какъ это выяснилось при допросѣ киргизскаго старшины Жултая Сапулатова[c]. Неплюевъ распорядился, чтобы казаки расположились только въ семи опредѣленныхъ пунктахъ, по сту человѣкъ въ каждомъ а между ними должны были находиться сторожевые посты, или два караула съ 5-ю казаками въ каждомъ: „въ случаѣ какого приходу", — доносилъ онъ въ Сенатъ, — „караульные могутъ на обѣ стороны дать знать, и къ тому въ краткіе часы двѣсти человѣкъ совокупиться могутъ, а и дальніе за ними поспѣвать будутъ; слѣдственно, не будутъ такъ разбиты, какъ досего вся тысяча по 20 и по 30 человѣкъ въ раздробленіи была и ни малого корпусу вскорѣ сочинить не могла, на что и киргизцы надѣялись[d]". Убѣдившись на опытѣ, что „для поиску надъ киргизами способнѣе нерегулярные, нежели регулярные люди", Неплюевъ просилъ Сенатъ замѣнить одинъ изъ армейскихъ полковъ, находившихся въ его командѣ, 1000 донскихъ казаковъ, которые были размѣщены по форпостамъ на Волгѣ, начиная отъ Каспійскаго моря до Царицына. Предполагая поселить ихъ въ низовьяхъ р. Яика, а Яицкихъ казаковъ подвинуть вверхъ, Неплюевъ писалъ въ Сенатъ: „Изъ письма астраханскаго губернатора, отъ 17 ч. декабря прошлаго года ко мнѣ писаннаго, я усмотрѣлъ, что у него отъ Царицына до самаго моря на форпосты донскіе казаки расположены; но ежели въ тѣхъ форпостахъ иной нужды нѣтъ, кромѣ киргизцевъ, то весьма для киргизцевъ оные безполезны, ибо и нынѣ ходившая къ Волгѣ воровская партія никакого себѣ препятствія отъ нихъ не видала, а

a) Тамъ же, л. 67.
b) Сравн. стр. 258—259 (въ настоящ. монографіи).
c) См. выше стр. 704.
d) Тамъ же, л. 67 на оборотѣ.

въ пресѣченіе киргизскаго злодѣйства и калмыцкаго воровства сходнѣе о рѣкѣ Яикѣ держаться[a]".

Доношеніе Неплюева, отъ 26 января 1747 г., было получено въ Сенатѣ 16 марта того же года и въ тотъ же день было заслушано, а 26 марта состоялось постановленіе, чтобы Военная Коллегія распорядилась о возвращеніи изъ Сибири полка, находившагося въ командѣ Киндермана, въ Оренбургскую губернію; что же касается донскихъ казаковъ, то Сенатъ призналъ командировку ихъ на Яикъ невозможной: „того ради (говорится въ указѣ) ему тайному совѣтнику въ потребныхъ случаяхъ исправляться имѣющимися нынѣ въ командѣ его регулярными и нерегулярными войсками, умножая по его распоряженію въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ наибольшая отъ показанныхъ воровъ киргизцевъ предосторожность потребна[b]". 27 марта посланы изъ Сената указы въ Колл. Ин. Дѣлъ и въ Военную Коллегію, а 30 марта—Неплюеву и Киндерману[c]. Военная Коллегія 16 апрѣля донесла Сенату, что ею уже сдѣлано надлежащее распоряженіе еще 18 марта и тогда же къ Неплюеву былъ отправленъ указъ съ нарочнымъ отъ него курьеромъ, и что „оная Коллегія особливо во всемъ полагается на него тайнаго совѣтника, яко на тамошняго *благоискуснаго и ревностнѣйшаго* главнаго командира[d]". Неплюевъ, получивъ сенатскій указъ отъ 30 марта (№ 85), въ особомъ доношеніи, отъ 15 мая 1747 г. за № 250, сообщалъ Сенату, то посланные имъ въ Малую Киргизскую орду возвратились съ отвѣтными письмами отъ старшинъ и Нурали-Салтана, старшаго сына Абулъ-Хаира. Нурали писалъ Неплюеву, что онъ крайне не доволенъ поступками своего отца и постарается уговорить его дѣйствовать, согласно волѣ Ея Императорскаго Величества; въ случаѣ же его упорства, обѣщался самъ позаботиться о возвращеніи плѣнныхъ, не смотря на угрозы отца своего, который „за то, яко онъ поступкамъ его не согласуетъ и отъ оныхъ отвращаетъ, такъ озлобился, что будто (ежель сіе можно довѣрять) убить его Нуралѣя въ намѣреніи находится; онъ же Нурали и о перемѣнѣ брата его Ходжи-Ахметъ-Салтана (нынѣ въ Казани находящагося) и о высылкѣ сюда отправленнаго къ хану переводчика Арaслана усильно домогаться обнадеживалъ[e]". Съ другой стороны казачій урядникъ, котораго Неплюевъ посылалъ съ письмомъ къ киргизскимъ старшинамъ, предупредившимъ о нападеніи киргизъ на калмыковъ, показалъ, что „тамо-

---

a) Тамъ же.
b) Тамъ же, л. 71 на оборотѣ. Указъ Сената 26 марта 1747 г.
c) Тамъ же, лл. 73—77. Копіи съ указовъ.
d) Тамъ же, лл. 78—81. Подлинный указъ за № 211, отъ 16 апрѣкя 1746 года, за подписью Степана Апраксина.
e) Тамъ же, лл. 82—84.

шіе лучшіе люди ханскими поступками не довольны и весьма на него досадуютъ, а нѣкоторые (ежель то правда) и столько уже злобствуютъ на него, *что убить его намѣряются,* въ прочемъ же оба оные, сюда возвратившіеся, показали, что киргизъ-кайсацкій народъ обстоитъ нынѣ спокойно, и въ близость здѣшнихъ мѣстъ кочуетъ, *желая торгъ производить,* но при томъ, какъ изъ тѣхъ же сказокъ видно, что они и небезопасны отъ нападенія каракалпацкаго и аральскаго народовъ, которымъ они киргизъ-кайсаки минувшей зимы, подъ предводительствомъ Абулъ-Хаиръ-Хановымъ, причинили великое рзореніе[a]". Неплюевъ также доносилъ Сенату, что „оные жъ старшины выслали сюда двухъ плѣнныхъ: одного русскаго, нынѣшнею зимою киргизъ-кайсаками близъ Волги захваченнаго, да дѣвку калмыцкую крещеную изъ прошлаго полону, и еще отыскивать и высылать обѣщаютъ[b]". Для наибольшаго успѣха въ освобожденіи плѣнныхъ, старшины предлагали Неплюеву, чтобы онъ задерживалъ въ Оренбургѣ изъ пріѣзжающихъ для торга лучшихъ изъ тѣхъ киргизъ, въ родѣ которыхъ находились плѣнные, ссылаясь на то, что „то у азіатскихъ народовъ дѣло обыкновенное и что такимъ образомъ плѣнныхъ людей удобнѣе будетъ возвращать". Но Неплюевъ былъ противъ этого, какъ и раньше; онъ находилъ это неудобнымъ и вреднымъ въ томъ отношеніи, что киргизы тогда, изъ опасенія быть задержанными въ Оренбургѣ, перестанутъ пріѣзжать въ городъ для торга, тѣмъ болѣе, что „въ Меньшей ордѣ (доносилъ Неплюевъ) едва сыщется-ль такой родъ, гдѣ-бъ воровъ и плѣнныхъ не было, *понеже родъ не значитъ одну фамилію, но родами цѣлыя волости и улусы именуются.* Итако я разсуждаю заходнѣе, чтобы отъ того удержаться, пока яснѣе окажется, на какомъ основаніи Абулъ-Хаиръ-Ханъ и народъ той орды въ поступкахъ своихъ утвердится, ибо по сказкѣ бывшаго у старшинъ казачьяго урядника значится, что онъ ханъ плѣнныхъ калмыкъ, коихъ прошлой осени по собраніи, озлобясь, обратно по киргизскимъ улусамъ роздалъ, паки собирать началъ, объявляя киргизцамъ, аки-бы онъ ихъ роздалъ имъ толко для одного виду и ради прокормленія чрезъ зиму; тако-жъ и переводчика съ находящимися при немъ людьми къ здѣшнему отправленію отдалъ на руки одному старшинѣ, что исполнится-ль дѣйствомъ, время окажетъ, яко по его коварнымъ поступкамъ и по легкомыслію народа основательно увѣрить о томъ и ни на чемъ положиться невозможно[c]". Неплюевъ также

---

a) Тамъ же, л. 83.
b) Тамъ же, л. 83 на оборотѣ.
c) Тамъ же, л. 84.

узналъ, что киргизы, бывшіе въ послѣдней воровской партіи, старались скрыть дѣйствительную потерю людей, при обратной переправѣ чрезъ Яикъ, и говорили, что у нихъ куда-то пропали только *три человѣка* и 200 лошадей, но въ то же время грозили мщеніемъ Яицкимъ казакамъ. Между тѣмъ Неплюевъ, получивъ рапортъ отъ Яицкаго войска о разбитіи киргизцевъ 13 февраля, командировалъ на мѣсто битвы нарочнаго офицера, для осмотра убитыхъ киргизъ, и „по осмотру (писалъ Неплюевъ) дѣйствительно такъ найдено, какъ казаки репортовали, кромѣ сего, что, при перелазѣ оныхъ воровъ черезъ рѣку, тѣхъ воровъ еще нѣсколько перетонуло, какъ то оставшія съ сѣдлами лошади свидѣтельствовали[a])". Генералъ-маіоръ Киндерманнъ, въ свою очередь, 3-го іюня 1748 года репортовалъ въ Сенатъ, что „показанный полкъ, по здѣшней во всѣхъ пограничныхъ мѣстахъ по нынѣ благополучности, и что отъ зюнгорцевъ злыхъ, по полученнымъ извѣстіямъ, намѣрокъ и поступокъ не оказуется,— имѣетъ вскорѣ, по-прежнему, въ команду его г. тайнаго совѣтника и кавалера Неплюева отпущенъ, коего и велѣно отъ Тобольныхъ форпостовъ смѣнить отъ армейскихъ полковъ, пока отъ Иртышскихъ крѣпостей Сибирскій гарнизонный полкъ для содержанія какъ тѣхъ Тобольныхъ, такъ и Ишимскихъ форпостовъ прибудетъ[b])".

Не смотря на то, что со стороны Неплюева приняты были всѣ мѣры къ предосторожности отъ внезапнаго нападенія киргизцевъ, трудно было разсчитывать на то, чтобъ киргизы, по самой натурѣ своей склонные къ воровскимъ набѣгамъ, оставили пограничныхъ съ ихъ кочевьями жителей въ покоѣ: старыя раны скоро заживали, а внушительные уроки Яицкихъ казаковъ забывались, и потому всегда можно было ожидать воровскаго набѣга изъ киргизскихъ степей на пограничную линію и особенно на калмыковъ, съ которыми у киргизъ были давніе счеты. Въ виду этого, Сенатъ, по сношенію съ Колл. Ин. Дѣлъ и съ Неплюевымъ, рѣшилъ послать къ Абулъ-Хаиръ-Хану особую граммату съ бригадиромъ Тевкелевымъ, который долженъ былъ стараться всячески примирить хана съ оренбургскимъ губернаторомъ; если же Абулъ-Хаиръ „той своей злобы и противностей не оставитъ, то ему Тевкелеву всѣми мѣрами стараться его Абулъ-Хаира отъ ханства отставить, а вмѣсто его, выбравъ ханомъ, произвесть изъ доброжелательныхъ старшинъ[c])".

---

a) Тамъ же, л. 84 на оборотѣ.

b) Тамъ же, л. 86. Подлинный рапортъ Киндерманна,

c) Тамъ же, л. 98 на обор. Подлин. доношеніе Колл. И. Д. Сенату, отъ 10 апрѣля 1747 г. Подписали: Графъ Алексѣй Бестужевъ-Рюминъ и Графъ Михайло Воронцовъ. Слушано 27 апрѣля 1747 года.

Но Коллегія Иностр. Дѣлъ, раздѣляя вполнѣ мнѣніе Сената о командированіи въ орду Тевкелева, въ то же время не могла согласиться съ тѣмъ, чтобы возбуждать вопросъ о выборѣ новаго хана: „у киргизъ-кайсакъ (доносила она Сенату) ханы бываютъ по народному избранію, и съ россійской стороны въ то вступать неудобно; того ради Коллегіи Иностран. Дѣлъ разсуждаетъ, что того и начинать пользы не видится, ибо *Абулъ-Хаиръ-Ханъ въ Киргизъ-кайсацкомъ народѣ силу имѣетъ не по ханскому уряду, но по его хитрости и великой фамиліи*, и хотя-бъ по новымъ случаямъ и новый ханъ изъ салтановъ той же фамиліи, изъ которой всѣ киргизъ-кайсацкіе ханы отъ народа избираются, избранъ былъ; но Абулъ-Хаира тѣмъ отъ ханства отрѣшить невозможно, и только что тѣмъ больше озлобленъ быть можетъ, а сверхъ того на такое вновь ханское избраніе, безъ докладу Ея Императорскому Величеству, и поступить невозможно [a]".

Сенатъ, согласившись съ доводами Колл. Ин. Дѣлъ, 1 мая 1747 г. постановилъ: „хотя въ посланномъ изъ Правительствующаго Сената въ оную Коллегію отъ 31 минувшаго генваря указѣ и писано о имѣніи Тевкелеву старанія, ежели онъ Абулъ-Хаиръ-Ханъ отъ той своей злобы и противностей не отстанетъ, чтобъ его отъ ханства отставить, а вмѣсто его, выбравъ ханомъ, произвесть изъ доброжелательныхъ старшинъ; но нынѣ того, для объявленныхъ въ доношеніи Колл. Ин. Дѣлъ резоновъ, бригадиру Тевкелеву въ инструкцію не вносить, и о томъ въ Колл. Иностр. Дѣлъ послать указъ и велѣть означеннаго Тевкелева, по силѣ прежде положенныхъ указовъ, *отправить немедленно* [b]".—Относительно плѣннаго киргизца, содержавшагося въ Ставропольской крѣпости, Колл. Иностр. Дѣлъ постановила, чтобы, по наказаніи его плетьми, отрѣзали ему носъ, уши и правую руку и въ такомъ изуродованномъ видѣ отпустили въ орду къ хану, для „сыску его товарищей", на страхъ другимъ; но Сенатъ отклонилъ это жестокое наказаніе, замѣнивъ его плетьми и ссылкою въ Рогервикъ [c].

Бригадиръ Тевкелевъ, между тѣмъ, не упустилъ случая извлечь выгоду и лично для себя изъ этой командировки: онъ просилъ Коллегію Ин. Дѣлъ, чтобы „въ разсужденіи крайняго его недостатка и всеподданнѣйшей его донынѣ продолжаемой службы, при нынѣшней его къ киргизъ-кайсакамъ посылкѣ, учинить ему на проѣздъ и на тамошнее его содержаніе милостивое награжденіе, и дать ему и со обрѣтающимися при немъ от-

---

a) Тамъ же, лл. 100 на оборотѣ и 101.
b) Тамъ же, л. 104.
c) Тамъ же, лл. 9, 98, 101 и 105.

сюда до Оренбурга подорожную, по нынѣшнему распутію, на шестнадцать подводъ съ указанными на оные прогонами[a].—Кромѣ того Тевкелевъ представлялъ Коллегіи Иностр. Дѣлъ, что „по учиненіи ему крѣпостными его крестьянами Казанскаго уѣзду, Зюрейской дороги, вотчинъ его волости Т е р с ы, непослушанія и крайняго разоренія, многіе изъ оныхъ въ Уфимскій уѣздъ ушли, за тѣмъ государственныя подати и рекрутовъ не платятъ, а на немъ бригадирѣ Тевкелевѣ взыскиваются безъ послабленія, а ему за разореніемъ отъ нихъ платить нечѣмъ; къ томужъ оные всѣ крестьяне его, за ихъ противностію, и донынѣ, при нынѣшней генеральной ревизіи, еще неревизованы, а по именному Ея Императорскаго Величества указу, оную ревизію велѣно вскорѣ окончить". Поэтому Тевкелевъ просилъ Колл. Ин. Дѣлъ ходатайствовать предъ Сенатомъ о томъ, чтобы, „до рѣшенія вышеозначеннаго его съ крестьянами его въ извѣстной коммиссіи дѣла, посланы были изъ Правительствующаго Сената указы въ Казанскую генеральную ревизію, чтобъ до окончанія онаго дѣла тѣ его крестьяне въ Казанскомъ и Уфимскомъ уѣздахъ, гдѣ они нынѣ живутъ, въ тѣхъ мѣстахъ всѣ были ревизованы, въ Казанскую Губернскую Канцелярію, чтобы со всѣхъ тѣхъ его крестьянъ подушныя деньги, а особливо нынѣшняго наряду рекруты и лошади собраны были всѣ бездоимочно[b]". Сенатъ, по сношенію съ Коллегіей Ин. Дѣлъ, приказалъ Штатсъ-Конторѣ выдать Тевкелеву годовое жалованье по „рангу не въ зачетъ" и Ямской Канцеляріи—подорожную до Оренбурга на 16 подводъ „съ указными на оныя прогонами[c]". 23 іюня 1747 года Тевкелевъ получилъ жалованья и прогоновъ 1189 р. $29^1/_2$ коп. и долженъ былъ отправиться въ Оренбургъ. Коллегія Иностр. Дѣлъ вручила ему указъ къ Неплюеву, подробную инструкцію[d], какъ вести себя съ Абулъ-Хаиръ-Ханомъ, и двѣ грамматы: одну ко всему киргизъ-кайсацкому народу и другую лично къ Хану.

Тевкелевъ въ силу данной ему инструкціи, долженъ былъ прежде всего, по прибытіи въ Оренбургъ, явиться къ Неплюеву и сообща съ нимъ обсудить, гдѣ будетъ лучше устроить свиданіе съ Абулъ-Хаиромъ. При свиданіи съ ханомъ, Тевкелевъ долженъ былъ передать ему обѣ высочайшія грамматы вмѣстѣ или одну послѣ другой, смотря по обстоятельствамъ. Указавъ на добровольное присоединеніе Абулъ-Хаира къ Россіи и обративъ его вниманіе на грабежи со стороны киргизъ, Тевкелевъ, подъ видомъ дружбы, наединѣ долженъ былъ сообщить хану, что

---

a) Тамъ же, л. 107.
b) Тамъ же.
c) Тамъ же, лл. 109—112, 115. 116—120.
d) См. инструкцію тамъ же, лл. 121—132.

калмыки, волжскіе, донскіе и терскіе казаки просили Государыню дозволить имъ „идти на киргизъ-кайсаковъ въ отмщеніе всѣми ихъ соединенными силами и съ пушками[a]"; но Государыня „по природному и всему свѣту извѣстному великодушію и милосердію" позволенія на то не дала, чтобъ „невинные къ тому киргизъ-кайсаки не пострадали и кровь ихъ не пролилась," а вмѣсто того „съ милостивѣйшимъ Ея Императорскаго Величества увѣщеваніемъ присланъ къ нему хану онъ бригадиръ въ той надеждѣ, что онъ ханъ такіе киргизъ-кайсацкіе, ихъ же народу разорительные, поступки добрымъ манеромъ поправить можетъ[b]". Въ противномъ случаѣ Ея Императорское Величество, сколько она ни милосерда, но притомъ и справедлива, можетъ и прогнѣваться и тогда „посланы будутъ на нихъ съ волжской стороны многочисленныя казацкія войска, съ пріобщеніемъ къ нимъ яицкихъ казаковъ и калмыцкихъ войскъ, а отъ Оренбургской стороны—регулярныя россійскія войска, также башкирцы, мещеряки и казанскіе татары, а отъ Сибири—россійскія жъ войска и разные иновѣрцы. Въ такомъ случаѣ что будутъ дѣлать бѣдные киргизъ-кайсаки?—Развѣ только принуждены будутъ въ Аральскомъ морѣ топиться, ибо тогда ихъ отъ гнѣва Государыни никто не защититъ[c]". Въ то же время Тевкелевъ долженъ былъ сообщить Абулъ-Хаиру, что Неплюевъ, „вѣдая его ханскій добрый умъ и понятіе, доносилъ ко двору Ея Императорскаго Величества, что та безпутная продерзость киргизъ-кайсаковъ безъ его ханскаго вѣдома учинена, и что онъ ханъ отъ того ихъ воздержалъ и крайнее стараніе приложилъ и, по большей части, взятыхъ ими людей возвратилъ[d]". Еслибы Абулъ-Хаиръ сталъ указывать, въ оправданіе киргизцевъ, на отгонъ у нихъ лошадей калмыками, тогда Тевкелевъ долженъ былъ обратить вниманіе хана на то, что „прежде ими киргизъ-кайсаками задоръ учиненъ взятьемъ у Гурьева—городка калмыкъ 24-хъ человѣкъ и убитіемъ одного до смерти", и что изъ 1204 лошадей, отогнанныхъ у нихъ въ 1745 г. калмыками, имъ уже возвращено, по приказанію Неплюева, 806 лошадей и были приняты мѣры къ отысканію остальныхъ, а воры-калмыки, по распоряженію Дондукъ-Даши, намѣстника ханства, жестоко наказаны; слѣдовательно, не было никакого повода къ нападенію на калмыкъ подъ Краснымъ Яромъ, а тѣмъ болѣе къ грабежу русскихъ и угону у нихъ скота. Съ другой стороны калмыки

---

a) Тамъ же, л. 124.
b) Тамъ же, л. 124 на оборотѣ.
c) Тамъ же, л. 125.
d) Тамъ же, л. 173 на оборотѣ.

въ 1746 году у киргизъ „уже ни одной овцы не похищали, а они киргизцы и въ нынѣшнемъ 1747 г. грабить калмыкъ отважились“. Что касается недоданныхъ имъ калмыками 398 лошадей, то они могли удержать за нихъ столько же изъ калмыцкихъ лошадей, отогнанныхъ въ 1746 году изъ-подъ Краснаго Яра[a].

Тевкелевъ также долженъ былъ переговорить съ Абулъ-Хаиромъ и объ его жестокомъ обращеніи съ переводчикомъ Арасланомъ Бекметевымъ, котораго ханъ арестовалъ и „билъ плетью,“ и о письмѣ къ Неплюеву, написанномъ „весьма въ непристойныхъ и грубыхъ терминахъ,“ заявивъ при томъ, что онъ удивляется, какъ могъ снести такую обиду Неплюевъ и не донести ко двору Ея Величества, и „не можетъ понять, для чего такъ сурово и неосторожно имъ ханомъ поступлено было, ибо во всемъ свѣтѣ и между равными народами, которые хотя-бъ и войну имѣли, такихъ съ посланцами поступковъ не употребляется;[b]“ при этомъ Тевкелевъ долженъ былъ настаивать на томъ, чтобы Абулъ-Хаиръ извинился предъ Неплюевымъ и отпустилъ „безъ всякаго замедленія Араслана Бекметева, съ находящимися при немъ людьми и съ достойнымъ за грабежъ вознагражденіемъ“. Предполагая, что Абулъ-Хаиръ станетъ жаловаться на Неплюева, Коллегія Ин. Дѣлъ вмѣнила Тевкелеву въ непремѣнную обязанность помирить его съ губернаторомъ, доказывая хану всячески, что „Неплюевъ ему хану во всемъ доброжелателенъ и о пользѣ его и всего киргизъ-кайсацкаго народа старается[c]“. Что касается замѣны Козь-Ахмета Чингизомъ, то Тевкелевъ долженъ былъ уговорить хана, чтобы при Чингизѣ были еще даны въ аманаты два или три сына знатныхъ старшинъ, и „для того Абулъ-Хаиру наединѣ можно говорить и сіе, что такимъ образомъ киргизъ-кайсацкіе старшины болѣе будутъ ему послушны, и отцы отданныхъ въ аманаты дѣтей общими съ нимъ ханомъ силами принуждены будутъ крайнее стараніе прилагать подлый ихъ киргизъ-кайсацкой народъ отъ продерзостей и воровства унимать, прибавляя отъ себя, что изъ того большая императорская милость будетъ ему хану[d]“. Въ случаѣ, еслибы ханъ сталъ требовать возвращенія задержанныхъ воровъ-киргизцевъ и, въ частности, старшину Жултаная, то Тевкелевъ долженъ былъ объявить Абулъ-Хаиру, что, сколько ему извѣстно, „посланы отъ Ея Императорскаго Величества крѣпкіе указы къ губернатору астраханскому и къ яицкому войсковому атаману, чтобъ на форпостахъ съ воровскими кир-

a) Тамъ же, § 4 Инструкціи, л. 126.
b) См. тамъ же, пунктъ 5-й Инструкціи, л. 127.
c) Пунктъ 6-й Инструкціи, тамъ же, лл. 127 и 128.
d) Пунктъ 7, тамъ же, л. 129 на оборотѣ.

гизъ-кайсаками и калмыками поступано было, яко съ непріятелями, и которые изъ оныхъ пойманы будутъ живые, тѣхъ по жестокимъ розыскамъ велѣно ссылать въ дальнія мѣста на каторгу, и потому, можетъ быть, оные уже и посланы, итакъ имъ, хану и старшинѣ, за такихъ плутовъ и просить непристойно, толь наипаче, что они сами объявляютъ, яко они на воровство ходили, безъ ихъ ханскаго и старшинскаго вѣдома, собою, а таковымъ ихъ прошеніемъ и они себя покажутъ имъ сообщниками, сверхъ того и онъ бригадиръ за таковыхъ воровъ и просить не осмѣлится[a]".

Такимъ образомъ бригадиръ Тевкелевъ долженъ былъ позаботиться 1) о томъ, чтобы „киргизъ-кайсакъ отъ противныхъ намѣреній и воровскихъ подбѣговъ отвратить, плѣнныхъ людей и угнанный скотъ, сколько возможно, отъ нихъ отбирать; 2) Козь-Ахмета перемѣнить на другаго ханскаго сына; и 3) помирить Абулъ-Хаира съ Неплюевымъ. При отправленіи Тевкелева изъ Оренбурга въ степь, Неплюевъ долженъ былъ, по инструкціи, дать ему охранный конвой, подъячаго, толмачей, „товаровъ" и денегъ на подарки хану, его фамиліи и знатнымъ старшинамъ[b]".

Свиданіе Тевкелева съ Абулъ-Хаиромъ произошло въ Орскѣ, куда былъ вызванъ изъ Казани и ханскій сынъ Ходжи-Козь-Ахметъ-Салтанъ, находившійся въ Россіи аманатомъ болѣе девяти лѣтъ.—Абулъ-Хаиръ принялъ отъ Тевкелева Козь-Ахмета, замѣнивъ его Айчувакомъ, своимъ четвертымъ сыномъ отъ ханши Пупай, и дѣтьми нѣкоторыхъ вліятельныхъ въ ордѣ старшинъ, при чемъ ханъ не упустилъ случая снова повторить присягу и увѣренія, что отселѣ онъ будетъ жить въ мирѣ и согласіи съ русскими. По возвращеніи въ орду, Абулъ-Хаиръ, не смотря на свои обѣщанія, завелъ сношенія съ зюнгорскимъ владѣльцемъ, вопреки интересамъ Россіи, предложивъ ему въ замужество свою дочь и получивъ въ калымъ за нею городъ Туркестанъ, но судьба рѣшила иначе. Въ 1748 году нѣсколько киргизцевъ изъ Джалаирскаго рода Большой Орды явились къ каракалпакамъ, принадлежавшимъ къ тому же роду, и предложили имъ кочевать вмѣстѣ, клятвенно обѣщаясь защищать ихъ, какъ однородцевъ, отъ нападеній и грабежа враговъ. Каракалпаки-джалаирцы, въ числѣ полуторы тысячи кибитокъ, изъявили на то свое согласіе; но когда они пришли къ улусамъ на р. Олкаякъ (въ разстояніи дневнаго пути отъ Туркестана), какъ на нихъ бросились киргизы: Кучакъ, ханъ Средней Орды, и Баракъ-Салтанъ, ограбили ихъ и забрали въ плѣнъ. Въ это время

---

a) Тамъ же, л. 130 на оборотѣ, пунктъ 9 Инструкціи.
b) Тамъ же.

явился сюда совершенно неожиданно Абулъ-Хаиръ; каракалпаки обрадовались ему и просили его, чтобы онъ защитилъ ихъ отъ Барака и взялъ подъ свое покровительство. Между тѣмъ, неосторожный и алчный къ добычѣ Абулъ-Хаиръ приказалъ своимъ киргизамъ грабить тѣхъ же каракалпаковъ, которыхъ Баракъ взялъ въ плѣнъ. Тогда Баракъ-Салтанъ, давнишній врагъ и соперникъ Абулъ-Хаира, возмутилъ каракалпаковъ, раздраженныхъ поведеніемъ хана, соединился съ джалаирцами и бросился на него. Завязалась отчаянная драка. Абулъ-Хаиръ, окруженный со всѣхъ сторонъ врагами, имѣлъ при себѣ только пять или шесть человѣкъ (остальные были заняты грабежемъ) и потому, не смотря на упорную и храбрую защиту, былъ тяжело раненъ въ голову; киргизецъ Сарымбеть, замѣтивъ слабость раненнаго хана, подскакалъ и вышибъ его изъ сѣдла, а Баракъ спрыгнулъ съ лошади и—ножемъ заколол несчастнаго хана. Казакъ Найденовъ, посланный въ орду для развѣдыванія о смерти Абулъ-Хаира, разсказываетъ нѣсколько иначе обстоятельства его кончины. Абулъ-Хаиръ и Баракъ встрѣтились между рѣчекъ Тургая и Улысаяка; когда завязалась между ними драка, киргизы, бывшіе съ ханомъ, оставили его; Абулъ-Хаиръ также хотѣлъ ускакать, но Шигай, сынъ Барака, нагналъ его и сшибъ копьемъ съ лошади, а самъ Баракъ саблей отрубилъ ему голову.[a] За нѣсколько дней до своей смерти, Абулъ-Хаиръ продиктовалъ самъ письмо къ Тевкелеву, въ которомъ просилъ не оставить безъ призрѣнія его дѣтей и отмстить убійцамъ. 26 августа 1748 г. Неплюевъ получилъ отъ Тевкелева донесеніе о смерти хана и упомянутое письмо, которое, какъ послѣднюю лебединую пѣснь Абулъ-Хаира, приводимъ здѣсь цѣликомъ:

„Отъ Всемилостивѣйшей и Великой Государыни обороны прошу. Высокоблагородному и почтенному, истинному, древнему и сердечному пріятелю моему, господину бригадиру Кутлу-Муххаметъ Мурзѣ Тевкелеву объявляю: обѣщали вы меня содержать на семъ свѣтѣ безъ всякой печали, токмо я опечаленъ остался. Дай, Боже, намъ отнынѣ видѣться уже на томъ свѣтѣ!—Послѣднія мои рѣчи: исповѣдую Бога быти Единаго и посланника Его за истиннаго, вручаю васъ Богу. Ежели желаете меня удовольствовать, то прошу, по обѣщанію вашему, погибели моей просто не оставить, ибо мои обѣщанія съ вами неразрывно остались. Имѣющихся у васъ Айчувакъ-Салтана и знатныхъ алчинскихъ біевъ дѣтей прошу въ печаль не допускать и содержать ихъ во всякомъ довольствіи, и фамилію мою вѣчно безъ призрѣнія не оставить. Прошу, взявъ алчинскихъ біевъ Кидая, Алхуджія, Худжаная къ себѣ и сообща съ моими дѣтьми, Средней Орды Баракъ-Салтана съ прочими непріятелями мо-

a) Дѣло о смерти Абулъ-Хаира, л. 153 на оборотѣ. (Въ Тург. обл. арх., № 20).

ими искоренять, и тѣмъ пріятелей моихъ обрадовать. Оное ежели вы не учините и дѣтей моихъ не возвратите, то иному учинить некому, и буду на васъ за то на томъ свѣтѣ Богу жаловаться. Сію мою погибель паки прошу безъ отмщенія не оставить. Послѣднія мои рѣчи: Средней Орды Баракъ-Салтанъ, пріѣхавъ съ тысячею человѣками и ненавиствуя за то, что я съ вами обхожденіе имѣлъ, ревнуя къ калмыцкой сторонѣ и ненавидя сысканное мною государство, меня убилъ, и тѣмъ желаетъ Киргизъ-Кайсацкой ордѣ начать разореніе; губителей моихъ братьевъ, въ препровожденіи кашгарцевъ, къ вамъ поѣхавшихъ четырехъ человѣкъ прошу, изловя, убить или отдать Айчувакъ-Салтану на руки, хотя я и умру, но душа моя тому радоваться будетъ. Приложнѣйше прошу, хотя при жизни моей того не учинили, то нынѣ во удовольствіе моей Пупай ханши, дѣтей и народа, и чтобъ дѣти мои въ сиротствѣ въ печаль допущены не были, оное учинить; при семъ же прошу высокопревосходительному, господину тайному совѣтнику и кавалеру Ивану Ивановичу засвидѣтельствовать мое желаніе многолѣтняго его здравія. Нынѣ уже ежели желаете народъ нашъ совершенно въ подданствѣ утвердить, то изъ пріѣхавшихъ на торгъ человѣка три или четыре знатныхъ людей, задержавъ, при Айчувакѣ оставьте, чрезъ что всѣ дѣла окончиться могутъ. Назадъ тому нынѣ дня съ четыре Бараковы придворные люди, между которыми и Гирейскаго роду люди есть, поѣхали на торгъ съ лошадьми и оныхъ извольте, представя господину генералу, задержать; нынѣ ежели не задержите, то впредь что отъ киргизцевъ происходить будетъ—Богъ вѣсть. Прошу нарядить три тысячи человѣкъ: тысячу русскихъ, съ тысячу калмыкъ и тысячу башкирцевъ, и при нихъ десять пушекъ, и велѣть сообща съ моими доброжелателями Алчинскаго роду людьми ѣхать въ мой улусъ, и обороня мой домъ отъ разоренія, и мою погибель надъ Среднею Ордою отмстить; и сіе все оставляю въ разсужденіе Божіе и Всемилостивѣйшей Государыни; всему тому вы сами свидѣтели, и прочія мои рѣчи оставляю до предбудущаго на томъ свѣтѣ свиданія. У Бога прошу, чтобъ мнѣ умереть съ чистымъ покаяніемъ, и кого я чѣмъ обидѣлъ, у тѣхъ прошу прощенія. Сіе письмо писано во вторникъ, въ домѣ Китай-Бія, послѣ ханскаго представленія въ девятый день, а ханъ представился въ понедѣльникъ. Пупай-ханшѣ и Ходжѣ-Ахметъ-Салтану о смерти ханской еще не объявлено. Сіе письмо писано по приказу ханскому, когда онъ былъ еще живъ, и послано съ нарочнымъ о дву-конь человѣкомъ Аджимясомъ, для скораго увѣдомленія и учиненія по оному резолюціи; а когда Пупай-ханшѣ и Ходжѣ-Ахметъ-Салтану донесено будетъ, то обстоятельнѣе писано быть имѣетъ, въ прочемъ же, въ отмщеніе оной погибели ханской, имѣемъ

ожидать точной и милостивой резолюціи отъ его превосходительства, господина генерала[a]."

Такъ кончилъ дни своей тревожной и бурной жизни Абулъ-Хаиръ ханъ, отличавшійся умомъ, хитростью и энергіей. Послѣ Абулъ-Хаира осталась его жена Пупай, которая, благодаря своему уму, пользовалась уваженіемъ не только своего мужа и сыновей, неприступавшихъ ни къ одному дѣлу безъ ея совѣта, но и вниманіемъ русскаго правительства. Ханша Пупай и ея сынъ Ходжа-Ахметъ первые узнали о смерти Абулъ-Хаира; Нурали, старшій сынъ хана, кочевалъ въ это время на разстояніи шести дней верховой ѣзды отъ отцовскаго аула, а второй сынъ хана Эрали ходилъ въ то время, по распоряженію отца, вмѣстѣ съ Аблай-Салтаномъ, на верхнихъ каракалпаковъ и стоялъ у р. Сары-Тургая.

Баракъ-Салтанъ, убійца Абулъ-Хаира, намѣревался лишить жизни и его сына Эрали, и для того послалъ уже шпіоновъ къ Аблаю; но послѣдній предупредилъ Эрали, который поспѣшилъ удалиться въ аулъ своей матери, ханши Пупай.[b] Узнавъ о насильственной смерти Абулъ-Хаира, его жена и дѣти обратились къ Неплюеву съ просьбой, чтобы онъ, согласно предсмертному завѣщанію хана, задержалъ поѣхавшихъ въ Оренбургъ киргизцевъ,[c] которыхъ они считали убійцами Абулъ-Хаира.—Ссылаясь на проданность имъ Джанъ-Бекъ-Тархана, Алчинцевъ, Байулинцевъ и Семиродцевъ, они просили Неплюева о командированіи къ нимъ войска, для преслѣдованія и наказанія Барака.[d] Неплюевъ, получивъ извѣстіе о смерти Абулъ-Хаира, отправилъ къ его семейству толмача Гуляева и башкирскаго старшину Кубека, придавъ имъ въ провожатые татарина Галія и киргизянина Дуналія; кромѣ того, къ нимъ присоединились, по совѣту Тевкелева, киргизскій старшина Байбекъ, пользовавшійся особеннымъ довѣріемъ Абулъ-Хаира и его семьи, и татарскій атаманъ Орской крѣпости Смаилъ-Мулла, который предъ тѣмъ только что возвратился изъ своей поѣздки къ Нурали. Гуляевъ, въ сообществѣ означенныхъ лицъ, 29 августа 1748 г. выѣхалъ изъ Оренбурга въ степь, получивъ особую инструкцію, какъ ему дѣйствовать. Въ исполненіе этой инструкціи, Гуляевъ долженъ былъ внимательно слѣдить за всѣми намѣреніями ханши Пупай и салтановъ, стараясь всячески отклонить ихъ отъ мщенія Бараку, и

---

a) Подъ письмомъ находится слѣдующая прибавка: «при семъ и я нижайшій писалъ Алмухамметь, рабски кланяюсь. На ономъ татарскомъ письмѣ Абулъ-Хаиръ-Ханская чернильная печать». См. въ Тург. обл. арх. Дѣло о смерти Абулъ-Хаиръ-Хана, № 20, л.л. 8 и 9.

b) См. тамъ же, л. 127 на оборотѣ.

c) Илкундыева брата Намаза, Исянъ-Али Дешамбаева, Куджаназарова сына, Нарагліева брата Бигилдыя, и Сырымбетева брата. См. тамъ же, л. 31 на оборотѣ.

d) Письмо Пупай ханши и Ходжи-Ахмета, отъ 28 Августа 1748 г. См. тамъ же, л.л. 31 и 32.

убѣдить, что прежде всего необходимо водворить внутренній порядокъ въ ордѣ и выбрать хана. На вопросъ семейныхъ Абулъ-Хаира о томъ, задержаны ли, по ихъ просьбѣ, киргизцы, поѣхавшіе въ Оренбургъ, Гуляевъ долженъ былъ заявить, что онъ уѣхалъ изъ Оренбурга раньше полученія письма отъ Пупай ханши. Что касается выбора хана, то Гуляевъ, не принимая активнаго участія въ этомъ дѣлѣ, долженъ былъ держаться той стороны, которая окажется сильнѣе, и настоять, чтобы, по окончаніи выборовъ, отъ старшинъ, біевъ и самого хана были посланы на Высочайшее имя прошенія объ утвержденіи новоизбраннаго хана въ его званіи, и чтобы до полученія Высочайшей грамматы онъ не назывался и не писался ханомъ. Въ случаѣ, еслибы Нурали или кто изъ салтановъ пожелалъ, послѣ выбора, пріѣхать въ Оренбургъ, то не только не отклонять ихъ отъ этого, а напротивъ приглашать ихъ къ тому, обѣщая царскія милости.[a] Еслибы кто изъ семейства Абулъ-Хаира, изъ опасенія и предосторожности, пожелалъ прикочевать къ русскимъ крѣпостямъ, то объявить имъ, что, въ случаѣ нужды, они могутъ поселиться и въ самыхъ крѣпостяхъ[b].

Отправляя Гуляева къ семейству Абулъ-Хаира, Неплюевъ въ то же время хорошо сознавалъ, что Баракъ-Салтанъ былъ однимъ изъ вліятельнѣйшихъ и сильнѣйшихъ салтановъ въ киргизской ордѣ: отецъ его Турсунъ-Ханъ владѣлъ Иканомъ и другими сосѣдними городами, находившимися за Сыръ-Дарьею, и, по смерти своей, передалъ права на нихъ своему сыну. Желая возстановить въ степи миръ и согласіе, Неплюевъ опасался, чтобы Баракъ, убоясь мщенія со стороны сыновей Абулъ-Хаира, не откочевалъ съ своими улусами въ глубь степей и не перешелъ-бы на сторону зюнгорцевъ (Чжуньгаръ), озлобленныхъ на Абулъ-Хаира за разграбленіе кашгарцевъ. Въ виду этого, Неплюевъ тогда же отправилъ къ Баракъ-Салтану бузулукскаго казака Матвѣя Арапова, который долженъ былъ ѣхать чрезъ Башкирію, минуя кочевья семьи Абулъ-Хаира, до Камышевской крѣпости, чтобъ оттуда чрезъ улусы Аблай-Салтана пробраться къ самому Бараку. По прибытіи на мѣсто, Араповъ долженъ былъ заявить Бараку, что онъ выѣхалъ изъ Оренбурга еще 1 августа и о смерти Абулъ-Хаира узналъ уже во время пути, присовокупивъ при томъ, что *„тайный совѣтникъ“*, какъ ему извѣстно, *„какъ его Бараковыми поступками доволенъ, такъ и ханскими огорченъ“*,—вообще, Араповъ долженъ былъ успокоить Барака и увѣрить его въ доброжелатель-

---

a) См. Инструкцію, данную Гуляеву, тамъ же, 52—53.
b) Указъ объ этомъ изъ Оренб. губ. канцеляріи во всѣ крѣпости Верхнеяицкой линіи былъ посланъ 29 августа 1748 г., т. е., въ самый день отъѣзда Гуляева въ степь. См. тамъ же, л. 61.

ствѣ пограничнаго начальства. Между тѣмъ, опасенія Неплюева отчасти оправдались на самомъ дѣлѣ. Баракъ, тотчасъ же по умерщвленіи Абулъ-Хаира, отправилъ пословъ къ зюнгорскому владѣльцу Цеванъ-Дорчжѣ съ заявленіемъ, что киргизцы Малой Орды, согласившись напасть на него, разграбили караванъ кашгарцевъ; но что онъ, Баракъ, изъ привязанности къ зюнгорамъ, убилъ Абулъ-Хаира, потому что ханъ не переставалъ грабить проѣзжающихъ для торга въ Оренбургъ зюнгорскихъ купцовъ. Но это посольство, вопреки надеждамъ Барака, не только не принесло ему пользы, а напротивъ раздражило Цеванъ-Дорчжу, который и раньше былъ недоволенъ Баракомъ: Шигай, сынъ Барака, находясь въ аманатахъ у зюнгорскаго владѣльца, сблизился незаконнымъ образомъ съ его матерью[a] и тѣмъ озлобилъ противъ себя Цеванъ-Дорчжу. Помня обиду Шигая и дорожа дружбой Нурали, который намѣревался выдать за него свою сестру, Цеванъ-Дорчжа не одобрилъ поступка Барака и ничего ему не отвѣтилъ. Послѣ этого Баракъ откочевалъ къ Туркестану, съ немногими киргизцами Каракисякскаго, Тюртюгульскаго и Мотай-Найманскаго родовъ, и расположился по р. Сарысу[b].

Положеніе Барака было незавидное. Расчитывая, что насильственная смерть Абулъ-Хаира проложитъ ему торную дорогу къ славѣ и власти, Баракъ своимъ жестокимъ поступкомъ только возстановилъ противъ себя большинство киргизъ и средне-азіатскихъ хановъ и біевъ: почти всѣ роды Средней Орды, которыми онъ управлялъ раньше, отстали отъ него, а нѣкоторые даже были готовы выдать его головой семейству Абулъ-Хаира; при Баракѣ осталось не болѣе 500 кибитокъ. Найманы также не желали поддерживать властолюбивые замыслы Барака, опасаясь зе его собственную жизнь[c]. Старшины Каракисякскаго рода, задержавъ Барака на пути въ Чжуньгарію, упрекали его въ убійствѣ Абулъ-Хаира и угрожали выдать его семьѣ покойнаго хана; но ловкій Баракъ не только успѣлъ успокоить киргизцевъ, а съумѣлъ даже въ нѣкоторой степени снискать ихъ расположеніе. Онъ выбралъ четырехъ біевъ и отдалъ имъ себя добровольно на судъ, заявивъ при этомъ, что если они признаютъ его виновнымъ, то онъ охотно пожертвуетъ всѣмъ своимъ имуществомъ и даже жизнію. Хитрость изворотливаго Барака удалась: біи оправдали Барака, и около него собралось до 3000 кибитокъ, съ которыми онъ и откочевалъ къ своей ордѣ.

Воспользовавшись этимъ обстоятельствомъ, Баракъ собралъ еще 5000

---

a) Изъ показаній нѣкоторыхъ казаковъ (20 ноября 1748 г.), ѣздившихъ къ Джанъ-Беку. Дѣло о смерти Абулъ-Хаира, л. 330 на оборотѣ.
b) Рапортъ Гуляева, отъ 13 сентября 1748 г. Тамъ же, л. 121—122.
c) Показаніе Смапла-Муллы (20 ноября 1748 г.). См. тамъ же, л.л. 310—317.

войска изъ Каракисяковъ, Купратовъ, Найиановъ и частію изъ киргизъ Большой Орды,[a] и выступилъ въ походъ противъ верхнихъ каракалпаковъ. Въ мартѣ 1749 г. Баракъ былъ на устьѣ р. Джидиль (притокъ Сыръ-Дарьи), гдѣ его и засталъ Араповъ, командированный къ нему Неплюевымъ, семейство же Барака находилось въ это время въ кочевьяхъ Каракисякскаго рода, въ десяти дняхъ верховой ѣзды отъ Туркестана. Покоривъ каракалпаковъ и взявъ у нихъ въ аманаты 10 чел., Баракъ распустилъ свои войска по ауламъ, а самъ заѣхалъ въ Туркестанъ, для свиданія съ Абулъ-Махметомъ, ханомъ Средней Орды. Изъ Туркестана, по прошествіи двухъ дней, Баракъ отправился въ Иканъ[b] и здѣсь дождался своей жены и дѣтей, за коими онъ посылалъ своего сына Шигая. Спустя мѣсяцъ послѣ того, Баракъ со всѣмъ своимъ семействомъ откочевалъ на границу Чжуньгаріи, къ урочищу Мамбылакъ-Арсланы-Бабатъ, откуда снова возвратился въ Иканъ и расположился при р. Чукбуръ. Находясь здѣсь, Баракъ еще разъ отправилъ пословъ къ Цеванъ-Дорчжѣ съ изъявленіемъ покорности и съ предложеніемъ въ аманаты своего сына. Послы Барака отправились въ Чжуньгарію вмѣстѣ съ бухарскими посланцами, которые ѣхали для заключенія мира съ зюнгорскимъ ханомъ. Владѣя въ это время Иканомъ, Ташанакомъ, Отраромъ, Угустаномъ и Савакомъ, Баракъ распоряжался въ нихъ, какъ самовластный ханъ, бралъ подати и даже построилъ себѣ въ Иканѣ домъ. Оставившіе его киргизскіе улусы, которыми Баракъ владѣлъ до убійства Абулъ-Хаира, готовы были снова подчиниться ему и защищать его, въ случаѣ надобности. Неплюевъ 24 сентября 1749 года получилъ отъ Барака письмо, въ коемъ онъ извѣщалъ, что 10 тысячъ Кунратскаго рода приняли присягу подданства и выбрали его себѣ въ ханы. Телябій писалъ въ Оренбургъ, что вся Большая Киргизская Орда признала надъ собою власть Россіи и сдѣлала своимъ владѣльцемъ и управителемъ Барака. Самъ Джанъ-Бекъ-Тарханъ и многіе старшины готовы были заплатить семьѣ Абулъ-Хаира за его смерть имуществомъ и скотомъ и пригласить Барака на ханство,—словомъ, это время

---

a) Киргизъ Большой Орды было до 500 чел., подъ начальствомъ Телябія, знатнаго и вліятельнаго киргизца въ своей ордѣ.

b) Иканъ находится въ 20 верст. отъ Туркестана. Съ 1864 года Иканъ воспѣвается Уральскими казаками; одна изъ пѣсенъ начинается такъ: *„Въ степи широкой, подъ Иканомъ, насъ окружилъ коканецъ злой“* и проч. Въ первыхъ числахъ декабря мѣсяца 1864 г. сотня Уральскихъ казаковъ, подъ предводительствомъ есаула Сѣрова, (нынѣ генерала) была окружена здѣсь двѣнадцатитысячнымъ отрядомъ Алимкула, предводителя коканцевъ, и, послѣ трехдневной отчаянной защиты, погибла въ перекрестномъ огнѣ коканцевъ болѣе чѣмъ на половину: изъ 108 чел., бывшихъ въ сотнѣ, 56 чел. были убиты, а 43 тяжело ранены. См. въ Уральск. Войск. Вѣдомостяхъ за 1872 г. (№№ 11—13) статью: «Дѣло подъ Иканомъ». Сравн. «Иканскій бой 4, 5 и 6 декабря 1864 г.» М. П. Хорошхина. Спб., 1884 г., также см. «Сборникъ уральскихъ казачьихъ пѣсенъ» Н. Г. Мякушина, Спб. 1890 г., стр. 93—96 и 237.

было золотымъ вѣкомъ въ жизни Барака. Пользуясь своимъ положеніемъ, честолюбивый Баракъ старался усилиться сначала за Сыръ-Дарьею, потомъ склонить на свою сторону зюнгоръ, чтобы съ помощью ихъ и приверженныхъ родовъ, овладѣть степью и сдѣлаться въ ней ханомъ. Боясь измѣны и мало увѣренный въ своихъ силахъ, онъ опасался возвратиться въ прежніе аулы, въ сосѣдство непримиримыхъ враговъ, и старался льстить русскимъ, чтобы на время усыпить бдительность пограничнаго начальства: увѣряя Арапова въ своей вѣрности русской Государынѣ и въ расположеніи къ начальству, Баракъ заявилъ, что онъ убилъ Абулъ-Хаира за частые грабежи имъ купцовъ, и просилъ Арапова отвести и передать отъ него въ подарокъ Неплюеву бобра.[a] Но, къ счастію семьи Абулъ-Хаира и всѣхъ киргизцевъ, надежды и планы Барака не сбылись: въ апрѣлѣ 1750 г. сдѣлалось извѣстно, что Баракъ-Салтанъ умеръ въ городѣ Карнакѣ послѣ того, какъ онъ возвратился съ обѣда отъ какого-то ходжи. Киргизы утверждали, что будто этотъ ходжа нарочно отравилъ Барака, по приканію Цеванъ-Дорчжи, котораго просилъ о томъ Нурали, старавшійся всячески возстановить его противъ Барака чрезъ своего посладца Карабашъ-Салтана.[b] Гуляевъ 4 февраля 1750 г. доносилъ Неплюеву, что Цеванъ-Дорчжа, по просьбѣ Карабаша, приказалъ Телябію поймать Барака и доставить его къ себѣ; но Баракъ, узнавъ о томъ и убоявшись, откочевалъ въ Среднюю Орду, въ свои прежнія владѣнія, и даже намѣревался ѣхать въ ставку Нурали съ повинною. Какъ-бы то ни было, только не стало ни Абулъ-Хаира, ни его соперника и убійцы Баракъ-Салтана, съ которыми такъ много было заботъ и хлопотъ Неплюеву, стремившемуся къ осуществленію плана Петра Великаго—*отворить ворота въ средне-азіатскія страны и завести съ ними торговыя сношенія.* О томъ, что происходило въ Малой Ордѣ по смерти Абулъ-Хаира, скажемъ послѣ, а теперь перейдемъ къ изложенію мѣропріятій Неплюева, предпринятыхъ имъ для развитія внутренней и внѣшней торговли Оренбургскаго края.

---

a) См. Дѣло о смерти Абулъ-Хаиръ-Хана въ Тург. обл. арх., № 20, л.л. 90—95.
b) Вмѣстѣ съ Баракомъ также скоропостижно умерли два его сына, бѣжавшій съ нимъ киргизянинъ и находившійся при Баракѣ слуга. Смотр. показаніе переводчика Мансура Дѣльнаго тамъ же, л. 114.

ГЛАВА XIV.

Заботы Неплюева о развитіи торговли въ Оренбургскомъ краѣ.—Мѣновая торговля съ киргизцами и другими средне-азіатскими народами въ Оренбургѣ и въ Троицкой крѣпости.—Учрежденіе почтоваго тракта между Оренбургомъ и Троицкомъ.—Внутреннія междоусобія среди зюнгоръ и отношеніе къ нимъ Неплюева.—Препятствія къ развитію внѣшней мѣновой торговли съ средне-азіатски народами.

„Съ 1745 г. знатный торгъ въ Оренбургѣ возымѣлъ начало, такъ-что я уже въ состояніи былъ, вмѣсто получаемыхъ отъ начала той экспедиціи ежегодно 30000 рублей изъ казны, содержать оную отъ доходовъ пошлинныхъ.“

И. И. Неплюевъ.

„Къ установленію спокойной и полезной коммерціи въ оныхъ странахъ, генерально надобно обладать землею Хивинскою.“

В. Н. Татищевъ.

Не смотря на вѣроломство такого неугомоннаго, энергичнаго и хитраго сосѣда, какъ Абулъ-Хаиръ, Неплюевъ не терялъ надежды на развитіе внѣшней мѣновой и внутренней торговли въ Оренбургскомъ краѣ: „для этого“,—говоритъ онъ въ своихъ Запискахъ,—„обратилъ я мое вниманіе на приманиванье къ торговлѣ купцовъ изъ Россіи, также азіатцовъ. О первыхъ послалъ я во всѣ магистраты, увѣряя, что польза собственная ихъ изъ словъ моихъ будетъ свидѣтелемъ, а для вторыхъ посылалъ я за границу грамоты, приглашая какъ киргизцевъ, такъ хивинцевъ, ташкенцевъ и бухарцевъ къ торговлѣ, обнадеживая и сихъ ихъ пользою. Въ сію посылку употреблялъ я магометанъ, татаръ слободы Сеитовой, и какъ сей народъ легко можетъ быть ослѣпленъ корыстію, то я сихъ татаръ и наградилъ изобильно и обнадежилъ, по исполненіи ихъ коммиссіи съ успѣхомъ, наградить еще болѣе, кои, получа первое и льстясь послѣднимъ, столь усердно по всѣмъ тѣмъ областямъ старались, что съ 1745 года знатный торгъ въ Оренбургѣ возымѣлъ начало, такъ—что я уже въ состояніи былъ, вмѣсто получаемыхъ отъ начала той экспедиціи ежегодно 30000 р. изъ казны, содержать оную отъ доходовъ пошлинныхъ,[a] а сверхъ того, ввезено торгомъ въ Россію въ объявленіи слишкомъ 5000 р. серебра,

b) Ср. П. С. Зак., т. XII, №№ 9147 и 9484, стр. 770 - 701.

а болѣе того числа вошло, кое не было въ объявкѣ, и не мало золота, а пошлинный сборъ доходилъ до 50000 р. въ годъ. Прежде меня отъ бывшей коммерціи никогда трехъ тысячъ въ годъ не приходило"[a]—Это правдиво-скромное заявленіе Неплюева вполнѣ подтверждается оффиціальными данными и свидѣтельствомъ его современниковъ и сослуживцевъ, какъ увидимъ дальше.

Неплюевъ дѣйствительно такъ умно и умѣло велъ торгово-промышленное дѣло, что средне-азіатскіе купцы, особенно хивинцы, стали пріѣзжать въ Оренбургъ большими партіями, не смотря на всѣ трудности и опасности во время ихъ пути черезъ киргизскія степи. Сами киргизы также охотно пріѣзжали въ Оренбургъ для мѣны русскихъ товаровъ на лошадей и другой домашній скотъ; а въ 1743 году между ними стали уже обращаться сукна, приготовляемыя на русскихъ фабрикахъ.[b] До 1743 г. мѣновой торгъ происходилъ въ Орской крѣпости, а 26 августа того же года Сенатъ, по ходатайству Неплюева, разрѣшилъ перевести его въ Оренбургъ, въ Орской же крѣпости оставлены были только нераспроданные товары, но цѣнность ихъ была возвышена въ сравненіи съ оренбургскими, чтобы чрезъ то поставить въ болѣе благопріятныя условія оренбургскую торговлю.

Начиная съ осени 1743 года, Оренбургъ дѣлается центромъ мѣновой торговли съ киргизами Малой Орды, хивинцами, бухарцами, сартами и другими средне-азіатскими народами. Съ переведеніемъ изъ Орска въ Оренбургъ[c] главной мѣновой торговли, въ центрѣ города былъ устроенъ Гостиный дворъ съ 150 лавками, а на степной сторонѣ, въ виду города,[d] Мѣновой дворъ со 148 амбарами и 344 лавками; Гостиный дворъ назначался для зимней и осенней торговли, а Мѣновой для лѣтней торговли съ азіатцами. Первоначально эти зданія были выстроены изъ дерева и въ небольшихъ размѣрахъ, а потомъ, съ увеличеніемъ торговыхъ оборотовъ, они были замѣнены въ 1749—1754 г. новыми каменными, на постройку которыхъ тогда же было отпущено 63404 руб. 80 коп.[e] ассигнаціями. Гостиный дворъ представлялъ почти форму четыреугольника въ 104 саж. и 2 четв. въ длину и 94 саж. въ ширину. Онъ находился на Большой или Губернской улицѣ, съ которой во внутренность двора вели ворота съ церковью, устроенною надъ ними, во имя Благовѣщенія Божія Матери.

---

a) Записки Неплюева, стр. 139. Изд. 1893 г. Спб.

b) Оренбургск. Губ. Вѣдомости за 1850 г., № 51, Ср. Черемшанскій: «Описаніе Оренбургской губерніи», стр. 384; Жуковскій: «Краткое обозрѣніе достопамятныхъ событій Оренбургскаго края», стр. 16.

c) П. С. З., т. XI, № 8774.

d) На лѣвой сторонѣ р. Урала, въ 2 верстахъ отъ берега. Рычковъ. Топогр. Оренб. губ., ч. II, стр. 18. Изд. 1762 г.

e) Черемшанскій. «Описаніе Оренб. губерніи, стр. 385. Ср. Оренб. Губ. Вѣд. 1848 г., №№ 16 и 17.

На противоположной сторонѣ двора были другія въѣздныя ворота и надъ ними—куполообразная колокольня, а внутри двора находилось зданіе таможни; всѣ лавки были сдѣланы со сводами и навѣсомъ, такъ-что никакая погода не могла препятствовать ходу торговли. Мѣновой дворъ также имѣлъ двое воротъ: одни—со стороны Урала, другія—въ степь; надъ первыми помѣщалась квартира таможеннаго директора, а надъ степными воротами—пограничная таможня. Внутри Мѣноваго двора находился еще особый, такъ называемый, Азіатскій дворикъ, также съ двумя воротами, 98 лавками и 8 амбарами (по два амбара на каждомъ углу); надъ воротами, обращенными къ таможнѣ, возвышалась довольно изящной архитектуры церковь, во имя Свв. Захарія и Елизаветы,—вообще, „въ разсужденіи пространства и хорошества сего строенія",—замѣчаетъ Рычковъ,—„можно объявить, что внутри государства для купечества толь великое зданіе едва гдѣ имѣется-ль".[a]

Самая оживленная мѣна товаровъ начиналась съ половины іюля и продолжалась до конца октября, а иногда, смотря по погодѣ, и до начала ноября. Въ это время на Мѣновой дворъ пріѣзжало по нѣскольку сотъ и по тысячѣ человѣкъ въ день. Въ Оренбургскомъ краѣ не было недостатка въ природныхъ богатствахъ, которыя бы могли бойко идти въ продажѣ; нужно было только дать возможность къ сбыту ихъ въ другія мѣста. Оренбургскій край особенно былъ богатъ различными породами звѣрей, птицъ, рыбой и солью. Со времени открытія мѣноваго торга, башкиры и киргизы научились понимать дѣйствительную стоимость мѣховъ и звѣриныхъ шкуръ, въ замѣнъ которыхъ они могли теперь получать различные предметы, необходимые въ обыденной жизни или удовлетворявшіе вкусамъ восточнаго комфорта; поэтому охота на звѣрей и птицъ сдѣлалась любимымъ и наиболѣе распространеннымъ промысломъ между жителями края. Изъ Башкиріи доставлялись въ Оренбургъ бобры, бѣлки, волки, выдры, горностаи, ласки, зайцы, куницы, рысь, лось, норки, росомахи, медвѣжьи шкуры и т. п., а изъ киргизскихъ степей везли шкурки сурковъ, сусликовъ, дикихъ кошекъ, корсаковъ и бабровъ;[b] Илецкіе и Яицкіе казаки доставляли кабаньи туши и клыки,[c] рыбу, вязигу, икру и клей, а съ Волги везли выхухоль. По свидѣтельству Рычкова, въ Оренбургъ ежегодно привозилось отъ 15 до 20 тысячъ однихъ волчьихъ мѣховъ, отъ 40 до

---

a) Рычковъ. Топогр. Оренб. губ., ч. II, стр. 19. Изд. 1762 г.

b) Бабровъ не слѣдуетъ смѣшивать съ бобрами. Рычковъ говоритъ, что нѣкоторые бабры были длиною въ сажень и могли убить лошадь и даже верблюда. (См. его «Топогр Оренб. губ.», ч. I, стр. 281, Изд. 1762 г.). Бабръ—особый видъ тигра.

c) Кабаны водились и около Троицкой крѣпости. См. въ «Топографіи Оренб. губ». Рычкова, ч. II, стр. 155—156. Ср. ч. I, стр. 330.

50 тысячъ корсачьихъ и отъ 30 до 40 тысячъ лисьихъ мѣховъ.[a] Судя по этимъ даннымъ, можно представить себѣ, на сколь была обширна мѣновая торговля звѣриными шкурками и мѣхами. Немало также приносила выгодъ и торговля лебяжьими шкурками и нѣкоторыми породами птицъ, какъ напримѣръ ястребами и беркутами, которыхъ башкиры и киргизцы вымѣнивали на свои товары, для охоты на волковъ, корсаковъ и лисицъ,[b] или же продавали другимъ за деньги. Кромѣ того, башкирцы продавали русскимъ отличный бортевой медъ и восчины, которые преимущественно скупали казанскіе татары, и потомъ съ прибылью продавали этотъ товаръ въ разныхъ мѣстахъ Россіи;[c] торговля медомъ и воскомъ доставляла большіе барыши и башкирцамъ. Чтобы составить болѣе точное понятіе о торговыхъ оборотахъ лицъ, занимавшихся звѣриной, птичьей и рыбной ловлей, необходимо знать не только количество этихъ предметовъ, обращавшихся въ продажѣ, а и цѣны ихъ въ то время. Относительно этого, мы находимъ нѣкоторыя данныя въ „Топографіи Оренбургской губерніи" Рычкова, которыя встрѣчаются у него въ разныхъ мѣстахъ книги. Собравъ эти данныя въ одно цѣлое, мы приводимъ ихъ здѣсь, чтобы дать возможность читателю судить о размѣрахъ мѣновой торговли въ Оренбургскомъ краѣ. Рычковъ, весьма близко стоявшій къ торгово-промышленному дѣлу края, сообщаетъ, что б а б р ы продавались отъ 5—13 р. за штуку, а б о б р ы—отъ одного до полутора рубля; выдры отъ рубля 20 к. до полутора рубля; корсаки по 40 к., куницы по 50 к., лисицы по 80 к., норки по 13 к., горностаи по 12 и 15 к.; десятокъ бѣлокъ стоилъ 20 к.; сто зайцевъ-русаковъ отъ 10—20 р., рысь отъ $1^1/_2$ до 4 р., росамахъ—рубль; волки отъ 60 к. до рубля 20 к., черные волки[d]—отъ 10 до 15 р. за каждаго; медвѣжьи шкуры отъ 80 к. до $1^1/_2$ рубля; фунтъ кастоціума или бобровой струи отъ 80 к. до рубля; ястреба отъ 3 до 6 р., беркуты отъ 5 до 10 р., 40 осетровъ продавались по 20 р. и больше. Но при этомъ необходимо замѣтить, что такая расцѣнка товаровъ была тарифная, а въ вольной продажѣ тѣ же самые предметы цѣнились дороже, напримѣръ: бобры продавались по три рубля, вмѣсто полутора, медвѣжьи мѣха по 2 р. 80 к., рысь—по 10 р., вмѣсто 4-хъ, и т. п.

Главные предметы мѣновой торговли въ Оренбургскомъ краѣ при Неплюевѣ составляли скотъ и хлѣбъ. Въ теченіе четырнадцати (съ 1745—1759 г.)

---

a) Тамъ же, стр. 285, 289 и 292.
b) Тамъ же, стр. 285, 292, 302, 305 и 389.
c) Тамъ же, ч. I, стр. 330.
d) Черные волки, по свидѣтельству Рычкова, водились около Уйской линіи, но попадались въ руки охотниковъ весьма рѣдко, почему и цѣнились такъ дорого. См. «Топогр. Оренб. губ.», ч. I, стр. 285. Изд. 1762 г.

лѣтъ киргизы вывезли въ Оренбургъ 49697 лошадей и жеребятъ, 238 быковъ, 195447 барановъ, 7740 козловъ, а всего скота 253,122 головы,[a] что по тогдашнимъ тарифнымъ цѣнамъ стоило почти милліонъ рублей. Но по свидѣтельству старыхъ таможенныхъ чиновниковъ, какъ замѣчаетъ Левшинъ,[b] число вымѣниваемаго скота всегда показывалось въ вѣдомостяхъ, по разнымъ причинамъ, неполное; слѣдовательно, всѣ вышеприведенныя числовыя данныя въ дѣйствительности были больше. Наше заключеніе, между прочимъ, подтверждается и тѣмъ, что П. И. Рычковъ, какъ современникъ и сослуживецъ Неплюева, считаетъ minimum ежегодно промѣниваемыхъ барановъ въ 30000 и maximum въ 50000, а лошадей отъ 10 до 15 тысячъ головъ.[c] Такимъ образомъ, принимая даже minimum Рычкова, мы видимъ, что за означенный періодъ времени промѣнено барановъ на 224553 и лошадей на 90303 головы больше того числа, какое показано въ таможенныхъ вѣдомостяхъ. По нашему мнѣнію, показанія Рычкова наиболѣе приближаются къ дѣйствительнымъ цыфрамъ вымѣненнаго скота. Киргизы, какъ извѣстно, всегда отличались громаднымъ разведеніемъ барановъ и лошадей, съ которыми такъ тѣсно связано ихъ существованіе въ безпріютной, хотя и любимой ими, степи: кумысъ, крутъ (сыръ) и баранье мясо, составляющіе главную и почти единственную пищу киргизъ, неговоря уже о другихъ продуктахъ скота, всегда служили побужденіемъ къ тому, чтобы каждый хозяинъ заботился о наибольшемъ разведеніи барановъ и лошадей, тѣмъ болѣе, что тѣ и другія не спрашиваютъ отъ него корма: лѣтомъ въ степи—обильный подножный кормъ, а зимой они—на тебеневкѣ.[d] Рычковъ говоритъ, что въ его время вовсе не было рѣдкостью, если одинъ киргизянинъ имѣлъ по 1000 барановъ и лошадей, а были и такіе, у которыхъ считалось по 3000 барановъ и по 2000 лошадей, число же киргизъ въ это время, по свидѣтельству Тевкелева, простиралось до 300000 человѣкъ.[e] Принимая въ соображеніе число киргизъ и богатство ихъ скотомъ, мы ни сколько не должны удивляться тому, что въ 15 лѣтъ было промѣнено одними киргизами болѣе 800000 головъ скота, изъ котораго наименьшая часть, именно 238 головъ, приходится на рогатый скотъ; мы даже склонны думать, что и цифра 800000 ниже дѣйствительной. Причина того, что киргизцы такъ мало мѣняли рогатый скотъ, вѣроятно,

---

a) Эти цыфры составлены изъ погодныхъ частныхъ цыфръ, приводимыхъ Левшинымъ въ его сочиненіи: «Описаніе киргизъ-кайсацкихъ ордъ и степей; ч. III, стр. 221.

b) Тамъ же, стр. 225.

c) Топогр. Оренб. губ., ч. I, стр. 279, 294 и 328. Изд. 1762 г.

d) Слово «тебеневка» происходитъ отъ глагола «тебенить», что у башкиръ и киргизцевъ означаетъ—разгребать снѣгъ копытами, какъ это дѣлаютъ ихъ бараны и лошади, и довольствоваться подснѣжной травой.

e) Временникъ, кн. 13, смѣсь, стр. 18. Ср. «Топогр. Оренг. губ.» Рычкова, ч. I стр. 141. Изд. 1762 г.

кроется въ томъ, что рогатый скотъ не можетъ круглый годъ пробыть на подножномъ корму, и потому киргизы имѣли его, по большой части, только для себя. Что касается цѣнъ на домашній скотъ, то онѣ по тарифу были слѣдующія: быки продавались отъ 2 до 4 руб., козлы отъ 30—60 коп., а бараны по 70 к., въ вольной же продажѣ бараны цѣнились и по 80 к., лошади отъ 15 до 50 р., а верблюды продавались не дешевле 40 р. Въ обмѣнъ скота, мѣховъ и звѣриныхъ шкуръ, башкиры и киргизцы получали разныя чугунныя, мѣдныя и желѣзныя издѣлія, бархатъ, сукно, парчи, шелковыя ткани, платки, позументы, выбойки, ленты, тесьму, зеркала,[a] квасцы, купоросъ, нашатырь, нюхательный табакъ, румяны, бѣлилы, бисеръ, юфть, холстъ и особенно хлѣбъ.[b] Чтобы пріучить и пріохотить киргизцевъ къ вымѣну у русскихъ хлѣба, Неплюевъ иногда дѣлалъ подарки киргизскимъ ханамъ мукой, крупой и т. п.; такъ разъ онъ отправилъ съ своимъ толмачемъ къ Нурали-Хану 10 четвертей муки и столько же крупъ.[c] Рычковъ, между прочимъ, замѣчаетъ, что „тѣ изъ киргизцовъ, которые посмышленѣе и къ воровству несклонны, покупая въ Оренбургѣ разные товары, у себя въ ордѣ торговать стали да и хлѣбъ (котораго они прежде не употребляли, а довольствовались однимъ мясомъ и молокомъ) вымѣнивать и въ пищу зимой употреблять начали.“ Иногда ханы и сами являлись на оренбургскій Мѣновой дворъ, и скупали значительную часть русскихъ товаровъ съ тою цѣлію, чтобы потомъ раздарить ихъ корыстолюбивымъ и вліятельнымъ киргизцамъ.[d] Такимъ образомъ мѣновая торговля получила довольно значительные размѣры, принося выгоды казнѣ и барышъ купцамъ. Неплюевъ, какъ мы уже замѣтили выше, обратился къ русскимъ купцамъ съ приглашеніемъ торговать въ новопостроенномъ Оренбургѣ, и приглашеніе это не осталось втунѣ: на зовъ Неплюева прибыло нѣсколько человѣкъ купцовъ изъ Ростова, Тулы, Симбирска и Казани; ростовскій купецъ Дюковъ открылъ въ Оренбургѣ торговлю рыбой, а симбирскій купецъ Твердышевъ, извѣстный заводовладѣлецъ, завелъ большую продажу желѣза.[e] Но Оренбургъ не былъ единственнымъ мѣстомъ для мѣновой торговли съ киргизцами и другими средне-азіатскими народами: съ 1750 г. былъ открытъ мѣновой торгъ и въ Троицкой крѣпости, что теперь уѣздный городъ Оренбургской губерніи.

---

a) Небольшаго формата.
b) Левшинъ. Описаніе киргизъ-кайсацкихъ ордъ и степей, ч. III, стр. 219 и 229. Спб. 1832 г.
c) Тамъ-же, ч. II, стр. 181. Слич. «Топогр. Оренб. губ.» Рычкова, ч. I, стр. 141. Изд. 1762 г.
d) Тамъ-же, стр. 164.
e) См. указъ казанскаго епископа Луки Конашевича, отъ 3 октября 1753 г., на построеніе въ Оренбургѣ церкви, во имя Благовѣщенія Божіей Матери, что теперь церковь Вознесенія Господня; въ этой церкви хранится доселѣ и отмѣченный указъ.

Возвращаясь въ 1743 году изъ поѣздки въ Сибирь,[a] Неплюевъ остановился для отдыха на лѣвомъ берегу р. Уя, при впаденіи въ нее рѣчки Увелки, и здѣсь, въ праздникъ Св. Троицы, назначилъ построить „одну крѣпость познатнѣе,“ назвавъ ее Троицкою.[b] Устроял эту крѣпость, Неплюевъ имѣлъ въ виду не столько торговое, сколько ея военно-стратегическое значеніе, въ отношеніи къ башкирцамъ Ногайской дороги. Впослѣдствіи, когда башкирцы были усмирены и въ краѣ водворился порядокъ, Троицкая крѣпость должна была сдѣлаться центральнымъ пунктомъ для мѣновой торговли съ киргизцами Средней Орды, ташкентцами, кашгарцами и бухарцами.

Не смотря на вѣроломство, интриги и препятствія со стороны Абулъ-Хаира, Неплюевъ не терялъ надежды на развитіе мѣновой торговли и въ Троицкой крѣпости: онъ склонилъ къ принятію русскаго подданства хана Средней Орды, Абулъ-Махмета, а весной 1743 г., благодаря его же заботамъ, былъ освобожденъ изъ зюнгорскаго плѣна Аблай-Салтанъ, пользовавшійся большимъ вліяніемъ на киргизцевъ Средней Орды.[c] Надѣясь на содѣйствіе этихъ лицъ, Неплюевъ могъ разсчитывать на развитіе торговли въ степи и въ пограничныхъ съ русскими селеніями мѣстахъ. Надежды не обманули Неплюева: Аблай-Салтанъ самъ обратился къ нему съ просьбою, чтобы въ Троицкой крѣпости былъ открытъ мѣновой торгъ для киргизцевъ Средней Орды, которымъ ѣздить въ Оренбургъ было далеко и неудобно. Неплюевъ съ радостью готовъ былъ удовлетворить просьбу Аблая, тѣмъ болѣе, что это вполнѣ было согласно и съ видами правительства, и съ интересами торгово-промышленнаго класса; но чтобы не подорвать оренбургскаго торга, Неплюевъ приказалъ всѣхъ средне-азіатскихъ купцовъ, которые явятся въ Троицкъ съ своими товарами, отсылать для торга въ Оренбургъ, въ Троицкой же крѣпости должна была производиться мѣна товаровъ только съ киргизцами Средней Орды.[d] Впрочемъ, послѣ стали пріѣзжать сюда для мѣны товаровъ и средне-азіатскіе народы, но торговля съ киргизцами доставляла гораздо больше выгодъ для обитателей крѣпости и жителей окрестныхъ селъ и деревень, чѣмъ средне-азіатская, которая по—преимуществу производилась оптомъ. Киргизцы, пріѣзжая въ Троицкую

---

a) Сен. Архивъ, т. V, стр. 619—621. Спб., 1892 г. Сравн. въ настоящ. монографіи стр. 290.

b) Рычковъ. Топогр. Оренб. губерніи, ч. II, (Изд. 1762 г.), стр. 149 и 150. Слич. Пам. книжка Оренб. губ. 1865 г., отд. I, стр. I; Записки Неплюева (Изданіе А. С. Суворина 1893 г.), стр. 140. Нѣкоторые приписываютъ основаніе Троицкой крѣпости Кириллову (см. въ Пам. кн. Оренб. губ. на 1870 г., стр. 105), но это противорѣчитъ Запискамъ Неплюева и другимъ историческимъ даннымъ.

c) Левшинъ. Описаніе киргизъ-кайсацкихъ ордъ и степей, ч. II, стр. 155 и 156.

d) Семеновъ. Историч. изученіе свѣдѣній о росс. торговлѣ и промышленности въ XVIII в., ч. III, стр. 184. Ср. Чулковъ, ч. 2, кн. 3, стр. 129.

крѣпость, охотно скупали хлѣбъ, бумажныя и металлическія издѣлія, мѣняя ихъ на джибагу (кошмы изъ верблюжьей шерсти), овчины, верблюжью шорсть, звѣриныя шкуры, мѣха, сайгачьи рога и скотъ. При самомъ началѣ мѣновой торговли въ Троицкой крѣпости, Неплюевъ предполагалъ открыть прямой купеческій путь между Троицкой крѣпостью и Сибирью; по его мнѣнію, это было-бы выгодно для казны въ томъ отношеніи, что казна, при провозѣ товаровъ, получала-бы пошлинный сборъ какъ въ Троицкой крѣпости, такъ и въ Сибири; не были-бы въ убыткѣ и купцы, такъ-какъ киргизцы и другіе средне-азіатскіе народы охотно покупали-бы сибирскіе и китайскіе товары, какъ необходимые въ ихъ быту предметы. Нужно замѣтить, что по именному указу 1739 года было запрещено русскимъ купцамъ ѣздить изъ Россіи въ Сибирь и обратно другими путями, кромѣ Верхотурья. Въ 1741 г. Сибирская губернія и Сибирскій Приказъ представляли въ Сенатъ о необходимости открыть дорогу для купцовъ, желающихъ посѣщать Макарьевскую ярмарку, чрезъ Бергъ-амтъ, или Екатеринбургское вѣдомство. Съ открытіемъ мѣноваго торга въ Троицкой крѣпости и съ усиленіемъ торговли въ Оренбургѣ, Неплюевъ находилъ наиболѣе выгоднымъ и для казны, и для купечества учредить прямой коммерческій трактъ изъ Сибири въ Европейскую Россію чрезъ Троицкую крѣпость, тѣмъ болѣе, что дорога въ Сибирь чрезъ Верхотурье была далека и убыточна. Чтобы предотвратить контрабандный провозъ товаровъ, Неплюевъ предлагалъ слѣдующія мѣры: 1) кромѣ Троицкой заставы, учредить еще заставу на границѣ Сибири къ Исетской провинціи, чтобы купцы ни подъ какимъ видомъ не могли миновать этихъ заставъ, что и обозначать у нихъ въ выписяхъ; 2) если же кто привезетъ товаръ въ Сибирь или Троицкъ безъ выписи или миновавъ заставы, то этотъ товаръ конфисковать; 3) изъ Казани и другихъ россійскихъ городовъ чрезъ Уральскія горы въ Исетскую провинцію имѣть одну дорогу, и содержать на ней отъ Троицкой таможни заставу, которая-бы прикладывала печати къ возамъ и доносила въ Троицкую крѣпость, въ какомъ числѣ и когда они пройдутъ, такъ чтобы никто не могъ пробраться въ Сибирь мимо заставы; изъ Сибири же не пропускать никого, кто не былъ въ Троицкой крѣпости; 4) дорогу отъ Оренбурга до Троицкой крѣпости оставить въ прежнемъ направленіи, потому что тайныхъ провозовъ по ней быть не можетъ: ни одинъ купецъ не пропускается по ней безъ выписи.

Вскорѣ Троицкая крѣпость получила значеніе большаго торговаго рынка въ Восточной Россіи: не болѣе, какъ чрезъ 8 мѣсяцевъ (хотя всѣ русскіе товары были привезены изъ Оренбурга, уже очищенные пошлиною)

съ однихъ кашгарскихъ лошадей и ташкентскихъ товаровъ собрано въ Троицкой крѣпости 9000 р. таможенныхъ сборовъ; сверхъ того, было вывезено туда до 10 пудъ серебра и нѣсколько золота.—„Россійскіе купцы,“—замѣчаетъ Рычковъ,—„почитаютъ троицкій торгъ ни чѣмъ не хуже оренбургскаго, потому что киргизцы Средней Орды не только постояннѣе, но и богатѣе и гораздо лучшихъ лошадей промѣниваютъ“.[a] Караваны средне-азіатскихъ купцовъ также охотнѣе ходили чрезъ аулы Средней Орды, такъ-какъ киргизцы этой орды были зажиточнѣе и спокойнѣе да и самый путь имѣлъ достаточно лѣса и былъ удобнѣе.

И. И. Неплюевъ неоднократно посѣщалъ Троицкую крѣпость, а въ 1754 году заложилъ здѣсь каменную церковь, во имя Св. Троицы,[b] сохранившуюся до сего времени, не смотря на страшный пожаръ 1842 г., когда городъ Троицкъ сгорѣлъ почти до—тла; тогда же было положено Неплюевымъ основаніе и новому зданію для Троицкой канцеляріи. Кромѣ того, въ Троицкой крѣпости была учреждена Инженерная школа, въ которой обучали геометріи, тригонометріи, планировкѣ и музыкѣ. Въ 1752 году въ этой школѣ числилось десять человѣкъ, изъ коихъ одинъ, именно А. Е. Поспѣловъ, былъ избранъ Неплюевымъ для производства фортификаціонныхъ работъ въ крѣпостяхъ Нижне-Уйской дистанціи, и оставилъ послѣ себя интересныя Записки о Пугачевскомъ бунтѣ.[c] Въ Троицкой крѣпости такъ же, какъ и въ Оренбургѣ, на степной сторонѣ былъ построенъ Мѣновой дворъ, имѣвшій до 600 амбаровъ и лавокъ, а при немъ была учреждена таможня съ чиновниками и директоромъ во главѣ; пограничными дѣлами завѣдывалъ проживавшій здѣсь командиръ Троицкой дистанціи (Рененкампфъ); гарнизонъ крѣпости состоялъ изъ $2^1/_2$ ротъ драгунъ и двухъ пѣхотныхъ ротъ: гренадерской и мушкатерской.

Открытіе мѣновой торговли въ Троицкой крѣпости ни сколько не уменьшило количества средне-азіатскихъ купцовъ, пріѣзжавшихъ въ Оренбургъ; напротивъ, ихъ наплывъ сюда такъ былъ великъ, что иногда даже не доставало въ продажѣ русскихъ товаровъ для удовлетворенія нѣкоторыхъ изъ нихъ, что могло-бы неблагопріятно отозваться на мѣновой тор-

---

a) Топогр. Оренб. губ., ч. II, стр. 150; сравн. ч. I, стр. 145. Изд. 1762 г.

b) Въ настоящее время—Троицкій соборъ, который, благодаря богатымъ вкладамъ купцовъ В. И. Зарубина и В. М. Пупышева, по богатству отдѣлки можетъ сравняться со многими каѳедральными соборами губернскихъ городовъ. (См. Оренб. Губ. Вѣдомости за 1876 г., стр. 156), а нѣкоторые даже превосходитъ.

c) Андрей Егоровичъ Поспѣловъ скончался въ 1811 году, въ Звѣриноголовской крѣпости, 85 лѣтъ отъ роду. Записки его были напечатаны первоначально въ «Памятной кн. Оренб. губерніи 1870 г.» (отд. IV, стр. 76—120), а затѣмъ перепечатаны въ «Вѣстникѣ Европы» за 1870 г., въ іюньской книжкѣ.

говлѣ русскихъ съ азіатцами вообще, еслибы Неплюевъ во—время не обратилъ на то должнаго вниманія. Въ 1749 году онъ писалъ въ Коллегію Иностр. Дѣлъ: „Хотя торгъ въ Оренбургѣ еще не такъ въ великомъ количествѣ происходитъ, какъ впредь чаемо быть можетъ, однако для россійскихъ купцовъ толь полезенъ и прибыленъ есть, что у портовъ и въ другихъ мѣстахъ едва съ такою-ль прибылью торгуютъ, ибо, по генеральному счисленію и по расцѣнкѣ съ обѣихъ сторонъ привозныхъ товаровъ, часто оказывалось, что *россійскіе купцы процентъ на процентъ, т. е., копѣйка на копѣйку получали,* а нынѣ всѣхъ изъ Россіи привозныхъ въ Оренбургъ товаровъ по исчисленію имѣется не болѣе, какъ развѣ на 130 или 140 тысячъ рублей, изъ чего надобно азіатскимъ купцамъ и противу нынѣшняго вывозу серебра достанетъ-ли, того ради, дабы въ торгу помѣшательства и остановки не учинить, по просьбѣ въ Оренбургѣ торгующихъ купцовъ, принужденъ онъ, тайный совѣтникъ, имъ дать подорожныя на почтовыя подводы, съ которыми они на своемъ коштѣ въ Москву и другіе города нарочныхъ наскорѣ отправляютъ, дабы для торгу съ тѣми азіатскими купцами потребныхъ товаровъ, какъ возможно скорѣе, еще доставить."[a] Въ то же время Неплюевъ донесъ, что 7 мая въ Оренбургъ привезено много разныхъ товаровъ изъ Хивы и Бухары и, кромѣ того, ожидался еще „знатный" караванъ. Совѣтникъ К. И. Дѣлъ Бакунинъ доложилъ Сенату о представленіи Неплюева, а 1 іюня того же года Коллегія И. Дѣлъ предписала Главному Магистрату сдѣлать публикацію по городамъ о приглашеніи русскихъ купцовъ съ товарами въ Оренбургъ и тогда же сообщила въ Ямскую канцелярію, чтобы „посылаемымъ отъ россійскихъ купцовъ въ Оренбургъ и другіе города приказчикамъ и самимъ купцамъ давать подорожныя, по силѣ указовъ, за ихъ двойные прогоны."[b] Между тѣмъ 3 іюня въ Коллегіи Ин. Дѣлъ было получено отъ Неплюева доношеніе, въ которомъ онъ сообщалъ, что „по 18-е число минувшаго мая азіатскими купцами, съ прежде донесеннымъ, въ привозѣ серебра 418 пудъ 22 фунта да и еще привозу чаятельно."[c] Донося о томъ въ Сенатъ, Коллегія И. Дѣлъ замѣчаетъ: „ежели нынѣшнимъ лѣтомъ привозное бухарцами и хивинцами въ Оренбургъ серебро россійскими купцами вымѣнено будетъ все, то тѣмъ азіатскіе купцы и впредь къ привозу серебра пріохочены будутъ, изъ чего государственная польза и россійскому купечеству не малый прибытокъ быть можетъ;" въ противномъ случаѣ „привозъ серебра

---

a) См. въ Оренб. Губ. Вѣдомостяхъ (за 1868 г., № 37): «Историческій очеркъ сообщеній Оренб. губерніи съ прочими городами»—Орлова.
b) Тамъ же, стр. 172.
c) Тамъ же.

или умалится или вовсе пресѣчься можетъ; того ради не соизволено-ль будетъ прежде бывшія Коллегіи Ин. Дѣлъ отъ Главнаго Магистрата и отъ Ямской канцеляріи требованія подтвердить указами." Между тѣмъ Сенатъ, вслѣдствіе доношеній Неплюева, еще 22 мая того же года, предписалъ Главному Магистрату объявить купечеству „скорѣйшими указами" чрезъ городскіе магистраты, что „ежели купцы въ Оренбургъ для торгу съ товарами своими ѣхать пожелаютъ, оные-бъ немедленно ѣхали и въ дачѣ имъ для такихъ отъѣздовъ надлежащихъ паспортовъ задержанія и ни малѣйшаго препятствія отъ оныхъ, главнаго и прочихъ магистратовъ, не чинить."[a] Сенатъ 28 іюня 1749 г. снова подтвердилъ Главному Магистрату и Ямской канцеляріи свое требованіе о немедленномъ приведеніи въ исполненіе желаній Неплюева, мнѣнія Коллегіи И. Дѣлъ и опредѣленія Сената, отъ 22 ч. минувшаго мая, касательно увеличенія русскихъ товаровъ въ Оренбургѣ.

Со времени открытія мѣновой торговли въ Троицкой крѣпости, само собою должно было явиться сознаніе о необходимости устройства почты между Оренбургомъ и Троицкой крѣпостью. Въ 1750 году Ямская канцелярія, между прочимъ, доносила Сенату, что фабриканты Иванъ Полуярославцовъ, Андрей Евреиновъ, Даніилъ Земскій и Василій Макаровъ просили канцелярію, чтобы „отъ нихъ и отъ посланныхъ ихъ посылаемыя письма принимать, а почему до Оренбурга, также и до Троицкой крѣпости, указомъ повелѣно будетъ съ золотника брать, то они платить будутъ."[b] Почти одновременно съ этимъ въ Сенатѣ было получено слѣдующее представленіе Неплюева: „въ пользу торгующихъ въ Оренбургѣ россійскихъ купцовъ, въ пересылкѣ ихъ писемъ не только до Москвы и Санктпетербурга, но и до другихъ россійскихъ городовъ и оттоль до Оренбурга особливое учрежденіе разсуждается учинить весьма потребно; но понеже во всѣ губерніи, слѣдственно и до Оренбурга, учрежденная уже почта имѣется, чрезъ которую хотя и не весьма прямо, однако во всѣ Россійскаго государства знатные города оттуда письма пересылаемы быть могутъ, и къ оному для Оренбурга учрежденію ничего новаго и болѣе непотребно, какъ послать въ Московскій и Санктпорбургскій почтамты и въ Ямскую канцелярію указы и, гдѣ надлежитъ, публиковать, чтобъ въ тѣхъ канцеляріяхъ или на почтовыхъ дворахъ письма принимаемы и по адресамъ или надписямъ, безъ всякаго удержанія, были отдаваны, и къ отсылкѣ туда отъ купцовъ и прочихъ во всѣхъ тѣхъ мѣстахъ, съ платежемъ опредѣленныхъ вѣсовыхъ денегъ, принимаемы и въ свое время отправлены были, а

---

a) Тамъ же, стр. 173.
b) Оренб. Губ. Вѣдомости за 1868 г., № 42.

ежели кто изъ купцовъ или изъ другихъ чиновъ похочетъ на почтѣ изъ предъ-упомянутыхъ мѣстъ въ которое—нибудь послать какую-либо посылку, таковыя, обшивая въ холстъ или въ клеенку, принимать и съ нихъ брать по 5 коп. за фунтъ, а съ пуда по 2 рубля, и тѣ посылки хозяевамъ самимъ печатать въ Почтовомъ правленіи, а болѣе вѣсомъ не принимать, такъ-же бы съ посылаемыхъ изъ Коллегіи и Канцеляріи, и губерніи указовъ и другихъ приказныхъ дѣлъ по разнымъ прошеніямъ, съ которыхъ, яко съ партикулярныхъ, вѣсовыя деньги также брать надлежитъ, а того-бъ ради на конвертахъ оныхъ дѣлъ подписывать, что къ партикулярному прошенію съ таковыхъ пакетовъ вѣсовыя деньги брать противъ прочихъ партикулярныхъ писемъ."[a] Вмѣстѣ съ симъ представленіемъ, Неплюевъ препроводилъ въ Сенатъ и карту, на которой были обозначены мѣста почтовыхъ сообщеній въ Оренбургской губерніи. Сенатъ, утвердивъ представленіе Неплюева, постановилъ: „со всѣхъ частныхъ писемъ взимать вѣсовыхъ денегъ: отъ Оренбурга до Кичуйскаго фельдшанца по двѣ, а отъ онаго до Казани по одной, отъ Казани до Москвы по четыре, итого по семи коп. за золотникъ, а за посылки по 5 коп. за фунтъ, съ пуда же по 2 рубля."—Что касается другихъ почтовыхъ трактовъ: астраханскаго, симбирскаго, бѣлогорскаго, кіевскаго и смоленскаго, то было положено за 100 верстъ брать по одной денгѣ съ золотника. Большой почтовый Оренбургскій трактъ шелъ на Кичуйскій фельдшанецъ и Казань по Московской большой дорогѣ, которая сначала пролегала прямо черезъ степь на Бугульминскую Слободу (нынѣ уѣздный городъ Бугульма, Сам. губерніи), а потомъ, по причинѣ засоленія степныхъ мѣстъ, направленіе ея было нѣсколько измѣнено,[b] по той же дорогѣ ходили и купеческіе обозы изъ Москвы.[c] Кромѣ этой дороги, была и другая, по которой московскіе купцы отправляли свои товары въ Оренбургъ; она шла чрезъ Владиміръ, Муромъ, Арзамасъ, Самару и чрезъ крѣпости по р. Самарѣ на Татищеву пристань,—всего отъ Москвы до Оренбурга по этой дорогѣ считалось 1215 верстъ.[d] Послѣдній путь имѣлъ два проѣзда къ Оренбургу: ближайшій шелъ прямо чрезъ Общій Сыртъ степью на р. Сакмару, причемъ Татищева пристань и Чорноречинская крѣпость оставались въ правой сторонѣ, другой путь лежалъ на Татищеву пристань и Черноречинскую крѣпость, гдѣ въ настоящее время находится почтовый Самарско-Оренбургскій трактъ. Первый ближайшій проѣздъ былъ удобенъ только въ лѣтнюю пору, зимой же, по причинѣ

---

a) Тамъ же.
b) Рычковъ. Топогр. Оренб. губ., ч. II, стр. 46. Изд. 1762 г.
c) Тамъ, ч. I, стр. 196.
d) Тамъ же, ч. II, стр. 100.

степной мѣстности и по отсутствію на немъ лѣса, обозы шли по второму пути[a]. Впрочемъ, большая часть купеческихъ обозовъ шла по большой Московской дорогѣ, такъ-какъ проѣздъ чрезъ крѣпости по р. Самарѣ, не смотря на его стратегическое положеніе, былъ небезопасенъ. Рычковъ сообщаетъ, что въ 1750 г. партія калмыкъ, между Борской и Красносамарской крѣпостями, напала на шедшій изъ Оренбурга купеческій караванъ и разграбила на 70 тысячъ руб. товаровъ, въ томъ числѣ было 57 пудъ одного серебра.[b] Почтовыхъ лошадей на Московскомъ большомъ тракту обязаны были имѣть и давать проѣзжающимъ инородцы, переселенные сюда изъ Уфимской провинціи въ числѣ 2001 д.; на другихъ же трактахъ (въ Самару, Ставрополь, Яицкій городомъ, Гурьевъ, Челябинскъ и Троицкъ) содержали почтовыхъ лошадей линейные казаки. Желая улучшить организацію почтовой гоньбы, Неплюевъ обратился въ Сенатъ съ ходатайствомъ, чтобы иновѣрцы, жившіе на Московской дорогѣ, были освобождены отъ рекрутства, съ обязательствомъ безплатно возить почту, а „кромѣ почты",—писалъ Неплюевъ,—„эстафетовъ и курьеровъ, проѣзжающихъ по подорожнымъ, также съ казенными вещами и колодниками слѣдующихъ, возить за прогоны по плакату отъ жительства до жительства обывателямъ, уже кто какого-бы званія ни были, такъ, какъ и вездѣ сіе бываетъ. Что-жъ принадлежитъ до другихъ отъ Оренбурга трактовъ, кромѣ новой Московской дороги и Башкиріи, т. е., къ Самарѣ, Ставрополю и въ прочія мѣста, по коимъ также каждонедѣльно ординарная почта въ оба пути отправляется и возится поселенными въ новыхъ оренбургскихъ крѣпостяхъ казаками; то конечно и они люди служилые и по тамошней пограничности всегда въ службѣ надобные, они-жъ маложалованные, а въ нѣкоторыхъ ближнихъ къ старымъ россійскимъ жительствамъ крѣпостяхъ и безжалованные, и для того не соизволено-ль будетъ онымъ, за содержаніе той только ординарной почты, платить изъ собираемыхъ въ тамошнихъ почтовыхъ правленіяхъ вѣсовыхъ денегъ за каждую недѣлю, за двѣ подводы, лѣтомъ по копѣйкѣ, а зимою по деньгѣ за версту, и отсылать имъ пополугодно или погодно, а прочія повозки по подорожнымъ за прогоны по вышеписанному-жъ, какъ и на новой Московской дорогѣ, исправлять.[c]"—Въ отвѣтъ на это представленіе Неплюева, 6 іюня 1757 г. состоялось слѣдующее опредѣленіе Сената: „учинить во всемъ по представленію и мнѣнію Оренбургской губернской канцеляріи",[d] чрезъ которую Неплюевъ обращался съ своимъ представленіемъ о томъ въ Сенатъ.

---

a) Тамъ же, стр. 140.
b) Топогр. Оренб. губ., ч. I, ст. 105. Изд. 1762 г.
c) Оренбургскія Губ. Вѣдомости за 1868 г., № 44.
d) Тамъ же. Ср. въ наст. моногр. стр. 442.

Киргизцы Средней Орды, пріѣзжая въ Троицкую крѣпость для мѣновой торговли, не рѣдко привозили съ собою и живой товаръ, состоявшій изъ плѣнныхъ калмыкъ и особенно калмычатъ. Командиръ Троицкой крѣпости, подполковникъ Ренненкампфъ, 31 ч. августа 1756 г., репортовалъ въ Оренбургскую губернскую канцелярію: „пріѣзжающіе въ Троицкую крѣпость для мѣны киргизъ-кайсацкой Средней Орды, владѣнія Аблай-Салтана киргизцы объявляютъ: изъ имѣющихся-де у нихъ завоеванныхъ зюнгорскихъ калмыкъ нѣкоторые желаютъ креститься и требуютъ, чтобъ дозволено было имъ ихъ калмыкъ россійскимъ купцамъ промѣнивать на товары, а безъ того-де они тѣхъ калмыкъ не отпускаютъ.[a] Ренненкампфъ, донося о томъ въ Оренбургскую губернскую канцелярію, просилъ указаній, какъ ему поступать въ такихъ случаяхъ. Въ отвѣтъ на это состоялась слѣдующая резолюція канцеляріи: „тѣхъ привозимыхъ киргизцами зюнгорскихъ калмыкъ штабъ и оберъ-офицерамъ и другимъ чинамъ, кои изъ дворянъ, покупать и чрезъ купцовъ на товары вымѣнивать тѣхъ калмыкъ позволить, съ запискою въ канцеляріяхъ и со взятьемъ обязательствъ, чтобъ ихъ, по надлежащемъ наставленіи, приводили въ православную христіанскую вѣру греческаго исповѣданія одинственно, а не въ другую, и по такимъ запискамъ давать на нихъ тѣмъ людямъ изъ канцелярій, со взятьемъ поголовныхъ денегъ, въ силѣ указовъ, выписи; что же до купцовъ и до прочихъ чиновъ надлежитъ, и имъ вымѣнъ оныхъ калмыкъ дозволить на предписанномъ же основаніи, давая имъ въ томъ изъ канцелярій одни письменныя свидѣтельства по указамъ, въ коихъ прописывать имянно, какимъ образомъ то имъ дозволеніе учинено, и сколько ихъ всѣхъ потому въ вымѣнѣ будетъ, о томъ въ Оренбургскую губернскую канцелярію репортовать, токмо при томъ накрѣпко смотрѣть и наблюдать, чтобъ, подъ видомъ тѣхъ зюнгорскихъ, волжскихъ, яко подданныхъ, они киргизцы привозить промѣнивать и продавать не могли, а ежели таковые явятся, то не токмо оныхъ вымѣнивать и продавать не допускать, но такъ, какъ подданныхъ, отъ нихъ киргизцевъ отбирая, при репортахъ сюда присылали.“[b]—12 сентября того же года Неплюевъ донесъ о томъ въ Сенатъ и въ Коллегію Иностр. Дѣлъ. Сенатъ, утвердивъ постановленіе Оренбургской канцеляріи по данному вопросу, приказалъ, чтобы чрезъ каждую треть года были присылаемы въ Сенатъ вѣдомости о числѣ вымѣненныхъ и купленныхъ у киргизцевъ калмыковъ. Согласно этому опредѣленію Сената, Неплюевъ, при особыхъ рапортахъ, отъ 13 февраля, 12 іюня и 16 октября

---

a) Спб. Сен. архивъ. «Дѣло о количествѣ вымѣненныхъ киргизцами на товаръ плѣненныхъ ими зюнгорскихъ калмыкъ». 1756 г., № 1224, л. I.

b) Тамъ же, л. І-й на оборотѣ.

1756 года, препроводилъ въ Сенатъ вѣдомости[a] о числѣ вымѣненныхъ у киргизцевъ калмыкъ, заключающія въ себѣ весьма интересныя данныя. Изъ этихъ вѣдомостей видно, сколько было вымѣнено калмыкъ въ теченіе года, начиная съ сентября 1756 г. по сентябрь 1757 года, и кто именно пріобрѣталъ ихъ отъ киргизцевъ: въ первую треть года было вымѣнено 16 чел. (11 м. и 5 ж. пола), во вторую 21 ч. (15 м. и 6 ж. пола) и въ третью 149 ч. (124 м. и 25 ж. пола), а всего въ теченіе года 186 чел., въ томъ числѣ 150 м. и 36 женскаго пола. Мѣна товаровъ на калмыкъ почти исключительно происходила въ Троицкой крѣпости, въ Оренбургѣ же подобные случаи были большою рѣдкостью: изъ 186 ч., поименованныхъ въ реэстрахъ за отмѣченный годъ, только четыре калмыченка были вымѣнены въ Оренбургѣ московскими купцами Иваномъ Журавлевымъ и Николаемъ Скобейниковымъ да оренбургскимъ купцомъ Ильей Коченевымъ, мѣна же остальныхъ 182 калмыкъ была совершена въ Троицкой крѣпости и преимущественно лѣтомъ. Киргизцы привозили для мѣны на товары большею частью дѣтей и подростковъ: въ вѣдомостяхъ, представленныхъ Неплюевымъ въ 1757 г. въ Сенатъ, мы насчитали 121 ч. калмыцкихъ дѣтей въ возрастѣ отъ 3 до 10 лѣтъ, 33 чел. отъ 10 до 15 л., 11 ч. отъ 15 до 20 л. и 21 ч. отъ 20 до 40 л., калмыкъ старше сорока лѣтъ въ реэстрахъ не встрѣчается. Такой значительный перевѣсъ вымѣненныхъ калмыхъ—дѣтей и подростковъ надъ совершеннолѣтними и возмужалыми, безъ сомнѣнія, зависѣлъ отъ того, что дѣтей гораздо легче было украсть и увезти въ свои аулы, воспользовавшись отсутствіемъ или оплошностью ихъ родителей, чѣмъ захватить въ плѣнъ взрослаго человѣка. Вѣдомости о вымѣненныхъ калмыкахъ любопытны еще и въ томъ отношеніи, что онѣ даютъ намъ точныя указанія на купцовъ, которые пріѣзжали изъ центральной Россіи въ Троицкую крѣпость, для мѣновой торговли съ киргизцами Средней Орды. Въ числѣ другихъ лицъ, пріобрѣтавшихъ калмыкъ, здѣсь поименованны а) купцы московскіе: Иванъ Романовъ Журавлевъ, Иванъ Гавриловъ, Николай Скобейниковъ, Иванъ Полуярославцевъ, Василій и Еремей Харитоновы и Михей Грязновъ; б) казанскіе: Борисъ Пушниковъ, Иванъ Дрябловъ, Данила Чернышевъ, Трифонъ Хлѣбниковъ, Василій Давыдовъ, Владиміръ Поярковъ, Иванъ Кобелевъ и Александръ Чекмаревъ; в) тульскіе: Родіонъ Ивановъ, Родіонъ Сазыкинъ, Ларіонъ и Ѳома Лугинины, Харитонъ Пастуховъ и Петръ Пирожниковъ; г) ростовскіе: Михаилъ Кононовъ, Аѳанасій и Семенъ Щоткины, Гавріилъ Щен-

---

a) См. эти рапорты и вѣдомости въ томъ же дѣлѣ, л.л. 5—20.

никовъ, Иванъ Зыковъ; д) ярославскіе: Иванъ Протасовъ Волковъ и Дмитрій Затрапезновъ; е) курскіе: Иванъ и Петръ Нифонтовы, Иванъ Скорняковъ и Андрей Чеботаревъ; ж) воронежскіе: Трофимъ Хрипуновъ, Иванъ Захаровъ, Иванъ Сахаровъ; з) тюменскій купецъ Александръ Егоровъ; и) путивльскій—Василій Кореневъ; і) симбирскій—Иванъ Мурашкинцевъ; к) романовскій—Яковъ Карнаевъ; и л) уржумскій—Иванъ Фалелѣевъ.—Такимъ образомъ оказывается, что въ Троицкую крѣпость, не смотря на отдаленность ея отъ центральной Россіи и опасности въ пути, съѣзжались для торга съ киргизцами купцы московскіе, казанскіе, тульскіе, ростовскіе, ярославскіе, воронежскіе, курскіе, тюменскіе, симбирскіе, путивльскіе, уржумскіе и др. Вышепоименованные купцы достаточно уже свидѣтельствуютъ о выгодахъ мѣновой торговли въ Троицкой крѣпости: не будь этихъ выгодъ, не поѣхали-бы они изъ отдаленныхъ городовъ въ Троицкъ и при томъ съ рискомъ въ пути за цѣлость своихъ товаровъ;[a] но сюда, безъ сомнѣнія, пріѣзжали и другіе купцы, которые мѣняли свои товары не на калмычатъ (и потому не занесены въ реэстры), а на скотъ, шерсть и другіе предметы торговли, вывозимые киргизцами Средней Орды. Мы думаемъ, что купля или мѣна калмыцкихъ дѣтей у киргизцевъ была для русскихъ купцовъ только пріятнымъ добавленіемъ къ торговымъ оборотамъ и барышамъ купцовъ, которые могли пріобрѣтать некрещеныхъ калмыкъ и по религіознымъ побужденіямъ русскаго человѣка—привести иновѣрца въ хуистіанскую вѣру, крестить его; а съ другой стороны, калмыки, особенно малолѣтніе, представляли и чисто внѣшній интересъ для русскихъ купцовъ, какъ нѣчто невиданное. Случалось также, что купцы сами или черезъ своихъ прикащиковъ вымѣнивали калмыковъ для разныхъ должностныхъ лицъ, съ которыми они входили въ тѣ или другія сношенія. Въ числѣ лицъ, для коихъ купцы вымѣнивали калмыкъ, въ вѣдомостяхъ упоминаются слѣдующіе: копіистъ Филиппъ Портнягиновъ, подканцеляристъ Иванъ Скугаревскій, канцеляристъ Ѳеодоръ Мартыновъ; губернскій секретарь Алексѣй Кондалаевъ; титулярные совѣтники: Николай Аничковъ, Иванъ Коптяжевъ и Петръ Обуховъ; коллежскіе ассесоры: Иванъ Тимашевъ и Яковъ Тоузаковъ; коллежскій совѣтникъ Петръ Рычковъ; прапорщики: Василій Плотниковъ и князь Семенъ Тонишевъ; подпоручикъ Аѳанасьевъ; поручикъ Фроловъ; капитаны-драгуны: князь Яковъ Тенишевъ, Андрей Потѣхинъ, Андрей Чернышевъ и Петръ Куроѣдовъ; секундъ-маіоры: Дмитріевъ и Матвѣй Нармацкій; премьеръ-маіоры: Василій Сухаревъ

---

a) См. о разграбленіи купеческаго каравана выше, стр. 735.

и князь Мещерскій; подполковники: Ренонкампфъ и Неплюевъ;[a] комендантъ г. Оренбурга бригадиръ Бахметевъ; воевода Исетской провинціи, князь Алексѣй Тенишевъ; атаманъ Оренбургскаго казачьяго войска Могутовъ; атаманъ Исетскихъ казаковъ Петръ Іевлевъ; каптенармусъ Оренбургскаго драгунскаго полка, князь Василій Ураковъ; оберъ-криксъ-коммиссаръ Петръ Левашовъ; амбарный инспекторъ Троицкой таможни Юрій Ивановъ; аудиторъ Иванъ Черкасовъ; секретарь Исетской провинціи Михаилъ Черемисиновъ; толмачъ калмыцкаго языка Иванъ Ерофеевъ; смотритель Троицкой таможни Карпъ Воробьевъ; гренадеры: Алексѣй Губинскій и Алексѣй Черниковъ и нѣкоторые другіе. Изъ тѣхъ же вѣдомостей о вымѣненныхъ калмыкахъ видно, что адъютантъ Степанъ Коптевъ вымѣнялъ чрезъ купцовъ на товары у киргизцевъ для самого Ив. Ив. Неплюева двухъ калмыцкихъ мальчиковъ: Дудула 8 л. и Мазгилду 7 л. и двѣ дѣвочки: Маму 8 л. и Кауку 5 лѣтъ; сынъ Неплюева Николай Ивановичъ пріобрѣлъ чрезъ Ивана Хлѣбникова, прикащика ростовскаго купца Михаила Кононова, семилѣтняго калмычонка Мухая, и чрезъ досмотрщика Троицкой таможни—трехъ калмычатъ: Ильчи и Куряна 6 лѣт., Джамга 7 лѣт., и дѣвочку Купясь 4 лѣтъ.

Вывозъ калмыкъ киргизцами въ Троицкую крѣпость продолжался и въ послѣдующіе годы, но постепенно уменьшался въ своемъ количествѣ, а потомъ и совершенно прекратился: въ 1758 году было вымѣнено калмыкъ и калмычатъ м. пола 44 чел., женскаго—21 ч. и, кромѣ того, двое персіанъ, а всего въ этомъ году 67 чел.; въ 1760 году было уже промѣнено на половину меньше: м. пола 28 ч., женскаго—семь чел., въ слѣдующемъ 1761 году число ихъ сократилось до 9 чел., изъ нихъ 7 м. и 2 ж. пола, а въ 1762 г. ихъ было только уже 5 чел., въ томъ числѣ 3 ч. м. и 2 ж. пола.[b]

Заботясь о развитіи мѣновой торговли въ Троицкой крѣпости, Неплюевъ въ то же время сознавалъ, что главнымъ средоточіемъ мѣновой торговли съ киргизцами, хивинцами, бухарцами и другими средне-азіатскими народами долженъ былъ служить Оренбургъ, какъ центръ управленія всего обширнаго края. Чтобы оградить оренбургское купечество отъ всякой торговой конкурренціи, Неплюевъ запретилъ производить мѣну съ киргизцами и др. азіатцами въ Гурьевѣ-городѣ и во всѣхъ яицкихъ городкахъ и форпостахъ какими-либо другими товарами, кромѣ хлѣба и сѣна.[c] Унич-

---

a) Николай Иван., сынъ Ив. Ив. Неплюева, служившій при немъ въ Оренбургѣ.

b) См. въ Сен. Арх. Дѣло за № 1224, 1756 года, л.л. 21, 22 и 23. Репорты Оренб. Губ. Канцеляріи въ Сенатъ, отъ 18 января 1761 г., отъ 7 февраля 1762 г. и отъ 23 январ. 1763 г.

c) Указъ Оренб. Губ. Канцеляріи, отъ 22 мая 1750 г.

тоженіе мѣновой торговли въ Гурьевѣ было необходимо и по другимъ причинамъ: здѣсь иногда производились незаконные торги, такъ въ 1748 г. тамошніе калмыки продавали людей; съ другой стороны въ Гурьевъ почти не ѣздили ни богатые астраханскіе купцы, ни знатные калмыки: всѣ они торговали въ Оренбургѣ, въ Гурьевѣ же оставались такіе, на которыхъ „въ содержаніи на русскіе товары умѣренной, а на азіатскіе невысокой цѣны надежды не было". Впрочемъ, не смотря на запрещеніе, торгъ въ Гурьевѣ существовалъ до 1752 г., когда Гурьевъ, по указу Сената 25 мая 1752 г., былъ отданъ въ вѣдомство Оренбургской губерніи.[a] Коллегія Иностр. Дѣлъ предполагала закрыть торгъ и въ Ямышевской крѣпости, чтобы избавить пограничныхъ съ киргизскими степями сибирскихъ поселенцовъ отъ грабежа и злодѣйствъ киргизцевъ.[b] Но Неплюевъ, спрошенный по этому поводу, заявилъ, что закрытіе торга въ Ямышевской крѣпости заставитъ ея обитателей терпѣть нужду въ лошадяхъ и скотѣ. До перенесенія Ямышевской крѣпости на другое болѣе удобное и безопасное мѣсто, Неплюевъ полагалъ возможнымъ ограничиться тѣми же мѣрами предосторожности, какія были приняты имъ въ Оренбургѣ и Троицкой крѣпости, т. е., устроить за р. Иртышемъ Мѣновой дворъ, на подобіе крѣпости, съ рогатками въ его воротахъ, и содержать караулъ, а за своевольство наказывать виновныхъ киргизцевъ, какъ слѣдуетъ: за воровство — кошками, „а ежели ножемъ (ибо для мѣны пропущаются безъ ружья) какую продерзость учинитъ", то — и кнутомъ, въ присутствіи самихъ киргизцевъ, которыхъ также удовлетворять въ случаѣ обиды ихъ русскими; за черту Мѣноваго двора, безъ вѣдома командира и надлежащей предосторожности, никого изъ русскихъ не отпускать; аманатовъ же съ киргизцевъ не брать, потому — что киргизцы являются на торгъ изъ разныхъ родовъ и улусовъ, аманаты же имѣютъ значеніе лишь для того рода, изъ котораго они взяты.[c] Между тѣмъ среди зюнгоръ, со смертію Галданъ-Черена, начались внутреннія междоусобія, которыя весьма неблагопріятно отозвались на мѣновой торговлѣ въ Троицкой крѣпости.

Галданъ-Черенъ, умершій въ 1746 г., оставилъ послѣ себя трехъ сыновей: двоихъ законныхъ Цованъ-Дорчжи-Нямгала (онъ же: Печанъ-Чаганъ и Аджанъ) и Кіокуша, и одного незаконнаго Лама-Дорчжу, прижитаго имъ отъ наложницы Буруцкаго рода, бывшей служанкою его жены. Преемникомъ Галдана былъ его старшій сынъ Цованъ-Дорчжа, который и управлялъ зюнгорцами въ теченіе пяти лѣтъ; но

---

a) Ср. въ наст. монографіи стр. 267.
b) Указъ Колл. Ин. Дѣлъ Неплюеву, отъ 5 іюня 1752 г.
c) Письмо Неплюева къ Киндерману, отъ 11 іюня 1750 г.

Лама-Дорчжа, получившій отъ своего отца не болѣе ста кибитокъ, въ маѣ 1750 году умертвилъ Цеванъ-Дорчжу,[a] при содѣйствіи Саинъ-Болока, и захватилъ власть въ свои руки; народъ, любившій Ламу-Дорчжу, называлъ его Эрдени-Лама-Батуръ-Хонъ-Таиджи, т. е. *святой отецъ, храбрый и добрый князь*. Опасаясь соперниковъ и опираясь на любовь къ себѣ простаго народа, Лама-Дорчжа не ограничился убійствомъ Цеванъ-Дорчжи; онъ приказалъ умертвить еще пятерыхъ дѣтей Водемира, ослѣпилъ и сослалъ Кіокуша и смѣнилъ всѣхъ старыхъ зайсанговъ, избравъ на ихъ мѣста новыхъ и молодыхъ;[b] но убійствами и насиліемъ невозможно было водворить порядокъ, тишину и спокойствіе въ Чжунгаріи. Вскорѣ начались въ странѣ смуты и несогласія. Все государство какъ-бы распалось на три части: одна изъ нихъ осталась вѣрной Ламѣ-Дорчжѣ, другая откочевала ближе къ Китаю, а третья на р. Иртышъ, къ Сибирской границѣ.[c] Не смотря на то, Лама-Дорчжа замыслилъ лишить жизни знатнаго нойона Дабачи (онъ же Дебачи и Даваци), который былъ ближайшимъ родственникомъ зюнгорскихъ владѣльцевъ и считался, по обычаямъ зюнгорскаго народа, законнымъ преемникомъ Цеванъ-Дорчжи (Цебекъ-Дорчжа).[d] Дабачи, опасаясь за жизнь, рѣшился оставить свое отечество. Въ сообществѣ своихъ племянниковъ—нойоновъ Амурсана[e] и Даньчжура (Байнджуръ), Дабачи вознамѣрился удалиться къ Сибирской границѣ, гдѣ онъ кочевалъ и прежде; но когда они выступили въ путь, на нихъ напало войско, посланное за ними въ погоню отъ Лама-Дорчжи. Завязалась упорная драка. Дабачи и его племянники, будучи не въ силахъ противостоять врагамъ, оставили свои улусы[f] на произволъ судьбы и бѣжали въ Среднюю Орду съ нѣкоторыми приверженцами. Дабачи и его спутники прибыли въ кочевья Средней Орды по осени 1751 г., и были приняты съ честію въ Вакли-Гирейскомъ родѣ киргизцами: Дусунбекомъ, Умиромъ, Казиберганомъ и Каипомъ. Не требуя отъ киргизцевъ ничего и щедро награждая ихъ сами, бѣглецы скоро успѣли

---

a) Рычковъ (См. Топ. Ор. губ., ч. I, стр. 27—28, изд. 1887 г.) передаетъ обстоятельства этого дѣла нѣсколько иначе: онъ говоритъ, что Цеванъ-Дорчжа былъ низложенъ и ослѣпленъ зайсангами за его худое правленіе; затѣмъ сосланъ въ Малую Бухарію, гдѣ онъ послѣ и умерщвленъ, о Кіокушѣ и дѣтяхъ Водемира Рычковъ вовсе не упоминаетъ.

b) Самому Ламѣ-Дорчжѣ было въ то время 30 лѣтъ.

c) Изъ показаній Матвѣя Арапова въ апрѣлѣ 1752 г.

d) Дабачи приходился внукомъ Черенъ-Дондуку по отцѣ, а самъ Черенъ-Дондукъ былъ дядя зюнгорскаго владѣльца Галданъ-Черена, двоюродный братъ его отца Хонъ-Тайджи. Дабачи имѣлъ въ это время 30 л. отъ роду. Изъ показаній сержанта Степана Томскаго въ маѣ 1752 г. См. въ Тург. Обл. Арх. столпъ указовъ за 1752 г., № 25, л. 113 на оборотѣ и л. 114.

e) Правильнѣе «Амурсанань», т. е. *Спокойная Мысль*; онъ былъ сынъ Хонъ-Тайджиной дочери Ботрокъ и Хоитскаго владѣльца Джалбу (онъ же Узюнъ-Хошоучи). Амурсанань имѣлъ 30 л. отъ роду; Чандуръ или Даньчжуръ—его старшій братъ. См. тамъ же.

f) У Дабачи было 5000 кибитокъ, у Амурсана 1000 к., у Даньчжура 900.

внушить имъ довѣріе и любовь къ себѣ. Ставка ихъ сдѣлалась убѣжищемъ и пріютомъ зюнгорцевъ, недовольныхъ Лама-Дорчжею, которые смотрѣли на Дабачи, какъ на будущаго своего владѣтеля. Весной 1752 г. къ Дабачи явилось 13 старшинъ, потомъ 4 и еще 6 чел., а вслѣдъ за ними прибыла одна женщина, которая, отъ имени приверженцевъ Дабачи, оставшихся въ Чжунгаріи, стала увѣщевать его, чтобы онъ далъ имъ знать, „нашелъ-ли онъ себѣ мѣсто“, потому что они не хотятъ быть подъ властью Лама-Дорчжи, какъ незаконнаго владѣльца; то же говорили и старшины, находившіеся при Дабачи.

Въ то время, какъ Дабачи пріобрѣталъ все большія и большія симпатіи въ Средней Ордѣ, готовой помочь ему въ борьбѣ съ Лама-Дорчжей, русское правительство было озабочено тѣмъ, какъ-бы привлечь бѣжавшихъ нойоновъ къ себѣ, въ Россію, и чрезъ нихъ усилить свое политическое вліяніе на зюнгорцевъ. Коллегія Иностр. Дѣлъ, получивъ подробныя свѣдѣнія о внутреннихъ безпорядкахъ въ Чжунгаріи отъ генерала Киндермана,[a] вручила Неплюеву, находившемуся въ то время въ С.-Петербургѣ, особый указъ, которымъ предписывалось: 1) „крайнее стараніе возъимѣть оныхъ зюнгорскихъ нойоновъ, или владѣльцевъ, удобь возможнымъ образомъ, къ себѣ приласкать и въ Оренбургъ призвать, употребя на дачу къ склоненію оныхъ къ тому Аблай-Салтану и другимъ киргизъ-кайсацкимъ старшинамъ, въ комъ будетъ потребность, изъ казенныхъ товаровъ, па сколько заблагоразсудится. 2) Бригадиру Тевкелеву немедленно отправить къ Аблай-Салтану искуснаго, надежнаго и въ киргизъ-кайсацкомъ народѣ бывалаго офицера съ письмомъ его, по приложенной при семъ формѣ. И когда тотъ офицеръ, въ бытность его при Аблай-Салтанѣ, заподлинно увѣдаетъ, что означенные нойоны находятся въ киргизъ-кайсакахъ, въ его Аблаевѣ вѣдомствѣ; то всячески ему стараться чрезъ способнаго салтана, обнадеживая его, что сіе ему вмѣнится въ услугу и онъ за то награжденіемъ оставленъ не будетъ, съ оными нойонами видѣться и отдать имъ бригадира Тевкелева письмо, которое отправить съ нимъ, по приложенной при семъ формѣ, на россійскомъ и калмыцкомъ языкахъ; и по силѣ оного уговорить ихъ, чтобъ они поѣхали съ нимъ въ Оренбургъ, накрѣпко ихъ обнадеживая, коимъ образомъ они тамъ по тѣхъ только поръ при всякомъ удовольствіи быть могутъ, пока имъ самимъ будетъ надобно, и какія-бъ объ нихъ отъ зюнгорскаго владѣльца требованія ни воспослѣдовали, оныя никогда въ разсужденіе приняты и они потому выданы ему не будутъ; и въ томъ, ежели

---

[a] Тург. Обл. Архивъ. Столб. указовъ за 1752 г., № 23. См. копіи съ репортовъ Киндермана, отъ 11 января, 17 и 23 марта и 11 мая 1752 г., л.л. 103—114.

востребуется, и присягу имъ учинить можетъ, а сверхъ того, при удобномъ случаѣ, первому изъ нихъ, а именно нойону Дабачи, искуснымъ образомъ и наединѣ внушать и то, что ежели онъ въ здюшнюю сторону нынѣ пребѣжище свое возъимѣетъ; то, можетъ быть, подастся впредь случай чрезъ здѣшнюю помощь учинить его, яко ближняго наслѣдника, и всего зюнгорскаго народа владѣльцемъ, а между тѣмъ могутъ они, ежели пожелаютъ сами, имѣть пребываніе свое въ здѣшнемъ подданномъ Торгоутскомъ народѣ или въ резиденціи Ея Императорскаго Величества. 3) И когда оные нойоны въ Оренбургъ вступятъ, принять ихъ склоннымъ образомъ; и ежели платьемъ обносились, то сдѣлать имъ и обрѣтающимся при нихъ и платье пристойное на казенныя деньги, а на пищу производить имъ кормовыхъ денегъ: каждому нойону по 50 к., зайсангамъ ихъ или другимъ чиновнымъ людямъ по 20 к., а служителямъ по 10 коп. каждому на день. И понеже въ Оренбургѣ, яко пограничномъ мѣстѣ, долговременно содержать ихъ непристойно, и для того уговорить и отправить ихъ въ Казань, обнадежа ихъ высочайшею милостію Ея Императорскаго Величества, и что они сюда возмутся, или въ Торгоутскій народъ препроводятся и тамо содержаны будутъ съ награжденіемъ; въ бытность же ихъ въ Казани, производить имъ кормовыя деньги по вышеписанному-жъ, и велѣть при нихъ быть тому офицеру, который ихъ въ Оренбургъ привезетъ, а караулу требовать отъ Казанской губернской канцеляріи, которой рекомендовать и о дачѣ имъ пристойныхъ квартиръ. 4) Ежели-жъ, по принятіи ихъ въ здѣшнюю сторону, будетъ о нихъ писать къ вамъ зюнгорскій владѣлецъ и требовать ихъ къ себѣ выдачи, и вамъ, а въ отсутствіи вашемъ бригадиру Тевкелеву, въ отвѣтъ на то писать, что оные чрезъ Оренбургъ только проѣхали въ здѣшній подданный Торгоутскій народъ, и что вы имъ въ томъ препятствовать не могли въ разсужденіи того, что въ 1701 году, про сынѣ Аюки-Хана Санжибѣ, изъ здѣшняго подданнаго Торгоутскаго народа въ зюнгорскій народъ приняты такіе-жъ нойоны: Данжинъ, Сюкѣевъ сынъ, и его сыновья: Аю, Малай и Араптанъ, да его-жъ Данжиновы племянники: Дадна-Гара и Дарма, съ 20 тысячами кибитокъ улусныхъ калмыкъ:"[a] Въ послѣднемъ пятомъ пунктѣ этого указа Коллегія Ин. Дѣлъ обращаетъ вниманіе Неплюева на то, что Лама-Дорчжа, какъ и бывшій зюнгорскій владѣлецъ Галданъ-Черенъ,[b] предъявляетъ свои „претензіи на мѣста вверхъ Иртыша и Оби рѣкъ лежащія," для чего и прислалъ въ С.-Петербургъ, съ цѣлію переговоровъ, своихъ

---

a) Указъ Колл. Ин. Дѣлъ, отъ 31 Августа 1752 г., за № 375; подписали: Графъ Алексѣй Бестужевъ-Рюминъ и Гр. Михайла Воронцовъ. См. тамъ же, л.л. 99—102.
b) Сенатскій Архивъ, т. V, стр. 619 и далѣе. Спб. 1892 г.

„посланцевъ“, а потому необходимо „на всѣхъ оренбургскихъ и сибирскихъ форпостахъ имѣть крѣпкую предосторожность и частые разъѣзды, и во время приближенія зюнгорскихъ войскъ дѣйствительный отпоръ чинить и здѣшнихъ подданныхъ до разоренія не допустить.“ Въ P. S. этого указа прибавлено: „Изъ доношенія бригадира Тевкелова изъ Оренбурга, отъ 9 іюля сего 1752 года, здѣсь усмотрѣно, коимъ образомъ киргизцы Средней Орды вышеписанныхъ нойоновъ желаютъ имѣть у себя владѣльцами, и что нѣкоторые изъ нихъ о томъ уже и просили. А понеже сіе съ высокимъ Ея Императорскаго Величества интересомъ весьма несходственно для того, что одинъ изъ тѣхъ нойоновъ, а именно Дабачи, какъ выше упомянуто, ближній къ зюнгорскому владѣнію претендентъ; и тако ежели случится ему впредь въ томъ народѣ быть владѣльцомъ, то въ такомъ случаѣ и киргизъ-кайсакъ не трудно будетъ уже ему преклонить въ свою сторону. Того ради надлежитъ стараться удобь возможнымъ образомъ до того не допускать.“

Неплюевъ, при особомъ письмѣ отъ 2 сентября того же года, отправилъ этотъ указъ въ Оренбургъ къ Тевкелеву съ каптенармусомъ Пензенскаго полка Ѳеодоромъ Рязановымъ,[a] а въ Тобольскъ къ генералу Киндерману былъ посланъ Сибирскаго гарнизона солдатъ Матвѣй Сукинъ,[b] произведенный, по просьбѣ зюнгорскихъ посланцевъ, „за долговременную его при оныхъ бытность“, въ капралы. Обоимъ курьерамъ даны были прогонныя деньги на пару почтовыхъ лошадей. Рязановъ прибылъ въ Оренбургъ 16-го сентября и тотчасъ же вручилъ Тевкелеву письмо Неплюева и указъ Коллегіи И. Дѣлъ. Неплюевъ, между прочимъ, писалъ: „нынѣ въ томъ все состоитъ, чтобъ помянутыхъ нойоновъ прежде наступающаго зимняго времени вызвать къ намъ, въ которую коммиссію благоволите употребить капитана Яковлева, яко въ ордѣ бывалаго и языкъ знающаго, придавъ ему переводчика Гуляева или Усмана, котораго заблагоразсудить изволите, и двухъ казаковъ, языкъ умѣющихъ; буде возвратился Араповъ, то непремѣнно въ томъ числѣ его. Ежели-жъ поѣдутъ, какъ то чаятельно, чрезъ Троицкую крѣпость, не худо еще придать кого изъ надежныхъ башкирцевъ, тамошнія мѣста и людей знающаго. Я разсуждалъ, чтобъ съ капитаномъ Яковлевымъ послать и калмыцкаго языка переводчика Ерофѣева, но не будетъ-ли то имъ сумнительно, что онъ изъ ихъ народа христіанинъ, хотя-бъ онъ и не говорилъ имъ о вѣрѣ, какъ то и надлежитъ, но не возмнили-бъ изъ того, что и ихъ вызываютъ для обра-

---

a) Тамъ же, л. 98.
b) Тамъ же, л. 121 на оборотѣ и 122.

щенія въ вѣру, потому сіе, якоже и все, въ ваше благоизобрѣтеніе предаю:"[a] 19 сентября того же года въ Оренбургской губернской канцеляріи состоялось по этому дѣлу слѣдующее опредѣленіе: капитана Яковлева отправить немедленно въ Среднюю Орду, придавъ ему изъ переводчиковъ калмыцкаго языка Ивана Ерофѣева, татарскаго языка Усмана Араслanова и двоихъ казаковъ, знающихъ татарскій языкъ; на содержаніе ихъ въ ордѣ и въ пути положено было выдать Яковлеву 40 р., переводчикамъ по 20 р., а казакамъ по 5 р., кромѣ ихъ окладнаго жалованья за сентябрскую треть. На подарки Аблай-Салтану Тевкелевъ приказалъ купить пять аршинъ кармазиннаго сукна на кафтанъ, по три рубля за аршинъ, и лисицу руб. въ двадцать на шапку. Кромѣ того, Рененкампфъ, командиръ Троицкой крѣпости, чрезъ которую лежалъ путь въ Среднюю Орду, долженъ былъ купить разныхъ вещей рублей на сто и отправить ихъ съ Яковлевымъ, для раздачи вліятельнымъ киргизскимъ старшинамъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, Рененкампфу было предписано: придать Яковлеву, по прибытіи экспедиціи въ Троицкую крѣпость, двухъ надежныхъ башкирцовъ, въ томъ числѣ „Катайской волости Абдуллу, который не только напредь сего въ киргизъ-кайсакахъ бывалый, но съ Аблай-Салтаномъ имѣетъ дружбу:" Башкирцы должны были, въ свою очередь, подговорить „для препровожденія до Аблай-Салтана изъ киргизцевъ, пріѣзжающихъ на тамошній торгъ, человѣкъ двухъ надежныхъ, которые-бъ имъ въ дорогѣ безопасными товарищами быть могли, чего ради имъ киргизцамъ можно дать въ награжденіе по портищу сукна, цѣной аршинъ по рублю".[b] Башкирцы, назначенные въ проводники Яковлеву, должны были ѣхать на своихъ лошадяхъ, но при этомъ велѣно выдать имъ въ подмогу изъ казны по пяти рублей; что же касается Яковлева и прочихъ его спутниковъ, толмачей и казаковъ, то для нихъ Рененкампфъ, по распоряженію Оренбургской канцеляріи, обязанъ былъ купить „на торгу и ему Яковлеву дать съ роспискою подъ каждаго по одной лошади да подъ вьюки четыре, итого девять лошадей, способныхъ и къ той ѣздѣ надежныхъ киргизскихъ на губернскія казенныя деньги, съ объявленіемъ, чтобъ ихъ имѣлъ въ береженіи и оттуда-бъ вывелъ обратно:"[c] При отъѣздѣ изъ Оренбурга, Яковлевъ получилъ особую записку,[d] или инструкцію, какъ ему дѣйствовать, по прибытіи на мѣсто, и два письма: одно къ Аблай-Салтану, а другое къ нойонамъ Дабачи и Амурсананю. Чтобы скрыть отъ Аблай-Салтана настоящую

---

a) Тамъ же, л. 97.
b) Тамъ же, л. 126 на оборотѣ и 127.
c) Тамъ же, л. 127.
d) См. эту Записку тамъ же, л. 129—131.

причину этой экспедиціи, поѣздкѣ Яковлева былъ приданъ тотъ видъ, что онъ посланъ къ Аблаю съ просьбой о содѣйствіи съ его стороны развитію мѣновой торговли въ Троицкой крѣпости. Предлогъ этотъ тѣмъ болѣе имѣлъ значенія, что лѣтомъ того же года киргизцы Средней Орды напали на кашгарцевъ, ѣхавшихъ въ Троицкую крѣпость, и такъ жестоко съ ними поступили, что заѣзжіе купцы долго не рѣшались возвращаться домой. Опасенія ихъ были не напрасны: на обратномъ пути, лишь только они выѣхали въ степь, какъ киргизцы снова напали на нихъ. Кашгарцы, коихъ было 96 чел., защищались храбро и убили до 15 киргизъ, но послѣдніе все-таки одолѣли ихъ: они убили двухъ кашгарцевъ, четырехъ ранили и ограбили товаровъ на 6000 руб. асс. Кашгарцы, спасая свою жизнь, ускакали въ редутъ, находившійся „при дубровѣ, у Прѣснаго озера"; киргизцы погнались было за ними, но, послѣ перваго же ружейнаго выстрѣла съ редута, скрылись въ степь[a].

Яковлевъ выѣхалъ изъ Оренбурга 24 сентября 1752 года, и на другой же день встрѣтился съ Араповымъ, который сообщилъ ему, что Аблай кочуетъ при урочищѣ Кашкъ-Тау, въ шести дняхъ ѣзды отъ Красноярской крѣпости съ Сибирской стороны; но Яковлевъ свидѣлся съ Аблаемъ 13 Октября за р. Тоболомъ, при урочищѣ Аракарагаѣ. Аблай-Салтанъ вознамѣрился выступить въ походъ противъ зюнгорцевъ, которые предъ тѣмъ нанесли жестокое пораженіе киргизцамъ Средней Орды: три тысячи зюнгорцевъ, подъ начальствомъ Саинь-Болока и Шадыра, напали на киргизцевъ при урочищѣ Улу-Тау и Кчи-Тау, разоривъ здѣсь Ушинскій родъ, а въ слѣдъ за тѣмъ они разгромили, при урочищѣ Чилянти, Найманскіе, Гирейскіе и другіе роды киргизцевъ. Множество скота было отогнано зюнгорцами и до 3000 чел. киргизцевъ взято въ плѣнъ. Въ числѣ плѣнныхъ были и знатные киргизцы, какъ Баякъ-Батырь съ сыномъ изъ Увакъ-Гирейскаго рода и сынъ Азибякъ-Батыря изъ Акъ-Найманскаго рода; ихъ тотчасъ же отправили въ Чжунгарію на почтовыхъ, но о дальнѣйшей ихъ судьбѣ ничего неизвѣстно. Испуганные киргизы бѣжали отовсюду въ глубину степи, ни гдѣ не останавливаясь и бросая по дорогѣ все, что только могло затруднить ихъ передвиженіе. Нападеніе зюнгорцевъ на киргизъ произошло по приказанію Ламы-Дорчжи, который требовалъ выдачи нойоновъ Дабачи и Амурсананя, но не достигъ цѣли. Дабачи, какъ главный виновникъ разоренія киргизцевъ, принужденъ былъ взяться за оружіе: вмѣстѣ съ родственниками и находившимися при немъ 200 калмыками,

---

a) Рапортъ Тевкелева въ Колл. Иностр. Дѣлъ, отъ 12 декабря 1752 г.

Дабачи бросился въ погоню за зюнгорцами. Къ нему присоединились еще старшины Баклы-Гирейскаго рода: Ходжа-Берганъ, Кочкарбай и Дусумбетъ съ братомъ своимъ Умиромъ. Нагнавъ зюнгорцовъ, Дабачи нѣсколько чел. изъ нихъ убилъ, отнявъ часть плѣнныхъ и отогнаннаго скота, и расположился лагеремъ при урочищѣ Баянъ-Тау, близъ Чжуньгарскихъ границъ. Мы думаемъ, что слухи объ успѣхахъ оружія Дабачи, распускаемые Аблай-Салтаномъ, были преувеличены: Аблай старался успокоить умы подвластныхъ ему киргизцевъ, которые ждали новыхъ нападеній со стороны Чжуньгаріи. Киргизы, выбѣгавшіе изъ зюнгорскаго плѣна, разглашали по ауламъ, что Лама-Дорчжа намѣренъ снова требовать выдачи Дабачи, а въ случаѣ отказа продолжать свои нападенія. Скоро распространился слухъ, что калмыки, въ числѣ 30 тысячъ, уже выступили въ походъ. Паническій страхъ до того овладѣлъ киргизами, что никто изъ нихъ не рѣшился остаться на зимовку за р. Тоболомъ и Убагою; все пространство за Убагою и часть степи между Тагузакомъ[a] и Тоболомъ была выжжена; почти вся Средняя Орда перекочевала на лѣвую сторону Тагузака, только одинъ Баклы-Гирейскій родъ, гдѣ жили бѣжавшіе зюнгорскіе нойоны, остался зимовать по р. Иртышу, близъ устья Ишима.[b] Многіе киргизскіе біи, надѣясь на силу русскихъ крѣпостей, обратились къ пограничному начальству съ просьбою о дозволеніи зимовать имъ при линіи. Даудъ-тарханъ, извѣщая Тевкелова о нападеніи зюнгорцевъ, просилъ позволенія прикочевать ему къ Уйской линіи,[c] и Тевкелевъ уважилъ его просьбу.[d] Сюда же намѣревались удалиться старшины: Кулсары,[e] Куляка-Батырь и Алимбеть-Батырь; наконецъ и самъ Аблай говорилъ Яковлеву, не можетъ-ли онъ исходатайствовать для него разрѣшеніе кочевать по р. Ую.

Въ виду такой паники, овладѣвшей киргизцами, Аблай рѣшился двинуться по слѣдамъ Дабачи и загладить первыя неудачи. Для этого Аблай 17 октября, вмѣстѣ съ Яковлевымъ, отъѣхалъ къ крайнимъ киргизскимъ улусамъ, кочевавшимъ по р. Убагѣ, гдѣ его уже дожидались 300 вооруженныхъ людей. Вся степь понемногу стала принимать видъ военнаго лагеря. Букенбай-Батырь и Даудъ-тарханъ, съ коими было предположено съѣхаться на р. Тургаѣ, извѣстили Аблая, что они съ своими людьми уже высту-

---

a) Рѣка Тагузакъ впадаетъ въ р. Уй съ правой стороны, пониже Каракульской крѣпости, а вершина ея находится близь Уклыкарагайской крѣпости.

b) А по другимъ извѣстіямъ: при устьѣ Убаги, противъ Бакланской крѣпости.

c) Письмо Даудъ-Тархана Тевкелевъ получилъ 20 сентября 1752 г., когда Яковлевъ находился еще въ Оренбургѣ.

d) Приказъ объ этомъ по нижней и верхней дистанціямъ Уйской линіи былъ отданъ 27 октября 1752 г.

e) Кулсары пользовался особеннымъ уваженіемъ всѣхъ киргизцевъ и самого Аблая; киргизы считали его за святаго (ауліа).

пили въ путь. Яковлевъ всячески старался отговорить Аблая и старшинъ отъ этого похода, и предлагалъ послать нарочныхъ къ нойонамъ съ приглашеніемъ возвратиться въ Орду, откуда онъ могъ-бы доставить ихъ въ Оренбургъ, согласно желанію русскаго правительства. Яковлевъ при этомъ говорилъ, что Дабачи найдетъ въ русскихъ вѣрныхъ защитниковъ, а Лама-Дорчжа не посмѣетъ тогда разорять киргизцевъ; но у Аблая были свои виды и соображенія: боясь потерять всякое вліяніе на дѣла въ Чжуньгаріи и считая посредничество русскихъ опаснымъ для независимости Средней Орды, Аблай-Салтанъ съ явнымъ неудовольствіемъ отнесся къ предложенію Яковлева, хотя и далъ слово, при первомъ же свиданіи съ Дабачи, объявить ему о приглашеніи его въ Оренбургъ. Всѣ старанія Яковлева отклонить Аблая отъ похода на зюнгорцевъ были тщетны: Аблай твердо рѣшился не отступать отъ намѣченнаго плана, и предложилъ Яковлеву на выборъ: желаетъ-ли онъ, вмѣстѣ съ нимъ, отправиться въ походъ на зюнгорцевъ или возвратиться въ Оренбургъ, откуда, если захочетъ того пограничное начальство, онъ снова можетъ пріѣхать въ степь, по окончаніи похода, чтобы взять съ собой Дабачи и его родственниковъ. Такъ-какъ Яковлевъ не имѣлъ прямыхъ предписаній слѣдовать всюду за Аблаемъ, то онъ избралъ послѣднее и 27 октября, распростившись съ Аблай-Салтаномъ, отправился въ Оренбургъ, куда и прибылъ 21 ноября. Между прочимъ, Яковлевъ привезъ съ собой письма отъ старшинъ Куляка и Кулсарыя, которые обѣщались доставить въ Оренбургъ Дабачи, Амурсананя и Баньчжура. Вслѣдствіе этого, Тевкелевъ по первому же пути, 13 мая 1753 г., отправилъ въ Среднюю Орду Матвѣя Арапова, вручивъ ему письма къ Аблаю и упомянутымъ старшинамъ, въ которыхъ напоминалъ о данномъ ими обѣщаніи. Независимо отъ того, Араповъ и самъ долженъ былъ всѣми мѣрами склонять нойоновъ выѣхать въ одну изъ крѣпостей по Уйской линіи, откуда они были-бы доставлены съ должною почестью въ Оренбургъ чрезъ Башкирію. Но поѣздка Арапова, какъ и Яковлева, оказалась почти безполезной. Внутреннее состояніе Средней Орды и ея отношенія къ Чжуньгаріи измѣнились неожиданно, о чемъ узнали въ Оренбургѣ только въ іюнѣ мѣсяцѣ. Дабачи, не дождавшись Аблая, вторгся въ кочевья зюнгорскаго владѣльца, убилъ Ламу-Дорчжу и, какъ законный наслѣдникъ, объявилъ себя владѣльцемъ Чжунгаріи. Дабачи тотчасъ же, послѣ этого, отправилъ пословъ къ Аблаю съ увѣреніемъ въ своей дружбѣ и признательности, обѣщаясь выдать всѣхъ киргизцевъ, находившихся въ плѣну у зюнгорцевъ. Аблай, узнавъ объ успѣхахъ Дабачи, возвратился въ Орду и намѣревался проѣхать въ Троицкую крѣпость;[a] кир-

---

а) Рапортъ Ревенкампфа, отъ 15 мая 1753 года.

гизы же до того обрадовались этому извѣстію, что, забывъ свои невзгоды, снова принялись за грабежи по разнымъ мѣстамъ въ верховьяхъ р. Яика, такъ-что Тевкелевъ вынужденъ былъ послать въ Орскую дистанцію указы о соблюденіи строгой осторожности.[a]

Къ сожалѣнію, смѣлый подвигъ Дабачи не возстановилъ порядка и спокойствія въ Чжуньгаріи. Дабачи встрѣтилъ опаснаго себѣ врага въ своемъ родственникѣ Амурсананѣ, который раздѣлялъ съ нимъ всѣ лишенія и бѣдствія изгнанія. Дабачи возстановилъ Амурсананя противъ себя тѣмъ, что не хотѣлъ выполнить данныхъ ему обѣщаній. Амурсанань обратился съ просьбою о защитѣ къ китайцамъ, обѣщаясь подчинить имъ зюнгорцевъ. Китайскій Богдо-Ханъ пожаловалъ его званіемъ Цинь-Вана, или принцемъ первой степени и, обѣщаясь сдѣлать его владѣльцемъ Чжуньгаріи, далъ ему многочисленное войско, подъ начальствомъ полководца Хошой-Чинъ-Вана. Дабачи встрѣтилъ враговъ съ оружіемъ въ рукахъ и храбро защищался, но былъ побѣжденъ и скрылся въ городъ Турфанъ, откуда былъ взятъ въ плѣнъ и представленъ въ китайскій лагерь. Между тѣмъ Амурсанань потребовалъ, отъ имени Богдо-Хана, у полководца Хошой-Чинъ-Вана 5000 чел., подъ предлогомъ скорѣйшаго приведенія зюнгорцевъ въ китайское подданство и для произведенія поголовной переписи народа; но это была съ его стороны лишь хитрость: Амурсанань захотѣлъ отложиться отъ Китая и быть самовластнымъ распорядителемъ въ Чжуньгаріи, а зюнгорцы, которые еще до него разбили 15-тысячное китайское войско, приходившее подчинить и переписать ихъ, совершенно истребили пятитысячный отрядъ Хошой-Чинъ-Вана;[b] послѣдній былъ вызванъ въ 1755 году въ Пекинъ, гдѣ казненъ, какъ и Шидаръ-Ванъ, также находившійся съ войскомъ на зюнгорской границѣ и задумавшій отложиться отъ китайскаго подданства.[c] Богдо-Ханъ, раздраженный непокорностью Элютовъ (зюнгорцевъ), послалъ противъ нихъ новое сильное войско. Многіе зюнгорцы отстали отъ Амурсананя, по увѣщанію нѣкоторыхъ зайсанговъ, награжденныхъ въ Пекинѣ, гдѣ они проживали до этого времени. Тогда Амурсанань, въ сопровожденіи 200 челов., удалился въ 1756 г. въ Среднюю Орду, первоначальное мѣсто его убѣжища. Такимъ образомъ Чжуньгарія осталась безъ всякаго руководителя. Киргизцы Средней Орды, пользуясь такимъ безначаліемъ, нерѣдко нападали на зюнгорцевъ и многихъ изъ нихъ увозили въ плѣнъ, а китайцы совершенно унич-

---

a) Репортъ Тевкелева Неплюеву, отъ 27 мая 1753 года.

b) Рапортъ Селенгинскаго коменданта Якобія Сибирскому губернатору Мятлеву, отъ 23 февраля 1756 г. Ср. рапортъ Неплюева и Тевкелева въ Колл. Ин. Дѣлъ, отъ 10 августа 1756 года.

c) Тамъ же Сравн. «Топогр. Оренб. губ.» Рычкова, ч. I., стр. 30—31. Изд. 1887 г

тожили самостоятельность Чжуньгаріи и подчинили ее себѣ. Нѣкоторые изъ зайсанговъ сами просили наше пограничное начальство о принятіи ихъ въ русское подданство, и когда то было имъ дозволено, нѣсколько тысячъ семей, въ томъ числѣ многіе нойоны и зайсанги, перекочевали въ Россію: нежелавшіе креститься были препровождены въ астраханскія степи къ торгоутамъ, а которые пожелали принять христіанскую вѣру, тѣ были отправлены въ Ставрополь (на Волгѣ), гдѣ какъ мы знаемъ, жили крещеные калмыки. Между тѣмъ, Амурсанань, считая себя небезопаснымъ и въ Средней Ордѣ „отъ подъискательствъ китайскихъ", удалился „въ пустыя и непроходимыя горы", а потомъ, въ 1757 г., въ іюлѣ мѣсяцѣ, прибылъ на Сибирскую линію, куда вскорѣ вышла и его жена Битой, дочь зюнгорскаго владѣльца Галданъ-Церона.—Битей раньше была въ замужествѣ за старшимъ братомъ Амурсананя, по имени Ишиданжинъ, отъ котораго имѣла сына Пунцука, съ коимъ она теперь и явилась къ Амурсананю. Судьба Амурсананя была вообще печальна: проводя лучшіе годы въ изгнаніи, онъ, подстрекаемый „безмѣстнымъ властолюбіемъ", выдалъ въ руки китайцевъ своего родственника Дабачи, погубилъ самостоятельность Чжуньгаріи и, спасаясь бѣгствомъ, заболѣлъ на чужбинѣ оспой, отъ которой и умеръ. Когда въ Китаѣ узнали о смерти Амурсананя, то китайцы потребовали выдачи его мертваго тѣла „для учиненія надъ нимъ такихъ обрядовъ, по которымъ народъ ихъ видѣлъ-бы, какой казни онъ отъ нихъ ожидать имѣлъ, еслибы попался въ руки ихъ живой".[a] Но желаніе китайцевъ не было удовлетворено: „сибирскій губернаторъ почелъ за непристойное на то поступить", а чтобы успокоить китайцевъ и увѣрить ихъ въ смерти Амурсананя, онъ позволилъ осмотрѣть его тѣло „на границѣ обоихъ государствъ, въ уваженіе сосѣдственной между ними дружбы". Трупъ Амурсананя былъ два раза осмотрѣнъ китайскими довѣренными, присланными „отъ мунгальскаго командира, и знатнымъ китайцемъ, имѣющимъ чинъ Асхани-Амба". Смерть Амурсананя „была причиной къ великой радости всему Пекину"; не стало ихъ злѣйшаго врага, а съ нимъ и многочисленнаго зюнгорскаго народа, который и напредь сего всей китайской силѣ могъ сопротивляться". Жена Амурсананя Битей и сынъ Пунцукъ были препровождены въ улусы волжскихъ калмыковъ, а оттуда, согласно ихъ просьбѣ, ихъ отправили въ С.-Петербургъ на поклонъ Государынѣ. Но вскорѣ, по прибытіи въ столицу, Битей заболѣла и 7 сентября 1761 г. скончалась, а ея сынъ Пунцукъ пожелалъ креститься.[b]

---

a) Рычковъ. Топогр. Оренб. губерніи, ч. I, стр. 32–33. Изд. 1887 г.
b) Тамъ же.

Внутреннія междоусобія въ Чжуньгаріи и тревожное положеніе Средней Орды, конечно, должны были отразиться неблагопріятно на мѣновой торговлѣ въ Троицкой крѣпости: въ 1752 году пріѣздъ киркизовъ въ крѣпость, сравнительно съ предыдущимъ годомъ, былъ весьма незначителенъ. Кромѣ того, на временный упадокъ мѣновой торговли въ Троицкой крѣпости имѣло вліяніе и слѣдующее обстоятельство: какой-то русскій бѣглецъ съ р. Ишима сталъ распространять между киркизцами слухи, что будто „вверхъ по Ишиму, изъ Россіи идутъ служилые люди многолюдно и плавятъ запасу на три мѣсяца въ лодкахъ, и на пять человѣкъ по топору имѣютъ", но „на кого они идутъ, на киргизовъ или калмыковъ, онъ не знаетъ". Это обстоятельство, по виду ничтожное, имѣло весьма непріятныя послѣдствія для нашей мѣны товаровъ въ Троицкой крѣпости. Киргизы Средней Орды, напуганные этимъ неопредѣленнымъ извѣстіемъ, опасались ѣздить въ Троицкъ: 500 киргизцевъ, которые собрались было въ путь, вмѣстѣ съ башкирскимъ старшиной Исаемъ,[a] остались въ своихъ аулахъ; даже посолъ Аблая, который долженъ былъ, слѣдуя съ Исаемъ, отвести письмо въ Троицкъ, не рѣшился ѣхать и письмо Аблая оставилъ у себя, опасаясь, чтобы его не задержали въ пути, вмѣсто упомянутаго бѣглеца, а тѣ изъ киргизцевъ, которые были уже по дорогѣ въ Троицкъ, спѣшили возвратиться въ свои улусы.[b] Наконецъ Средняя Орда, занятая враждою съ Чжуньгаріей, почти совсѣмъ прекратила сношенія съ русскими; Мѣновой троицкій дворъ съ каждымъ годомъ пустѣлъ все болѣе и болѣе: киргизцы почти перестали ѣздить, и въ 1756 году прибыло туда всего нѣсколько человѣкъ ташкентцевъ.[c]

Съ прекращеніемъ мѣновой торговли въ Гурьевѣ-городкѣ и съ упадкомъ ея въ Троицкой крѣпости, вслѣдствіе вышеизложенныхъ причинъ, Оренбургъ естественно долженъ былъ сдѣлаться главнымъ средоточіемъ всей торговли съ азіатцами. Но много предстояло трудовъ Неплюеву, чтобы обезопасить, на сколько было возможно, караванные пути изъ Средней Азіи чрезъ киргизскія степи. Сдѣлки киргизцевъ съ сосѣдними хищниками, имѣвшія цѣлію открытый разбой или мелкое воровство, всегда служили важнымъ препятствіемъ къ развитію мѣновой торговли съ Средней Азіей. Нужно замѣтить, что воровство и разбой не считаются киргизцами даже за порокъ,—это, напротивъ, доблести, любимыя занятія киргизцевъ, о которыхъ матери поютъ своимъ дѣтямъ и которыми взрослые киргизцы

a) Исай былъ отправленъ въ Среднюю Орду Репенкампфомъ, командиромъ Троицкой крѣпости.

b) Рапортъ Тевкелева Неплюеву, отъ 9 іюля 1752 года.

c) Рапортъ Неплюева въ Колл. Ин. Дѣлъ, отъ 10 августа 1756 года.

хвастаются другъ передъ другомъ, такъ киргизскій полковникъ Тезекъ съ гордостью и самодовольствомъ говорилъ о себѣ: *„когда я былъ молодъ, то подобнаго мнѣ вора и мошенника нельзя было отыскать во всей ордѣ"*. Не смотря на плату, которую киргизцы получали за проводы каравановъ и на оставляемыхъ въ Оренбургѣ аманатовъ,[a] они не переставали грабить торговые караваны, во время переѣзда послѣднихъ черезъ киргизскія степи. Особенно былъ опасенъ проходъ торговыхъ каравановъ черезъ колодцы Баканъ, получившіе свое названіе отъ имени киргизца Бакана, который имѣлъ на нихъ *разбой*. Горы, гдѣ находятся эти колодцы, называются Эрь-Тау, т. е., смѣлыя или *разбойничьи* горы. Колодцы Баканъ лежали на пути въ Бухару и миновать ихъ было не возможно, потому что болѣе воды на этомъ пространствѣ тогда не знали, а хивинцы, особенно склонные къ грабежу, даже нарочно засыпали ближайшіе къ караванному пути колодцы. Немаловажныя также затрудненія представляли для проѣзжихъ купеческихъ каравановъ и пески Кизилъ-Кумъ,[b] или *красные*, по своей безплодности и совершенному отсутствію воды. Позднѣйшіе путешественники находили здѣсь множество костей верблюдовъ, лошадей и барановъ, которые, изнемогши отъ жажды и безкормицы въ лѣтніе жары, обыкновенно погибали здѣсь.[c] Не смотря на то, что тогда въ киргизской степи не было ни почты, ни телеграфа, киргизцы скоро узнавали, откуда, куда и какой купеческій караванъ отправился въ путь. У киргизцевъ издавно существуетъ такой обычай: всякій киргизянинъ, явившійся въ сосѣдній аулъ съ новостью (хабаръ), пользуется даровымъ угощеніемъ, что при склонности киргизцевъ поѣсть дароваго бараньяго мяса и напиться кумысу, не мало способствовало быстрому распространенію разныхъ слуховъ по степи: слушатели, подхвативъ новость, спѣшили съ нею въ другіе аулы, гдѣ за „хабаръ" также щедро угощали ихъ и т. д.[d]

Если торговые караваны испытывали такія затрудненія, во время ихъ переѣзда черезъ киргизскія степи, то еще больше представляла опасностей для русскихъ каравановъ Хива и ея сосѣди, туркменцы. В. Н. Татищевъ былъ убѣжденъ, что только, по завоеваніи Хивы, можно будетъ утвердить болѣе прочную торговлю съ Средней Азіей, въ видахъ же облегченія пути черезъ безводную степь Татищевъ предлагалъ, нельзя-ли будетъ

---

a) Семеновъ. Историческое изученіе свѣдѣній о росс. торговлѣ и промышленности въ XVIII-в, ч. I, стр. 158.
b) Рычковъ. Топогр. Оренб. губ., ч. I, стр. 140. Изд. 1763 г.
c) Пам. Кн. Оренб. губ. на 1871 г., ч. II, стр. 12 и 13. Гораздо позднѣе, именно въ 1821 г., хивинцы разграбили здѣсь караванъ, шедшій изъ Оренбурга и состоявшій изъ 600 верблюдовъ, то же потомъ сдѣлали они и съ караванами, вышедшими изъ Орска и Троицка.
d) Костенко Л. Средняя Азія, стр. 47.

направить теченіе р. Аму-Дарьи по ея старому руслу къ Каспійскому морю.—Сознавая важность присоединенія Хивинскаго ханства къ Россіи, Татищевъ начерталъ даже и самый планъ завоеванія Хивы: сначала, по его мнѣнію, необходимо было усмирить киргизцевъ; потомъ „устроить добрую дорогу“ отъ р. Яика до Хивы и, снабдивъ ее водою и жильемъ въ урочныхъ мѣстахъ, вступить въ Хиву „секретнымъ образомъ“. Для изгнанія киргизцевъ изъ тѣхъ мѣстъ, по которымъ должна была пролегать дорога въ Хиву, требовалось, по мнѣнію Татищева, не болѣе полуторы тысячи казаковъ и 500 драгунъ, при содѣйствіи черныхъ калмыковъ. Что касается самаго направленія дороги въ Хиву, то Татищевъ намѣтилъ четыре пути: одинъ тотъ самый, которымъ прошолъ князь Бековичъ-Черкасскій, другой—чрезъ Мангишлакъ, третій по прямому направленію отъ р. Яика къ Аральскому морю, четвертый—отъ Сицкаго городка на р. Сыръ-Дарью; но второй путь былъ безводенъ, а два послѣдніе—заняты киргизцами, „и тако“,—говоритъ Татищевъ,—„заключается, что къ установленію спокойной и полезной коммерціи въ оныхъ странахъ *генерально надобно обладать землею Хивинскою*“,[a] и если русскимъ удастся овладѣть Хивою, „тогда наша намѣряемая коммерція (замѣчаетъ Татищевъ) отъ Индіи и всѣхъ окрестныхъ земель, основавъ въ Хивѣ, яко арсеналъ торговому промыслу, съ обѣихъ сторонъ произошла—бы съ наивящею силою и успѣхомъ, а сіе импоріумъ пристяжало бы великую пользу“.[b] Но не легко было осуществить планъ завоеванія „заклятой“, по убѣжденію уральскихъ казаковъ,[c] Хивы, которая только въ 1873 года склонила свою кичливую голову предъ русскимъ оружіемъ. Не мечтая о завоеваніяхъ, Неплюевъ надѣялся достичь цѣли мирными средствами, и все свое вниманіе обратилъ на Малую Киргизскую Орду, чрезъ которую лежалъ торговый путь изъ Средней Азіи въ Оренбургъ.—Взглянемъ теперь на отношенія Неплюева къ Малой Ордѣ, по смерти его смѣлаго противника Абулъ-Хаиръ-Хана.

---

a) Поповъ Н. Татищевъ и его время, стр. 565.
b) Тамъ же, стр. 565.
c) В. Витевскій. Расколъ въ Уральскомъ войскѣ, стр. 89. Казань, 1878 г.

ГЛАВА XXV.

Отношеніе Неплюева къ Малой Киргизской Ордѣ, по смерти Абулъ-Хаиръ-Хана.—Избраніе въ киргизскіе ханы Нурали-Салтана и его конфирмація.—Пребываніе Нурали, его братьевъ и киргизскихъ старшинъ въ Оренбургѣ, ихъ награжденіе и отъѣздъ въ степь.—Сношенія Нурали-Хана съ зюнгорскимъ владѣльцемъ и опасенія русскаго правительства.—Смерть сестры Нурали-Хана и его сближеніе съ Неплюевымъ.

„Ея Императорское Величество избраніе новаго хана всемилостивѣйше конфирмуетъ, и обнадѣживаетъ его и весь киргизскій народъ своею Императорскою Высочайшею милостію!“

(Отвѣтъ киргизской депутаціи).

Абулъ-Хаиръ, умирая, назначилъ себѣ въ преемники старшаго своего сына Нурали, что соотвѣтствовало и видамъ русскаго правительства. Намъ уже извѣстно,[a] что Неплюевъ, узнавъ о смерти Абулъ-Хаира, тотчасъ же отправилъ въ Малую Орду, къ осиротѣвшему ханскому семейству, переводчика Гуляева, который, при помощи ханши Пупай, долженъ былъ направить выборъ въ ханы въ пользу Нурали. Гуляевъ 4-го сентября 1748 года прибылъ въ ханскую ставку, находившуюся въ то время на урочищѣ „Каракушъ,“ куда съѣхались нѣкоторые старшины и біи на совѣщаніе объ устройствѣ порядка въ степи, объ избраніи новаго хана и объ отмщеніи Бараку, убійцѣ Абулъ-Хаира. Сюда же 21 сентября прибылъ и Нурали, кочевавшій по урочищу Бурсуку, а вслѣдъ за нимъ—Джанъ-Бекъ тарханъ, зять Абулъ-Хаира,[b] и множество біевъ изъ Малой и частію изъ Средней Орды. Начался выборъ хана. Расположеніе русскаго правительства къ семьѣ Абулъ-Хаира, память покойнаго хана и умъ его жены Пупай ханши,— все говорило въ пользу Нурали, который 2 октября того же года, на бе-

---

a) См. выше стр. 718 и 719.
b) Джакъ-Бекъ былъ женатъ на дочери Абулъ-Хаира, рожденной отъ калмычки.

рогу р. Каинлы-Иргиза, и былъ провозглашенъ ханомъ. Прежде такіе выборы совершались всѣмъ народомъ, Нурали же былъ избранъ въ ханы одними знатными біями, которыхъ было допущено въ его кибитку только по десяти человѣкъ отъ каждаго рода; однакожъ никто не осмѣлился оспаривать у него права на ханскую власть, только Батырь-Салтанъ, отецъ хивинскаго владѣльца Каипъ-Джана, 15 октября былъ поднятъ на кошмѣ и также провозглашенъ ханомъ отъ нѣкоторыхъ біевъ Малой Орды, принадлежавшихъ къ родамъ Бузгунскому,[a] Чикликичкенянскому, Тюрткаринскому и Карасакальскому. Но это избраніе Батырь-Салтана въ ханы, сдѣланное біями изъ-за подарковъ и по неотступной его просьбѣ, не только не повредило Нурали, видѣвшему въ немъ опаснаго врага, а даже послужило ему въ пользу. Старшины и біи, съѣхавшіеся для избранія хана, разсуждали также и о средствахъ къ отмщенію Бараку за убійство Абулъ-Хаира. Джанъ-Бекъ тарханъ, между прочимъ, совѣтывалъ Нурали выпросить у русскаго правительства, подъ предлогомъ наказанія Барака, солдатъ, переодѣть ихъ въ купцовъ, идти съ ними на Хиву, овладѣть ею, провозгласить тамъ ханомъ Ходжу-Ахмета, а затѣмъ убить Барака, Каипа же думали лишить власти силою или хитростью; самъ Нурали долженъ былъ сдѣлаться ханомъ въ Малой Оудѣ, а его братъ Эрали, подъ его надзоромъ,—править Среднею Ордою, съ титуломъ хана. На другой день, по окончаніи совѣта, всѣ біи и старшины, въ числѣ 1000 чел., разъѣхались по своимъ улусамъ, а Джанъ-Бекъ и при немъ восемь старшинъ,[b] вмѣстѣ съ переводчикомъ Гуляевымъ, должны были отправиться съ прошеніемъ на Высочайшее Имя объ утвержденіи Нурали въ его новомъ званіи.[c] Пупай ханша, ея дѣти и біи просили Неплюева, чтобы киргизскіе выборные были представлены Государынѣ. Неплюевъ удовлетворилъ ихъ желанію: выборные получили подарки, все необходимое на дорогу и 22 октября были отправлены въ С.-Петербургъ чрезъ Москву, гдѣ останавливались, по распоряженію Коллегіи Иностр. Дѣлъ, на Никитской улицѣ, въ домѣ бывшаго вице-губернатора Вельяминова-Зернова. 26 февраля 1749 года киргизскіе выборные были представлены Императрицѣ, причемъ Джанъ-Бекъ сказалъ слѣдующее: *„Всепресвѣтлѣйшая, Державнѣйшая Императрица, Государыня Всемилостивѣйшая! По кончинѣ подданнаго, Вашего Императорскаго Величества раба,*

---

a) Бузгунскій родъ состоялъ изъ трехъ отдѣльныхъ родовъ одного происхожденія: Чемакай-Балинскаго, Чемакай-Каратамырскаго и Чемакай-Джалтырскаго.

b) Эти старшины были: Байбекъ, Асабай, Ходжагулъ, Мамытъ, Малыбай, Умурзакъ, Баранбай и Тянгригулъ; изъ нихъ Асабай умеръ скоропостижно на дорогѣ въ Оренбургъ.

c) См. выше на стр. 719 инструкцію Гуляеву.

киргизъ-кайсацкаго Абулъ-Хаиръ-Хана, салтаны, старшина и народъ избрали сына его Нурали-Салтана ханомъ; и прислали меня Джанъ-Бекъ-Салтана къ стопамъ Вашего Императорскаго Величества со всеподданнѣйшимъ и всенижайшимъ прошеніемъ о всемилостивѣйшемъ онаго нашего избранія подтвержденіи и о содержаніи насъ въ прежней Вашего Императорскаго Величества высочайшей милости".[a] Въ отвѣтъ на это было сказано: „*Ея Императорское Величество избраніе новаго хана всемилостивѣйше конфирмуетъ, и обнадѣживаетъ его и весь киргизскій народъ своею Императорскою Высочайшею милостію*".[b] Коллегія Иностр. Дѣлъ извѣстила о томъ Неплюева чрезъ нарочно посланнаго въ Оренбургъ курьера, подпрапорщика Пензенскаго полка Николая Гордѣева, присовокупивъ, что Джанъ-Бекъ „отсюда къ вамъ не отправленъ за минувшимъ постомъ, за праздникомъ и за нынѣшнимъ распутьемъ, а по слитіи водъ съ пристойнымъ награжденіемъ отправленъ и вамъ о томъ достаточное наставленіе дано будетъ".[c]

Въ началѣ мая 1749 г. киргизскіе выборные были отправлены обратно въ Оренбургъ; при отъѣздѣ изъ столицы Джанъ-Бекъ получилъ въ награду 200 рублей, дядька Айчувакъ-Салтана Байбыкъ и шестеро старшинъ по 40 рубл. каждый, двое кощеевъ по 10 рубл. Кромѣ того, Байбыкъ, по представленію Неплюева и Тевкелева, получилъ еще „секретно сто рублей за прежнія его и при нынѣшнемъ выборѣ въ ханы вѣрныя къ Ея Императорскому Величеству службы".[d] Въ то же время, отъ имени канцлера графа А. П. Бестужева—Рюмина, было выдано „Джанъ-Бекъ-Салтану четыре аршина краснаго сукна въ 10 рублей, дядькѣ Байбыку и шести старшинамъ—по портищу сукна въ 8 руб. каждому, двумъ кощеямъ—два портища сукна въ 8 руб. да имъ же всѣмъ въ дорогу кормовыхъ денегъ, по прежнимъ примѣрамъ, на два мѣсяца по стольку жъ по скольку имъ при отправленіи изъ Оренбурга дано, а именно: салтану по девяти руб., дядькѣ Байбыку и старшинамъ шести каждому по четыре рубля, двумъ кощеямъ каждому по два рубл. на мѣсяцъ".[e] Киргизскіе выборные были отправлены, въ сопровожденіи особаго конвоя, состоявшаго изъ пяти человѣкъ солдатъ и капитана Петра Маркова, на двадцати двухъ ямскихъ подводахъ.[f] Капитанъ Марковъ получилъ

---

a) Указы 1749 г. (въ Тург. обл. арх., № 22), л. 14.
b) Тамъ же. На л. 15 помѣщенъ татарскій текстъ прошенія киргизцевъ.
c) Тамъ же, л. 13.—Указъ Колл. Ин. Дѣлъ за № 131, отъ 13 апрѣля 1749 г.
d) Указъ Колл. Ин. Дѣлъ за № 172, отъ 17 мая 1749 г. Тург. Арх., по описи № 22, столб. указовъ 1749 г., л. 55.
e) Тамъ же.
f) Тамъ же.

въ Москвѣ 50 рубл. прогонныхъ денегъ „на потребные въ пути издержки и на прибавку къ ямскимъ на уѣздныя подводы“,[a] съ обязательствомъ дать отчетъ въ расходованіи этихъ денегъ, по прибытіи въ Оренбургъ.

Отправляясь въ дорогу, капитанъ Марковъ послалъ впередъ себя прапорщика Уфимскаго полка Неплюева, который долженъ былъ передать Оренбургскому губернатору высочайшій именной указъ, отъ 2 мая 1749 г, и приложенія къ нему, предназначенныя для торжественной конфирмаціи Нурали-Салтана въ киргизъ-кайсацкіе ханы. Посланный Марковымъ курьеръ прибылъ въ Оренбургъ 20 іюня и вручилъ Неплюеву упомянутые документы. Въ именномъ высочайшемъ указѣ, отъ 2-го Мая 1749 г., между прочимъ, было сказано: 1) „Новоизбраннаго въ ханы Нурали-Салтана, по ихъ выбору и по представленію бригадира Тевкелева, надъ обѣими киргизъ-кайсацкими ордами, т. е. Меньшею и Среднею, ханомъ подтвердить здѣсь усмотрѣно за несходство съ тѣмъ, что въ 1743 году съ зюнгорской стороны тѣ киргизъ-кайсацкія орды были присвояемы, съ объявленіемъ на Среднюю Орду жалобы, и что для того отъ оной орды зюнгорцы имѣютъ аманатовъ, и потому въ Нашей Коллегіи Ин. Дѣлъ принята резолюція и указомъ Нашимъ изъ Сената подтверждена: зюнгорской сторонѣ учинить объявленіе, что Абулъ-Хаиръ-Ханъ съ Меньшою Ордою дѣйствительно въ Нашемъ подданствѣ съ 1730 года, и чтобъ оные отъ стороны зюнгорской оставлены были въ покоѣ, а Средняя Орда хотя въ 1740 году и въ наше подданство вступила, но по жалобамъ отъ зюнгорской стороны аманатовъ отъ нихъ содержать не запрещается, что со оными и для такихъ же причинъ и съ нашей россійской стороны чинено будетъ. Неменьше того и изъ вашего представленія, чтобъ помянутаго Нурали-Салтана, яко уже отъ обѣихъ ордъ въ ханы избраннаго, указомъ Нашимъ подтвердить надъ одною Меньшою Ордою интересамъ Нашимъ пользы не предвидится толь наипаче, чтобъ тѣмъ новоизбранному хану, при самомъ первомъ случаѣ, показано было неудовольствіе.—Итако для будущихъ впредь случаевъ *разсудили Мы за благо новоизбраннаго хана назвать и подтвердить киргизъ-кайсацкимъ ханомъ, не именуя ни Меньшой, ни Средней ордъ,* въ какомъ разсужденіи и Абулъ-Хаиръ-Ханъ въ послѣднихъ Нашихъ къ нему грамотахъ писанъ былъ киргизъ-кайсацкой орды ханомъ.“[b] Марковъ долженъ былъ самъ лично передать Неплюеву и особый „патентъ на ханское достоинство, украшенный

---

a) Тамъ же, л. 56. Указъ К. И. Дѣлъ за № 179.

b) См. высочайшій указъ Неплюеву, отъ 2 мая 1749 г., за № 152, въ Тург. Обл. Арх., столб. указовъ за 1749, по описи № 22, л. 33 и 34.

(по представленію Неплюева) приличными лаврами, золотомъ и красками"; считаемъ не лишнимъ привести здѣсь описаніе этого любопытнаго „патента на ханское достоинство". Въ срединѣ его находился двуглавый орелъ, имѣющій въ груди образъ Св. Георгія (Московскій гербъ), обложенный орденомъ Св. Андрея Первозваннаго. Съ обѣихъ сторонъ и по бокамъ титула были изображены „въ натуральныхъ цвѣтахъ" шесть главныхъ гербовъ: кіевскій, владимірскій, новгородскій и царствъ астраханскаго, казанскаго и сибирскаго. Далѣе, начиная „съ того мѣста, гдѣ о произведеніи ханскомъ упоминается и о командѣ его надъ киргизъ-кайсаками",—съ правой стороны „положены золотыя (какъ и всѣ рамы) знамена россійскаго оружія", а съ лѣвой—„киргизъ-кайсацкое военное ружье, съ которымъ онъ ханъ и его подчиненные Россіи служить" должны. Въ самомъ низу патента, съ обѣихъ сторонъ „на углахъ, гдѣ о вѣрной службѣ говорится, поставлены два символа. Съ правой *вѣрность*, изображенная на жертвенникѣ (знакъ благоговѣйности) лежащимъ зеркаломъ, которое обыкновенно истинное и непритворное лицо всякой вещи вѣрно представляетъ, и мечъ-знакъ повѣренности, которую подданный къ своему Государю имѣть долженъ, и ничего изъ своихъ не токмо дѣйствъ, но и намѣреній не таить, и все, гдѣ-бъ что увѣдалъ къ пользѣ монаршей, открывать". Въ низу подъ жертвенникомъ „брошена маска, или харя, знакъ лицемѣрія, которымъ всякій вѣрный гнушаться долженъ". На лѣвой сторонѣ находился символъ *постоянства*: мраморный „на крѣпкомъ основаніи" столпъ, украшенный лавровымъ вѣнкомъ, а въ низу его—мечъ и разсыпанныя изъ мешка деньги,—„сіе знаменуетъ, что истинное постоянство, ожидающее себѣ награжденія славы, ни страхомъ, ни лестію къ колебанію привести не можетъ". Подъ государственной печатью, въ срединѣ „нижней линіи долгой" было изображено „обложенное степью киргизъ-кайсацкое кочевье, въ натуральномъ видѣ цвѣтовъ," поддерживаемое съ обѣихъ сторонъ: „ихъ киргизъ-кайсацкими звѣрьми съ одной стороны, а съ другой—скотомъ, сдѣланными золотомъ, какъ и рамы."—„Исподняя линія обложена вся камышомъ, степною травою, по приличеству сего украшенія." Вся „исподняя линія, гдѣ киргизъ-кайсацкое кочевье и прочее изображено, накрыта по срединѣ Оренбургской губерніи гербомъ натуральнаго цвѣта, понеже киргизъ-кайсацкія орды въ близости и въ кореспонденціи, по всякимъ дѣламъ, состоятъ съ оренбургскимъ губернаторомъ, якоже и торги ихъ въ томъ городѣ производятся."[a] Изготовленіе этого патента стоило 20 руб. 14 коп.

а) Тамъ же, л. 47 и 48: «Изъясненіе украшенія рамъ около патента, даннаго киргизъ-кайсацкому Нурали-Хану».

Кромѣ патента, Марковъ привезъ съ собою для Нурали-Хана: саблю „оправную" съ надписью на русскомъ и татарскомъ языкахъ,[a] стоившую, вмѣстѣ съ поясомъ, 85 р. 77 к., парчевую шубу на собольемъ мѣху и шапку изъ чернобурой лисицы, стоившія 1674 р. 87 к., да въ подарокъ ханшѣ Пупай, матери Нурали,—кусокъ парчи, съ серебряными и шелковыми травчатыми узорами, заплаченный 203 р. Всѣ эти вещи, оцѣненныя почти въ двѣ тысячи (1989 р. 78 к.) рублей,[b] Марковъ долженъ былъ передать Неплюеву, для врученія Нурали-Хану при его конфирмаціи. Неплюевъ, въ свою очередь, долженъ былъ немедленно извѣстить Нурали чрезъ нарочно посланныхъ о возвращеніи киргизскихъ старшинъ изъ С.-Петербурга въ Оренбургъ и условиться съ ханомъ о времени его пріѣзда въ Оренбургъ. „И когда онъ Нурали-Ханъ къ Оренбургу пріѣдетъ (говорится въ указѣ), тогда вамъ въ тотъ день, о которомъ съ нимъ согласитесь, учинить ему о ханствѣ по силѣ патента публичное объявленіе, и привести его въ должной къ Намъ вѣрности къ присягѣ, по приложенной при семъ формѣ, и по совершеніи оной, отдать ему на то ханское достоинство патентъ и велѣть надѣть на него саблю, шубу и шапку, и тотъ день какъ его хана, такъ салтановъ и старшинъ первыхъ трактовать вамъ, подъ именемъ Нашимъ, столомъ, а для народа велѣть приготовить нѣсколько быковъ и барановъ, и выставить горячаго вина, пива и меда, на что на все, также въ жалованье отъ Насъ салтанамъ и старшинамъ, позволяется вамъ изъ казны Нашей издержать денегъ и товаровъ до тысячи рублевъ или сколько вы, по тамошнему усмотрѣнію, заблагоразсудите, въ тужъ ханскую у васъ бытность имѣете ему отдать приложенное при семъ къ нему отъ Нашего канцлера письмо, съ котораго для вашего извѣстія и копія при семъ же".[c]

Въ случаѣ, если бы ханша Пупай или самъ Нурали пожелалъ замѣнить своего брата Айчувакъ-Салтана, находившагося аманатомъ въ Россіи, другимъ своимъ братомъ Адиль-Салтаномъ, а равно и старшинскихъ дѣтей при Айчувакѣ—другими старшинскими дѣтьми; то Неплюевъ долженъ былъ „поступить такимъ образомъ, дабы оныя ихъ съ бригадиромъ Тевкелевымъ постановленія нарушены не были, и чтобъ такимъ образомъ и впредь перемѣна ихъ порядочно происходить могла, а не такъ, какъ предъ симъ одинъ Козь-Ахметъ-Салтанъ лѣтъ

---

a) На саблѣ была сдѣлана слѣдующая надпись: «Божіею милостію Мы Елисаветъ Первая Императрица и Самодержица Всероссійская жалуетъ сею саблею подданнаго своего Нурали-Хана киргизъ-кайсацкаго при учрежденіи его въ сіе достоинство. 26 февраля 1749 года.» См. тамъ же, л. 41.

b) Тамъ же, л. 46.

c) Тамъ же, л. 34 наоборотѣ и л. 41 на оборотѣ.

съ десять содержался, и оттого многія въ тамошнихъ мѣстахъ безпокойства и движенія войскъ происходили".[a] При отпускѣ Айчувакъ-Салтана велѣно было „дать ему въ награжденіе публично деньгами или товарами, по прежнимъ примѣрамъ, на сто на двадцать рублевъ да саблю рублевъ въ тридцать, приведя оного въ вѣрной къ Намъ службѣ къ присягѣ, а кощеямъ по десяти рублевъ каждому, и при томъ объявить, что и впредь, при отпускѣ ихъ, аманатовъ, всегда такое жъ награжденіе давано будетъ, что и дѣйствительно чинить повелѣваемъ; вышеупомянутому жъ Айчувакъ-Салтану, при отпускѣ его, для представленныхъ бригадиромъ Тевкелевымъ резоновъ, дать отъ другихъ *секретно* денегъ сто рублевъ, но таковой дачи будущимъ по немъ аманатамъ давать не надлежитъ, развѣ особливо когда интересъ Нашъ требовать будетъ".[b] Въ томъ же указѣ было, между прочимъ, поставлено на видъ Неплюеву, чтобы онъ „безъ особаго указа" никому изъ аманатовъ „сабель, яко знатныхъ высокомонаршеской милости знаковъ," не давалъ „и для того (говорится въ указѣ) и сіе, что вы Айчувакъ-Салтану, при первомъ случаѣ, саблю дали, здѣсь не аппробуется."

Неплюевъ, какъ намъ уже извѣстно, опасаясь союза Баракъ-Салтана съ зюнгорскимъ владѣльцемъ, послалъ къ нему казака Матвѣя Арапова и велѣлъ „обнадѣжить его Царскою милостію и своимъ доброжелательствомъ;" но Коллегія Ин. Дѣлъ осталась этимъ крайне недовольна: „и сія ваша посылка (сказано въ указѣ) здѣсь весьма не аппробуется: ибо изъ вашихъ же доношеній здѣсь усматривается, яко Баракъ-Салтанъ хотя напредъ сего и вѣрнымъ къ Нашей сторонѣ являлся, токмо больше, но при томъ еще и явнымъ образомъ, держался зюнгорской стороны. Сверхъ того, нечаятельно здѣсь, чтобъ сія ваша къ Баракъ-Салтану посылка, по киргизъ-кайсацкой вѣтренности, Нурали-Хану въ слухи не пришла толь наипаче, что изъ сказски киргизца Байбека, бывшаго въ ордѣ съ переводчикомъ Гуляевымъ, присланной сюда, при доношеніи бригадира Тевкелева отъ 25 октября прошлаго 1748 года, видно, что отъ Абулъ-Хаиръ-Хановыхъ дѣтей въ Баракъ-Салтановы улусы тайно посланы шпіоны, для развѣдыванія о его съ зюнгорскимъ владѣльцемъ пересылкѣ; а когда Нурали-Ханъ о томъ увѣдаетъ, то и оной отъ стороны вашей, при первомъ случаѣ, тѣмъ будетъ огорченъ, что съ пользою интересовъ Нашихъ сходственно быть не можетъ, и для того вамъ впредь въ такихъ дѣлахъ поступать осторожно, а новоизбраннаго Нурали-Хана[c] пристойнымъ образомъ къ себѣ

---

a) Тамъ же, л. 35.
b) Тамъ же.
c) Тамъ же, л. 36 наоборотѣ.

приласкать." Въ случаѣ, если бы зюнгорцы „пожелали учинить на Меньшую киргизъ-кайсацкую Орду нападеніе," Неплюевъ долженъ былъ, въ силу указа, перепустить киргизцевъ на правую сторону р. Яика, а для „предудержанія ихъ отъ воровства, опредѣлить при нихъ казаковъ человѣкъ до тысячи" или и болѣе, смотря по количеству „перепущенныхъ" киргизъ, а калмыки должны были оставаться въ это время на нагорной сторонѣ Волги; если же нападеніе зюнгорцевъ на Малую Орду случится во время нахожденія калмыковъ на луговой сторонѣ Волги, то „уже киргизъ-кайсакъ, хотя-бъ они отъ зюнгорцевъ и утѣснены были, множественнаго числа за Яикъ перепускать" не было разрѣшено, а велѣно уговаривать ихъ, чтобы они приблизились къ русскимъ пограничнымъ крѣпостямъ, при чемъ ихъ „по крайней возможности отъ крѣпостей защищать, а при томъ для виду и при рѣкѣ Яику тамошними россійскими войсками движеніе имѣть; при всемъ же томъ наблюдать, дабы зюнгорскія войска чрезъ р. Яикъ, для забранія подданныхъ нашихъ калмыкъ, отнюдь не перепустить и въ томъ имъ всѣми силами препятствовать."[a]

При свиданіи съ Нурали-Ханомъ, Неплюевъ былъ уполномоченъ „говорить и его къ тому пристойнымъ образомъ склонить и согласиться, дабы въ аманаты назначеннаго брата его Адиль-Салтана впредь перемѣнить его Нураліовымъ сыномъ."[b] Въ исполненіе высочайшей воли, Нурали-Ханъ долженъ былъ „всѣхъ россійскихъ плѣнниковъ и бѣглецовъ, тако же скотъ и пожитки ихъ собрать и въ Оренбургъ отдать немедленно, равнымъ образомъ и калмыцкихъ плѣнниковъ съ всевозможною прилежностію собирать и отдавать въ Оренбургъ," а Неплюеву было предписано всячески „его хана и знатную старшину ко исполненію того склонять, толкуя имъ изъ того собственную ихъ пользу".[c] Неплюевъ, не дождавшись прибытія въ Оренбургъ Джанъ-Бека и киргизскихъ старшинъ изъ С.-Петербурга, командировалъ къ Нурали-Хану капитана Андрея Яковлева, знающаго татарскій языкъ и киргизскіе обычаи, придавъ ему „для толмачества и всякихъ посылокъ" урядника Ѳеодора Найденова, ученика татарской школы Василья Аксѣнова и казака Ѳеодора Попова.[d] Капитанъ Яковлевъ долженъ былъ вручить Нурали-Хану письмо Неплюева, передать нѣкоторые подарки,[e] поздравить съ Монаршей милостью,

---

a) Тамъ же, л. 37.
b) Тамъ же, л. 35 на оборотѣ.
c) Тамъ же, л. 35 и 36.
d) См. въ Тург. Обл. Арх. за № 189: «Доношеніе, въ Госуд. Колл. Ин. Дѣлъ посланное, какимъ образомъ, въ бытность киргизскаго Нурали-Хана съ салтанами и съ старшинами, о ханствѣ его Нуралія публиковано тѣмъ салтанамъ и старшинамъ» (на 122 листахъ), л. 17-й.
e) Шесть каповыхъ чашекъ, купленныхъ по просьбѣ Хана на Мѣновомъ дворѣ, по 50 к. за каждую; 14 простыхъ по 12 к., 20 пуд. сѣяной пшеничной муки по 35 к. за пудъ, 5 кожъ по рублю, голову сахару въ рубль и чаю на рубль. Смот. тамъ же, л. 18 на оборотѣ.

сообщить о предположенной замѣнѣ Айчувакъ-Салтана Адиль-Салтаномъ и условиться, относительно времени пріѣзда Нурали въ Оренбургъ, для конфирмованія его въ ханы и полученія высочайше пожалованныхъ ему грамоты, патента, сабли, дорогой собольей шубы и шапки. Неплюевъ распорядился, чтобы Яковлевъ оставался при Нурали до его отъѣзда въ Оренбургъ, о днѣ же выѣзда хана Яковлевъ долженъ былъ извѣстить губернатора чрезъ нарочно посланнаго. Пупай-Ханша находилась въ это время недалеко отъ Орской крѣпости; 22 іюня Неплюевъ командировалъ къ ней толмача Усмана Арасланова и ученика татарской школы Өеодора Калмыченинова, въ сопровожденіи киргизца Исергапа, служившаго при Айчувакъ-Салтанѣ. Передавъ ханшѣ поклонъ отъ Неплюева и подарки,[a] Араслановъ долженъ былъ пригласилъ Пупай на торжество конфирмаціи ея сына Нурали въ ханы.

26 іюня киргизская депутація прибыла изъ столицы въ Оренбургъ, гдѣ и должна была ожидать пріѣзда Нурали-Хана и его свиты, а 27 іюня двое изъ бывшихъ въ Петербургѣ киргизцевъ Буранбай и Тянгрикулъ, въ сопровожденіи казаковъ Владиміра Сундыренина и Андрея Щепетова, были посланы съ извѣстіемъ о возвращеніи депутатовъ къ Нурали-Хану и къ Пупай-Ханшѣ. 3 іюля казакъ Сундыренинъ возвратился въ Оренбургъ съ рапортомъ отъ капитана Яковлева, въ сопровожденіи восьми киргизцевъ отъ Нурали-Хана.[b] Яковлевъ, между прочимъ, доносилъ, что онъ прибылъ въ ставку хана, находившуюся въ вершинахъ рѣки Кобды, 25 іюня и что Нурали, принявъ отъ него письмо и выслушавъ его о Монаршей милости, молился „по своему закону" за Государыню и благодарилъ Неплюева „за продолжаемую съ нимъ дружбу", а 30 іюня выѣхалъ въ Оренбургъ. Останавливаясь на пути и сожидая знатныхъ старшинъ и біевъ, Нурали сообщилъ Яковлеву о прибытіи зюнгорскихъ посланцевъ въ киргизскіе улусы, кочующіе близъ ставки его матери Пупай, и что „отъ него хана ко оной матери его посланы нарочные, чтобъ тѣ посланцы дожидались возвращенія его Нураліева изъ Оренбурга", а когда Яковлевъ пожелалъ узнать, для чего прибыли зюнгорскіе посланцы, ханъ „ничего ему не сказалъ, а объявилъ, что о томъ будетъ говорить съ тайнымъ совѣтникомъ". Прибывшіе съ казакомъ Сундыренинымъ киргизцы просили Неплюева, отъ имени своего Хана, чтобы дано было „наставленіе, какъ ему Хану въ прибытіи сюда поступить надлежитъ, увѣряя, что онъ

---

a) Сахару 3 ф. за 75 к. и чаю $1\frac{1}{2}$ ф. на 1 р. 20 к. См. тамъ же, л. 19.

b) Баксадбіева рода Татлыбай и Баикутла, Исеть-тарханова рода Кутырь и Тюлебай, Алтай-батырева рода Хасадъ и Мабергапъ да служители ханскіе Тюлебай и Кубашъ. См. тамъ же л. 22.

все приказанное ему исполнять не преминетъ". Неплюевъ въ тотъ же день, послѣ переговоровъ съ Айчувакъ-Салтаномъ, отправилъ на встрѣчу Нурали-Хана переводчика Гуляева и съ нимъ бывшаго въ Москвѣ Байбека, дядьку Айчувака, которые должны были „проводить Хана до того мѣста, гдѣ ему Хану съ будущими при немъ киргизцами лагеремъ стать надлежитъ". Вмѣстѣ съ Гуляевымъ должны были возвратиться къ Нурали и его посланцы; предъ отъѣздомъ Неплюевъ наградилъ ихъ деньгами, провизіей и сукномъ[a] и „говорилъ имъ о пользѣ ихъ, отъ купечества происходящей, и чтобъ они нынѣ службу свою въ томъ исполняли, *дабы ѣдущіе изъ азіатскихъ городовъ купцы, съ серебромъ и съ прочими ихъ товарами, безопасно препровождаемы были,* толкуя, что въ томъ и собственное ихъ народа довольство и благополучіе состоитъ". Гуляеву, между прочимъ, также было приказано „тайнымъ образомъ у Хана спросить, за чѣмъ зюнгорскіе посланцы къ нимъ пріѣхали, что такожде и стороною развѣдывать".

Вечеромъ 4 іюля возвратился въ Оренбургъ и Усманъ Араслановъ, въ сопровожденіи нѣсколькихъ киргизцевъ отъ Пупай-Ханши, и доложилъ Неплюеву, что Ханша „всѣ свои слова и намѣренія повѣрила дѣтямъ, почему они и отвѣтствовать могутъ, однакожъ ежели они за благо присовѣтуютъ при такомъ знатномъ торжествѣ быть и ей, то она находится не въ дальномъ разстояніи, и притомъ же, по обыкновенію своему, чинила запросъ о присылкѣ къ ней отсель разныхъ вещей, чтобъ-де возможно было ей, по возвращеніи дѣтей ея отсель, по ихъ обыкновенію, по мужѣ ея, Абулъ-Хаиръ-Ханѣ, знатное поминовеніе учинить да для дочери ея, называя ее малолѣтною."[b] Усманъ Араслановъ также присовокупилъ, что Эрали и Ходжи-Ахметъ находятся уже на пути въ Оренбургъ; Ханша также была бы непрочь ѣхать съ ними, но дѣти разговорили ее, ссылаясь на то, что „всѣмъ имъ изъ орды вмѣстѣ выѣхать непристойно."[c] Относительно зюнгорскихъ посланцевъ, Усманъ сообщилъ, что „они къ Ханшѣ еще не бывали, а находятся въ киргизскихъ улусахъ, и слышно, что они пріѣхали сватать дочь Абулъ-Хаира, коя за бухарскаго хана была сговорена." Между тѣмъ Адиль-Салтанъ, находившійся у своей невѣсты въ улусахъ Серки-Батыря, кочевавшаго по р. Илеку, прислалъ въ Орен-

---

a) Байбеку отъ прочихъ секретно дано денегъ 10 р., Татлыбаю, Кутырю и Тюлебаю по 3½ арш. сукна кроваваго цвѣта, по рублю за аршинъ, и по одному концу синей китайки; Баикутлѣ такого же сукна 3½ арш., Хасапу—3½ арш. синяго сукна по 85 к. аршинъ и конецъ синей китайки; Мабергану, Тюлебаю и Кубашу по 3½ арш. синяго сукна по 85 коп. аршинъ да всѣмъ на пищу въ дорогу два казенныхъ барана. Тамъ же, л. 25.
b) Тамъ же, л. 25 на оборотѣ.
c) Тамъ же.

бургъ Серки-Батыря сына съ просьбой, чтобы ему дана была лисица на парадную шапку. Неплюевъ приказалъ выдать посланному отъ Адиль-Салтана чорнобурую лисицу въ 22 рубл. да на верхъ $1/2$ арш. кармазиннаго сукна на 2 руб.[a] 6 Іюля, послѣ полудня, прибыли въ Оренбургъ братья хана: Эрали и Ходжа-Салтанъ и остановились за р. Яикомъ, верстахъ въ пяти отъ города. Неплюевъ отправилъ съ привѣтствіемъ къ нимъ капитана Маркова и толмача, а на другой день утромъ въ лагерь ханскихъ братьевъ были доставлены на пищу пять барановъ и 2 пуда просяныхъ крупъ, а для варки—2 чугунные котла и 2 тагана, кромѣ того 10 ведръ пива и одно ведро меду, 2 ведра горячаго вина и нѣсколько деревянной посуды; 8 Іюля по утру Неплюевъ послалъ съ Усманомъ въ лагерь Эрали еще 8 барановъ,[b] въ то же время Неплюевъ наградилъ и представлявшихся къ нему киргизцевъ кого сукномъ, кого кожами и т. п. Около полудня 8 іюля Неплюевъ узналъ отъ переводчика Гуляева и присланныхъ съ нимъ отъ Нурали киргизцевъ, что Ханъ находится на р. Донгузѣ, въ 20 верстахъ отъ Оренбурга, гдѣ онъ расположился на отдыхъ. На встрѣчу Нурали былъ командированъ капитанъ Страховъ, который долженъ былъ сопровождать Хана до лагеря его братьевъ, а въ лагерь для поздравленія Нурали былъ посланъ премьеръ-маіоръ Кублицкій и съ нимъ отправлена для самого Хана зеленая палатка и кресла, обитыя краснымъ сукномъ да для салтановъ—три стула, обитые также сукномъ; 5 барановъ, быкъ, просяныхъ крупъ 5 пудъ, три чугунные котла, 2 оловянныя блюда и 5 деревянныхъ чашекъ, 100 ложекъ, ведро меду, 3 ведра горячаго вина, чаю—бакча $1^1/4$ ф., голова сахару въ $3^1/4$ ф.[c] и 4 небольшія палатки для салтановъ. Послѣ полудня въ тотъ же день Неплюевъ, по просьбѣ Айчувакъ-Салтана, принималъ у себя и угощалъ Мурзатай-Батыря, роднаго брата Ханши Пупай, да ихъ свойственника Карабашъ-Салтана. Въ 7 часу пополудни капитанъ Страховъ и маіоръ Кублицкій явились къ Неплюеву и доложили, что они исполнили данное имъ порученіе: Страховъ встрѣтилъ Нурали на р. Донгузѣ, верстъ за 20 отъ города, а Кублицкій принялъ Нурали-Хана съ Адиломъ и Чингизъ-Салтаномъ въ лагерѣ, какъ ему было приказано, предъ палаткою, и передалъ ему Хану посланныя съ нимъ вещи, чѣмъ Нурали остался весьма доволенъ и благодарилъ губернатора чрезъ особо присланныхъ къ нему лицъ,[e] коимъ „при отпускѣ отъ тай-

---

a) Тамъ же, л. 26 и 27.
b) Тамъ же, л. 26 и 29 на оборотѣ.
c) Тамъ же, л. 30.
e) Аджибай-Біева племянника Кутлубая, Баксубай-Біева брата Карабая, есаула Тугузя да своего человѣка Кубяся.

наго совѣтника дано въ награжденіе по $3^1/_2$ арш. синяго сукна по 85 к. арш., ибо и ханъ помянутымъ маіору и капитанамъ: Яковлеву, Страхову, Маркову и ученикамъ далъ отъ себя по лошади." Вмѣстѣ съ Ханомъ было около 200 киргизъ, кромѣ прибывшихъ раньше съ его братьями, да „и сверхъ того вслѣдъ прибывали."[a] Къ наиболѣе вліятельнымъ и знатнѣйшимъ старшинамъ, прибывшимъ съ Ханомъ, принадлежали 6 *Семиродцевъ* и 12 *Алчинцевъ*, въ числѣ послѣднихъ было 6 *Баулинцевъ*, которые, по заявленію самого Хана, „всю Меньшую Орду содержать въ состояніи и когда они порядочны и вѣрны будутъ, то и все-де повелѣваемое чрезъ нихъ исполняться можетъ." Утромъ 9 іюля Неплюевъ послалъ въ лагерь переводчика Гуляева и Байбека, чтобы поздравить Хана и салтановъ и уговориться съ ними относительно времени и церемоніи свиданія Хана съ губернаторомъ. Вмѣстѣ съ ними отправлено было еще пять солдатскихъ палатокъ для старшинъ и чайникъ для Хана. Въ 9 ч. утра явился къ Неплюеву капитанъ Яковлевъ, находившійся при Ханѣ, и доложилъ, что Ханъ приказалъ донести, что онъ „на завра для свиданія съ нимъ тайнымъ совѣтникомъ съ радостію желаетъ быть." Предъ полуднемъ Ханъ прислалъ сказать Неплюеву, что къ вечеру пріѣдетъ къ нему Хану Дусалей-Салтанъ и просилъ, чтобы ему, въ отличіе отъ прочихъ, была прислана палатка, почему и была тогда же отправлена въ ханскій лагерь палатка о четырехъ полотнищахъ съ полами, взятая у атамана Могутова, а Хану посланъ для постилки въ его палаткѣ коверъ въ 6 р. да двѣ кошмы, и для его употребленія одно ведро сбитня. Между тѣмъ Гуляевъ и Байбекъ возвратились только въ 10 ч. вечера и донесли Неплюеву, что когда они приступили къ переписи киргизцевъ, между послѣдними начались споры и ссоры изъ—за старшинства „и всякъ себя хотѣлъ лучше предпочитать, при чемъ нѣкоторые о своихъ дѣлахъ разсуждали, будетъ-ли въ нихъ какой успѣхъ и народная польза, а другіе и сіе мнили, аки-бы войска нарочно собраны, дабы, они какъ съ ханомъ въ лагерь пріѣдутъ, ихъ обхвативъ, удержать и другія толь подобныя легкомыслія чинили."[b] Тогда Нурали-Ханъ, сѣвъ на лошадь, отъѣхалъ въ степь, пригласивъ съ собою Гуляева и Байбека, чтобы переговорить съ ними наединѣ и объявилъ, что „онъ и самъ изъ тѣхъ собравшихся къ нему людей всѣхъ довольно еще не знаетъ да послѣ смерти отца своего многихъ и не видалъ, и тако-де ему потребно при нынѣшнемъ случаѣ ихъ утвердить и увѣрить, по ихъ обыкновенію, дабы ему были несумнительны въ исполненіяхъ, какія на него положены будутъ." Потомъ,

---

a) Тамъ же, л. 32.
b) Тамъ же, л. 33 на оборотѣ.

возвратившись въ лагерь, Нурали собралъ всѣхъ и объявилъ старшинамъ, что ему назавтра надобно „присягу учинить о своей должности и вѣрности, и всякое повелѣнное дѣло иначе ему, какъ чрезъ нихъ, исполнять невозможно, и для того они прежде ему въ вѣрности своей утвердились и о томъ бы всѣ между собою прежде совѣтывали и его Хана увѣрили, почему уже онъ о своей присягѣ несумнителенъ былъ." Началось совѣщаніе, мнѣнія раздѣлились; наконецъ Исеть-Тарханъ, обратившись къ *Алчинцамъ*, сказалъ, что они сами избрали себѣ въ ханы Нурали и просили объ утвержденіи его Государыню, а онъ Исеть на томъ избраніи хотя и не былъ, однакожъ „отъ вѣрности своей никогда не отступитъ и, кромѣ здѣшней стороны, другаго пристанища не имѣетъ, и для того хотя-бъ Всемилостивѣйшая Государыня указала его и въ ссылку послать, то онъ ѣхать съ Ханомъ къ тайному совѣтнику не отрицается."[a] Киргизцы, успокоенные словами Исеть-Тархана, всѣ собрались предъ ханомъ и прочитали предъ нимъ, по своему обыкновенію, „молитву въ вѣрности." Затѣмъ Байбекъ наединѣ говорилъ Нурали, что ему „не надобно такъ поступать, какъ отецъ его Абулъ-Хаиръ-Ханъ поступалъ: съ командирами-де говорилъ то, а у себя въ Ордѣ другое, почему-де уже въ киргизцахъ никакого постоянства не было, и съ нимъ они всѣ не иначе, какъ на такомъ же основаніи поступали."[b] Нурали, между прочимъ, просилъ, чтобы „коляска единственно для него одного прислана была, а для братьевъ его не присылать, ибо-де ожидаемый Дусали-Салтанъ въ томъ братьямъ его уступить не похочетъ и изъ того-де у нихъ несогласіе можетъ произойтить."

10 іюля должна была совершиться торжественная конфирмація Нурали въ киргизскіе ханы. Рано утромъ въ этотъ день Гуляевъ и Байбекъ были посланы въ ханскую ставку, „дабы о пріѣздѣ его въ лагерь согласиться", а въ 8 ч. утра Неплюевъ, въ сопровожденіи генералъ-маіора фонъ-Штокмана, штабъ и оберъ-офицеровъ, выѣхалъ изъ города въ лагерь, устроенный нарочно за р. Яикомъ, въ одной верстѣ отъ Оренбурга, „для всенароднаго объявленія Хана;" вскорѣ сюда же были привезены Айчувакъ-Салтанъ и Джанъ-Бекъ-Салтанъ, „съ надлежащей ассистенціею и, подъ образомъ почтенія, съ конвоемъ". Между тѣмъ Гуляевъ и Байбекъ, возвратившись отъ Нурали, доложили Неплюеву, что Ханъ просилъ не упоминать о винахъ его, старшинъ и всего киргизъ-кайсацкаго народа, при такомъ собраніи и торжествѣ; чтобы присягу читалъ ахунъ, а онъ „все

---

a) Тамъ же, л. 33 и 34.
b) Тамъ же, л. 34 на оборотѣ.

читанное въ умѣ и въ сердцѣ своемъ будетъ содержать истинно, извиняя себя, что отъ зазрѣнія предъ своими и отъ своей необыкности самъ всѣхъ тѣхъ рѣчей гласно повторять находится не въ состояніи". Кромѣ того Нурали выразилъ желаніе, чтобы, послѣ принятія имъ присяги, и старшины были приведены „къ Курану, дабы они вѣрно себя содержали и ему послушаніе чинили." Желая почтить своего дядю Мурзатая, брата Пупай-Ханши, Нурали просилъ Неплюева, чтобы онъ за столомъ былъ посаженъ къ нему поближе и „лучшихъ-бы его старшинъ онъ тайный совѣтникъ, по ихъ обыкновенію, подачею отъ себя кушаній приласкалъ, ибо-де то у нихъ за велико почитается, и не оставилъ-бы находившагося при отцѣ его писаря за труды и службу, а прибывшаго съ нимъ Утятливъ-Бія, яко знатнаго въ Ордѣ, а къ ихъ ханской фамиліи усерднаго и вѣрнаго, произвелъ въ тарханы". Неплюевъ приказалъ объявить Хану, что „онъ сегодня ни о какихъ дѣлахъ, кромѣ того, что до его объявленія Ханомъ принадлежитъ, говорить не будетъ; что все то, еже нынѣ съ нимъ чинится, исполняется по точному и Высочайшему Ея Императорскаго Величества повѣленію, изъ котораго ни малой отмѣны сдѣлать не возможно и къ тому-жъ отецъ его, Абулъ-Хаиръ-Ханъ, братья и всѣ киргизъ-кайсацкіе старшины, при приводѣ ихъ къ присягѣ, оную своимъ языкомъ повторяли да и всѣ подданные Е. И. Величества, по полученіи новыхъ чиновъ, якоже и башкирцы, при произведеніи ихъ въ старшинскіе чины, такимъ же образомъ присягаютъ; и ему Хану тѣмъ же порядкомъ поступить должно, ибо сія его присяга есть краткая на его ханское достоинство, какъ и всѣ подданные Е. И. Величества, при полученіи новыхъ чиновъ, присягаютъ, но сіе на его волю оставляется, тихо-ль или громко онъ будетъ за ахуномъ ту присягу повторять."[a] Что же касается привода къ присягѣ старшинъ, то Неплюевъ приказалъ объявить Хану, что это предоставляется на ихъ волю, а „требовано отъ нихъ не будетъ, яко до нихъ не слѣдуетъ," пожалованіе же въ тарханы Утятливъ-Бія „дѣло не невозможное толь наипаче, ежели о немъ самъ Ханъ будетъ представлять"[b]

Послѣ этого къ Хану былъ отправленъ подполковникъ Кудрявцевъ въ коляскѣ Неплюева, заложенной шестью лошадьми, въ сопровожденіи конвоя, состоявшаго изъ 24 казаковъ, подъ командою сотника, и 24 гренадеръ при отдѣльномъ прапорщикѣ, а впереди коляски ѣхали верхами двое лакеевъ. По прибытіи на мѣсто, Кудрявцевъ доложилъ Нурали, что онъ присланъ отъ тайнаго совѣтника поздравить его Хана,

a) Тамъ же, л. 36.
b) Тамъ же, л. 37.

просить къ губернатору и проводить его, съ подобающею ему честію, до лагеря отъ ставки. Нурали, освѣдомившись о чинѣ Кудрявцева, пригласилъ его сѣсть, а самъ приказалъ салтанамъ и старшинамъ „убираться къ отѣзду." Въ часъ Ханъ сѣлъ въ коляску рядомъ съ Кудрявцевымъ, а напротивъ нихъ помѣстился переводчикъ Гуляевъ; братья же Хана, салтаны и старшины отправились верхами. Позади коляски скакали верхами на своихъ лошадяхъ и простые киргизы, коихъ было болѣе 500 чел.; когда же нѣкоторые изъ нихъ стали тѣсниться къ самой коляскѣ „весьма непристойно и по ихъ обычаю непорядочно", ханъ приказалъ своимъ есауламъ ихъ отогнать, почему многіе отстали и возвратились въ свой лагерь, что „Нурали нарочно учинилъ, дабы отъ нихъ, во время его пріѣзду и трактованія, безобразія и непорядковъ не произошло."[a)]

На мѣстѣ, гдѣ должна была совершиться конфирмація хана, были собраны регулярныя и нерегулярныя войска въ числѣ 1674 чел.,[b)] кромѣ гренадерской роты Пензенскаго полка, назначенной къ палаткѣ Неплюева для караула и носки кушаній, и 40 чел. солдатъ, бывшихъ на пикетѣ съ степной стороны. Войска были безъ знаменъ. Когда Ханъ подъѣхалъ къ фронту, войска отдали ему честь съ барабаннымъ боемъ, а затѣмъ, когда онъ направился къ палаткѣ Неплюева, сдѣланъ былъ залпъ изъ пяти пушекъ; гренадеры, составлявшіе почетный караулъ, также отдали Хану честь съ барабаннымъ боемъ. Предъ кибиткой губернатора, когда Ханъ сталъ слѣзать съ коляски, принялъ его полковникъ Пальчиковъ; потомъ Нурали поздоровался съ своимъ братомъ Айчувакъ-Салтаномъ; близъ кибитки встрѣтилъ Хана генералъ-маіоръ фонъ-Штокманъ, а предъ входомъ въ кибитку принялъ Хана самъ Неплюевъ, обнявъ его, по киргизскому обычаю, руками и, послѣ краткаго привѣтствія, за руку ввелъ его въ свою кибитку, нарочно для того убранную. Здѣсь губернаторъ привѣтствовалъ Хана краткой рѣчью.—Изъявляя „премногую радость о благополучномъ прибытіи Хана", Неплюевъ указалъ на то, что „хотя онъ никогда не имѣлъ случая персонально съ нимъ видѣться, но его вѣрность и добропорядочные поступки, по смерти отца его Абулъ-Хаиръ-Хана побудили его тайн. совѣтника столь горячо въ его честь и достоинство вступиться и возымѣть стараніе, дабы въ его персонѣ ханство отца его возстановить и о томъ, по народному ихъ избранію, Е. И. Величеству всеподданнѣйше прэдставлять и всемилостивѣйшей конфирмаціи всенижайше

---

a) Тамъ же, л. 37 на оборотѣ.

b) Въ томъ числѣ 1050 чел. регулярныхъ пѣшихъ драгунъ Троицкаго, Казанскаго и Шешминскаго полковъ, подъ командою полковника Троицкаго полка Ѳрауэндорфа, 400 чел. Оренбурскихъ конныхъ казаковъ при атаманѣ Могутовѣ, 100 чел. крещеныхъ калмыхъ, 100 чел. башкирцевъ и 13 чел. артиллеристовъ. См. тамъ же, л. 37 на оборотѣ.

просить, которая, какъ то онъ Ханъ извѣстенъ, и воспослѣдовала и онъ, тайный совѣтникъ, имѣетъ Е. И. Величества высочайшее повелѣніе на то ханство всемилостивѣйшій патентъ ему вручить, такожъ и знаки Е. И. Величества высочайшей милости публично на него Хана возложить, съ чѣмъ его Хана, яко своего дознаннаго друга и пріятеля, поздравляетъ". [a]

Нурали отвѣчалъ Неплюеву „примѣромъ изъ закона ихъ, что въ душахъ человѣческихъ еще прежде, нежели онѣ на сей свѣтъ происходятъ, отъ Самого Бога назнаменовано бываетъ, когда и съ кѣмъ дружелюбіе имѣть, и тако онѣ на семъ свѣтѣ и въ тѣлѣ будучи то, что отъ Бога уже назнаменовано, дѣйствомъ исполняютъ, уподобляя, что и дружба, между ними имѣющаяся, такое же основаніе имѣетъ, за которую, яко-же и за всѣ его тайнаго совѣтника старательства, онъ Ханъ по прежнему благодарствуетъ и высочайшую Е. И. Величества милость по крайней своей возможности заслуживать долженствуетъ." [b] Выслушавъ Хана, Неплюевъ пригласилъ гостей сѣсть за столъ: Ханъ сѣлъ по правую сторону губернатора въ особее кресло, а по лѣвую сторону—генералъ-маіоръ фонъ-Штокманъ, рядомъ съ Ханомъ сѣли его братья и салтаны, а подлѣ фонъ-Штокмана—Айчувакъ-Салтанъ и Джанъ-Бекъ-Салтанъ, старшины-же киргизскіе, по своему обыкновенію, присѣли на разостланныхъ для нихъ въ кибиткѣ коврахъ. Неплюевъ спросилъ Нурали о здоровьѣ его матери Пупай; Ханъ отвѣтилъ, что она „находится въ добромъ здоровьи", а Эрали-Салтанъ прибавилъ къ тому: „есть-де у нихъ такая пословица, что скотина тогда жирна и здорова, когда хорошую траву и добрый кормъ получаетъ, а человѣкъ тогда здоровъ и веселъ, когда имѣетъ добрыя вѣдомости, и также мать ихъ Пупай-Ханша, получая отъ него тайнаго совѣтника добрыя извѣстія и высочайшую Е. И. Величества милость, по смерти отца ихъ, Абулъ-Хаиръ-Хана, къ ней и къ нимъ милость, радуется и здорова пребываетъ и послала ега Эралея съ Ходжей-Ахметомъ за всѣ его тайнаго совѣтника къ нимъ благодѣянія благодарить, а когда они съ добрыми извѣстіями къ ней Ханшѣ возвратятся, то она и больше радоваться и Е. И. Величества милости прославлять, а его тайн. сов. благодѣянія чувствовать имѣетъ". Вслѣдъ за симъ Неплюевъ предложилъ Хану отправиться, вмѣстѣ съ нимъ, на мѣсто, гдѣ должна была совершиться конфирмація Хана. На разстояніи саженъ десяти отъ губернаторской кибитки къ р. Яику, былъ разостланъ большой казенный съ золотомъ персидскій коверъ", вокругъ котораго были поставлены киргизскіе старшины, болѣе

---

a) Тамъ же, л. 38 на оборотѣ.
b) Тамъ же, л. 39 на оборотѣ.

ста человѣкъ, во главѣ съ ханскимъ есауломъ, а по-одаль находились толпы любопытныхъ „всякаго званія людей,“ собравшихся посмотрѣть па небывалое еще въ Оренбургѣ торжество.

Когда Ханъ и прочія лица, находившіяся въ палаткѣ, заняли на коврѣ свои мѣста, Неплюевъ приказалъ переводчику объявить всѣмъ салтанамъ и старшинамъ киргизскимъ, что „Е. И. Величество, изъ высочайшаго своего къ нимъ милосердія, по ихъ избранію и по всеподданнѣйшему прошенію, Нурали-Салтана киргизъ-кайсацкимъ ханомъ всемилостивѣйше конфирмовать изволила, и на то ханское достоинство соизволила пожаловать патентъ и особливые знаки высочайшей своей милости, и чтобъ они этотъ ханскій патентъ всѣ внятно слушали:“ Въ это время изъ особаго ящика, обитаго краснымъ сукномъ, былъ вынутъ подлинный патентъ и прочитанъ сначала по-русски ассесоромъ Рычковымъ,[a] а потомъ по-татарски толмачемъ Гуляевымъ. Неплюевъ тутъ же предложилъ Хану принять присягу, на что Нурали отвѣтилъ, что „онъ то отъ всего своего сердца исполнить долженъ и желаетъ;“ затѣмъ Ханъ всталъ на колѣни и ахунъ, съ Кораномъ въ рукахъ, громко прочиталъ присягу по формѣ, присланной изъ Коллегіи Иностр. Дѣлъ.[b] Послѣ принятія Ханомъ присяги, ассесоръ Рычковъ и двое губернскихъ секретарей Ивановъ и Коптяжевъ надѣли на Хана дорогую соболью шубу и саблю, пожалованныя ему Императрицей, а Неплюевъ подалъ Хану жалованную шапку, которую онъ тотчасъ же надѣлъ на свою голову; затѣмъ Неплюевъ вручилъ Нурали патентъ на ханское достоинство; принявъ его, Ханъ поцѣловалъ и поднялъ на голову. Въ заключеніе всей церемоніи, была прочитана высочайшая грамота[c] о возведеніи Нурали въ киргизъ-кайсацкіе ханы, присланная изъ Коллегіи Ин. Дѣлъ съ Джанъ-Бекъ-Салтаномъ. Выслушавъ грамоту и краткую рѣчь губернатора, по случаю настоящаго торжества, салтаны, старшины и біи киргизскіе „за высочайшую Е. И. Величества милость благодарили и, по крайней своей возможности, исполнять обѣщались:“—Начались поздравленія новоконфирмованнаго Хана; заиграла „музыка съ литаврами; при томъ же палено было изъ семи пушекъ и учиненъ бѣглымъ огнемъ залпъ одинъ разъ:“—Такъ совершился обрядъ конфирмаціи Нурали въ киргизскіе ханы.

Когда всѣ возвратились въ губернаторскую кибитку, Хану было подано письмо[d] канцлера А. П. Бестужева-Рюмина „съ пристойнымъ ему

a) П. И. Рычковъ, извѣстный историкъ Оренб. края.
b) См. въ приложеніи.
c) См. въ приложеніи.
d) См. въ приложеніи.

объявленіемъ о благосклонности къ нему отъ Его Сіятельства, которое онъ Ханъ принялъ съ надлежащимъ почтеніемъ и благодарностью", и просилъ Неплюева не оставить его своими совѣтами и наставленіями. Воспользовавшись благопріятнымъ случаемъ, Неплюевъ сказалъ Хану, что онъ всѣми силами постарается содѣйствовать благополучію киргизъ-кайсацкаго народа и, обратившись къ старшинамъ, объяснилъ имъ, какъ они должны почитать своего Хана и исполнять Е. И. Величества высочайшія повелѣнія. Между тѣмъ въ четырехъ большихъ палаткахъ приготовлено было „для трактованія" восемь столовъ. Въ главной палаткѣ за однимъ столомъ находились: Неплюевъ, Ханъ, генералъ-маіоръ фонъ-Штокманъ, двое полковниковъ, салтаны и лучшіе киргизскіе старшины, а за другимъ—прочіе штабъ-офицеры и старшины; въ остальныхъ трехъ палаткахъ „были трактованы со всякимъ удовольствіемъ" прочіе оберъ-офицеры и старшины. Во время обѣда было предложено семь тостовъ: первый тостъ, при пальбѣ изъ 14 пушекъ, былъ провозглашенъ за здоровье Е. И. Величества; второй, при стрѣльбѣ изъ 9 пушекъ,—за здоровье Ихъ Императорскихъ Высочествъ; третій—за всѣхъ вѣрноподданныхъ Е. И. Величества; четвертый—за Хана со всею его фамиліею и со всѣмъ подчиненнымъ ему киргизъ-кайсацкимъ народомъ и за благополучное его правленіе; пятый, по предложенію Нурали-Хана и генерала фонъ-Штокмана, за здоровье Неплюева; шестой—за генералъ-маіора фонъ-Штокмана, штабъ и оберъ-офицеровъ со всею воинскою командою; и седьмой—за благословеніе Божіе городу Оренбургу, яко по высочайшему Е. И. Величества повелѣнію, для пользы и защищенія киргизъ-кайсацкаго народа, построенному и живущихъ въ немъ; каждый тостъ, начиная съ третьяго, сопровождался пальбою изъ пяти пушекъ. Въ то же время „люди и кощеи были трактованы особо въ лагерѣ какъ пищею, такъ и питьемъ со удовольствіемъ," при чемъ были угощаемы и купцы изъ татаръ, хивинцевъ, бухарцевъ, ташкенцевъ и кашгарцевъ, ибо того запрещать было несходно, яко собрались для смотрѣнія". Для оставшихся въ ханскомъ лагерѣ и возвратившихся туда съ дороги, по желанію Хана, было послано 13 барановъ и быкъ мяса, 3 ведра горячаго вина, 6 ведоръ меду, 10 ведеръ сбитня и штофъ гданской водки. Угощеніемъ распоряжались нѣсколько толмачей и особо назначенный для того оберъ-офицеръ. Киргизы весьма были рады даровому угощенію, и „многіе изъ нихъ напились до-пьяна, такъ-что и *нагіе ходили*, однакожъ безъ всякаго замѣшанія," и остались весьма довольны и пищею, и питьемъ.[a]

а) Тамъ же, л 43. л. 49

По окончаніи обѣда, Ханъ благодарилъ Неплюева за Айчувакъ-Салтана, котораго Нурали нашелъ „въ лучшемъ здоровьѣ, чѣмъ онъ въ Ордѣ былъ", и просилъ, чтобы и „Адиль-Салтанъ такъ же былъ содержанъ, какъ и его братъ". Когда гостямъ поданъ былъ кофе, Неплюевъ „въ генеральныхъ терминахъ снова напомнилъ старшинамъ объ ихъ обязанностяхъ въ отношеніи новопоставленнаго хана. Послѣ того за дворомъ была устроена „экзерциція Пензенскаго полку гранадирской роты, съ пальбою изъ ружей и метаніемъ шлаговъ, которой, якоже и ихъ проворности и скорости во всѣхъ экзерциціяхъ и въ пальбѣ, весьма Ханъ, салтаны и старшины дивились и войска Е. И. Величества восхваляли". Вечеромъ, когда уже стемнѣло, близь р. Яика было сожжено, въ удовольствіе гостей, нѣсколтко „верховыхъ, водяныхъ, также земляныхъ ракетъ", а въ 11 часу Ханъ отъѣхалъ въ свою ставку, въ сопровожденіи подполковника Кудрявцева и конвойныхъ драгунъ и казаковъ, въ той же коляскѣ, въ которой былъ привезенъ на торжество конфирмаціи; за Ханомъ отправились вскорѣ салтаны и старшины, а Неплюевъ и Айчувакъ-Салтанъ съ прочими чинами возвратились въ городъ. Въ первомъ часу пополуночи Кудрявцевъ возвратился отъ Хана и доложилъ Неплюеву, что Ханъ остался весьма доволенъ и приказалъ „за все благодарить губернатора". Такимъ образомъ весь день 10 іюля, съ ранняго утра и до самой полуночи, прошелъ въ различныхъ церемоніяхъ, угощеніи и удовольствіяхъ, устроенныхъ для степныхъ обитателей, по случаю конфирмаціи ихъ Хана, но этимъ дѣло еще не кончилось.

На другой день предъ полуднемъ Нурали прислалъ отъ себя „благодарить губернатора за высочайшую Е. И. Величества милость, наканунѣ къ нему оказанную, и за всѣ его тайнаго совѣтника благожеланія", прося у него позволенія видѣться съ нимъ въ его домѣ, „для разговора о народныхъ и прочихъ дѣлахъ, и пріѣхать для того въ городъ съ своими братьями". Неплюевъ отправилъ къ Хану коляску, запряженную цугомъ, въ сопровожденіи поручика Сергіевскаго полка Максютова, знающаго киргизскій языкъ, почетнаго конвоя, состоящаго изъ 12 гренадеръ и 12 казаковъ при 2-хъ унтеръ-офицерахъ. Въ седьмомъ часу вечера Ханъ прибылъ въ Оренбургъ и сначала заѣхалъ къ своему брату Айчувакъ-Салтану, у котораго оставался съ часъ, а въ началѣ 9 часа явился къ губернатору, въ сопровожденіи своихъ братьевъ и зятя Джанъ-Бекъ-Салтана, бывшаго у двора Е. И. Величества. При въѣздѣ Хана во дворъ губернатора, равно какъ и у городскихъ воротъ, „была отдана ему честь отъ стоящаго тутъ караула ружьемъ съ барабаннымъ боемъ и съ музыкою, а пальбы и никакого параду для того его въ городъ пріѣзду не

было."[a] При выходѣ изъ коляски, Нурали былъ принятъ полковникомъ Пальчиковымъ, а въ сѣняхъ встрѣтилъ Хана самъ хозяинъ и за руку ввелъ его въ залъ, въ которомъ заранѣе было собрано нѣсколько служащихъ при губернаторѣ лицъ. Неплюевъ предложилъ дорогому гостю кресло (направо отъ себя), братья Хана и Джанъ-Бекъ-Салтанъ сѣли на стулья. Хозяинъ благодарилъ Нурали за вчерашнюю компанію, а Ханъ его—за угощеніе.

Разсматривая находившіяся въ залѣ губернатора картины, Ханъ съ особеннымъ любопытствомъ „примѣчалъ персоны Ея Императорскаго Величества и Его Императорскаго Высочества, въ золотыхъ рамахъ стоящія." Затѣмъ Неплюевъ попросилъ всѣхъ удалиться изъ зала, оставивъ при себѣ только ассесора Рычкова, секретаря Коптяжова, поручика Максютова и толмача Гуляева; Адиль-Салтанъ уѣхалъ раньше, Чингизъ-Салтанъ, Джанъ-Бекъ и служитель ихъ Байбекъ были выведены въ другую комнату, такъ-что при Нурали остались только трое изъ его братьевъ: Эрали, Козь-Ахметъ и Айчувакъ. Началась болѣе откровенная и оживленная бесѣда между Неплюевымъ и Нурали, которая длилась за полночь и только въ часъ почи Ханъ простился съ радушнымъ хозяиномъ и отбылъ въ свою ставку такъ-же, какъ и былъ привезенъ, т. е., въ коляскѣ и съ конвоемъ. На другой день въ ханскій лагерь было отправлено на пищу 10 барановъ, одинъ быкъ, 20 ведръ пива, ведро меду и ведро сбитню да на 92 к. лѣкарствъ для Хана. 13 Іюля Нурали былъ приглашенъ на обѣдъ къ губернатору. Въ 2 ч. пополудни Ханъ прибылъ на обѣдъ и былъ принятъ хозяиномъ въ особый палаткѣ, устроенной для него на дворѣ, зало же было заставлено столами для обѣда. Вмѣстѣ съ Ханомъ явились его братья, салтаны и старшины съ находящимися при нихъ знатными киргизами, такъ-что палатка даже не могла и вмѣстить всѣхъ. Пока приготовляли обѣдъ, въ палаткѣ происходилъ взаимный обмѣнъ мыслей хозяина съ гостями, *относительно торговли съ средне-азіатскими купцами и народами*. Неплюевъ, пользуясь случаемъ, всячески старался разъяснить киргизцамъ, что они, въ интересахъ Ея Императорскаго Величества и своихъ собственныхъ, должны оказывать всякое содѣйствіе проѣзжающимъ чрезъ ихъ кочевья азіатскимъ купцамъ.

Нурали-Ханъ, между прочимъ, сказалъ, что „напредь сего, при первомъ еще отца ихъ, Абулъ-Хаира, съ брегадиромъ Тевкелевымъ свиданіи, между ними положено было, дабы которые изъ россійскихъ мѣстъ *съ крас-*

а) Тамъ же, л. 44 наоборотѣ.

ною печатью въ ордѣ ихъ быть случатся, тѣхъ по онымъ, а которые изъ ордъ ихъ въ россійскія мѣста съ его Абулъ-Хаиръ-Хана печатью пріѣзжать будутъ, тѣхъ-бы по онымъ свободно принимать и препровожденіе имъ чинить"; нарушителей же этого условія киргизцы грабили, не считая то за преступленіе, пока Неплюевъ чрезъ нарочно посланнаго не объявилъ Хану, что „то съ высочайшимъ Ея Импор. Величества соизволеніемъ не сходно." Опираясь на договоръ своего отца съ Тевкелевымъ, Нурали желалъ, чтобы всѣ азіатскіе купцы, проѣзжающіе чрезъ киргизскую степь въ Оренбургъ, являлись къ нему „за печатью для проѣзду своего и за то его, Хана, по древному ихъ обыкновенію, дарили."

Неплюевъ, не отрицая упомянутаго Нурали условія его отца съ Тевкелевымъ, обратилъ вниманіе Хана на то, что иные купцы проѣзжаютъ въ Оренбургъ въ значительномъ разстояніи отъ его кочевьевъ, а потому безъусловное исполненіе ими желанія Нурали можетъ представить большія затрудненія для нихъ и повредить развитію мѣновой торговли русскихъ съ средне-азіатскими народами: кашгарцами, бухарцами, хивинцами, сартами и др. Въ предотвращеніе этого и не желая нарушать прежняго договора, Неплюевъ предложилъ Хану, чтобы онъ снабдилъ своею печатью и братьевъ; тогда купцы, смотря по разстоянію, могли-бы обращаться „за печатью для проѣзду" или лично къ нему Хану или же къ которому-либо изъ его братьевъ, тѣ же изъ купцовъ, которые будутъ находиться на разстояніи, напримѣръ, пяти и болѣе дней пути отъ ставки Хана и кочевьевъ братьевъ его, могли бы проѣзжать и такъ, безъ печати. Нурали, согласившись съ Неплюевымъ, все-таки просилъ его, чтобы „тѣ купцы, которымъ ни у него, ни у братьевъ его въ Ордѣ быть и печати взять не случится и ежели имъ, бывъ здѣсь, возвратно чрезъ улусы Меньшей Орды ѣхать надобно будетъ, такіе-бъ брали печати у обрѣтающагося здѣсь (въ Оренбургѣ) Адиль-Салтана, чего ради онъ, Ханъ, ему Адиль-Салтану и печать дать хотѣлъ, а будо у него Адиль-Салтана не возмутъ и не въ отдаленіи будутъ, то-бъ и отсель ѣдучи на дорогѣ потому жъ ему Хану и братьямъ его, къ кому способнѣе будетъ, являлись и печати брали." Неплюевъ согласился съ Нурали и обѣщался объявить о томъ всѣмъ азіатскимъ купцамъ, пріѣзжающимъ въ Оренбургъ для торгу.

Кромѣ того, Нурали обратилъ вниманіе Неплюева и на то, что „съ начала нынѣшняго лѣта" распространился у нихъ слухъ, яко здѣсь россійскіе купцы, за довольнымъ сюда азіатскими купцами ввозѣ серебра, на ихъ киргизскіе товары уже и не глядятъ, а у нихъ до такого товару, т. е. серебра, нѣтъ, и хотя они видятъ, что имъ такого на ихъ товаръ презрѣнія здѣсь нѣтъ, однакожъ до въ народѣ ихъ не безъразмышленія

есть, не послѣдуетъ-ли затѣмъ ввозомъ того серебра, яко для россійскихъ купцовъ сходнѣйшимъ товаромъ, въ мѣнѣ съ ними киргизцами уничтоженія и оттого они въ потребныхъ для себя вещахъ не возъимѣли бы нужды, для неумѣренной дороговизны."[a]

Неплюевъ старался успокоить Хана, что, не смотря на значительный ввозъ серебра средне-азіатскими купцами, мѣна съ киргизцами русскихъ купцовъ шла, идетъ и будетъ идти всегда бойко, потому что у азіатскихъ купцовъ нѣтъ тѣхъ товаровъ, какіе привозятъ киргизцы, а вслѣдствіе этого цѣны на послѣдніе не только не понижаются, а напротивъ повышаются, возвышенія же цѣнъ на русскіе товары не замѣчается. Съ другой стороны, большинство русскихъ купцовъ не имѣетъ тѣхъ товаровъ, которые вымѣниваются на серебро, а потому и занимаются преимущественно мѣною съ киргизцами. Нурали также обратилъ вниманіе губернатора и на то, что „многіе изъ киргизъ-кайсакъ, въ улусахъ чиня у прочихъ кражи, приводятъ и продаютъ здѣсь краденныхъ лошадей и вѣдая, что онѣ краденныя, продажею такъ поспѣшаютъ, что за безцѣнокъ отдаютъ, и для того-бъ такихъ краденныхъ лошадей россійскимъ купцамъ покупать было запрещено."[b] На вопросъ Неплюева, какъ отличить краденныхъ лошадей отъ некраденныхъ, Ханъ отвѣчалъ, что за этимъ могъ-бы слѣдить кто-либо изъ киргизскихъ старшинъ, пріѣзжающихъ на Мѣновой дворъ, и если которыя лошади признаны будутъ имъ за краденныхъ, таковыя должны быть возвращаемы ихъ хозяевамъ, хотя-бы онѣ и были уже куплены русскими. Неплюевъ призналъ такую мѣру нераціональной: старшина не могъ же знать всѣхъ лошадей, а если-бы и зналъ, то не имѣлъ-бы возможности одинъ усмотрѣть за всѣми; русскіе купцы, покупая лошадей, конечно, не могли знать, краденную-ли лошадь покупаютъ они или некраденную, а потому отнимать у нихъ уже купленную лошадь было-бы не справедливо. Чтобы примирить интересы обѣихъ сторонъ, Неплюевъ предложилъ такую мѣру къ прекращенію зла: если кто-либо изъ киргизцовъ „краденную киргизскую лошадь опознаетъ, таковаго вора велѣть таможеннымъ приставникамъ," не упущая съ Мѣноваго двора, объявлять, почему таможенные приставники могутъ ихъ задерживатъ и, разбирая по справедливости, наказывать, а хозяевамъ, у кого лошадь украдена, взыскивая съ нихъ воровъ, плату чинить, а сверхъ того можно и изъ будущихъ при Адиль-Салтанѣ старшинъ, когда здѣсь торгъ бываетъ, по одному каждодневно туда ходить, который какъ мѣну киргизкайсайцкую видѣть, такъ и ихъ

---

a) Тамъ же, л. 49 наоборотѣ
b) Тамъ же, л. 50.

ордынскія извѣстія слышать и Адилъ-Салтану объявлять можетъ, и ежели и онъ въ продажѣ краденныхъ лошадей кого изъ киргизцевъ усмотритъ, то по вышеписанному-жъ поступать долженъ."[а] Нурали-Ханъ, изъявляя свое удовольствіе и согласіе на предложеніе губернатора, просилъ, что-бы разбирательство дѣлъ о продажѣ и куплѣ краденныхъ лошадей было поручено самому Адиль-Салтану или уполномоченному отъ него старшинѣ. Неплюевъ, обѣщаясь исполнить желаніе Хана, замѣтилъ, что можетъ допустить это только въ тѣхъ случаяхъ, когда продавецъ и покупщикъ краденныхъ лошадей будутъ киргизы, а „ежели дѣло случится у киргизца съ русскимъ, то разбирать таможеннымъ приставамъ," чѣмъ Ханъ и старшины остались довольны. Разговоръ кончился. Хозяинъ пригласилъ гостей къ столу. Около трехъ часовъ по полудни начался обѣдъ, за которымъ, кромѣ Хана и салтановъ, было „однихъ старшинъ и прочихъ, кои не изъ самой подлости, *болѣе ста человѣкъ,* кромѣ самыхъ подлыхъ, которые особо на дворѣ кормлены и поены," такъ-какъ „всѣ они въ одномъ залѣ умѣститься не могли," а иные были угощаемы въ „другой каморѣ" и въ той палаткѣ, гдѣ былъ принятъ Ханъ и „гдѣ прежде о дѣлахъ говорено."

Во время обѣда было предложено семь тостовъ съ пушечною пальбою: 1) за здоровье Ея Императорскаго Величества; 2) за здоровье Ихъ Императорскихъ Высочествъ; 3) за вѣрноподданныхъ Ея Императорскаго Величества всякаго народа и званія; 4) за Хана со всею его фамиліею и со всѣмъ подчиненнымъ ему кайсацкимъ народомъ и за благополучное его правленіе; 5) за здоровье тайнаго совѣтника И. И. Неплюева; 6) за генералъ-маіора фонъ-Штокмана, со всѣми штабъ и оберъ-офицерами и со всею воинскою командою; и 7) за благословленіе Божіе городу Оренбургу, яко по Высочайшему Ея Импер. Величества указу, для пользы и защищенія Киргизъ-кайсацкаго народа, построенному и живущихъ въ немъ. Первый тостъ сопровождался пальбою изъ 7 пушекъ, второй изъ 5, остальные—изъ 3 пушекъ.

По окончаніи обѣда, хозяинъ пригласилъ Хана въ особливую комнату, нарочно для него убранную и устланную коврами, гдѣ между Неплюевымъ и Нурали нѣсколько времени велась бесѣда, въ присутствіи генерала фонъ-Штокмана, ассесора Рычкова, секретаря Коптяжова и толмача Гуляева, братья-же Хана и прочіе гости оставались въ залѣ. По окончаніи бесѣды съ Ханомъ, Неплюевъ вышелъ въ зало и, по просьбѣ

а) Тамъ же, л. 52.

Хана и старшинъ, объявилъ свободу пяти киргизцамъ, содержащимся въ *Пречистенской* крѣпости, взятымъ русскими въ плѣнъ въ 1748 году подъ Астраханью, чѣмъ Ханъ и бывшіе съ нимъ остались весьма довольны.

Между тѣмъ генералъ-маіоръ фонъ-Штокманъ выразилъ желаніе, чтобы губернаторъ и Ханъ съ салтанами и старшинами, съ штабъ и оберъ-офицерами пожаловали къ нему въ домъ. Здѣсь ожидали Хана и его свиту штабъ и оберъ-офицерскія жены, во главѣ съ генеральшей фонъ-Штокманъ, одѣтыя въ бальные костюмы. Когда прибыли желанные гости, начались танцы, чему „Ханъ и всѣ киргизцы не мало дивились и веселились,“ а въ заключеніе вечера было пущено „нѣсколько ракетъ, оставшихся отъ 10 числа за бывшимъ тогда дождемъ“, чѣмъ Ханъ и старшины остались весьма довольны и въ 10 часу отбыли въ свой лагерь.[a]

На другой день и 15 іюля киргизскимъ салтанамъ, старшинамъ и простымъ киргизамъ было роздано разныхъ подарковъ на 1203 рубля $75^{1}/_{2}$ коп.,[b] а въ ханскій лагерь было послано: 3 быка, 30 барановъ, 19 ведеръ сбитня, $6^{1}/_{2}$ ведеръ горячаго вина, 20 в. пива, одно ведро меду и два штофа гданской водки. Айчувакъ-Салтанъ, явившись къ Неплюеву, благодарилъ его за отеческія заботы о немъ, высказавъ, что онъ „имѣлъ счастіе и милость отъ него тайнаго совѣтника сыномъ названнымъ быть, къ тому еще въ примѣръ же приложилъ, что онъ такъ, какъ у родной своей матери въ утробѣ, близъ цѣлаго года здѣсь содержался, но съ тою токмо разностью, что отъ родной своей матери на свѣтъ нагой произошелъ, а нынѣ отсюда отъѣзжаетъ въ платьѣ и со всякими полезными наставленіями.“[c] Утромъ 15 іюля Айчувакъ-Салтанъ чрезъ ахуна былъ приведенъ къ присягѣ, къ которой онъ самъ приложилъ руку, и получилъ на 120 р. 20 коп. разныхъ подарковъ и въ 22 руб. саблю, присланную ему при указѣ Ея Императорскаго Величества изъ Коллегіи Иностр. Дѣлъ.[d] Въ тотъ же день въ загородномъ домѣ губернатора предполагался обѣдъ и къ Хану была отправлена коляска, заложенная шестеркой лошадей, съ поручикомъ княземъ Максютовымъ и переводчикомъ Гуляевымъ; первый долженъ былъ пригласить Нурали на обѣдъ къ губернатору, а второй передать Хану разныхъ подарковъ для киргизцовъ на 300 р. Но Ханъ не нашелъ возможнымъ для себя воспользоваться въ этотъ день любезностью Неплюева. Обѣдъ состоялся 16 іюля уже въ городѣ, въ домѣ губернатора. Ханъ прибылъ на обѣдъ въ 11 ч. утра, въ сопровожденіи салтановъ, старшинъ и нѣсколькихъ знатныхъ киргиз-

---

a) Тамъ же, л. 53, 57.
b) Тамъ же, л.л. 60, 65 на оборотѣ, 66, 69.
c) Тамъ же, л. 62 и 65 на оборотѣ.
d) Тамъ же, л. 65 на оборотѣ.

цевъ.—Время до обѣда прошло въ разговорѣ о превосходствѣ мѣстоположенія Оренбурга предъ Орскомъ, объ отношеніи къ киргизцамъ зюнгоровъ, о вымѣнѣ плѣнныхъ и т. п.; Нурали также просилъ Неплюева о пожалованіи въ тарханы Утятливъ-Бія. Послѣ обѣда, по выходѣ изъ—за стола, Утятливъ-Бій былъ пожалованъ въ тарханы, приведенъ къ присягѣ и получилъ грамоту на тарханство;[a] тогда же, по собственному желанію, былъ приведенъ къ присягѣ и Дусалей-Салтанъ, двоюродный братъ Нурали по отцѣ, и собственноручно подписалъ присяжный листъ, ибо, „живя 15 лѣтъ въ Хивѣ, онъ татарской грамотѣ достаточно научился.“ Вслѣдъ за тѣмъ подали кофе. Ханъ просилъ еще о награжденіи нѣкоторыхъ киргизцевъ, „которые въ роспись не вошли, а ему Хану весьма потребны,“—губернаторъ охотно па то согласился.

Желая поговорить съ Нурали наединѣ, Неплюевъ предложилъ ему прокатиться по городу и за городъ, чтобы Ханъ могъ ознакомиться „съ ситуаціей Оренбурга и съ крѣпостью.“ Ханъ съ удовольствіемъ принялъ это предложеніе. Скоро подали лошадей. Неплюевъ сѣлъ въ одну коляску съ Ханомъ и толмачемъ; Эрали-Салтанъ помѣстился въ другой коляскѣ съ полковникомъ Пальчиковымъ, въ третью сѣли Айчувакъ-Салтанъ и Козь-Ахметъ-Салтанъ, а въ четвертую—Дусали-Салтанъ и ассесоръ Рычковъ, остальные же гости, бывшіе у губернатора, отправились на лошадяхъ верхами. Сначала катающіеся осматривали городъ, затѣмъ съѣздили и за городъ. Нурали, смотря на строенія, не мало дивился тому, что въ столь короткое время такъ много было застроено, особенно же онъ удивлялся городской стѣнѣ и рву, сдѣланнымъ вокругъ всего города, „такожъ и ситуаціи мѣста, разсуждая, что она предъ Орскою несравненно лучше“. Во время этой прогулки Неплюевъ завозилъ Хана и на Артиллерійскій дворъ, гдѣ Нурали и его братья „изъявляли не малое удивленіе о множествѣ и исправности артиллеріи, а особливо дивились имѣющимся въ цейхгаузѣ мортирамъ.“ Послѣ прогулки, всѣ катающіеся заѣхали на квартиру къ Адиль-Салтану. Нурали, взявъ своего брата за руку, подвелъ его къ Неплюеву и „просилъ прилежно, чтобы онъ такъ-же отечески относился къ нему, какъ и къ Айчувакъ-Салтану. Неплюевъ обѣщалъ сдѣлать все возможное для Адиль-Салтана и отправился въ свой домъ, а Ханъ и салтаны остались у Адиля. Спустя четверть часа, салтаны, кромѣ Хана, пріѣхали снова къ губернатору за полученіемъ подарковъ, которыхъ и было роздано имъ на 308 р. 45½ к.

По отъѣздѣ салтановъ, прибылъ къ Неплюеву и Ханъ. Нурали получилъ въ подарокъ на полукафтанье 8 аршинъ золотой парчи, по 6 р. 50 коп.

---

a) Тамъ же, л. 76 на оборотѣ. На л. 113 приложена копія съ указа на тарханство Утятливъ-Бію, за № 180, на русскомъ и татарскомъ языкахъ.

за аршинъ, и одинъ *итальянскій* платокъ въ 1 р. 70 коп. да, кромѣ того, Неплюевъ отъ себя подарилъ Нурали зрительную трубу, хорошей работы табакерку и палатку, въ которой жилъ Ханъ, со всѣми къ ней принадлежностями. Трубу и табакерку Ханъ взялъ съ собой, а золотую парчу просилъ прислать къ нему. въ лагерь и передать такъ, что-бы другіе не видали.[a] Братья Хана также просили переслать подаренныя имъ вещи къ Айчувакъ-Салтану, тихонько отъ старшинъ и киргизцевъ,[b] вѣроятно, изъ опасенія зависти со стороны послѣднихъ. Провожая Хана, Неплюевъ обѣщался отплатить ему на слѣдующій день визитъ. Отъ губернатора Нурали заѣхалъ къ Адиль-Салтану, общему любимцу ханской семьи, гдѣ немного побывъ, съ немалыми взаимными слезами простился съ Адалемъ и со всѣми бывшими при немъ, а затѣмъ отъѣхалъ въ свой лагерь, куда вечеромъ возвратился и Айчувакъ-Салтанъ съ своей свитой.

На 17 іюля назначенъ былъ отъѣздъ Хана въ степь. Утромъ въ этотъ день было отправлено въ ханскій лагерь: 3 штофа гданской водки на 3 р. 60 коп., 2 ф. чаю на 2 р., 2 гол. сахару въ 7 ф., на 1 р. 75 коп., бумаги и носоваго табаку 5 ф., приправленнаго аптекарскими духами, на $71^1/_2$ коп., лѣкарствъ разныхъ на 4 р. 78 коп.; салтанамъ Эрали и Ходжѣ-Ахмету лѣкарствъ на 3 р. 28 коп.; Дусали-Салтану чаю на 1 р., сахару на $87^1/_2$ коп. и лѣкарствъ на 99 коп.; Айчувакъ-Салтану: гданской водки штофъ на 1 р. 20 коп., бумаги и нюхательнаго табаку на $71^1/_2$ коп., лѣкарствъ на 1 р. 54 коп., 30 деревянныхъ блюдъ на 60 коп. и чаю на 1 р.; для Хана, салтановъ и народа на пищу: 1 бикъ, 10 барановъ и вина горячаго простаго 3 ведра. Кромѣ того, въ тотъ же день было роздано 30 киргизцамъ и ханскому зятю Клычькорѣ-Салтану чрезъ ассесора Рычкова сукна, камки и кожъ на 52 р. 40 к.[c]

Въ самый день отъѣзда Хана, Неплюевъ посѣтилъ Нурали, имѣя при себѣ генералъ-маіора фонъ-Штокмана, нѣкоторыхъ штабъ и оберъ-офицеровъ, а также конвой, состоящій изъ драгунской гренадерской роты и сотни казаковъ. Встрѣтивъ губернатора у коляски, Ханъ пригласилъ его и бывшихъ съ нимъ войти въ палатку. Во время разговора съ Ханомъ и салтанами, Неплюевъ особенно старался внушить имъ, что „какъ Ея Императорскаго Величества милость велика есть, такъ напротивъ того за неисполненіе указовъ и гнѣвъ Ея Величества, ежель паче чаянія отъ нихъ прогнѣвана будетъ, *страшенъ есть*."[d] Обѣщаясь вѣрой и правдой служить Государынѣ, Нурали жаловался на обиды Яицкихъ казаковъ,

---

a) Тамъ, л. 81 на оборотѣ.
b) Тамъ же, л. 81.
c) Тамъ же, л. 83 на оборотѣ и 84.
d) Тамъ же, л. 86.

въ отношеніи киргизцевъ. Неплюевъ отвѣтилъ, что онъ „ни о какихъ обидахъ, отъ войска Яицкаго причиненныхъ имъ, не знаетъ и жалобъ не слыхалъ, но то вѣдаетъ, что оное войско во время прошлой зимы само отъ себя учинило имъ не малое благодѣяніе; развѣ, можетъ быть, какіе изъ нихъ бездѣльники надъ табунами ихъ малой пакости не сдѣлали-ль; но и сего было не слышно, а напротивъ того отъ киргизъ-кайсаковъ, какъ то уже и ему Хану сообщено, четыре человѣка въ Орду увезены а три человѣка уходомъ къ нимъ ушли и по иску еще не отысканы." [a]

Нурали-Ханъ, ссылаясь на обширность степи и на отсутствіе въ ней постоянныхъ поселеній, высказалъ, какъ трудно и неудобно „чинить ему сыски плѣнныхъ;" однакожъ, не смотря на то, обѣщался употребить всѣ мѣры къ розыску плѣнныхъ, увезенныхъ киргизами въ степь. Въ то же время Нурали заявилъ, что „третьяго года на за-Яицкой степи отъ башкирцевъ и ихъ киргизъ-кайсаковъ три или четыре человѣка убиты и въ томъ-де убивствѣ главнымъ былъ башкирской Даудъ-абызъ и просилъ, чтобы, онаго абыза сыскавъ, о томъ убивствѣ изслѣдовать, чѣмъ-де ихъ народъ весьма будетъ доволенъ". Неплюевъ отвѣчалъ, что „у него о семъ извѣстія не было, однако развѣдывать и, по развѣдываніи, сыскивать и съ виновными въ силѣ указовъ поступать не оставитъ." [b] Въ заключеніе своего разговора, Неплюевъ выразитъ желаніе, чтобы *„киргизъ-кайсаки старое поправляли, а вновь ничего худаго не дѣлали,"* рекомендуя салтанамъ и старшинамъ имѣть должное уваженіе и послушаніе къ своему Хану и обѣщаясь „у Ея Императорскаго Величества всегдашнее стараніе и ходатайство прилагать и ихъ благополучію споспѣшествовать." [c]

Неплюевъ простился съ Ханомъ и салтанами и направился къ своей коляскѣ. Провожая его, Нурали „весьма прилежно и съ немалымъ сожалѣніемъ просилъ, чтобы губернаторъ не оставилъ своимъ призрѣніемъ Адиль-Салтана паче прежнихъ его братьевъ, яко несовершеннаго возрастомъ, и что онъ, какъ отъ всѣхъ отъ нихъ любимый, весьма нѣжно содержанъ былъ." Нурали также просилъ Неплюева и о томъ, чтобы „для Адиль-Салтана Сорку-Батыря, у котораго въ улусѣ невѣста его Адилева находится, ежель онъ Серка будетъ зимою проситься на городовую сторону Яика рѣки, перепустить, и не запрещать ему Адилю къ его невѣстѣ пріѣзжать съ пристойной ассистенціей." Неплюевъ старался успокоить Хана, что „Адиль-Салтанъ будетъ содержанъ, по его состоянію, со всякимъ удовольствіемъ, и въ томъ-бы онъ Ханъ положился на него и былъ безпечаленъ." Относи-

---

a) Тамъ же л. 37.
b) Абызъ—ученый, мулла. Тамъ же л. 87 на оборотѣ.
c) Тамъ же, л. 88.

тельно разрѣшенія Серкѣ кочевать зимою на правомъ берегу Яика, Неплюевъ замѣтилъ: „хотя то и не невозможно, но на городовой сторонѣ способныхъ мѣстъ нѣтъ, ибо травы повсюду бываютъ выкошены, итако скоту прокормиться тамъ никакъ невозможно"; однакожъ, въ удовольствіе Хана и Адиля, губернаторъ „дозволилъ Серкѣ съ нѣсколькими кибитками, въ томъ числѣ и съ невѣстою Адиль-Салтана,[a] поселиться зимою на лѣвомъ берегу Яика рѣки, противъ Оренбурга, у самаго моста, гдѣ-бы женихъ съ его невѣстою, когда будетъ потребно, свиданіе могъ имѣть." Нурали поблагдарилъ Неплюева и пошелъ къ своей палаткѣ, раздумывая о будущемъ и принятыхъ имъ на себя обязанностяхъ. Неплюевъ и фонъ-Штокманъ сѣли въ коляску и хотѣли уже ѣхать, какъ Нурали повернулся назадъ и, поспѣшивъ подойти къ коляскѣ, обратился къ губернатору съ новой просьбой, что-бы онъ прислалъ ему для охоты беркута, а зимой „не оставилъ его Хана присылкою къ нему муки и крупъ". Неплюевъ, не отказываясь исполнить просьбу Хана, сказалъ, что-бы онъ присылалъ за хлѣбомъ своихъ лошадей или верблюдовъ, когда ему понадобится; затѣмъ, простившись съ Ханомъ, Неплюевъ отправился въ городъ, а Нурали возвратился въ свою палатку. Уѣзжая изъ лагеря, Нурали ничего съ собою не взялъ, кромѣ кресла, на которомъ онъ сидѣлъ при первой встрѣчѣ съ Неплюевымъ, вопреки обычаю своего отца, который обыкновенно все увозилъ съ собою; братья Нурали также взяли съ собой только свои два стула, все же остальное: палатки, посуду и т. п. покинули на мѣстѣ.[b] Вечеромъ премiеръ-маiоръ Кублицкiй, оставленный въ лагерѣ для проводовъ Нурали въ степь, доложилъ Неплюеву, что Ханъ отъѣхалъ въ степь и просилъ благодарить за всѣ оказанныя ему благодѣянія.[c]

Спустя недѣлю послѣ проводовъ Нурали-Хана, прибыли къ Оренбургу старшина Средней Орды Джанъ-Бекъ тарханъ и Букенбай-Батырь съ нѣсколькими знатными киргизцами, для свиданія съ губернаторомъ, и просили, чтобы имъ было дозволено остановиться внутри самаго города. По распоряженію Неплюева, для нихъ было раскинуто двѣ палатки и въ тотъ же день доставлено имъ, для продовольствія, два барана, ведро горячаго вина и ведро пива, а воду и дрова приказано „доставлять казенными людьми и лошадьми, а равно и посудою потребною удовольствовать". 25 іюля Неплюевъ принималъ у себя дорогихъ гостей, и, предложивъ имъ угощеніе, просилъ извинить, что за болѣзнію онъ не можетъ пригласить ихъ на обѣдъ, но „будетъ наблюдать, чтобы имъ посылаю-

a) Невѣста Адиль-Салтана была дочь бывшаго Аральскаго хана Шахъ-Темира, жена котораго находилась въ улусѣ Серки. Ильбарсъ-Ханъ, по смерти ея мужа, отдалъ ее съ двумя сыновьями и дочерью Серкѣ, опасаясь, чтобы хивинцы не убили его самого и не провозгласили-бы ханомъ котораго-либо изъ ея сыновей.
b) Тамъ же, л. 87.
c) Тамъ же, л. 87 на оборотѣ.

щимися казенными баранами и питьемъ неоскудное удовольствіе было." На другой день Джанъ-Бекъ привелъ къ Неплюеву яицкаго казака Григорія Кононова, который находился еще въ отрядѣ Бековича-Черкасскаго, бѣжалъ изъ хивинскаго плѣна къ каракалпакамъ, откуда и былъ выручонъ Джанъ-Бекомъ. Неплюевъ принялъ Кононова и поблагодарилъ Джанъ-Бека за освобожденіе его изъ плѣна. 27 іюля Джанъ-Бекъ представилъ Неплюеву въ аманаты отъ Средней Орды своего племянника Байбарака, обѣщаясь прислать и еще аманатовъ отъ Кипчакскаго рода.[a)]

Стараясь расположить къ себѣ и къ Россіи киргизцевъ, Неплюевъ не скупился ни на ихъ угощеніе, ни на подарки имъ. Изъ росписи расходовъ, представленной Неплюевымъ въ Колл. Ин. Дѣлъ, видно, что въ теченіе *десяти дней*, пока Нурали находился при Оренбургѣ, вышло: 70 в. простаго горячаго вина, 12 3/8 в. водки, 18 в. виноградпаго краснаго вина, 2 в. гданской водки, 127 в. пива, 15 в. уксусу, 24 пуда меду, 2 п. 22 3/4 ф. сахару, 16 ф. чаю, 4 п. 31 фун. коровьяго масла, 16 ф. лимоннаго соку, ягодъ и приправъ для кушаній на 16 р. 24 коп, 1000 яицъ, 16 быковъ и коровъ, 4 теленка, 186 барановъ, 5 молодыхъ барашковъ, 22 курицы, 25 утятъ, 135 циплятъ, полпуда ветчины, 29 пуд. пшеничной муки, 5 четвертей ржаной муки, 1 1/2 п. сорочинскаго пшена, 10 п. просяныхъ крупъ и т. д.,—словомъ, „на трактованіе" или угощеніе Нурали, салтановъ, старшинъ и бывшихъ съ ними киргизцевъ вышло 593 руб. 81 1/4 коп. Кромѣ того, на покупку разныхъ вещей для подарковъ Хану и его свитѣ употреблено 1786 р. 87 3/4 коп.; 507 р. 20 к. на подарки Айчувакъ-Салтану и бывшимъ при немъ старшинскимъ дѣтямъ, при замѣнѣ ихъ другими аманатами,[b)] и 201 р. 98 коп.—Джанъ-Бекъ тархану и Букенбай-Батырю съ бывшими при нихъ киргизцами,[c)] итого: 3089 р. 87 коп. Хотя тогда деньги и считали на ассигнаціи, но если принять въ соображеніе существовавшія въ то время на разные предметы цѣны, то 3089 руб. 87 коп. составятъ очень внушительную сумму.[d)]

---

a) Тамъ же, л.л. 91—96.

b) Тамъ же, л. 101—112.

c) Джанъ-Бекъ получилъ на 53 р. 83 к. разныхъ вещей, Букенбай на 27 р. 30 к., сынъ Джанъ-Бека на 20 р. 5 к. и 100 чел. киргизцевъ—на 98 р. 80 к. См. тамъ же, л. 96.

d) Съ этими цѣнами насъ знакомитъ роспись расходовъ, представленная Неплюевымъ въ Колл. Ин. Дѣлъ; изъ нея видно, что пудъ сѣяной пшеничной муки стоилъ 35 коп., несѣянной—25 коп., четверикъ ржаной муки 1 р. 14 3/4 коп., пудъ проса 25 коп., пудъ коровьяго масла 1 р. 20 к., сотня яицъ 25 коп., ведро уксусу отъ 15 до 20 коп., пудъ меду отъ 1 р. 20 к. до 2 р., пудъ говядины 50 коп., пудъ ветчины 80 коп., языкъ 9 коп., студень 8 коп., быкъ или корова 4 р., баранъ и теленокъ по 4 р., пудъ сахару 10 р., фунтъ деревяннаго масла 35 коп., ведро краснаго виноградпаго вина 2 р. 40 коп., ведро гданской водки 6 р., ведро простой водки 1 р. 88 коп., ведро горячаго простаго вина 94 коп., ведро пива отъ 11 до 12 коп., на 5 р. 59 коп. можно было купить 22 курицы, 25 утятъ и 135 циплятъ; разные сорта суконъ продавались отъ 85 коп. до 4 р. за аршинъ, парча отъ 4 р, 50 коп. до 6 р. 50 коп. за аршинъ, штофъ отъ 2 р. 50 коп. до 3 р., бобры по 4 р. 25 коп., выдры по 2 р. 50 коп. и т. п. См. тамъ же, л.л. 101—112.

Проводивъ Нурали-Хана и Джанъ-Бекъ тархана, Неплюевъ 9 августа того же года донесъ Коллегіи Ин. Дѣлъ о конфирмаціи Нурали въ киргизскіе ханы, съ приложеніемъ протокола и журнала о пріемѣ и „трактованіи“ Хана и его свиты. Коллегія Ин. Дѣлъ, одобривъ распоряженія Неплюева и утвердивъ произведенные имъ, по случаю пріема и угощенія киргизцевъ, расходы, предписала, чтобы онъ старался о замѣнѣ Адиль-Салтана, по истеченіи годичнаго срока, сыномъ самого Нурали, чего послѣдній не хотѣлъ, или, по крайней мѣрѣ, его племянникомъ, сыномъ Эрали-Салтана, и дѣтьми Исетя и Джанъ-Бека, какъ вліятельныхъ въ Ордѣ старшинъ, при коихъ, въ случаѣ крайности, если Ханъ не дастъ сына или племянника, могъ содержаться въ аманатахъ и Чингизъ „для виду“, сынъ Абулъ-Хаира, рожденный отъ калмычки.[a]

Возвратившись въ свои улусы, Нурали, обласканный и богато одаренный Неплюевымъ, уже мечталъ о мести за смерть своего отца. Абулъ-Хаиръ былъ погребенъ на мѣстѣ, находящемся въ разстояніи 5 дней ѣзды отъ Орской крѣпости. Недѣли черезъ двѣ по отъѣздѣ Хана изъ Оренбурга, Неплюевъ получилъ общее письмо отъ всей семьи Абулъ-Хаира. Ханша-Пупай, Нурали и братья его просили у губернатора тысячу или двѣ тысячи рабочихъ, чтобы, при помощи ихъ, можно было построить, не болѣе какъ въ 15 дней, *„знатное строеніе“* надъ могилою Абулъ-Хаира. Въ случаѣ отказа, Пупай, ея дѣти и народъ хотѣли вырыть тѣло покойнаго Хана и уйти съ нимъ въ Туркестанъ.[b]

Надѣясь, что Неплюевъ испугается угрозъ киргизцевъ откочевать къ Туркестану, Ханъ думалъ, что онъ согласится на построеніе памятника надъ могилою Абулъ-Хаира въ томъ видѣ, какъ это было ему предложено, и дастъ отъ одной до двухъ тысячъ рабочихъ, которыми Нурали предполагалъ воспользоваться, вмѣсто войска, для отмщенія Бараку. Не смотря на торжественное конфирмованіе въ киргизскіе ханы, Нурали не могъ надѣяться на безъусловное повиновеніе ему народа. Выборъ въ ханы Нурали, противорѣча желаніямъ многихъ изъ киргизцевъ, не былъ согласенъ и съ обычнымъ правомъ Киргизскаго народа, по которому ханское достоинство, по смерти Абулъ-Хаира, должно было перейти не къ сыну, а къ братьямъ умершаго, народъ же и біи всегда составляли главную основу внутреннихъ распорядковъ въ Киргизской степи. Владѣя родами, старшины и біи руководили ими по своему усмотрѣнію и направляли, смотря по обстоятельствамъ, то въ ту, то въ другую сторону. Вопреки своему убѣжденію, что „ханга

---

a) Указы 1749 г. въ Тург. обл. арх., по описи № 22, лл. 109—112. Подл. указъ Неплюеву, отъ 2 ноября 1749 г.
b) Тамъ же, л. 115.

карсылыкъ—Худайга карсылыкъ",[a] киргизцы неоднократно возставали противъ своихъ хановъ. Рычковъ замѣчаетъ, что „киргизы хановъ своихъ слушаютъ токмо тогда, когда хотятъ, а паче когда видятъ въ томъ собственную свою пользу",[b] а между тѣмъ пограничное начальство не имѣло достаточно матеріальной силы, чтобы бороться съ сотнями тысячъ киргизъ[c] и поддержать во всякое время созданнаго имъ Хана. Самъ Нурали хорошо сознавалъ это и, въ бытность свою въ Оренбургѣ, наединѣ говорилъ Неплюеву: „иные хотя и довольный видъ вѣрности показываютъ, но внутренне, можетъ быть, не такъ думаютъ",—словомъ, новый Ханъ, торжественно конфирмованный въ Оренбургѣ, долженъ былъ опасаться за свою власть, основанную на выборѣ и произволѣ однихъ только старшинъ, и потому уже непрочную.

Такимъ образомъ положеніе Нурали и его братьевъ было весьма непрочно и затруднительно: тщеславіе и, можетъ быть, надежда на независимость побуждали ихъ къ мести и къ войнѣ съ Баракомъ, а сознаніе своей слабости и страхъ предъ Русскимъ правительствомъ внушали имъ сдержанность и терпѣніе. Унаслѣдовавъ отъ отца честолюбіе и необыкновенную уклончивость характера, Нурали надѣялся поправить дѣло хитростью. Стремясь къ независимости, онъ еще въ 1748 году вошелъ въ сношеніе съ зюнгорскимъ владѣльцемъ и всѣми средствами старался скрыть это отъ Неплюева. Вскорѣ, по смерти Абулъ-Хаира, Нурали отправилъ въ Чжунгарію пословъ съ увѣреніемъ, что онъ готовъ сдержать слово своего отца—выдать за Цеванъ-Дорчжи-Нямгала[d] свою сестру, рожденную отъ калмычки, которая предъ тѣмъ была сосватана за Досали-Салтана[e]. Зюнгорскій владѣлецъ, довольный предложеніемъ Нурали, просилъ пріѣхалъ его, для личныхъ переговоровъ, самого или прислать, вмѣсто себя, одного изъ братьевъ съ двоими знатными салтанами. Послы Нямгала, отъ имени его, просили показать имъ невѣсту; Нурали, заботясь о расположеніи къ себѣ будущаго зятя, съ согласія матери и брата Эрали, показалъ посламъ свою сестру, хотя это было противно обычаямъ и вѣрѣ киргизцевъ.

Для окончательнаго рѣшенія дѣла, Нурали отправилъ съ посланцами Нямгала своего свояка Карабашъ-Салтана и Пичкакъ-Ходжапа вручивъ имъ для подарка жениху дорогую саблю. Обѣ стороны были заинтересованы въ этой свадьбѣ: Цеванъ-Дорчжа-Нямгалъ разсчитывалъ, что всѣ

---

a) Сопротивленіе Хану—сопротивленіе Богу.
b) Топогр. Оренб. губ., ч. 1, стр. 154 Изд. 1762 г.
c) Временникъ, кн. 13, Смѣсь, стр. 18 Ср. выше стр. 684.
d) Рычковъ называетъ его «Цевень-Даржа-Намжи» и «Цебень-Доржа» См. Топогр Оренб. губ:, ч. I, стр. 37 и 40. Изд. 1762 г. Ср. въ наст. моногр. стр. 740.
e) Указъ изъ Кол. И. Дѣлъ Неплюеву, отъ 2 ноября 1749 г. за № 414. Смотр. въ Тург. обл. арх. столб. указовъ за 1749 г., л. 117.

зюнгорцы, захваченные въ плѣнъ киргизами, согласно обѣщанію Абулъ-Хаира, будутъ возвращены или же, въ замѣнъ ихъ, будутъ представлены волжскіе калмыки, а Нурали, съ своей стороны, требовалъ, чтобы женихъ возвратилъ всѣхъ плѣнныхъ киргизъ, коихъ въ Чжунгаріи было немало, выдалъ Барака, отказался отъ притязаній на Ташкентъ и Большую Орду и уступилъ, вмѣсто калыма, Туркестанъ, гдѣ Нурали предполагалъ поселиться навсегда, для упроченія своей самостоятельности. Впрочемъ Намгалъ, предъявляя незначительныя требованія съ своей стороны о высылкѣ или замѣнѣ плѣнныхъ зюнгорцевъ, старался скрыть отъ Нурали настоящія свои стремленія, для осуществленія которыхъ онъ не щадилъ ни трудовъ, ни денегъ: вступивъ въ близкое родство съ Нурали, онъ надѣялся привлечь на свою сторону Хана и киргизскій народъ, удалить ихъ отъ Русской границы,[a] а со временемъ предъявить свои права на всю Киргизскую степь или вручить управленіе ею своему сыну, который могъ родиться у него отъ дочери Абулъ-Хаира.

Мы уже знаемъ, какъ Нурали, во время своего свиданія съ Неплюевымъ, старался всегда отклонить разговоръ о зюнгорскихъ посланцахъ, ссылаясь на то, что онъ съ ними еще не видѣлся и не знаетъ доподлинно, для чего они пріѣхали.[b] Не смотря на всю хитрость и скрытность Хана, Неплюевъ все-таки, какъ говорится, „напалъ на слѣдъ:" Алмухамметъ Нурмухамметевъ, происходившій изъ подданныхъ Россіи ясачныхъ татаръ, пользовался особеннымъ довѣріемъ Нурали, какъ человѣкъ близкій къ ханской семьѣ: онъ служилъ писаремъ еще у Хана Абулъ-Хаира. Будучи въ Оренбургѣ, Нурали просилъ Неплюева, чтобы онъ оставилъ Алмухамметя при немъ „для письма, ибо—де мать его ханская удерживала его при себѣ для письма же, и о той бы его бытности опредѣлить его писаря указомъ:" Неплюевъ наградилъ Алмухамметя 15 р. денегъ и $3^1/_2$ арш. сукна желтаго цвѣта (по руб. арш.),[c] а 16 іюля 1749 г. изъ Оренбургской губ. канцеляріи ему данъ былъ особый указъ, въ силу котораго онъ долженъ былъ находиться „для письменныхъ дѣлъ при Нурали—Ханѣ, а не инде гдѣ, и поступать во всемъ, какъ вѣрноподданному Ея Императорскаго Величества рабу, по присяжной должности, надлежитъ:"[e] Вотъ этотъ-то писарь, награжденный Неплюевымъ, и оказалъ въ данномъ случаѣ ему услугу: онъ сообщилъ капитану Яковлеву,

---

a) Инструкція Гуляеву, отъ 18 ноября 1749 г.
b) См. выше стр. 778 въ наст. моногр.
c) Въ Тург. обл. арх. „Дѣло, какимъ образомъ, въ бытность киргизскаго Нурали-Хана съ салтанами и съ старшинами, о ханствѣ его Нуралія публиковано тѣмъ салтанамъ и старшинамъ," л. 78.
e) Тамъ же, на л. 112 копія съ указа.

посланному Неплюевымъ къ Нурали-Хану, копію съ письма къ нему зюнгорскаго владѣльца.[a] Коллегія Ин. Дѣлъ, считая услугу писаря весьма важною, предписала Неплюеву, чтобъ Алмухамметю, пока онъ будетъ находиться при Ханѣ, ежегодно выдавалось *„секретно отъ другихъ* по пятнадцати руб., дабы и впредь чрезъ него о киргизъ-кайсацкихъ дѣлахъ извѣстія получать было можно.“[b]

Коллегія Ин. Дѣлъ, узнавъ о тайныхъ замыслахъ Нурали и о планахъ Нямгала, сильно встревожилась. Въ отвѣтъ на доношеніе Неплюева, отъ 2 сентября 1749 г., Коллегія Ин. Дѣлъ въ своемъ указѣ, отъ 2 ноября того же года, между прочимъ, замѣчаетъ: „удивительно здѣсь, что вы о развращеніи такого ихъ сватовства съ зюнгорскимъ владѣльцемъ объ отдачѣ Нурали—Ханской сестры за него въ замужество никакого подвига и старанія не только при свиданіи вашемъ съ Ханомъ, но и потомъ не возымѣли, къ чему бы всѣ силы, по важности сего дѣла, употребить надлежало“.[c] Чтобы не допустить сближенія Нурали съ Нямгаломъ, посредствомъ предположенной свадьбы, Русское правительство рѣшилось, въ что бы то ни стало, „то ихъ сватовство развратить и дружескую пересылку пресѣчь, при чемъ и на дачу доброжелательнымъ старшинамъ, отъ которыхъ въ томъ помощь будетъ,“ разрѣшено Неплюеву „употребить казенныхъ денегъ, сколько заблагоразсудится, только-бъ то всемѣрно сдѣлано было“,[d] Стараясь разстроить планы Нурали и не оскорбить его самолюбія, правительство предложило устроить памятникъ на могилѣ его отца въ такихъ размѣрахъ, чтобы 50 чел. рабочихъ могли окончить его въ одно лѣто; Неплюевъ вовсе не хотѣлъ этого дѣлать, но Коллегія Ин. Дѣлъ писала ему: „хотя вы въ томъ имъ отказали, почитая сіе за неважное дѣло, и что они гробницу и своими людьми построить могутъ, но, по здѣшнему разсужденію, сіе ихъ прошеніе, по ихъ обыкновенію, можно почитать и за явку тѣмъ наипаче, что ежели по происходящему у нихъ нынѣ съ зюнгорскимъ владѣльцемъ сватовству оный владѣлецъ даетъ имъ за сестру ихъ, вмѣсто калыму, городъ Туркестантъ; то, можетъ быть, Нурали-Ханъ хочетъ таковымъ своимъ о строеніи требованіемъ намѣреніе свое къ отдачѣ сестры своея за зюнгорскаго владѣльца и къ полученію отъ него города Туркестанта прикрыть, и при случаѣ отъ здѣшнея стороны за то выговора той явкою себя защитить, ибо изо всѣхъ обстоятельствъ видно, что онъ, въ чемъ пересылка ихъ съ зюнгорскимъ владѣльцемъ состоитъ, отъ здѣш-

---

a) См. въ Тург. обл. правл. столб. указовъ за 1749 г., по описи № 22, л. 122.
b) Тамъ же, на оборотѣ л. 122.
c) Тамъ же, лл. 117 на об. и 118.
d) Тамъ же, л. 115.

ней стороны укрыть старается."[a] Въ виду этого, Коллегія Ин. Дѣлъ предписала Неплюеву: „по разсужденію съ тамошними татарами, сочинить планъ гробницы, какова имѣетъ быть надъ могилою Алубъ-Хаиръ-Хана, съ нѣкоторымъ для житья ихъ строеніемъ и послать оной съ нарочнымъ офицеромъ или геодезистомъ къ Нурали-Хану."[b]

Вслѣдствіе этого, Неплюевъ отправилъ къ Хану, кочевавшему при урочищѣ Акаричъ-Тау,[c] толмача Гуляева и кондуктора Кроткова; послѣдній, съ согласія дѣтей Абулъ-Хаира, долженъ былъ составить планъ предположеннаго строенія и представить его на разсмотрѣніе начальства. Въ то же время Гуляеву было поручено посовѣтовать Нурали, какъ-бы конфиденціально, отъ себя, просить Русское правительство о построеніи гдѣ-либо въ степи, по р. Илеку, городка и обнадѣжить его, что ему въ томъ не откажутъ, особенно если онъ пожелаетъ имѣть его противъ Красногорской крѣпости; сюда бы перенесли тѣло Абулъ-Хаира, устроили бы надъ его могилой особый памятникъ и это мѣсто со временемъ могло-бы сдѣлаться кладбищемъ для всѣхъ киргизскихъ хановъ, которые зимой и лѣтомъ могли бы жить въ этомъ городкѣ, устроивъ тамъ для себя домъ, мечеть и проч.

Гуляевъ и Кротковъ, снабженные особой инструкціей, прибыли въ ханскій улусъ на первый день Рождества Христова, 25 декабря 1749 г. Гуляевъ, въ силу инструкціи, обязанъ былъ употребить всѣ мѣры къ тому, чтобы разорвать дружескія сношенія Нурали съ Нямгаломъ, будучи даже уполномоченъ пригрозить Хану неминуемымъ царскимъ гнѣвомъ, если онъ осмѣлится выдать зюнгорскому владѣльцу плѣнныхъ волжскихъ калмыкъ, которыхъ онъ обязался возвратить русскимъ. Видя, что переговоры съ зюнгорами открыты, Нурали перестаетъ и самъ скрывать ихъ и говорилъ Гуляеву, что только одна жажда мести Бараку за смерть отца побудила его войти въ дружескую переписку съ Цеванъ-Дорчжи, исконнымъ врагомъ его и киргизскаго народа; но что о выдачѣ ему вожскихъ калмыковъ онъ и не думалъ, а напротивъ всегда старался и впредь будетъ стараться о возвращеніи на родину всѣхъ русскихъ плѣнныхъ. Мимоходомъ замѣтимъ, что Коллегія Ин. Дѣлъ, желая и впредь воспользоваться услугами писаря Алмухамметя, незаботилась гарантировать его отъ всякаго подозрѣнія, предписавъ Неплюеву, чтобы онъ чрезъ посланнаго къ Хану старался вну-

---

a) Тамъ же, л. 115 наобор.
b) Тамъ же.
c) Въ одномъ днѣ ѣзды отъ р. Эмбы и въ 4 дняхъ пути отъ ея устья.

шить, что „яко бы получено черезъ Сибирь извѣстіе, что и многіе киргизъ-кайсаки на оренбургскомъ торгу подтверждали, будто происходитъ у него Хана съ зюнгорскимъ владѣльцемъ сватовство объ отдачѣ въ замужество его Нурали-Хановой сестры за того владѣльца, и что онъ владѣлецъ призываетъ къ себѣ для свиданія его Нурали-Хана или брата его съ знатною старшиною:"[a]

Очутившись между молотомъ и наковальнею, хитрый Ханъ надѣялся своими ложными увѣреніями успокоить Неплюева и скрыть отъ него истинныя свои намѣренія. На русскихъ Ханъ, по примѣру своего отца, привыкъ смотрѣть, какъ на средство, при помощи ихъ онъ желалъ усилиться въ степи, внушить киргизамъ страхъ и уваженіе къ себѣ и сдѣлаться полновластнымъ ихъ ханомъ. Нурали сознавалъ, что отказать Нямгалу въ рукѣ своей сестры было небезопасно, а согласиться на этотъ бракъ значило навлечь на себя непріятности со стороны пограничнаго русскаго начальства и самого правительства. Вслѣдствіе этого, Ханъ началъ обманывать и Неплюева, и Нямгала. Сначала Нурали съ удовольствіемъ принялъ предложеніе построить для него городокъ или крѣпостцу на р. Илекѣ, и говорилъ Гуляеву, что онъ тогда, вмѣстѣ съ матерью, сталъ-бы безвыѣздно жить въ этомъ городкѣ, управленіе же различными частями Орды поручилъ-бы своимъ братьямъ. Но потомъ Ханъ передумалъ. Вникая въ дѣло, Нурали, опасавшійся всегда сосѣдства съ русскими, нашелъ для себя невыгоднымъ требованіе правительства, чтобы предполагаемый городокъ былъ построенъ непремѣнно близъ пограничной линіи, тѣмъ болѣе, что киргизы, узнавъ о предположенномъ строеніи гробницы и городка, стали явно выражать свое недовольство и разглашали, что Гуляевъ пріѣхалъ къ Хану зимою только для того, чтобъ лѣтомъ привести русское войско, которое придетъ рубить ихъ за неотдачу плѣнныхъ.[b] Между тѣмъ кондукторъ Кротковъ составилъ планъ памятника надъ могилой Абулъ-Хаира въ небольшихъ размѣрахъ, на которые неохотно и съ трудомъ согласился Нурали, и отправился съ планомъ въ Оренбургъ. Вскорѣ послѣ того, къ Нурали былъ посланъ киргизскій старшина Елумбетъ съ предложеніемъ, не пожелаетъ-ли Ханъ, чтобы городокъ и кладбище были построены при устьѣ р. Эмбы, на томъ мѣстѣ, гдѣ покоится прахъ одного святаго, который при жизни пользовался особеннымъ уваженіемъ Абулъ-Хаира. Новое мѣсто также не соотвѣтствовало планамъ Нурали: р. Эмба текла невдалекѣ отъ русской границы. Чтобы разстроить замыслы Русскаго правительства, Нурали пожелалъ прежде

---

a) Тамъ же, л. 114 на оборотѣ.
b) Инструкція Ригельману, отъ 9 Мая 1750 г.

всего переговорить съ матерью и нѣкоторыми старшинами, относительно этого дѣла, а потомъ намѣревался отправиться въ Оренбургъ для личныхъ переговоровъ съ Неплюевымъ и Тевкелевымъ. Изъ недовѣрія къ Неплюеву, Ханъ принялъ и нѣкоторыя предварительныя мѣры: ссылаясь на завѣщаніе отца, онъ положительно отказался перенести куда-бы то ни было его тѣло, и просилъ прислать особаго офицера, который осмотрѣлъ-бы мѣсто погребенія Абулъ-Хаира. Неплюевъ, не желая раздражать Хана, командировалъ къ нему 9 мая 1750 г. инженеръ-подпоручика Ригельмана, для осмотра могилы Абулъ-Хаира и окончательнаго соглашенія съ Нурали о постройкѣ надгробнаго памятника. Ригельманъ свидѣлся съ Ханомъ у р. Большой Кобды, на пути къ Пупай-Ханшѣ, кочевавшой по р. Темиру. Не смотря на свои старанія, онъ не могъ осмотрѣть могилы Абулъ-Хаира, и только представилъ Неплюеву примѣрную карту своего пути отъ Оренбурга къ Темиру и обратно, а также планы нѣкоторыхъ старинныхъ построекъ, найденныхъ имъ въ киргизской степи (астаны).[a]

Нурали, между тѣмъ, просилъ себѣ жалованья и *мечталъ о завоеваніи Хивы,* чтобы чрезъ то ослабить вліяніе въ Ордѣ Батыря, отца хивинскаго Хана Каипа. Опираясь на авторитетъ своего сына, Батырь вошелъ въ сношенія съ Неплюевымъ и старался снискать расположеніе къ нему Россія. Неплюевъ донесъ о томъ Коллегіи Ин. Дѣлъ, которая предписала ему: „хотя посланцамъ Батырь-Салтана быть къ вамъ допустить и можно, однакоже, какъ уповательно, что вся его присылка состоять будетъ наипаче въ томъ, чтобъ домогаться о такомъ же подтвержденіи избранія его на ханство, какое Нурали-Ханъ получилъ, а чтобъ на сіе поступить и тѣмъ Нурали-Хана въ огорченіе привесть, ни малѣйшаго резона нѣтъ и не видится; того ради вамъ ни малой къ тому надежды не подавать, и въ томъ возъимѣть отъ него отговорку, объявляя ему, чтобъ онъ, яко не отъ всего народа, но нѣкоторыми малыми людьми и безъ согласія съ вами избранный, и отъ Ея Императорскаго Величества всемилостивѣйшаго въ томъ подтвержденія получить неудостоившійся, *ханомъ не писался,* но напротивъ-бы того старался съ настоящимъ Нурали-Ханомъ придти въ прежнее согласіе, въ каковомъ случаѣ Вы и Высочайшею Ея Императорскаго Величества милостію обнадѣжить его можете."[b]

---

a) Эти строенія, числомъ семь, находились неподалеку отъ р. Карасу; одно изъ нихъ имѣло видъ пирамиды, другое, гдѣ находилось тогда кладбище и мольбище киргизовъ, походило на мечеть и выстроено было, по сказанію киргизцевъ, надъ могилою знатнаго челов. Байтана, гдѣ раньше былъ какой-то городъ. См. Топогр. Оренб. губ. ч. I, стр. 186. Изд. 1887 г. Оренбургъ.

b) Указъ Колл. И. Д. Неплюеву, отъ 2 ноября 1749 г. См. столб. указовъ въ Тург. Обл. Арх. 1749 г., л. 118 и на оборотѣ.

Неплюевъ и самъ не могъ желать, чтобы Батырь-Салтанъ получилъ первенствующее вліяніе и положеніе въ Ордѣ, такъ-какъ Нурали былъ избранъ въ ханы по его желанію. Родовая вражда этихъ двухъ хановъ усилилась и Нурали все болѣе и ощутительнѣе замѣчалъ, какъ мало имѣлъ онъ значенія въ Ордѣ. Не смотря на шаткость своего фальшиваго положенія, Нурали слишкомъ заходилъ далеко въ своихъ требованіяхъ и недостаточно былъ сдержанъ, по отношенію къ пограничному начальству. Онъ важное по существу дѣло о построеніи въ степи для него города обратилъ въ пустую, безплодную переписку объ устройствѣ памятника надъ могилою его отца, и сталъ настоятельно требовать смѣны Адиль-Салтана Чингизомъ. Получивъ отказъ въ этомъ, Нурали дошелъ до такой дерзости, что въ минуту гнѣва заявилъ при всѣхъ, что онъ больше въ Оренбургъ не поѣдетъ и о построеніи памятника надъ могилою отца и о выдачѣ плѣнныхъ заботиться не будетъ. Недовольствуясь этимъ, онъ приказалъ киргизамъ откочевать дальше отъ Оренбурга, объявивъ имъ, что Россія ими недовольна. Склонные къ грабежу и жадные до наживы, киргизы уже мечтали о нападеніи на Оренбургскій Мѣновой дворъ. Разговаривая съ Гуляевымъ, раздраженный Ханъ сказалъ ему: „Я еще разъ напишу объ Чингизѣ, что чрезъ годъ дамъ въ аманаты сына своего или сына Эрали, но если и тутъ послѣдуетъ мнѣ отказъ, то пусть Русскіе дѣлаютъ съ Адилемъ, что хотятъ, сажаютъ его въ тюрьму, а я ждать не стану и откочую навсегда за Сыръ-Дарью; Джанъ-Бекъ тарханъ уже ждетъ меня тамъ, изъявляя готовность исполнить всѣ мои приказанія. Когда я буду тамъ, я перестану подданныхъ мнѣ киргизъ удерживать отъ грабежей и разбоя; киргизы тогда будутъ считать меня не только за Хана, но и за святаго, теперь же они не хотятъ слушаться меня только потому, что я кочую близъ Россіи и служу ей вѣрно; благодаря генералу (Неплюеву) и мурзѣ (Тевкелову), я не Ханъ, а *пастухъ лошадямъ*,—Богъ взыщетъ съ нихъ за это. Пусть зюнгорцы съ прочими ордами окружатъ меня, я и тогда найду себѣ мѣсто, а своимъ—пропитаніе. Русскіе хотятъ поступать съ нами, какъ съ калмыками и башкирцами, но мы лучше согласимся умереть, чѣмъ жить подъ тяжкимъ игомъ.“

Нурали взялъ стоявшую предъ нимъ чашку „съ хлѣбной закуской,“ немного отпилъ изъ нея и сказалъ: „дай Богъ, чтобы я и этого не имѣлъ себѣ въ пищу, если когда-либо буду въ Оренбургѣ.“[a] Однакожъ обстоятельства сложились такъ неблагопріятно для Хана, что онъ не только дол-

---

а) Рапортъ Гуляева, отъ 2 іюля 1750 г.

женъ былъ ѣхать въ Оренбургъ, а и согласиться, вопреки своему желанію, на замѣну Адиль-Салтана своимъ сыномъ.

Пупай-Ханша, какъ умная женщина и чадолюбивая мать, опасаясь за Адиля, всячески старалась отвратить вражду Нурали съ Россіей; на помощь къ ней пришли и неожиданныя для Хана обстоятельства по его отношеніямъ съ зюнгорскимъ владѣльцемъ. Намъ уже извѣстно, что Карабашъ-Салтанъ, по распоряженію Хана, отправился къ Нямгалу съ его посланцами, для переговоровъ и соглашенія о свадьбѣ. При Карабашѣ находилось шесть чел. киргизъ изъ Малой Орды и двое изъ Средней Орды, ѣхавшіе по порученію Джанъ-Бекъ тархана. Во время пути Барбей, сынъ Хаджанай-Бія, изъ Каракисякскаго рода, поссорился съ главнымъ зюнгорскимъ посланцемъ, который требовалъ съ родичей его двухъ верблюдовъ, пропавшихъ въ Киргизской степи. Карабашъ, защищая Барбея, возстановилъ противъ себя зюнгорскаго посла, который изъ мести и желанія повредить киргизамъ, когда они прибыли на мѣсто, на всѣ вопросы зайсанговъ отвѣчалъ, что Нурали не показалъ ему своей сестры и едвали выдастъ ее за Нямгала, а когда Карабашъ сталъ уличать его во лжи, посолъ прибѣгъ къ хитрости, утверждая, что его прежде, чѣмъ представить сестрѣ Нурали, напоили пьянымъ, и что онъ изъ-за навѣски хотя и видѣлъ какую-то дѣвушку, но не могъ различить, была-ли это дѣйствительно ханская сестра или простая теленгутка. Нямгакъ, узнавъ о томъ, заподозрилъ Нурали въ неискренности и сталъ открыто выказывать ему свое неудовольствіе; Карабашъ-Салтана онъ хотя принялъ и ласково, но не далъ ему никакого отвѣта и отпустилъ одного, обѣщаясь отправить своихъ посланцевъ потомъ съ подарками, для окончательныхъ переговоровъ о свадьбѣ. Изъ плѣнныхъ киргизцевъ Нямгалъ освободилъ только Шайбалъ-Салтана, сына Ишимъ-Салтана, и еще одного киргизца Средней Орды изъ Каракисякъ-Аргинскаго рода Елдубая-Давлетбаева. Подарки составляютъ вѣрное мѣрило расположенія азіатцевъ, но Цеванъ-Дорджа былъ крайне скупъ на нихъ, при отъѣздѣ посланцевъ киргизскаго Хана: Барбею онъ не далъ ничего, а Нурали поручилъ передать отъ себя только „кашгарскую шелковую парчицу“ на платье. Нерасположеніе Нямгала къ Нурали особенно выразилось въ томъ, что, когда каракалпаки обратились къ нему съ жалобою на киргизовъ, Цеванъ-Дорджа немедленно выслалъ имъ на помощь своихъ людей, которые взяли Туркестанъ и передали его каракалпакамъ. 30 мая 1750 г. Карабашъ-Салтанъ возвратился къ Нурали и доложилъ ему о результатахъ своего посольства, передавъ Хану и письма Нямгала. Нурали, ожидавшій такъ много для себя выгодъ отъ этой поѣздки, сильно былъ огорченъ ея послѣдствіями; особенно встревожили его письма

Цеванъ-Дорджи, содержаніе которыхъ онъ открылъ только матери и брату своему Эрали. Цеванъ-Дорджа, между прочимъ, писалъ, что убійца Абулъ-Хаира, Баракъ-Салтанъ, умеръ;[a] остался лишь одинъ его сынъ, совершенно невинный въ преступленіи отца, и что мстить ему было-бы несправедливо; что онъ никакъ не можетъ уяснить себѣ, какая причина побудила Нурали показать его посланцу не сестру свою, его невѣсту, а другую дѣвицу и т. п. Очутившись между двухъ стульевъ, Нурали по цѣлымъ ночамъ сидѣлъ съ матерью и братьями, совѣтывался съ ними и оплакивалъ свою горькую участь. Когда, казалось, не было никакого выхода изъ этого затруднительнаго положенія, обстоятельства сложились такъ, что и Нурали и Неплюевъ могли успокоится: смерть невѣсты Нямгала, а вслѣдъ за нею и убійство ея жениха Лама-Дорчжей въ маѣ 1750 г.[b] развязали обоимъ руки. Испытавъ неудачу своихъ плановъ, Нурали старался теперь всячески снискать расположеніе пограничнаго начальства, и вступилъ въ самую тѣсную дружбу съ Неплюевымъ. Разсчитывая на содѣйствіе Нурали, Неплюевъ сталъ думать о снаряженіи русскихъ торговыхъ каравановъ въ Среднюю Азію и о большемъ еще развитіи мѣновой торговли въ Оренбургѣ, а что сдѣлано имъ въ этомъ отношеніи, увидимъ изъ слѣдующей главы.

---

a) См. выше стр. 722.
b) См. выше въ наст. моногр. стр. 741.

ГЛАВА XXVI.

Караванная торговля русскихъ съ средне-азіатскими народами, препятствія къ ея развитію и заботы Неплюева объ устраненіи этихъ препятствій.—Прибытіе въ Оренбургъ хивинскаго посла Ширбека, его пребываніе и отъѣздъ.—Торговые караваны въ Хиву и Бухару.—Проэктъ Неплюева о начатіи торга съ Индіей и отношеніе къ этому вопросу Рычкова.—Заботы Неплюева объ устройствѣ внутренней торговли и открытіе ярморки въ Оренбургѣ.—Пошлинный сборъ съ товаровъ и азіатскій торговый тарифъ 1752 года.—Результаты заботъ и мѣропріятій Неплюева, по отношенію къ торговлѣ Оренбургскаго края.

„Зѣло пріятно есть слышать Намъ о мирѣ и устроеніи Нашего Оренбургскаго края и твоемъ, губернаторъ, многомъ радѣніи, за что Мы тебя благодарствуемъ".

(Императрица Елизавета—Неплюеву).

„Кто служитъ вѣрно Царю, тотъ и Богу вѣрно служитъ".

Неплюевъ.

Караванная мѣновая торговля съ средне-азіатскими странами и народами обѣщала, судя по первымъ ея опытамъ, большія выгоды для Россіи, но нелегко было устранить тѣ препятствія, которыя мѣшали ея свободному развитію. Помимо отсутствія удобныхъ путей для передвиженія товаровъ по Киргизской степи, еще большей помѣхой развитію торговли служила исконная вражда между самими средне-азіатскими ордами, особенно обострившаяся со времени выбора и конфирмаціи Нурали въ киргизскіе ханы. Самымъ злѣйшимъ и опаснымъ врагомъ Нурали былъ Батырь-Салтанъ, отецъ хивинскаго хана Каипа, который, при помощи сына, стремился занять первенствующее значеніе въ Киргизской Ордѣ. Сознавая это и потерпѣвъ неудачу въ своихъ сношеніяхъ съ зюнгорскимъ владѣльцемъ, Нурали перемѣнилъ политику въ обращеніи съ Неплюевымъ и, часто вопреки своему желанію, дѣлалъ разныя уступки. Неплюевъ и Тевкеловъ съ своей

стороны также старались, по возможности, угодить хану. Такъ Дондукъ-Даши, намѣстникъ калмыцкаго ханства, по требованію ихъ, возвратилъ Нурали лошадей, отогнанныхъ калмыками у киргизовъ въ то время, какъ табуны ихъ находились на правой сторонѣ р. Яика. Въ то же время Тевкелевъ, по просьбѣ хана и брата его Эрали, хлопоталъ о возвращеніи на родину сына знатнаго старшины Бахтыбая, по имени Давлетбая, который будтобы служилъ солдатомъ въ С.-Петербургѣ.[a] Чтобы поддержать Нурали-Хана, правительство разрѣшило, въ случаѣ грабежей и набѣговъ киргизъ, *баранту,* т. е. право задерживать на линіи тѣхъ изъ киргизцевъ, которые, по указанію Нурали, окажутся одного рода съ виновными, и не отпускать ихъ въ улусы до возвращенія похищеннаго ихъ однородцами. Нужно замѣтить, что *баранта* представляла изъ себя обоюдо-острое оружіе: Тевкелевъ и киргизскіе ханы, Абулъ-Хаиръ и его преемникъ Нурали, считали баранту единственной и самой вѣрной гарантіей возвращенія плѣнныхъ и безопасности отъ киргизъ на будущее время, а Неплюевъ, напротивъ, опасался, что баранта дастъ широкій просторъ ханскому произволу и поведетъ къ серьезнымъ затрудненіямъ въ сношеніяхъ съ киргизцами. Тевкелевъ, между прочимъ, представилъ въ Коллегію Ин. Дѣлъ особое мнѣніе, въ которомъ доказывалъ, что баранту онъ признаетъ за такое „нужное дѣло, безъ котораго киргизъ-кайсакцій народъ отъ продерзостей удерживать и въ послушаніе въ скоромъ времени привести никакъ невозможно“. Чтобы не повредить „Оренбургскому торгу“, Тевкелевъ предлагалъ разрѣшить баранту и въ Орской крѣпости; ссылаясь на желаніе хана имѣть баранту, Тевкелевъ замѣчаетъ, что „старшины сами хотя о барантѣ и не зачинаютъ, токмо тогда, какъ о ней владѣльцы говорятъ, не спорятъ и показываютъ себя склонными, ибо у нихъ киргизцевъ то и право, что баранта; калмыцкій ханъ Аюка почти самовластной былъ, токмо и онъ безъ баранты обойтись не могъ“.[b]

Неплюевъ, въ свою очередь, писалъ въ Коллегію Ин. Дѣлъ, что „баранта каргизъ-кайсаковъ подлинно употребительна токмо въ однихъ партикулярныхъ дѣлахъ, т. е., когда у кого сдѣлается ссора или убивство, или изъ одного улуса въ другой подбѣгами воровство, что у нихъ между собою нерѣдко случается; тогда угоняютъ лошадей и скотъ, чей бы ни былъ, токмо-бъ того роду, изъ коего воровство произошло, и до тѣхъ поръ держатъ, пока виноватые своевольно или третейскимъ либо ханскимъ судомъ съ истцами раздѣлаются, и такъ бываетъ, что оные захваты лѣтъ

---

a) Промеморія Колл. Ин. Дѣлъ, отъ 14 іюня 1750 г. См. въ Тург. обл. арх. столб. казовъ за 1750, л. 106.
b) Указы 1749 г. въ Тург. обл. арх., по описи № 22, л. 130.

по 20 и по 30, а иногда и больше взаимно продолжаются и одинъ другаго грабятъ и разоряютъ, а наконецъ, съѣхавшись межь собою или у владѣльцовъ, мирятся".[a] Возставая противъ баранты, Неплюевъ особенно затруднялся рѣшеніемъ вопроса о томъ, какъ узнать и предусмотрѣть, „изъ коихъ улусовъ и изъ какихъ людей удерживать: ибо ежели то дѣлать для чинимаго отъ нихъ воровства или для высвобожденія имѣющихся у нихъ россійскихъ и калмыцкихъ плѣнниковъ, то какъ первое, такъ и другое во всѣхъ почти улусахъ есть; слѣдственно всякъ того будетъ бояться и лучшіе ихъ люди къ Оренбургу ѣздить будутъ всячески удерживаться, ибо и напредь сего по пустымъ эхамъ, аки-бъ хотятъ при торгу удерживать, тревожились и до тѣхъ поръ на торгъ не ѣздили, пока совершенно не увидятъ, что такія разглашенія были ложныя, да и сіе весьма неизвѣстно, будетъ-ли за такую баранту и возвратъ того, что потребно, и не произойдутъ-ли изъ того бо́льшія затрудненія".[b] Выше мы уже видѣли, какія происходили непріятности у Неплюева съ Абулъ-Хаиромъ относительно баранты;[c] въ своемъ доношеніи Коллегіи Ин. Дѣлъ Неплюевъ, между прочимъ, говоритъ: „Абулъ-Хаиръ-хананія о барантѣ требованія съ того времени начались, какъ онъ вознамѣрился усиливать себя надъ владѣльцами Средней Орды и сего домогался, чтобъ по его письмамъ удерживать и освобождать, изъ чего его интрига и намѣрки къ усильству довольно видимы были; но сходно-ль съ интересомъ Ея Императорскаго Величества, чтобъ надъ толь многочисленнымъ народомъ, каковы обѣихъ ордъ киргизцы, владѣльцевъ ихъ къ такимъ мѣрамъ допущать, чрезъ которыя они могутъ одинъ надъ другимъ усиливаться, къ чему и означенная баранта, ежели ее по волѣ владѣльцевъ чинить, немало можетъ имъ способствовать".[d] Въ случаѣ необходимости и „важныхъ причинъ", Неплюевъ соглашался допустить баранту въ Ямышевской крѣпости и въ Троицкой кр. со стороны Сибири, а по Яику—въ Гурьевѣ и въ Яицкомъ казачьемъ городкѣ: „ибо оное оренбургскому ничему не помѣшаетъ, понеже всегда можно будетъ въ Оренбургѣ отговорку имѣть, что тамъ яко во особливой командѣ, безъ вѣдома оренбургскаго, или по особымъ указамъ учинено и проч., а оренбургскій командиръ останется посредникомъ къ разобранію".[e]

Коллегія Ин. Дѣлъ, разсмотрѣвъ мнѣнія Неплюева и Тевкелова, предписала, что если киргизы захватятъ въ плѣнъ людей, отгонятъ скотъ,

---

a) Тамъ же, л. 130 на обор. и 131.
b) Тамъ же, л. 131 на оборотѣ.
c) См. стр. 697—699 въ наст. монографіи.
d) Тамъ же, л. 132.
e) Тамъ же, на оборотѣ л. 132.

ограбятъ кого или примутъ къ себѣ русскихъ бѣглецовъ и т. п., то губернаторъ долженъ былъ писать къ хану и требовать отъ него удовлетворенія. Въ случаѣ, еслибы ханъ не сдѣлалъ никакого удовлетворенія или бы согласился на баранту, то пограничное начальство должно было удерживать кого-либо изъ родственниковъ или однородцевъ виновнаго и держать подъ стражей, пока не послѣдуетъ удовлетворенія; губернаторъ могъ разрѣшить баранту и не сносясь съ ханомъ, если послѣдній находился въ далекомъ разстояніи отъ Оренбурга. Въ избѣжаніе того, чтобы ханъ, пользуясь барантой, не могъ возстановить народъ противъ пограничнаго начальства, Коллегія Ин. Дѣлъ совѣтывала Неплюеву, что онъ подлинныя письма хана о задержаніи киргизъ можетъ показать старшинамъ, а въ народъ „нѣсколько копій съ нимъ розослать и тѣмъ оный на самаго хана обратить".[a]

Баранта, допускаемая и примѣняемая съ осторожностью, дѣйствительно могла принести нѣкоторую пользу и служить остраской для киргизъ; но, безъ сомнѣнія, Нурали, тяготясь неповиновеніемъ народа и стремясь къ самовластію, надѣялся посредствомъ баранты удалить изъ Орды своихъ враговъ, подъ благовиднымъ предлогомъ преданности Россіи, не навлекая даже на себя подозрѣнія киргизъ. Сознавая свою слабость и опасаясь мщенія киргизовъ, Нурали полагалъ, что Неплюовъ согласится на его просьбу и станетъ задерживать людей по однимъ его письмамъ, не объявляя имъ, что это дѣлается по волѣ хана. Чтобы наиболѣе придать вѣса и значенія своему требованію, Нурали писалъ Неплюеву, что въ противномъ случаѣ киргизы ни за что не согласятся выдать плѣнныхъ и, въ укоръ ему, рѣшаться скорѣе оставить въ рукахъ русскихъ своихъ соплеменниковъ.[b] Не дожидаясь окончательнаго разрѣшенія на баранту, со стороны Русскаго правительства, Нурали представилъ Неплюеву списокъ 105 киргизовъ, которыхъ, по его мнѣнію, слѣдовало задержать, чтобы черезъ нихъ получить плѣнныхъ. Нужно замѣтить, что большая часть поименованныхъ въ этомъ спискѣ киргизовъ были люди, которые казались ему опасными: почти всѣ они принадлежали къ Средней Ордѣ, о которой Нурали отзывался, какъ о гнѣздѣ плутовъ и мошенниковъ.[c]

Одновременно съ обсужденіемъ вопроса о барантѣ, возбужденъ былъ и вопросъ о жалованьѣ Нурали. Бригадиръ Тевкелевъ высказалъ такое мнѣніе, что „когда хану опредѣлено будетъ жалованье, тогда хотя-бъ и всѣмъ народомъ пожелали сами собою безъ указу хану выбрать, но тотъ

---

a) Тамъ же, л. 135.
b) Письмо Нурали къ Неплюеву, отъ 18 января 1750 г.
c) Тамъ же.

салтанъ вѣдая, что лишится Ея Императорскаго Величества милости и жалованья, ханства не приметъ да и старшины не захотятъ, чтобъ ханъ ихъ былъ безъ жалованья: ибо у нихъ древній обычай, что полученное имъ долженъ онъ всѣмъ старшинамъ раздѣлять".[a] Въ случаѣ, если бы ханъ, получая жалованье, принялъ „злое намѣреніе, а достать и поймать его будетъ невозможно, тогда опредѣленное ему жалованье, объявя резонъ, отрѣшить и изъ салтановъ одного надежнаго на его мѣсто ханомъ и съ жалованьемъ опредѣлить".[b] По мнѣнію Тевкелева, ханъ самъ долженъ былъ пріѣзжать за полученіемъ жалованья въ Оренбургѣ, а „съ нимъ и старшины вмѣстѣ пріѣзжать станутъ, причемъ и объ ординскихъ дѣлахъ разсуждать будетъ способнѣе".[c] Съ другой стороны, „ханъ, получая годовое жалованье, будетъ чувствовать высочайшую Ея Императорскаго Величества милость и служить вѣрно и отдавать послушаніе, а окружныя орды, слыша о такомъ жалованьѣ, признаютъ, что оный подлинно состоитъ въ россійскомъ подданствѣ".[d]

Неплюевъ былъ противъ выдачи хану опредѣленнаго жалованья, и предлагалъ замѣнить его подарками рублей на 300 въ годъ: „при свиданіяхъ съ ханомъ и старшинами",—писалъ онъ въ Колл. Ин. Дѣлъ, бываютъ разныя причины къ трудностямъ и несогласіямъ, когда по ихъ требованіямъ чего сдѣлать нельзя или не столько одарены будутъ, сколько кому хочется, а буде-бы всѣ владѣльцы и старшины повсягодно пріѣзжали для свиданія, то-бъ имъ на подарки развѣ всѣ тамошніе доходы употребить. Однако отъ времени до времени какъ съ ханомъ, такъ и со владѣльцами и старшинами, когда случай позоветъ, отъ свиданія отрекаться не надобно и пристойное награжденіе чинить потребно, и что ханъ можетъ болѣе быть одолженъ, ежели ему рублевъ на 300 въ годъ переслать подарками".[e] Относительно жалованья хану Неплюевъ высказалъ такое мнѣніе: „ханъ жалованье почитать будетъ за должное: ибо киргизцы что ни сдѣлаютъ, то онъ скажетъ, что безъ его вѣдома, и тако ко удержанію жалованья резону онъ никогда не вмѣнитъ, но паче отъ такого удержанія, хотя-бъ его отговорка и неправильна, ко огорченію и къ пополненію причиною быть можетъ и во время его противности, вмѣсто его, другаго выбрать будетъ некого: ибо въ Меньшой Ордѣ все Абулъ-Хаиръ-хановы дѣти, коихъ числомъ пятеро, а въ Средней одинъ Баракъ да родственникъ его Аблай".[f]

---

a) Указы 1749 г. въ Тург. обл. арх., л. 127 на оборотѣ.
b) Тамъ же, л. 127.
c) Тамъ же, л. 127.
d) Тамъ же, л. 127 на оборотѣ.
e) Тамъ же, л. 127 на обор. и 128.
f) Тамъ же, л. 128.

Коллегія Иностр. Дѣлъ, по обсужденіи мнѣній Неплюева и Тевкелева, опредѣлила: „Киргизъ-Кайсацкаго хана и старшину каждогодно ко Оренбургу и свиданію съ тамошнимъ губернаторомъ, для избѣжанія, по представленію тайнаго совѣтника Неплюева, излишняго убытка не призывать, а буде которые изъ нихъ сами пожелаютъ за чѣмъ пріѣхать, того имъ не запрещать, а когда того интересъ Ея Импер. Величества востребуетъ, тогда ихъ и призывать надобно".[a] Въ то же время Коллегія Ин. Дѣлъ признала за полезное назначить хану по 400 р. въ годъ жалованья подъ условіемъ, если онъ возвратитъ плѣнныхъ и не будетъ мѣшать свободному проѣзду черезъ Киргизскія степи азіатскимъ торговымъ караванамъ. Кромѣ жалованья, Коллегія Ин. Дѣлъ, согласно мнѣнію Неплюева, разрѣшила выдавать хану на 200 р. въ годъ подарковъ, но ханъ долженъ былъ дѣлиться и деньгами, и подарками съ старшинами. За полученіемъ жалованья Ханъ долженъ былъ присылать въ Оренбургъ ежегодно особое довѣренное лицо „и тотъ, кто оное будетъ принимать, долженъ расписываться имянно, объявляя о всемилостивѣйшемъ Ея Импер. Величества жалованьѣ, а когда-бъ киргизцы учинили какую явную противность, пришедъ великимъ собраніемъ, хотя-бъ и безъ его ханскаго позволенія, а онъ о томъ не сообщитъ, въ такомъ случаѣ можно дачу онаго жалованья на время и поудержать, однако же чинить сіе по указу изъ Коллегіи Иностр. Дѣлъ".[b]

Желая найти опору въ Русскомъ правительствѣ, для упроченія своей власти въ Ордѣ, Нурали, часто, вопреки своему желанію, старался угождать пограничному начальству; преслѣдуя ту же цѣль, онъ согласился отдать въ аманаты, вмѣсто Адиль-Салтана, своего восьмилѣтняго сына Пирали, который былъ помѣщенъ въ домѣ Тевкелева, какъ малолѣтній. Прошелъ уже годъ со времени аманатства Пирали; нужно было замѣнить его другимъ. Неплюевъ желалъ, чтобы Нурали далъ въ аманаты своего сына Ишима или старшаго племянника, сына Эрали-Салтана, но послѣдній самъ не хотѣлъ разстаться съ сыномъ, Нурали также находилъ неудобнымъ отдать Ишима, вслѣдствіе чего между братьями возникло взаимное охлажденіе. Чтобы не возстановить противъ себя Русскаго правительства, ханъ предложилъ въ аманаты своего малолѣтняго сына Магомедѣлія, которому было не болѣе трехъ лѣтъ, и самъ обѣщался пріѣхать въ Оренбургъ для личныхъ переговоровъ. Тевкелевъ, управлявшій краемъ за отъѣздомъ Неплюева въ С.-Петербургъ, просилъ хана обождать пріѣздомъ

---

a) Тамъ же, л. 128 на оборотѣ.
b) Тамъ же. л. 129.

до возвращенія губернатора изъ столицы и въ то же время написалъ о томъ Неплюеву, который, имѣя въ виду наибольшую смертность между дѣтей, представилъ въ Коллегію Ин. Дѣлъ слѣдующее мнѣніе: „ежели умретъ большой или малый въ здѣшнихъ рукахъ, то уже другаго не дадутъ, яко давно свободиться желаютъ, чтобъ не давать дѣтей своихъ, того ради не соизволено-ль будетъ съ ханомъ и еще имѣть пересылку: 1) чтобъ далъ большого сына; 2) когда на то не склонится, то и Магомедѣлія, при хорошихъ старшинскихъ дѣтяхъ, принять обѣщать, только-бъ онъ изъяснился, ежели такой маленькой умретъ, кого онъ дастъ на перемѣну, и чтобъ въ томъ, ежели возможно, письменное обязательство отъ него взять; 3) велѣть ему у брата своего Эралея-Салтана стараться, чтобъ онъ, по обѣщанію своему, дѣтей своихъ по очереди съ нимъ давалъ“.[a] Коллегія Ин. Дѣлъ, аппроповавъ мнѣніе Неплюева и Тевкелева, предписала: „буде ханъ къ отдачѣ большаго его сына Ишима не склонится, въ такомъ случаѣ взять уже и трехлѣтняго Магомедѣлія, и для лучшаго призрѣнія и отъ болѣзней охраненія и лѣченія содержать его въ домѣ бригадира Тевкелева, такъ-какъ и нынѣшній Пирали въ его жъ домѣ содержится; при всемъ же томъ здѣсь разсуждается чрезъ бригадира Тевкелева отвѣдать нынѣ содержащагося Пиралія-Салтана приласкать и уговорить, чтобъ онъ и еще въ Оренбургѣ побылъ годъ или два, и о томъ бы отца своего самъ попросилъ, и для того можно мамкѣ его и другимъ изъ обрѣтающихся при немъ, кому заблагоразсудите, обѣщать тайно чѣмъ подарить“.[b]

Въ виду того, что отпускъ Неплюева былъ отсроченъ еще на нѣсколько мѣсяцевъ, Тевкелевъ въ концѣ іюня 1751 года послалъ Нурали-хану письмо съ приглашеніемъ, чтобъ онъ, когда ему будетъ угодно, пріѣзжалъ въ Оренбургъ, для смѣны Піралія другимъ своимъ сыномъ или племянникомъ, и взялъ-бы съ собою братьевъ и старшинъ. Въ началѣ іюля Нурали, вмѣстѣ съ своей матерью Пупай-Ханшею, со множествомъ старшинъ и народа, прибылъ въ Оренбургъ и прожилъ здѣсь цѣлый мѣсяцъ (отъ 8 іюля до 7 авг.). Тевкелевъ богато одарилъ[c] Хана и всю его свиту, а Нурали замѣнилъ Піралія другимъ своимъ сыномъ Мухаммедъ-Али-Салтаномъ, и, возвратившись въ степь, прокочевалъ зиму

---

a) См. въ Тург. обл. арх. столб. указовъ за 1752, л. 23.
b) Тамъ же, л. 24. Ср. на л. 72-мъ копію съ указа К. И. Д., отъ 18 Марта 1752 г,
c) По штату Оренбургской губерніи, утвержденному Сенатомъ на подарки хану. содержаніе аманатовъ и вообще на киргизскіе расходы сначала было ассигновано 1500 р. въ годъ, а въ 1752 г. Сенатъ, по представленію Коллегіи Ин. Дѣлъ, разрѣшилъ расходовать Неплюеву до 3000 р. въ годъ, безъ предварительнаго сношенія съ Сенатомъ, а еслибы потребовалось больше, то онъ обязанъ былъ доложить Сенату и ожидать разрѣшенія.

ниже Каракума, вмѣстѣ съ братомъ своимъ Эрали-Салтаномъ, Орда же его расположилась кочевьями подлѣ р. Яика, начиная отъ Илецкой станицы, противъ Иртецкаго форпоста, и верстъ на 30 ниже Яицкаго городка до Каспійскаго моря. Конскіе табуны киргизовъ паслись на внутренней сторонѣ, а рогатый скотъ и верблюды оставались у самыхъ кибитокъ, подлѣ р. Яика. Между тѣмъ въ степи, къ концу зимы, оказался большой недостатокъ въ кормѣ: тебеневка была плохая, скотъ не могъ пробивать ледяной коры, образовавшейся вслѣдствіе ранней оттепели и заморозковъ и потому голодалъ. Киргизы, чтобы прокормить скотъ, рубили лѣсъ по берегамъ Яика и травили у форпостныхъ казаковъ сѣно, пригоняя ночью къ ихъ стогамъ свой скотъ. Нѣкоторые киргизы платили за потраву казакамъ баранами и жеребятами; но большая часть травила сѣно даромъ и безнаказанно и потомъ откочевывала въ степь. Начались столкновенія между яицкими казаками и киргизами; казаки нападали иногда на киргизцевъ, заодно съ калмыками, угоняли у нихъ скотъ и даже покушались на убійства.[a] Въ избѣжаніе ссоръ и въ защиту своихъ интересовъ, Яицкое войско обратилось съ просьбой въ Оренбургскую губернскую канцелярію, чтобъ киргизамъ запрещено было „валить" по р. Яику лѣсъ и чтобъ они на будущее время кочевали съ своимъ скотомъ по степнымъ рѣчкамъ, вдали отъ Яика; но пограничное начальство смотрѣло на это иначе: запрещеніе киргизамъ кочевать по р. Яику послужило-бы препятствіемъ къ сближенію ихъ съ русскими и, кромѣ того, пришлось бы утратить часть пріобрѣтеннаго надъ ними вліянія. Вслѣдствіе этого, Яицкому войску было отказано въ его просьбѣ; но въ то же время Оренбургская канцелярія распорядилась отправить въ степь нарочнаго, который, при содѣйствіи Айчувакъ-Салтана, долженъ былъ взыскать съ виновныхъ плату за потравленное сѣно у казаковъ и строго наблюдать, чтобы киргизы не рубили ничего, кромѣ валежника и сухаго лѣса на дрова.[b]

Разсчитывая на содѣйствіе Нурали-Хана, Неплюевъ началъ думать о снаряженіи русскихъ торговыхъ каравановъ въ Среднюю Азію; къ тому же стремились и предпріимчивые купцы изъ русскихъ, которые, недовольствуясь мѣновымъ торгомъ въ Оренбургѣ и Троицкѣ, сами выразили желаніе посѣщать съ торговыми цѣлями средне-азіатскіе города, не смотря на несчастный исходъ трехъ первыхъ каравановъ. Вслѣдствіе этого, Неплюевъ отмѣнилъ состоявшееся до него запрещеніе посѣщать средне-азіатскія земли

---

a) Письмо Айчувакъ-Салтана Тевкелеву, полученное 10 Мурта 1753 г.
b) Указъ Оренб. Губ. Канцеляріи, отъ 16 Марта 1753 г.

русскимъ купцамъ и торговымъ людямъ. 24 апрѣля 1750 г. прибылъ въ Оренбургъ изъ Хивы, чрезъ улусы Батыря, посолъ хивинскаго Хана Каипа Ширбекъ, въ сопровожденіи людей Батырь-Салтана. Неплюевъ принялъ Ширбека весьма радушно, тѣмъ болѣе, что это былъ первый посланецъ изъ Хивы, пріѣхавшій прямо въ Оренбургъ. Еще 2 ноября 1749 г., когда дошли только слухи объ его скоромъ прибытіи въ Оренбургъ, Коллегі Иностр. Дѣлъ предписала Неплюеву, на случай его пріѣзда, отвести ему квартиру и производить кормовыя деньги, „по примѣру астраханской дачи, по 40 коп., а людямъ его по 5 коп. въ день, каждому". Но въ виду того, что вся свита Ширбека состояла изъ узбековъ (дворянъ), которые рѣдко употреблялись въ посольство, а больше назначались сарты, Коллегія Ин. Дѣлъ 13 августа 1750 г., согласно ходатайству Неплюева, разрѣшила выдавать имъ столько же, сколь и киргизскимъ салтанамъ, а именно: посланцу по 50 к., чиновнымъ людямъ по 10 к., а служителю по 5 к. на день *«съ тѣмъ, чтобы это могло служить образцомъ на будущее время»*.[a] Прибытіе Ширбека въ Оренбургъ заставило Неплюева обратиться въ Коллегію Ин. Дѣлъ за нѣкоторыми разъясненіями и указаніями, относительно пріема хивинскаго посла. Въ своемъ доношеніи, отъ 9 мая 1750 г., онъ, между прочимъ, писалъ, что Хива всегда имѣла особливыхъ владѣльцевъ; но узбеки, пользуясь своимъ вліяніемъ и бо̀льшою силою, нерѣдко мѣняли и даже убивали своихъ хановъ и вмѣсто ихъ избирали въ ханы киргизскихъ салтановъ, какъ это случилось при избраніи и Гаипъ-Хана (онъ же и Каипъ), присягавшаго вмѣстѣ съ другими салтанами на подданство Россіи. Имѣя въ виду, что подобныя избранія могутъ повторяться и впредь, Неплюевъ просилъ Колл. Ин. Дѣлъ опредѣлить заблаговременно, какъ дѣйствовать ему въ такихъ случаяхъ.—Коллегія Ин. Дѣлъ указомъ, отъ 13 августа 1750 г., предписала не препятствовать избранію киргизскихъ салтановъ въ хивинскіе ханы: „въ Колл. Ин. Дѣлъ (говорится въ указѣ) довольно извѣстно, что и напредь сего въ Хивѣ ханы нерѣдко бывали изъ киргизъ-кайсацкихъ салтановъ да и впредь имъ то запрещать весьма невозможно, а что 1745 г., октября отъ 21, въ указѣ отсюда о недопущеніи къ тому киргизъ-кайсацкихъ салтановъ къ вамъ писано, и сіе учинено по вашему тогдашному представленію, а паче въ разсужденіи того, что тогда Хиву неспокойный Надыръ-Шахъ Персидскій имѣлъ въ своемъ подданствѣ, нынѣ же, когда и вы усматриваете, что со здѣшней стороны киргизскимъ салтанамъ воспретить того

---

a) Подл. указъ изъ Колл. Ин. Дѣлъ за № 378, 13 Авг. 1750 г. См въ Тург. обл. арх. столб. указовъ 1750 г., л.л. 113—116.

неудобно; то по здѣшнему разсужденію и вступать въ то не надлежитъ. И для того впредь, когда избираемый въ хивинскіе ханы киргизскій салтанъ о томъ вамъ вызовется, вамъ надобно оному въ томъ учинить привѣтствіе, увѣщая его къ большему въ Оренбургъ отправленію азіатскаго купечества, и толкуя изъ того общую ихъ пользу, а притомъ онаго, чѣмъ заблагоразсудите, и подарить можете, купя что пристойное на казенныя деньги".[a]

Во время своего представленія Неплюеву, хивинскій посолъ, отъ имени Хана, благодарилъ Государыню за построеніе Оренбурга, обѣщающаго развитіе торговли въ средне-азіатскихъ владѣніяхъ и въ Хивѣ, сдѣлавшейся независимой отъ Персіи, въ которой „явился разбойникъ Надыръ" и улетучился „подобно водяному пузырю"; Ширбекъ также говорилъ о свободномъ проѣздѣ каравановъ и *жаловался на обиды и грабежи, причиняемые купцамъ отъ киргизовъ,* и въ предотвращеніе ихъ предполагалъ поручать торговые караваны „въ особливое смотрѣніе Нурали-Хана или же учредить для того особаго старшину". Ширбекъ передадъ Неплюеву копію съ листа хивинскаго Хана Государынѣ и письма Каипа Неплюеву и Товкелеву. Доказывая въ высокопарныхъ выраженіяхъ необходимость частыхъ сношеній Россіи съ Хивой, Каипъ просилъ о возвращеніи Артыкъ-Батыря[b] и чтобы караваны, для большой безопасности, ходили впредь чрезъ улусы отца его Батыря, а не чрезъ владѣнія Нурали-Хана, которому, равно какъ и брату его Адилю, слѣдовало-бы запретить брать пошлины. Неплюевъ хорошо сознавалъ, что Ширбекъ сдѣлалъ такое предложеніе съ цѣлію уничтожить всякое вліяніе Нурали на караванную торговлю и лишить его доходовъ съ провозимыхъ черезъ степь товаровъ, а потому отклонилъ предложеніе Ширбека и сказалъ, что безопастность торговаго караваннаго пути достаточно обезпечена ручательствомъ Нурали-Хана и его обѣщаніемъ, даннымъ въ 1749 году въ Оренбургѣ, гдѣ присутствовали всѣ салтаны, кромѣ Батыря, отца Каипа; что Батырю слѣдуетъ быть солидарнымъ съ своимъ ханомъ, а купцамъ платить установленную обычаемъ пошлину и брать себѣ въ провожатые надежныхъ лю-

---

a) Тамъ же, л, 115.

b) Артыкъ-Батырь былъ отправленъ прежнимъ Ханомъ посломъ въ Россію и жилъ въ Астрахани, откуда его люди каждое лѣто пріѣзжали въ Оренбургъ для торга. На просьбу Каипа о возвращеніи его, отвѣтили, что Артыкъ-Батырь пріѣзжалъ къ Неплюеву въ Самару, откуда былъ отправленъ въ Астрахань и что «Астрахань и Оренбургъ такія мѣста, въ которыя всякихъ націй люди пріѣзжать, жить и отъѣзжать вольны». Тамъ же, л. 116.

дей, тогда прекратятся грабежи каравановъ и торгъ пойдетъ успѣшнѣе. Хивинскій Ханъ, отправляя Ширбека, желалъ, чтобы онъ представленъ былъ ко Двору и лично вручилъ Государынѣ листъ своего Хана; Неплюевъ, чтобы не раздражить Хана и чрезъ то не повредить торговлѣ, ходатайствовалъ о томъ; но Коллегія Ин. Дѣлъ писала ему: „отвѣтъ вашъ, данный на представленіе хивинскаго посланника Ширбека и изъясненіе ему о преимуществѣ надъ Баракъ-Салтаномъ Нуралли-Хана киргизъ-кайсацкаго и проч. здѣсь апробуется; но что принадлежитъ до того хивинскаго посланника, то о свободѣ Хивы отъ Персидскаго подданства публичныхъ вѣдомостей здѣсь еще нѣтъ и потому за несходство признавается, чтобъ хивинскій Ханъ, будучи несамовластнымъ владѣльцомъ, какъ то прежде было, прямо къ здѣшнему Двору своихъ посланниковъ отправлялъ, но довольно и того, чтобъ Ханъ о принадлежащихъ дѣлахъ съ вами или съ губернаторомъ астраханскимъ, яко съ пограничными командиры, корреспонденцію имѣлъ. Итако имѣете вы оному посланнику объявить, что нынѣ по вышеобъявленному резону сюда ко Двору его отправить неприлично и невозможно, и для того онъ посланникъ отправленный съ нимъ отъ Хана его листъ и подарки, буде оные есть, отдалъ бы вамъ, объявляя ему, что вы оное имѣете отправить сюда, что вы, по отдачѣ отъ него, и дѣйствительно учинить имѣете, а до полученія отсюда на оный ханскій листъ отвѣта, можетъ онъ посланникъ въ Оренбургѣ обождать или, буде похочетъ, не ожидая онаго, и обратно въ Хиву ѣхать, яко вы потомъ всегда оный отвѣтъ и прямо къ Хану отъ себя отправите. И ежели оный посланникъ, не ожидая отсюда отвѣта, изъ Оренбурга возвратится; то, при отъѣздѣ его, имѣете ему и свитѣ его[a] учинить казенными деньгами или товарами награжденіе, по тамошнему вашему съ бригадиромъ Тевкелевымъ общему разсужденію (дабы то и впредь примѣромъ быть могло), и отправить съ нимъ отъ себя къ Хану хивинскому письмо въ пристойныхъ терминахъ, чего для при семъ сообщаются вамъ копіи съ двухъ писемъ[b] канц-

---

a) Свита Ширбека составляли 8 челов. узбековъ, а именно: купчина Гаширбай Мулланадыровъ, казначей Нуралабай Кутлубаевъ, ключникъ Кутлубай Давлетбаевъ, конюхъ Джанкабулъ Баитляевъ, постельникъ Кадыбердыбай Худайбердинъ, есаулъ Гумербай Бабаевъ, кухмейстеръ Авязханды Ніязовъ и кощей Уразмухаммедъ Ніязовъ.

b) Оба письма были отправлены Бестужевымъ-Рюминымъ къ Эбульказы-Мухаммедъ-Батырь Хану: первое 9 декабря 1743 г. было послано съ хивинскимъ посломъ, Алла-Вердіемъ, а второе, отъ 19 декабря 1746 г., съ посланцемъ Мулла-Аджи-Мухамедомъ. Алла-Вердій пріѣхалъ въ Астрахань съ просьбой объ усиленіи торговыхъ сношеній Россіи съ Хивой и о возвращеніи Артыкъ-Батыря, а Мулла-Аджи-Мухаммедъ былъ посылаемъ для поздравленія Государыни Елизаветы Петровны съ восшествіемъ на престолъ и съ предложеніемъ установить торгъ на болѣе прочныхъ основаніяхъ.

лера графа Бестужева-Рюмина въ 1743 и въ 1746 годѣхъ къ ханамъ хивинскимъ съ послѣдними ихъ посланники отправленныхъ.[a]"

Ширбекъ, не дожидаясь отвѣта изъ Петербурга на ханскій листъ, рѣшился ѣхать въ Хиву; предъ отъѣздомъ изъ Оренбурга онъ просилъ, чтобы ему позволили купить въ Башкиріи беркутовъ, ястребовъ и соколовъ для ханской охоты, и разрѣшили желающимъ изъ хивинцевъ ѣздить для моленія въ Мекку чрезъ Астрахань. Вмѣстѣ съ Ширбекомъ долженъ былъ отправиться торговый караванъ Абдуллы Хаялина, въ которомъ по выписной цѣнѣ было на 3000 р. товару; при караванѣ находились сакмарскій казачій старшина Кубекъ Байназаровъ и прикащики: Надыръ Сафёровъ и Агаферъ Абдюковъ. Ширбекъ изъявилъ готовность проводить караванъ Хаялина не тотько до Хивы, но и далѣе: въ Бухару и даже до Индіи. При прощаньи съ Неплюевымъ и Тевкелевымъ, Ширбекъ получилъ различныхъ подарковъ на 200 рублей и отвѣтныя письма къ Каипу, въ которыхъ они, излагая всѣ обстоятельства дѣла, увѣдомляли Хана, что его листъ отправленъ съ нарочнымъ офицеромъ ко Двору, откуда онъ и получитъ отвѣтъ, о бывшихъ же переговорахъ можетъ узнать отъ Ширбека. По окончаніи всѣхъ сборовъ, Ширбекъ 11 сентября 1750 г. отправился въ путь; къ нему присоединились и хивинцы, пріѣзжавшіе въ Оренбургъ для торга. Ширбекъ теперь долженъ былъ возвращаться не по прежней дорогѣ, а чрезъ улусы Нурали-Хана. Неплюевъ, для большой безопасности, далъ ему въ провожатые до ханской ставки толмача Усмана Арасланова съ письмомъ къ Нурали-Хану, а приказчики Хаялина отданы были на попеченіе Куманъ-Ходжѣ изъ Китенскаго рода, сыну Аралъ-Мурзы, его племяннику Кутлубаю и присланному отъ Хана Малыбаю. Нурали-Ханъ кочевалъ въ это время при р. Соленомъ Уилѣ. Спутники Ширбека скоро отстали отъ него: на четвертый день, когда они переѣхали чрезъ р. Илекъ, Агаферъ за усталостью верблюдовъ остался съ Кутлубаемъ и Куманъ-Ходжею въ ихъ улусѣ, а черезъ восемь дней хивинскіе купцы, достигши вершинъ рѣки Уила, уговорились съ Кучкарбаемъ (Чиклинскаго рода), чтобы онъ за восемь рупій съ каждаго проводилъ ихъ до Хивы, и потому отстали отъ Ширбека и, не желая заѣзжать къ Нурали, отговорились тѣмъ, что они имѣютъ на товарахъ печать его сына, содержавшагося аманатомъ въ Оренбургѣ. Въ замѣнѣ ихъ къ Ширбеку присоединились торговые туркмены, въ числѣ коихъ были двое бѣглыхъ: одинъ башкирецъ и другой казанскій татаринъ. 29 сентября Ширбекъ, чрезъ улусъ Китенскаго рода Тунычи-Ба-

---

a) Тамъ же, л. 114 наоб. и л. 115

тыря, прибылъ въ ставку Нурали-Хана, гдѣ ему пришлось прожить почти мѣсяцъ, въ ежедневномъ страхѣ за свою жизнь. Нужно замѣтить, что Нурали крайне былъ огорченъ, когда узналъ, что Ширбекъ не только осмѣлился проѣхать въ Оренбургъ, минуя его улусы, но даже обратился къ Неплюеву съ предложеніями, которыя были-бы во вредъ Нурали. Подъ первымъ впечатлѣніемъ гнѣва, Ханъ написалъ и отправилъ Неплюеву письмо, въ которомъ настоятельно и даже съ угрозами просилъ задержать Ширбека и его свиту до своего пріѣзда въ Оренбургъ, ссылаясь на непріязненныя дѣйствія со стороны Каипа и Батыря противъ Россіи. Въ разговорѣ съ Гуляевымъ Нурали намекалъ на необходимость завоеванія Хивы, для развитія торговли Россіи съ средне-азіатскими народами. Въ то же время Ханъ вошелъ въ сношеніе съ Такаямудскими туркменами, стараясь склонить ихъ къ походу на Хиву. Но самонадѣянный Ханъ не могъ не замѣтить, что Русское правительство вовсе не было расположено поддерживать его плановъ относительно завоеванія Хивы, а туркмены надѣялись, при помощи персіанъ, сами овладѣть Хивою и возвести на ханскій престолъ, вмѣсто Каипа, Акк оджу, сына убитаго Надыръ-Шахомъ Имбарса. Такимъ образомъ Нурали, предоставленный собственнымъ своимъ силамъ, не могъ начать открытой борьбы съ Каипомъ, а потому онъ рѣшился выжидать, въ надеждѣ склонить со временемъ русскихъ на свою сторону. Положеніе Нурали было крайне непріятное и затруднительное: вынужденный сдерживать свою злобу, онъ долженъ былъ въ то же время укрощать и подвластныхъ ему киргизъ, которые не переставали волноваться; привыкнувъ смотрѣть на хивинцевъ, какъ на непримиримыхъ своихъ враговъ, они, при каждомъ удобномъ случаѣ, грабили хивинскіе караваны. Незадолго до прибытія Ширбека къ Хану, алчинцы и алтыбащцы, подъ предводительствомъ старшины Байсаубія, ограбили хивинскій караванъ изъ 40 верблюдовъ. Узнавъ, что у Хана находится хивинскій посолъ, двое киргизъ, отцы которыхъ были убиты хивинцами при грабежѣ, явились съ сайдаками къ палаткѣ Ширбека, чтобы убить его и перебить его свиту, такъ-что Нурали изъ предосторожности вынужденъ былъ переселить Ширбека въ кибитку къ своему писарю. Спустя четыре дня послѣ пріѣзда Ширбека къ Хану, явилось сто киргизцевъ Алача-Кызылъ-Куртскаго рода, которые требовали выдачи имъ Ширбека для отмщенія за оскорбленіе киргизовъ и за убійство у нихъ четырехъ человѣкъ. Ханъ отказалъ имъ въ этомъ; киргизы, не скрывая своей злобы, стали просить у него человѣка съ ханскою печатью, чтобы нагнать хивинцевъ, выѣхавшихъ изъ Оренбурга. Нурали не согласился и на это. Тогда киргизы, подъ предводительствомъ Карабая, погнались вслѣдъ

за хивинцами и настигли ихъ при урочищѣ Шамматаѣ за р. Эмбой; но не осмѣлились напасть на нихъ, а увѣривъ ихъ, что они посланы отъ Хана, собрали съ купцовъ 60 кожъ и на 60 кафтановъ кармазиннаго сукна; Карабай взялъ два кафтана даже на имя самого Нурали. Видя такое озлобленіе алчинцевъ, Нурали не рѣшался отпустить Ширбека, пока не было получено извѣстіе о возвращеніи ихъ въ улусы и пока не пріѣхалъ изъ Оренбурга Карабай-Батырь (изъ Чиклинскаго рода), который, какъ сильный и вліятельный въ степи человѣкъ, могъ быть надежнымъ проводникомъ Ширбека до Хивы. Между тѣмъ хищничества киргизцевъ не прекращались и проѣздъ по степи со дня на день становился опаснѣе. Еще не успѣли забыть въ степи о грабежѣ киргизцевъ Алага-Казылъ-Куртскаго рода, какъ пришло извѣстіе, что киргизы Алага-Алтыбашскаго рода Кулсары, Тлявберды и Утявли съ товарищами разграбили хивинскій и бухарскій караваны, шедшіе изъ Оренбурга на 60 верблюдахъ. Чтобы избѣжать отвѣтственности передъ Ханомъ, алтыбащцы предложили самому Нурали принять изъ ограбленныхъ вещей товара на двухъ верблюдахъ; но Ханъ не только отказался отъ ихъ предложенія, а, упрекая ихъ въ разбоѣ, требовалъ возвращенія потерпѣвшимъ всего похищеннаго. Охраняя жизнь и довольствуя пищею въ продолженіе цѣлаго мѣсяца Ширбека и его свиту, Нурали, какъ это ни было оскорбительно для его самолюбія, рѣшился наконецъ 26 октября пригласить къ себѣ хивинскаго посла, чтобъ отпустить его въ дальнѣйшій путь Прощаніе было не продолжительно, и Нурали отнесся къ Ширбеку очень холодно и сдержанно, поручивъ спросить Каипа, когда онъ перестанетъ съ нимъ ссориться и возвратитъ пожитки, награбленные хивинцами у киргизовъ, а когда Ширбекъ сталъ просить у Нурали письма къ Каипу, то Ханъ отвѣтилъ, что онъ уже не разъ посылалъ въ Хиву свои письма, но ихъ всегда тамъ раздирали, а посланниковъ возвращали со стыдомъ; „ты не ко мнѣ посланъ“,—сказалъ Нурали,—„и долженъ быть благодаренъ, если, по просьбѣ губернатора и бригадира, препроводятъ тебя безопасно въ Хиву.“ Съ этими словами Ханъ простился съ посланникомъ Каипа, и въ тотъ же день Ширбекъ, въ сопровожденіи Кубека, Надыра, Кара-Батыря и другихъ, отправился въ дальнѣйшій путь, а 15 ноября того же года выѣхалъ изъ Хивинской ставки и толмачъ Арасдановъ, въ сопровожденіи брата Хана, Адиль-Салтана, и его дяди Мурзатая.[a] Прощаясь съ Арасланo-

---

[a] Адиль ѣхалъ въ улусъ Серки-Батыря, для свиданія съ своей невѣстой, дочерью жены бывшаго аральскаго хана Шахъ-Темира, находившейся въ улусѣ Серки, а Мурзатай долженъ былъ получить калыкъ за дочь Нурали-Хана, сговоренную за Алявша-Салтана, брата невѣсты Адиля.

вымъ, Нурали поручилъ ему благодарить Неплюева и Тевкелева за всѣ ихъ благодѣянія, и жаловался на своихъ подчиненныхъ, которые своими необдуманными поступками подвергали его частой отвѣтственности. Вмѣстѣ съ тѣмъ Нурали поручился за то, что торгъ нисколько не пострадаетъ отъ происшедшихъ грабежей; что онъ намѣренъ самъ собрать нѣсколько киргизовъ и, во главѣ купеческаго каравана, поѣдетъ въ Хиву съ предложеніемъ о мирѣ и только въ крайнемъ случаѣ рѣшится дѣйствовать оружіемъ. Нурали дѣйствительно сталъ избѣгать всякаго повода къ открытой враждѣ съ хивинскимъ ханомъ. Въ декабрѣ 1750 года явился къ Нурали нарочный посланецъ отъ Каипа, вмѣстѣ съ Кучкарбаемъ, и отъ имени своего хана потребовалъ возвращенія товаровъ, ограбленныхъ Байсаубіемъ; Нурали не только отдалъ пріѣхавшимъ хивинцамъ ихъ вещи, но собралъ старшинъ Байсаубія, Бабатая и Джулбая и настоятельно потребовалъ отъ нихъ возвращенія всего похищеннаго. Узнавъ, что Байсаубій успѣлъ отправить нѣсколько рупій въ Оренбургъ для промѣна, Нурали просилъ Тевкелева задержать посланныхъ непослушнаго бія. Не смотря на это, Каипъ, какъ-бы на зло Нурали, пользовался всякимъ удобнымъ случаемъ, чтобы вредить ему. Онъ запретилъ купцамъ своимъ ѣздить въ Оренбургъ и обратно чрезъ улусы Нурали, а чтобы они ходили чрезъ аулы его отца Батыря; даже посланецъ Ширбекъ лишился большой части своего имущества только за то, что осмѣлился возвращаться чрезъ улусы Нурали, а не той дорогой, которой ему было приказано ѣхать. Хивинскіе купцы и раньше проѣзжали мимо кочевьевъ Нурали, чтобы избѣжать уплаты пошлинъ, а теперь, согласно желанію Каипа, почти всѣ торговцы стали ѣздить окольными путями. Попытка Нурали положить этому предѣлъ не имѣла успѣха. Между тѣмъ Каипъ сталъ притѣснять торгующихъ въ Хивѣ киргизцевъ, сбирая съ нихъ огромную пошлину: съ каждаго барана, который продавался за 5 рупій, онъ бралъ себѣ двѣ рупіи, тогда какъ раньше бараны продавались безпошлинно.[a] Потерявъ всякое терпѣніе, Нурали позволилъ киргизцамъ грабить хивинскіе караваны, которые будутъ проходить по степи, минуя его улусы. Киргизы, склонные къ грабежу, не замедлили воспользоваться этимъ дозволеніемъ: въ іюнѣ 1753 г. 80 ч. киргизъ напали на хивинскій караванъ,[b] шедшій въ Оренбургъ, и разграбили его въ вершинахъ р. Сагиза, а вслѣдъ затѣмъ были ограблены 15 хивинцевъ и туркменовъ, возвращавшихся изъ Оренбурга въ Хиву съ 20 вьючными

---

a) Письмо Нурали къ Неплюеву, отъ 30 авг. 1753 г.

b) Караванъ состоялъ изъ 6 вьючныхъ верблюдовъ и 4 лошадей, при 24 хивинцахъ; часть товара принадлежала казанскому татарину Аиту Усѣеву.

верблюдами,[a] — словомъ грабежи стали повторяться очень часто. Хорошо сознавая, какъ Русское правительство дорожитъ свободнымъ пропускомъ каравановъ и торговыми сношеніями съ Средней Азіей, Нурали расчитывалъ, что частые грабежи заставятъ пограничное начальство помочь ему въ борбѣ съ Каипомъ и его сторонниками или, по крайней мѣрѣ, дать ему нѣкоторыя льготы. Нурали дѣйствительно не ошибся въ своихъ расчетахъ. Извѣстіе о грабежахъ, грозившихъ мѣновой торговлѣ русскихъ съ средне-азіатскими народами, не могло не обезпокоить Неплюева, мечтавшаго уже о начатіи торга съ Индіей. Посовѣтовавшись съ Тевкелевымъ, Неплюевъ отправилъ къ Нурали-Хану переводчика Гуляева, который, дѣйствуя отъ имени Тевкелева, долженъ былъ доказать Хану необдуманность его поступковъ и настоять на возвращеніи ограбленныхъ товаровъ; Гуляеву также поручено было внушить Нурали, что онъ тогда только можетъ снова пріобрѣсти довѣріе начальства, когда прекратитъ начавшіеся грабежи каравановъ, и что въ награду за это получитъ право на годовой окладъ жалованья,[b] если недостатокъ средствъ былъ причиною его дурнаго обращенія съ проѣзжими купцами. Въ то же время копіистъ Курчеевъ былъ посланъ отъ Тевкелева съ письмомъ къ киргизскимъ біямъ Казабаю и Асабаю, которыхъ Тевкелевъ просилъ о покровительствѣ и содѣйствіи хивинцамъ.

Когда Гуляевъ прибылъ къ Нурали, кочевавшему тогда по р. Уилу, Ханъ тотчасъ же отправился въ Каракитенскій родъ, подъ предлогомъ поминовенія одного изъ умершихъ старшинъ. Возвратившись оттуда, Нурали, послѣ неотступныхъ требованій Гуляева, согласился принять его наединѣ. Ханъ принялъ Гуляева холодно и въ рѣзкихъ выраженіяхъ изложилъ ему причины своей вражды съ Батыремъ и Каипомъ. Нурали въ своемъ письмѣ къ Неплюеву, между прочимъ, выражалъ надежду, что Русское правительство не откажетъ дать ему до 10000 войска съ пушками, для завоеванія Хивы.[c] Много-бы выиграла Россія въ торговомъ отношеніи, замѣчаетъ Левшинъ, если бы дѣти Абулъ-Хаира завоевали Хиву;[d] но Правительство находило въ томъ больше трудностей, чѣмъ предполагаемой пользы, и потому предоставило это на волю самого Нурали и его братьевъ. Между тѣмъ обѣщанное Нурали жалованье, въ случаѣ прекращенія грабежей въ степи, подѣйствовало на корыстолюбиваго Хана; по крайней мѣрѣ, съ этого времени онъ сталъ сговорчивѣе. Въ надеждѣ

---

a) Рапортъ Гуляева 15 авг. 1753 г.
b) Смотр. выше стр. 797—798.
c) Письмо Нурали къ Неплюеву, отъ 25 авг. 1753 г.
d) Описаніе киргизъ-кайсацкихъ ордъ и степей, ч. II, стр. 205 и д.

на полученіе годоваго жалованья, Нурали рѣшился запретить грабежи каравановъ и возвратить ограбленный товаръ, а въ доказательство своей преданности къ Россіи, обѣщался зимой кочевать по р. Яику, около казачьихъ форпостовъ, и просилъ командировать къ нему на зиму одного изъ русскихъ офицеровъ.[a] Въ тоже время, предупреждая виды правительства, Нурали самъ вызвался ѣхать въ Хиву или отправить туда уполномоченныхъ біевъ, для разбирательства спорныхъ дѣлъ между киргизами и хивинцами, прося назначить 2 или 3 чел. со стороны русскихъ, въ качествѣ свидѣтелей при разбирательствѣ ссоръ.[b]

Неплюевъ весьма былъ радъ такому обороту дѣлъ, и съ удовольствіемъ принялъ предложеніе Нурали. Воспользовавшись имъ, онъ не замедлилъ снарядить купеческій караванъ, въ которомъ товаровъ было на 20000 р., и отправилъ его въ Хиву, подъ наблюденіемъ Чучалова, вручивъ ему дружескія письма и подарки къ хивинскому Хану Каипу и къ старшинѣ Куразбеку, пользовавшемуся особеннымъ вліяніемъ на хана. Изъ доношенія Неплюева въ Коллегію Ин. Дѣлъ, отъ 5 мая 1754 г., видно, что Куразбекъ особенно заботился о развитіи мѣновой торговли русскихъ съ хивинцами. Не смотря на грабежи киргизовъ, онъ постоянно заставлялъ хивинскихъ купцовъ ѣздить въ Оренбургъ съ золотомъ, серебромъ и драгоцѣнными каменьями, и всегда ласково и дружелюбно принималъ русскихъ торговцевъ въ Хивѣ. Когда караванъ прибылъ благополучно въ улусы Нурали, ханъ не замедлилъ избрать нѣсколько старшинъ и простыхъ киргизцевъ для сопровожденія его въ Хиву; переводчикъ Гуляевъ, находившійся въ ставкѣ хана, также долженъ былъ присоединиться къ каравану, въ качествѣ уполномоченнаго лица отъ Неплюева. Доѣхавъ до горы Ирняка,[c] старшины каравана съ общаго согласія отправили напередъ киргизцевъ Турмамботя, Кайсару-Батыря, оренбургскаго татарина Алея Армякова и троихъ хивинцевъ доложить Каипу и Куразбеку о своемъ пріѣздѣ и просить ихъ, чтобы для помѣщенія товара были отведены имъ лавки. Ханъ приказалъ отвести лавки и отправить на встрѣчу каравана двоихъ изъ своихъ служащихъ, которые должны были, осмотрѣвъ и запечатавъ тюки, сопровождать купцовъ въ Хиву. 17 декабря 1753 г., когда караванъ былъ на разстояніи только 25 верстъ отъ Хивы, прискакалъ ханскій достарханъ (скатертникъ) Елкайдаръ съ извѣстіемъ, что Каипъ убилъ Куразбека, вознамѣрившагося умертвить самого Хана. Елкайдаръ, отъ имени

---

a) Рапортъ Гуляева, отъ 21 сентября 1753 г.
b) Письмо Нурали, отъ 21 сентября 1853 г.
c) Ирнякъ наход. на разстояніи около 4 дней ѣзды отъ Хивы.

хана, приказалъ каравану ѣхать немедленно въ городъ, пока туркмены, живущіе около Хивы, еще не узнали о смерти Куразбека, пользовавшагося огромнымъ уваженіемъ среди хивинцевъ, туркменовъ и каракалпаковъ. Караванъ тотчасъ же отправился въ путь, подъ охраною высланныхъ ханомъ 17 чел. конвоя. Въ этотъ же день караванъ прибылъ въ пригородъ Кошъ-Куперъ, гдѣ переночевалъ; здѣсь присоединились къ каравану 50 чел. узбековъ, 110 туркменцовъ и около 100 чел. кунградцевъ. На другой день караванъ отправился дальше и на пути встрѣтился съ 50 мергенами, командированными къ нему отъ Каипа. За версту отъ Хивы встрѣтилъ караванъ и его спутниковъ хивинскій шигаулъ съ 12 мергенами, поздравилъ посланцевъ Нурали и Неплюева съ благополучнымъ прибытіемъ, ввелъ ихъ въ городъ и размѣстилъ по квартирамъ; для верблюдовъ съ товарными тюками было отведено мѣсто въ Караванъ-Сараѣ, а Гуляеву и Чучалову велѣно хранить у себя письма, пока не послѣдуетъ особаго распоряженія отъ хана. 21 декабря представлялись Каипъ-Хану посланцы Нурали-Хана и вручили ему письмо своего владѣльца. Каипъ принялъ ихъ весьма любезно, а 25 числа вечеромъ пригласилъ ихъ къ себѣ и тогда же, съ общаго согласія, было постановлено, чтобы киргизы за пограбленныхъ въ 1751 г. Утявли-Батыромъ 40 хивинскихъ верблюдовъ заплатили 150 холостыхъ кобылъ. Въ то же время Каипъ распорядился, по просьбѣ турменовъ, чтобы Малыбай и Ульджа, прибывшіе съ караваномъ, были выданы имъ, какъ участники грабежа, и содержались аманатами до возвращенія всего похищеннаго. Туркмены схватили Малыбая и Ульджу, заковали ихъ въ желѣзо и увезли въ свои улусы, откуда они были скоро освобождены по приказанію самого же хана.

Оказавъ свое вниманіе посланцамъ Нурали-Хана, Каипъ совершенно иначе отнесся къ уполномоченнымъ Неплюева, Гуляеву и Чучалову. Киргизскіе старшины, жившіе при Каипѣ, успѣли внушить ему, что Неплюевъ и Товкелевъ прислали двухъ верблюдовъ, навьюченныхъ разными подарками, къ Куразбеку, ихъ другу; что Гуляевъ прибылъ въ Хиву не для свидѣтельства при разборѣ ссоръ, а „для примѣчанія Хивы и предѣловъ оной“; что русскіе не возвращаютъ бѣглыхъ изъ степи персіанъ и другихъ плѣнныхъ, хватаютъ киргизцевъ по разнымъ клеветамъ, заковываютъ ихъ въ желѣзо, бьютъ плетьми и кнутомъ, сажаютъ въ тюрьму и т. п.; что причина всему злу Гуляевъ, котораго слѣдуетъ лишить жизни. Такимъ образомъ положеніе Гуляева и Чучалова сдѣлалось крайне тяжелымъ и опаснымъ. Каипъ, довѣрившись клеветамъ своихъ совѣтниковъ, приказалъ приставить къ квартирѣ Гуляева и Чучалова караулъ изъ девяти своихъ мергеновъ, которые должны были наблюдать, чтобы посланцы

не могли убѣжать и чтобы русскіе плѣнники, находившіеся въ Хивѣ, къ нимъ не приходили и не передавали никакихъ вѣстей, а 27 декабря вечеромъ ханъ чрезъ своего шигаула вытребовалъ у нихъ письма къ себѣ и къ Куразбеку, чтобы убѣдиться, дѣйствительно-ли былъ присланъ подарокъ на имя покойнаго Куразбека. Время шло, а Каипъ все не приглашалъ къ себѣ русскихъ посланцевъ; безпокойство ихъ еще болѣе усилилось, когда они узнали, что Каипъ одарилъ киргизскихъ посланцевъ и намѣренъ отправить ихъ обратно къ Нурали-Хану, чтобы требовать отъ него всего пограбленнаго и выдачи за него средней его дочери Матырь-Ханикей, за которую Каипъ сватался еще въ 1752 г. Нурали тогда же изъявилъ готовность исполнить желаніе Каипа, если онъ пришлетъ сватами добрыхъ и хорошихъ людей. Между тѣмъ Бура, чрезъ котораго Каипъ сдѣлалъ предложеніе дочери Нурали, отправляясь въ Хиву въ 1753 г. съ купеческимъ кораваномъ, забылъ спросить Нурали объ его дочери, Каипъ же снова возобновилъ свое предложеніе и просилъ Мусульманъ-Бія, роднаго брата Буры, не можетъ ли онъ, вмѣсто хана, совершить брачной молитвы. Опасаясь гнѣва Каипа, Мусульманъ-Бій отвѣтилъ утвердительно. Гуляевъ и Чучаловъ, а равно и Мурзатай, родной дядя Нурали, поручились за то, что Нурали не станетъ противиться ничему, что бы ни сдѣлали его повѣренные. Гуляевъ замѣтилъ при этомъ, что онъ самъ слышалъ „отъ дворовыхъ бабъ“ хана, что онъ „весьма склоненъ и намѣренъ отдать дочь свою за Каипа“. Очевидно Гуляевъ и Чучаловъ находили, что родственный союзъ киргизскаго и хивинскаго хановъ можетъ послужить лучшимъ средствомъ къ прекращенію ихъ взаимной вражды и обезопасить проѣздъ чрезъ степь торговыхъ каравановъ. Вечеромъ 6 Января Мусульманъ-Бій, Мурзатай и другіе были приглашены во дворецъ Каипа, гдѣ была прочтена брачная молитва и совершены обычныя поздравленія. Воспользовавшись случаемъ, Мусульманъ-Бій спросилъ Каипа, почему онъ такъ долго не допускаетъ до себя Гуляева и за что приказалъ туркменамъ схватить Малыбая и Ульджу, пріѣхавшихъ къ нему посланцами. Каипъ отвѣчалъ, что онъ не замѣдлитъ принять русскихъ чиновниковъ, какъ только успокоятся умы народа и родственниковъ Куразбека, взволнованные смертію послѣдняго; что съ тою же цѣлію онъ приказалъ схватить и киргизскихъ посланцевъ Малыбая и Ульджу, желая угодить туркменамъ и удержать ихъ чрезъ то въ повиненіи. На другой день Каипъ отправилъ къ туркменамъ нарочнаго и 11 января они уже были въ Хивѣ. Вечеромъ того же дня ханъ позвалъ къ себѣ Малыбая и распрашивалъ его о русскихъ, не прибыли ли они „для примѣчанія его владѣній“, чтобы совре-

мнениемъ отомстить хивинцамъ за гибель Бековича-Черкасскаго. Малыбай старался разъубѣдить хана въ его подозрѣніяхъ, но тщетно: Каипъ остался при своемъ мнѣніи и недовольный тѣмъ, что Ширбекъ не былъ допущенъ къ Императорскому Двору, сказалъ, что онъ не только не пропуститъ никуда пріѣхавшихъ купцовъ, но запротитъ и хивинцамъ отправляться для торга въ Россію. Между тѣмъ Гуляевъ и Чучаловъ, чтобы добиться аудіенціи у хана, начали дѣйствовать чрезъ любимцевъ Каипа. Они взяли въ долгъ у купцовъ за 6 червонцевъ 5 аршинъ голландскаго алаго сукна и подарили его ханскому шигаулу, прося его доложить о нихъ хану. Каипъ однакожъ ничего не сдѣлалъ по этому докладу. Тогда наши посланцы 13 января обратились съ тою же просьбою къ Утягану, самому любимому ханскому достарханчею, и подарили ему голову сахару и кармазиннаго краснаго сукна на кафтанъ, цѣною въ 8 червонцевъ и 3 рупіи. Но Каипъ не уважилъ и этого ходатайства. Встревоженные непреклонной волей хана, русскіе чиновники на слѣдующій день (14 января) пригласили къ себѣ Мурзатая, Мусульманъ-Бія и прочихъ киргизцевъ, для совѣщанія, что дѣлать. Они, между прочимъ, говорили о трудности пути во время зимы черезъ степь: напоминали о приказаніи Нурали не возвращаться отдѣльно отъ каравана, грозили Мусульманъ-Бію, еще не разу небывавшему въ Оренбургѣ, лишеніемъ награды, которая ожидала его отъ Неплюева, и платы, обѣщанной ему Нурали отъ имени купцовъ за безопасное препровожденіе каравана,— словомъ старались убѣдить Мусульманъ-Бія, чтобы онъ подъ какимъ нибудь предлогомъ, отложилъ отъѣздъ до весны, когда онъ могъ-бы отправиться, взявъ съ собою караванъ и расторговавшихся купцовъ. Киргизцы, присутствовавшіе на этомъ совѣщаніи, были того же мнѣнія и предложили бію, чтобъ онъ самъ уговорилъ Каипа послать кого-либо „помладше“, а не его; въ противномъ же случаѣ, т. е. еслибы ханъ заупрямился, Мусульманъ-Бій долженъ былъ настаивать на томъ, чтобы Каипъ принялъ къ себѣ русскихъ посланцевъ.

Мусульманъ-Бій, при первомъ же свиданіи съ Ханомъ, сталъ просить объ оставленіи его въ Хивѣ до весны. Каипъ отказалъ ему и, послѣ неотступной просьбы всѣхъ киргизцевъ, согласился видѣть Гуляева. Вечеромъ 6-го февраля къ Гуляеву явился ханскій шигаулъ и, въ сопровожденіи Мусульманъ-Бія и Мурзатая, повезъ его въ ханскій дворецъ, впереди шли съ ружьями девять мергеней, стоявшіе на караулѣ. Вотъ и ханскій дворецъ. Шигаулъ вводитъ Гуляева и его спутниковъ въ передній залъ, по обоимъ сторонамъ котораго стояло до 200 мергеней съ ружьями. Сначала гостей усадили здѣсь и не допуская до хана, „подчи-

вали ханскою пищею," когда же кончилось угощеніе, шигаулъ пригласилъ Мурзатая и другихъ киргизцевъ въ особый покой, а Гуляева взяли подъ руки два осаула и, вмѣстѣ съ шигауломъ, ввели въ помѣщеніе, гдѣ находился ханъ. Каипъ принялъ русскаго посла при самой торжественной обстановкѣ, какъ не принималъ еще не одного посла. Властелинъ Хивинскаго ханства сидѣлъ на золотомъ тронѣ, во всемъ ханскомъ нарядѣ и въ золотомъ вѣнцѣ. Когда шигаулъ доложилъ ему о Гуляевѣ, ханъ сдѣлалъ знакъ, чтобы его подвели ближе къ нему. Гуляевъ, стоя на колѣняхъ, приблизился къ хану и приклонилъ правое плечо, на которое ханъ наложилъ свою руку; вслѣдъ затѣмъ есуалы взяли Гуляева подъ руки и поставили его у порога. Гуляевъ, татаринъ и мухаммеданинъ по вѣроисповѣданію, проговорилъ обычную у мусульманъ при свиданіи молитву, по окончаніи которой, ханъ спросилъ его: „здравствуешь-ли ты посолъ?". Гуляевъ, молча, поклонился. Каипъ сказалъ: „пріѣздъ твой я заблаго пріемлю". Гуляевъ снова поклонился и хотѣлъ было начать разговоръ, но есаулы взяли и вывели его изъ комнаты, а затѣмъ отвезли на квартиру. Это было единственное свиданіе, котораго удостоилъ хивинскій ханъ нашего посла въ продолженіе нѣскольких мѣсяцевъ.

Мусульманъ-Бій, согласно желанію Каипа, уже собрался въ дорогу, но неожиданный случай задержалъ его въ Хивѣ: 10 февраля Каипъ узналъ, что родственники Куразбека, Тулгабекъ и Кальметьнакъ, съ сообщниками своими, привезли изъ киргизской степи въ городъ Чапъ, построенный Куразбекомъ, Эрали-Салтана и намѣрены провозгласить его ханомъ въ Хивѣ. Встревоженный этимъ извѣстіемъ, Каипъ не отпустилъ отъ себя Мусульманъ-Бія, а къ Нурали-Хану былъ отправленъ Койсара-Батырь, который долженъ былъ просить хана о выдачѣ его дочери за Каипа. При содѣйствіи преданныхъ хивинцевъ, Каипъ умертвилъ ближайшихъ родственниковъ Куразбека, а ихъ сообщниковъ привелъ къ покорности. Затѣмъ Каипъ напалъ на Эрали-Салтана и вытѣснилъ его изъ Чапа, съ находившимися при немъ 700 каракалпаками и 100 киргизами. Каракалпацкіе старшины были убиты, остальные же каракалпаки и киргизы отпущены въ ихъ улусы. Самъ Эрали-Салтанъ былъ захваченъ въ плѣнъ и отвезенъ въ Хиву. По прошествіи шести дней, Каипъ одарилъ плѣнника наравнѣ съ Мусульманъ-Біемъ и прочими киргизскими посланцами, и отпустилъ ихъ всѣхъ съ дарами къ Нурали-Хану, прося его прислать свою дочь и возвратить разграбленные товары; съ своей стороны онъ обѣщался прекратить сборъ пошлины и удовлетворить киргизовъ за всѣ обиды. Между тѣмъ Гуляевъ и Чучаловъ должны были

оставаться въ Хивѣ; Каипъ заявилъ, что онъ не отпустить ихъ до тѣхъ поръ, пока не получитъ отвѣта отъ Нурали и не усмиритъ взбунтовавшихся туркменовъ. Печально было и положеніе купцовъ, пріѣхавшихъ изъ Оренбурга въ Хиву для торга: Каипъ приказалъ приставить караулъ ко всѣмъ привезеннымъ товарамъ, запретилъ продавать ихъ и не позволилъ желающимъ ѣхать въ Бухару; кромѣ того, лучшія вещи (тысячъ на шесть золотыхъ) забралъ для себя и дарилъ хивинскимъ, туркменскимъ, каракалпацкимъ и киргизскимъ старшинамъ, а денегъ за нихъ не платилъ, обманывая купцовъ пустыми обѣщаніями. Купцы, чтобы не лишиться всего, стали тайно вывозить товаръ изъ Каравансарая въ Ургенджъ, продавая его тамъ по самой низкой цѣнѣ, безъ всякой прибыли для себя. Наконецъ купцы, потерявъ всякое терпѣніе, рѣшились напомнить Каипу чрезъ Мурзатая объ его долгѣ; но ханъ пригрозилъ имъ смертью, если они не перестанутъ докучать ему своими просьбами.[a] Не предвидя конца дѣлу, многіе купцы желали возвратиться въ Оренбургъ, но дожидаясь уплаты имъ долга, но Каипъ не только приказалъ никуда ихъ не отпускать, а велѣлъ задерживать и работниковъ ихъ съ верблюдами. Когда самарскій купецъ Данила Рукавкинъ, не дожидаясь уплаты денегъ, уѣхалъ было изъ города, Каипъ, узнавъ о томъ чрезъ три дня, послалъ за нимъ въ погоню 40 человѣкъ, которые и возвратили его въ Хиву. Одинъ изъ торговцевъ Родіонъ Михайловъ, прикащикъ самарскаго купца Кандамаева, въ своемъ письмѣ, отъ 28 мая 1754 г., къ самарскому бургомистру Рукавкину, между прочимъ, сообщилъ, что Каипъ ни подъ какимъ видомъ не соглашается отпустить ни ихъ, ни работниковъ, и настаиваетъ на томъ, чтобы они ждали уплаты денегъ за взятый ханомъ товаръ, но когда и сколько[b] онъ намѣренъ уплатить— неизвѣстно.

Такое положеніе русскихъ купцовъ въ Хивѣ и задержаніе тамъ нашихъ пословъ, безъ сомнѣнія, было крайне непріятно Неплюеву, тѣмъ болѣе, что киргизы, даже кочевавшіе при линіи, не прекращали своихъ грабежей. Собираясь вооруженными партіями отъ 20 до 60 чел., они перебирались на внутреннюю сторону р. Яика, отгоняли скотъ, захватывали въ плѣнъ людей, разбивали разъѣзды и конвой и покушались на убійство.

---

a) Рапортъ Гуляева и Чучалова изъ Хивы, отъ 9 марта 1754.

b) Въ это время въ Хивѣ цѣны были слѣдующія: кожа 2 червонца, юфть 6 черв., сѣмя канцелярское по 6 черв. за пудъ, сахаръ 6 червонцевъ за пудъ, воскъ 8 черв.—пудъ, голь по 10 черв. поставъ, кармазинъ 60 черв. половинка, карновыя сукна по 8 четв. половинка. См. тамъ же, стр. 176.

Однакожъ, не смотря на всѣ препятствія, Неплюевъ не терялъ надежды на развитіе мѣновой торговли съ средне-азіатскими ханствами, продолжая идти вѣрнымъ и прямымъ путемъ къ достиженію разъ намѣченной имъ цѣли. Онъ не мечталъ, подобно Кириллову, о невозможныхъ въ то время завоеваніяхъ Хивы, Бухары и другихъ средне-азіатскихъ земель до Индіи, не думалъ и о построеніи русскихъ судовъ на Аральскомъ морѣ, а старался содѣйствовать распространенію торговли мѣрами спокойными, тихими и дружелюбными. Избравъ Оренбургъ и Троицкъ главными центрами мѣновой торговли, Неплюевъ пользовался всякимъ удобнымъ случаемъ, чтобы заставить азіатцевъ посѣщать ихъ, и его заботы въ этомъ отношеніи не были тщетны. По свидѣтельству Рычкова, ближайшаго сотрудника Неплюева, въ Оренбургъ, вмѣстѣ съ хивинскими, бухарскими, ташкентскими и кашгарскими караванами, пріѣзжали и другіе подъ общимъ именемъ „степныхъ народовъ", въ числѣ коихъ бывали жители и самыхъ отдаленныхъ городовъ Азіи: Кундуса, Имама, Бодокшана и др.[a]

Товары средне-азіатскихъ купцовъ состояли изъ простыхъ бумажныхъ тканей, разныхъ сортовъ парчи и полотенъ, изъ чорныхъ и сѣрыхъ бухарскихъ овчинокъ; кромѣ того, купцы также привозили камень ляписъ-лазурь и нѣкоторые изъ индійскихъ товаровъ: шолковыя матеріи, бумажныя полотна, широкіе сорта кисеи и т. п.[b] Изъ Ташкента вывозили виноградъ, шепталу, яблоки, винныя ягоды, груши и другіе фрукты,[c] но первое мѣсто, по цѣнности и важности, между привозными товарами изъ Средней Азіи занимали золото и серебро. Со смертію Шаха-Надира, его сокровища, разграбленныя Тохмасъ-Кули-Ханомъ, разошлись почти по всей Азіи и въ такомъ огромномъ количествѣ, что не только бухарскіе и хивинскіе купцы, но и простые киргизы пріѣзжали въ наши пограничныя крѣпости и на мѣновые дворы въ Оренбургъ и Троицкъ съ мѣшками, наполненными рупіями и другими восточными монетами или слитками изъ нихъ.[d] Щербатовъ говоритъ, что въ это время изъ Оренбурга поступило въ казну до 6000 пудъ абасами, сдѣланными изъ чистѣйшаго серебра; немало также было вывезено изъ Средней Азіи и такъ называемаго *копытчетаго* серебра.[e] Рычковъ сообщаетъ, что „по запискамъ и канцелярскимъ документамъ съ 1748—1755 г. имѣлось въ вы-

---

a) Топогр. Оренб. губерн., ч. I, стр. 325. Ср. Попова: «Татищевъ и его время». стр. 562.

b) Топографія Оренб. губ., ч. I, стр. 326.

c) Тамъ же, стр. 333.

d) Левшинъ. Исторія киргизъ-кайсацкихъ ордъ и степей, ч. III, стр. 120.

e) См. его неизданное сочиненіе въ «Отеч. Запискахъ» 1856 г., № 12, стр. 420. Сравн. Попова: «Татищевъ и его время», стр. 567, и Костенко: «Средняя Азія», стр. 207,

возѣ золота *около пятидесяти, а серебра около четырехъ тысячъ пяти сотъ пудовъ*".[а)] Но Рычковъ самъ же доказалъ, что „канцелярскимъ документамъ" не всегда можно было довѣрять; случалось, что и въ нихъ количество вымѣненнаго у азіатцевъ золота и серебра показывалось гораздо меньше дѣйствительнаго.

Въ 1752 году, во время пребыванія Неплюева въ Петербургѣ, Сенатъ указомъ, отъ 18 августа за № 5978, предписалъ ему „подать рапортъ въ Правительствующій Сенатъ, сколько въ 1752 году въ Оренбургской губерніи, на ярманкахъ, въ вымѣнѣ золота и серебра и въ сборѣ пошлинъ, съ пріобщеніемъ вѣдомостей и рапортовъ (если оные имѣются) Оренбургской Губернской Канцеляріи". Неплюевъ въ отвѣтъ на этотъ указъ писалъ: „Нижайше доношу, по письмамъ совѣтника Рычкова, ко мнѣ отъ 24 минувшаго іюля присланнымъ, значитъ, что сего году вступило чрезъ Оренбургъ и Троицкую крѣпость азіатскими народы привознаго и киргизцами дробно промѣниваемаго серебра до трехъ сотъ, а золота до шести пудъ, а съ весны оного весьма мало было, ибо и въ пріѣздѣ азіатцевъ почти не было. Причины же тому умаленію, по ихъ извѣстіямъ, значатся, что хивинцы и бухарцы опасность въ проѣздѣ имѣли, того ради и не ѣхали, ибо каракалпаки, подбѣгая, проѣзжихъ грабили до самаго Аральскаго моря, къ тому-жъ, наконецъ, и отъ трухменцевъ подобныя безпокойства были, которыя киргизскій Нурали-Ханъ старался отвращать, и обнадеживаетъ, что успокоитъ, какъ то и опытъ привозомъ того серебра и золота начался и болѣе того быть обнадеживаетъ, чего и чаятельно. Однакожъ имѣю честь Правительствующему Сенату представить, что купечество дѣло есть вольное и не можетъ быть въ одномъ состояніи: иногда случится, какъ то и нынѣ, меньше, а иногда можетъ быть и прошлыхъ лѣтъ больше, къ тому-жъ проѣздъ тѣхъ азіатскихъ купцовъ чрезъ толь многіе кочующіе непостоянные народы, которые между собою безпрестанно воровство производятъ, и за малое число лошадей въ ссоры входятъ; слѣдственно, оттого и проѣзжимъ помѣшательство чинится, яко въ такомъ случаѣ провожатые отъ одного въ другой народъ служить не могутъ, а безъ провожатыхъ ѣздить не возможно. Однакожъ, при всемъ томъ, всевозможные способы употребляются къ безопасности; въ прочемъ городъ Оренбургъ съ его принадлежностями, какъ то и прежнимъ моимъ нижайшимъ 20 генваря сего году въ Правительствующій Сенатъ поданнымъ (доношеніемъ) значитъ, за главное служитъ въ томъ, чтобъ Башкирію

а) Топогр. Оренб. губ., ч. I, стр. 322. Изд. 1762 г.

въ подданствѣ содержать, и Казанскую губернію и Исетскую провинцію отъ набѣговъ степныхъ народовъ охранить (которые прежде нерѣдко бывали), а притомъ и купечествомъ пользоваться, сколько который годъ таможнія окрестности дозволятъ, къ распространенію же того купечества я, по моей всеподданнѣйшей рабской должности, старался и стараюсь, и стараться не премину, дабы не токмо тоя пользы, которая чрезъ прошедшіе три года была, не лишиться, но и вящше, съ помощью Божіей, умножить. Что же изъ Оренбургской Губернской Канцеляріи обстоятельныхъ рапортовъ и вѣдомостей нѣтъ, но то нижайше доношу, что Правительствующій Сенатъ изъ доношеній моихъ прошлаго 1751 году изволилъ быть извѣстенъ, что серебра болѣе въ отпуску изъ Оренбурга въ Россію нашлось, нежели въ привозѣ изъ Азіи по запискамъ было; причины тому, что азіатцевъ, дабы не озлобить, крѣпко осматривать невозможно, къ тому-жъ отъ киргизцевъ дробно много онаго входитъ; слѣдственно, и нынѣ до окончанія ярманки и до отъѣзду купцовъ прямо познать невозможно, сколько его точно есть и будетъ. А отъ онаго-жъ совѣтника Рычкова по вѣдомостямъ значится, сверхъ золота и серебра, въ вымѣнѣ лошадей и жеребятъ 3356; барановъ и овецъ 7326; волковъ хорошихъ среднихъ и малыхъ 2234; лисицъ хорошихъ, недолисокъ и караганокъ 6141, карсаковъ 9652, товаровъ бумажныхъ разныхъ на двѣ тысячи рублей. Что же касается до доходовъ, то безсумнительно, что и нынѣшній годъ около жъ того числа будетъ, какъ и въ прошломъ 1751 году было, ибо россійскихъ товаровъ, съ которыхъ пошлина берется, по вѣдомостямъ оттуда не меньше въ привозѣ, какъ и въ томъ году (а съ серебра и золота оная не берется), но и сего до окончанія года, а по послѣдней мѣрѣ до окончанія ярмонки сообразить невозможно, ибо нынѣшній годъ, по высокому Правительствующаго Сената опредѣленію, дается купцамъ въ платежъ пошлинъ трехмѣсячныя отсрочки".[a] Между тѣмъ бригадиръ Тевкелевъ, управлявшій въ отсутствіе Неплюева Оренбургской губерніей, еще 20 апрѣля, а потомъ и 26 іюня того же 1752 года, доносилъ въ Коллегію Ин. Дѣлъ, что „до того времени въ Оренбургѣ въ привозѣ было золота только 16 фунтовъ 33 золотника и 400 червонныхъ да серебра 4 пуда, 28 ф., 36 зол." Сопоставляя цыфры Рычкова и Тевкелева о количествѣ вывезеннаго изъ Азіи золота и серебра, Коллегія Ин. Дѣлъ въ своемъ указѣ, отъ 1 сент. того же года замѣчаетъ Тевкелеву: „и потому весьма здѣсь удивительно, для чего вы, будучи нынѣ, въ отсутствіи губернатора, главнымъ въ Орен-

---

а) См. въ Тург. обл арх., столб. указовъ за 1752 г., по опис. № 25, лл. 93—94.

бургской губерніи командиромъ, въ свое время о томъ сюда не доносили; и того ради имѣете вы прислать сюда, въ К. И. Дѣлъ, извѣстіе, сколько всего нынѣ золота и серебра чрезъ Оренбургъ и Троицкую крѣпость вступило, и для чего отъ Рычкова, а не отъ васъ о томъ напредь сего писано было". Коллегія препроводила Тевкелеву и копію съ доношенія Неплюева въ Сенатъ".[a] Такимъ образомъ оказывается, что и по оффиціальнымъ вѣдомостямъ иногда означалось количество золота и серебра, привозимаго изъ Азіи, гораздо меньше дѣйствительнаго. А сколько, думаемъ, было вывезено тайно серебрянныхъ и золотыхъ монетъ, зашитыхъ въ пояса и платье?—Неплюевъ, донося о контробандномъ провозѣ золота въ Россію Коллегіи Иностр. Дѣлъ, замѣчаетъ, что это повлекло къ значительному уменьшенію вымѣниваемаго у киргизъ скота.[b] Киргизцы дѣйствительно иногда продавали свой скотъ хивинцамъ за деньги и уже съ деньгами, а не со скотомъ, являлись въ Оренбургъ для покупки русскихъ товаровъ; случалось и то, что азіатскіе купцы вымѣнивали у киргизъ на свои полотна и ткани пушной товаръ, во время проѣзда въ Оренбургъ, и потомъ перепродавали его сами русскимъ купцамъ, съ большими барышами для себя, въ Оренбургѣ и Троицкѣ.[c] Изъ русскихъ товаровъ, которые шли въ Среднюю Азію, особенно скупались охотно: сукна, преимущественно кармазинныя и мяснаго цвѣта, кашениль, индиго, брусковая краска, мишура, бисеръ, иглы, наперстки, разныя вещи изъ олова и мѣди, чугунные котлы, лисьи мѣха, бобры и выдры, юфть, особенно красная, корольки, бархатъ разныхъ цвѣтовъ, особенно же черный.[d] 21 Іюля 1747 года состоялся въ Сенатѣ указъ на имя Неплюева, въ которомъ, между прочимъ, было сказано: „Изъ присланной въ Правительствующій Сенатъ изъ Оренбургской Губернской Канцеляріи, при доношеніи минувшаго марта отъ 21 дня нынѣшняго 1747 году, вѣдомости о торгу въ Оренбургѣ россійскихъ купцовъ съ киргизъ-кайсаками усмотрѣно, что въ прошломъ 1746 г. россійскими купцами между прочими товары въ привозѣ въ Оренбургъ было ружье, турки, винтовки, кортики, мѣдные котлы, чайники, желѣзныя кирки, ковши, таганы, топоры, теслы, треношки, удѣлы, укладъ; а понеже сіе весьма предосудительно и съ высочайшими Ея Императорскаго Величества интересы несходно, чтобъ какое-нибудь ружье также свинецъ въ дѣлѣ и не въ дѣлѣ онымъ киргиз-

---

a) Тамъ же на л. 92. Подлинный указъ Тевкелеву изъ Ком. Ин. Дѣлъ, отъ 1 сентября 1752 г., за № 385.

b) Левшинъ. Описаніе киргизъ-кайсацкихъ ордъ и степей, ч. III, стр. 220 и 221: Ср. П. С. Зап., т. XIII, № 9842; т. XV, № 11088.

c) Рычковъ. Топогр. Оренб. губ., ч. I, стр. 33 и 329. Изд. 1762 г.

d) Тамъ же.

цамъ отъ россійскихъ купцовъ продавано или на мѣну товаровъ и другими образы отдавано было, которые съ онымъ ружьемъ ходятъ на воровство подъ россійскіе и подданныхъ россійскихъ калмыкъ жилища, того ради, по указу Ея Императорскаго Величества, Правительствующій Сенатъ приказали вамъ господину тайному совѣтнику наикрѣпчайше смотрѣть, чтобъ отъ россійскихъ подданныхъ всякаго чина онымъ киргизцамъ всякаго ружья, пороху, кремней, свинцу какъ не въ дѣлѣ, такъ и во всякой работѣ, какого-бъ званія ни было, отнюдь продавано и никакимъ образомъ отдавано не было, и купцамъ всѣмъ, которые туда для торговыхъ промысловъ пріѣзжаютъ, *секретно* объявить съ подпискою подъ жестокимъ штрафомъ, чтобъ они всѣхъ вышеписанныхъ вещей отнюдь туда не привозили. При томъ вамъ тайному совѣтнику, яко довольно свѣдущему киргизскихъ народовъ состояніе, разсмотрѣть и то, надлежитъ-ли ко онымъ киргизцамъ мѣдь, желѣзо и укладъ въ дѣлѣ и не въ дѣлѣ продавать, ибо по указу бывшаго Верховнаго Тайнаго Совѣта 1728 г. къ калмыкамъ не токмо ружья, пороху и свинцу, но и вышеписанныхъ вещей, а именно: стали, мѣди и желѣза во всякой работѣ, какого-бъ званія ни было, кромѣ однихъ чугунныхъ котловъ, продавать и безденежно ссужать и давать ни подъ какимъ видомъ не велѣно и, разсмотря вамъ господину тайному совѣтнику, представить въ Правительствующій Сенатъ съ подписаніемъ своего мнѣнія“.[a)]

Неплюевъ 10 октября того же 1747 года представилъ въ Сенатъ мнѣніе, что „топоры, ножи, ножницы, огнива, иглы, стремена, конныя удила, пряшки, таганы, котлы, уполовники и тому подобныя мелочи, такожъ косы и серпы, а изъ мѣди—пуговицы, перстни разныхъ рукъ да колокольчики и ширкунчики маленькіе да котлы для варенія пищи запрещать нужды не предвидится, яко изъ того пользы и надобности не видно, а къ тому жъ чаятельно и то, что ежель оныя вещи запретить, то многія изъ оныхъ могутъ и изъ азіатскихъ городовъ доставать, чрезъ что происходящая отъ торгу россійскимъ купцамъ польза и казенной пошлинной сборъ можетъ умалиться, токмо развѣ не въ дѣлѣ имѣющееся желѣзо, сталь и мѣдь для предбудущаго времени (ибо того они киргизъ-кайсаки не вымѣниваютъ) продавать имъ, такожъ и азіатскимъ купцамъ запрещать для того единаго, чтобъ у нихъ изъ оныхъ металловъ никакія художества заводиться и умножаться не могли„[b)] Сенатъ вполнѣ согла-

---

a) См. въ Тург. обл. арх., столб. указовъ 1747 г. л. 90. Указъ 21 Іюля 1747 года за № 164, получ. въ Оренбургѣ 17 августа того же года.

b) Тамъ же. Указы 1749 г., л. 67. Указъ, отъ 2 авг. 1749 г.

сился съ мнѣніемъ Неплюева и сообщилъ о томъ ему и въ Коллегію Ин. Дѣлъ.[a] Въ числѣ запрещенныхъ къ отпуску предметовъ въ Азію также были золото и серебро въ монетахъ, а изъ Азіи запрещено было вывозить ревень.[b] 27 марта 1751 года, въ отвѣтъ на доношеніе Неплюева и Тевкелева, Сенатъ приказалъ: „привозимое въ Оренбургъ и Троицкую крѣпость, состоящую на Уйской линіи, азіатскими купцами серебро и золото вымѣнивать по прежнему купцамъ на товары свои свободно, понеже и оные купцы того серебра и золота всего на партикулярныя работы употребить не могутъ, но большею частію отдаютъ оное на монетные дворы, какъ то въ 1749 и 1750 годахъ дѣйствительно уже и было; буде же они россійскіе купцы то вымѣнное серебро и золото для отдачи на монетные дворы вести не похотятъ, а для скорой выручки денегъ пожелаютъ продать въ казну въ Оренбургѣ и въ Троицкой крѣпости, то оное у нихъ и покупать на губернскія деньги, и на сколько когда по цѣнѣ того золота и серебра куплено будетъ о томъ давать знать Монетной Канцеляріи, которой тѣ деньги немедленно въ Оренбургъ отсылать, дабы въ тамошнихъ расходахъ остановки не было, а то золото и серебро брать той канцеляріи на монетные дворы. Будежь тамошнихъ доходовъ на ту покупку будетъ недостаточно, тогда Монетной Канцеляріи посылать туда деньги заранѣе, сколько когда надлежитъ, по сношенію съ нимъ Тайнымъ Совѣтникомъ Неплюевымъ, а для пробованія того серебра и золота отправить изъ Монетной Канцеляріи пробирнаго мастера съ надлежащими инструменты и припасы".[c] Но такое распоряженіе Сената вызвало существенныя возраженія со стороны Монетной Канцеляріи. 20 іюня того же года, дѣйств. ст. совѣтникъ и главноприсутствующій въ Монетной Канцеляріи князь Голицынъ представилъ въ Сенатъ особое мнѣніе по этому вопросу; онъ находилъ исполненіе Сенатскаго указа невозможнымъ, а отправку въ Оренбургъ пробирнаго мастера безполезною по слѣдующимъ соображеніямъ: 1) если пробирный мастеръ будетъ опредѣлять цѣнность монетъ, не плавя ихъ, то этого сдѣлать нельзя по множеству поступающихъ монетъ; 2) если онъ будетъ брать и пробовать изъ каждаго мѣшка или изо ста по одной монетѣ, то могутъ произойдти лишняя передача денегъ купцамъ и большой убытокъ для казны, потому что персидскія и другія азіатскія монеты, какъ это оказывается при сплавкѣ ихъ въ Москвѣ на Монетномъ дворѣ, часто встрѣчаются разныхъ пробъ, „и многія воровскія, отъ которыхъ и чинится по пробамъ въ чистотѣ униженіе, а пробный мастеръ за то можетъ прійти

---

a) Тамъ же, л. 67 на оборотѣ.
b) Рыжовъ Типогр. Оренб. губ., ч. I, стр. 329.
c) П. С. Зак., т. XIII, стр. 419, № 9842.

подъ слѣдствіе и розыскъ, а того казеннаго убытка возвратить съ него будетъ нечего"; 3) если же золото и серебро при покупкѣ плавить и тогда только его пробовать, то для этого, кромѣ пробирнаго мастера, нужно будетъ нанять и плавильщиковъ съ необходимыми инструментами, какъ то: пробирными вѣсами, горшками, муфелями и проч., которые „за субтильствомъ" (по тонкости работы) трудно и довести въ цѣлости въ столь отдаленное мѣсто, а „за неимѣніемъ оныхъ Оренбургская Губернская Канцелярія должна будетъ требовать чрезъ доношеніе отъ Монетной Канцеляріи, а въ той Канцеляріи пока что сдѣлано и отправлено и туда привезено будетъ, то въ то время обрѣтающіеся тамъ, пробователь и плавильщики, будутъ жить и жалованье получать праздно, а купцамъ будетъ остановка; 4) купленное золото и серебро по сплавкѣ будетъ отправляемо въ Москву на Монетный дворъ на ямскихъ подводахъ и за надлежащимъ канвоемъ. Въ Москвѣ оно вторично будетъ плавится, для передѣлки въ монету и для привода въ указную пробу, причемъ произойдетъ угаръ и послѣдуютъ убыточные казенные расходы; кромѣ того казна потерпитъ и отъ того, что деньги для уплаты оренбургскимъ купцамъ за купленное у нихъ серебро будутъ отправляемы изъ Москвы на свой счетъ.

Въ заключеніе своего доношенія кн. Голицынъ обращаетъ вниманіе Сената на то, что съ 1749 г. въ Москвѣ, на Монетномъ дворѣ, безъ всякихъ казенныхъ расходовъ, имѣлось въ покупкѣ отъ русскихъ и другихъ націй купцовъ серебра до 3000 пудовъ да золота до 4 пудовъ, что оно и теперь покупается и сплавляется на ихъ счетъ, при чемъ и потребные расходы, какъ-то: горшки, уголья и плата работникамъ и плавильщикамъ за сплавъ денегъ производится на деньги самихъ же купцовъ на ихъ же счетъ, при тѣхъ сплавкахъ, приводится серебро въ указную пробу, а затѣмъ уже употребляется, безъ вторичной сплавки, въ передѣлку на монету. Деньги за то золото и серебро выдаются купцамъ, за всѣми расходами и угаромъ, по указаннымъ цѣнамъ, а именно; за золото по 2 р. 52 к., а за серебро по 19 коп. за золотникъ чистаго металла, отъ чего и прибыли въ казну получено не малое число.

Опираясь на вышеизложенныхъ соображеніяхъ, князь Голицынъ считалъ необходимымъ, чтобы купцы по прежнему привозили вымѣненные ими въ Оренбургѣ золото и серебро въ Москву, на Монетный дворъ, гдѣ-бы его принимали и сплавливали, на основаніи общихъ правилъ, на счетъ самихъ купцовъ, а если бы кому-либо изъ купцовъ понадобились въ Оренбургѣ деньги, для неотложныхъ торговыхъ операцій, въ такомъ случаѣ Оренбургская Губернская Канцелярія должна была принимать отъ нихъ золото и серебро въ натурѣ на вѣсъ, и отсылать въ Монетную Контору,

при ихъ повѣренныхъ и на ихъ счетъ, а за принятое золото и серебро выдавать имъ изъ Оренбургской Губернской Канцеляріи за золото по одному рублю, за серебро по 9 коп. за каждый золотникъ; въ Москвѣ же купленное у нихъ золото и серебро должно было плавиться, въ присутствіи довѣренныхъ отъ купцовъ лицъ, на ихъ счетъ и потомъ, по сплавкѣ, наложеніи пробъ и по пріемѣ металла въ казну, Монетная Контора должна была „безъ задержаній" доставить въ Оренбургскую Губернскую Канцелярію уплаченныя ею купцамъ деньги и доплатить остальныя деньги купцамъ, кому сколько приходилось по расчету Монетной Конторы.

Въ то же время Монетная Канцелярія рапортовала въ Сенатъ, что въ присланныхъ изъ Оренбурга въ Сенатъ червонцахъ, по пробѣ ихъ на Монетномъ дворѣ, оказалось: въ индѣйскомъ чистаго золота 2 зол. и 47 долей, по указанной цѣнѣ, полагая по 2 р. 52 к. золотникъ чистаго золота, на 6 р. 27¼ к.; въ персидскомъ—2 зол. и 29 долей, на 5 р. 80 к.; въ бухарскомъ—1 зол. и 1 доля, на 2 р. 54½ к. Между тѣмъ Неплюевъ въ своемъ рапортѣ въ Сенатъ доноситъ, что эти червонцы называются рупіями, и что русскіе купцы ставятъ каждую такую рупію какъ индѣйскую, такъ и персидскую на мѣну по 6 руб., а иногда и болѣе; по этой же цѣнѣ они были куплены и казной. Индѣйскія рупіи содержатъ въ себѣ золото лучшей доброты, персидскія же различной доброты; иныя лучше, а иныя хуже, но что тѣ, которыя присланы въ Сенатъ, суть лучшія; бухарскія рупіи купцы вымѣниваютъ по 2 руб. 70 коп. каждую; золото въ нихъ, по объявленію купцовъ, такой же доброты, какъ въ лучшихъ индѣйскихъ и персидскихъ.[a]

Правительствующій Сенатъ, пригласивъ въ присутствіе Неплюева (который въ это время находился въ С.-Петербургѣ) и князя Голицына, „имѣя довольное разсужденіе по поводу мнѣнія Голицына и, сообразивъ всѣ изложенныя имъ обстоятельства, 11 сентября 1751 года издалъ указъ, которымъ предписано было: 1) въ видахъ поощренія оренбургскихъ купцовъ и для развитія торговли, золото и серебро, купленное у русскихъ купцовъ въ Оренбургѣ и въ Троицкой крѣпости, вымѣнявшихъ его у азіатцевъ, плавить и приводить въ указанную пробу въ Оренбургѣ на купеческій счетъ, со всѣми случающимися при томъ расходами, какъ это дѣлается въ Москвѣ, на Монетномъ дворѣ, чтобы то золото и серебро, уже безъ вторичной сплавки, прямо могло идти въ передѣлку, на монету, для чего Монетная канцелярія должна была немедленно отправить въ Оренбургъ пробирнаго мастера и плавильщиковъ съ необходимыми инструментами и мате-

---

a) П. С. Зак., т. XII, стр. 497—498, № 9882.

ріалами; въ бытность ихъ въ Оренбургѣ, какъ въ отдаленномъ мѣстѣ, находиться имъ въ вѣдѣніи и смотрѣніи тамошняго губернатора, который долженъ наблюдать, чтобы русскимъ купцамъ, при сплавкахъ, въ пробѣ того серебра обидъ отъ нихъ не было и давать имъ жалованье, какое надлежитъ по разсмотрѣнію Монетной Канцеляріи. 2) На проѣздъ пробирнаго мастера съ плавильщиками и на провозъ инструментовъ и матеріаловъ, также на доставку денегъ для покупки золота и серебра отъ Москвы, на дачу пробирному мастеру съ плавильщиками жалованья и на прочіе случающіеся при томъ расходы—съ покупаемаго впредь въ казну въ Оренбургѣ и въ Троицкой крѣпости золота и серебра учинить изъ указной цѣны сбавку, и принимать оное ниже московской указной цѣны, а именно: серебро отъ одной до двухъ денегъ, по разсмотрѣнію Оренбургской Губернской Канцеляріи, а золото по 2 коп. у золотника чистаго; и по той сбавочной цѣнѣ купцамъ деньги выдавать изъ казны за одно чистое серебро и золото безъ всякаго задержанія, а деньги на ту покупку употреблять, по прежнему Правительствующаго Сената 25 февраля опредѣленію, изъ доходовъ той губерніи. Если завышеписаннымъ расходомъ изъ сбавочныхъ съ покупнаго золота и серебра денегъ будетъ остатокъ, то не употреблять его въ другіе расходы Оренбургской губерніи, а имѣть въ капиталѣ Монетной Канцеляріи. 3) Такъ-какъ представленныя отъ т. сов. и кавалера Неплюева персидскія бухарскія золотыя монеты, по сплавкѣ и пробѣ ихъ въ Монетной Канцеляріи, оказались вымѣненными русскими купцами съ убыткомъ; то изъ поданнаго отъ Монетной Канцеляріи, о пробѣ тѣхъ монетъ рапорта для вѣдѣнія ему, тайному совѣтнику, дать вѣдомость, которую и русскимъ купцамъ, торгующимъ тамъ, велѣть объявить, дабы они о добротѣ ихъ были извѣстны.“ [a]

Въ исполненіе этого указа, въ Оренбургъ были отправлены пробирный мастеръ Филиппъ Григорьевъ, плавольщикъ и ученикъ инструментальнаго дѣла [b].

Вышеизложенныя правила о золотѣ и серебрѣ оставались въ силѣ до 1763 г., когда Императрица Екатерина II указомъ отъ 18 марта, соизволила приказать Сенату обратить вниманіе на торговлю съ чужестранными народами, и доложить ей, какими средствами можно расширить ее съ азіатскими со стороны Оренбурга въ особенности мѣною товаровъ на золото и серебро, вывозимое въ монетахъ и слиткахъ. Нѣкоторые купцы,

---

a) Тамъ же, стран. 498.

b) Въ 1763 г. Филиппъ Григорьевъ умеръ, а находившійся при немъ въ ученикахъ его сынъ былъ взятъ обратно въ Москву, въ Оренбургѣ же остались два плавильщика и одинъ инструментальный ученикъ.

изъ корыстныхъ расчетовъ, не объявляли всего вымѣненнаго ими золота и серебра, а переплавляли его въ посуду и другія вещи, противъ чего потомъ и были приняты нѣкоторыя мѣры.

Выше мы уже замѣтили, что въ числѣ заповѣдныхъ товаровъ, запрещенныхъ къ вывозу въ Среднюю Азію, находились ружья, свинецъ, укладъ и порохъ; но высокая цѣна на эти предметы, особенно на ружейные стволы, иногда соблазнительно дѣйствовала на мелкихъ торговцевъ и приказчиковъ преимущественно изъ татаръ, отправлявшихся при караванахъ въ Хиву, Бухару и другія мѣста. Самарскій купецъ Даніилъ Рукавкинъ, бывшій караваннымъ старшиной при купеческомъ караванѣ изъ Оренбурга въ Хиву въ 1753 г., по возвращеніи въ Оренбургъ, заявилъ въ таможнѣ, что, въ бытность его въ Хивѣ, онъ видѣлъ у нѣкоторыхъ, находившихся при караванѣ, татаръ ружейные стволы, а „сколько у кого числомъ—онъ не знаетъ, токмо-де продавали одинъ стволъ ружейный по четыре и по пяти червонцевъ, о чемъ сказывали ему тѣ хивинцы, кои оные у нихъ покупали; да примѣчено-жъ имъ и при ханскомъ дворѣ у караульныхъ россійскихъ ружей не мало, о которыхъ-де онъ отъ находящихся въ плѣну на ханскомъ дворѣ христіанъ слышалъ, что тѣ ружья привозятъ туда на продажу здѣшніе татары и хивинцы, изъ Оренбурга пріѣзжающіе, о чемъ-де онъ, Рукавкинъ, и переводчикамъ Гуляеву и Чучалову объявилъ.“[a] —Виновниками въ контрабандномъ провозѣ ружей, по заявленію Рукавкина, были слѣдующія лица: селитовскій торговый татаринъ Гумеръ Улѣевъ, казанскіе татары: Муртаза Аитовъ, Абдулзелилъ Заитовъ, прикащики—Алѣй Ермяковъ и Смаилъ Яферовъ, С.-Петербургскій мѣщанинъ Лука Ширвановъ, его прикащикъ Иванъ Захаровъ и служащій при немъ—татаринъ Аиса Ильвинъ, крестьянинъ деревни Актерси Казанскаго уѣзда, Арской дороги, вотчины бригадира Тевкелева.—Переводчики Гуляевъ и Чучаловъ, спрошенные по этому дѣлу, подтвердили заявленіе купца Рукавкина, присовокупивъ, что означенные татары, во время своего пребыванія въ Хивѣ, вели себя непозволительно: часто ссорились и дрались между собою, не хотѣли слушаться Рукавкина, какъ караваннаго старшины, и даже „бить его отважились.“ Первымъ былъ допрошенъ Аиса Ильвинъ; сначала онъ отрицалъ свою виновность, но потомъ на очной ставкѣ съ Рукавкинымъ, Гуляевымъ и Чучаловымъ и казакомъ Ѳеодоромъ Погорскимъ, сознался и показалъ, что главнымъ соблазнителемъ его былъ Алѣй Ермяковъ, который ему „неоднократно

---

[a] Дѣло о наказаніи Оренбургскихъ татаръ за тайный провозъ за границу ружей 1755 г. за № 1057, въ СПБ. Сен. Архивѣ (на 10 листахъ).

говорилъ, что онъ съ собою отсель на продажу ружья беретъ, ибо-де онъ Алѣй и напредь того туда ихъ возилъ и по пяти и по шести червонцевъ каждое продавалъ и чрезъ то-де лучшую прибыль имѣлъ, почему-де ему Аисѣ чрезъ просьбу его помянутаго бригадира Тевкелова ключникъ Шарыпъ Мавлюкѣевъ два ствола ружейные за пять руб. пятьдесятъ коп. завѣдомо, что оные для продажи туда ему надобны, и купилъ, а гдѣ и у кого, того-де онъ Аиса не спрашивалъ, только-де онъ Шарыпъ сказалъ, что онъ и Алѣю четыре ствола купилъ и изъ нихъ два самому себѣ Алѣю, а другіе два послѣ, при самомъ выѣздѣ, для отвозу къ нему Алѣю на ту сторону Яика, ему-же Аисѣ отдалъ, которые-де, также и укладу полпуда купленнаго здѣсь у русскаго купца (а кто онъ таковъ,—не знаетъ), онъ Аиса въ телѣгѣ той, въ которой съ нимъ запасъ отпущенъ на ту сторону Яика, въ томъ запасѣ и вывезъ и ему Алѣю тѣ два ствола на первомъ за Мѣновымъ дворомъ стану отдалъ, сверхъ-же оныхъ, еще двѣ пистолетныя стволинки выѣзжавшій съ нимъ Аисою, для препровожденія за Яикъ казанскій слободской торговый татаринъ Шарей Сайдашевъ для продажи ему далъ, и онъ Аиса ихъ отъ него взялъ и въ Хиву отвезъ, токмо-де тамо оныхъ, кромѣ укладу, самъ онъ Аиса не продавалъ, но для того одинъ ружейный стволъ Смаилу Яферову, а другой съ пистолетными прикащику-жъ казанскаго торговаго татарина Аита Усѣева „сеитовскому татарину Гумеру Улѣеву отдалъ, изъ которыхъ-де Смаилъ хивинцу за четыре червонца, а укладъ за два червонца самъ онъ Аиса продалъ, а Гумеръ продать не могъ, зачѣмъ-де онъ Аиса, при отъѣздѣ сюда, для продажи ихъ у него и оставилъ":[a] Алей Ермяковъ и Смаилъ Яферовъ, допрошенные „съ пристрастіемъ подъ кошками" также сознались въ вывозѣ и тайной продажѣ ружей, соблазнившись высокой цѣной на нихъ, и „сдѣлали то для поправленія бѣдности своей, а больше съ глупости." По окончаніи слѣдствія надъ виновными, Оренбургская Губернская Канцелярія, 26 Января 1755 г., сообщая о томъ въ Сенатъ, спрашивала, какъ наказать контрабандистовъ—татаръ. На основаніи сенатскаго указа, отъ 23 іюня 1753 г., они подлежали конфискаціи всего ихъ имущества и „наижесточайшему истязанію"; но Оренбургская канцелярія высказала съ своей стороны слѣдующее мнѣніе: „вышеобъявленныхъ татаръ, въ пресѣченіе того ихъ плутовства и прочихъ чинимыхъ отъ нихъ въ Хивѣ продерзостей надлежитъ содержать до ярманки подъ карауломъ (какъ то они и содержатся), а когда купцы съѣдутся на ярманку, тогда высѣчь ихъ публично на страхъ

---

a) Тамъ-же, л.л. 2—5.

другимъ кнутомъ нещадно, а имѣніе ихъ не стоитъ такой важности, ибо они изъ подлости, и не только отъ хозяевъ прикащики, но и отъ прикащиковъ наемщики, они-же положенные въ подушный окладъ; для того, не соизволено-ль будетъ такого малаго конфискованія оставить, однако-жъ все сіе Правительствующему Сенату Оренбургская губ. канцелярія въ высшее разсмотрѣніе нижайше представляетъ!"[a] Сенатъ, заслушавъ 17 февраля того же года доношеніе Оренбургской канцеляріи, приказалъ: „учинить виновнымъ татарамъ наказаніе кнутомъ нещадно, а имѣнья ихъ не конфисковать, а впредь кто, кромѣ такихъ подлыхъ людей, изъ россійскихъ купцовъ или ихъ прикащиковъ и прочихъ торгующихъ при Оренбургѣ здѣшнихъ подданныхъ въ таковыхъ продерзостяхъ явится и подлинно изобличены будутъ, у оныхъ всѣ ихъ имѣнія конфисковать на Ея Императорское Величество, какъ прежними указами опредѣлено, безъ упущенія, и для того, чтобы оные купцы и прочіе отъ того остерегались, учинить имъ нынѣ надлежащее объявленіе."[b] 23 марта 1755 г. Оренбургская Канцелярія отрапортовала въ Сенатъ о полученіи указа, отъ 28 февраля за № 60, а 6 іюля того же года, при собраніи россійскаго купечества внутри гостиннаго двора, виновные были наказаны кнутомъ.[c] Проѣздъ каравановъ по степи сдѣлался болѣе безопаснымъ: киргизы нѣсколько успокоились; Рычковъ замѣчаетъ, что они „русскихъ купцовъ, когда они въ Хиву или въ Бухару изъ Оренбурга ѣдутъ и оттуда возвращаются, уже не грабятъ, а довольствуются грабежемъ однихъ тамошнихъ народовъ."[d] Между тѣмъ Неплюевъ узналъ, что индѣйцы стали пріѣзжать въ Бухару и Балхъ, гдѣ охотно скупали русскіе товары, привозимые изъ Оренбурга.[e] Подъ вліянемъ столь пріятныхъ извѣстій о нашей торговлѣ въ Средней Азіи, у Неплюева возникла мысль и явилось желаніе проложить караванно-торговый путь русскимъ купцамъ до самой Индіи. Онъ составилъ, при содѣйствіи Тевкелева, особый проэктъ о торговлѣ Россіи съ Индіей и представилъ его на обсужденіе въ С.-Петербургъ, прося въ то же время, чтобы ему дозволено было и лично явиться въ столицу для словеснаго поясненія и дополненія своего проэкта.

Сущность проэкта Неплюева заключается въ слѣдующемъ. Чтобы усилить мѣновую торговлю со средне-азіатскими народами, онъ проэктировалъ

---

a) Тамъ-же, л. 7.
b) Въ томъ-же дѣлѣ, л. 13.
c) Ключникъ бригадира Тевкелева Шарыпъ Мавлюкѣевъ такъ-же былъ битъ кнутомъ и затѣмъ отпущенъ въ вотчину своего господина. См. тамъ-же переписку о немъ на листахъ 16—17, 18 и 20.
d) Рычковъ Топогр. Оренб. Губ., I, стр. 141. Изд. 1762 г.
e) Тамъ-же, стр. 326 и 327.

ежегодно отправлять небольшіе торговые караваны до самой Индіи, если только киргизы не будутъ мѣшать свободному проѣзду ихъ чрезъ степь; проводниками такихъ каравановъ могли бы быть „незнатные люди изъ татаръ, армянъ, грековъ и даже русскихъ, хорошо знающіе бытъ и языки средне-азіатскихъ народовъ“. До Кабула, перваго индѣйскаго города, считали тогда не болѣе трехъ мѣсяцевъ караваннаго хода и знали три пути изъ Оренбурга: одинъ шелъ черезъ Балхъ, другой—чрезъ Бадакшанъ (Водокшанъ) и третій—чрезъ Кандагаръ; Неплюевъ считалъ наиболѣе безопаснымъ послѣдній путь, потому что кандагарскій ханъ Ахметъ, овладѣвъ Гератомъ и Мешгедомъ, провозгласилъ себя персидскимъ шахомъ и приглашалъ бухарскихъ купцовъ ѣздить въ его „землю и армію безопасно“. Право снаряжать и отправлять караваны, по мнѣнію Неплюева и Тевкелева, должно было предоставить исключительно особой компаніи изъ зажиточныхъ купцовъ, чтобы убытокъ, въ случаѣ неудачи, не былъ особенно чувствителенъ для акціонеровъ. Въ составъ этой компаніи, по мнѣнію Неплюева, могли войти на первое время слѣдующія лица: московскіе купцы Гавріилъ Журавлевъ, армянинъ Василій Макаровъ и грекъ Иванъ Михайловъ Мавродій, симбирскій купецъ и заводовладѣлецъ Иванъ Твердышевъ, ростовецъ Алексѣй Кекинъ и оренбургскій торговый татаринъ Абдулла Хаялинъ, а „для лучшаго ко отправленію тѣхъ каравановъ пріохочиванія“,—замѣчаетъ Неплюевъ,—„и купечества въ тѣ краи распространенія, дать той компаніи надлежащую привиллегію на пятнадцать лѣтъ, и до исшествія оныхъ пятнадцати лѣтъ, кромѣ той компаніи, никому другимъ въ тѣ мѣста торговать не дозволять и не допускать“. Вмѣсто выбывшаго изъ компаніи по какой-либо причинѣ члена, оренбургскій губернаторъ могъ опредѣлять, по своему усмотрѣнію, охотниковъ изъ зажиточныхъ и достойныхъ людей. Не обязываясь торговать совмѣстно, члены компаніи должны были помогать другъ другу совѣтами и содѣйствовать взаимно успѣхамъ компаніи на восточныхъ рынкахъ. Съ этою цѣлію Неплюевъ проэктировалъ, чтобы компанейцы имѣли въ Хивѣ и Бухарѣ своихъ постоянныхъ агентовъ, которые-бы, смотря по обстоятельствамъ, избирали и указывали путь для дальнѣйшаго движенія каравановъ; бухарцы и хивинцы, въ свою очередь, должны были выбрать и отправить въ Оренбургъ своихъ торговыхъ консуловъ или коммиссаровъ. Хивинцы болѣе, чѣмъ другіе азіатскіе племена, могли вредить или содѣйствовать развитію нашей торговли на восточныхъ рынкахъ: Хива лежала на пути въ Бухару, Балхъ, Бадакшанъ и въ самую Индію; кромѣ того, прилегая къ Киргизской Ордѣ, Хива была въ постоянныхъ сношеніяхъ съ киргизцами, нерѣдко избирала себѣ хановъ изъ киргизскихъ знатныхъ людей

(Абулъ-Хаиръ, Нурали, Каипъ) и потому могла имѣть особенное вліяніе на киргизъ, которые служили главнымъ препятствіемъ къ безопасному проѣзду торговыхъ каравановъ черезъ степь. Оренбургскій губернаторъ, слѣдя за дѣятельностью компаніи, долженъ былъ входить въ сношенія со всѣми народами, съ которыми компанія будетъ вести свои торговыя операціи, и стараться, по возможности, пріохочивать и привлекать оттуда купцовъ на торгъ въ Оренбургъ; онъ же долженъ былъ назначать и директора каравана для наблюденія за порядкомъ какъ въ пути, такъ и по прибытіи каравана на мѣсто. Въ облегченіе и поощреніе компаніи, положено было съ товаровъ, вывозимыхъ изъ Россіи и привозимыхъ изъ Азіи, взимать только одну внутреннюю пошлину. Неудачные результаты первыхъ каравановъ, еслибы то случилось, не должны были служить препятствіемъ къ продолженію дѣлъ компаніи: „ибо такіе убытки“,—замѣчаетъ Неплюевъ,—„могутъ предъ будущими потомъ отпусками награждаться и для того конечно тѣ отпуска, сколько возможно, продолжать, буде же третій и четвертый отпуска совершенно будутъ съ убыткомъ же“, тогда онъ обѣщался представить въ Сенатъ особое мнѣніе „съ яснымъ показаніемъ“. Надѣясь въ будущемъ на несомнѣнный успѣхъ проэктируемой компаніи, Неплюевъ просилъ Коллегію Иностранныхъ Дѣлъ, въ случаѣ нужды, не жалѣть даже денегъ на осуществленіе его проэкта, тѣмъ болѣе, что расходы на это дѣло вознаградились-бы непремѣнно „и, съ Божіею помощью, полученіе того въ Россійскую Имперію богатства“,—говоритъ онъ, „быть можетъ легчайшими способами, нежели какъ другіе европейскіе“ народы изъ тѣхъ земель получаютъ“.[a] Изъ рукописи Рычкова: „О татарахъ“, представленной имъ въ Академію Наукъ въ 1751 году видно, что вмѣстѣ съ торговыми цѣлями, при отправленіи каравановъ въ Среднюю Азію, имѣлись въ виду и научныя, чтобы можно было ознакомиться съ исторіей средне-азіатскихъ земель и народовъ: „съ недавно отправленными въ караванѣ купцами изъ Оренбурга до Бухары и далѣе“,—говоритъ Рычковъ,—„заказалъ, чтобъ, не жалѣя денегъ, о тамошнихъ народахъ историческія книги, хотя бы онѣ и на арабскомъ языкѣ были, доставить, кои въ заведенной при Оренбургѣ школѣ съ арабскаго па татарскій, а съ татарскаго на русскій перевести не невозможно, но получу-ль и какъ скоро, того не знаю“.[b]

---

a) Указы 1851 г. Въ Тург. обл. арх., № 15, лл. 26 и 27.

b) Рукопись доселѣ хранится въ Русск. Отд. Имп. Ак. Наукъ и озаглавлена такъ: «О татарахъ и о нынѣшнемъ состояніи тѣхъ народовъ, которые въ Европѣ подъ именемъ татаръ разумѣются», а на концѣ значится: «Сочинена Рычковымъ въ Оренбургѣ 10 апрѣля 1750 г., но Академія получила эту рукопись только 3 сентября того же года. Смотр. Жизнь и литер. переписка П. И. Рычкова. Пекарскаго, стр. 29 и 30. Слич. Татищевъ и его время. Н. Попова, стр. 553.

Неплюевъ говоритъ въ своихъ „Запискахъ“: „въ 1750 г. дозволено мнѣ было наконецъ у Двора на время явиться, дабы трактовать со мною по представленіямъ моимъ о начатіи торга съ Индіею, почему я въ Петербургъ и пріѣхалъ“.[a] Считаемъ необходимымъ замѣтить, что это показаніе Неплюева хронологически не вѣрно: указъ Колл. Иностр. Дѣлъ, разрѣшавшій ему отпускъ, данъ былъ 24 января 1751 года,[b] въ Петербургъ же Неплюевъ прибылъ 8 февраля того же года. Изъ дѣлъ Тургайскаго областного архива видно, что Неплюевъ впередъ себя отправилъ съ своимъ проэктомъ П. И. Рычкова, который и представилъ его 29 января 1751 г. въ Сенатъ.[c] П. И. Рычковъ оставался въ С.-Петербургѣ при Неплюевѣ почти полгода, а 23 іюля 1751 г. въ Коллегіи Иностранныхъ Дѣлъ состоялся указъ о возвращеніи его, согласно желанію Неплюева, въ Оренбургъ „съ дачею ему подорожной по его рангу“. Между тѣмъ Коллегія Иностранныхъ Дѣлъ, обсудивъ проэктъ Неплюева, признала весьма желательнымъ его осуществленіе и при этомъ постановила: „Понеже въ тамошнія мѣста около тридцати лѣтъ нарочныхъ изъ Россіи никого послано не было, а нынѣ сія посылка туда вновь чинится, и для такого дѣла, о которомъ донынѣ съ тѣми народами до формальнаго постановленія еще не доходило; того ради, при такомъ первомъ и весьма потребномъ случаѣ, надлежитъ туда послать такого человѣка, который-бы не токмо о состояніи Оренбургской губерніи и тамо обращающагося россійскаго и азіатскаго купечества совершенно знать могъ, но чтобъ и о тамошнихъ народахъ достаточное свѣдѣніе понять и о намѣреніяхъ развѣдать, и такое вновь съ оными согласіе, съ лучшею къ здѣшней сторонѣ пользою, постановить могъ, къ чему способнѣйшимъ другихъ признанъ находящійся въ Оренбургской губернской канцеляріи коллежскій совѣтникъ Петръ Рычковъ, который сначала этой Оренбургской экспедиціи у тамошнихъ дѣлъ обрѣтается, а по бытности его въ Хивѣ и въ Бухарахъ и по тамошней его очевидности, еще съ лучшею пользою въ той губернской канцеляріи служить можетъ, чего для оный изъ ассесоровъ и чиномъ коллежскаго совѣтника награжденъ. Въ ту-жъ хивинскую и бухарскую посылку къ совѣтнику Рычкову придать изъ Оренбургской губерніи поручика, а бригадира Тевкелева сына, Осипа Тевкелева, который по искусству его въ татарскомъ языкѣ, а особливо по кредиту въ тамошнихъ народахъ отца его, можетъ совѣтнику Рычкову добрымъ помощникомъ быть, да

a) Записки Неплюева, стр. 141, изд. А. С. Суворина, 1893.

b) См. подл. указъ въ Турк. обл. арх., по описи № 15, л. 25. Указы пох. канцеляріи т. сов. И. И. Неплюева. 1751—1753 г.

c) Тамъ-же л. 26. Указъ Пр. Сената, отъ 23 марта 1751 г. за № 48. Слич. «Указы 1751 г.», по описи № 24, л. 69.

съ нимъ же Рычковымъ отправить искуснаго геодезиста, также переводчика, ученика, толмача и подъячаго съ пристойнымъ конвоемъ, а еще лучше когда притомъ и россійскихъ купцовъ первый караванъ отправленъ будетъ съ такими изъ назначенной къ тому компаніи людьми, которые свою притомъ пользу наблюдать и Рычкову представлять и напоминать могутъ".[a] Въ случаѣ, еслибы состоялась поѣздка Рычкова въ Хиву и Бухару, Коллегія Иностранныхъ Дѣлъ опредѣлила „на подъемъ и на проѣздъ выдать ему и при немъ будущимъ офицерамъ и служителямъ годовой окладъ жалованья, а за все то время, пока они въ той посылкѣ пробудутъ, считая съ отъѣзда ихъ и по возвращеніе въ Оренбургъ, давать имъ полуторное жалованье, и въ то число, при отправленіи ихъ, выдать имъ впередъ", на сколько времени окажется нужнымъ; а на подарки хивинскому и бухарскому ханамъ, также и на расходы, отъ дѣлъ употребить денегъ на покупку потребныхъ тамо вещей до пяти тысячъ рублей, держа на все то деньги въ расходъ изъ Оренбургской суммы".[b] Чтобы наиболѣе обезопасить проѣздъ торговыхъ каравановъ чрезъ киргизскія степи, Коллегія проэктировала построить на одномъ изъ острововъ Аральскаго моря крѣпость, заселивъ ее, на основаніи прежнихъ указовъ,[c] преступниками, осужденными на смертную казнь и приговоренными къ политической смерти, сюда же могли выбѣгать „изъ варварскихъ народовъ и плѣнные россійскіе подданные, яко и путь въ Хиву купецкимъ караванамъ лежитъ чрезъ то мѣсто и къ житью человѣческому оное изобильное. И тако проѣзжающимъ купцамъ въ томъ городѣ отдохновеніе имѣть, и оттуда до Оренбурга и возвратно для провожанія ихъ туда, киргизцевъ отправлять будетъ способно."[d] Въ Коллегіи Иностранныхъ Дѣлъ заготовлены уже были и особые „листы" или письма,[e] отъ имени канцлера графа Бестужева-Рюмина, къ ханамъ киргизскому, хивинскому и бухарскому, копіи съ коихъ Коллегія представила въ Сенатъ на русскомъ и татарскомъ языкахъ.[f] 27 мая того же 1752 года состоялся въ Сенатѣ указъ на имя Оренбургскаго губернатора. Соглашаясь въ принципѣ съ мнѣніемъ Неплюева о расширеніи предѣловъ нашей караванной торговли въ Средней Азіи и съ замѣчаніемъ Коллегіи Иностранныхъ Дѣлъ по этому вопросу, Сенатъ однакожъ призналъ съ своей стороны за лучшее удержать Рычкова, какъ болѣе опыт-

---

a) Тамъ-же, л. 64 и 65. Указъ Колл. Ин. Дѣлъ, отъ 28 апрѣля 1752 г. за № 207.
b) Тамъ-же, л. 65. Указы 11 февраля 1736 г., 5 августа и 3 декабря 1751 года.
c) Тамъ-же, л. 62.
d) Тамъ-же.
e) Смотр. въ приложеніи.
f) Татарскій текстъ см. въ «Указахъ Походн. Канцеляріи» 1751—1753 гг., на лл. 83—85.

наго и лучшаго „товарища Неплюева, въ Оренбургѣ“ и предписалъ Коллегіи Иностранныхъ Дѣлъ командировать, вмѣсто него, въ Хиву и Бухару другаго надежнаго и знающаго человѣка. Сенатъ также не утвердилъ и проэкта Коллегіи Ин. Дѣлъ о построеніи крѣпости на Аральскомъ морѣ, строго запретивъ даже и намекать о томъ киргизамъ и хивинцамъ, которые въ случаѣ „замѣшанія съ ихъ стороны“, могли-бы воспользоваться проэктированной крѣпостью для своей же зашиты и обороны отъ русскихъ, а охранять ее и снабжать ея горнизонъ за дальностью разстоянія отъ Оренбурга было бы не возможно.[a)]

Находясь въ Петербургѣ, Неплюевъ отпраздновалъ свадьбу своего сына Николая Ивановича: „И въ сію бытность“,—говоритъ онъ,—„*слѣдуя волѣ моей*, женился сынъ мой Николай на дочери Санктпетербургскаго оберъ-коменданта, князя Өеодора Васильевича Мещерскаго, Татьянѣ, что и исполнилось мая 30 числа 1751 года.“[b)] Въ томъ же году Николай Ивановичъ, бывшій сержантомъ, „аттестованъ и въ докладъ написанъ въ подпоручики кадетскаго корпуса“; затѣмъ, по прошенію отца, „выпущенъ въ поручики армейскихъ полковъ и опредѣленъ въ команду“ отца, занявъ должность генеральсъ-адъютанта, а въ началѣ 1752 года, по именному указу, пожалованъ капитаномъ и со всѣмъ семействомъ отправился въ Оренбургъ,[c)] чтобы помогать престарѣлому отцу въ дѣлахъ по управленію краемъ. Въ то же время Неплюевъ, какъ мы уже знаемъ, представилъ Рычкова къ числу коллежскаго совѣтника, котораго онъ и былъ удостоенъ.[d)] Довольный признаніемъ и поощреніемъ своихъ трудовъ, Рычковъ писалъ Неплюеву: „Ваше Превосходительство изволите знать, какая, по милостивому Вашего Превосходительства представленію, высочайшая Ея Императорскаго Величества милость со мною воспослѣдовала, въ пожалованіе меня изъ асессоровъ прямо въ коллежскіе совѣтники, съ такимъ высочайшимъ повѣленіемъ, чтобъ мнѣ у дѣлъ быть въ Оренбургской губерніи, гдѣ я прежде, съ самаго начала той Экспедиціи, у всѣхъ тамошнихъ дѣлъ, при прежнихъ командирахъ и при Вашемъ Превосходительствѣ, находился. Итакъ я, въ разсужденіи моей присяги, чувствуя то Ея Императорскаго Величества паче заслугъ оказанное со мною милосердіе, сугубо одолженна себя нахожу оную Е. И. В. милость въ тамошнемъ мѣстѣ и *дѣтьми моими*, по крайней возможности и не щадя своего живота, заслуживать“[e)]. Прося Неплюева о переводѣ своего сына Андрея на службу въ Оренбургъ,

---

a) Тамъ-же, лл. 100—102.
b) Записки Неплюева, стр. 141—142 Изд. А. С. Суворина, 1893 г.
c) Тамъ же.
d) См. выше стр. 297.
e) Тург. обл. арх., «Указы 1751 г.», по описи № 24, л. 73.

Рычковъ писалъ: „Вашему Превосходительству, какъ милостивому моему командиру, не безъизвѣстно и сіе, что сынъ мой Андрей на моемъ собственномъ коштѣ обучался иностраннымъ языкамъ, т. е. нѣмецкому и французскому, которые съ нѣкоторыми частями математическихъ ученій уже и знаетъ нарочито, а съ 1750 г. находился онъ въ службѣ Ея Императорскаго Величества лейбъ-гвардіи въ Семеновскомъ полку солдатомъ, изъ котораго полку, по прошенію моему въ полковой канцеляріи, выпущенъ и отъ Государственной Военной Коллегіи опредѣленъ въ команду Вашего Превосходительства сержантомъ, а за обученіе имъ вышеупомянутыхъ наукъ (о которыхъ отъ меня въ предъ-упомянутую полковую канцелярію и аттестаты поданы за руками учителя его, штабъ и оберъ-офицеровъ), по силѣ указовъ, предъ всеми находящимися тамо гарнизонныхъ полковъ сержантами и вахмистрами дано ему первенство. А понеже оной мой сынъ находится въ такихъ еще лѣтахъ,[a] который купно съ вышеозначенными науками, будучи въ Оренбургѣ, и оріентальныхъ языковъ обучаться еще можетъ, а къ обученію ихъ и къ практикѣ довольные тамъ способы находятся; обучась же, въ тамошной Ея Императорскаго Величества службѣ, куда-бъ ни востребовался, можетъ онъ быть наипаче способнѣйшимъ. Того ради прошу, ежель Ваше Превосходительство вышеписанное за потребно признаете, оному моему сыну, не исключая изъ полку, повелѣть быть въ Оренбургъ у заграничныхъ дѣлъ при Вашемъ Превосходительствѣ и при господинѣ бригадирѣ Тевкелевѣ, и позволить ему, приводя оныя науки на моемъ коштѣ въ совершенство, татарскому и другихъ оріентальныхъ языковъ учиться, а какъ нѣсколько понавыкнетъ, то для лучшей практики и въ посылки въ тамошнія орды употреблять".[b] Неплюевъ, признавъ ходатайство Рычкова за „резонабельное", охотно исполнилъ его желаніе: Андрей Петровичъ Рычковъ былъ записанъ въ Уфимскій пѣхотный полкъ и переведенъ на службу въ Оренбургъ,[c] гдѣ извѣстные намъ толмачи Гуляевъ, Араслановъ, Ерофѣевъ и др. должны были обучать молодаго Рычкова сначала татарскому языку, книжному и разговорному, а затѣмъ уже и „прочимъ азіатскимъ языкамъ, сколько время и возможность допуститъ", но не въ ущербъ его преуспѣянію въ иностранныхъ языкахъ и математикѣ.[d] Петръ Ивановичъ Рычковъ тѣмъ болѣе былъ доволенъ та-

---

a) А. П. Рычкову въ это время было не болѣе 23.

b) Тамъ же, л. 74 на обор. и л. 75,

c) Тамъ же, л. 77. Постановленіе Оренб. губ. канцеляріи, отъ 25 сентября 1751 г., за № 13, за подписью Алексѣя Тевкелева, секретаря Коптяжева и съ роспиской толмачей въ прочтеніи опредѣленія.

d) А. П. Рычковъ впослѣдствіи былъ Симбирскимъ коммендантомъ и въ чинѣ подполковника убитъ, въ августѣ 1774 г., подъ Карсуномъ въ схваткѣ съ Пугачевскимъ отрядомъ. См. въ приложеніи къ настоящей монографіи: «П. И. Рычковъ и его сынъ А. П.»

кимъ исходомъ дѣла о перемѣщеніи своего сына въ Оренбургъ, что онъ былъ почти одинокимъ: въ 1751 году онъ схоронилъ свою жену, мать Андрея Петровича, Анисью Петровну, урожденную Гуляеву. Привыкнувъ къ семейной жизни, Петръ Ивановичъ скучалъ въ одиночествѣ, и въ 1752 г. снова женился на Еленѣ Денисьевнѣ Чириковой, дочери симбирскаго помѣщика, отставнаго капитанъ-поручика Преображенскаго полка, Дениса Никитича Чирикова.[a]

Въ Оренбургскомъ краѣ, населенномъ преимущественно различными инородческими племенами, нужны были русскіе люди, которые бы знали инородческіе языки, или же инородцы, понимавшіе безъ затрудненія русскую рѣчь. Служа почти 14 лѣтъ резидентомъ въ Турціи и 15 лѣтъ въ Оренбургскомъ краѣ, Неплюевъ и самъ имѣлъ полную возможность теоретически и практически изучить турецко-татарскій языкъ и его нарѣчія, а потому еще болѣе долженъ былъ сознавать необходимость знанія его сослуживцами языка тѣхъ народовъ, съ коими русскимъ приходилось имѣть различныя сношенія, особенно же торговыя, почему онъ и старался окружать себя такими людьми и всячески поощрялъ тѣхъ изъ русскихъ, которые изъявляли готовность изучать инородческіе языки. Припомнимъ, съ какимъ вниманіемъ относился онъ къ Ставропольской калмыцкой школѣ и къ протоіерею Чубовскому, отличному знатоку калмыцкаго языка.[b] Въ 1744 г. Сенатъ, согласно представленію Неплюева, утвердилъ штатъ Оренбургской губернской канцеляріи, по которому полагалось имѣть при канцеляріи одного переводчика, четырехъ толмачей и десять учениковъ „татарскаго діалекта"; переводчику было назначено 84 р. въ годъ жалованья, двоимъ толмачамъ по 50 р., двоимъ по 36 р. и ученикамъ—каждому по 15 р. въ годъ. Въ Оренбургѣ была открыта татарская школа, ученики которой набирались преимущественно изъ солдатскихъ дѣтей-добровольцевъ; они получали солдатскій паекъ и отъ 6 до 15 р. въ годъ деньгами смотря по ихъ способностямъ, успѣхамъ и возрасту. Ученики этой школы, по окончаніи курса, опредѣлялись на мѣста копіистовъ, канцеляристовъ, акцизныхъ и таможенныхъ чиновниковъ, подъячихъ, толмачей и переводчиковъ, „а *ежели явятся способные*",—говорится о нихъ въ указѣ,—*то могутъ чрезъ соборныхъ священниковъ и въ надежду священства обучаемы быть, изъ чего не малая польза произрасти можетъ*"[c]. Въ Тургайскомъ областномъ архивѣ, въ Оренбургѣ, сохранился сборникъ

---

a) Пекарскій. Жизнь и литер переписка П. И. Рычкова, стр. 114.
b) Смотр. выше въ наст. моногр. стр. 553 и 582.
c) См. «Указы 1745 г.» Указъ Оренб. губ. канцеляріи переводчикамъ Якову Гуляеву и Петру Чучалову, отъ 13 Февраля 1756 г., за № 682.

указовъ и распоряженій, относительно этой школы, начиная съ 1745 по 1777 годъ;[a] изъ него видно, что въ этой школѣ обучались переводчики Петръ Чучаловъ, Ямагулъ (Яковъ) Гуляевъ, толмачи и служившіе въ канцеляріи копіисты и канцеляристы: Черемисиновъ, Лодошниковъ, Киржацкій, Сурковъ, Стар:овъ, Авдѣевъ, Сидоровъ, Бочковъ, Дружецкій и другіе, фамиліи которыхъ встрѣчаются въ подписи различныхъ архивныхъ бумагъ, сохранившихся отъ того времени. Подъ руководствомъ учителей этой школы, долженъ былъ изучать „оріентальные языки“ и сынъ Рычкова Андрей, переведенный на службу въ Оренбургъ. Между тѣмъ Неплюевъ, проживъ почти два года въ Петербургѣ, долженъ былъ отправиться въ Москву, чтобы, совмѣстно съ Соляной Конторой, обсудить вопросъ о контрабандномъ провозѣ илецкой соли „внутрь россійскихъ жилищъ“, и затѣмъ поспѣшить въ Оренбургъ: „понеже болѣе никакихъ его тайнаго совѣтника представленій, требующихъ резолюцій по Сенату, не осталось, и до самого его т. совѣтника Сенатъ никакой нужды не имѣетъ“ [b]. Коллегія Иностр. Дѣлъ, донося Сенату о полученіи указа о возвращеніи Неплюева въ Оренбургъ, замѣчаетъ, что „изъ оной Коллегіи указомъ отъ 31 августа, ему тайному совѣтнику данным, рекомендовано отъѣздомъ его отсюда въ Оренбургъ не продолжиться;“ но такъ-какъ Неплюевъ былъ вызванъ въ Петербургъ по Высочайшей волѣ, то Коллегія сочла необходимымъ представить о томъ на усмотрѣніе Императрицы, и „Ея Императорское Величество соизволила то отложить до другаго времени“.[c] — Неплюевъ прожилъ въ Петербургѣ до начала 1753 года, а потомъ переѣхалъ въ Москву, гдѣ оставался около шести мѣсяцевъ, и только въ концѣ іюня того же года возвратился въ Оренбургъ, „не возымѣвъ“,—какъ замѣчаетъ онъ,—„къ моему огорченію, успѣха о начатіи предпріятаго мною, въ пользу Россіи, торга съ Индіей“.[d]

П. И. Рычковъ не менѣе былъ заинтересованъ въ осуществленіи проэкта Неплюева о начатіи торга съ Индіей, какъ и самъ его составитель. Спустя нѣсколько лѣтъ послѣ этого, онъ написалъ особое „мнѣніе о распространеніи оренбургской коммерціи въ дальнѣйшія азіатскія страны и о средствахъ къ тому надлежащихъ“,[e] которое имъ было отправлено, при особомъ письмѣ, къ Миллеру 13 декабря 1763 года.[f] Рычковъ и Тев-

---

a) Отдѣльный томъ, заключающій въ себѣ 185 листовъ.
b) Сенатскій указъ К. И. Дѣлъ, отъ 3 Сентября 1752 г. См. въ Тургайск. обл. арх. «Указы походной канцеляріи т. сов. Неплюева», л.л. 117–119.
c) Тамъ же, л. 120 на оборотѣ.
d) Записки Неплюева, стр. 142. Изд. А. С. Суворина, 1893 г.
e) Пекарскій, Жизнь и литер. переписка П. И. Рычкова, стр. 32.—Письма Миллера въ Академической конференціи, портфель XXIV.
f) Тамъ же, стр. 52. Письма Миллера, портфель V.

келевъ предлагали правительству построить при устьѣ р. Эмбы городъ, надѣясь не только на распространеніе русской торговли до Индіи, но и на окончательное усмиреніе киргизовъ. Въ своемъ „мнѣніи" Рычковъ, между прочимъ, говоритъ, что хотя на всѣ представленія Неплюева о торговлѣ съ Индіей „благосклонныя опредѣленія учинены въ Сенатѣ и Иностранной Коллегіи, и хотя по особливому той Коллегіи разсмотрѣнію его, Рычкова, для произведенія того въ дѣйство, какъ знающаго всѣ тѣ дѣла и порядки, употребить разсуждено; но, по опредѣленію Правительствующаго Сената, для другихъ резоновъ и нужнѣйшихъ надобностей, онъ, Рычковъ, удержанъ при т. сов. Неплюевѣ товарищемъ, а вмѣсто него велѣно опредѣлить къ тому другаго на томъ же основаніи, какъ объ немъ, Рычковѣ, вышереченная коллегія представляла. Однако все то за разными обстоятельствами продолжалось и до нынѣ (1763 г.) осталось безъ исполненія."[a] Узнавъ, что въ Петербургѣ учреждена особая коммиссія о коммерціи, Рычковъ не разъ писалъ Миллеру о своей готовности пріѣхать въ столицу, чтобы принять участіе въ занятіяхъ коммиссіи; въ то же время онъ просилъ Миллера поговорить о немъ Григорью Теплову, одному изъ членовъ коммиссіи, и передать ему посланное „мнѣніе о распространеніи оренбургской коммерціи". Миллеръ исполнилъ желаніе Рычкова, но Тепловъ отвѣтилъ, что „мнѣніе" Рычкова не скорѣе потребуется, такъ-какъ коммиссія намѣрена сначала выработать общія положенія.[b]

Но если проектъ Неплюева отъ начатія торга съ Индіей и не имѣлъ успѣха, то все-таки онъ принесъ ту несомнѣнную пользу, что указалъ на выгоды, которыхъ Россія могла ожидать въ будущемъ отъ торговыхъ сношеній съ Индіей чрезъ средне-азіатскія ханства, и тѣмъ самымъ содѣйствовалъ поступательному движенію русскихъ на востокъ, въ глубь Средней Азіи. Съ другой стороны, благодаря заботамъ и энергіи Неплюева, Оренбургская торговля развивалась все болѣе и болѣе: хивинцы, ташкентцы (сарты) и особенно бухарцы, не смотря на всѣ опасности въ пути, не переставали пріѣзжать въ Оренбургъ и Троицкъ съ своими товарами, обмѣнивая ихъ на русскіе. Для наблюденія за порядкомъ, во время торга, на мѣновой дворъ высылался ежедневно караулъ изъ роты солдатъ, при оберъ-офицерѣ, съ артиллеріей. Во все время, пока происходилъ торгъ на Мѣновомъ дворѣ, караульная рота находилась въ распоряженіи начальника Оренбургской пограничной таможни. Правительство не могло не цѣнить мѣръ и рас-

---

a) Тамъ же, стр. 32. Сл. въ Тург. обл. арх. „Указы Походн. Канцеляріи 1751—1753 г.", по описи № 15, л. 65 и 66.

b) Тамъ же.

поряженій Неплюева, относительно развитія торговли въ Оренбургскомъ краѣ: оно видѣло и сознавало всѣ выгоды отъ этой торговли, и потому старалось давать разныя льготы и привилегіи торговому классу новой губерніи. Между тѣмъ Неплюевъ, находясь въ столицѣ и заботясь о развитіи внутренней торговли въ Оренбургѣ, предстательствовалъ предъ Сенатомъ, что „для новости и распространенія коммерціи и для пріохочиванія къ тамошнему торгу купцовъ, необходимо потребно не только нынѣ, но и впредь до усмотрѣнія всему тамошнему торгу быть на такомъ основаніи, какъ ярмарки содержатся“.[a] Вскорѣ послѣ этого Неплюевъ былъ приглашенъ въ общее собраніе членовъ Коммерцъ-Коллегіи, для разсмотрѣнія и обсужденія его представленія, а 2 іюня 1752 года состоялся указъ, которымъ повелѣвалось: „торгъ въ Оренбургѣ признавать ярмаркой и дозволить русскимъ и азіатскимъ купцамъ продавать и покупать товары оптомъ и въ розницу съ платежемъ пошлины по тарифу, а европейскихъ иноземцевъ отъ портовъ и пограничныхъ городовъ съ товарами для торга въ Оренбургъ отпускать съ платежемъ положенной по торговому уставу проѣзжей пошлины, а безъ платежа оной отнюдь никого не отпускать“.[b] Такимъ образомъ, начиная съ 1752 г., въ Оренбургѣ былъ открытъ ярморочный торгъ русскими и азіатскими товарами [c].

Сначала русскіе купцы, какъ мы уже замѣтили раньше,[d] получали рубль на рубль отъ оренбургской торговли; но съ увеличеніемъ конкурренціи въ торговлѣ прибыль понизилась до 70%, а потомъ и до 40%. Каждый купецъ, понимая односторонне и узко торговые интересы, заботился только о личной выгодѣ, почему одинъ передъ другимъ неосмотрительно понижали цѣны на русскіе и заграничные товары и повышали на азіатскіе, и тѣмъ дѣлали общій подрывъ всей торговлѣ. Чтобы пресѣчь такое зло, въ 1752 г. было постановлено, дабы „при начатіи ярмарки, когда купцы съѣдутся въ Оренбургъ, они между собою двухъ или трехъ лучшихъ и въ товарахъ силу и цѣну знающихъ людей изъ русскихъ и татаръ избирали и соглашались о главныхъ товарахъ какъ русскихъ, такъ и азіатскихъ, по какой ихъ цѣнѣ продавать, со взысканіемъ за несоблюденіе пени по приговору этихъ выборныхъ“.[e] Если купцы по состоянію торга и мѣны признавали необходимымъ измѣнить установленную ими цѣну, то это не

---

a) П. С. Зак., т. XIII, № 9995.
b) Тамъ же.
c) Семеновъ говоритъ, что ярмарка въ Оренбургѣ открыта въ 1750 г. (см. ч. I, стр. 160, въ его трудѣ: „Историческое изученіе свѣдѣній о росс. торговлѣ и промышленности съ XVIII в.), но это противорѣчитъ П. С. Зак., гдѣ указъ объ открытіи ярмарки въ Оренбургѣ отнесенъ ко 2 іюня 1852 г. (см. № 9995).
d) См. стр. 732 въ наст. монографіи.
e) П. С. Зак., т. XIII, № 10156.

воспрещалось, лишь-бы на то было общее согласіе выборныхъ и заявлено было о томъ таможенному начальству. Кому изъ насъ не извѣстно, что если и нынѣ нѣкоторые изъ нашихъ купцовъ и мелкихъ торговцевъ не пользуются довѣріемъ къ себѣ покупателей, вслѣдствіе коммерческой недобросовѣстности, а иногда и злостнаго банкротства, то нисколько не удивительно, если такія явленія наблюдались въ отмѣченное время. Неплюевъ, какъ человѣкъ вполнѣ опытный, не упустилъ изъ виду и этого: онъ позаботился устроить извѣстный контроль, который-бы гарантировалъ, на сколько было возможно, имущественную собственность плательщиковъ и доходы казны отъ недобросовѣстной эксплуатаціи торговаго класса. Каждый купецъ былъ обязанъ, до начала и подъ конецъ торга, представлять свои товары въ таможню, гдѣ дѣлалась имъ опись и накладывались на нихъ клейма, которые, въ предотвращеніе подлога со стороны торговцевъ, *ежегодно измѣнялись*, товары же безъ пограничныхъ и таможенныхъ клеймъ отбирались въ казну, съ уплатою положенной пошлины. Внѣ Мѣноваго и Гостиннаго двора, особенно въ степи, торгъ и всякая мѣна товаровъ строго были воспрещены. Торговать могли только купцы, ремесленники, крестьяне и казаки[a]). Но, заботясь объ интересахъ казны, Неплюевъ не стѣснялъ и торговаго класса, напротивъ, онъ употреблялъ всѣ зависѣвшія отъ него мѣры, чтобы содѣйствовать росту торговыхъ оборотовъ и частныхъ капиталовъ, съ цѣлію наилучшаго развитія торговли. Въ случаѣ, еслибы кто изъ купцовъ не могъ заплатить установленной пошлины до распродажи товара, то часть его товаровъ поступала въ залогъ и купецъ получалъ право торговать съ трехмѣсячной разсрочкой, по истеченіи которой, если онъ не могъ внести въ таможню положенной пошлины, взятый у него въ залогъ товаръ продавался, и одна часть вырученныхъ отъ продажи денегъ шла на уплату пошлины и таможенныхъ расходовъ, а другая, если только оставалась, вручалась владѣльцу проданнаго товара подъ росписку. Для разбирательства случающихся въ торговыхъ дѣлахъ споровъ дозволенъ былъ русскимъ купцамъ третейскій судъ, а иновѣрцамъ—рѣшеніе дѣлъ по шаріату; недовольные судомъ могли заявлять свои жалобы въ таможню[b]). Рычковъ, между прочимъ, сообщаетъ, что русскіе купцы, по большей части, присылали въ Оренбургъ съ товарами своихъ прикащиковъ, сами же рѣдко являлись въ этотъ отдаленный край.[c]) Зная, какъ иногда прикащики и купеческіе сынки сорятъ деньги въ борьбѣ съ Ивашкой-Хмѣльницкимъ[d]) и въ раз-

---

a) П. С. Зак., т. XIII, № 10159.
b) Тамъ же.
c) Рычковъ. Топогр. Оренб. губ., ч. II, стр. 31.
d) Такъ Императоръ Петръ Великій называлъ въ шутку хмѣльные напитки.

влеченіяхъ съ женщинами легкаго поведенія, въ отсутствіи хозяйскаго и отцовскаго надзора,—зная это зло, Неплюевъ вмѣнилъ въ особенную обязанность таможенному начальнику слѣдить за поведеніемъ прикащиковъ и купеческихъ сыновей, удерживая ихъ отъ мотовства и пьянства и, въ случаѣ надобности, приглашать къ содѣйствію и помощи въ томъ лучшихъ изъ числа самихъ купцовъ.

Оренбургская пограничная таможня находилась въ непосредственномъ и главномъ вѣдѣніи особаго оберъ-инспектора, назначаемаго изъ военныхъ людей „въ рангѣ премьеръ-маіорскомъ"; оберъ-инспекторъ таможни въ то же время былъ и главнымъ командиромъ роты солдатъ, которая посмѣнно назначалась въ караулъ на Мѣновой дворъ. Въ іюнѣ 1755 г. оберъ-инспекторъ таможни премьеръ-маіоръ Горталовъ скончался; прошло болѣе шести мѣсяцевъ послѣ его смерти, а таможня оставалась безъ начальника: не находилось „способнаго и свободнаго къ такому дѣлу человѣка". Неплюевъ 17 декабря того же года, донося о томъ въ Сенатъ, замѣчаетъ: „впредь далѣе сего, а особливо къ будущей веснѣ, безъ такого человѣка той таможнѣ оставаться уже не возможно, яко отъ нея сборомъ пошлинъ немалый высочайшій Ея Императорскаго Величества интересъ зависитъ".[a] Въ виду этого, Неплюевъ рекомендовалъ Сенату на мѣсто оберъ-инспектора Оренбургской таможни капитана ландмилицкаго Шешминскаго полка Ивана Тимашева, человѣка бывалаго во многихъ походахъ и особенно отличившагося въ 1755 г., при усмиреніи башкирскаго бунта, когда онъ былъ серьезно раненъ стрѣлой въ лѣвую руку,[b] и потому не могъ болѣе, по свидѣтельству врачей, оставаться въ военной службѣ. Сенатъ, во вниманіе къ заслугамъ Тимашева и его болѣзни, уважилъ ходатайство Неплюева: Тимашевъ былъ исключенъ изъ военной службы, получилъ чинъ коллежскаго ассесора и опредѣленъ оберъ-инспекторомъ Оренбургской Пограничной Таможни, съ назначеніемъ ему жалованья по 600 р. въ годъ.[c] Что касается таможеннаго сбора, то въ первые три года, по построеніи Оренбурга, пошлина состояла только изъ 2% въ пользу города; затѣмъ было положено брать по 3% съ цѣны товаровъ, а съ 1749 года пошлина взималась по торговому уставу, какъ и въ Астрахани, въ размѣрѣ 5%[d].

---

a) Дѣло о назначеніи капитана Ивана Тимашева директоромъ Оренбургской Погра ничной таможни 1756 г, Сен. Арх., № 946 (на 8 листахъ).

b) Оказывается, что башкирскія стрѣлы были небезопасны: изъ доношенія Неплюева видно, что стрѣла ударила Тимашева съ наружной стороны руки, на ладонь ниже локтя, прошла между обѣихъ костей и на внутреней сторонѣ, ниже локтеваго сгиба, на палецъ вышла наружу,—попади стрѣла въ грудь—и Тимашевъ палъ бы мертвымъ. Кромѣ того, Тимашевъ страдалъ хронической болѣзнью почекъ и груди отъ ушиба лошадью. См. тамъ же, л. 2.

c) Тамъ же, л. 5.

d) Семеновъ. Истор. изученіе свѣдѣній о Росс. торговлѣ и промышленности; ч. I, стр. 159, и ч. III, стр. 181.

Легкость пятипроцентной пошлины, при 100°/о прибыли отъ торговли, естественно должна была усилить ростъ оренбургскаго торга; но купцы, заботясь о своихъ барышахъ, иногда объявляли въ выписяхъ цѣны низкія и частію различныя на одинъ и тотъ же товаръ, напр. цѣну кошенили (краски) показывали 150, 100 и 60 руб. за пудъ.[a] Въ предотвращеніе подобныхъ злоупотребленій, въ 1752 г. былъ составленъ и утвержденъ азіатскій тарифъ, въ коемъ сдѣланы двѣ разцѣнки товаровъ: одна привознымъ изъ Россіи, другая—азіатскимъ; что же касается товаровъ, цѣны на которые не вошли въ тарифъ, то цѣну на нихъ должны были объявлять въ таможнѣ сами купцы; при заявленіи низкой цѣны, таможеннымъ чиновникамъ предоставлялось право брать товары за себя съ наддачею 20°/о, противъ объявленной цѣны, и поступать по Морскому уставу 1731 года. На основаніи этого тарифа, въ Оренбургѣ и Троицкѣ со всѣхъ товаровъ взималось пошлины 5°/о да сверхъ того, вмѣсто прежнихъ мелочныхъ сборовъ, съ каждаго платежнаго рубля по 4 к.; относительно проѣзжей пошлины съ иностранцевъ и съ объявленной суммы денегъ на покупку товаровъ велѣно поступать по торговому уставу. Привозъ золота, серебра и драгоцѣнныхъ каменьевъ былъ дозволенъ безъ пошлинъ; напротивъ хлопчатая бумага, шелкъ-сырецъ и шерсть, привозимые изъ Азіи, были обложены высшей пошлиной: съ хлопка взималось 6 р., съ шерсти 2 р. съ пуда, со скота отъ 2 до 4 р.;[b] пестрядь, сермяжное сукно и нѣкоторые другіе изъ русскихъ товаровъ также были обложены высшей пошлиной, чѣмъ по европейскому тарифу 1731 года. На главные предметы отпуска: иностранныя сукна, краску и русскую юфть, и на привозныя изъ Азіи бумажныя ткани и мягкую рухлядь наложена была пошлина почти равная цѣнѣ товары съ мѣры и числа,[c] что отчасти и послужило причиною упадка оренбургской торговли, тѣмъ болѣе, что, съ изданіемъ въ 1755 году новаго таможеннаго устава, и на оцѣночные по тарифу товары къ прежней 5°/о пошлинѣ прибавлена еще внутренняя 13°/о пошлина.[d] Кромѣ того, купцы должны были платить пошлину за киргизъ и каракалпаковъ, у которыхъ они вымѣнивали товаръ, такъ-какъ послѣдніе были освобождены отъ уплаты пошлиннаго сбора.[e] По таможенному уставу 1755 г. съ азіатскихъ купцовъ, которые-бы пожелали вести свои товары въ Казань и другіе внутренніе города, положено брать, сверхъ портовой и внут-

---

a) Тамъ же, ч. III, стр. 183.
b) Тамъ же, ч. I, стр. 170; ч. III, стр. 171, 184 и 367.
c) Тамъ же, ч. III, стр. 183.
d) Тамъ же. Ср. ч. I, стр. 140, 161 и 167.
e) Тамъ же, ч. III, стр. 183. Чулковъ, ч. 2, кн. 3, стр. 206.

ренной пошлины, еще проѣзжую въ размѣрѣ 10% съ рубля русскими деньгами. Наши купцы, продавая свои товары азіатскимъ въ Оренбургѣ и Троицкѣ въ отпускъ заграницу, платили 13% внутреннюю пошлину, а 5% пошлина взималась по тарифу съ покупателей-азіатцевъ[a].

Количество и быстрое возрастаніе таможенныхъ пошлинъ могутъ служить самымъ лучшимъ доказательствомъ того, какіе широкіе размѣры приняла оренбургская торговля при Неплюевѣ. Въ 1738 г. пошлинный сборъ равнялся только 546 р. 98½ к. и вообще не превышалъ до Неплюева 3872 р. 39¼ к., тогда какъ въ 1749 г. онъ равнялся уже 44188 р. 61¾ к., а въ 1751 г. возросъ до 85123 р. 84¼ к.,[b] затѣмъ замѣчается нѣкоторое уменьшеніе пошлиннаго сбора: такъ въ 1754 году пошлинный доходъ равнялся только 50362 р. 64¼ к., т. е. на 34761 р. 20¼ к. меньше дохода 1751 года.[c] Впрочемъ, слѣдуетъ замѣтить, это только кажущееся уменьшеніе пошлиннаго сбора, въ дѣйствительности же общій торговый оборотъ за эти годы былъ гораздо больше. Причина этого кажущагося уменьшенія торговыхъ оборотовъ заключается въ томъ, что, кромѣ товаровъ, обложенныхъ пошлиной, азіатскіе купцы вывозили много золота, серебра и драгоцѣнныхъ каменьевъ, съ коихъ пошлины не взималось. Въ январѣ 1757 г. прибылъ въ Оренбургъ бухарскій караванъ на 25 лошадяхъ; кромѣ тридадцати человѣкъ кощеевъ, при этомъ караванѣ было пятеро бухарцевъ изъ владѣнія хана Губандуллы Шатьмурова и одинъ человѣкъ изъ города Ташкента, подданный хана Абляза Ельборисова. По объявленной въ таможнѣ цѣнѣ въ караванѣ всего товару было на 31628 р. 53 к., въ томъ числѣ на 6242 р. 40 к. серебра и на 24686 руб. драгоцѣнныхъ каменьевъ; слѣдовательно на 30928 р. 40 коп. безпошлиннаго товару и только на 700 р. 13 к. товара, обложеннаго пошлиной.[d] Послѣ этого понятно, почему вывозимые изъ Азіи товары иногда, какъ напримѣръ въ 1750 и 1752 г., оказывались въ нѣсколько разъ по цѣнѣ менѣе привезенныхъ изъ Россіи. Вообще слѣдуетъ замѣтить, что цѣнность вывозимыхъ изъ Азіи товаровъ, обложенныхъ пошлиной, необходимо брать въ совокупности съ цѣнностью благородныхъ металловъ и минералловъ, освобожденныхъ отъ пошлинъ,—и тогда мы убѣдимся, что общая стоимость всего привоза изъ Азіи равнялась стоимости товаровъ,

---

a) Тамъ же, ч. I, стр. 167. Слич. П. С. Зак., т. XIV, №№ 10221 и 10486, гл. XIV п. I, стр. 479.

b) Рычковъ. Топогр. Оренб. губерніи, ч. I, стр. 321.

c) Тамъ же. Слич. Семенова: «Историч. изученіе свѣдѣній о россійской торговлѣ» и проч., ч. III, стр. 181. Смотр. въ приложеніи вѣдомость о тамож. сборахъ.

d) Смотр. въ Сенатскомъ Архивѣ за № 435 «Дѣло 1757 г. Письмо т. сов. Неплюева къ генералъ-прокурору» (съ вѣдомостью прибывш. въ Оренбургъ азіатскимъ купцамъ и привезеннымъ ими товарамъ). См. въ приложеніи копію съ вѣдомости привез. товаровъ.

отпущенныхъ изъ Россіи.[a] Количествомъ таможенныхъ пошлинъ можно опредѣлить и общую стоимость привозимыхъ и вымѣненныхъ товаровъ: если, напримѣръ, въ 1738 г. пошлинный сборъ равнялся 546 р. 98½ коп.; то слѣдовательно въ этомъ году товаровъ было промѣнено на сумму около 28009 р.; точно также мы узнаемъ, что въ 1749 г. было вымѣнено товаровъ почти на 900,000 руб., въ 1751 г.—на 1.700,000 р. и т. д. Начиная съ 1742 г. по 1754 г. включительно, пошлинный сборъ въ Оренбургской Пограничной Таможнѣ составилъ сумму въ 398911 р. 93¾ к.;[b] слѣдовательно, кромѣ золота, серебра и драгоцѣнныхъ каменьевъ, въ теченіе 12 лѣтъ, товаровъ было промѣнено почти на 8 милл. рублей, вся же сумма сборовъ при торговлѣ, по свидѣтельству Рычкова, за тотъ же періодъ времени была болѣе 546000 руб.,[c] кромѣ сбора съ продажи вина, десятиннаго сбора съ горныхъ заводовъ, а также тептярскаго и бобыльскаго ясака, который ежегодно равнялся 23166 р. 8½ коп.,[d] такъ-что среднимъ числомъ на каждый годъ приходилось болѣе 45500 рублей.[e] Послѣ этого нельзя, конечно, сомнѣваться въ справедливости словъ Неплюева, который замѣчаетъ въ своихъ „Запискахъ", что, начиная съ 1745 г., онъ уже „въ состояніи былъ, вмѣсто получаемыхъ отъ начала той экспедиціи ежегодно 30000 р. изъ казны, содержать оную отъ доходовъ пошлинныхъ".[f] Принося такія выгоды казнѣ, оренбургская торговля доставляла несравненно бо́льшіе барыши русскимъ купцамъ: сначала они, какъ мы знаемъ, получали рубль на рубль; потомъ съ увеличеніемъ конкурренціи въ торговлѣ прибыль эта хотя и уменьшилась, но все-таки никогда не падала ниже 40%.

Такое развитіе и оживленіе торговли и промышленности въ Оренбургскомъ краѣ и неимовѣрные труды Неплюева по его всестороннему устройству обратили на него вниманіе Императрицы Елизаветы Петровны, доказательствомъ чего можетъ служить слѣдующее письмо Неплюева къ гражданамъ города Оренбурга.

„Съ новымъ вожделѣннымъ 1754 годомъ, всѣ господа, генералы и прочіе чины и всѣ жители Оренбургской губерніи!

Всемилостивѣйшая Государыня, Ея Императорское Пресвѣтлое Величество, Государыня Императрица Елизавета Петровна сего 27 декабря,

---

a) Чулковъ, 2, кн. 3, стр. 24 и 25. Ср. у Семенова: «Историч. обозрѣніе свѣд. о росс. торговлѣ», ч. III, стр. 815.

b) Цыфра эта составляетъ сумму частныхъ чиселъ, приводимыхъ Рычковымъ на страницѣ 321 въ I части его „Топогр. Оренб. губ."

c) 546164 р. 11¼ коп. См. тамъ же.

d) Тамъ же, стр. 322.

e) Именно: 45513 р. 66⅔ коп.

f) См. его Записки, стр. 139. Изд. А. С, Суворина, 1893 г.

слушавъ мое всенижайшее рабское доношеніе по дѣламъ Оренбургской губерніи, всемилостивѣйше изволила изрещи: «*зѣло пріятно есть слышать Намъ о мирѣ и устроеніи Нашего Оренбургскаго края и твоемъ, губернаторѣ, многомъ раденіи, за что Мы тебя благодарствуемъ,* ты же, губернаторъ, поздравь отъ Нашего Имени всѣ генеральные и прочіе чины губерніи и всѣхъ тамошнихъ жителей съ наступающимъ нововожделеннымъ 1754 годомъ“.

„Таковое всемилостивѣйшее и высокомонаршее Ея Императорскаго Пресвѣтлаго Величества слово слыша, я, нижайшій рабъ Всемилостивѣйшей Государыни моея, въ несказанной моей радости, умиленіи же души и сердца шлю о семъ съ нарочно мною посланнымъ изъ С.-Петербурга въ Оренбургъ поручика Утяева, и со своей стороны всѣ чины и жителей Оренбургской губерніи зѣло решпектую и съ высокомонаршею милостію и вожделенно имѣющимъ наступити лѣтомъ Господнимъ 1754 премного, охотно велерадостно поздравляю; съ новымъ вожделеннымъ 1754 годомъ поздравляю, отъ имени Ея Императорскаго Пресвѣтлаго Величества, съ новымъ лѣтомъ Господнимъ всѣхъ васъ, генеральные и прочіе чины, Оренбургской губерніи и всѣ съ нимъ купно жители всѣхъ чиновъ и о желаніи всѣмъ здравія и долгоденствія сей мой реприментъ прилагаю и руку: слышите всѣ и уразумѣть трактовально возможете, колико есть добро полезно, когда всякій возложенный на него чинъ весьма добропорядочно и совѣстно, и регламентованно содержитъ, помня Бога и Ея Императорскому Величеству присягу, чрезъ что самое мирное устроеніе, правосудіе царствуетъ нестроенія же, бунты и всякое беззаконіе зѣло истребляемы бываютъ и всѣ живутъ въ мирѣ, тишинѣ и благѣ, како и нынѣ въ Оренбургской губерніи къ радости всѣхъ насъ видимо и презентабельно, и весьма прелюбезно суть и аліасно. А прежде сего были неустройства, бунты инородческіе и приказныя дѣла въ непорядкѣ и судъ. Видите-ли и поучайтесь, колико есть благо служить вѣрно царю! *Кто служитъ вѣрно Царю, тотъ и Богу вѣрно служитъ;* отъ Царя и Бога двойную мзду пріемлетъ равномѣрно. Будемъ-же и впредь служить вѣрно, яко должэнствуетъ вѣрнымъ Ея Императорскаго Пресвѣтлаго Величества рабамъ служить и за Ея Императорское Величество, Всемилостивѣйшую Государыню Нашу Елизавету Петровну о Ея высокомъ здравіи Бога молить и за то насъ и Богъ помилуетъ и Великая Государыня, матерински пекущаяся о насъ, насъ рабовъ своею высокою милостію контентовать не оставитъ, ибо за Нею усердная служба не пропадетъ никогда во вѣки. О настоящей же высокомонаршей милости Ея Императорскаго Пресвѣтлаго Величества и сей премногой радости пусть вѣдомо будетъ господамъ генеральнымъ и прочимъ чинамъ и всѣмъ жите-

лямъ всякихъ чиновъ Оренбургской губерніи, чего ради Оренбургская Губернская Канцелярія да учинитъ распоряженіе настоящее письмо мое, такъ-какъ нарочно посланный мною поручикъ не поспѣетъ въ Оренбургъ 1 января будущаго 1754 года прибыть, а прибудетъ позже, то въ первый воскресный или праздничный день оное мое письмо просить прочитать въ Оренбургѣ, послѣ божественной службы въ соборной церкви, а потомъ по городу объявить съ барабаннымъ боемъ при изрядномъ играніи на трубахъ, что учинить на Уфѣ и прочихъ городахъ и по крѣпостямъ, ради чего послать отъ Губернской Канцеляріи приказаніе воеводамъ и по крѣпостямъ командирамъ и всякихъ полковъ и командъ начальникамъ. Всѣ да будутъ общниками общей радости о толикой Всемилостивѣйшей Нашей Государыни милости, а я нижайшій Ея Императорскаго Пресвѣтлаго Величества Всемилостивѣйшей Государыни моея рабъ всѣмъ чинамъ и жителямъ Оренбургской губерніи зѣло решпектую.

Иванъ Неплюевъ, тайный совѣтникъ,
Оренбургской губерніи Губернаторъ".[a]

Это письмо не только свидѣтельствуетъ о вниманіи къ Неплюеву Императрицы Елизаветы Петровны, но оно можетъ служить и доказательствомъ того, какъ серьёзно и высоко смотрѣлъ Неплюевъ на свои обязанности по отношенію къ Царю и Отечеству, стараясь внушить своимъ подчиненнымъ, чтобы и они, подобно ему, служили „не изъ мзды" и сознавали, что *„кто служитъ вѣрно Царю, тотъ и Богу вѣрно служитъ"*.

Заботясь о развитіи промышленности и торговли въ Оренбургскомъ краѣ, Неплюевъ смотрѣлъ на матеріальное обезпеченіе и раціональное хозяйство его обитателей съ государственной точки зрѣнія. Всѣ его заботы о развитіи промышленности и торговли въ этомъ краѣ обусловливались его искреннимъ желаніемъ доставить наибольшую прибыль казнѣ, чтобы чрезъ то содѣйствовать богатству и политическому могуществу Россіи. „Будучи истиннымъ послѣдователемъ Петра Великаго",—какъ справедливо замѣчаетъ Н. Н. Ѳирсовъ,—„Неплюевъ принадлежалъ къ числу тѣхъ немногихъ честныхъ людей, для которыхъ общее благо, такъ или иначе понимаемое ими, остается навсегда лозунгомъ жизни. И. И. Неплюевъ, сообразно съ идейной стороной своего времени, подъ общимъ благомъ разумѣлъ политическое могущество Россіи и хорошее состояніе ея финансовъ, и съ этой точки зрѣнія онъ смотрѣлъ на свою колонизаціонную дѣятельность. Это былъ великій провинціальный собиратель еще хорошенько не-

---

а) Уфимск. Губ. Вѣд. 1873 г., № 1. Сообщилъ Р. Игнатьевъ.

скрѣпленныхъ русскимъ авторитетомъ земель и денегъ для государственнаго казначейства".[a] Заводы Твердышева, Мясниковыхъ, графовъ Шуваловыхъ, дворянъ Демидовыхъ, генералъ-прокурора Глѣбова и др. лицъ, устроенные при Неплюевѣ въ Оренбургскомъ краѣ, доставляли большія выгоды казнѣ, а оренбургская торговля развилась на столько, что Неплюевъ не нуждался болѣе въ казенной субсидіи въ 30000 р., отпускаемой раньше ежегодно на расходы по управленію Оренбургской губерніей, а обходился пошлиннымъ сборомъ съ товаровъ, возросшимъ до 50000 р. въ годъ. Овладѣвъ, по мѣткому выраженію Петра Великаго, *"вратами и ключомъ"* къ средне-азіатскимъ странамъ и народамъ, т. е. Киргизскими Ордами, Неплюевъ проложилъ путь торгово-промышленному движенію русскихъ въ Среднюю Азію, и тѣмъ самымъ содѣйствовалъ политическому могуществу Россіи. Но эти заботы Неплюева о государственныхъ интересахъ и доходахъ казны были весьма непріятны башкирцамъ, которые озлобившись на Неплюева и русскихъ, рѣшились выразить свой протестъ въ открытомъ мятежѣ, во имя Ислама, чтобы возвратить себѣ прежнюю независимость, свободу и экономическую самостоятельность, но Неплюевъ не только разстроилъ ихъ смѣлые замыслы, а и навсегда разсорилъ ихъ съ киргизцами, при помощи которыхъ башкирцы надѣялись достичь своей цѣли, какъ увидимъ это изъ слѣдующей главы монографіи.

а) Политическое и финансовое значеніе колонизаціонной дѣятельности И. И. Неплюева, стр. 25. Казань 1893 г.

ГЛАВА XXVII.

Возстаніе башкирцевъ въ 1755 г. противъ русскихъ, подъ руководствомъ мещерякскаго муллы Батырши Алѣева, и предшествовавшія ему обстоятельства.—Обнаруженіе, характеръ и развитіе мятежа.—Мѣры, принятыя Неплюевымъ къ прекращенію бунта.—Исходъ мятежа, поимка Батырши, отправленіе его въ тайную канцелярію, допросъ, заключеніе въ Шлиссельбургскую крѣпость и смерть.

Salus populi suprema lex.

«Оныхъ невѣрныхъ россіанъ разорять начнемъ-те, и ихъ изъ земли своей изженемъ и сгубимъ-те, и въ жилищахъ своихъ мечети и училища построимъ и правыя нашея вѣры къ укрѣпленію попечемся».

(Изъ воззванія Батырши къ башкирцамъ).

Въ 1747 году, какъ намъ уже извѣстно, въ Оренбургской губерніи произошло волненіе среди тептярей и бобылей, по случаю наложенія на нихъ 80-коп. подушной подати [a]. Главными подстрекателями и вожаками этого волненія оказались татары, которые и раньше, и послѣ были непримиримыми врагами христіанско-цивилизующаго вліянія русскихъ на инородцевъ. Хотя бунтъ тептярей, благодаря военно-стратегическимъ мѣропріятіямъ Неплюева, и былъ прекращенъ, почти въ самомъ его началѣ; но инородческое населеніе Оренбургскаго края, подстрекаемое татарскими муллами, не могло помириться съ своимъ положеніемъ, а татары всегда готовы были принять сторону инородцевъ и только выжидали благопріятнаго къ тому случая.

Въ 1748 году казанскіе татары задумали произвести рѣзню всѣхъ русскихъ „до малаго ребенка“ сначала въ Казани, а потомъ и въ уѣздахъ Казанской губерніи, чтобы „тѣмъ погубленьемъ избыть крещенія и несноснаго платежа“. Въ февралѣ 1748 года, Казанская губернская канцелярія донесла Сенату, что казанскій комендантъ полковникъ Блохинъ, явившись утромъ 9 февраля въ канцелярію, представилъ три письма: одно „партикулярное“ на имя прапорщика казанскаго гарнизона Андрея Нѣлова и два „подметныя“, изъ коихъ одно было адресовано секретарю губернской канцеляріи Михаилу Полянскому, а другое—полицмейстеру

[a] Смотр. выше въ настоящей монографіи стр. 437, гдѣ поименованы всѣ вожаки этого возстанія.

Александру Маматову. Всѣ подметныя письма, на основаніи указа 1715 года, должны быть тотчасъ же сожигаемы тѣми, кто ихъ найдетъ; но такъ-какъ эти письма были запечатаны въ конвертахъ съ точнымъ адресомъ лицъ, какъ бы частныя, то ихъ по наружному виду и нельзя было принять за подметныя, по вскрытіи же ихъ оказалось, что какой-то анонимный авторъ этихъ писемъ—крещеный татаринъ предупреждалъ объ „остромъ, охотномъ и крѣпкомъ помыслѣ татаръ произвести „въ началѣ 1748 года, марта въ третій день, поголовную рѣзню русскихъ сначала въ городѣ, а потомъ въ деревняхъ и селахъ. Въ письмѣ къ прапорщику Андрею Нестеровичу Неѣлову также говорится, что будто „татары хотятъ на масленой бунтовать за Камою и въ иныхъ мѣстахъ". Письма къ Полянскому и Маматову были присланы изъ Москвы и запечатаны краснымъ сургучемъ ходячей денежкой. Судя по ихъ содержанію, нужно думать, что авторомъ ихъ былъ одинъ и тотъ же человѣкъ изъ крещеныхъ татаръ, жившій въ Москвѣ. Казанская канцелярія собщила о письмахъ въ Сенатъ въ копіяхъ съ нихъ [a].

Сенатъ, получивъ эти свѣдѣнія, немедленно сообщилъ о томъ въ Военную Коллегію, чтобы были приняты надлежащія мѣры къ предотвращенію замышляемаго татарами бунта, а Военная Коллегія, въ свою очередь, тотчасъ же предписала Неплюеву командировать въ Казань изъ находившихся въ Оренбургской губерніи Ревельскаго и Троицкаго полковъ по половинѣ. Маіоръ Гюнебергъ также долженъ былъ поспѣшить въ Казань съ тремя драгунскими ротами Ростовскаго, Азовскаго и Вятскаго полковъ, находившихся „для сыску воровъ" въ Саранскомъ уѣздѣ; въ то же время подполковнику Горину, жившему въ Казани также „для розыску воровъ", приказано не отлучаться съ его командой изъ города, въ виду „оного самонужнѣйшаго дѣла". Назначенныя въ Казань войска должны были выступить въ походъ въ 24 часа, въ первый же день по полученіи приказа, и „слѣдовать денно и нощно на ямскихъ и уѣздныхъ подводахъ со всякимъ поспѣшеніемъ", въ распоряженіе казанскаго коменданта Блохина, драгунскими жь ротами маіора Гюниберга долженъ былъ завѣдывать бригадиръ Бардюковичъ, а въ случаѣ его отсутствія изъ города — Казанская губернская канцелярія [b]. Для развѣдыванія о зломъ умыслѣ татаръ, велѣно было „секретно посылать въ татарскія слободы, которыя въ Казани, и въ ближайшія къ городу татарскія деревни вѣрныхъ людей, и ежели по такому развѣдыванію или по слѣдствію тотъ ихъ умыселъ совершенно явится, то какъ можно скоро стараться пущихъ зачинщиковъ переловить

[a] Смотр. копіи съ писемъ въ приложеніи, стр. 90 и 91.

[b] Въ Тург. Арх. см. указы за 1748 г., по опис. № 16, лл. 53—55, 69—70.

и у всѣхъ тѣхъ татаръ, которые въ слободахъ и вблизъ лежащихъ деревняхъ живутъ, всякое ружье, порохъ и свинецъ обобрать, а въ Казани публиковать, что понеже найдены два подметныхъ письма, подписанныя одно на имя секретаря Михаила Полянскаго, а другое полицмейстера Александра Манатова, а кто оныя писалъ, того въ нихъ ненаписано, того ради, чтобы тотъ, кто оныя письма писалъ, явился въ губернскую канцелярію безъ всякаго опасенія и боязни, за что ему въ награжденіе дано будетъ *пять сотъ рублевъ,* которыя деньги при той публикаціи на площади *поставить въ фонарѣ,* а о матеріи тѣхъ писемъ въ той публикаціи не писать, и когда онъ явится, то ему тѣ деньги отдать и притомъ обнадежить, что ежели о томъ ихъ зломъ намѣреніи подлинно докажетъ, за то онъ награжденъ будетъ довольною Ея Императорскаго Величества милостію, и чтобъ онъ точно показалъ, отъ кого онъ о томъ ихъ татарскомъ зломъ намѣреніи и давно-ль увѣдалъ, и кто тому первые зачинщики,—и по тому его показанію стараться оныхъ зачинщиковъ переловить и накрѣпко по вышеписанному слѣдовать, и что по тому слѣдствію оказываться будетъ, о томъ въ Сенатъ репортовать съ нарочными курьерами“ [a]).

Маіоръ Гюнибергъ, по прибытіи въ Казань, поселился съ своей командой въ Татарской слободѣ, Троицкій же драгунскій полкъ, по распоряженію казанскаго губернатора Грекова и бригадира Бардюкевича, былъ расположенъ но квартирамъ въ 18 татарскихъ деревняхъ, оказавшихся склонными къ бунту, по Зюрейской дорогѣ, между Шешминска, Заинска и Кичюева, а драгуны Ревельскаго полка должны были размѣститься въ татарскихъ же деревняхъ, въ сорока верстахъ отъ Казани, между Ногайской и Зюрейской дорогами, „и учредя пикеты, стоять съ надлежащею воинскою предосторожностію“ [b]). Въ то же время Неплюевъ предписалъ полковнику Люткину, исправлявшему должность уфимскаго воеводы, чтобы онъ держалъ постоянно наготовѣ Казанскій драгунскій полкъ а подполковникъ Исаковъ, находившійся въ Кунгурѣ „для сыску воровъ и разбойниковъ“, долженъ былъ, по распоряженію Неплюева, отдѣлить часть своей команды и отправить ее чрезъ Мензелинскъ, гдѣ была штабъ-квартира Троицкаго полка, въ Казанскій уѣздъ. Для лучшаго ознакомленія съ намѣреніями и планами татаръ, замышлявшихъ бунтъ, Неплюевъ предлагалъ послать въ за-камскія деревни секретаря Уфимской провинціяльной канцеляріи Зубова „подъ какимъ-нибудь другимъ видомъ, яко оный секретарь языка и состоянія ихъ знающій, съ накрѣпчайшимъ ему

---

[a]) Тамъ же, л. 65-66. Сенатскій указъ въ Оренб. губ. канцелярію, отъ 21 февраля 1748 г., за № 26.

[b]) Тамъ же, лл. 88—89 и 133.

подтвержденіемъ, дабы онъ то развѣдываніе чинилъ весьма тайно и осторожно, чтобъ о томъ никто увѣдать не могъ" [a]. Благодаря этимъ мѣрамъ и предосторожностямъ, сдѣланнымъ вовремя, русское населеніе Каз. губер, городское и сельское, было ограждено отъ произвола и насилія татаръ и — бунтъ не состоялся.—Не смотря на это, татары, по-прежнему, питали ненависть къ русскимъ и готовы были воспользоваться первымъ удобнымъ случаемъ, чтобы присоединиться къ инородцамъ Оренбургской губерніи, для достиженія своихъ цѣлей и удовлетворенія затаеннаго чувства мести, въ отношеніи къ русскимъ поселенцамъ края.

Чтобы пріучить башкиръ и другихъ инородцевъ къ болѣе мирной и осѣдлой жизни, Правительство старалось о распространеніи между ними христіанской вѣры, въ духѣ православія. Особенно энергично и настойчиво дѣйствовалъ въ этомъ отношеніи Дмитрій Сѣченовъ, начальникъ миссіи въ Волжско-Камскомъ краѣ, знаменитый впослѣдствіи архипастырь Русской Церкви: въ два года (1740—1742) имъ было обращено 17362 человѣка въ христіанство, при самомъ незначительномъ числѣ священниковъ. Назначенный въ 1742 г. на архіерейскую каѳедру въ Нижній-Новгородъ, Дмитрій Сѣченовъ, въ теченіе четырехъ только лѣтъ, крестилъ въ тамошней епархіи 30000 инородческихъ душъ; но въ дѣйствительности почти всѣ крестившіеся инородцы были христіанами только по имени, хотя Св. Синодъ и былъ противъ такого лишь внѣшняго, наружнаго обращенія чужеродцевъ въ христіанство: „Сердце человѣческое насильствуемо быть не можетъ, и человѣкъ, понужденіемъ обращаемый, аще и явитъ себя, аки-бы обратившася, но точію по внѣшнему виду христіанинъ будетъ, а въ сердцѣ своемъ и вящше прежняго окаменевъ, что не токмо проповѣди евангельской не пристойно, но и весьма порочно и соблазненно" [b]. Башкирцы, какъ и другіе инородцы, крестились или изъ-за матеріальныхъ выгодъ, съ которыми было соединено ихъ крещеніе, или же изъ опасенія преслѣдованія со стороны властей. Сенатъ между прочимъ постановилъ, чтобы холопы и крестьяне иновѣрныхъ землевладѣльцевъ, принявшіе крещеніе, освобождались отъ крѣпостной зависимости, а если сами владѣльцы примутъ христіанство, то снова получаютъ своихъ холопей и крестьянъ. Кромѣ того, принявшіе крещеніе инородцы освобождались на три года отъ всѣхъ поборовъ, которые разлагались на оставшихся въ иновѣріи; всѣхъ крещеныхъ велѣно оставить на прежнихъ мѣстахъ ихъ жительства, а ихъ односельцевъ, нежелавшихъ креститься, перевести въ другія мѣста; находившіеся подъ судомъ и въ тюрьмахъ могли быть освобождаемы отъ всякаго наказанія, еслибы

[a] Тамъ же, л. 80.
[b] П. С. Зак., № 9359.

пожелали креститься [a]. Въ виду такихъ житейскихъ выгодъ, инородцы крестились толпами, а нежелавшіе креститься скрывались въ лѣсахъ или другихъ мѣстахъ, чтобы не платить иногда непосильныхъ податей за своихъ крещеныхъ однородцевъ. Между тѣмъ ревнители магометанства старались пользоваться враждебнымъ настроеніемъ инородцевъ противъ русскихъ. Отстаивая энергично свою вѣру, татарскіе муллы и ахуны говорили башкирцамъ, что „россійскіе архіереи, попы и другіе насильствомъ, нападками, лукавствомъ и обманомъ, по крайней возможности, изъ магометанской вѣры въ христіанскій законъ обращаютъ, написывая имъ прошенія, яко-бы по ихъ просьбѣ и желанію написаны, къ которымъ и тамга прикладываютъ“ [b].

Подстрекаемые муллами башкирцы, уже принявшіе христіанство, обращались иногда къ своимъ начальникамъ съ просьбою о дозволеніи снова возвратиться въ магометанство. Въ большинствѣ случаевъ такія просьбы оставлялись безо всякихъ послѣдствій, но иногда просителей подвергали и наказанію, что только еще больше озлобляло башкирцевъ. Не нравилось башкирцамъ и то, что въ волости, вмѣсто прежнихъ волостныхъ старостъ, велѣно было выбирать по два или по три человѣка старшинъ и не болѣе, какъ на годъ, и взыскивать съ нихъ всякое преступленіе и неисправу, а блюстителямъ магометанской вѣры—ахунамъ позволено быть на каждой дорогѣ лишь по одному, съ обязательствомъ никого изъ другой вѣры въ свой законъ не приводить и не обрѣзывать, мечетей и школъ безъ указовъ не строить [c]. Но число недовольныхъ еще болѣе увеличилось, когда въ 1754 г. былъ изданъ указъ, въ силу котораго башкирцы обязывались, въ замѣнъ ясака, покупать соль изъ казны, тогда—какъ раньше они пользовались даровой солью изъ соленыхъ озеръ, въ изобиліи находящихся на ихъ землѣ [d]. Озлобленные башкирцы заявили, что соль покупать изъ казны они не желаютъ, а будутъ брать ее, какъ раньше, „изъ казны Господа Бога Нашего“ [e].

Въ Уфу былъ командированъ генералъ-маіоръ Алексѣй Тевкелевъ, который долженъ былъ уговорить башкирцевъ, чтобы они покупали соль изъ казны, угрожая имъ въ противномъ случаѣ силою: „за противныя ваши слова и дѣла бороды ваши уже щипаны“,—говорилъ имъ Тевкелевъ,—„а далѣе въ чемъ проговоритесь или въ какую вину впадете, то и головы свои потеряете“ [f]. Башкирцы хотя и согласились покупать соль изъ каз-

---

[a] П. С. Зак., №№ 8540, 8929, 9305 и 11099.
[b] Н. Дубровинъ. Пугачевъ и его сообщники, т. 1, стр. 254.
[c] Н. Поповъ. Татищевъ и его время, стр. 185.
[d] См. въ наст. моногр. стр. 618—619.
[e] Н. Дубровинъ. Пугачевъ и его сообщники, т. I, стр. 255.
[f] Тамъ же.

ны, но тайно, въ душѣ, еще болѣе озлобились противъ русскихъ. Взятки и своеволіе чиновниковъ все сильнѣе и сильнѣе раздражали башкирцевъ, а безъ посулъ нельзя было и начинать какое-либо дѣло: „которое дѣло можно было въ одинъ день окончить—мѣсяцъ таскали; которое въ мѣсяцъ кончить было можно, ради взятокъ, годъ продолжали, а пьяные командиры и людей саблями рубили и руки отрубали" [a]. Чтобы избавиться отъ притѣсненій и довести о нихъ до свѣдѣнія Государыни, башкирцы рѣшились возстать.

„Нападки и утѣсненія,"—говорили старики,—„не отъ Государыни а отъ командировъ и генераловъ чинятся. Видите вы, что сей діаволъ и зломышленный генералъ (Неплюевъ), желая Государынѣ прибыль чинить, въ милость придти и великій чинъ себѣ получить, подъ командою своей находящихся всякими мѣрами отягощаетъ, несклонныхъ (къ крещенію) склонными пишетъ и по принужденію тамги прикладывать велитъ. О нашемъ народѣ онъ Государыню въ худое размышленіе приводитъ и своею глупостію на Государыню злое имя налагаетъ. Онъ воровъ правыми дѣлаетъ, правыхъ—ворами, нежелающихъ—желающими, и такъ Государынѣ доноситъ" [b].

Главою возстанія недовольныхъ и руководителемъ бунта на этотъ разъ сдѣлался мещерякскій мулла Абдулла Мягзялдинъ, извѣстный въ народѣ подъ именемъ Батырши. По свидѣтельству современниковъ, Батырша Алѣевъ былъ человѣкъ весьма хитрый, обладавшій умомъ и отличавшійся магометанской ученостью и непримиримою ненавистью къ русскимъ; сухощавый, смуглолицый и безбородый отъ природы, онъ имѣлъ въ это время не болѣе 46 л. отъ роду. Получивъ первоначальное образованіе въ Каинской волости, въ дерервнѣ муллы Ильша, Батырша усердно продолжалъ изучать основы магометанской религіи и считался однимъ изъ ученѣйшихъ муллъ во всей Башкиріи, почему и получилъ прозваніе Мягзялдина (ученый). Бывая въ разныхъ башкирскихъ деревняхъ, Батырша совершалъ богослуженіе, училъ дѣтей и народъ, чтобъ „они повелѣнію Божескому повиновались и исполняли его, также законовѣдца Магомета заповѣди содержали и учениковъ его завѣщаніямъ послушны были".—Проповѣди Батырши, отличавшіяся краснорѣчіемъ и убѣдительностью, доставили ему славу ученаго, и многіе муллы, не рѣшаясь вступать съ нимъ въ споръ, благоговѣли передъ нимъ. Когда Батырша пріѣхалъ въ деревню старшины Муселима, башкирцы толпами стекались къ его дому, чтобы послушать ученаго проповѣдника и хотя только взглянуть на него. Муселимъ, воспольt-

---

[a] Тамъ же, стр. 257. Показаніе Батырши. Госуд. Арх., VII д., № 1781.
[b] См. тамъ же.

зовавшись случаемъ, устроилъ торжество и предложилъ башкирцамъ угощеніе. Торжество началось проповѣдью Батырши. Не только простой народъ, но и муллы, бывшіе тутъ, встали передъ проповѣдникомъ на колѣни и съ благоговѣніемъ внимали его словамъ, опиравшимся на ученіи Корана. По окончаніи проповѣди „отъ божественнаго писанія", хлѣбосольный хазяинъ предложилъ гостямъ кумысъ. Компанія скоро развеселилась, начались оживленные разговоры объ общественныхъ и политическихъ дѣлахъ. Вспоминая обиды и притѣсненія начальства, охмѣлѣвшіе башкирцы говорили:„ Кромѣ Бога намъ не накого надѣяться. Соль брать изъ своихъ озеръ и звѣрей бить намъ запрещено. Русскіе свойственниковъ нашихъ, отъ вѣры отвратя, крестили, наши дома разорили. Отъ командировъ и генераловъ ни какой милости намъ нѣтъ, и неизреченныя тягости и за трудненія при нынѣшней Государынѣ воспослѣдовали и болѣе терпѣть уже невозможно" [a].

„Бываетъ-ли хуже того",—спрашивали башкирцы другъ друга,— „когда людей" въ сущую вѣру „вѣрующихъ въ невѣрующую вѣру обращаютъ?.—Чтобы было, еслибы наши мусульмане нѣсколько россійскихъ людей силою въ законъ свой обратили и церкви ихъ разорили?— Станемъ и мы вѣру ихъ ругать, въ свою обращать и грабить ихъ имѣнія. Слухъ объ этомъ и о причинѣ дѣлъ нашихъ дойдетъ до Государыни, и тогда разсмотрѣніе съ правосудіемъ учинено будетъ" [b].

Ознакомившись съ настроеніемъ башкирцевъ у Муселима, Батырша отправился въ деревню *Салчугутъ*, куда собралось на свиданіе съ нимъ до 70 чел. башкиръ. Здѣсь, какъ и во многихъ другихъ деревняхъ, Батырша увидѣлъ также всеобщее недовольство и услышалъ ропотъ на русскихъ чиновниковъ. Будучи въ селеніи *Орта*, Оранской волости, Батырша слышалъ, что башкирцы учатся стрѣлять изъ лука, пріобрѣли въ этомъ большую опытность и могутъ бѣгать на лыжахъ съ такой быстротой, что самая рысистая лошадь не можетъ ихъ догнать [c]. Осенью 1754 г. башкирцы просили хана Средней Киргиской Орды, Аблай-Салтана, чтобы имъ, когда они разорятъ всѣ крѣпости и почтовые станы въ Башкиріи, дозволено было укрыться въ Киргиской степи, что Аблай имъ и обѣщалъ [d]. Киргизы, какъ намъ извѣстно, и раньше нападали на русскія селенія и пограничныя крѣпости, по приглашенію башкирцевъ, и часто дѣйствовали съ башкирцами заодно, какъ это напримѣръ было при князѣ Урусовѣ

---

[a] Тамъ же, стр. 256.
[b] Тамъ же, л. 257.
[c] Тамъ же, л. 259.
[d] Доношеніе Неплюева въ Сенатъ, отъ 15 Іюня 1755 г.

въ 1739—1740 г., когда въ Верхнеяицкой крѣпости по этому поводу были казнены два киргизскіе князька [a]. Рѣшившись встать во главѣ народнаго возмущенія башкиръ, Батырша дѣйствовалъ весьма хитро и осторожно: не забывая, что у него два уха, а одинъ языкъ, онъ больше слушалъ другихъ, чѣмъ говорилъ самъ. Когда явился къ нему изъ-подъ Оренбурга каргалинскій мулла Абдюсетъ и сообщилъ, что и у нихъ башкирцы готовятъ оружіе, то Батырша далъ ему такой совѣтъ: „самъ не говори ни о чемъ, а другихъ людей разговоры со вниманіемъ слушай, и какое извѣстіе услышишь, съ крайней поспѣшностью мнѣ объяви“ [b].

Батырша побывалъ и въ Оренбургѣ, чтобы разузнать тамъ то, что было нужно знать въ его положеніи; по свидѣтельству нѣкоторыхъ его соучастниковъ, онъ даже говорилъ о намѣреніи башкирцевъ съ оренбургскимъ ахуномъ Ибраемъ Бютчюевымъ и переводчикомъ Гуляевымъ, и что будтобы они обѣщали ему свое содѣйствіе [c]. Въ мартѣ 1755 года къ Батыршѣ явился посолъ изъ Кипчатской волости съ Нагайской дороги и передалъ ему письмо, въ которомъ говорилось, чтобы люди, по должности своего закона, о „возвышеніи вѣры душою и имѣніемъ стараніе прилагали и, ради Закона Божія, разжигались и дрались, и тѣмъ законъ свой исполняли и повелѣнія пророка“, и что всѣ знатные люди о томъ стараніе имѣютъ. Прочитавъ письмо, Батырша спросилъ посланнаго, кто далъ ему письмо, такъ—какъ письмо было анонимное. „Мулла нашъ съ писаремъ,“—отвѣчалъ посланный,—„два раза въ Оренбургъ ѣздили и, по пріѣздѣ, сіе письмо велѣли передать тебѣ, но не сказали, кѣмъ оно писано, самъ-де догадается“ [d]. Батырша заключилъ, что письмо было написано однимъ изъ ученыхъ людей, а кѣмъ именно, не могъ догадаться, но это письмо произвело глубокое впечатлѣніе на Батыршу и имѣло рѣшающее для него значеніе. Давно уже лелѣя мысль объ избавленіи башкирскаго народа отъ притѣсненія, Батырша рѣшился приступить къ дѣлу. Онъ началъ съ того, что сталъ пропагандировать среди башкирскаго народа неповиновеніе русскимъ властямъ, хотя еще не проповѣдывалъ открытаго возстанія. Сознавая, что башкирцы одни не могли съ успѣхомъ бороться противъ русскихъ, Батырша задумалъ поднять противъ нихъ весь магометанскій міръ. Одноплеменность, сходство обычаевъ и религіи киргизъ и другихъ инородцевъ Оренбургскаго края ручались за успѣхъ дѣла. На вѣрность казанскихъ татаръ русскому Правительству расчитывать было

---

[a] Памят. кн. Оренб. губ. 1865, стр. 106.
[b] Н. Дубровинъ. Пугачевъ и его сообщники, т. I, стр. 258—259.
[c] См. въ Сенат. Арх. „Дѣло о башкирскомъ бунтѣ 1755—1759, № 1594, л. 825.—Обстоятельный экстрактъ о происшедшемъ отъ башкиръ бунтѣ, л. 27.
[d] Н. Дубровинъ. Пугачевъ и его сообщники, т. 1, стр. 260.

нельзя: мы уже знаемъ, что они сами въ 1748 г. замышляли бунтъ [a]. Во время башкирскаго бунта при Петрѣ Великомъ, казанскій губернаторъ Кудрявцевъ оставилъ у себя аманатами женъ и дѣтей тѣхъ татаръ, которые были высланы противъ приближавшихся къ Казани башкирцевъ [b]. Рычковъ свидѣтельствуетъ, что казанскіе татары, замышляя бунтъ въ 1748 году, предполагали дѣйствоватъ совмѣстно съ башкирцами [c], но татары, какъ и башкирцы, нашли тогда несвоевременнымъ начать мятежъ противъ русскихъ, такъ-какъ, благодаря подметнымъ письмамъ, приняты были всѣ мѣры предосторожности на случай открытія бунта,—и они постарались скрыть задуманное ими злое дѣло. Батырша хорошо зналъ настроеніе современнаго ему магометанскаго міра, и потому былъ увѣренъ въ успѣхѣ своего предпріятія. Онъ послалъ приглашеніе къ казанскимъ татарамъ и къ киргизцамъ, чтобы дѣйствовать заодно, и не ошибся въ своихъ расчетахъ: и татары, и киргизцы обѣщались помогать башкирцамъ, въ случаѣ возстанія. За три еще года до этого бунта, къ Батыршѣ являлся посолъ отъ казанскихъ татаръ, изъ казанскаго уѣзда, Алатской дороги—Смаилъ Абюкеевъ „для развѣдыванія, въ какомъ намѣреніи въ Уфимскомъ уѣздѣ народъ обстоитъ, и объявилъ, если станутъ воевать, то и казанскіе татары всѣ къ войнѣ будутъ готовы и имъ будутъ помогать“ [d].

Когда, казалось, все уже было приготовлено къ начатію мятежа, Батырша выпустилъ отъ своего имени воззваніе къ башкирцамъ, которое, при содѣйствіи муллъ, было распространяемо по всѣмъ магометанскимъ пунктамъ восточной Россіи. П. И. Рычковъ, лично знавшій Батыршу, сдѣлалъ въ своей „Топографіи Оренбургской губерніи“ краткій экстрактъ его воззванія [e]; затѣмъ академикъ Н. Ѳ. Дубровинъ въ его почтенномъ и весьма интересномъ изслѣдованіи: „*Пугачевъ и его сообщники*“ приводитъ нѣсколько краткихъ извлеченій изъ воззванія Батырши [f], въ цѣломъ же своемъ видѣ оно доселѣ не было извѣстно въ печати. Профессоръ Казанской Духовной Академіи, протоіерей Е. А. Маловъ въ своей „*Рѣчи о Новокрещенской Конторѣ*“, произнесенной имъ на академическомъ актѣ въ 1878 г., приводя экстрактъ воззванія Батырши по Рычкову, между прочимъ, замѣтилъ: „Жаль, что Рычковъ не передалъ буквальный переводъ всего воззванія Батырши. Если и теперь въ каждомъ почти словѣ дышетъ духъ

---

a) См. начало настоящей главы.

b) Н. Поповъ, Татищевъ и его время, стр. 167.

c) Исторія Оренбур. Ежемѣс. соч., 11, 394.

d) Доношеніе Неплюева въ Сенатъ, отъ 9 сентября 1755 года. Сен. Арх., дѣло № 1594, л. 849.

e) См. ч. II, стр. 35—38. въ изд. 1762 г. и стр. 259—262 въ изд. 1887 г.

f) См. т. I, стр. 260—262.

мусульманской нетерпимости, если каждое слово вызываетъ мусульманина къ джигаду или къ войнѣ съ невѣрными; то что сказать о подлинномъ воззваніи, подкрѣпляемомъ постоянно словами священной для татаръ, башкирцевъ и киргизовъ книги—Корана?!" [a]. Розыскавъ подлинный текстъ воззванія Батырши, сохранившійся въ Государственномъ Архивѣ, мы въ виду его особеннаго интереса и важности приводимъ въ приложеніи къ настоящей монографіи все воззваніе цѣликомъ [b], въ копіи.

Батырша въ своемъ воззваніи рисуетъ яркими красками то положеніе, когда магометане не были еще подъ русскою властію, и въ противоположность ему изображаетъ то время, когда они подчинились этой власти. Раскрывая постепенно магометанскій бытъ, начавшій измѣняться подъ вліяніемъ русскихъ, Батырша говоритъ, что многіе изъ магометанъ, притерпѣвая отъ русскихъ притѣсненія, сближаются съ ними и даже принимаютъ христіанскую вѣру: „нѣкоторые изъ нарицающихся правовѣрными (читаемъ въ воззваніи) со оными невѣрными россіанами учинились единодушными и ихъ невѣрныя войска въ жилищахъ своихъ содержать допустили, и правовѣрный свой народъ, тотъ, который по примѣру дѣдовъ и отцовъ своихъ, не желаетъ быть имъ невѣрнымъ россіанамъ въ послушаніи и печется о жилищѣ своемъ, разорять и имѣніе ихъ грабить, а дѣтей мужескъ и женскъ полу въ плѣнъ и слуги брать подвергли; которые многихъ правовѣрныхъ и распродали и раздарили, и такъ съ поношеніемъ сгубили. Вѣдомо-жъ есть и сіе, что нѣкоторые и изъ нашихъ, придержащіяся россіаномъ, по суевѣрію своему, помянутыхъ правовѣрныхъ нашихъ башкирцовъ дѣтей мужеска и женска полу, слугами и служанками учиня, въ работу употребили и дѣвокъ безъ законнаго брака насильно наложницами учинили, а сами правовѣрными себя быти мнятъ. Однако таковые не есть правовѣрные, но невѣрные и отступники.

Выражая сожалѣніе объ отсутствіи единодушія въ башкирцахъ, Батырша спрашиваетъ: „Какое же благо и какой плодъ быть можетъ въ томъ народѣ, который между собою не имѣетъ союза, но оный къ гибели своей самъ причиною?—Какой же покой и какое благоденствіе тотъ народъ получилъ, который пребываетъ между невѣрными жилищами, и имѣетъ постановленныхъ надъ собою нечестивыхъ старшинъ, вѣрность являющихъ невѣрнымъ и отставя своихъ законныхъ правовѣрныхъ судей и ученыхъ людей, требуютъ суда отъ тѣхъ неискусныхъ нечестивцевъ старшинъ, отъ

---

[a] См. „О новокрещенской конторѣ", отд. оттискъ изъ «Прав. Собесѣдника» за 1878 г., стр. 171.

[b] См. въ приложеніи стр. 92 и далѣе.

которыхъ получая тщетный судъ и мня ему быть истинну, лихоимственно имѣніе собираютъ, инныхъ же позволенную отъ Бога плату удерживаютъ".

Вознамѣрившись возмутить всѣхъ магометанъ, Батырша писалъ въ своемъ воззваніи: „всѣмъ вамъ вѣрнымъ и исповѣдующимъ единаго Бога совѣтую отъ вышеписаннымъ дѣлъ и непотребныхъ дѣйствъ отстать, т. е., съ невѣрными россіанами въ согласіи не быть, правовѣрныхъ не разорять и кровь ихъ не проливать, имѣнія не грабить и самихъ въ слуги и въ плѣнъ не имать, и имъ невѣрнымъ россіанамъ головами вашими и имѣніемъ во всякой службѣ, т. е., на службѣ въ лопатничьей работѣ не быть, и имъ невѣрнымъ городовъ не строить и не утверждать, и ихъ отъ жила до жила, и отъ города до города на подводахъ вашихъ не возить, ясаку и фуражу не давать, и на земляхъ и водахъ, искони дѣдами и отцами вашими владѣющихъ, имъ невѣрнымъ города, крѣпости и заводы строить воли не давать и въ другихъ службахъ имъ не находиться, и къ поднятію руки имъ невѣрнымъ способа не давать, и правовѣрный народъ отъ безчисленныхъ обидъ и налогъ защищать и правой вѣрѣ нашей день отъ дне померцать и хулить не допускать, а о прежнемъ своемъ въ томъ погрѣшеніи приносите ваше покаяніе и тѣмъ испросите оставленіе и возимѣйте надежду на Истиннаго, Великаго и Вышняго Бога, Который есть щедръ и милостивъ, и можетъ намъ, правовѣрнымъ, во славу и возвышеніе вѣры нашея, изрядныхъ надъ нами духовныхъ опекуновъ опредѣлить, а имѣющихся у насъ, поставленныхъ отъ невѣрныхъ, нечистивыхъ старшинъ изъ среды насъ извергнуть и намъ благословеніе, благодать, помощь и силу подать и день отъ дня правую нашу вѣру укрѣпить, какъ о семъ собственнымъ языкомъ Богомъ избранный пророкъ нашъ рекъ сице: „вы — мое стадо, просите отъ Господа вашего оставленія грѣховъ вашихъ, и потомъ принесите Ему покаяніе ваше, Который за то съ небесе низпослетъ на пашни ваши дождь многъ и умножитъ силу вашу. И на другомъ мѣстѣ чрезъ пророка Ноя сказано, что за прошеніе отпущенія грѣховъ и покаяніе бываетъ отъ Бога благодать и умноженіе рода, помощь, сила и крѣпость; и вѣдайте, что покаяніе съ сокрушеннымъ сердцемъ всякого грѣха дѣлаетъ человѣка свободна и упокоенна нынѣ и въ будущемъ вѣцѣ."

Указывая на то, что нѣкоторые изъ магометанъ „невѣрнымъ россіанамъ были въ послушаніи и покореніи, и тѣмъ правовѣрнымъ людямъ и правой вѣрѣ своей вредъ и хулу нанесли, Батырша говоритъ: „а отнынѣ уже тѣмъ невѣрнымъ въ послушаніи и покорности быть не имѣемъ, и потомъ дѣйствительно къ непослушанію и непокоренію имъ невѣрнымъ и приступимъ, и правовѣрнымъ и правой вѣрѣ нашей доселѣ приключавшійся вредъ и хулу отвратимъ". Вспоминая различныя лишенія и жертвы, кото-

рыя башкирцы претерпѣли раньше въ борьбѣ съ русскими, Батырша говоритъ: „подобно тому и нынѣ, для правой нашей вѣры и для правовѣрныхъ, души свои и головы положить, имѣніе и прочее истратить не пожалѣемъ-те: ибо кто здѣсь для правой вѣры своей пострадаетъ и что претерпитъ, то все вмѣнится ему въ службу Богу, а вмѣсто того въ день возстанія мертвыхъ дадутся тому, аще Богъ восхощетъ, райскія степени. Вы, други мнѣ вѣрные, чистую вѣру къ Богу имѣющіе, старайтесь, старайтесь, старайтесь! Военныхъ лошадей и оружіе приготовляйте: сабли, копья, луки, стрѣлы и всякія къ тому принадлежности, по возможности своей, припасайте и Божію повелѣнію повинуйтеся, отъ Котораго попрося помощи и положа на него надежду нашу и упованіе и представя ему ходатая себѣ избраннаго пророка нашего Мухаммета, оныхъ невѣрныхъ Россіянъ раззорять начнемъ-же и ихъ изъ земли своей изженемъ и сгубимъ-же, и въ жилищахъ своихъ мечети и училища построимъ и правыя нашей вѣры ко укрѣпленію попечемся, ибо въ Казанской губерніи изъ бѣдныхъ нашихъ Казанскаго, Симбирскаго и Свіяжскаго уѣздовъ съ пять тысячъ или болѣе человѣкъ, отъ насилія и обидъ ихъ невѣрныхъ россіанъ пришедъ въ изнеможеніе и несостояніе, ихъ невѣрныхъ вѣру воспріяли, токмо изъ нихъ нѣкоторые оную притворно имѣютъ, а самымъ сердцемъ нашу вѣру держатъ и ждутъ, когда правовѣрные надъ ними невѣрными руку подымутъ, тогда и они за тое-жъ нашу правую вѣру головы положить и души испустить не оставятъ [a]), и тако оныхъ бѣдныхъ въ такомъ состояніи и плачѣ живущихъ о избавленіи попечемся".

Разсуждая дальше о намѣреніи русскихъ поссорить башкирцевъ съ киргизами и овладѣть Ташкентомъ и Бухарой, Батырша говоритъ, что *„правовѣрный народъ алчетъ ихъ невѣрныхъ тѣло ѣсть и жаждетъ ихъ кровь пить"* за то, что башкирцамъ *„изъ казны Божіей получаемую изъ горъ и озеръ соль брать воспретили, а изъ казны своей покупать принудили"*. Стараясь убѣдить башкирцевъ, что русскіе боятся ихъ дружбы съ киргизцами, Батырша такъ воодушевляетъ своихъ единоплеменниковъ: „вы, вѣрующіе и исповѣдующіе Единаго Бога, юноши и старые, конные и пѣшіе, собирайтесь и выѣзжайте съ поспѣшеніемъ; не жалѣйте тѣла и имѣнія своего, а повинуйтесь Божію повелѣнію". Чтобы ободрить башкирцевъ, Мягзялдинъ говоритъ: „еще знайте, что и киргизъ—кайсаки съ нами во одномъ словѣ и совѣтѣ состоятъ, да отъ прочихъ правовѣрныхъ градовъ имъ невѣрнымъ россіанамъ въ нынѣшнемъ

---

a) Н. Ѳ. Дубровинъ, приводя выдержки изъ воззванія Батырши, дѣлаетъ нѣкоторые незначительныя отступленія, пропуски и поправки. См. его соч.: *„Пугачевъ и его сообщники,"* (т. I, стр. 265) и слич. съ текстомъ воззванія, напечатаннымъ въ копіи на стр. 92—„Приложенія" къ наст. монографія.

времени боязнь и страхъ есть. На сихъ дняхъ и отъ салтана Турецкаго изъ Турціи сильныя войска на Астрахань пришли, для воспротивленія и умерщвленія оныхъ невѣрныхъ россіанъ, да и еще, какъ слышно и мнительно, идутъ". Въ возваніи назначался и срокъ для начатія бунта: „извольте знать и вѣдать",—писалъ Батырша,—„что я, Абдулла Мягзялдинъ, всѣхъ четырехъ дорогъ народа правовѣрнаго состояніе и тайность развѣдалъ и позналъ, и изъ онаго съ нѣкоторыми попечительными учеными и смышлеными и подлыми (простонародьемъ) людьми совѣтовалъ и, условясь, срокъ предположили, чтобъ въ семъ 1755 году послѣ праздника и разговѣнья нашего, т. е. іюля 10 числа, возстать и, послѣдуя стезямъ пророка нашего, и повинуяся повелѣнію Божію, устроя себя въ военномъ оружіи, ихъ невѣрныхъ россіанъ разорять, во славу Бога и въ честь возлюбленника Его, приступимъ-те, ибо во всѣ стороны письма и вѣсти отъ насъ разосланы, чтобъ къ вышеупомянутому назначенному дни изготовились и выѣзжали". Желая наибольшаго распространенія своего воззванія, Батырша писалъ въ немъ: „сіе письмо кому въ руки ни попадетъ, извольте его отъ жила до жила, немешкая, возить, дабы наши правовѣрные, не вѣдая, въ оплошности не были, и сіе письмо и тайность отъ нихъ невѣрныхъ и вѣрныхъ имъ нашихъ нечестивцевъ скрывали".

Батыршѣ много помогали въ достиженіи цѣпи магометанскіе муллы, которые, разсѣявшись по разнымъ мѣстамъ, проповѣдывали, что каждый правовѣрный магометанинъ долженъ принять въ защиту закона оружіе; что еслибы они, въ случаѣ превосходства русскихъ силъ, и погибли, то не должны унывать, потому что всѣ павшіе за исламъ получатъ отпущеніе грѣховъ; удовольствія рая и муки ада муллы изображали въ самыхъ очаровательныхъ картинахъ. Несомнѣнно, что обольстительныя предощущенія райскихъ наслажденій еще болѣе возбуждали чувственную, пылкую и впечатлительную натуру магометанъ, вселяя въ нихъ мужество и фанатизмъ. Что касается собственно самихъ башкирцевъ, то они, помимо проповѣди муллъ и воззванія Батырши, много имѣли и другихъ болѣе реальныхъ и существенныхъ побужденій къ возстанію противъ русскихъ. Они, конечно, не могли еще забыть тѣхъ громадныхъ лишеній, которыя выпали на ихъ долю въ предшествовавшій ближайшій бунтъ, подъ предводительствомъ Кильмяка, Акая, Юсупа и Сабана. Потери эти были очень велики и чувствительны для башкирцевъ [a]; матери слагали о нихъ пѣсни и пѣли ихъ надъ колыбелью своихъ дѣтей,—недаромъ же сложился та-

a) Казнено и убито 16893 чел.; роздано помѣщикамъ башкирскихъ женъ и дѣтей 9191 ч.; сослано въ каторгу 3406 ч.; сожжено 696 деревень; собрано въ штрафъ 17154 головы разнаго скота и взыскано деньгами 9828 р. 29 коп. См. въ настоящей монографіи стр. 172.

кой протяжный и унылый напѣвъ башкирскихъ пѣсенъ.—Съ другой стороны, какъ справедливо замѣчаетъ профессоръ Н. А. Ѳирсовъ, „все, чего боялись, что ненавидѣли эти иновѣрцы, что противорѣчило образу ихъ жизни, привычкамъ, понятіямъ, преданіямъ, складу общественныхъ отношеній, все, противъ чего они прежде такъ долго враждовали, не жалѣя ничего,—все это теперь насаждено было въ ихъ краю опытной и твердой рукой. Край ихъ сдѣлался русскимъ краемъ; сами они введены были теперь въ составъ Русскаго государства, какъ прямые его слуги; оставалось немногое изъ стараго ихъ быта, что отдаляло ихъ отъ коренныхъ русскихъ подданныхъ; оставалась пока цѣлою ихъ вѣра, но и надъ ней висѣлъ уже ударъ. Отъ ихъ единовѣрцевъ съ Волги доходили постоянныя вѣсти, что русскіе разоряютъ мечети; за непринятіе русской вѣры увеличиваютъ подати и повинности; сгоняютъ съ отцовскихъ и дѣдовскихъ жилищъ, и мольбы о помощи и о дружномъ сопротивленіи противъ невѣрныхъ. Собравшись съ силами и средствами, послѣ понесенныхъ ими бѣдствій, башкирцы не хотѣли оставаться безмолвными зрителями того, что дѣлалось русскими въ ихъ краю и по отношенію къ нимъ" [a]). Присоедините еще къ этому тѣ жестокости, которыя иногда позволяли себѣ усмирители башкиръ, и тогда можно будетъ судить о томъ фанатизмѣ и той ненависти къ русскимъ, которые всецѣло овладѣли башкирцами, войдя въ плоть и кровь ихъ. Не говоря о крутыхъ мѣрахъ противъ бунтовщиковъ—башкирцовъ Кириллова, о жестокостяхъ Сергѣева, Хохлова, братьевъ Аристовыхъ и Тевкелева, башкирцы еще такъ недавно были свидѣтелями того, какъ, по распоряженію Соймонова и Урусова, отрѣзали языки и носы ихъ братьямъ и отцамъ, отсѣкали руки и ноги имъ, сажали живыми на колья и морили ихъ голодомъ [b]). При воспоминаніи о такихъ звѣрскихъ и чисто въ азіатскомъ духѣ жестокостяхъ, не страхъ, а гнѣвъ, ненависть и дикое отчаянное мужество должны были овладѣть натурой башкирцевъ. Между тѣмъ цѣлый рядъ предшествовавшихъ возстаній достаточно могъ пріучить башкиръ къ веденію борьбы съ русскими. Такимъ образомъ грозная и опасная туча сбиралась надъ головами русскихъ поселенцевъ Оренбургскаго края, немало уже пострадавшихъ и въ предшествовавшіе бунты башкирцевъ; нуженъ былъ опытный дипломатическій умъ, чтобы разсѣять или отвести эту тучу. Къ счастію жителей Оренбургскаго края, во главѣ его управленія находился Неплюевъ, который, какъ увидимъ, разсѣялъ надвигавшуюся тучу братоубійственной борьбы, безъ особенныхъ потерь для мирныхъ поселенцевъ края,

---

a) Инородч. населеніе прежняго Казанскаго царства въ Новой Россіи до 1762 года, стр. 426. Казань, 1869 г.

b) См. въ настоящей монографіи стр. 172.

но не легко было сдѣлать это Неплюеву.—Всѣ приготовленія къ бунту были ведены съ необыкновенной осторожностью и скрытностью: „всего удивительнѣе кажется“,—замѣчаетъ Рычковъ,—„то, что чрезъ цѣлый почти годъ о такомъ важномъ къ бунту предпріятіи ни въ губернской, ни въ провинціальныхъ канцеляріяхъ никакого доносительства и извѣстія не было, но у всѣхъ содержимо въ совершенной тайности“ [a]. При Неплюевѣ съ 1752 г., какъ намъ уже извѣстно, находился его сынъ Николай Ивановичъ, котораго онъ посылалъ, вмѣсто себя, въ разныя мѣста „дѣлать примѣчанія для безсомнительнаго и вѣрнѣйшаго примѣчанія“ [b]. Къ несчастію, въ семьѣ Николая Ивановича какъ разъ въ это время скончались два дорогія существа: 13 мая умеръ его сынъ Николай, а 20 іюля скончалась и мать послѣдняго, что̀ сильно опечалило и старика, искренно и глубоко любившаго своего сына. Сообщая объ этомъ въ своихъ „Запискахъ“, Неплюевъ говоритъ: „въ 1755 году мая 13 числа, проставился внукъ мой Николай, всякаго портрета къ сыну моему лицомъ сходнѣйшій, а въ томъ же годѣ іюля 20 дня скончала жизнь и невѣстка моя, Татьяна Ѳедоровна. Скорбь, сею утратою сыну моему причиненная, потому что они жили столь согласно, какъ рѣдко и примѣры бываютъ, *меня сокрушила*. Стараясь его удалить отъ предмета, имъ столь любимаго, примыслилъ о отправленіи его вверхъ по линіи осмотрѣть вмѣсто себя какъ оную, такъ и внутри живущихъ башкирцовъ, нѣтъ-ли имъ отъ кого обидъ, что я и по-часту чрезъ него, сына моего, дѣлывалъ; и какъ только объявилъ о семъ пути, то въ ту же ночь приключилась мнѣ прежестокая горячка, и хотя жаръ мой пущаніемъ крови и убавленъ, но, продолжаясь, умножалъ мою слабость, почему я и принужденъ нашелся отмѣнить отправленіе сына моего“ [c]. Далѣе читаемъ въ Запискахъ Неплюева: „на третій день послѣ сего (т. е. болѣзни) получилъ я изъ Исетской провинціи репортъ, что башкирцы Нагайской дороги, убивъ всѣхъ присланныхъ отъ Кабинета для сысканія къ фарфоровому заводу глины и каменотесцевъ, всѣ взбунтовались по разсѣянному во всѣхъ мѣстахъ и почти въ одинъ часъ возмутительному письму, коего сочинитель былъ одинъ изъ духовныхъ, именуемый Батырша, который имѣлъ въ разсѣяніи того почти всѣхъ духовныхъ себѣ помощниками“ [d]. Считаемъ должнымъ замѣтить, что это свидѣтельство Неплюева хронологически *невѣрно*: въ письмѣ Батырши срокомъ для начатія бунта

---

a) Топогр. Оренб. губ., ч. II, стр. 39. Изд. 1762 г.

b) Записки Неплюева, стр. 143. Изд. А. С. Суворина, 1893 г.

c) Тамъ же, стр. 143—144.

d) Записки Неплюева, стр. 144—145. Изд. А. С. Суворина, 1893 г.

назначалось 10 іюля [a], но башкирцы, вопреки желанію Батырши, приступили къ дѣлу въ маѣ мѣсяцѣ 1755 г., а 25 мая Неплюевъ донесъ уже о томъ въ Сенатъ и тогда же отправилъ противъ бунтовщиковъ подполковника Исакова съ командою и съ строгимъ ордеромъ" [b].

Опасаясь за успѣшный исходъ дѣла, Батырша совѣтовалъ башкирцамъ отложить даже срокъ, назначенный имъ же самимъ въ воззваніи и не начинать возстанія до тѣхъ поръ, пока онъ самъ не признаетъ того нужнымъ: „пока потерпите",—говорилъ онъ,—„и я поѣду въ Оренбургъ, навѣдаюсь о тамошнихъ поведеніяхъ и тогда сношеніе съ вами возъимѣю" [c]. Но башкирцы на этотъ разъ не послушались его совѣтовъ. На пути въ Оренбургъ Батырша узналъ, то въ Бурзянской волости на Нагайской дорогѣ башкирцы убили присланнаго отъ Кабинета, для отысканія глины на фарфоровый заводъ и обработки цвѣтныхъ каменьевъ, каменотесца Брагина, который уже нѣсколько лѣтъ благополучно проживалъ на *Сапсалскомъ* стану (3-й ст. отъ Верхнеяицкой кр. къ Оренбургу) по дорогѣ въ Верхнеяицкую крѣпость; при немъ находились въ работѣ четверо мужчинъ и двѣ женщины; въ то же время по *Исетскому* тракту разорена была почтовая станція и убито нѣсколько проѣзжихъ. Шайка бунтовщиковъ состояла изъ 124 „дѣловыхъ человѣкъ", которые, забравъ женъ, дѣтей [d] и скотъ, пробрались къ верховьямъ р. Яика и скрылись въ киргизскія степи. Въ Воздвиженскую крѣпость былъ командированъ съ отрядомъ бригадиръ Бахметевъ. Отрядъ, посланный за бѣжавшими башкирцами, не имѣлъ успѣха: изъ 45 челов. было убито 10 человѣкъ: капитанъ Лядомской, прапорщикъ Жулебинъ, два капрала, барабаньщикъ и 7 чел. рядовыхъ да 29 чел. ранены; башкирцы же, потерявъ 4 чел. убитыми, бросили рогатый скотъ и ускакали въ степь. Почти одновременно съ этимъ вспыхнуло возстаніе и въ другихъ мѣстахъ. Вскорѣ былъ убитъ въ той же Бурзянской волости мещерякскій старшина Абдулъ Вагапъ, вмѣстѣ съ писаремъ и еще двумя мащеряками [e]. Въ августѣ волненіе охватило волости: *Тюнгаурскую, Усергетскую, Тамьянскую, Сугунъ-Кипчатскую* и *Чакминъ-Кипчатскую;* жители этихъ волостей, воспользовавшись близостью къ киргизцамъ, раздѣлились на нѣсколько

---

[a]) Н. Ѳ. Дубровинъ говоритъ, что бунтъ предполагалось начать 1 Іюля, а Рычковъ въ своей «Тонографіи Оренб, губ.» (стр. 38, ч. II) обозначаетъ 10 ч. Іюля. Въ воззваніи Батырши число означело і, а і въ славянскомъ счетѣ означаетъ 10, вслѣдствіе этого, вѣроятно, и произошло разнорѣчіе: Н. Ѳ. Дубровинъ могъ принять і десятеричное, притомъ безъ точки на верху, за единицу.

[b]) Сен. Архив. Дѣло № 1594, л. 826.

[c]) Н. Дубровинъ. Пугачевъ и его сообщники, т. I стр. 265 и д.

[d]) Дѣтей муж. пола было 26 чел., а женск. пола, большихъ и малыхъ; 140 человѣкъ. Сен. Арх., Дѣло № 1594, лист. 828.

[e]) Тамъ же, л. 837 на оборотѣ.

партій и устремились за р. Яикъ, совершая по дорогѣ разныя злодѣйства. Одна шайка башкиръ, предводительствуемая старшинами *Салтыкомъ* и *Тлявумбетемъ*, разорила и сожгла мѣдеплавильный заводъ А. И. Шувалова, находившійся въ верховьяхъ р. Яика [a]). Драгунская рота, отправленная бригадиромъ Бахметевымъ, подъ начальствомъ капитана Шкапскаго, для обороны завода П. И. Шувалова, вся, кромѣ 2 калмыковъ и 3 башкирцевъ, была перерѣзана въ одной тѣснинѣ. Неплюевъ говоритъ, что бунтовщики—башкирцы не довольствовались простымъ убійствомъ, а „убивая россіянина, тѣло его въ куски рѣзали", [b])—такъ велико было ихъ озлобленіе противъ русскихъ!

Правительство, узнавши объ этомъ бунтѣ, было въ большомъ затрудненіи. Сенатъ писалъ Неплюеву, чтобы онъ, какъ можно, дѣйствовалъ осторожнѣе съ виновными, дабы не озлобить невинныхъ, а получивъ доношеніе Неплюева отъ 26 мая, между прочимъ, писалъ ему: „а вамъ, господину губернатору, предписуется, чтобъ вы въ томъ дѣлѣ всѣ силы употребили къ умѣренности, а не къ жестокости, дабы такъ, какъ и прежде отъ строгаго поступка было, дальняго затрудненія не произошло, и для этого велѣть прилежно наблюдать, чтобъ неповинные ни малаго озлобленія не понесли" [c]). Въ указѣ отъ 24 іюля того же года Сенатъ снова внушаетъ Неплюеву, чтобы онъ былъ крайне остороженъ и осмотрителенъ въ своихъ дѣйствіяхъ по отношенію къ башкирцамъ [d]). Правительство, узнавъ о башкирскомъ бунтѣ, особенно было озабочено потому, что Россія готовилась въ это время къ борьбѣ съ опаснымъ врагомъ на западѣ, каковъ былъ Фридрихъ II, король прусскій, по случаю начинавшейся семилѣтней войны (1756—1763) изъ-за австрійскаго наслѣдства [e]); но Неплюевъ, не смотря на свою болѣзнь, не палъ духомъ и, какъ увидимъ, потушилъ мятежъ и вывелъ Правительство изъ затрудненія. При самомъ началѣ башкирскаго бунта, въ распоряженіи Неплюева было всего войска 24357 ч., въ томъ числѣ 13 полковъ регулярнаго войска [f]), въ коихъ числилось 15077 чел., и 9280 чел. нерегулярнаго [g]). Но всегда осторожный и предусмотрительный Неплюевъ считалъ необходимымъ, въ виду

---

[a]) Тамъ же, л. 835 на оборотѣ.

[b]) Записки Неплюева, стр. 153. Изд. А. С. Суворина, 1893 г.

[c]) Указъ Сената Неплюеву, отъ 20 Іюня 1755 г., за № 480, полученный въ Оренбургѣ 7 іюля, въ 8 ч. по полудни. См. въ Тург. Архивѣ «Указы 1755 г.», л. 65 на оборотѣ.

[d]) Тамъ же, л. 67. Слич. указъ Неплюеву изъ Военной Коллегіи, отъ 28 іюня 1755 г., за № 279 (лл. 69—74), и Сенатскій указъ ему же, отъ 22 іюля 1755 г., за № 534 (тамъ же, л. 97).

[e]) Слич. въ наст. монографіи стр. 71—72.

[f]) Полевыхъ драгунскихъ 3 полка, гарнизонныхъ драгунскихъ 3, ландмилицкихъ конныхъ 3 и пѣхотныхъ 4. См. въ Тург. Арх. „Указы 1755 г.", л. 221 на оборотѣ.

[g]) Въ самомъ Оренбургѣ 1094 чел., въ губерніи 3782 ч. городовыхъ казаковъ, Ставропольскихъ крещ. калмыкъ 832 чел. и Яицкихъ казаковъ 3572 чел. См. тамъ же.

обширной территоріи Оренбургскаго края, увеличить наличный комплектъ войска, находившагося въ его командѣ, новыми силами. Онъ предписалъ Яицкому войску командировать въ Оренбургъ немедленно тысячу казаковъ; столько-же долженъ былъ выслать казаковъ и войсковой донской атаманъ, по требованію Неплюева, а намѣстнику калмыцкаго ханства Дундукъ-Дашѣ велѣно было снарядить и отправить въ Оренбургъ тысячу калмыкъ [a]). Скрывъ настоящую причину увеличенія войскъ въ Оренбургской губерніи, Неплюевъ писалъ Дундукъ-Дашѣ объ умножающихся будто-бы наглостяхъ отъ киргизцевъ, исконныхъ враговъ калмыкъ. Въ тѣ мѣста по линіи, гдѣ можно было опасаться киргизскихъ набѣговъ, Неплюевъ отправилъ 500 ставропольскихъ крещеныхъ калмыкъ и тысячу оренбургскихъ казаковъ [b]); къ нимъ же была присоединена и тысяча яицкихъ казаковъ, подъ командою капитана ландмилицкаго Шешминскаго полка—Тимашева, отличавшагося опытностью и храбростью въ боевыхъ дѣлахъ [c]). Благодаря памяти, которая не оставляла больнаго Неплюева и въ горячечномъ состояніи, онъ распорядился, чтобы во всѣхъ крѣпостяхъ и редутахъ, находящихся по линіи, были приняты должныя мѣры предосторожности къ защитѣ отъ бунтовщиковъ—башкиръ, а въ случаѣ возможности дѣлались и поиски за ними; тремъ драгунскимъ полкамъ, состоявшимъ въ командѣ Неплюева, Московскому, Троицкому и Ревельскому приказано вступить немедленно въ Башкирію и „дѣлать поиски, нещадя не токмо жилищъ, но самыхъ башкирцевъ, женъ ихъ и дѣтей, для вкорененія страха къ недопущенію сему злу распространиться“ [d]). Заботясь объ успокоеніи края, объ имуществѣ и жизни его мирныхъ обитателей, Неплюевъ 20 августа 1755 г. просилъ Сенатъ, чтобы ему было дано въ помощь и распоряженіе еще нѣсколько полковъ. Сенатъ, по сношеніи съ Военной Коллегіей, распорядился объ отправленіи въ Оренбургъ еще трехъ драгунскихъ полковъ: Владимірскаго изъ Пензы, Астраханскаго изъ Шацка и Азовскаго изъ Алатырской провинціи, которые должны были выступить въ походъ, по полученіи ордера, въ 24 часа и слѣдовать „съ возможнымъ поспѣшеніемъ“ въ Оренбургъ. Кромѣ Оренбургской губерніи, гдѣ начался бунтъ, войска были необходимы и въ по-

---

a) См. въ Тург. Арх. „Указы 1755 г.“, л. 122; здѣсь находится высочайшая грамота Дундукъ-Дашѣ о командированіи калмыковъ въ Оренбургъ въ томъ числѣ, какое признаетъ за полезное Неплюевъ.

b) Н. Ѳ. Дубровинъ говоритъ, что было командировано 650 крещеныхъ калмыковъ и 450 ч. оренбургскихъ казаковъ. См. его сочиненіе: „Пугачевъ и его сообщники“, т. I, стр. 642.

c) См. о Тимашевѣ въ настоящей монографіи на стр. 838, гдѣ говорится о назначеніи его за болѣзнію и раною, по ходатайству Неплюева, директоромъ Оренбургской пограничной таможни. Слич. въ Тург. Арх. „Указы 1755 г.,“ л. 411.

d) Тамъ же, лл. 406—411. Указъ Военной Коллегіи, отъ 9 октября 1755 г., за № 601; полученъ въ Оренбургѣ 31 октября того же года.

граничныхъ къ ней мѣстахъ, особенно въ Казанской губерніи и Симбирской провинціи, населенныхъ въ большомъ количествѣ татарами и другими инородцами, враждебно настроенными къ русскимъ.—Въ виду этого Военная Коллегія распорядилась объ отправленіи въ Оренбургскій край еще пяти полковъ: Вятскаго и Сибирскаго изъ Ярославской провинціи, Курскаго изъ Москвы, Ярославскаго пѣхотнаго изъ Коломны и Ростовскаго драгунскаго полка изъ Козлова и Ряжска. Драгунскіе полки, въ полномъ ихъ комплектѣ, должны были „въ самой крайней скорости и съ всевозможнымъ поспѣшеніемъ“ отправиться надлежащимъ трактомъ, а пѣхотные, подъ командою полковника Өливерка, какъ сухопутно, такъ и воднымъ путемъ, на наемныхъ и покупныхъ судахъ, не мѣшкая нигдѣ, спѣшить въ Оренбургскую губернію [a]. Между тѣмъ Неплюевъ во всѣ мѣста, куда должны были явиться полки, разослалъ наставленія, съ подробностію изложивъ, куда имъ идти и что дѣлать, назначивъ къ нимъ въ проводники офицеровъ, хорошо знающихъ внутреннее расположеніе башкирскихъ жилищъ [b]. По распоряженію Военной Коллегіи, Донское войско, сверхъ затребованной Неплюевымъ раньше тысячной команды, должно было снарядить и отправить въ его распоряженіе еще двѣ тысячи казаковъ [c]. Не надѣясь на свои силы, больной Неплюевъ просилъ Сенатъ о назначеніи и отправленіи къ нему опытныхъ помошниковъ, съ которыми-бы онъ могъ совѣтоваться и возлагать на нихъ исполненіе различныхъ порученій по усмиренію башкирцовъ. Въ началѣ сентября состоялся указъ о назначеніи въ товарищи къ Неплюеву тайнаго совѣтника Брылкина, но послѣдній по болѣзни не могъ выѣхать изъ Москвы въ Оренбургъ, въ удостовѣреніе чего и представилъ медицинское свидѣтельство [d]. Вскорѣ послѣ этого, въ помощь Неплюеву, были отправлены генералъ-маіоры Иванъ Салтыковъ и Өеодоръ Ушаковъ и два бригадира: Костюринъ и Кнутовъ губернаторомъ въ Казань былъ опредѣленъ тайный совѣтникъ Графъ Головинъ, а для наблюденій съ Сибирской стороны назначенъ дѣйствительный статскій совѣтникъ Щербининъ, который долженъ былъ поселиться въ Екатеринбургѣ и завѣдывать находившимися тамъ войсками [e]. Для содер-

---

a) См. тамъ же.

b) Записки Неплюева, стр. 147. Изд. А. С. Суворина 1893 г.

c) Во время похода казакамъ и калмыкамъ назначены были слѣдующіе оклады жалованья: походному атаману въ годъ 200 руб., казацкому полковнику 100 руб., есаулу, хорунжему, сотнику и квартермейстеру по 18 р., полковому писарю, обозному и рядовымъ по 12 р. въ годъ. Сверхъ того, по указу Сената отъ 2-го августа 1754 г., велѣно производить въ зимніе мѣсяцы провіантъ и фуражъ изъ казенныхъ магазиновъ: походному атаману на 12 лошадей, полковникамъ—на 8, старшинамъ—на 3 и рядовымъ казакамъ па 2 лошади. См. въ Тург. Арх. „Указы 1755 г.“.; л. 459.

d) Тамъ же, л. 336. Указъ Сената Неплюеву за № 687, отъ 27 Сентября 1755 г.

e) Тамъ же, лл. 197, 219, 393—394, 415—421. Указы Сената и Военн. Коллегіи.

жанія затребованныхъ и ожидаемыхъ войсковыхъ командъ, по распоряженію Неплюева, въ разныхъ мѣстахъ Оренбургской губерніи учреждены были особые магазины, подъ руководствомъ и непосредственнымъ наблюденіемъ оберъ-провіантмейстера Желтухина, командированнаго нарочито изъ Главной Провіантской Канцеляріи. Главное начальство надъ всѣми войсками было поручено генералъ-маіору И. А. Салтыкову [a]. Опасаясь вѣроломства киргизъ и склонности ихъ къ грабежу, Неплюевъ особенно зорко слѣдилъ за ними; узнавъ о возмущеніи башкирцевъ, онъ тотчасъ же написалъ Нурали-хану, чтобы тотъ удерживалъ свой народъ отъ вспоможенія возставшимъ башкирцамъ. Но такъ-какъ Нурали-ханъ не пользовался особеннымъ вліяніемъ въ Ордѣ, и потому не могъ одинъ сдѣлать что-либо рѣшительное въ пользу русскихъ; то Неплюевъ поручилъ своему сыну написать къ знатнымъ киргизскимъ старшинамъ письма, обѣщая имъ за содѣйствіе въ усмиреніи башкиръ высочайшую милость и, для приласканія, послалъ имъ подарки, въ противномъ же случаѣ, если киргизцы захотѣли-бы помогать башкирамъ, пригрозилъ имъ наказаніемъ. Въ Орду посланъ былъ съ этими письмами особый толмачъ изъ магометанъ, которому также даны были отъ имени жившаго въ Оренбургѣ ахуна [b] прокламаціи на татарскомъ языкѣ; въ нихъ, между прочимъ, говорилось, что онъ, ахунъ, хотя и радуется подвигу своихъ единовѣрцевъ, но сомнѣвается въ ихъ успѣхѣ и опасается, чтобы башкирцы, какъ народъ вѣроломный и непостоянный, не избралъ-бы первою жертвою ихъ же киргизцевъ. Посланному толмачу было приказано, чтобы онъ эти листы какъ-бы ненарочно обранивалъ въ удобныхъ для того мѣстахъ или же, по секрету и подъ видомъ особенной дружбы и довѣрія, отдавалъ прямо въ руки нѣкоторыхъ вліятельныхъ въ Ордѣ киргизъ. Но эти листы могли произвести нѣкоторое впечатлѣніе только на хана и старшинъ, народъ же, по самой своей натурѣ склонный къ воровству и набѣгамъ, не хотѣлъ слѣдовать увѣщаніямъ ахуна и спѣшилъ воспользоваться представившимся къ грабежу случаемъ, для собственной наживы.

Въ то время, какъ Неплюевъ энергично работалъ надъ изысканіемъ средствъ и мѣръ къ потушенію начавшагося бунта, башкирцы продолжали грабить, жечь и разорять жилища мирныхъ обитателей края, не давая покоя и проѣзжимъ по дорогамъ купцамъ и чиновникамъ. Оказалось, что

---

[a] Иванъ Алексѣевичъ Салтыковъ (а не Соймоновъ, какъ значится въ моемъ первоначальномъ очеркѣ „Неплюевъ и Оренбургъ", отд. отт. стр. 496), получивъ чинъ генералъ-лейтенанта, въ исходѣ 1756 года былъ вызванъ къ арміи, находившейся въ Пруссіи. См. „Топогр. Оренб. губ." Рычкова, ч. II, стр. 43. Изд. 1762 г.

[b] По всей вѣроятности, это тотъ самый ахунъ Ибрагимъ Абдрахмановъ († 1761), о которомъ упоминаетъ Рычковъ въ своихъ письмахъ къ В. Н. Татищеву, какъ о человѣкѣ умномъ и хорошемъ знатокѣ татарской исторіи. См. Пекарскаго: „Жизнь и литер. переп. П. И. Рычкова", стр. 12, 13 и др.

убійство Брагина въ Бурзянской волости было только сигналомъ ко всеобщему башкирскому бунту. Въ началѣ августа уже было извѣстно всѣмъ, что башкирцы взбунтовались.—Бригадиръ Бахметевъ, находившійся съ своимъ отрядомъ въ Бурзянской волости, 9 августа доносилъ въ Оренбургъ: „башкирцы этой волости, жившіе по р. Бѣлой, выше завода Масолова, убили новоопредѣленнаго къ нимъ старшину, писаря да двухъ мещеряковъ и потомъ, собрався въ числѣ 50 или 60 человѣкъ, сдѣлали нападеніе на вѣрныхъ башкирцевъ, жившихъ въ близи завода Масолова, тѣ отбили нападеніе, но лишились лошадей, которыхъ воры угнали съ собой; послѣ неудачной ихъ попытки убить знатнаго башкирскаго старшину Шарыпа Мрякова за его вѣрность русскимъ (онъ спасся, укрывшись на заводѣ Масолова), эти мятежники съ женами и дѣтьми побѣжали къ вершинамъ Сакмары".—Спустя два дня, Бахметевъ писалъ: „толпа мятежниковъ подступала подъ строющійся на р. Икѣ Вознесенскій заводъ барона Сиверса; изъ табуна у бывшихъ на покосѣ и гнавшихъ деготь рабочихъ людей угнали 134 лошади, надраную для дегтя бересту сожгли, во многихъ мѣстахъ пожгли лѣсныя угодья. Изъ Верхояицкой крѣпости ѣхалъ къ бригадиру Бахметеву прапорщикъ Страдьинъ и ни на одномъ яму не нашелъ ни ямщиковъ, ни драгунъ; въ одномъ мѣстѣ видѣлъ убитаго драгуна. По рѣкѣ Варнаулу косили сѣно для драгунъ нанятые башкирцы; вдругъ изъ лѣсу выбѣжали какіе-то башкирцы же и закричали, обращаясь къ работавшимъ башкирцамъ: „что вы стоите?—Вся Башкирія взбунтовалась,—идите по домамъ"!—Вслѣдъ затѣмъ выстрѣливъ въ драгуна, надзиравшаго за работой, и ранивъ его, скрылись въ лѣсу. Работники сейчасъ послѣ этого разбѣжались. Прикащикъ съ завода, принадлежащаго Твердышеву, донесъ Бахметеву, что 9 августа шайки мятежниковъ около него дѣлали разныя грабительства и угрожали сжечь самый заводъ. Секундъ-маіоръ Залѣсскій, находившійся въ Воздвиженской крѣпости, рапортовалъ, что 11 августа воровскіе башкиры убили до 50 человѣкъ, бывшихъ на покосѣ. Капитанъ Коптевъ изъ Озерной крѣпости доносилъ, что въ Усергинской волости башкирцы, собравшись подъ предводительствомъ старшины Кувата Инзянгулова, въ числѣ примѣрно человѣкъ 600, съ женами и дѣтьми, всею волостію побѣжали за Яикъ. Изъ Ильинской крѣпости капитанъ Ѳоминъ прислалъ рапортъ, что къ нему писалъ капитанъ Моисеевъ, находившійся съ отрядомъ на верховьяхъ рѣчки Караганъ, между Сакмарою и Яикомъ, что имѣвшійся при немъ башкирскій табунъ невѣдомо какими людьми угнанъ, а бывшіе при отрядѣ башкирцы вскорѣ послѣ того разбѣжались [a].

[a] Доношеніе Неплюева Коллегіи Иностранныхъ Дѣлъ, отъ 12 и 14 августа 1755 г Башк. дѣла въ Моск. арх. Иностр. дѣлъ, связка 2. Слич. Н. А. Ѳирсова: „Инородческое населеніе прежняго Казанскаго царства въ Новой Россіи до 1762 г.", стр. 435—436.

Много было совершено и другихъ злодѣйствъ мятежниками, а впереди предстояли еще большія затрудненія для русскихъ: бунтовщики-башкирцы, послѣ совершенныхъ ими злодѣйствъ, стремились обыкновенно въ киргизскія степи съ женами, дѣтьми и скотомъ, чтобы, тамъ соединясь съ киргизцами, возвратиться снова въ Башкирію для окончательнаго истребленія или, по крайней мѣрѣ, изгнанія русскихъ изъ своихъ земель [a]. Въ виду возможности этой коалиціи, необходимо было позаботиться не только объ уничтоженіи мятежническихъ башкирскихъ шаекъ, а и о томъ, чтобы, въ случаѣ успѣха этихъ союзниковъ, не приняло участія въ ихъ мятежѣ магометанское населеніе средней области Волги. Неплюевъ, какъ увидимъ дальше, и то и другое выполнилъ съ успѣхомъ, проявивъ въ это тяжелое время необыкновенную энергію, изобрѣтательный дипломатическій умъ и глубокое пониманіе людей, съ которыми ему пришлось бороться.

Добрый и мягкосердечный отъ природы, Неплюевъ, какъ мы знаемъ, всегда былъ честнымъ и справедливымъ защитникомъ башкирскихъ интересовъ; но теперь опасенія за то, что мятежники, въ случаѣ успѣха, воодушевленные фанатическою ненавистію къ русскимъ, не пощадятъ никого изъ нихъ и могутъ уничтожить плоды долголѣтней русской дѣятельности въ восточной Россіи, эти опасенія и возможность ихъ осуществленія сдѣлали больнаго старика суровымъ въ средствахъ борьбы съ башкирцами: кромѣ военностратегическихъ мѣръ, онъ прибѣгалъ къ подкупамъ и даже обману, проявляя то необыкновенную милость, то самое строгое преслѣдованіе,—словомъ, все было пущено въ ходъ, чтобы только прекратить башкирскій бунтъ прежде, чѣмъ онъ перейдетъ въ общемагометанскій мятежъ противъ русскихъ [b]. Между прочимъ Неплюевъ разослалъ по всей Башкиріи грамоты, въ которыхъ объявлялось прощеніе всѣмъ бунтовщикамъ, кромѣ зачинщиковъ, если только они принесутъ повинную, причемъ обѣщана была *тысяча* рублей тому, кто поймаетъ и привезетъ въ Оренбургъ предводителя бунта Батыршу, а буде изъ простыхъ",—замѣчаетъ Неплюевъ,—„то и старшинское достоинство съ награжденіемъ осыпанной каменьями сабли, лисьей шапки и кафтана, а буде кто изъ послѣдователей его Батырши десять человѣкъ имянитыхъ его учениковъ, поймавъ, приведетъ, тому дано будетъ 500 рублей; буде же и за симъ милосердымъ объявленіемъ оный башкирскій народъ останется въ возмущеніи, то съ онымъ и съ женами ихъ поступлено будетъ какъ съ злодѣями, безъ пощады и

---

a) Рычковъ. Топогр. Оренб. губ., ч. II, стр, 40. Изд. 1762 г.

b) Н. Ѳирсовъ. Инородч. населеніе прежняго Казан. царства въ Новой Россіи до 1762 года, стр. 437.

ихъ малолѣтнихъ дѣтей [a]". Одновременно съ этимъ Неплюевъ распорядился также и о распространеніи между башкирцами нарочно сочиненныхъ имъ самимъ листовъ, отъ имени оренбургскаго ахуна, въ которыхъ говорилось, что Абызъ-Батырша не болѣе, какъ прелестникъ и нарушитель ихъ покоя; что его заступничество за законъ, безъ подтвержденія всего магометанскаго духовенства, противно святой книгѣ алкорану, а потому и его предпріятіе должно кончиться гибелью башкирцевъ; что онъ, ахунъ, по своей должности, обязанъ признать ихъ противниками закона и если прощаетъ ихъ, то лишь изъ состраданія и по ихъ невѣжеству. Чтобы скрыть подлогъ этихъ листовъ, Неплюевъ вынужденъ былъ оказывать особенную ласковость и благосклонность къ ахуну и, въ присутствіи другихъ магометанъ, иногда совѣтовался съ нимъ о мѣрахъ къ прекращенію бунта. По отзыву Неплюева, этотъ ахунъ былъ человѣкъ неглупый и въ очень немногомъ расходился въ своемъ мнѣніи съ тѣмъ, что было изложено Неплюевымъ въ письмахъ отъ его лица, о существованіи которыхъ ахунъ ничего не зналъ [b]. Между тѣмъ 1 сентября 1755 года вышелъ отъ имени Императрицы манифестъ, въ которомъ Правительство, подтверждая объявленное предъ тѣмъ Неплюевымъ прощеніе добровольно желающимъ „принести свои вины" башкирцамъ, также объявляло: „которые башкирцы изъ своего края бѣжали и въ теченіе шести мѣсяцевъ вины свои добровольно не принесутъ, и изъ бѣговъ не возвратятся и въ томъ злодѣйствѣ пребудутъ, то съ тѣми въ такомъ случаѣ не инако, какъ съ бунтовщиками, поступлено будетъ, отъ чего имъ не иное что, кромѣ погибели послѣдней и разоренія, приключиться можетъ, а жилища ихъ, земли и угодья и къ тому всякія принадлежности розданы будутъ вѣрнымъ башкирцамъ, и ежели побѣги свои далѣе производить будутъ и что при томъ побѣгѣ вѣрными башкирцами отобрано будетъ, то остается при нихъ безвозвратно" [c]. Сенатъ при особенномъ указѣ, отъ 2 сентября 1755 г., послалъ Неплюеву съ оренбургскимъ казакомъ Лошкомоновымъ 580 печатныхъ экз. этого манифеста на русскомъ языкѣ и предписалъ „публиковать о томъ по всей Башкиріи." Неплюевъ получилъ этотъ манифестъ 13 сентября, а черезъ десять дней послѣ того сенатскій курьеръ Ушаковъ привезъ изъ Петербурга и передалъ Неплюеву еще двѣсти экз. того же манифеста, переведеннаго на татарскій языкъ въ Коллегіи Иностр. Дѣлъ, а еслибы этого количества оказалось недостаточнымъ, то велѣно было „скопировать съ присланнаго перевода потребное число экземпляровъ переводчикамъ при Оренб. губ. канцеляріи и разослать немедленно по Баш-

---

[a] Записки Неплюева, стр. 150—151. Изданіе А. С. Суворина 1893 г.
[b] Тамъ же, стр. 152.
[c] См. П. С. Зак., т. XIV, стр. 413—414, № 10453.

кирiи“ [a]. Этотъ манифестъ, какъ и универсалы самого Неплюева, разосланные имъ по Башкирiи, произвели желаемое для Правительства дѣйствiе на бунтовщиковъ: перебѣги башкирцевъ въ киргизскiя степи почти прекратились и внутри Башкирiи стало поспокойнѣе.

Стараясь о подавленiи мятежа въ Башкирiи, Неплюевъ хорошо сознавалъ необходимость принятiя должныхъ мѣръ предосторожности и въ пограничныхъ съ Башкирiею мѣстахъ, особенно въ Казанской губернiи и со стороны Сибири, чтобы отрѣзать и не допустить башкирцевъ къ соединенiю съ татарами и другими инородческими племенами, недовольными русскою властью. Узнавъ объ осадѣ башкирцами двухъ острожковъ: Торговишскаго и Сокорскаго и о замѣшательствѣ и сборищахъ башкиръ на Осинской дорогѣ въ Гайнинской волости, Неплюевъ писалъ въ Сенатъ 7 и 9 сентября, что „изъ распросовъ оказалось и на казанскихъ татаръ и на Сибирскую дорогу подозрѣнiе“, а потому просилъ прислать, „въ Казанскую губернiю и въ Оренбургъ какъ командировъ, такъ драгунскихъ и пѣхотныхъ полковъ и донскихъ казаковъ, хотя до трехъ тысячъ, ежели больше не можно“ [b]. Кромѣ того Неплюевъ просилъ Сенатъ „о прибавкѣ артиллерiйской роты и о присылкѣ инженеръ-капитана“. Между тѣмъ Казанская губернская канцелярiя, получивъ изъ Перми и Оренбурга увѣдомленiе о бунтѣ башкирцевъ, 24 сентября также просила Сенатъ, чтобы для безопасности въ Казань былъ введенъ одинъ изъ пѣхотныхъ полковъ: „ибо (писала она) въ казанскомъ гарнизонѣ за раскомандированiемъ крайнее малолютство состоитъ“ [c]. Сенатъ, по сношенiи съ Коллегiей Иностр. Дѣлъ и съ Военной Коллегiей, приказалъ: Вятскiй и Сибирскiй драгунскiе полки, слѣдовавшiе изъ Ярославской провинцiи, остановить и расположить на винтеръ-квартиры въ самой Казани и по близости оной и за бригадира быть старшему полковнику Шилингу, и ежели куда крайняя нужда востребуетъ къ дальнѣйшему движенiю и въ прочемъ во всемъ поступать по ордерамъ и наставленiямъ оренбургскаго губернатора Неплюева“ [d]. Кромѣ того велѣно немедленно командировать въ Казанскую же губернiю, откуда по способности надлежитъ, армейскiе пѣхотные два полка да одинъ драгунской полкъ, укомплектовавъ ихъ въ полное число изъ оставшихъ въ близости полковъ, и велѣть имъ слѣдовать въ самомъ скоромъ времени съ поспѣшенiемъ, драгунскому надлежащимъ трактомъ, а пѣхотнымъ какъ сухимъ, такъ и водянымъ путемъ, нанимая и покупая надлежащiя суда, по распоряженiю

---

a) Тург. арх. См. «Указы 1755 г.», л. 214. Ук. Сен. Неплюеву, отъ 7 сентяб. за № 612.
b) Тамъ же, л. 329. Указъ Неплюеву изъ Сената отъ 27 Сентября 1755 г., за № 672.
c) Тамъ же.
d) Тамъ же, л. 329 на оборотѣ.

командующаго надъ тѣми полками, какъ способнѣе и скорѣе прибыть туда могли, чего ради для скорѣйшаго тѣхъ пѣхотныхъ двухъ полковъ туда прибытія по тракту давать ямскихъ и уѣздныхъ подъ каждый полкъ по триста подводъ за указную плату, и какъ на наемъ и покупку судовъ, такъ и на дачу прогоновъ отпустить при тѣхъ полкахъ потребную сумму изъ Главнаго Коммиссаріата; о дачѣ тѣхъ подводъ и о чиненіи въ пути имъ всякаго вспоможенія командующему надъ ними, и губернаторамъ, и воеводамъ дать изъ Правительствующаго Сената указъ; и, по прибытіи ихъ, расположить по границѣ между Башкиріею и Казанскою губерніей, по усмотрѣнію тамошнихъ обстоятельствъ, откуда къ прекращенію бунтующихъ башкирцевъ какъ въ Башкирію или къ сибирскимъ мѣстамъ, а въ случаѣ замѣшанія казанскихъ татаръ и въ ту губернію, по сношеніямъ тамошнихъ командующихъ, командированы быть могли. При тѣхъ же полкахъ отправить бригадира Костюрина, которому быть въ Уфимской провинціи, и какъ надъ оными, такъ и надъ прежде командированными въ Казань полками команду имѣть, а по прибытіи въ Казань губернатора графа Головина, надъ тѣми полками команду имѣть ему, Головину“ [a].—Для наилучшаго продовольствія войскъ въ Оренбургской и Казанской губерніяхъ Главный Коммиссаріатъ долженъ былъ немедленно отправить оберъ-криксъ-коммиссара, а Провіантская Канцелярія генералъ-провіантъ-мейстора или оберъ-провіантъ-мейстора „съ довольною на тѣ расходы суммою и съ надлежащими инструкціями“ [b]. Тогда же было приказано, какъ только вышепомянутые полки прибудутъ въ Казань, нарядить на службу изъ казанскихъ служилыхъ мурзъ и татаръ „доброконныхъ и вооруженныхъ пять тысячъ человѣкъ, съ надлежащею изъ нихъ же старшиною, и опредѣля надъ ними командиромъ одного изъ штабъ-офицеровъ, отправить ихъ въ Оренбургскую губернію, для усмиренія бунтующихъ воровъ башкирцевъ, съ выдачею имъ впередъ жалованья за два мѣсяца въ томъ же размѣрѣ, какъ донскимъ казакамъ“ [c]. Чтобы не дать возможности приволжскимъ татарамъ соединиться съ башкирцами, Правительство, одобривъ всѣ мѣры, предпринятыя Неплюевымъ для прекращенія бунта, распорядилось сдѣлать въ пользу татаръ нѣкоторыя уступки, а 26 сентября 1755 года былъ изданъ, отъ имени Императрицы, особый манифестъ, которымъ казанскіе служилые и ясашные мурзы и татары приглашались ловить и представлять къ начальству всякихъ злоумышленниковъ, которые отважатся „плутовскіе свои замыслы разсѣевать въ жилищахъ ихъ татаръ и мурзъ“. Въ силу этого же манифеста, татары и

---

a) Тамъ же, л. 330.
b) Тамъ же.
c) Тамъ же, л. 331. Сл. П. С. Зап., т. XIV, стр. 436, № 10469. См. выше стр. 863.

мурзы получили право брать себѣ все, отнятое у бунтовщиковъ—башкирцевъ, въ томъ числѣ „малолѣтнихъ и женскъ полъ, которыхъ позволялось даже продавать другимъ внутрь Россіи. Казанская губернская канцелярія должна была выбрать нѣсколько „надлежащихъ и вѣрныхъ людей и послать ихъ человѣка по два и по три въ разныя мѣста губерніи, для тайнаго развѣдыванія о настроеніи и намѣреніяхъ татаръ. Командующему надъ войсками въ Казани и губернской канцеляріи, въ случаѣ какой либо „шатости" со стороны татаръ, предписано приглашать для общаго совѣщанія отставного генеръ-маіора Кудрявцова, хорошо знавшаго „обыкновенія" татаръ. По всѣмъ татарскимъ деревнямъ губерніи велѣно публиковать о начавшемся башкирскомъ бунтѣ печатными манифестами. Въ случаѣ недостатка для драгунскихъ полковъ лошадей, приказано брать лошадей башкирцовъ, бѣжавшихъ въ степь, какъ это дѣлалось въ предшествовавшіе башкирскіе бунты. Если бы оказался неубранньмъ въ поляхъ какой либо хлѣбъ или овесъ, то его слѣдовало убрать, опредѣляя къ тому людей, и употреблять на продовольствія войскъ, „дабы втунѣ пропасть не могъ" [a]. Бригадиру Крафту было предписано принять всѣ мѣры предосторожности со стороны Сибири, снабдя заводы и жительства всѣми къ защищенію оныхъ потребностьми, въ надлежащемъ укрѣпленіи имѣть, а въ азартъ онихъ отнюдь не отдавать; за недостаткомъ же тамо регулярныхъ войскъ о командированіи въ потребныя мѣста изъ набранныхъ изъ крестьянъ и разночинцевъ полковъ поступать по прежде посланнымъ изъ Правительствующаго Сената указамъ [b], а въ случаѣ надобности велѣно писать въ Оренбургъ и Уфу о командированіи „пристойныхъ командъ регулярнаго войска" [c]. Между тѣмъ Коллегія Иностран. Дѣлъ указомъ, отъ 31 августа 1755 г., предписала астраханскому губернатору, генералъ-маіору Жилину, чтобы онъ „во всѣхъ его вѣдомства мѣстахъ и форпостахъ приказалъ, не объявляя о противностяхъ башкирскихъ, предостерегать и прилежно осматривать, не явится-ли кто изъ башкирцевъ или изъ ближнихъ къ нимъ казанскихъ татаръ за границу ѣдущіе съ какими письмами или словесными приказами, каковыхъ и другихъ отъ нихъ посланныхъ, ежели гдѣ окажутся, велѣть ловить и отобравъ, буде у нихъ будутъ, письма, оныя прислать немедленно въ Коллегію Иностр. Дѣлъ, а самихъ держать подъ крѣпкимъ карауломъ, а тотъ указъ для лучшаго секрета содержать ему у себя, не отдавая въ канцелярію, и по сему дѣлу, кромѣ Иностр. Коллегіи, никуда не писать" [d].

---

a) Тамъ же, лл. 331 на обор. и л. 332.

b) Тамъ же, л. 333.

c) Тамъ же, л. 333 на оборотѣ. См. указъ Неплюеву изъ Военн. Колл. за № 528, отъ 25 сентября 1755 г. Тамъ же, лл. 368—374.

d) Тамъ же, л. 275.

Сенатъ, получивъ 4 сентября изъ Колл. Иностр. Дѣлъ копію съ этого указа, увѣдомилъ о содержаніи его и Неплюева чрезъ нарочно посланнаго оренбургскаго казака Шубина, вручившаго сенатскій указъ Неплюеву 29 сентября того же года [a].

Заботясь о сосредоточеніи внутри Башкиріи и въ пограничныхъ съ нею мѣстахъ большаго количества регулярныхъ и нерегулярныхъ войскъ и о достаточномъ обезпеченіи ихъ жалованьемъ, фуражемъ и военными припасами, Неплюевъ не желалъ однако безъ нужды пролитія русской крови и, обезопасивъ край военными силами извнѣ и внутри, искусно воспользовался взаимными отношеніями самихъ инородцевъ Оренбургскаго края, чтобы потушить мятежъ. Намъ уже извѣстно, что инородческое населеніе Оренбургской губерніи раздѣлялось на двѣ неравноправныя группы: башкирцы сосоставляли господствующій классъ населенія, тептяри, бобыли и др.—зависимый, который постепенно приводился силою обстоятельствъ какъ-бы въ крѣпостное состояніе относительно башкирцевъ, вслѣдствіе чего естественно должна была возникнуть вражда между тѣми и другими,—вотъ на этой-то взаимной враждѣ Неплюевъ и основалъ свой планъ для прекращенія мятежа: ему удалось поселить разъединеніе среди самихъ башкирцевъ, отвлечь отъ нихъ и даже вооружить противъ нихъ мещеряковъ, тептярей и бобылей. Для достиженія этой цѣли, онъ разослалъ къ жившимъ въ Башкиріи тептярямъ и мещерякамъ грамоты, возбуждая ихъ противъ бунтовщиковъ, что „они должны были сдѣлать какъ по своей подданической должности, такъ и для собственной пользы и безопасности; ибо ненависть и гордость противъ нихъ башкирская имъ довольно извѣстна, и что главнѣйшая причина ихъ возмущенія есть то, чтобъ обратить ихъ въ прежнее рабство“ [b]. Вмѣстѣ съ тѣмъ Неплюевъ выражалъ увѣренность въ разосланныхъ имъ грамотахъ, что онъ больше всего „къ поимкѣ его Батырши и его учениковъ надѣется на нихъ мещеряковъ и тептеряковъ, и желалъ-бы, чтобы обѣщанное за то награжденіе изъ нихъ кому досталось“ [c]. Надежды Неплюева оправдались: „тептери и мещеряки“,—замѣчаетъ Неплюевъ,—„съ такою ревностію противъ башкирцевъ вступились, какой только желать возможно было, а знатнѣйшіе ихъ старшины отправили отъ себя для сысканія тѣхъ возмутителей такихъ людей, которые ихъ и въ лицо знали. Въ сей же поискъ поѣхалъ одинъ престарѣлый и мною всегда любимый старшина мещерякскій, коему было болѣе 80 лѣтъ отъ роду“ [d]. Многіе инородцы, отдѣлившись отъ бунтовщиковъ башкирцевъ, стали являться къ Неплюеву

---

a) Указъ Неплюеву изъ Сената за № 641, отъ 14 сентября 1755 г. Тамъ же, л. 275.
b) Записки Неплюева, стр. 153. Изд. А. С. Суворина 1893 г.
c) Тамъ же, стр. 154.
d) Тамъ же,

съ повинной и получали отъ него, вмѣстѣ съ прощеніемъ, охранные указы. Положеніе мятежниковъ сдѣлалось почти безвыходнымъ, когда на нихъ ополчились и близкіе имъ сосѣди-инородцы, тѣмъ болѣе, что вытребованныя Неплюевымъ войска, вступивъ съ разныхъ сторонъ въ Башкирію, стали истреблять тѣ ихъ отряды, съ которыми не могли бороться тептяри и мещеряки. Башкирцы, предоставленные своимъ только силамъ и лишенные возможности получить помощь отъ казанскихъ татаръ, на что они надѣялись, должны были искать спасенія гдѣ-либо въ горахъ и лѣсахъ; но и это не помогло: тептяри и мещеряки, принявшіе сторону русскихъ, отлично знали дороги даже къ самымъ глухимъ трущобамъ края, и мятежники были находимы тамъ, гдѣ считали себя безопасными.

Большая часть мятежниковъ, видя невозможность сопротивляться однѣми своими силами, бросилась за Яикъ, имѣя въ виду возвратиться оттуда, вмѣстѣ съ киргизцами, и обратить дѣло возстанія въ свою пользу. Не смотря на то, что Неплюевъ принялъ всѣ мѣры предосторожности, дабы не допустить башкирцевъ къ переходу за Яикъ, трудно было удержать всѣхъ башкирцевъ на протяженіи слишкомъ тысячи верстъ, и болѣе 50000 башкирцевъ, считая въ томъ числѣ женъ и дѣтей, успѣли уйти въ Киргизскую степь. Сверхъ того, при переходахъ черезъ Яикъ, не мало было побито ихъ донскими казаками и некрещеными калмыками, которымъ была ввѣрена оборона линіи. Чтобы усилить и поощрить ихъ ревность, Неплюевъ приказалъ раздѣлить имущество и лошадей убитыхъ башкирцевъ между бывшими въ битвѣ съ ними казаками и калмыками. Послѣ этого башкирцы, вознамѣрившіеся бѣжать за Яикъ, видя къ тому препятствіе, стали возвращаться въ домы и приносили повинную. Прощая ихъ, Неплюевъ однако не успокоился, „потому что сіе было сдѣлано отъ нихъ"—замѣчаетъ онъ,—„по нуждѣ, и что мнѣ толикаго войска содержать въ губерніи не всегда возможно, то посему обратилъ я мое вниманіе на искорененіе этой надежды, которую башкирцы на киргизцевъ имѣли" [a]. Такимъ образомъ мы видимъ, что Неплюевъ не хотѣлъ довольствоваться простымъ потушеніемъ мятежа, подобно своимъ предшественникамъ, сознавая, что дружба и сосѣдство киргизъ съ башкирцами поведетъ Правительство къ новымъ затрудненіямъ, а потому дальновидный начальникъ края рѣшился такъ поссорить башкирцовъ съ киргизцами, чтобы согласіе между ними не могло возникнуть и въ будущемъ, дабы чрезъ то навсегда лишить башкирцевъ возможности дѣйствовать противъ русскихъ совмѣстно съ киргизцами. Съ этою цѣлію онъ отправилъ въ Киргизскую Орду нѣсколько человѣкъ изъ сеитовскихъ татаръ, снабдивъ ихъ грамотами, въ которыхъ было сказано, что Ея Императорское Величество,

[a] Записки Неплюева, стр. 155. Изд. А. С. Суворина, 1895 г.

примѣчая непоколебимую вѣрность къ себѣ киргизскаго народа, хотя нѣкоторые изъ молодыхъ людей, и то самая малая часть, поползнулись, будучи обмануты башкирцами, дѣлать внутри границъ набѣги, но сихъ по ихъ преступленію наказать предоставляетъ киргизскому хану, однако съ тѣмъ, чтобъ никто изъ нихъ не лишенъ былъ жизни; прочихъ же того народа жалуетъ Ея Величество женами, и дочерьми и имѣніемъ перебѣжавшихъ къ нимъ башкирцевъ, но съ тѣмъ, чтобъ мужчины отвезены въ въ Россію или-бы выгнали были изъ ихъ кочевья, за исполненіе чего, сверхъ того, награжденіе получитъ каждый по мѣрѣ своея въ томъ услуги [a]". Киргизы, какъ „склонные къ плотскому паденію", не прочь были и раньше, до полученія на то разрѣшительной грамоты, воспользоваться женами и дочерьми бѣжавшихъ къ нимъ башкирцевъ, для удовлетворенія чисто животныхъ наклонностей своей чувственной натуры, но, вѣроятно, страхъ мести со стороны башкиръ удерживалъ ихъ отъ этого; теперь же, надѣясь на защиту пожаловавшей ихъ башкирками Императрицы, они стали, безъ всякаго страха за отвѣтственность, отнимать у башкирцевъ ихъ женъ и дочерей; башкирцы вступились за свои права и открылось междоусобіе: „башкирцы",— говоритъ Неплюевъ,—„мужья и отцы, увидѣвъ въ своихъ защитникахъ и обнадеживателяхъ такое надъ женами ихъ и дочерьми насильство, принуждены нашлись защищать ихъ съ потеряніемъ жизни, и симъ способомъ погибло не мало башкирцевъ и киргизцевъ" [b].

Сѣмя раздора, брошенное Неплюевымъ между башкирцами и киргизами, пало, какъ оказалось, на плодотворную почву, и дѣло, предпринятое имъ для разъединенія башкиръ и киргизъ, приняло желаемый имъ исходъ; но мѣра, которую избралъ Неплюевъ для достиженія намѣченной имъ цѣли, нѣкоторымъ кажется жестокой, даже безнравственной и пожалуй нецѣлесообразной!... Г. Мейеръ замѣчаетъ по этому поводу, что Неплюевъ, поссоривъ башкирцевъ съ киргизами, вмѣсто пользы, принесъ Россіи лишь вредъ, заставивъ ее впослѣдствіи столько употребить денегъ и крови, что и вычислить не легко, дабы разнять этихъ двухъ, доведенныхъ до отчаянія, бойцовъ [c]. Позволимъ себѣ сдѣлать небольшое отступленіе, чтобы высказать свой взглядъ на это дѣло. Дѣйствительно нельзя не согласиться съ тѣмъ, что отмѣченная мѣра къ возбужденію взаимной вражды двухъ сосѣднимъ народовъ „жестока", но вмѣстѣ съ тѣмъ она была и „необходимой", если не единственной въ этомъ краѣ, какъ думалъ о томъ почтенный Левшинъ, котораго и г. Мейеръ считаетъ добросовѣстнымъ историкомъ киргизъ-кайсацкихъ ордъ

a) Тамъ же, стр. 156.
b) Тамъ же, стр. 157.
c) См. его соч. „Киргизская степь Оренб. вѣдомства", Спб. 1865 г., стр. 14.

и степей" [a]. Жестокость этой мѣры сознавало и само правительство Императрицы Елизаветы Петровны, выразившее желаніе обезопасить границу средствами болѣе сообразными съ правилами человѣколюбія и кротости; но и оно было вынуждено уступить силѣ обстоятельствъ, которыя не знаютъ ни гуманности, ни состраданія въ подобныхъ случаяхъ, и съ политической точки зрѣнія нерѣдко приходится пасовать предъ этой неумолимой силой. Россія готовилась въ это время къ семилѣтной войнѣ за австрійскій престолъ; слѣдовательно, всякому вліятельному патріоту необходимо было бороться болѣе объ охранѣ силъ своего отечества, о жизни русскихъ, чѣмъ о жизни бунтовщиковъ—башкиръ и коварныхъ киргизцевъ, на помощь которыхъ въ критическихъ обстоятельствахъ Россія не могла надѣяться. Начать и вести одновременно двѣ войны на западѣ съ пруссаками и на востокѣ съ инородцами, при тогдашнихъ средствахъ и путяхъ сообщенія, было-бы невозможно, а между тѣмъ башкиры и киргизцы, получивъ подкрѣпленіе отъ другихъ враждебныхъ Россіи инородцевъ, могли представить немаловажное затрудненіе для Россіи въ веденіи войны на западѣ. Кромѣ того небезопасна была для Россіи на юго-востокѣ и своеправная воля персидскаго шаха Надира, намѣревавшагося даже, по свидѣтельству Манштейна, жениться на русской Императрицѣ [b]. Имя этого новаго Тимура наводило страхъ на всѣ средне-азіатскія страны отъ мѣста, гдѣ теперь-фортъ Перовскій, до границъ нынѣшнихъ владѣній въ Англіи, Остъ-Индіи, и отъ кавказскихъ горъ до предѣловъ передней Азіи. Передъ нестройными скопищами его полчищъ полегли въ развалинахъ Хива, Дербентъ, Шемаха, взволновалось и все Закавказье [c]. Между тѣмъ внутри Оренбургской губерніи былъ еще недостатокъ въ осѣдломъ и трудолюбивомъ населеніи; самая разрозненность и разнохарактерность русскаго населенія въ Оренбургскомъ краѣ подавали поводъ къ колебаніямъ и смутамъ; заселенныя послѣ предшедствовавшихъ башкирскихъ бунтовъ мѣста недостаточно еще были приведены въ желаемый видъ и порядокъ; степь преобладала надъ селами, кочевье надъ деревней. Все это зналъ Неплюевъ и, видя невозможность содержать въ Оренбургскомъ краѣ значительныя военныя команды, рѣшился прибѣгнуть къ тому средству, которое онъ употребилъ для порожденія взаимной вражды киргизъ съ башкирцами. Задумавъ этотъ планъ, онъ былъ убѣжденъ, что междоусобія и внутренній разладъ среди башкиръ и киргизцевъ принесутъ не вредъ, а пользу для Россіи, такъ-какъ они

---

[a] Тамъ же, ч. II, стр. 214.

[b] Записки Манштейна, ч. I, стр. 143, 145, 193—195; ч. II, страп. 116—117. Слич. Пекарскаго: „Маркизъ де-ла-Шетарди", стр. 119, 130 и 230, а также: Reners: „Petersburg an End seines ersten Iahrhunderts", t. 1, 5. 231. Отеч. Записки 1829 г., ч. XXXVIII.

[c] Н. Поповъ: «Татищевъ и его время», стр. 423.

лишили эти два народа возможности единства, чтобы сдѣлаться болѣе сильнымъ и опаснымъ врагомъ Россіи, и дѣйствительно эта вражда между киргизами и башкирцами, посѣянная Неплюевымъ, мѣшала имъ впослѣдствіи дѣйствовать за одно противъ неудержимо стремящейся русской колонизаціи въ глубь средне-азіатскихъ земель,—эта вражда, по нашему мнѣнію, отчасти помогла русскимъ пройти въ Ташкентъ и Туркестанъ, овладѣть Хивой и Ферганской областью. Башкиры послѣ этого не отваживались бунтовать одни; киргизы же, по причинѣ ненависти къ нимъ башкиръ, сдѣлались менѣе опасными для русскихъ. Такимъ образомъ Неплюевъ не только не заставилъ всегда дорогого ему отечества „истратить столько денегъ и крови", что, по замѣчанію г. Мейера, „и вычислить не легко", а напротивъ—онъ берегъ русскую кровь и русскія деньги, принося имъ въ жертву тѣхъ, которые, при всякомъ удобномъ случаѣ, съ звѣрскимъ самодовольствомъ отрубали голову русскому въ степи и привязывали ее къ сѣдлу, чтобы продать въ Хивѣ за какой-нибудь халатъ хану или получить двадцать тиллей. Левшинъ совершенно справедливо замѣчаетъ по этому поводу, что если вникнуть въ обстоятельства того времени, принять во вниманіе географическое положеніе Оренбургскаго края и народы, населявшіе его и жившіе на его границахъ, также малочисленность войскъ, оберегавшихъ его границы; то окажется, что мѣра, принятая Неплюевымъ, была единственнымъ средствомъ къ спасенію ввѣреннаго ему края, а можетъ быть—и большей части юго-восточной Россіи [a]. „Разсуждая безпристрастно", —говоритъ онъ,—„нельзя не согласиться, что Россія въ то время должна была принести одну изъ двухъ жертвъ: или башкировъ или коренныхъ русскихъ; и если она пожертвовала первыми для спасенія послѣднихъ, то конечно не заслужила тѣмъ порицанія" [b]. Кромѣ того, нужно замѣтить, что Неплюевъ, избравъ эту мѣру, слѣдовалъ прежнимъ наставленіямъ Правительства: въ инструкціи, данной еще Кириллову, было сказано, что „если башкирцы и киргизцы будутъ волноваться, то употреблять одинъ народъ противъ другого, оберегая русское войско" [c].

Во всякомъ случаѣ приговоръ г. Мейера, по нашему мнѣнію, слишкомъ строгъ, если смотрѣть на дѣло съ политической точки зрѣнія: политику, какъ справедливо замѣчаетъ о томъ профессоръ Чичеринъ, нельзя подвести подъ законы безусловной нравственности [d]. Частный человѣкъ можетъ жертвовать личнымъ счастьемъ своему нравственному долгу, но бла-

a) Описаніе киргизъ-кайсацкихъ ордъ и степей. Спб. 1832 г., ч. 2, стр. 217.
b) Тамъ же.
c) Тамъ же, стр. 116.
d) См. его: „Теорія политич. ученій". Москва, 1869 г., ч. I, томъ 3, стр. 313.

годенствіе народа не должно приносить въ жертву абсолютной строгости нравственнаго закона: въ политикѣ верховный законъ составляетъ высшая цѣль политической жизни,—это salus populi suprema lex, или общее благо народа, для спасенія котораго иногда приходится жертвовать и абсолютными требованіями нравственнаго закона.

Обратимся къ дальнѣйшему изложенію башкирскаго бунта. Киргизы, отобравъ женъ и дочерей у башкирцевъ, бѣжавшихъ къ нимъ въ аулы, должны были, въ силу полученныхъ отъ Неплюева грамотъ, выгнать самихъ мужей и отцовъ, вообще мужчинъ, изъ своихъ кочевьевъ,—они такъ и поступили. Выгоняемые изъ орды башкирцы, лишившись имущества, женъ, сестеръ, матерей и дочерей, должны были ни съ чѣмъ возвратиться на прежнія мѣста жительства. Между тѣмъ Неплюевъ далъ приказъ всѣмъ командамъ, расположеннымъ по р. Яику, не препятствовать башкирцамъ въ „перелазахъ" на правый берегъ рѣки.—Вскорѣ къ Неплюеву явилось нѣсколько башкирцевъ, возвратившихся изъ Киргизской Орды, съ просьбою о дозволеніи имъ переправиться черезъ Яикъ, чтобы отомстить за обиды обманувшимъ ихъ киргизамъ. Неплюевъ, стараясь еще болѣе раздуть начавшуюся вражду двухъ народовъ, отвѣтилъ, что онъ безъ особаго на то указа Императрицы не можетъ позволить имъ ѣхать въ улусы киргизъ—кайсаковъ, а что довольно съ нихъ и той милости, что они за ихъ возмущеніе остаются не наказанными, такъ-какъ-де „киргизскій поступокъ съ женами ихъ и дочерьми довольно для нихъ наказателенъ [a]. Въ то же время, тайно отъ башкирцевъ, онъ велѣлъ сообщить имъ чрезъ переводчиковъ, что „генералу-де ѣхать вамъ позволить нельзя, а буде вы поѣдите и киргизцевъ разобьете, такъ надѣемся, взыскивать на васъ не будутъ [b]. Тогда же командирамъ пограничной съ киргизскими степями линіи дано было знать, что если башкирцы вооруженные и безъ семействъ будутъ переходить за Яикъ, то чтобы они ихъ не останавливали, а вели-бы себя такъ, какъ будто того не замѣчаютъ. Башкирцы, разжигаемые ненавистью къ оскорбителямъ чести ихъ женъ и дочерей, были рады воспользоваться совѣтомъ толмачей Неплюева и стали собираться большими партіями, чтобы, двинуться въ аулы киргизъ-кайсаковъ, которые, овладѣвши башкирскими красавицами, и не думали о томъ, что обезсиленные и разоренные башкирцы рѣшатся открыто напасть на нихъ; но безпечность и непредусмотрительность киргизцевъ скоро дали себя почувствовать: башкирцы со всею яростью и необузданностью бросились на киргизскіе аулы; захватили женъ, дѣтей и скотъ степныхъ похитителей башкирокъ и жестоко отомстили имъ. Нурали-

[a]) Записки Неплюева, стр. 157—158. Изданіе А. С. Суворина. 4893 г.
[b]) Тамъ же.

ханъ, узнавъ о томъ, немедленно далъ знать Неплюеву о происшедшемъ и требовалъ отмщенія башкирцамъ, разсчитывая на вражду къ нимъ русскихъ за мятежъ. Неплюевъ отвѣтилъ Хану, что „еслибы они, киргизцы, тѣхъ злодѣевъ прежде не принимали, то-бъ и сего никогда произойти не могло и что, сколько имъ извѣстно, весь башкирскій народъ только о томъ и мыслитъ, какъ погублять киргизцевъ, и еслибы имъ не были удерживаемы, то-бъ киргизцы скоро увидѣли истину его словъ“ [a]. Вслѣдъ затѣмъ, когда посолъ Нурали-хана былъ еще у Неплюева, получено донесеніе, что болѣе 2000 киргизъ были намѣрены перейти чрезъ Яикъ, но потерпѣли пораженіе отъ калмыковъ и донскихъ казаковъ; при рапортѣ о томъ къ Неплюеву былъ представленъ и одинъ скованный плѣнный киргизъ. Оставшіеся въ живыхъ киргизы встрѣтились съ башкирами, которыми и были разбиты наголову. Сообщая хану объ этомъ побоищѣ, Неплюевъ упрекаетъ его, что онъ (ханъ) хотя и зналъ о вторженіи киргизъ въ Башкирію, и всетаки не остановилъ ихъ, „чему однакожъ“,—замѣчаетъ Неплюевъ,— „я не вѣрю, башкирцы же ѣздятъ на воровство въ киргизскіе улусы безъ его Неплюева позволенія“ [b]. Отпуская плѣнника-киргизца къ хану, Неплюевъ совѣтовалъ Нурали и киргизскимъ старшинамъ увѣщевать свой народъ, чтобы напередъ такихъ продерзостей не было, „а инако“,—замѣчаетъ онъ, — „я принужденъ буду, къ утвержденію вновь въ вѣрности, башкирскій народъ обратить къ нападенію на ихъ улусы и подкрѣпить оный всѣми въ моей командѣ состоящими силами“ [c]. Одновременно съ этимъ Неплюевъ распорядился, чтобы отнюдь никто не смѣлъ безъ его вѣдома и позволенія ѣздить за Яикъ, и что ему весьма непріятно было выслушивать жалобы отъ киргизскаго хана на башкирцевъ, разорившихъ ближайшіе киргизскіе аулы, чему однакожъ онъ не можетъ вѣрить; „ежели-жь“,—писалъ Неплюевъ,—„кто изъ башкирцевъ отнынѣ поиманъ будетъ, ѣдущій на добычу въ Орду, тотъ или тѣ, и съ женами, и дѣтьми, отданы будутъ киргизцамъ“. Въ избѣжаніе столкновеній и ссоръ съ башкирцами, Неплюевъ посовѣтовалъ киргизцамъ откочевать подальше въ степь, что они и сдѣлали [d].

Чтобы имѣть ближайшій пунктъ для наблюденія за башкирцами и предупреждать ихъ замыслы къ мятежамъ, Неплюевъ вошелъ въ Сенатъ съ представленіемъ объ устройствѣ на р. Зелаирѣ, внутри самой Башкиріи, новой крѣпости съ образованіемъ особаго *Зауральскаго* дистрикта. Сенатъ, по сношеніи съ Военной Коллегіей, утвердилъ это представленіе Неплюева

---

a) Тамъ же, стр. 159.
b) Тамъ же, стр. 160.
c) Тамъ же, стр. 161.
d) Тамъ же, стр. 162.

тѣмъ болѣе, что оно согласовалось съ желаніемъ мирныхъ башкирцевъ и старшинъ ихъ.[a]. По распоряженію Неплюева, бригадиръ Бахметевъ приказалъ инженерному чиновнику Поспѣлову измѣрить разстояніе по тракту Зелайръ—рѣки до *Кизыльской* крѣпости и нанести на планъ всѣ тѣ мѣста, на которыхъ будетъ признана необходимою постройка мостовъ, съ исчисленіемъ расходовъ, потребныхъ на ихъ постройку. Въ видахъ предосторожности и безопасности, Поспѣлову данъ былъ конвой, состоявшій изъ 50 башкирцевъ и 10 драгунъ, подъ охраною котораго и начаты были работы по устройству крѣпости и мостовъ. Оказалось, что предосторожность была не лишней: во время производства работъ, шайка мятежныхъ башкиръ напала на сторожевой отрядъ, который, къ счастію, во-время получилъ помощь, однакожъ самъ Поспѣловъ былъ раненъ, за что, по окончаніи работъ, и былъ представленъ къ наградѣ, но получить ее не удостоился[b]. Вновь устроенная крѣпость получила названіе отъ рѣки Зелайры— Зелайрской и была снабжена достаточнымъ гарнизономъ и всѣми необходимыми потребностями. Коммендантъ этой крѣпости долженъ былъ наблюдать за тишиной и спокойствіемъ внутри Башкиріи, а Зелайрская крѣпость сдѣлалась центромъ вновь образованнаго *Зауральскаго* дистрикта, въ составъ котораго вошли башкирскія волости: *Бурзянская*, *Карагай-Кипчатская*, *Тамьянская*, *Усергинская*, *Тангаурская* и *Сугунъ-Кипчатская* [c].

Иниціаторъ и глава бунтовщиковъ Батырша, не смѣя показаться въ жилыхъ мѣстахъ, все время скрывался съ своими учениками и главными соучастниками бунта въ лѣсу; но правительство старалось употребить всѣ мѣры къ тому, чтобы онъ былъ пойманъ и представленъ живымъ. Сен. указомъ, отъ 11 окт. 1755 г., за его поимку было обѣщано 500 рублей, а указомъ отъ 1 апрѣля 1756 года эта сумма была удвоена [d]. Батырша былъ пойманъ 8 августа 1756 года на Осинской дорогѣ въ деревнѣ Азикѣ[e], въ 150 верстахъ отъ Уфы, мещерякскимъ старшиной Сулейманомъ Деваевымъ. Послѣ полудня 8 августа, около вечерняго времени, къ Деваеву пришла мещерка Юсупова, жена Фариза, Шебанова дочь, и заявила, что у нея украли изъ улья медъ и что въ ночь на это число, передъ разсвѣтомъ, кто-то стучалъ къ ней въ окно и спрашивалъ, дома-ли ея сынъ Ишназаръ Юсуповъ, а когда она отвѣтила, что сынъ ея на сѣнокосѣ, неиз-

---

a) Смотр. въ Тург. Арх. «Указы 1755 г.», лл. 179–181, гдѣ помѣщенъ указъ Воен. Коллегіи, отъ 26 августа 1755 г., за № 358.

b) Пам. кн. Оренб. губ. на 1870 г., IV, 84.

c) См. Адресъ-календарь Оренб. губ. на 1849 г., въ приложеніи л. 9 на оборотѣ. Слич. Рычкова: «Топогр. Оренб. губ.», ч. II, 33. Изд 1762 г , и Жуковскаго: „Краткое обозрѣніе достопам. событій Оренб края», стр. 20. Оренбургъ, изд. 1832 г.

d) Сен Арх. Дѣло за № 1594, листъ 1226.

e) А не въ Юзянѣ, какъ сказано въ сочиненіи Н. О. Дубровина: „Пугачевъ и его сообщники“, и въ нашемъ очеркѣ: «Неплюевъ, вѣрный слуга своего отечества» (стр. 191). Казань, 1891 г. Ошибка произошла отъ неправильнаго чтенія рукописи.

вѣстный человѣкъ, ничего болѣе не говоря, отошелъ отъ окна; при этомъ Юсупова также заявила, что вскорѣ послѣ ухода неизвѣстнаго ей человѣка она слышала, какъ скрипнули двери въ мечети, находившейся отъ ея двора саж. въ 20-ти.—Сулейманъ Деваевъ, чтобы найти вора, распорядился тотчасъ же произвести дознаніе. Съ этою цѣлью онъ приказалъ собрать всѣхъ жителей своей деревни, а кого не окажется дома, о тѣхъ узнать, куда они отлучились. Когда Сулейманъ вышелъ на улицу, ему попались той же деревни мещеряки Исхакъ Якуповъ, Расуль Карамышевъ да азанчій (понамарь) Исмаилъ Ибраевъ; Деваевъ сообщилъ имъ о кражѣ у Юсуповой меда и о своемъ намѣреніи сдѣлать обыскъ. Такъ-какъ двери у мечети скрыпнули въ такое время, когда на молитву въ нее никто не ходитъ и безъ причины ходить было не кому и не для чего, то Сулейманъ приказалъ азанчію Ибраеву идти въ мечеть и осмотрѣть, не спрягалъ-ли тамъ воръ украденный имъ медъ. Войдя въ мечеть, Ибраевъ закричалъ, что воръ—въ ней; въ тотъ же моментъ изъ окна выпрыгнулъ босой человѣкъ, въ одномъ китайчетомъ полукафтаньѣ и въ шапкѣ, и побѣжалъ къ березнику. Сулейманъ и бывшіе съ нимъ мещеряки Якуповъ и Карамышевъ бросились догонять неизвѣстнаго имъ человѣка, который, снявъ съ себя полукафтанье и шапку (поднятые Сулейманомъ), „на утекъ въ березникъ такъ сильно побѣжалъ, что догнать его пѣшкомъ было трудно и весьма ненадежно". Тогда Сулейманъ, продолжая гнаться съ товарищами за воромъ, закричалъ, чтобы „наскорѣ для погони за нимъ привели лошадей".—Вскорѣ на мѣсто происшествія прискакалъ на лошади сынъ Сулеймана Даутъ. По приказанію старшины, Расуль сѣлъ на лошадь и погнался за бѣглецомъ, задержавъ его на разстояніи версты отъ деревни Азнка. Между тѣмъ Сулейманъ, Даутъ, Ибраевъ и Якуповъ продолжали бѣжать за Расулемъ; вскорѣ сюда же прискакалъ на лошади младшій сынъ Сулеймана Килмухаммотъ. Сулейманъ, вскочивъ на его лошадь, поскакалъ на помощь Расулю. Увидѣвъ еще издали, что воръ угрожаетъ Расулю складнымъ ножемъ и старается вырваться, Сулейманъ закричалъ, чтобы Расуль „какъ можно его вора держалъ и не упустилъ".—Вслѣдъ затѣмъ подоспѣли на помощь Якуповъ, Ибраевъ и Даутъ—и бѣглецъ былъ задержанъ.—Не зная раньше, за кѣмъ они гнались, поймавшіе его только теперь увидѣли, что это былъ мулла Абдулла Мягзялдинъ или Батырша Алѣевъ, главный возмутитель и руководитель башкирскаго народа. Когда Батырша былъ уже пойманъ, на мѣсто происшествія изъ деревни прибѣжали писарь Муксинъ Абдусоломовъ[a] и мещоряки Абдюкъ Девлетьсаровъ и Бакѣй Юпѣовъ.—Батырша былъ отведенъ въ домъ Сулеймана, который

(a Онъ же Абдулла Салемовъ. Смотр. дальше стр. 885.

тотчасъ же отправилъ съ своимъ сыномъ Даутомъ и писаремъ Муксиномъ рапортъ въ Уфимскую канцелярію о поимкѣ Батырши, а самъ, заклепавъ въ колодки руки и ноги Батырши, въ тотъ же день повезъ его въ Уфу, подъ охраною особаго конвоя [a]. Неплюевъ, получивъ 12 ч. августа рапортъ изъ Уфимской канцеляріи о поимкѣ Батырши, тотчасъ же приказалъ отправить въ Уфу нарочнаго курьера съ предписаніемъ, чтобы Батырша былъ привезенъ въ Оренбургъ „подъ наистрожайшимъ карауломъ". Для сопровожденія Батырши отъ Уфы до Оренбурга велѣно было опредѣлить самаго надежнѣйшаго капитана изъ находившейся въ Уфѣ армейской команды и съ нимъ одного оберъ-офицера, 60 челов. драгунъ „съ принадлежащимъ числомъ прочихъ чиновъ да 40 чел. казаковъ при сотникѣ на ихъ казачьихъ лошадяхъ". Вмѣстѣ съ тѣмъ, Неплюевъ приказалъ везти Батыршу секретно, такъ, чтобы „про него никто нигдѣ свѣдать не могъ, и чтобы при немъ постоянно находились двое часовыхъ съ обнаженными палашами и не допускали къ нему никого, а къ ночи какъ ручныя, такъ и ножныя желѣза, въ которыхъ онъ закованъ, крѣпки-ль они, осматривать самому (начальнику конвоя), а близъ того мѣста, гдѣ онъ будетъ содержаться, имѣть всегда не малолюдный пикетъ съ особыми часовыми, при чемъ и того самому-жъ ему капитану, тако-жъ и часовымъ, всегда прилежно и неусыпно наблюдать, дабы онъ Батырша съ отчаянія ни чѣмъ самъ себя умертвить и съ голоду (какъ то многіе, подобные ему, злодѣи дѣлывали) [b] уморить не могъ, и для того ножа и ничего, чѣмъ-бы онъ самъ себя уязвить и уморить могъ, при немъ отнюдь не было, и кормовыхъ денегъ отпустить на него столько, чтобъ до Оренбурга стало на каждый день по три, а буде разсудится недовольно, то хотя по пяти коп., изъ которыхъ покупая хлѣбъ и мясо, кормить его безъ всякаго недостатку, но и притомъ всеприлежно наблюдать, дабы онъ себя костью подавить или чѣмъ инымъ повредить и умертвиться не могъ, чего для будущимъ при той командѣ, когда онъ станетъ ѣсть пищу, его эвидѣтельствовать и при томъ смотрѣніе имѣть, а подъ свозъ его Батырши дать казенныхъ губернскихъ лошадей безъ недостатку, чтобъ дорогою въ жильѣ нигдѣ не стоять и подводъ не брать, дабы никто нигдѣ не могъ знать, что его везутъ" [c].—Сулейманъ Деваевъ долженъ былъ явиться лично въ Оренбургъ для полученія награды за поимку Батырши.—12 августа Неплюевъ отправилъ въ Петербургъ капрала Лукьяна Мельникова съ рапортомъ въ Сенатъ о поимкѣ Батырши, а вечеромъ 23-го августа Батырша

---

[a]) Сенат. Арх. Дѣло о башкирскомъ бунтѣ 1756—1759 г., № 1594, лл. 1239—1241, Рапортъ Неплюева въ Сенатъ, отъ 29 августа 1756 г.

[b]) См. стр. 172 въ наст. монографіи, гдѣ говорится о самоубійствѣ Ангулова голодомъ

[c]) Сен. Арх. Дѣло за № 1594, л.л. 1225—1227. Доношеніе Неплюева въ Сенатъ.

былъ привезенъ въ Оренбургъ. На слѣдующій день Неплюевъ писалъ въ Сенатъ: „вчерась ввечеру онъ воръ Батырша сюда привезенъ, котораго онъ самъ о томъ токмо спрашивалъ, онъ-ли подлинно Уфимскаго уѣзду Сибирской дороги, команды старшины Яныша Абдуллина, деревни Карышевой изъ мещеряковъ Мулла Абдулла Мягзялдинъ, а по прозвищу Батырша, что онъ о себѣ точно и подтвердилъ, а затѣмъ больше ни о чемъ спрашивать его не приступилъ и не буду, дондеже на вышеписанное мое отъ 12 сего августа доношеніе отъ Правительствующаго Сената резолюція получена не будетъ, а между тѣмъ опредѣлено его содержать и будетъ содержанъ здѣсь въ удобномъ и крѣпкомъ мѣстѣ, подъ наикрѣпчайшимъ карауломъ, съ произвожденіемъ кормовыхъ денегъ“ [a]. 26 августа въ Сенатѣ было постановлено, чтобы Батырша былъ отправленъ въ Петербургъ, 9-го сентября Неплюевъ получилъ изъ Сената указъ, которымъ ему повелѣвалось: „отправить Батыршу въ Тайную Розыскныхъ Дѣлъ Канцелярію *секретно*; его учениковъ и сообщниковъ въ Уфимской провинціи, до поимки его во обличеніе ему предоставленныхъ, отправить въ тое-жъ канцелярію, и о томъ дать оберъ-офицеру секретный указъ, подписавъ: *распечатать близъ Москвы*, а въ инструкціи написать, что они въ Рогервикъ отправлены, и съ показанной же ихъ выписки экстрактъ прислать; мещерякскаго старшину Сулеймана Деваева, который оного Батыршу поймалъ, отправить въ Правительствующій Сенатъ съ обнадеживаніемъ“ [b]. Получивъ этотъ указъ, Неплюевъ на другой же день писалъ въ Сенатъ, что Батырша неоднократно просилъ приставленнаго къ нему капитана, что онъ желаетъ видѣть его, Неплюева, „яко имѣетъ нужное объявить ему“; но онъ, Неплюевъ, того удалился и велѣлъ ему сказать, что когда время будетъ, тогда его спросятъ.“ Въ видахъ предосторожности Неплюевъ скрылъ даже отъ Оренбургской губернской канцеляріи, что Батырша долженъ быть отправленъ въ Тайную Канцелярію, производя всѣ распоряженія о томъ черезъ своего домашняго секретаря К о п т я ж е в а.—Надзоръ за Батыршей былъ порученъ капитану князю Б о л х о в с к о м у, снабженному особой инструкціей, въ силу которой Болховскій, получивъ 500 р. изъ Оренбургской канцеляріи, долженъ былъ взять съ собой, для сопровожденія Батырши въ Петербургъ, поручика Л е в а ш е в а, одного унтеръ-офицера, одного капрала и 36 чел. драгунъ, купить подъ Батыршу крытую тѣлегу, ему—новую шубу, кафтанъ, штаны, шапку, рукавицы, „добрую обувь, рубаху, портки и кошму одѣваться“. Всѣ расходы по закупкѣ вещей Болховскій долженъ былъ записывать въ шнуровую книгу, выданную ему

[a]) Тамъ же, л. 1238.
[b]) Тамъ же, л. 1242.

изъ Походной Военной Канцеляріи Неплюева, и везти Батыршу черезъ Самару, Арзамасъ, Муромъ и Владиміръ, а по прибытіи въ Москву— распечатать данный ему указъ и „по нему чинить исполненіе".—Болховскому была дана подорожная на 25 подводъ; Батырша ѣхалъ въ особой крытой тѣлегѣ, запряженной двумя лошадьми, въ сообществѣ унтеръ-офицера или капрала и двухъ драгунъ; капитанъ и поручикъ должны были „бденно наблюдать, чтобъ Батырша не ушелъ, чѣмъ-нибудь себя не повредилъ или-бы, при перевозѣ черезъ рѣки, не бросился въ воду".—На содержаніе Батырши было ассигновано по шести коп. въ день, чтобы кормить его „безъ недостатку и поступать съ нимъ ласково, ни чѣмъ его не стращая, но паче обнадеживая; никого къ нему не допускать; ни о чемъ, кромѣ пищи, съ нимъ не говорить и везти его въ секретѣ". Конвойные, сопровождавшіе Батыршу, должны были имѣть ружья заряженными, а Болховскій изъ предосторожности былъ уполномоченъ брать, въ помощь къ своей командѣ, еще по двѣнадцати драгунъ и по шести верховыхъ казаковъ, которые-бы сопровождали Батыршу отъ одной крѣпости до другой, начиная отъ Оренбурга и до Самары. Во время ночлеговъ приказано высылать изъ той избы, гдѣ будетъ Батырша, не только постороннихъ лицъ, но и хозяевъ, имѣть при немъ часовыхъ и свѣчи, подъ опасеніемъ тяжкаго штрафа за небреженіе [a]).—Ученики Батырши [b]) также были отправлены въ Тайную Канцелярію, подъ присмотромъ капитана Московскаго драгунскаго полка Леонтія Львова, которому выдано было изъ Уфимской Канцеляріи 50 рублей на расходы и на 16 лошадей прогоновъ. Конвой, сопровождавшій учениковъ Батырши, состоялъ изъ 24 пѣшихъ драгунъ и (до Мензелинска) 12 чел. казаковъ.—Неплюевъ 11 сентября 1756 года предписанъ бригадиру Фрауендорфу и уфимскому воеводѣ Артемьеву, чтобы они „о тѣхъ колодникахъ какъ живыхъ, такъ и умершихъ, ежели оные изъ нихъ есть, дѣла не только бѣлыя, но и черныя, т. е., репорты, доношенія, промеморіи и допросы, реэстры, вѣдомости и резолюціи и все, что найдется, собравъ въ порядокъ одно подъ другое, не оставляя имъ и слѣду никакого, т. е., ни единыя бумажки, и какъ

a) Тамъ, лл. 1258—1260.

b) Мещеряки Уфимскаго уѣзда Сибирской дороги: Максютъ Аксинъ, Урускулъ Ислановъ, ясашный татаринъ Акацкой дороги, Казанскаго уѣзда, Исмаилъ Апкинъ, башкирецъ Крехтинской волости Уфимскаго уѣзда, Осинской дороги Кучукбай Имангуловъ, Гайнинской волости, башкирецъ Нурей Боскуновъ, ясашный татаринъ Акчура Ягутѣевъ, башкирецъ Чурагулъ Минлибаевъ, мещеряки Уфимскаго уѣзда, Сибирской дороги: Миръ-рахметь Акисетевъ, Ибрай Темиргозинъ, Исетской провинціи, мещеряки-жъ: Ахметъ Корюковъ, Уфимскаго уѣзда, Осинской дороги, Крехтинской волости башкирецъ Искакъ Мурзаліевъ, Исетской-же провинціи мещерякъ Мустафа Асановъ, башкирецъ Сафаръ Агаферовъ, Кунгурскаго уѣзда, Крейской четверти татаринъ Девлетбай Козягуловъ, Уфимскаго уѣзда, Казанской дороги мещерякъ Муслюмъ Ибрагимовъ. Сен. Арх. Дѣло о башкирскомъ бунтѣ за № 1594, лл. 1248—1257. Здѣсь находится и „Экстрактъ изъ показаній учениковъ и сообщниковъ вора и возмутителя муллы Батырши".

можно скорѣе учинить имъ опись и купно съ оною ихъ въ пакетъ запечатать, адресовавъ въ Москву Правительствующаго Сената въ контору, и тако тотъ пакетъ для подачи въ оную помянутую контору Львову съ роспискою отдать, а ко мнѣ прямо о томъ, по точномъ исполненіи, рапортовать" [a]).

Осенью 1756 года Батырша и его ученики, согласно распоряженію Сената, были отправлены въ Тайную Канцелярію съ тѣми предосторожностями, какія были признаны необходимыми. Во время пути Батырша заболѣлъ, и потому нѣсколько времени прожилъ въ Москвѣ. При допросѣ его, онъ заявилъ, что, кромѣ самой Государыни, никому и ничего не скажетъ; когда же ему замѣтили, что Государыня не можетъ принять его а пусть онъ напишетъ ей о своихъ „секретахъ", то Батырша просилъ оберъ-секретаря Хрущова, чтобы онъ подъ клятвою далъ обѣщаніе доставить его пакетъ Государынѣ нераспечатаннымъ. По составленіи своего письменнаго показанія, Батырша былъ отправленъ изъ Москвы въ Петербургъ. Прибывъ въ столицу, онъ пожелалъ видѣть православнаго священника, чтобы побесѣдовать съ нимъ о христіанской вѣрѣ, присовокупивъ, что если онъ (Батырша) убѣдится въ превосходствѣ христіанскаго закона предъ магометанскимъ, то приметъ христіанскую вѣру и умретъ христіаниномъ. Для удовлетворенія желаній Батырши, къ нему былъ назначенъ ключарь Петропавловскаго собора Стефанъ Левицкій, который неоднократно и бесѣдовалъ съ нимъ о религіозныхъ вопросахъ. Намъ ничего неизвѣстно о содержаніи этихъ бесѣдъ, но мы думаемъ, что умный и хитрый мулла хотѣлъ воспользоваться ими, какъ средствомъ, для избѣжанія наказанія или, по крайней мѣрѣ, для смягченія его, но разсчетъ неудался: въ половинѣ 1757 года, по окончаніи надъ нимъ слѣдствія, онъ былъ заключенъ въ *Шлиссельбургскую* крѣпость, гдѣ его содержали скованнымъ по рукамъ и ногамъ, при особомъ часовомъ. Здѣсь онъ находился пять лѣтъ, а 24 іюля 1762 г. комендантъ крѣпости, полковникъ Бередниковъ, донесъ, куда слѣдовало, что Батырша, видя около себя заснувшаго часового, пытался ночью уйти изъ крѣпости. Взявъ топоръ, принесенный для чего-то солдатомъ Хомутовымъ, Батырша покончилъ съ своими стражниками: голову капрала Никитина онъ разрубилъ пополамъ; у Хомутова разрубилъ лѣвую сторону головы и проломилъ правый високъ; часовому Епифанову также въ двухъ мѣстахъ разрубилъ голову, а „у Лазарева въ двухъ мѣстахъ брюхо оказалось пропоротымъ. Оный же колодникъ Батырша",—доносилъ Бередниковъ,—„и самъ умеръ безъ всякихъ

---

[a]) Тамъ же, л. 1265. Реэстръ дѣламъ о Батыршѣ см. тамъ же на лл.: 1267–1270, 1286–1289.

язвъ и побой" [a].—Сенатъ, получивъ доношеніе о смерти Батырши, приказалъ зарыть трупъ его въ яму за стѣной Шлиссельбургской крѣпости. Трудно вѣрится, чтобы товарищи убитыхъ стражниковъ оставили Батыршу въ покоѣ, при видѣ окровавленныхъ и еще неостывшихъ труповъ своихъ собратьевъ?! Если Батырша самъ не успѣлъ кончить жизнь самоубійствомъ, то можно предположить, что другіе заставили его смыть кровь неповинныхъ своею кровію,—впрочемъ, можетъ быть, Батырша умеръ и скоропостижно отъ паралича сердца или отъ апоплексическаго удара, безъ всякаго насилія надъ его жизнью?!.. Таковъ былъ конецъ Абдуллы Мягзалдина, или Батырши Алѣева, иниціатора и руководителя башкирскаго бунта 1755 г.—Батырша былъ человѣкъ семейный: его жена Зюлбухарнея Исанова была арестована и жила съ дѣтьми въ Уфѣ, подъ строгимъ надзоромъ Уфимской канцеляріи; здѣсь 6 марта 1756 года заболѣлъ и скончался ея старшій семилѣтній сынъ Тадзикъ, а сама Зюлбухарнея, закованная въ ручные и ножные кандалы, была отвезена въ Московскую губернскую канцелярію, вмѣстѣ съ двумя малютками—дочерьми: Зюлехой 3 лѣтъ и Заивой 2 мѣсяцевъ, подъ присмотромъ прапорщика гарнизоннаго Нижегородскаго полка, Павла Потапова [b]. О дальнѣйшей судьбѣ семьи Батырши намъ ничего неизвѣстно.

Волненіе башкиръ 1755 года могло принять весьма опасный характеръ для русскихъ поселенцевъ всей восточной Россіи, тѣмъ болѣе, что иниціаторомъ и руководителемъ мятежа явился такой энергичный и хитрый человѣкъ, какимъ былъ Батырша, пользовавшійся всеобщимъ уваженіемъ магометанскаго духовенства за свою ученость и большой популярностью среди башкиръ и другихъ инородцевъ Оренбургскаго края, какъ ревностный защитникъ ихъ свободы и экономическихъ интересовъ. Но Неплюевъ, благодаря своей энергіи и дипломатическимъ способностямъ, разрушилъ замыслы Батырши и отстоялъ русское вліяніе въ краѣ. Правительство, конечно, не могло не цѣнить такой заслуги Неплюева—, и щедро наградило всѣхъ лицъ, содѣйствовавшихъ Неплюеву въ поимкѣ главаря бунта, какъ увидимъ это изъ слѣдующей главы настоящей монографіи.

---

a) Н. О. Дубровинъ. Пугачевъ и его сообщники, т. I, стр. 271.
b) Сен. Арх. Дѣло о башкирскомъ бунтѣ за № 1594, л. 1178 и дал.

ГЛАВА XXVIII.

Старшина Сулейманъ Деваевъ, отправленіе его въ Петербургъ, представленіе Императрицѣ и смерть.—Подарки, полученные его сыномъ и другими лицами, участвовавшими въ поимкѣ Батырши.—Противорѣчіе Записокъ Неплюева фактамъ.—Мѣры, предпринятыя Правительствомъ къ возвращенію бѣжавшихъ въ Киргизскую Орду башкирцевъ.—Слѣдствіе по дѣлу маіора кн. Назарова и капитана Тимашева.—Результаты башкирскаго бунта 1855 года.—Оставленіе Неплюевымъ своего поста и назначеніе на его мѣсто Давыдова.

По полученіи о семъ извѣстія, не оставилъ я дать знать о семъ во всю Башкирію указами, также въ Киргизскую Орду письмомъ, для указанія симъ народамъ, сколь щедро отъ Ея Величества заслуги награждаются, не токмо надъ самими тѣми; но и надъ дѣтьми ихъ.

Неплюевъ. (См. его Записки, стр. 163—164).

Башкирскій вопросъ утратилъ навсегда свое прежнее значеніе. Онъ былъ разрѣшенъ Неплюевымъ.

Н. А. Ѳирсовъ.

Относительно Сулеймана Деваева, поймавшаго Батыршу, Неплюевъ говоритъ въ своихъ „Запискахъ" слѣдующее: „поймавшій его (Батыршу) мещерацкій старшина, *ѣхавъ ко мнѣ въ Оренбургъ, на дорогѣ умеръ*; но я, желая исполнить мое слово и наградить его за услугу, велѣлъ прислать старшаго изъ его дѣтей, почему сынъ его, 14 лѣтъ и будучи только одинъ у него, ко мнѣ и явился. Я, сдѣлавъ ему кафтанъ и шапку на свой коштъ и придавъ ему переводчика, для большаго уваженія заслуги его отца, отправилъ ко Двору, продставя и испрашивая, чтобъ все обѣщанное мною, вмѣсто отца, надъ нимъ было исполнено, почему онъ и пожалованъ, по имянному указу, старшиною на мѣсто отцово, а сверхъ того, дано ему въ награжденіе 1000 рублей, сабля, богато убранная каменьями, съ надписью имени отца его, и что онъ, за заслуги его, симъ награждается, съ такою же надписью серебряный ковшъ съ позолотою, въ полторы бутылки, кафтанъ и полукафтанье и кушакъ пребогатой парчи, шапка черныхъ лисицъ, парчевая-жъ, а сверхъ того, имѣлъ счастіе представленъ быть къ рукѣ Ея Величества" [a]. Въ интересахъ возстановленія исторической истины

[a]) Записки Неплюева. Изд. А. С. Суворина, 1893 г. Спб., стр. 163.

и дѣйствительности мы должны заявить, что дѣло было вовсе не такъ, какъ говорится о томъ въ „Запискахъ“ Неплюева, а иначе, что и постараемся доказать.— Вышеприведенное извлеченіе изъ „Записокъ“ Неплюева противорѣчитъ его же рапорту, посланному имъ въ Сенатъ 13 сентября 1756 г. изъ Оренбурга, въ которомъ онъ писалъ: „Указомъ Ея Императорскаго Величества изъ Правительствующаго Сената, отъ 26 минувшаго августа, между прочаго, мнѣ повелѣно мещерядцкаго старшину Сулеймана Деваева, который поймалъ возмутителя Батыршу, отправить въ С.-Петербургъ, обнадежа его, какъ въ томъ указѣ всемилостивѣйше изображено, что мною и учинено, *ибо онъ Сулейманъ здѣсь былъ* и просилъ, чтобъ ему дать одного человѣка изъ русскихъ, для препровожденія въ пути, и ѣхать-бы ему чрезъ башкиръ, чтобъ въ домъ свой заѣхать, что ему отъ меня и дозволено, и подорожною [a] на три ямскія подводы и прогонами снабженъ, а въ провожатые данъ ему здѣшнихъ казаковъ капралъ Петръ Ашмаринъ, знающій татарскій языкъ, съ которымъ, пріѣхавъ въ С.-Петербургъ, велѣно явиться имъ въ Правительствующемъ Сенатѣ, а, кромѣ прогоновъ, иного награжденія никакого имъ не учинилъ, въ разсужденіи, что помянутой Сулейманъ деньги имѣетъ, ибо *здѣсь на свою часть за поимку Батырши взялъ онъ пять сотъ рублевъ*, а дальнѣйшее награжденіе зависитъ отъ Высочайшаго Ея Императорскаго Величества соизволенія и мудраго Правительствующаго Сената разсмотрѣнія, токмо въ должности нахожусь донести, что онъ изъ мещерядцкихъ старшинъ по Янышѣ Абдуллинѣ первой“ [b].—Такимъ образомъ изъ доношенія въ Сенатъ самого же Неплюева видно, что Сулейманъ Деваевъ *благополучно прибылъ въ Оренбургъ, откуда въ половинѣ сентября мѣсяца 1756 г. Неплюевъ отправилъ его въ столицу* въ сопровожденіи казачьяго капрала Ашмарина и писаря изъ мещеряковъ Муксина Абдуллы Салемова, выдавъ ему 500 р., въ счетъ обѣщанной тысячи за поимку Батырши, и подорожную на три подводы съ проводникомъ. Отъ Оренбурга чрезъ Уфу и до Мензелинска Деваевъ долженъ былъ платить по деньгѣ, а отъ Казани до Москвы по 3 коп. за каждые десять верстъ; отъ Москвы до Новгорода по 1 коп., отъ Новгорода до Петербурга по 2 коп за каждую версту [c]. Въ концѣ октября Сулейманъ и его спутники прибыли въ Петербургъ и явились въ Сенатъ, который 30 октября предписалъ Главной Полицеймейстерской Канцеляріи „отвести имъ пристойную квартиру“. Въ исполненіе этого предписанія, Деваевъ и его провожатые

---

a) Эта подорожная, за подписью Неплюева и титулярнаго совѣтника Коптяжева, съ приложеніемъ печати, изображающей фамильный гербъ Неплюева, помѣчена 13 ч. сент. 1756 г. и сохранилась доселѣ. См. въ Сен. Арх. „Дѣло о башкирскомъ бунтѣ“ за № 1594, л. 1307.

b) Тамъ-же, л. 1304. На рапортѣ имѣется такая замѣтка, „Получено чрезъ нарочнаго и слушано 30 октября 1756 года“.

c) Такъ значится въ подорожной, выданной Деваеву.

были помѣщены на квартиру ко вдовѣ Миллершѣ, домъ которой находился на 2-й Мѣщанской улицѣ, близъ съѣзжаго Адмиралтейскаго двора [a]). 24 декабря того же 1756 года Сулейманъ Деваевъ былъ представленъ Императрицѣ и удостоился Ея милостиваго вниманія. Дальность разстоянія Уфы отъ Петербурга, отсутствіе въ то время удобныхъ путей сообщенія, неизбѣжныя часто въ дорогѣ неудобства и лишенія, особенно осенью, когда дороги становятся непроѣздными, разнообразіе впечатлѣній и сильныя душевныя волненія, которыя Сулейманъ долженъ былъ испытать въ своей новой обстановкѣ,—все это такъ сильно подѣйствовало на 80-лѣтняго старика, что онъ сильно ослабѣлъ, а senectus ipsa morbus est, слегъ въ постель и 14 февраля 1757 г. скончался; Муксинъ Абдулла Салемовъ схоронилъ его, по магометанскому обряду, на Выборгской сторонѣ, употребивъ на его похороны 40 р. изъ оставшихся послѣ покойнаго 150 р. денегъ [b]). Оберъ-прокуроръ Сената Н. Ю. Трубецкой приказалъ описать оставшееся послѣ Деваева имущество и выдать его подъ росписку Абдуллѣ Салемову, что и было выполнено поручикомъ Сенатской роты Афросимовымъ [c]). Въ концѣ апрѣля 1757 г. Ашмаринъ и Салемовъ возвратились въ Оренбургъ, а 29 числа того же мѣсяца вручили Неплюеву сенатскій указъ, отъ 9 апрѣля, въ которомъ, между прочимъ, было сказано: „Понеже бывшій здѣсь, по имянному Ея Императорскаго Величества указу, мещеряцкой старшина Сулейманъ Деваевъ минувшаго декабря 24 дня предъ Ея Императорское Величество былъ представленъ и, по разсужденію Правительствующаго Сената, въ награжденіе его изготовлено платье, ковшъ съ надписью и сабля, а февраля 14 дня сего 1757 года онъ старшина, будучи въ болѣзни, умре, а оставшіе послѣ него пожитки описаны и отданы находящемуся при немъ Сулейманѣ свойственнику его, той же мещеряцкой команды писарю Муксину Абдуллѣ Салемову съ роспискою, а предъ кончиною своей онъ старшина всеподданнѣйше просилъ Ея Императорское Величество, въ показаніи за его службу, высочайшей Ея государской милости, дабы на его мѣсто въ старшины пожаловать сына его большого. Того ради, по указу Ея Императорскаго Величества, Правительствующій Сенатъ приказали: за оказанную вѣрную и ревностную къ Ея Императорскому Величеству того старшины службу, въ знакъ Ея Императорскаго Величества милости, быть на мѣстѣ его старшины Деваева находящемуся въ Оренбургѣ сыну его Дауту Сулейманову мещерацкимъ старшиною непремѣннымъ, да ему сыну его отдать въ награжденіе все то, что приготовлено было отцу его, а именно: платье, ковшъ, саблю и для того все оное отправить въ Оренбургъ съ помянутымъ же того старшины

a) Сен. Арх. Дѣло о башкирскомъ бунтѣ за № 1594, л. 1307.
b) Тамъ же, л. 1324. c) Тамъ же, л. 1325—1326.

свойственникомъ и находящимся съ нимъ казакомъ къ вамъ дѣйств. тайному совѣтнику и кавалеру при указѣ, приложа при томъ и вышеупомянутымъ оставшимъ послѣ смерти и отданнымъ племяннику его пожиткамъ опись, и велѣть означеннаго старшины Деваева сына Даута Сулейманова, отозвавъ въ Оренбургъ, объявить, что означенной отецъ его Сулейманъ, по означеннымъ своимъ къ Ея Императорскому Величеству заслугамъ, въ С.-Петербургѣ 24 декабря предъ Ея Императорское Величество допущенъ, и высочайшею Ея Императорскаго Величества милостію пожалованъ былъ, и ко отпуску его отсюда въ награжденіе ему дать повелѣно богатое платье, саблю и ковшъ серебреной, вызолоченъ, съ надлежащею о службѣ его надписью; но понеже до пожалованія ему всего того, заболѣвъ, онъ 16 февраля [a] умре, то Ея Императорское Величество, въ знакъ высочайшаго своего милосердія, всемилостивѣйше жалуетъ его Даута на мѣсто отцовское быть мещеряцкимъ старшиною непремѣннымъ, и сверхъ того въ награжденіе всѣмъ помянутымъ изготовленнымъ отцу его богатымъ платьемъ, саблею и ковшомъ, что, при томъ объявленіи, ему и отдать и о томъ его старшинствѣ и награжденіи, куда надлежитъ, отъ губернской канцеляріи дать знать" [b].

Во исполненіе этого указа, Даутъ былъ вызванъ въ Оренбургъ и получилъ отъ Неплюева подарки, предназначенные его отцу, а именно: серебряный ковшъ, саблю, поясъ къ ней, тканый серебряный кушакъ, кафтанъ, полукафтанье и шапку. Серебряный вызолоченный ковшъ, вѣсившій 4 ф. 46 золотниковъ, былъ сдѣланъ мастеромъ С.-Петербургскаго цеха Иваномъ Фейербахомъ изъ серебра 83 пробы за 188 р. $12^1/_2$ к.; онъ имѣетъ продолговатую форму на небольшихъ лапчатыхъ ножкахъ, съ двумя орликами, вензелемъ и съ слѣдующею надписью (насѣчкой): *„Къ Ея Императорскому Величеству за оказанную вѣрную и ревностную службу пожалованъ мещеряцкому старшинѣ Сулейману Деваеву въ 1757 году“* [c]. Сабля для Сулеймана Деваева была куплена у полковника Якова Шубскаго за 260 р. и за исправленіе ея заплачено придворному золотыхъ дѣлъ мастеру Георгу Экарту 145 руб., такъ-что она стоила казнѣ 405 руб. Ножны къ саблѣ были сдѣланы изъ малиноваго бархата съ серебряно-вызолоченнымъ налетомъ, эфесъ-серебряный; какъ эфесъ, такъ и ножны были украшены голубою финифтью, бирюзой, яшмою и

a) Въ большинствѣ архивныхъ документовъ днемъ смерти Сулеймана означено 14-е февраля, какъ и въ началѣ приведеннаго нами сенатскаго указа отъ 9 апрѣля 1757 г., въ другихъ же бумагахъ—16 е февраля. Мы думаемъ, что Сулейманъ Деваевъ умеръ 14 февраля, а 16-е февраля не болѣе, какъ или ошибка писцовъ, незамѣченная въ свое время, или-же день погребенія Сулеймана.

b) Тург. Арх. Указы 1757 г., по описи № 31. л.л. 31 и 32.

c) Сен. Арх. Дѣло о башкирскомъ бунтѣ за № 1594, л.л. 1331, 1332 и 1336. *Ковшъ этотъ сохранился доселѣ* и находится въ музеѣ Неплюевскаго Кадетскаго корпуса, въ Оренбургѣ; позолота хотя еще и сохранилась, но въ слабой степени. *Я* видѣлъ этотъ ковшъ при посѣщеніи Неплюевскаго коруса, 31 августа 1887 года.

небольшими краснаго цвѣта яхонтами. Поясъ къ саблѣ былъ штучно-серебряный, вызолоченный, и во всякую штучку были вставлены голубыя финифтянки; всѣхъ штукъ съ пряжками и наконечниками было семдесятъ одна. Надпись на саблѣ, набитая золотомъ, слѣдующая: *„Божіею милостію Мы Елизаветъ первая Императрица и Самодержица всероссійская и прочая, и прочая, и прочая, пожаловали сею саблею мещеряцкаго старшину Сулеймана Деваева за оказанную вѣрную и ревностную службу въ 1757 году* [a]). Кафтанъ изъ малиноваго травчатаго бархата, былъ подшитъ голубымъ градитуромъ и обложенъ кругомъ золотымъ газомъ съ городками; *полукафтанье* изъ золотой парчи, подложенное бѣлой саржей иотороченное золотымъ газомъ съ пуговицами изъ восточнаго хрусталя въ серебряной оправѣ; *соболья* шапка [b]) съ верхомъ изъ такого же бархата, какъ на кафтанѣ. Въ общей сложности кафтанъ, полукафтанье и шапка стоили съ прикладомъ и шитьемъ 483 рубля 51 коп. [c]). Серебряный кушакъ, тканый разноцвѣтными шелками, былъ купленъ за сорокъ рублей у московскаго первой гильдіи мѣщанина Василія Макарова Хастатова, содержателя шелковой мануфактутной фабрики и завода. Укупорка всѣхъ вышеозначенныхъ вещей стоила 84 коп., такъ что на всѣ подарки, посланные Дауту Сулейманову, вмѣсто его умершаго отца, было израсходовано *тысяча сто семнадцать* (1117) *рубл. сорокъ семь съ половиною* (47 1/2) коп. [d]). Мещеряцкій старшина *Янышъ Абдуллинъ,* содѣйствовавшій Неплюеву въ поимкѣ учениковъ Батырши, получилъ въ награду отъ Императрицы серебряный ковшъ въ 155 р. 22 коп., саблю въ 94 рубля 60 коп. и сто червонцевъ [e]), а отъ Неплюева— кармазиннаго сукна на кафтанъ и штофу на полукафтанье, На саблѣ, которой былъ награжденъ Янышъ Абдуллинъ, была сдѣлана слѣдующая надпись: *„Къ ея Императорскому Величеству за оказанную вѣрную и ревностную въ 1755 году противъ бунтующихъ башкирцевъ службу пожалована мещеряцкому старшинѣ Янышу Абдул-*

---

a) Тамъ же, л.л. 1340 и 1341.

b) На шапку было употреблено 10 вершковъ бархату, а не парчи, и пара соболей, а не черныхъ лисицъ, какъ сказано въ «Запискахъ» Неплюева. См. стр. 163 въ «Запискахъ» Неплюева по изд. А. С. Суворина, 1893 г.

c) Петербургскому купцу Семену Роговикову за 10 арш. и 14 вершковъ бархату на кафтанъ и шапку—130 р. 50 коп. (по 12 р. арш.), ему же за 9 арш. 3/4 градитуру—14 р. 62 1/2 коп. (по 1 р. 50 к. арш.); за 10 аршинъ съ вершкомъ золотой парчи 161 рубль (по 16 р. арш.); за 10 аршинъ бѣлой саржи 12 р. (по 1 р. 20 к. арш.); за 27 арш. золотаго газу, вѣсомъ 79 1/2 лот.—111 рублей 30 коп. (по 1 руб. 40 коп. за лотъ); за 8 арш. позумента на петли къ полукафтанью, вѣсомъ 4 лота 1 1/4 зол.—4 р. 50 коп. (по рублю пяти коп. за лотъ); за 13 пуговицъ изъ восточнаго хрусталя 9 р. 50 коп.; за пару соболей на шапку люблинскому купцу Алексѣю Шамину 24 р.; донскому казаку Андрею Быхалову за шитье платья и шапки 15 р. и за прикладъ къ нимъ одинъ рубль 50 к. Смотр. въ Сенатск. Арх. „Дѣло о башкирскомъ бунтѣ 1756—1759", № 1594, л. 1334.

d) Тамъ же, л. 1336 на оборотѣ.

e) 80 червонцевъ съ портретомъ Елизаветы Петровны, 2—съ изображеніемъ Петра Великаго, 2 червонца Петра II и 16 червонцев съ портретомъ Анны Іоанновны. Всѣ вещи посланы были съ курьеромъ Жегловымъ при указѣ Сената, отъ 22 октября 1755 года. См. въ Тург. Архивѣ „Указы 1755 г.,", л. 403 на оборотѣ.

лину" [a]. Янышъ Абдуллинъ, возвращаясь изъ Петербурга, заболѣлъ и умеръ въ дорогѣ; на мѣсто Яныша назначенъ былъ старшиной его сынъ, Салтанъ-Бекъ, не смотря на свою молодость, а его братъ Тойчинъ Абдуллинъ — къ нему помощникомъ; оба брата были люди „проворные и по-татарски читать и писать умѣющіе" [b]. Не остались безъ награды и другіе участники въ поимкѣ Батырши: мещеряки Расуль, Искакъ и азанчій Измаилъ получили въ награду *по-сту* рублей, а Даутъ, старшій сынъ Деваева, писарь Муксинъ [c]) Салемовъ, мещеряки Абдекъ и Бакый—по 50 рублей. Неплюевъ говоритъ въ своихъ „Запискахъ", что, по смерти Сулеймана Деваева, опредѣленъ „старшиною на мѣсто отцово" его единственный 14 л. сынъ [d], изъ оффиціальныхъ же данныхъ оказывается, что у Сулеймана Деваева былъ еще *„меньшой"* сынъ Килмуххаметъ, также участвовавшій въ поимкѣ Батырши [e], какъ о томъ доносилъ въ Сенатъ самъ же Неплюевъ 29 августа 1756 года. Еслибы мы даже не имѣли этого прямого указанія, то во всякомъ случаѣ трудно было-бы и тогда допустить возможность того, чтобы правительство назначило старшиной надъ мещеряками четырнадцати-лѣтняго мальчика. Изъ оффиціальной переписки по этому дѣлу видно, что старшиной на мѣсто Сулеймана, согласно его желанію, былъ опредѣленъ его *„большой"* сынъ, Даутъ Сулеймановъ, которому въ это время было лѣтъ за двадцать. Отъ чего произошло такое явное противорѣчіе „Записокъ" Неплюева его же собственнымъ доношеніямъ въ Сенатъ, мы недоумѣваемъ; возможны лишь два предположенія: или содержаніе Записокъ Неплюева [f]) искажено позднѣйшими переписчиками ихъ, или же самъ Неплюевъ, если Записки были закончены имъ въ глубокой старости, смѣшалъ лица, мѣста, годы и самые факты: извѣстно, что старики разсказываютъ со всѣми подробностями событія, случившіяся въ молодости, и часто не помнятъ того, что было вчера или даже забываютъ, что они кушали сегодня за обѣдомъ. Всѣ лица, участвовавшія въ поимкѣ Батырши, кромѣ подарковъ деньгами и вещами, получили еще похвальные листы, при особомъ указѣ, за вѣрную и полезную службу. Неплюевъ сумѣлъ извлечь изъ этого и общую пользу: зная хорошо корыстолюбіе башкирцевъ и киргизъ, онъ черезъ старшинъ объявилъ башкирцавъ и киргизамъ, какъ щедро награждаетъ русская Императрица вѣрныхъ слугъ отечества и не только ихъ самихъ, а и дѣтей ихъ [g]. Осенью того же 1756 г. всѣ войска, собран-

---

a) Тамъ же, л. 402. Сен. Арх. Дѣло за № 1594, л. 1341.

b) Тамъ же, лл. 1343--1344. Доношеніе Оренб. Канцел. въ Сенатъ, отъ 5 іюня 1757 г.

c) Сен. Арх. Дѣло о башк. бун. 1756—59 г. за № 1594, лл. 1241 на оборотѣ, 1317 и 1319.

d) Записки Неплюева, стр. 163. Изд. А. С. Суворина, 1893 г.

e) См. выше въ наст. монографіи стр. 879.

f) Неплюевъ писалъ такъ оригинально и неразборчиво, что рукописи его читаются съ большимъ трудомъ.

g) Записки Неплюева, стр. 164. Изд. А. С. Суворина, 1893 г. Спб.

ныя для усмиренія башкирцевъ, были отпущены за исключеніемъ яицкихъ казаковъ, которымъ приказано было зимовать близъ башкирской линіи и Ногайской дороги [c].

Теперь, когда главный виновникъ бунта сидѣлъ въ Шлиссельбургской крѣпости и когда волненіе башкиръ поутихло, необходимо было принять какія-либо мѣры къ возвращенію бѣжавшихъ въ Киргизскую Орду мятежныхъ башкирцевъ, ихъ женъ и дѣтей. Для достиженія этой цѣли, Сенатъ, вслѣдствіе представленія Неплюева и заявленія канцлера *Бестужева—Рюмина*, опредѣлилъ отправить въ Киргизскую Орду бригадира Тевкелева, наградивъ его чиномъ генералъ-маіора и снабдивъ особой инструкціей [a]. Тевкелевъ, получивъ инструкцію, тотчасъ же долженъ былъ ѣхать въ Орду, отложивъ даже принятіе присяги на чинъ до пріѣзда въ Оренбургъ. Въ то же время, Неплюевъ обратился къ Нурали-хану и его братьямъ Эрали и Айчуваку съ просьбой, чтобы они оказали содѣйствіе къ возвращенію на прежнія мѣста жительства бѣжавшихъ въ степь башкиръ. Нурали и его братья на этотъ разъ принялись за дѣло такъ энергично что сражались не только съ бѣглецами—башкирцами, нежелавшими возвращаться на родину, а и съ своими единоплеменниками, защищавшими башкиръ. Между тѣмъ правительство, чтобы поощрить корыстолюбивыхъ киргизцевъ къ выдачѣ и наказанію башкиръ, приказало выдать Нурали-хану жалованье, обѣщанное ему еще за пять лѣтъ до этого, и предложило хану въ два или три года разъ отправлять въ Петербургъ своихъ родственниковъ или знатнѣйшихъ салтановъ и старшинъ.—Правительство, дѣлая такое предложеніе киргизскому хану, имѣло въ виду распространеніе въ Ордѣ европейскихъ понятій черезъ пріѣзжающихъ въ столицу киргизцевъ, располагая ихъ къ тому различными подарками [b]. Мѣры эти подѣйствовали: болѣе шести тысячъ башкирцевъ [c] изъ бѣжавшихъ въ киргизскія степи возвратились на свои земли и были прощены въ ихъ винахъ, согласно указу 1 сентября 1755 года. Но не мало оказалось и такихъ, которые не желали вернуться на свои земли, а другіе, не смотря на запрещеніе переходить за р Яикъ, продолжали дѣлать набѣги на аулы своихъ враговъ-киргизцевъ и разоряли ихъ [d]. Киргизы, въ свою очередь, врываясь въ Башкирію, дрались на границѣ съ русскими сторожевыми отрядами, а на возвратномъ пути нападали на русскія селенія.

---

[c]) Тамъ же. Сл. въ Тург. Арх. „Указы 1755 г.“, л. 446; „Указы 1756 г.“, л. 17—44, 89—92 и 105; „Указы 1757 г.“, лл. 9—15.

[a]) См. Инструкцію, данную Тевкелеву, въ Тург. Арх. „Указы 1755 г.“, лл. 255-260.

[b]) Левшинъ. Описаніе киргизъ-кайсацкихъ ордъ и степей, ч. II, стр. 218.

[c]) Рычковъ говоритъ, что всѣхъ возвратившихся изъ степи башкирцевъ было 5543 чел. кромѣ 737 чел., выданныхъ Тевкелеву. См. его „Топогр. Оренб. губ.“, ч. II, стр. 43.

[d]) Тург. Арх. „Указы 1756 г.“, л. 106.

ханъ и салтаны оказались безсильными остановить набѣги киргизцевъ; послѣдніе даже считали ихъ измѣнниками, утверждая, что ханъ и салтаны находятся въ тайныхъ сношеніяхъ съ Неплюевымъ и стараются о совершенномъ порабощеніи всѣхъ киргизскихъ ордъ русскому Правительству. Салтанъ Айчувакъ, братъ Нурали-Хана, въ 1754 году писалъ Неплюеву, что простые киргизы подозрѣваютъ его, равно какъ и хана, въ тайномъ противъ нихъ союзѣ съ оренбургскимъ начальствомъ, а потому чтобы уничтожить это подозрѣніе, Айчувакъ просилъ Неплюева, что когда пограничное начальство станетъ упрекать въ своихъ письмахъ къ нему непостоянный киргизскій народъ, то и его (Айчувака) укоряли-бы наравнѣ съ простыми киргизами. Въ то же время Айчувакъ предложилъ свои услуги тайно указывать на воровъ-киргизъ, предоставляя самимъ русскимъ властямъ посылать за ними сыскныя команды. [a] Чтобы склонить киргизцевъ къ добровольной выдачѣ находившихся у нихъ башкиръ, Неплюевъ обѣщалъ за каждаго возвращеннаго башкирца по кафтану тому, кто возвратитъ его въ Башкирію, а для большаго успѣха въ этомъ дѣлѣ, какъ мы уже сказали выше, положено было отправить въ Кирг. Орду Тевкелева, пользовавшагося особенной популярностью и довѣріемъ киргизцевъ. Между тѣмъ Тевкелевъ, по старости и болѣзни, просилъ уволить его отъ служебныхъ обязанностей, по крайней мѣрѣ, на годъ; [b] но Сенатъ призналъ отставку Тевкелева несвоевременной и, наградивъ его чиномъ генералъ-маіора, приказалъ ему отправиться въ Киргизскую Орду, для возвращенія бѣглыхъ башкирцевъ [c]. Въ инструкціи данной Тевкелеву изъ Коллегіи Ин. Дѣлъ, между прочимъ, было сказано, чтобы онъ опредѣлилъ съ точностію число бѣжавшихъ въ степь башкирцевъ, и въ какихъ аулахъ и родахъ они находятся [d]. На подарки хану и важнѣйшимъ старшинамъ приказано выдать Тевкелеву *десять тысячъ* рублей а еслибы этихъ денегъ оказалось мало, то и больше [e]: „ибо (говорится въ указѣ) теперь дѣло до того дошло, что и на убытокъ не взирая, стараться надобно о полученіи оныхъ злодѣевъ башкирцевъ назадъ, дабы тѣмъ сей поводъ побѣга пресѣчь“ [f]. Для безопасности въ пути, на основаніи пункта 4-го Инструкціи, Тевкелевъ могъ взять конвой, въ которомъ бы было отъ 300 до 400 чел. [g] Тевкелевъ долженъ былъ лично свидѣться съ Нурали-ханомъ, отправившись для того въ его кочевья или вызвавъ его для переговоровъ

---

a) Левшинъ: Описаніе киргизъ-кайсацкихъ ордъ и степей, ч. II, стр. 219.

b) Сен. Арх. „Дѣло“ за № 1594, л. 1423.

c) Тург. Арх. «Указы 1755 г.», по описи № 29, лл. 195—196. Указъ Сент. за № 607, отъ 4 сентября 1755 г.

d) Пунктъ первый Инструкціи.

e) Пунктъ одиннадцатый.

f) Тург. Арх. „Указы 1755 г.“, лл. 199—207.

g) Тамъ же, лл. 249; пунктъ 4 Инструкціи.

...кайсацкой Орды старшинамъ собраніе", на что Нурали

на границу, въ Орскъ или въ Яицкій городокъ, смотря по обстоятельствамъ. Свиданіе ихъ произошло сначала въ Кулагинской крѣпости, а потомъ въ Илецкой крѣпостцѣ. Нурали-Ханъ, будучи въ декабрѣ 1755 г. въ Кулагинской крѣпости, обѣщался „крайнее стараніе употребить къ склоненію старшинъ своихъ, дабы они бѣглецовъ башкирцовъ добровольно отдали". Тевкелевъ предложилъ Хану, чтобы съ наступленіемъ весны онъ учинилъ при какой-либо крѣпости на Яикѣ, ниже Оренбурга, генеральное собраніе всѣмъ знатнымъ (далѣе начинается стр. 893).

Возвративъ на первый разъ ...

щались отпустить и всѣхъ остальныхъ, какъ бы плѣнныхъ, по ихъ добровольному желанію. Особенное усердіе въ этомъ дѣлѣ проявили Айчувакъ-Салтанъ и братъ его Эрали. Чтобы еще болѣе расположить ихъ къ возвращенію бѣглыхъ башкиръ, Тевкелевъ просилъ Коллегію Иностранныхъ Дѣлъ подарить имъ рублей на двѣсти разнаго товара и по дорогой (отъ 50 до 100 р.) саблѣ [d]. Что касается Средней Орды, куда также бѣжало немало башкирцовъ, то вначалѣ было предположено отправить въ Сибирь Тевкелева-жъ, который-бы при одной изъ сибирскихъ крѣпостей свидѣлся съ Аблай-Салтаномъ и переговорилъ съ нимъ, относительно возвращенія башкирцевъ на прежнія мѣста ихъ жительства, а „для приласканія" далъ бы двоимъ знатнымъ старшинамъ по сту рублей [e]; но потомъ эта поѣздка была отмѣнена и Тевкелеву велѣно было немедленно явиться въ Петербургъ. Тевкелевъ прибылъ въ столицу въ февралѣ 1756 г., а 7 мая тогоже года состоялся высочайшій указъ, въ силу котораго онъ немедленно долженъ былъ возвратиться въ Оренбургъ, дабы „присутствовать въ Оренбургской Губернской Канцеляріи по всѣмъ дѣламъ, обще съ Неплюевымъ" [f].

Неплюевъ больше надѣялся на тѣхъ изъ бѣглыхъ башкирцовъ, которые сами возвращались на свои мѣста, будучи недовольны киргизами

---

a) Тамъ же. „Указы 1756 г.", л. 185.

b) Тамъ же, л. 297. Слич. въ Сен. Арх. «Дѣло о башкирскомъ бунтѣ 1756—1759 г.», № 1594, л. 1392.

c) Въ Илецкой крѣпости израсходовано 820 руб. 28½ к., а 397 р. 33 к.—въ Оренбургѣ. Тамъ же, лл. 1392 на оборотѣ и 1393.

d) Сен. Арх. «Дѣло о башкирскомъ бунтѣ 1755—1759 г.», № 1594, лл. 1394—1395

e) Тург. Арх. «Указы 1756 г.», лл. 36—41.

f) Тамъ же, л. 35.

за насиліе надъ ихъ женами и дочерьми, башкирцы же, возвращаемые киргизами, какъ-бы плѣнные, и снабжаемые иногда отъ нихъ лошадьми, при удобномъ случаѣ, снова могли соединиться съ ними и дѣйствовать противъ русскихъ сообща и заодно съ киргизами. Въ виду этихъ соображеній, Неплюевъ 20 ноября 1757 г. рапортовалъ въ Сенатъ, что въ теченіе 1757 года вышло изъ Киргизской Орды 816 чел. башкирцевъ обоего пола, а съ прежними 4502 чел. да, сверхъ того, по требованію Тевкелева, самими киргизцами отпущено и вывезено до 600 чел. обоего пола. Донося Сенату о томъ, что многіе башкиры сами были-бы рады возвратиться на родину, при первой возможности, Неплюевъ просилъ продолжить срокъ выхода изъ Киргизской Орды для бѣглыхъ башкиръ до 1 янв. 1759 г.,[a] и Сенатъ уважилъ его ходатайство[b]. Въ теченіе этого года вышло изъ Киргизской степи 246 чел. башкиръ обоего пола, а съ прежними 5363 чел. да самими киргизами вывезено 681 чел. [c]. Такъ-какъ башкирцы и послѣ этого продолжали выбѣгать изъ Киргизской степи на родину;[d] то Правительство продлило срокъ для выхода еще на два года, такъ-что угрозы, вошедшія въ указъ 1 сент. 1756 г., остались только на бумагѣ. Оставивъ башкирцевъ въ покоѣ, Правительство обратило свое вниманіе на жестокое обращеніе съ ними русскихъ командировъ, при усмиреніи мятежа: маіоръ Назаровъ и капитанъ Тимашовъ были отданы подъ судъ. 8 мая 1756 г. Неплюевъ получилъ сенатскій указъ, отъ 17-го апрѣля того-же года за № 219, въ которомъ было сказано: „Понеже Ея Императорскому Величеству извѣстно учинилось, что находящійся въ Оренбургскомъ вѣдомствѣ маіоръ Назаровъ съ башкирцами поступалъ съ Высочайшимъ Ея Императорскаго Величества милосердіемъ несходственно и съ великою жестокостію противъ должныхъ порядковъ, и того ради Ея Императорское Величество высочайшимъ указомъ соизволила въ тѣхъ мѣстахъ о томъ дать знать, что объ немъ маіорѣ Назаровѣ, по присылкѣ его сюда, о такихъ его непорядкахъ накрѣпко изслѣдовано будетъ, и ежели онъ въ томъ виновенъ явится, то для публичнаго наказанія туда-жъ подъ карауломъ будетъ присланъ“ [e].

Изъ слѣдственнаго дѣла [f] о маіорѣ князѣ Гавріилѣ Давидовѣ Назаровѣ видно, что онъ былъ преданъ суду по доносу на него генералъ-

---

a) Сен. Арх. „Дѣло о башкирскомъ бунтѣ 1756—1759 г.“, № 1594, лл. 1427—1428.

b) Тамъ же, л. 1429—1430.

c) Тамъ же, л. 1433.

d) Въ 1759 г. вышли еще 181 ч. обоего пола, а всего съ прежними къ 30 сентября 1759 г. считалось 5545 чел., кромѣ 737 башкирцевъ, вывезенныхъ киргизами. См. тамъ же, лл. 1440—1441.

e) Тург. Арх. „Указы 1756 г.“, л. 147.

f) Сен. Арх.—Дѣло о башкирскомъ бунтѣ 1756—1759 г., № 1594.—См. на лл. 1047—1129: „Дѣло о князѣ Назаровѣ рѣшительное“. Генваря 14 дня 1758 г.

маіора Тевкелева.—8 марта 1756 г. Тевкелевъ донесъ Сенату, что Назаровъ запыталъ до смерти тархана Юмагузя; безчеловѣчно изломалъ тархана Вайму; замучилъ знатнаго башкирца изъ Тамьянской волости Махмута; приказалъ заколоть штыками 40 человѣкъ башкирцевъ изъ наряженныхъ на службу; умертвилъ 33 человѣка башкирцевъ изъ команды Шалы Колумбетева, а 60 чел. изъ той же команды приказалъ арестовать и содержать подъ карауломъ въ Верхне-Яицкой крѣпости. Въ заключеніе своего доноса, Тевкелевъ замѣчаетъ: „когда-бъ означенный тарханъ розыскиванъ и князь-бы Назаровъ до такихъ поступковъ допущенъ не былъ, а слѣдствіе-бъ обождано было до зимы, то-бъ шести волостей башкирцы на побѣгъ не уклонились и жили-бы въ жилищахъ своихъ по-прежнему“ [a].

Вслѣдствіе распоряженія Неплюева, Назаровъ 6-го мая 1756 г. прибылъ въ Оренбургъ, а 8 мая былъ отправленъ въ Правительствующій Сенатъ на ямскихъ и уѣздныхъ подводахъ, съ выдачею ему жалованья по 1 мая и 41 руб. 44½ коп. прогонныхъ денегъ въ одинъ конецъ [b]. Въ началѣ іюня Назаровъ прибылъ въ Петербургъ, а 5 числа того же мѣсяца явился въ Сенатъ, гдѣ отъ него взяли подписку [c], что-бы онъ никуда изъ Петербурга не отлучался. Назаровъ поселился въ домѣ штабъ-лѣкаря Преображенскаго лейбъ-гвардіи полка на Адмиралтейской улицѣ. Сенатъ предложилъ ему шесть вопросныхъ пунктовъ, на которые Назаровъ съ своей стороны представилъ обстоятельные письменные отвѣты [d], а отъ Тевкелева затребованы были свѣдѣнія о томъ, отъ кого и когда онъ узналъ о преступленіяхъ Назарова и объ его жестокомъ обращеніи съ башкирцами; 10 августа того же года Тевкелевъ доставилъ въ Сенатъ извѣстныя ему по этому дѣлу данныя [e]. Въ январѣ 1757 г. Назаровъ заболѣлъ и просилъ Сенатъ, что-бы его лѣчилъ сенатскій лѣкарь безплатно и на казенный счетъ. Сенатъ предписалъ Медицинской канцеляріи распорядиться, что-бы лѣкарства для Назарова покупались на счетъ Уфимскаго гарнизоннаго пѣхотнаго полка, въ которомъ числился Назаровъ [f]. Слѣдственное дѣло о немъ тянулось около двухъ лѣтъ и было закончено 14 января 1758 г.—Назарова признали по суду оправданнымъ, дали ему чинъ подполковника и, согласно его прошенію на Высочайшее Имя [g], уволили изъ военной службы въ гражданскую, по разстроенному здоровью.

---

a) Тамъ же, л. 1049.
b) Рапортъ Неплюева въ Сенатъ, отъ 9 мая 1756 г. См. тамъ же, л. 1050.
c) Тамъ же, л. 1053.
d) Тамъ же, лл. 1054—1098.
e) Тамъ же, лл. 1100—1102.
f) Тамъ же, л. 1109.
g) Тамъ же, лл. 1116-1123, 1126 и 1129.

Другой не менѣе интересный случай въ отношеніи къ башкирцамъ, во время ихъ бунта, представляетъ дѣло о красноуфимскомъ воеводѣ, коллежскомъ ассессорѣ Матвѣѣ Тимашевѣ [a]. Станичный атаманъ Чигвинцовъ подалъ въ Красноуфимскую воеводскую канцелярію рапортъ, что его команды казакъ Осипъ Соколовъ высказалъ подозрѣніе на новокрещенную женку Анисью Яковлеву [b], что „у нея-де есть что-то недоброе"; что къ ней въ домъ часто заѣзжаютъ башкирцы, а о чемъ они совѣщаются, онъ (Соколовъ) не знаетъ".—При допросѣ Анисья Яковлева заявила, что она неоднократно слышала, какъ ея мужъ, красноуфимскій ново-крещенный казакъ Димитрій Герасимовъ, съ новокрещеннымъ же казакомъ Ѳеодоромъ Герасимовымъ, намѣревался взорвать пороховой погребъ, когда бунтовщики—башкирцы нападутъ на Красноуфимскую крѣпость. Красноуфимская воеводская канцелярія сообщила о томъ Уфимской провинціальной канцеляріи, а послѣдняя донесла Оренбургской губернской канцеляріи. Герасимовы оба показали, при допросѣ ихъ въ воеводской канцеляріи, что они „вышеписанныя рѣчи, какъ новокрещенная женка заявила, объявили въ недѣлю Св. Пасхи сего года, будучи въ домѣ помянутаго Димитрія, говорили въ пьянствѣ, умысля сами собою, а отъ башкирцовъ-де злаго намѣренія къ бунту не слыхали и съ ними намѣренія о томъ не имѣли" [c].

При вторичномъ допросѣ „съ пристрастіемъ", Анисья Яковлева подтвердила прежнее свое показаніе и заявила, что она не донесла о томъ, куда слѣдуетъ, „по глупости и боясь мужа своего", который также остался при первомъ своемъ показаніи, что тѣ рѣчи говорилъ въ пьянствѣ; но его товарищъ Ѳеодоръ Герасимовъ „по одному увѣщеванію, а не изъ побой, объявилъ: оной-же умыселъ и согласіе имѣли они между собою по той причинѣ, что въ нынѣшнемъ году, въ первыхъ числахъ марта, въ бытность его, по посылкѣ изъ помянутой воеводской канцеляріи, въ домѣ Уфимскаго уѣзда, Сибирской дороги, Мурзаларской волости у старшины Мюти Елкутлина, оной старшина и съ нимъ одной его деревни башкирецъ Сарлыбай, чей сынъ не знаетъ, и сынъ его Мютинъ Бердышъ говорили ему съ просьбою: ежель нынѣшнее лѣто будетъ бунтъ и башкирцы станутъ чинить приступъ къ Красноуфимску, тобъ онъ тамошній пороховой погребъ зажегъ, а самъ убѣжалъ въ башкиры, за что обѣщали ему добрую лошадь и денегъ десять рублевъ, а одинъ-ли тотъ старшина съ командою своею или вся Сибирская и прочія дороги нынѣшнимъ лѣтомъ

---

[a] Тамъ же, лл. 1130—1171.
[b] Въ доношеніи Оренб. губ. канцеляріи въ Сенатъ, отъ 31 октября 1756 г., Анисья Яковлева названа Ивановой. См. тамъ же, л. 1144.
[c] Тамъ же, л. 1132 на оборотѣ.

воевать и оный приступъ къ крѣпости чинить хотѣли, того онъ отъ нихъ и, кромѣ оного Мюти съ товарищи, ни отъ кого злыхъ намѣреній не слыхалъ, на которое злодѣйство согласясь, онъ Герасимовъ объявилъ о томъ вышеписанному казаку Димитрію, кой на оное и согласился, въ чемъ, при вторичномъ допросѣ, и онъ Димитрій по тому-жъ признался" [a]. Красноуфимская воеводская канцелярія распорядилась послать за оговоренными башкирцами сотника съ четырмя казаками, чтобы ихъ взять въ канцелярію для распроса и очныхъ ставокъ съ Герасимовымъ. Мютя Елкутлинъ, его сынъ Бордышъ и башкирецъ Сарлыбай виновными себя не признали, а казакъ Ѳеодоръ Герасимовъ добровольно заявилъ, что онъ оговорилъ ихъ напрасно „по злобѣ за то, что они старшина съ сыномъ и башкирцемъ Кусямышемъ, а не Сарлыбаемъ, коего-де онъ въ прежнихъ допросахъ ошибкою показалъ, въ проѣздъ его Герасимова двухъ подводъ ему не дали и его били, но потомъ, какъ въ томъ утверждаемъ былъ плетьми, что изъ-за того паки оное на нихъ наговорилъ и утвердился на прежнемъ показаніи, а оные старшина съ сыномъ и при тѣхъ очныхъ ставкахъ не признались" [b]. Не смотря на то, красноуфимскій воевода, коллежскій ассессоръ Тимашевъ „дерзнулъ того старшину съ товарищи" наказать плетьми. Неплюевъ, узнавъ о томъ изъ рапорта Уфимской провинціальной канцеляріи, приказалъ отрѣшить Тимашева отъ воеводскаго мѣста и, замѣнивъ его другимъ способнымъ человѣкомъ, арестовать и содержать подъ карауломъ до указа [c]; потерпѣвшихъ же башкирцевъ велѣно освободить изъ-подъ ареста и дать каждому изъ нихъ по четыре аршина лучшаго сукна на кафтаны.

Сенатъ указомъ, отъ 25 іюля 1756 г. за № 680, предписалъ Неплюеву произвести слѣдствіе о Тимашевѣ [d]. По окончаніи слѣдствія, Неплюевъ донесъ Сенату, что „оный поступокъ отъ помянутаго воеводы Тимашева произошелъ ни отъ чего другого, какъ отъ его слабости, неосмотрительности и забвенія состоявшихся о томъ указовъ, а другихъ страстей и никакого въ томъ умышленія не оказалось" [e]. Уфимская провинціальная канцелярія постановила: штрафовать Матвѣя Тимашева и лишить его всѣхъ чиновъ, а изъ его движимаго и недвижимаго имущества взять третью долю и взыскать съ него въ казну за выданные помянутому старшинѣ съ сыномъ 8 арш. сукна десять рублей сорокъ коп., и „въ удовольствіе его старшины съ сыномъ, по усмотрѣнію Оренбургской губернской канцеляріи, сколько-

[a] Тамъ же, л. 1133.
[b] Тамъ же, л. 1136 на оборотѣ.
[c] Указъ Неплюева, отъ 23 мая 1756 г. Тамъ же.
[d] Тамъ же, л.л. 1140—1144.
[e] Тамъ же, л. 1144 на оборотѣ.

нибудь денегъ" [a]; канцеляриста Василья Лутохина за недоносъ о поступкѣ Тимашева—„наказать плетьми, написать въ копіисты и отобрать изъ имѣнья его третью часть". Оренбургская губернская канцелярія смягчила этотъ пригозоръ,—она постановила: Тимашева понизить однимъ чиномъ, взыскавъ съ него 50 рублей въ пользу невинно потерпѣвшихъ и 10 р. 40 коп. въ казну за 8 арш. сукна, выданнаго имъ на кафтаны, а Лутохина написать въ копіисты на годъ, во вниманіе къ его молодости (Лутохину было 25 лѣтъ); доносчиковъ же Герасимовыхъ—наказать плетьми и записать въ солдаты въ Остзейскіе полки [b]. Представляя въ Сенатъ на окончательное рѣшеніе это дѣло, Неплюевъ препроводилъ и экстрактъ слѣдствія о Тимашевѣ, присланный къ нему изъ Уфимской провинціальной канцеляріи [c]. Сенатъ, разсмотрѣвъ дѣло, смягчилъ и резолюцію Оренбургской губернской канцеляріи, предписавъ: Тимашева изъ-подъ ареста освободить, взыскать съ него деньги (50 р. въ пользу пострадавшихъ и 10 р. 40 коп. въ казну) и отправить въ Герольдмейстерскую контору, а Лутохина написать въ копіисты на одинъ мѣсяцъ, по источеніи котораго быть ему, по прежнему, при дѣлахъ тѣмъ же чиномъ [d]. Тимашевъ, какъ мы уже знаемъ, по ходатайству Неплюева, былъ исключенъ изъ военной службы по болѣзни, получилъ чинъ коллежскаго ассессора и мѣсто директора Оребургской пограничной таможни, съ жалованьемъ по 50 р. въ мѣсяцъ [e].

Изъ приведенныхъ данныхъ, касающихся жестокаго обращенія съ башкирцами Назарова и Тимашова, видно, что Правительство съ одной стороны желало убѣдить башкирцевъ въ своихъ заботахъ объ ихъ интересахъ, въ справедливомъ и безпристрастномъ отношеніи къ нимъ, а съ другой—не хотѣло приносить въ жертву имъ и русскихъ командировъ и воеводъ, прибѣгавшихъ иногда къ крутымъ мѣрамъ. Всѣ усилія защитниковъ башкирской независимости кончились неудачно, хотя башкирцы энергично и храбро отстаивали свою свободу.—Башкирія представляла теперь страну опустошенную и разоренную: пожары истребили не только жилища башкирцевъ, а и большую часть ихъ лѣсовъ, уцѣлѣвшіе же отъ пожаровъ стали рѣдѣть, вслѣдствіе увеличивающагося каждый годъ наплыва русскихъ переселенцовъ въ этотъ край. Заселяя привольныя лѣсистыя мѣста по берегамъ рѣкъ, русскіе пришольцы рубили лѣсъ на постройку себѣ жилищъ,

---

a) Тамъ же, л. 1137.

b) Тамъ же, лл. 1144—1146. Доношеніе въ Сенатъ Оренбургской губ. канцеляріи, отъ 31 Октября 1756 года.

c) Тамъ же, лл. 1147—1164.

d) Тамъ же, лл. 1169 и 1171—1172. Доношеніе Оренбургской губ. канцеляріи въ Сенатъ, отъ 9 января 1757 г.

e) Смотр. выше въ настоящей монографіи стр. 838.

храмовъ, заводовъ и на топливо; дикіе и пушные звѣри, обитавшіе въ этихъ лѣсахъ, стали удаляться въ глухія, дальнія и необитаемыя мѣста, а за ними шли и башкирцы, уступая господство надъ своей страной русскимъ. Правда, что въ Башкиріи много было земли, удобной для хлѣбопашества, и другихъ природныхъ богатствъ; но для эксплуатаціи ихъ требовался трудъ—и трудъ упорный, а лѣнивый отъ природы башкирецъ былъ не подготовленъ и не способенъ къ нему: русское вліяніе, по причинѣ частыхъ волненій въ Башкиріи, не успѣло еще отразиться на башкирцахъ съ достаточной для того силой. Башкирцы, по-прежнему, считали обиліе земли, которой они владѣли, за ничто и занимались ловлею звѣрей, птицъ и бортовымъ пчеловодствомъ. Вслѣдствіе вражды съ киргизцами, порожденной въ послѣдній бунтъ Неплюевымъ, башкирцы стали уходить изъ своей разоренной страны къ верховьямъ рѣкъ Иргиза, Каралыка и Камелика, берущимъ свое начало изъ западнаго склона Общаго Сырта, гдѣ въ то время была непроходимая глушь, заросшая дремучимъ лѣсомъ, въ коемъ обитало много медвѣдей, волковъ, лисицъ, куницъ, зайцевъ, бобровъ и другихъ пушныхъ звѣрей. Одна изъ башкирскихъ деревень, называемая *Бобровъ-Гай*, и досолѣ удержала за собою это названіе, указывающее на то, что здѣсь водились нѣкогда бобры [a]). Эта мѣстность, гдѣ въ настоящее время нѣтъ ни лѣсу, ни звѣрей, кромѣ зайцевъ и волковъ, въ то время представляла всѣ удобства для свободной кочевой жизни: тутъ были и рѣки и озера, изобилующія рыбой, и лѣса богатые дичью и пушными звѣрями, и отличные луга съ сочной травой и солончаками для скота,—словомъ, здѣсь было все, чѣмъ особенно дорожитъ кочевникъ. Съ другой стороны, этотъ край привлекалъ къ себѣ башкирцевъ и потому, что онъ былъ значительно удаленъ отъ центра русской власти и чрезъ то давалъ башкирцамъ возможность жить по своему, свободно, чѣмъ они особенно дорожили. Бунтъ башкирцевъ, иниціаторомъ и руководителемъ котораго явился Батырша, былъ послѣднею попыткой вытѣснить русскихъ съ востока и воспрепятствовать ихъ колонизаціонному движенію въ Среднюю Азію. Неплюевъ, благодаря своей энергіи и дипломатическимъ способностямъ, достигъ того, что послѣ него инородцы Восточной Россіи не могли уже дѣйствовать вооруженною рукою противъ русскихъ, во имя Ислама, чтобы возвратить свои старинные общественные порядки, свободу и независимость. „Отселѣ“,—замѣчаетъ профессоръ Ѳирсовъ,—и „ревностные поклонники Магомета, и приверженцы татарской старины, жившіе въ Приволжьи и за Камой, могли чуждаться русскихъ и ихъ обычаевъ, упорно держаться старинныхъ вѣро-

[a]) Желѣзновъ. Башкирцы, стр. 249.

ваній и особенно житейскихъ правилъ, могли переселяться въ Турцію, но не могли ни здѣсь, ни тамъ выставить такого рода противодѣйствіе русской дѣятельности въ Восточной Россіи, какое дотолѣ выставляли казанскіе мурзы и татары, а потомъ и башкирскіе старшины и муллы. *Башкирскій вопросъ утратилъ навсегда свое прежнее значеніе. Онъ былъ разрѣшенъ Неплюевымъ*" [a]).

По усмиреніи башкирцевъ, Неплюевъ отправилъ въ Петербургъ своего сына, Николая Ивановича, „съ подробнымъ всего того описаніемъ и для объясненія на словахъ" [b]). Сообщая объ этомъ въ своихъ „Запискахъ", Неплюевъ замѣчаетъ: „въ началѣ декабря (1755 года) мѣсяца, отправилъ я ко Двору моего сына, по всѣмъ симъ дѣламъ особенно много трудившагося и мнѣ дѣлающаго помощь; но просить оказать къ нему милость я не отважился, а предалъ то въ руки Божіи, въ коихъ содержится, по слову Давидову, и сердце царево, которыхъ словъ и симъ случаемъ оказана истина: ибо Ея Величество и безъ моего прошенія его въ маіоры пожаловать изволила, и онъ возвратился ко мнѣ въ 1756 году, въ августѣ мѣсяцѣ. Въ 1757 году пожалованъ сынъ мой по старшинству въ подполковники" [c]). Намъ уже извѣстно, что Неплюевъ, при самомъ началѣ башкирскаго мятежа, заболѣлъ горячкой; но, не смотря на свою болѣзнь, онъ работалъ съ необыкновенною энергіей, чтобы только разрушить замыслы и планъ Батырши.

Необыкновенное напряженіе умственныхъ и физическихъ силъ, душевныя волненія и тревоги, безъ сомнѣнія, еще больше разстроили здоровье Неплюева. Чувствуя упадокъ силъ и сознавая невозможность управлять обширнымъ Оренбургскимъ краемъ съ прежней энергіей, Неплюевъ въ 1757 г. отправилъ своего сына, Николая Ивановича, въ Петербургъ съ прошеніемъ о своемъ увольненіи отъ должности оренбургскаго губернатора, а въ слѣдующемъ году ему велѣно было явиться въ Петербургъ, на его же мѣсто былъ опредѣленъ тайный совѣтникъ Аѳанасій Романовичъ Давыдовъ [d]).

---

[a]) Н. А. Фирсовъ. Инородческое населеніе прежняго Казанскаго царства въ Новой Россіи до 1762 г., стр. 444. Казань, 1869 г.

[b]) Записки Неплюева, стр. 164. Изд. А. С. Суворина, 1893 г.

[c]) Тамъ же, стр. 164 и 165.

[d]) Тамъ же. См. въ приложеніи къ настоящей монографіи стр. 101 и 102.

ГЛАВА XXIX.

Прибытіе Неплюева въ Петербургъ и его прошенье о выдачѣ жалованья.— Неплюевъ сенаторъ и конференцъ-министръ.—Вторичный бракъ сына Неплюева —Служба Неплюева при Петрѣ III и отношеніе къ нему послѣдняго.— Воцареніе Императрицы Екатерины II и ея довѣріе къ Неплюеву.—Дѣло Мировича.—Увольненіе Неплюева отъ службы и награжденіе его деньгами и деревнями.

„Мы ученики Петра Великаго; проведены имъ сквозь огонь и воду; инако воспитывались, инако думали и инако вели себя; а нынѣ инако воспитываются, инако ведутъ себя и инако мыслятъ".

Неплюевъ—Екатеринѣ II.

По прибытіи въ Петербургъ, Неплюевъ болѣе года оставался безъ должности, нуждаясь въ спокойствіи и отдыхѣ послѣ усиленныхъ и постоянныхъ трудовъ по устройству Оренбургскаго края. Не смотря на свои громадныя заслуги для Россіи, онъ какъ будто забытъ былъ на нѣкоторое время съ его старостью, истощенными силами и даже нуждой. Въ Сепатскомъ архивѣ досслѣ хранится прошеніе Неплюева па имя Императрицы Елизаветы Петровны, изъ котораго видно, что Иванъ Ивановичъ, по пріѣздѣ въ Петербургъ, не получалъ даже положеннаго ему по чину жалованья въ теченіе почти полугода, начиная съ 1 мая 1758 г., что и заставило его обратиться съ прошеніемъ на Высочайшее имя. Въ своемъ прошеніи Неплюевъ, между прочимъ, писалъ Государынѣ: „*Не получая жалованья яко небогатый человѣкъ, къ содержанію по чину моему крайній недостатокъ имѣю*" [a]). Государыня приказала немедленно удовлетворить просьбу Неплюева. Приверженцы легкой и скорой наживы, злостные банкроты, безсердечные кулаки, хищники башкирскихъ земель, взяточники, лихоимцы и вообще поклонники золотаго тѣльца назвали-бы Неплюева, по меньшей мѣрѣ, чудакомъ, который не съумѣлъ воспользоваться обстоятельствами и своимъ положеніемъ для того, чтобы обезпечить себя не только „къ приличному содержанію по чину", а и къ удо-

a) См. копію съ прошенья въ приложеніи, стр. 101.

влотворенію всѣхъ прихотей изысканной роскоши; но Неплюевъ, считавшій службу отечеству службой Богу, трудился „не изъ мзды, а изъ утѣшенія совѣсти и нравственнаго служенія долгу". Заботясь объ увеличеніи доходовъ казны и торгово-промышленнаго класса, онъ лично довольствовался лишь самымъ необходимымъ въ его положеніи,—черта въ высшей степени благородная и симпатичная въ Неплюевѣ!

Отдохнувъ отъ трудовъ и поправившись нѣсколько здоровьемъ, Неплюевъ въ 1760 году, не смотря на свои преклонные годы, снова поступилъ на службу въ званіи сенатора и конференцъ-министра [a]. Въ томъ же году 28 января сынъ его, Николай Ивановичъ, женился на дочери Александра Львовича Нарышкина, Аграфенѣ Александровнѣ, а въ слѣдующемъ году отъ этого брака родилась дочь Елена, скончавшаяся въ младенчествѣ, какъ и родившіяся послѣ нея сестры Ѳедосья и Александра; „единственнымъ залогомъ ихъ брака", по выраженію Неплюева, остался сынъ Димитрій, родившійся 16 декабря 1763 г. [b], бывшій впослѣдствіи оберъ-прокуроромъ св. Сѵнода и скончавшійся на 43 году отъ рожденія холостымъ († 18 октября 1806 г.) [c]. Намѣреваясь, вѣроятно, поселиться навсегда въ Петербургѣ, Неплюевъ купилъ себѣ на Сѣнной домъ, близъ церкви Христа Спасителя, и расширилъ его новымъ пристроемъ, но домъ этотъ вскорѣ сгорѣлъ. Въ октябрѣ 1761 года Неплюевъ купилъ другой домъ на Милліонной улицѣ и дачу у княгини Натальи Ѳедосѣевны Долгоруковой, находившуюся въ Шлюссельбургскомъ уѣздѣ, повыше рѣки Тосны, близъ пороговъ на р. Невѣ; вмѣстѣ съ домомъ и дачей, Неплюевъ, съ Высочайшаго соизволенія, купилъ у княгини Долгоруковой, по отцѣ Скляевой, одного крестьянина съ его женой и дѣтьми [d].

Будучи сенаторомъ и конференцъ—министромъ, И. И. Неплюевъ, до вступленія на престолъ Екатерины II, почти не принималъ участія въ дѣлахъ правленія. Какъ человѣкъ близкій къ Императрицѣ, онъ не могъ не знать интригъ честолюбцевъ, мечтавшихъ, по ея смерти, пріобрѣсти вліяніе на дѣла управленія государствомъ; при томъ же сынъ его, Николай Ивановичъ, пользовался въ то время особенною благосклонностью Наслѣдника престола, приверженцы котораго старались склонить на свою сторону и самого Неплюева, предупреждая его нерѣдко о желаніяхъ Великаго Князя, но Неплюевъ всегда откровенно заявлялъ, что онъ не можетъ согласиться съ ними. Когда Императрица Елизавета Петровна была при смерти, И. И. Неплюевъ явился во дворецъ и вошелъ уже въ комнату,

---

[a] Записки Неплюева, стр. 165. См. въ приложеніи къ наст. монографіи стр. 103.
[b] Записки Неплюева, стр. 165 и 166. См. въ приложеніи, стр. 38.
[c] См. въ приложеніи къ наст. монографіи стр. 39.
[d] См. въ приложеніи, стр. 105.

находившуюся предъ опочивальной Государыни; то Великій Князь приказалъ выслать его въ переднюю прихожую, какъ и оберъ-прокурора Св. Сѵнода князя Шаховскаго, прочіе же сановники, собравшіеся въ этой комнатѣ, остались на своихъ мѣстахъ. Сообщая объ этомъ въ своихъ Запискахъ, кн. Шаховскій замѣчаетъ, что „столь чувствительное презорство“ къ нимъ было оказано Великимъ Княземъ подъ вліяніемъ другихъ лицъ, имена которыхъ онъ не передаетъ изъ опасенія, что-бы потомки этихъ лицъ, занимавшіе видныя мѣста, дѣтямъ его „какой немилости не оказали“ [a]. Вскорѣ, по смерти Императрицы Елизаветы, князь Шаховской вышелъ въ отставку, Неплюевъ же хотя и остался на службѣ, но во все кратковременное царствованіе Петра III не имѣлъ никакого вліянія на дѣла управленія государствомъ: „бывалъ я,“—замѣчаетъ онъ въ Запискахъ,—„ежедневно у моея должности, по нѣмымъ, ибо никто уже и мнѣнія моего не требовалъ“ [b] Сынъ Неплюева, Николай Ивановичъ, пользовавшійся раньше расположеніемъ Великаго Князя, также лишился прежняго своего положенія при дворѣ: Петръ III, сдѣлавшись императоромъ, совершенно охладѣлъ къ нему.—Но съ восшествіемъ на престолъ Екатерины II, И. И. Неплюевъ становится самымъ близкимъ лицомъ къ Императрицѣ. Находясь съ 1758 года постоянно въ Петербургѣ и будучи родственникомъ графа Н. И. Панина, воспитателя Великаго Князя Павла Петровича, Неплюевъ хорошо зналъ высокія качества души и таланты молодой принцессы Ангальтъ-Цербстской Августы Фридерики, прибывшей въ Россію 28 іюня 1744 г., принявшей православіе въ Москвѣ съ именемъ Екатерины Алексѣевны и 25 августа 1745 года, на семнадцатомъ году жизни, вступившей въ супружество съ Наслѣдникомъ русскаго престола Петромъ Ѳеодоровичемъ. „Различіе между ею и ея мужемъ“,—говоритъ профессоръ Д. А. Корсаковъ,—„бросалось въ глаза каждому, и весьма естественно, что симпатіи какъ государственныхъ людей, такъ и карьеристовъ, и придворныхъ—были на сторонѣ молодой и даровитой супруги Наслѣдника престола. Скоро эти симпатіи изъ высшихъ правительственныхъ и придворныхъ сферъ перешли въ кружки гвардейскихъ офицеровъ, а затѣмъ въ среднія и низшія слои петербургскаго населенія: Великая Княгиня Екатерина Алексѣевна становилась все болѣе и болѣе популярной“. [c]. Живя болѣе уединенно, Екатерина Алексѣевна изучала не только великихъ мыслителей эпохи: Бэйля, Монтескье, Волтера и др., а

---

a) Записки Шаховскаго, стр. 174—175. Ср. Русск. Старина 1872 г.

b) Записки Неплюева, стр. 167. Изд. А. С. Суворина, 1893 г.

c) Д. А. Корсаковъ. Изъ жизни русскихъ дѣятелей XVIII в, Казань 1891 г; стр. 372

внимательно относилась ко всему окружающему и, глубоко вдумываясь въ минувшія и современныя ей событія Россіи, старалась сдѣлаться вполнѣ русской не только по вѣрѣ и языку, а и по самой своей натурѣ. Не смотря на свое изолированное положеніе, она хорошо узнала тѣхъ людей, на которыхъ можно было положиться безъ риска, въ случаѣ надобности. И. И. Неплюевъ, какъ опытный, честный и вѣрный слуга отечества, не могъ не обратить на себя вниманія дальновидной Императрицы Екатерины II, которая, при самомъ восшествіи на престолъ, оказала къ нему свое полное довѣріе. Во время дворцоваго переворота 28 іюня 1762 г., Екатерина II, отправляясь съ войскомъ въ Петергофъ, поручаетъ Неплюеву въ охрану своего сына, Великаго Князя Павла Петровича, Петербургъ и всѣ находившіяся въ немъ войска. Въ этотъ роковой день, когда каждая минута была дорога для отечества и для самой Екатерины Алексѣевны, Неплюевъ, какъ главнокомандующій всѣми войсками столицы, неусыпно бодрствуетъ, не смотря на свою преклонную старость, и безпрестанно посылаетъ къ Государынѣ вѣстовыхъ съ нужными донесеніями. Самъ Неплюевъ говоритъ въ своихъ Запискахъ слѣдующее: „При отшествіи Ея Величества въ Петергофъ съ частью гвардіи и артиллеріи, врученъ мнѣ былъ въ сохраненіе дражайшій залогъ отечества нашего, Его Высочество Гасударь Цесаревичъ Павелъ Петровичъ и столичный городъ Петербургъ, со всѣми въ ономъ находившимися воинскими командами, сынъ же мой взятъ при Ея Величествѣ слѣдовать. По благополучномъ Ея Величества изъ Петергофа возвращеніи, употреблялся я, по милостивой Высочайшей довѣренности, во всѣ дѣла; а когда, по принятому намѣренію, Ея Величество изволила для коронованія и мνропомазанія на Императорскій престолъ отъѣзжать въ Москву, то благоволила Помазанница Божія меня въ Петербургѣ оставить, поручивъ мнѣ въ главную команду какъ сію столицу, такъ и всѣ оставшіяся воинскія команды, и въ Конторѣ Сенатской повелѣно мнѣ быть первымъ присутствующимъ, а на столъ пожаловано мнѣ въ мѣсяцъ 500 рублей, наградя меня при самомъ отъѣздѣ въ Селѣ Сарскомъ орденомъ Св. Андрея“ [a].

Это сообщеніе Неплюева вполнѣ подтверждается и оффиціальными данными. По предложенію графа Н. И. Панина [b], 28 августа 1762 г. Неплюеву данъ былъ Высочайшій указъ, въ которомъ сказано: „препоручаемъ вамъ главное попеченіе о сохраненіи добраго порядка въ семъ столичномъ городѣ, Всевысочайше притомъ повелѣвая, чтобы вы о всѣхъ

---

a) См. стр. 170. Изд. 1893 г. А. С. Суворина.

b) Сборникъ Истор. Русск. Общества, т. VIII. стр. 152. Слич. Русскій Архивъ за 1884 г., кн I, стр. 252.

оставшихся въ С.-Петербургѣ разныхъ командахъ имѣли свѣдѣніе и, принимая отъ нихъ рапорты, командирамъ ихъ на всякія незапныя приключенія и происшествія давали свои наставленія, почему вы, кромѣ обыкновенныхъ конторскихъ рапортовъ, можете доносить прямо на Имя Наше реляціями какъ о состояніи города и въ немъ тишины, такъ и о добромъ во всѣхъ мѣстахъ порядкѣ. Твердо уповаемъ, что вы соизволенію Нашему соотвѣтствовать не приминете, и что установленная тишина и благоденствіе въ семъ столичномъ городѣ и въ отсутствіе Наше непоколебимы пребудутъ" [a]. Тѣмъ же указомъ Императрица приказала выдавать Неплюеву, сверхъ получаемаго имъ жалованья, по 500 р. въ мѣсяцъ на столъ, дабы онъ „не имѣлъ недостатка въ содержаніи благопристойнаго стола, а наипаче для празднованія торжественныхъ дней и для какихъ-либо знатныхъ пріѣзжающихъ чужестранцевъ" [b]. Поручая Неплюеву Великаго Князя, Павла Петровича, Императрица предписала ему: „и оное время жить вамъ въ лѣтнемъ деревянномъ Нашемъ дворцѣ [c]), въ крайнемъ флигелѣ со стороны покоевъ Любезнѣйшаго Сына Нашего, въ которомъ и пристойный караулъ Нашей гвардіи подъ вѣдомствомъ вашимъ находиться будетъ" [d]. Императрица не желала огласки этого указа: Сенатъ постановилъ и предписалъ Академіи Наукъ, чтобы указъ 28 августа 1762 г. Неплюеву „въ газетахъ не былъ напечатанъ" [e].

Намѣреваясь отправиться въ Москву для коронованія, Екатерина II положила оставить въ Петербургѣ только конторы двухъ главныхъ правительственныхъ мѣстъ: Синода и Сената. Неплюевъ былъ назначенъ ею, какъ мы уже знаемъ, первоприсутствующимъ въ Сенатскую Контору, а товарищами къ нему, по указу 19 іюля 1762 г, были опредѣлены: генералъ-полицеймейстеръ Корфъ, Алексѣй Григорьевичъ Жеребцовъ, Ѳеодоръ Ивановичъ Ушаковъ и Иванъ Ивановичъ Костюринъ; этой же пентархіи были подчинены Остзейскія провинціи и Новгородская губернія.

Императрица Екатерина II выѣхала въ Москву 1 сентября 1762 г. черезъ Царское Село, гдѣ собственноручно и возложила на Неплюева Андреевскую ленту. По прибытіи въ Москву, Императрица, озабоченная мыслью о настроеніи умовъ въ Петербургѣ, 16 ч. сентября писала Неплюеву:

---

a) См. копію съ указа въ приложеніи къ наст. монографіи, на стр. 106.

b) Тамъ же.

c) Гдѣ нынѣ находится Инженерная Академія, или Михайловскій Замокъ.

d) Въ приложеніи къ наст. монографіи, стр, 107.

e) Тамъ же.

„Иванъ Ивановичъ!

„Получа Вашу реляцію отъ 9 сентября, въ резолюцію Вамъ даю слѣдующее. Коронованіе мое, съ Божіею помощью, совершиться имѣетъ сего же сентября двадцать втораго числа. Чего ради и Вы въ Санктпетербургѣ сей день приличнымъ образомъ торжествовать имѣете, а именно: по отправленіи службы Божіей и молебствія, извольте сдѣлать во дворцѣ моемъ трактаментъ на счетъ казенной для тѣхъ персонъ, о которыхъ вы въ реляціи своей упоминаете. Полковъ же въ строй собирать не надобно, а произвесть пальбу пушечную изъ крѣпостей по прежнему обыкновенію торжественныхъ дней. Въ прочемъ, что можете придумать къ веселію своихъ гостей, то я отдаю на вашу волю и уповаю, что вами въ благопристойномъ учрежденіи ничего уронено не будетъ".

Въ концѣ этого письма Императрица собственноручно начертала: „*болѣе двухъ тысячъ не употребите*"; а графъ Н. И. Панинъ, находившійся при особѣ Ея Величества, сдѣлалъ къ письму ея слѣдующее добавленіе: „Ея Императорское Величество опредѣлить изволила полковъ въ строй не собирать при семъ торжествѣ, единственно съ тѣмъ, дабы избѣжать выставливать солдатамъ погребъ, который хотя бы и умѣренъ былъ, однакожъ опасаться изволитъ слѣдствій таковыхъ, каковыми обыватели города въ недавно прошедшемъ времени обезпокоены были отъ пьяныхъ людей. Фейерверку уже быть невозможно за опозданіемъ времени къ пріуготовленію, а иллюменаціи въ городѣ необходимо быть должно. Какія изъ двухъ тысячъ издержки и на что именно сдѣланы будутъ, о томъ совѣтую счетъ прислать по порядку" [a].

Предосторожности, принятыя Императрицей и предложенныя вниманію Неплюева, оказались нелишними: въ Петербургѣ въ это время совершались грабежи, разбои, убійства; жители чувствовали себя небезопасными; противъ самой Императрицы зарождались заговоры,—словомъ, Петербургъ находился какъ-бы въ осадномъ положеніи, и старику Неплюеву, при всей его опытности и при его необыкновенномъ умѣ, много было заботъ и труда, чтобы оправдать довѣріе къ нему Императрицы, выразившей „твердое упованіе въ томъ, что тишина и благоденствіе въ семъ столичномъ городѣ и въ отсутствіе ея пребудутъ непоколебимы" [b]. Къ удовольствію Екатерины II, скромное торжество коронаціи прошло въ Питербургѣ пристойно и спокойно, благодаря заботамъ, распорядительности и руководительству Неплюева, которому 12 октября Императрица писала изъ Москвы слѣдующее:

---

a) Русскій Архивъ 1884 г., кн. I, стр. 234.
b) См. выше въ наст. малографіи стр. 905.

„Иванъ Ивановичъ!

„Благопристойность, съ которою вы препроводили торжество моего коронованія, заслуживаетъ мое особливое къ вамъ благоволеніе; тѣмъ паче, что вы добрымъ вашимъ распорядкомъ участниками сдѣлали веселья вашего и полки нашей гвардіи, оставшіеся въ Санктпетербургѣ".

„Дѣло о гренадерѣ Брусковѣ я прочитала и аппробую производство вами учиненное. Дай Богъ, чтобы всегда открывалась новинность, а я неумышленныя слова ни за что вмѣняю, когда они ни моего, ни общаго покоя не нарушаютъ. Осторожностью однакожъ вашею довольна и надѣюсь, что вы и впредь умыселъ не оставите разобрать съ простотою; въ отвращеніе перваго покажете вѣрность ко мнѣ и отечеству, а избавивши невиннаго отъ претерпѣнія, сохраните имя судьи благоразумнаго, которое я въ васъ всегда усматриваю. Впрочемъ тишина и благоденствіе въ Санктпетербургѣ мнѣ весьма пріятны. Господь Богъ благословитъ тѣмъ и все наше любезное отечество" [a].

Но среди многочисленнаго населенія столицы, находились нѣкоторые честолюбцы, мечтавшіе о своемъ возвышеніи нелегальными средствами. 28 октября 1762 г. Екатерина II подписала въ Москвѣ указъ, въ которомъ, между прочимъ, было сказано: „Съ великимъ прискорбіемъ и печалью принуждены мы были услышать, что въ самое то время, когда матернее о благополучіи вѣрныхъ подданныхъ Нашихъ имѣли Мы попеченіе, и когда всѣ пріятнымъ наслаждались спокойствіемъ, нашлись посреди столичнаго Нашего города такіе неспокойные люди, кои, забывъ Бога и праведный Его судъ, презрѣвъ вѣрноподданическую учиненную намъ присягу и сдѣлавъ оскорбленіе Величеству Нашему, изъ единой злости превратныхъ своихъ сердецъ, по своему подлому воспитанію и по вѣтренному сумасбродству, хотѣли затѣваемымъ ими возмущеніемъ нарушить спокойствіе во всей Имперіи Нашей и тѣмъ ввергнуть любезное отечество въ крайнюю пагубу. Сіи изверги всего человѣческаго общества признались тотчасъ, безъ всякаго истязанія, въ своемъ богомерзскомъ умыслѣ и злодѣяніи" [b]. Указъ этотъ, какъ можно предполагать, имѣлъ въ виду заговоръ противъ Екатерины II братьевъ Гурьевыхъ и Хрущовыхъ [c]. Но Императрица не могла быть совершенно спокойной долгое время и послѣ этого: разбои и грабежи въ Петербургѣ усилились больше прежняго; въ разныхъ мѣстахъ города находили трупы убитыхъ, а въ шести верстахъ отъ Петербурга избили и

a) Русск. Архивъ 1884 г., кн. I, стр. 254.

b) П. С. Зак., № 11693.

c) О подробностяхъ этого заговора, какъ и другихъ заговоровъ противъ Екатерины II, смотр. въ книгѣ профессора Д. А. Корсакова: „Изъ жизни русскихъ дѣятелей XVIII в.", стр. 375—413. Ср. ст. Бильбасова „Шлюссельбургская нелѣпа", въ Истор. Вѣстн. 1888 г., май.

ограбили французскаго курьера. Генералъ-фельдмаршалъ и графъ фонъ-Минихъ 20 ноября доносилъ Сенату, что „хотя полиція крайнее попеченіе имѣетъ о безопасности, однакожъ такія грабительства и разбои въ самомъ городѣ происходятъ, что ночью безъ конвоя никто съ своей квартиры отлучиться не можетъ“ [a] И. И. Неплюевъ въ тотъ же день, т. е. 20 ноября, пригласилъ къ себѣ командировъ столичныхъ войскъ, чтобы, совмѣстно съ ними, обсудить вопросъ о мѣрахъ предосторожности „къ пресѣченію безпокойствъ“ какъ въ самомъ Петербургѣ, такъ и въ его окрестностяхъ. По приглашенію Неплюева, явились къ нему генералы: Диновъ, Ушаковъ, Бороздинъ, вице-адмиралъ Мордвиновъ и гвардіи маіоръ Гагаринъ. Послѣ „многихъ общихъ разсужденій о спокойствѣ города и къ оному принадлежащихъ мѣстъ“, собравшіеся признали за полезное принять слѣдующія мѣры: полиція должна была содержать „рогаточные караулы“; полицейскіе офицеры обязывались ѣздить ночью по городу съ дозоромъ „и паче всего рогатки вездѣ въ состояніе привести, а гдѣ нѣтъ—сдѣлать, чтобъ къ ночи замотываны, а пропушаемы-бъ люди были не инако, какъ съ фонарями, въ указанные часы“. Караульные, находящіеся при рогаткахъ, обязаны были имѣть при себѣ трещотки и, при первой „продерзости“, бить „въ тѣ трещотки“, чтобы жители города, услышавъ тревогу, высылали изъ своихъ домовъ по одному человѣку „для вспоможенія той тревоги, какъ то бываетъ при пожарахъ“. Кромѣ обычнаго караула, каждые четыре или пять домовъ обязаны были имѣть у своихъ воротъ особаго караульщика, чтобъ „скорѣе вспоможеніе на каждую тревогу дать можно, токмо-бъ напрасныхъ нигдѣ тревогъ не было и нигдѣ-бы не стрѣляли, по силѣ прежнихъ указовъ“ [b]. Главный надзоръ за тишиной и спокойствіемъ въ Петербургѣ былъ порученъ генералъ-полицеймейстеру Дивову, вице-адмиралу Мордвинову и генераламъ: Ушакову и Бороздину: „понеже (говорится въ постановленіи Совѣта) имѣющаяся въ командѣ генералъ-аншефа и кавалера Корфа драгунская команда признавается по малолюдству за недовольную къ содержанію спокойства въ городѣ, того ради постановили учинить: за рѣкою Фонтанкою отъ Большой Проспективой, храненіе имѣть и спокойство содержать помянутымъ генералъ-лейтенантамъ Ушакову и Бороздину, яко ихъ команды въ той сторонѣ расположены, такъ и партикулярной верфи караулы по близости къ генералу Бороздину, кромѣ своей команды, о цѣлости репортовать должны; что-жъ касается отъ *Глухой* рѣчки, которая морскими слободами идетъ

---

[a]) См. въ приложеніи къ наст. монографіи, стр. 111,

[b]) Смотр. въ приложеніи къ настоящей монографіи, стр. 109.

и ниже сколько жила есть, имѣть храненіе и о цѣлости попеченіе вице-адмиралу Мордвинову, по его морской командѣ, а вверхъ даже до Вознесенской улицы. Средина-жъ города, отъ р. Невы до Ямской Московской слободы, кромѣ гвардіи полковъ (которые въ командѣ генералъ-лейтенанта и кавалера Ушакова) о храненіи тишины и цѣлости попеченіе имѣть и содержать все то отъ главнаго генерала полицеймейстера по полиціи Володимерскаго полку драгунскою командою и по Прешпективой къ Тремъ Рукамъ и далѣе, къ Вологодской Ямской и къ Красному Кабачку, или куда нужда востребуетъ, тою разъѣзды чинить". Всѣ командиры полковъ и разныхъ частей столицы должны были доносить Неплюеву „о происхожденіи по всякое утро, а о нужномъ, въ какой-бы то часъ ни случилось, неожидая формалиты письменной, но словесно" [a]. Между тѣмъ Императрица, отъ 18 ноября того же года, писала изъ Москвы Неплюеву:

„Иванъ Ивановичъ"!

„Получа прежнія ваши реляціи, чрезъ сіе объявляемъ, что Мы вашимъ наблюденіемъ тишины и добраго порядка въ городѣ весьма довольны, желая, чтобы и впредь благословеніемъ Божіимъ въ такомъ же состояніи все пребывало. О семидесяти тысячахъ рубляхъ, которыя коммиссіею собраны и на лицо имѣются по сбору таможенному, яко принадлежащихъ въ Нашъ Кабинетъ, Мы повелѣваемъ, чтобы оныя деньги отданы были на руки статскому совѣтнику, секретарскую должность при Кабинетѣ Нашемъ отправляющему, Бахиреву, о принятіи которыхъ ему уже и особливое отъ Насъ повелѣніе дано" [b].

На свое донесеніе, отъ 21 ноября, о мѣрахъ предосторожности въ Петербургѣ, принятыхъ на общемъ совѣтѣ, Неплюевъ получилъ слѣдующую аппробацію Государыни, отъ 26 ч. того же ноября мѣсяца:

„Иванъ Ивановичъ!

„Отъ 21 сего мѣсяца Мы рапортъ вашъ и съ приложеніями получили. Учиненные вами, съ общаго съ генералитетомъ совѣта, распорядки для предохраненія въ городѣ и за городомъ тишины и спокойствія, Мы весьма аппробуемъ, полагаясь на васъ, что вы и впредь столько же благоразумныхъ мѣръ принимать въ подобныхъ случаяхъ не оставите. А каковъ къ генералу Корфу отъ Насъ данъ указъ, съ онаго при семъ прилагается копія" [c].

Согласно этому указу, Корфъ долженъ былъ содѣйствовать мѣрамъ предосторожности, принятымъ въ столицѣ, и „впредь согласоваться съ

---

a) См. въ приложеніи къ н. монографіи, стр. 108.
b) Русск. Архивъ 1884 г., кн. I, стр. 255.
c) См. въ приложеніи къ наст. моногр., стр. 109. Ср. Русск. Арх. 1884 г. кн. I, 259

общими полезными распорядками Неплюева". Между тѣмъ Неплюевъ, получивъ высочайшую аппробацію принятыхъ мѣръ предосторожности, 3 декабря того же года сообщилъ о томъ въ Сенатскую Контору, приложивъ копію съ опредѣленія генералитетскаго Совѣта, а 8 декабря писалъ въ ту же Контору: такъ-какъ на Выборгской сторонѣ и на островахъ Петербургскомъ и Васильевскомъ „оказались отъ злодѣевъ разныя безпокойства"; то „генералъ-лейтенантъ Косгюринъ на островахъ, а генералъ Бороздинъ на Выборгской сторонѣ учредили пикеты и дозоры, сверхъ полицейскихъ осторожностей"; тѣ же мѣры „къ охраненію тишины и спокойствія" были приняты адмиральтействомъ въ Галерной гавани [a]. Благодаря мѣропріятіямъ и распорядительности Неплюева, спокойствіе въ Петербургѣ возстановилось: „во всемъ городѣ и близъ онаго", — говоритъ онъ, — „безпокойства пресѣклись, и нѣсколько подозрительныхъ людей и злодѣевъ, и безпашпортныхъ кроющихся людей тѣми командами переловлены и отъ каждой по-порядку таковые въ полицію отсылаются и тишина совершенная обстоитъ" [b]. Императрица Екатерина II желала, чтобы всѣ „безпокойства" и слѣдствія по разнымъ дѣламъ кончились до ея возвращенія въ Петербургъ, и потому 6 января 1763 года писала Неплюеву: „Изъ полицейскихъ рапортовъ усмотрѣла я, что множество воровъ отосланы въ губернскую (канцелярію) и въ Сыскной приказъ. Постарайтесь, чтобы оныя дѣла скорѣе тамъ окончили и небезконечными сдѣлались" [c].

Довѣріе Императрицы Екатерины II къ Неплюеву, между прочимъ, выразилось и въ слѣдственномъ дѣлѣ о графѣ Тотлебенѣ [d], который въ 1758 году, въ чинѣ генерала, прибылъ изъ Пруссіи и поступилъ волонтеромъ въ русскую армію, а въ началѣ 1759 года былъ зачисленъ на дѣйствительную службу, въ чинѣ генералъ-маіора. Пользуясь сначала покровительствомъ графа Фермора, сдѣлавшагося впослѣдствіи его врагомъ, и расположеніемъ „одного извѣстнаго врача", Тотлебенъ получилъ доступъ къ Императрицѣ Елизаветѣ Петровнѣ, которая приняла его очень милостиво и поручила ему въ команду отдѣльный корпусъ, а въ іюлѣ мѣсяцѣ 1759 года онъ былъ назначенъ командиромъ пяти конногвардейскихъ полковъ, отличился въ сраженіи при Кунерсдорфѣ и 27 августа

---

a) См. въ приложеніи стр. 109—110.

b) Тамъ же, стр. 110.

c) Русскій Архивъ 1884 г., кн. I, стр. 256.

d) Графъ Э. И. Тотлебенъ род. 31 декабря 1715 г., въ деревнѣ „Тотлебенъ", находящейся близъ городовъ *Тамебрюкъ* и *Тенштадтъ*, Лангензальскаго округа Тюрингіи. Въ 1724 г. скончался его отецъ, когда сыну было только девять лѣтъ. Образованіе Тотлебенъ получилъ въ Іенѣ; тридцати лѣтъ произведенъ въ графы; служилъ въ Голландіи, Пруссіи и волонтеромъ во Французской арміи; впослѣдствіи купилъ большое имѣнье въ Пруссіи и жилъ въ Берлинѣ. См. о немъ подробности въ статьѣ Г. К. *Рѣпинскаго*: „Графъ Готлобъ—Генрихъ Тотлебенъ въ 1715—1763 г.", напечатанной въ журналѣ „Русская Старина" за 1888 г., т. LX; 1889 г., т. LXIV.

1760 г. былъ награжденъ орденомъ Св. Александра Невскаго, „въ уваженіе неотмѣнно показуемыхъ отъ него усердія и ревности къ службѣ“, при чемъ была выражена увѣренность, что онъ и впредь „съ толикою же ревностію стараться станетъ удостоиться продолженія Императорской милости“. Вскорѣ представился къ тому благопріятный случай. Спустя мѣсяцъ послѣ полученія Тотлебеномъ Александровской ленты, русскія войска взяли столицу Пруссіи Берлинъ. Желая выставиться впереди всѣхъ, честолюбивый Тотлебенъ старался приписать всю честь взятія Берлина себѣ, какъ это видно изъ его хвастливой реляціи, напечатанной имъ за границей на нѣмецкомъ языкѣ[a]), въ которой онъ враждебно относится къ дѣйствіямъ графа Чернышева и Ласси. Впослѣдствіи, за свои тайныя сношенія съ королемъ прусскимъ и съ принцемъ Гейнрихомъ, Тотлебенъ былъ арестованъ и 24 апрѣля 1762 г. преданъ суду. Допросивъ Тотлебена и выслушавъ дѣло о немъ, судъ постановилъ, 20 мая того же года, казнить виновнаго смертію; но по случаю дворцоваго переворота 28 іюня и смерти Петра III, приговоръ надъ Тотлебеномъ не былъ приведенъ въ исполненіе, и участь его оставалась нерѣшенной, когда вступила на престолъ Екатерина II. Занятая болѣе важными дѣлами, Императрица вспомнила о Тотлебенѣ только 1 сентября и, отъѣзжая въ Москву для коронованія, приказала Неплюеву содержать Тотлебена подъ строгимъ арестомъ, а находящихся подъ арестомъ по его дѣлу лицъ—освободить и выслать за границу. Неплюевъ 3 сентября сообщилъ о томъ Сенату, который предписалъ капитану Ангелару находиться при Тотлебенѣ безъотлучно; никуда его изъ квартиры не выпускать; никого, кромѣ посланныхъ отъ Неплюева, къ нему не допускать; бумаги и чернилъ ему не давать, но обходиться съ нимъ вѣжливо и почтительно, дозволивъ ему прохаживаться въ покояхъ; а „для выпроваживанія означенныхъ людей за границу“ приказано С.-Петербургскому оберъ-коменданту Костюрину „прислать унтеръ-офицера, знающаго нѣмецкій языкъ, и двоихъ солдатъ, съ которыми отправить ихъ до Риги и тамъ сдать въ губернскую канцелярію, для высылки за границу. 27 сентября 1762 г., согласно указу, прислуга Тотлебена и его шпіонъ и письмоносецъ Саббатка были высланы изъ Петербурга, въ сопровожденіи сержанта Ацарити, а Тотлебенъ оставался подъ арестомъ до весны 1763 года. Императрица 19 ноября 1762 г. писала изъ Москвы Неплюеву:

---

a) См. русскій переводъ ея въ журналѣ: „Русская Старина“ за 1888 г., т. LX, стр. 7—23, 24—34, въ вышеупомянутой статьѣ Г. К. Рѣпинскаго.

„Иванъ Ивановичъ!“

„Бывшаго въ Нашей службѣ генерала маіора графа Тотлебена сундукъ съ письменными дѣлами и въ немъ шкатулка его же Тотлебена, печатью запечатанная, оставлены въ вѣдомствѣ вашемъ при Сенатской Конторѣ. Въ помянутомъ сундукѣ письменныя дѣла, которыя понужнѣе, тѣ прикажите описать и опись къ Намъ прислать. Но паче всего вы сами, съ Нашимъ генераломъ и сенаторомъ Корфомъ и съ статскимъ совѣтникомъ Эмме, находящуюся въ томъ сундукѣ шкатулку секретно распечатать имѣете и всѣ въ ней вещи приказать описать. А всего больше векселя или облигаціи, какія въ той шкатулкѣ есть, осмотрѣть и переводы оныхъ сюда прислать какъ наискорѣе, дабы можно было узнать, гдѣ, какая и въ чьихъ именно рукахъ денежная сумма онаго Тотлебена находится[a]“.

Процессъ по дѣлу Тотлебена закончился весною 1763 года: 11 апрѣля Сенатъ обнародовалъ высочайшій указъ, подписанный Императрицей 31 марта. Императрица Екатерина II не только даровала ему жизнь, но приказала удовлетворить его и жалованьемъ изъ полнаго оклада съ 1 сентября 1760 г. по 19 іюня 1761 г., а со дня его ареста по 31 марта 1763 года выдать Тотлебену половинное жалованье. Въ высочайшемъ указѣ, между прочимъ, сказано: „Содержащійся подъ арестомъ арміи генералъ-маіоръ Готлобъ-Куртъ-Генрихъ графъ фонъ-Тотлебенъ, служа прошлую войну въ нашей арміи, собственнымъ своимъ поведеніемъ обличенъ въ вредительныхъ намѣреніяхъ[b] противу Россійскаго государства, что самое какъ свидѣтельствомъ постороннихъ людей, которыхъ онъ къ тому употреблялъ, такъ, наконецъ, и собственными его своеручными письмами ему доказано; и потому держаннымъ надъ нимъ кригсрехтомъ осужденъ лишенію чести, имѣнія и живота, и сентенція подписана однимъ генералъ-фельдмаршаломъ, двумя полными генералами, двумя генералъ-поручиками и двумя генералъ-маіорами[c]. Но Мы въ разсужденіи томъ, что злое его, Тотлебена, умышленіе никакихъ вредительныхъ слѣдствій Нашему государству еще не произвело и онъ уже около трехъ лѣтъ въ арестѣ сидѣлъ, по природному Нашему великодушію, живота у него не отнимаемъ. А вмѣсто того повелѣли Мы Нашему Сенату его, Тотлебена, яко преступника, болѣе нетерпимаго въ областяхъ Нашихъ, подъ карауломъ вывезти за гра-

---

a) Русскій Архивъ 1884 г., кн. I, стр. 255. Слич. Русск. Старина за 1889 г., т. LXIV, октябрь, стр. 14.

b) Въ проэктѣ указа было даже сказано: „явился не только въ намѣреніи, но и въ дѣлахъ измѣнническихъ“. (Сборн. Истор. Общ., т. VII, стр. 272).

c) Презусъ генеральнаго кригсрехта, генералъ фельдмаршалъ принцъ *Голштейнъ—Готторпскій*, ассессоры: генералъ-аншефъ и камергеръ и всѣхъ полицій директоръ Николай *Корфъ*, генералъ-фельдцейхмейстеръ Александръ *Вильбоа*, генералъ поручикъ и петербургскій оберъ-комендантъ Иванъ *Костюринъ*, генералъ-поручикъ фонъ-*Пальмбахъ* (замѣненный генералъ-инженеромъ де-Боскетомъ), генералъ-маіоры и графы *Брюсъ* и *Ляпуновъ*.

ницу Нашей имперіи и тамъ, прочитавъ сентенцію военнаго суда, а потомъ и сей Нашъ указъ, отнять всѣ чины и кавалеріи у него и взять письменный реверсъ въ томъ, что онъ ни подъ какимъ видомъ, ни тайно, ни явно, въ имперію Нашу не въѣзжалъ и что въ противномъ случаѣ, ежели кто его увидитъ и узнаетъ въ государствѣ Нашемъ, тотъ право имѣетъ отнять у него животъ, какимъ заблагоразсудитъ образомъ, и не преступитъ ни правъ гражданскихъ, ни военныхъ, ниже общенародныхъ, которыя его, Тотлебена, защищать яко измѣнника, выгнаннаго изъ Россійскаго государства, болѣе не могутъ; а потомъ вывезти за границу и оставить тамо безъ всякаго абшида“ [a].—Тотлебенъ, объявленный внѣ покровительства законовъ, 13 мая 1763 г. былъ высланъ изъ Россіи, подъ надзоромъ премьеръ-маіора Астраханскаго пѣхотнаго полка Мезенцова, въ помощь которому были даны: прапорщикъ Реэръ, знавшій нѣмецкій языкъ, унтеръ-офицеръ и шестеро рядовыхъ [b],—тѣмъ и закончилось слѣдствіе о Тотлебенѣ.

Заботясь о спокойствіи въ столицѣ, во время отсутствія Государыни, Неплюевъ не щадилъ оберъ-секретарей и секретарей, если они позволяли себѣ противозаконные поступки, что видно изъ письма къ нему Екатерины II, отъ 24 апрѣля 1763 года, въ которомъ она писала Неплюеву:

„Иванъ Ивановичъ!“

„Вашу реляцію о плутовствѣ (буде то найдется) оберъ-секретаря Брянчанинова и секретаря Воймарна въ утайкѣ бриллiантовыхъ вещей, я получила и вамъ благодарствую за непослабленіе таковыхъ бездѣльствъ, которыя отнюдь терпимы быть не должны. Старайтесь, чтобъ сіе дѣло какъ наискорѣе въ Юстицъ-Конторѣ приведено было къ концу и чтобъ до моего свѣдѣнія окончаніе онаго дошло“. Въ концѣ этого письма Императрица собственноручно начертала: „Я получила притомъ и другую вашу реляцію и весьма вашими распоряженіями довольна. Сожалѣю, что вы не можете“ [c].

Изъ П. С. Законовъ [d] видно, что оберъ-секретарь Сената Матвѣй Брянчаниновъ и секретарь Воймарнъ оказались виновными въ слѣдующемъ: „имѣя въ своемъ производствѣ дѣло о возвращеніи генералъ-фельдмаршалу, сенатору и кавалеру Алексѣю Петровичу Бестужеву—Рюмину, отданныхъ города Вендена депутату Траниовскому разныхъ вещей и прочаго, и

a) Сен. Арх. Книга высочайшихъ повелѣній, № 106-й, л. 27. Сравн. „Русск. Старина“ 1889 г., т. LXIV, стр. 18.

b) Желающіе ознакомиться съ различными похожденіями этого генерала могутъ найти ихъ въ журналѣ: „Новое Время“, въ статьѣ: „Графъ Тотлебенъ, одинъ изъ авантюристовъ XVIII в.“, т. V за 1880 г.

c) Русскій Архивъ 1884 г., кн. I, 259—260. См. П. С. Зак., т. XVI, стр. 410, № 11961.

d) П. С. З. № 11961, т. XVI, стр. 410—412. Указъ 6 ноября 1763 года.

скрѣпя о томъ сами жъ учиненное Правительствующимъ Сенатомъ 1762 года іюля 18 дня опредѣленіе, по слѣдствію Юстицъ-Конторы, явились во взяткахъ изъ оныхъ вещей: первый—бриллiантоваго Польскаго ордена, а послѣдній—золотой табакерки и трехъ паръ платья, тѣмъ паче преступили они законы Ея Императорскаго Величества, что означеннаго Трамповскаго насильнѣйшимъ образомъ склонили къ утайкѣ вещей и къ отдачѣ имъ оныхъ, равно-жъ и къ ложному о тѣхъ вещахъ показанію, якобы оныя имъ Трамповскимъ проданы, и чтобъ онъ тѣхъ вещей въ повелѣнное мѣсто отнюдь не отдавалъ, обнадеживая при томъ, что они ему въ неотдачѣ тѣхъ вещей помощники будутъ, и что общее ихъ городское дѣло рѣшено будетъ въ ихъ пользу; и для того научили его Трамповскаго, вмѣсто перваго о вещахъ извѣстія, для подачи въ Сенатъ, переписать другое, а первое, взятое Веймарномъ, изодрать; и дабы таковое ихъ преступленіе совсѣмъ скрыто было, разные употребляли вымыслы, въ чемъ способствовали имъ консулентъ Гагманъ и гофъ-факторъ Кальве“ [a].—Сенатъ, на основаніи прежнихъ указовъ [b] и Генеральнаго Регламента [c], опредѣлилъ: Брянченинова и Веймарна подвергнуть политической казни [d]; Трамповскаго заключить въ тюрьму на полгода, Кальве посадить на хлѣбъ и воду въ теченіе восьми дней, а Гагмана—отрѣшить отъ должности; движимое же и недвижимое имѣніе Брянченинова и Веймарна, за удовольствіемъ генералъ-фельдмаршала Бестужева-Рюмина и за отдачею указныхъ женамъ ихъ и дѣтямъ частей, отписать въ казну. Но Императрица приказала освободить отъ того штрафа Брянченинова, Веймарна и Трамповскаго и повелѣть соизволила: „оберъ-секретаря Брянченинова, яко по чину перваго у производства того дѣла, лиша чиновъ, вывесть на площадь предъ Сенатомъ и коллегіями съ надписью на груди: „*Преступникъ указовъ и мздоимецъ*“, и поставить у столба на четверть часа, потомъ заключить въ тюрьму на полгода, а впредь ни къ какимъ государственнымъ дѣламъ и службѣ, ни къ дѣлу народному, ни къ партикулярному не допускать; секретаря Веймарна, въ уваженіе достоинствъ и службы генералъ-поручика того же имени, лиша чиновъ, посадить на двѣ недѣли на хлѣбъ и на воду, потомъ заключить на полгода въ тюрьму, и такъ же, какъ перваго, не принимать и не допускать ни къ какимъ дѣламъ, ни къ гражданскимъ, ни земскимъ, а имѣнія ихъ, Брянченинова и Веймарна, остальныя послѣ иска, отдать женамъ и дѣтямъ, раздѣля въ силѣ

---

a) Тамъ же, стр. 411.
b) Указы 14 декабря 1714 г., 5 февраля 1724 г. и 18 іюля 1762 года.
c) См. гл. 29 и 50.
d) Указъ 25 мая 1753 года.

законовъ; доносителя Трамповскаго заключить въ тюрьму, вмѣсто полугода, на два мѣсяца, и впредь здѣсь по дѣламъ въ повѣренность не допускать; съ консулентомъ Гагманомъ и гофъ-факторомъ Кальвеемъ учинить по сентенціи" [a].—29 октября 1763 года высочайшая воля Государыни была исполнена, о чемъ и публиковано „во всемъ государствѣ печатными указами, дабы впредь другіе отъ подобныхъ поступковъ воздержались" [b].

Отправляясь въ Москву для коронованія, Екатерина II приказала запечатать всѣ комнаты въ Лѣтнемъ дворцѣ, и когда генералъ-поручикъ Бецкій обратился къ ней съ просьбой, чтобы тѣ комнаты были поскорѣе очищены для ремонта; то Императрица и въ этомъ случаѣ оказала свое особое довѣріе къ Неплюеву,—6 апрѣля 1763 г. она писала ему:

„Иванъ Ивановичъ!"

„Въ Лѣтнемъ дворцѣ потребно нѣкоторыя комнаты перестроить. И для того препоручаю вамъ оныя при себѣ распечатать и, переписавъ всѣ находящіяся въ нихъ вещи, сохранять за вашими печатями въ другомъ мѣстѣ, гдѣ вы заблагоразсудите. Да и впредь, есть-ли для перестройки отъ Канцеляріи отъ строеній требоваться подобныя комнаты будутъ, то и съ ними поступать по тому-жъ" [c].

На сколько Императрица Екатерина II дорожила совѣтами, мнѣніями и „благоразумными распорядками" Неплюева, это весьма ясно отразилось въ ея письмѣ къ Неплюеву, адресованномъ изъ Братовщины въ маѣ 1763 г., по дѣлу о калужскомъ воеводѣ Мясоѣдовѣ, обвиненномъ во взяткахъ при подрядахъ на доставку фуража. Императрица собственноручно писала Неплюеву, спрашивая его мнѣнія и совѣта:

„Иванъ Ивановичъ!"

„Я съ удовольствіемъ (узнала) изъ вашихъ трехъ послѣднихъ писемъ, съ какимъ попеченіемъ вы стараніе имѣете о всемъ томъ, что полезно быть можетъ. Объ мостахъ и прожектѣ господина Бизюкина я оставляю себѣ къ вамъ обстоятельнѣе писать, а теперь только то сказать могу, что иной прожектъ полезнѣе не въ примѣръ, особливо для содержанія партикулярной и разоренной ворфи, какъ Ольхина (взятая) въ потомственный откупъ. Видя (ваше) прилежаніе, усердіе и успѣхъ во всемъ, что предпріемлете, я весьма желаю узнать ваше мнѣніе о дѣлѣ воеводы Мясоѣдова.

---

a) Тамъ же, стр. 411—412.

b) Тамъ же, стр. 412. Въ Сенатскомъ Архивѣ имѣется: 1) Повелѣніе, объявленное Неплюевымъ, объ освидѣтельствованіи болѣзни Брянченинова и о скорѣйшемъ окончаніи о немъ дѣла (кн. 106, л. 554); и 2) Высочайше утвержденный докладъ Сената по дѣлу Брянченинова и Веймарна, съ приложеніемъ экстракта изъ слѣдственнаго дѣла (кн. 108, лл. 60—78).

c) Русск. Арх. 1884 г., I, стр. 259.

Оной воевода подряжалъ фуражъ изъ взятокъ очень дорогою цѣною[a]. Сенатъ приказалъ дѣло изслѣдовать и, нашедъ его виноватымъ безъ сумнѣнія, приговорилъ онаго Мѣсоѣдова къ смерти; но нѣкоторые сенаторы (подали) свои голоса не въ томъ, чтобы Мясоѣдова оправдать, ибо всѣ признаютъ его достойна казни, но прописываютъ, будто Сенату не дано власти безъ именнаго указа проговорить сентенцію и хотятъ, чтобъ дѣло было отослано въ Юстицъ-Коллегію. Протестъ генералъ-прокурора, который того же мнѣнія, послѣ до меня уже дошелъ, а прочіе сенаторы говорятъ, что Сенатъ, не имѣя надъ собою аппеляціи, не можетъ дѣло Сенатомъ слѣдованное и производимое отослать въ нижнее мѣсто. Я же прошу васъ, единственно для моего свѣдѣнія, отписать ко мнѣ ваше на то разсужденіе за тѣмъ, что воистинну не осталось уже съ кѣмъ здѣсь совѣтоваться« [b].

Это весьма характерное собственноручное письмо Императрицы красноречивѣе всего говоритъ о степени ея довѣрія къ Неплюеву, къ его честности, уму и опытности. Сущность дѣла о Мясоѣдовѣ заключается въ слѣдующемъ. Калужскій провинціальный воевода, титулярный совѣтникъ Мясоѣдовъ, его товарищъ коллежскій ассесоръ Юровъ, секретарь Стефанъ Тороповъ и канцеляристъ Иванъ Пафнутьевъ обвинялись въ лихоимствѣ, а именно: 1) сдѣлали подрядъ на Кіевскій кирасирскій полкъ провіанта и фуража, совсѣмъ противу даннаго Калужской Провинціальной Канцеляріей отъ Главной Провіантской Канцеляріи указа о покункѣ онаго. 2) Согласились вымышленно съ калужскимъ купцомъ Чуриковымъ, въ подрядѣ того фуража и провіанта дорогими цѣнами, и несравненно выше настоящихъ торговыхъ цѣнъ, единственно для бездѣльныхъ себѣ взятокъ, забывъ страхъ, честь, совѣсть и присягу, на столь гнусной поступокъ отважились, договариваясь во взяткахъ наглымъ и безсовѣстнымъ образомъ, яко то: воевода сначала просилъ отъ подрядчика 1000 рублей, а согласился и взялъ 500 рублей, товарищъ воеводской просилъ четырехъ сотъ рублей, секретарь двухъ сотъ рублей, а согласились и взяли — товарищъ 300, а секретарь 150 рублей, канцеляристъ 50 р., съ тѣмъ однакожъ, чтобъ потомъ еще 50 р. получить. 3) И наконецъ, въ слѣдствіе того, всѣ упомянутые похитители не допустили прочихъ купцовъ къ подряду, кои дешевле купца Чурикова провіантъ и фуражъ поставить желали. Виновные

---

a) П. С. З., т. XVI, №№ 11845 и 11869.

b) Русск. Арх. 1884 г., кн. I, стр. 260. Слова, поставленныя въ скобкахъ, прочитаны по догадкѣ: подлинникъ этого письма вплетенъ въ книгу, при чемъ послѣднія буквы, а иногда и цѣлое слово на краю строкъ не возможно прочитать, а расплести нельзя за ветхостью обсыпающейся бумаги. См. примѣч. на стр. 260 Р. Арх., за 1884 г., кн. I.

не только были изобличены, но и сами въ томъ сознались. Вмѣсто смертной казни, которой они подлежали по закону, Императрица Екатерина II повелѣла: „воеводу Мясоѣдова и его товарища Юрова, лиша всѣхъ чиновъ, сослать въ ихъ деревни и тамъ содержать подъ карауломъ, секретаря Торопова написать вѣчно въ копіисты, и отослать въ отдаленный городъ, а канцеляриста Пафнутьета высѣчь плетьми и написать въ отдаленный гарнизонъ вѣчно въ солдаты, возвратя у каждаго все то, что они у купца Чурикова во взятокъ получили, и отдать въ госпиталь; у купца же Чурикова взять все то, что онъ получилъ сверхъ тѣхъ цѣнъ, по какимъ генералъ-поручикъ Палембахъ на полки въ Калугѣ провіантъ и фуражъ покупалъ, и впредь ни къ какимъ казеннымъ подрядамъ его не допускать, а контрактъ, какъ онъ оказался фальшивый, уничтожить, а о Гриневѣ провіантмейстерѣ, приличившемся по тому же дѣлу, немедленно надлежащимъ образомъ изслѣдовать, и о всемъ вышеписанномъ публиковать во всенародное извѣстіе“ [a]). Дѣло о воеводѣ Мясоѣдовѣ и его соучастникахъ дало Императрицѣ Екатеринѣ II поводъ къ изданію именнаго указа 6 іюня 1763 г., въ которомъ она указываетъ на „междоусобное несогласіе, вражду и ненависть“ сенаторовъ другъ къ другу. Обращая ихъ вниманіе на вредныя слѣдствія раздора и несогласій между собой, Императрица говоритъ: „Непослѣдняя причина и сія къ несогласію, что нѣкоторые норочатъ дѣла другихъ, хотя-бъ они и полезны были, для того только, что не ими сдѣланы, хотя сами однакожъ ихъ никогда не сильны сдѣлать. Но въ такомъ случаѣ здраво разсудить должно, что не всѣ люди равные таланты имѣютъ. Одинъ одаренъ натурою больше, другой несравненно меньше; и для того при всякомъ обстоятельствѣ надлежитъ каждому себя умѣривать, и съ благопристойностію послѣдовать безъ всякаго упорства и суесловія здравому разсудку, а чрезъ то и достигнуть полезнаго предпріятія“ [b]).

Во время пребыванія Государыни въ Москвѣ, изъ Франціи были получены на ея имя „три кипы съ дамскими уборами, привезенныя безъ досмотру“; узнавъ о томъ, Императрица писала Неплюеву: „Мы о томъ никому и никогда не приказывали, чего ради повелѣли Мы ихъ отослать въ Нашъ Сенатъ съ тѣмъ, чтобы онымъ кипамъ въ таможнѣ учиненъ былъ надлежащій осмотръ и взята указная съ нихъ пошлина. А впредь въ таковомъ же случаѣ таможня поступать имѣетъ по прежнему Нашему указу, то есть, досмотръ чинить и пошлины надлежащія брать, хотя бы тѣ товары и на собственную Нашу

---

a) П. С. З., т. XVI, № 11869, стр. 304—305.
b) Тамъ же, № 11845, стр. 277—278.

персону были адресованы; ибо, когда Намъ понадобится что особливо выписать, откуда бы то ни было, изъ чужихъ краевъ, тогда Мы таможнѣ предварительно о томъ знать дать не оставимъ"[a]. Нужно замѣтить, что при Императрицѣ Елизаветѣ Петровнѣ, гардеробъ которой состоялъ изъ нѣсколькихъ тысячъ платьевъ, во Франціи состояли на русскомъ жалованьѣ лица, обязанность коихъ заключалась въ выборѣ и указаніи модныхъ товаровъ и уборовъ; къ депешамъ того времени изъ Парижа иногда пришивались и высылались образчики дорогихъ тканей. Екатерина II, сдѣлавшись Императрицей, завела при дворѣ бережливую простоту и долго держалась ея[b]. Таможенные чиновники, оставляя иногда „безъ досмотру и безъ пошлины" вывозимые изъ Франціи на имя Государыни тюки съ дамскими уборами, въ то же время, вопреки высочайшему указу, затрудняли пропускъ товаровъ „чужестраннымъ министрамъ". Находя такіе порядки незаконными, Екатерина II писала Неплюеву: „Иностранная Коллегія приносила мнѣ жалобу, что таможенные сборщики, въ пренебреженіе именнаго указа, чинятъ чужестраннымъ министрамъ въ пропуску безпошлинно имъ позволенныхъ вещей не только остановку, но иногда и вовсе отказываютъ, о чемъ изъ оной Коллегіи двоекратно и въ Коммерцъ-Коллегію уже писано, но никакого отвѣта оттуда не получено. Чего ради вамъ отъ Сенатской Конторы оныхъ сборщиковъ въ томъ поправить, дабы они впредь безъ продолженія времени, въ силу указовъ, пропускъ чинили, не дѣлая никакихъ къ тому привязокъ, что для чужестранныхъ министровъ безпошлинно пропускать повелѣно"[c].—Въ нашихъ таможняхъ въ это время дѣйствительно не было желаемаго порядка и осмотрительности, по отношенію къ торговымъ интересамъ Россіи. Императрица 10 іюня 1763 года писала Неплюеву:

„Иванъ Ивановичъ!"

„Таможенные откупщики жалобу приносятъ (какъ изъ приложенной при семъ записки усмотрите) на статскаго совѣтника Яковлева о вымышляемомъ притѣсненіи не токмо имъ откупщикамъ, но и всей коммерціи, которому однакожъ съ товарищи не инако надсмотръ надъ ними порученъ, какъ съ тѣмъ Нашимъ повелѣніемъ, чтобъ онъ поступалъ, не разрушая благосостоянія коммерціи. Вы сами знаете, что коммерція по большой части процвѣтаетъ вольностію и свободою, и что Нашего никогда намѣренія не было такія строгости въ сіе откупное дѣло вводить, чтобъ одни тутъ приказные порядки наблюдаемы были; но главный предметъ Нашъ тотъ,

---

a) Русск. Арх. 1884 г., кн. I, стр. 256.
b) Тамъ же.
c) Тамъ же, стр. 257.

чтобъ, такимъ-ли или другимъ образомъ, только-бы интересъ Нашъ, положенный на откупщиковъ, въ казну Нашу доходилъ; а въ порядкахъ, каковые оными откупщиками учреждаются для сборовъ, отнюдь имъ, яко знающимъ торгъ и купечество, помѣшательства не дѣлать.—Коммерція есть дѣло по натурѣ своей такое, что одного часа непорядочнымъ учрежденіемъ кредитъ ея повреждается, который многими годами трудно на послѣдокъ бываетъ возстановить: ибо вся сила онаго зависитъ отъ корреспондентовъ кредитующихъ съ надеждою, которые, единожды будучи устрашены какимъ-либо притѣсненіемъ, не скоро паки въ таковыя мѣста повѣряютъ свои капиталы".

„Ежели сихъ откупщиковъ жалоба праведная, то и предосторожность немедленно противъ сего зла взять надлежитъ, дабы обнадежить только казну Нашу, что она положенную съ откупщиковъ сумму вѣрно получитъ; а какіе распорядки они къ оборатамъ употребляютъ, въ томъ дать имъ волю, какъ они заблагоразсудятъ".

„Сего ради извольте сіе дѣло въ Конторѣ Сенатской разсмотрѣть и изыскать также точно учрежденіе, которое-бы Нашъ интересъ сохранило, а коммерцію оставило въ ея свободѣ и не налагало на купцовъ и на откупщиковъ отнюдь никакого утѣсненія".

„Что учините, о томъ Намъ немедленно донести имѣете" [a].

Вопросъ о коммерціи былъ предметомъ особенныхъ заботъ Императрицы Екатерины II; указомъ 11 апрѣля 1763 года она назначила сына Неплюева, находившагося при ней въ Москвѣ, вице-президентомъ въ Каморъ-Коллегію, а въ іюлѣ того же года писала изъ Москвы его отцу:

„Иванъ Ивановичъ!"

„Намѣреніе Мое есть учредить коммиссію, для разсмотрѣнія коммерціи, которой присовокупленъ будетъ трудъ разсмотрѣть всѣ государственные доходы, и однимъ словомъ все, что до финанціи касается. Я желаю, чтобы вы подали мнѣ письменно, и для единственно моего извѣстія, ваше мнѣніе, какъ вы думаете, что служить можетъ къ инструкціи для той коммиссіи" [b]. Эта коммиссія дѣйствительно вскорѣ была учреждена. Декабря 8 дня 1763 года былъ данъ именной высочайшій указъ дѣйствительнымъ тайнымъ совѣтникамъ: Неплюеву, Князю Шаховскому и Графу Миниху: „Объ учрежденіи Коммиссіи для разсмотрѣнія коммерціи Россійскаго Государства". Императрица Екатерина II въ этомъ указѣ говоритъ:

---

a) Тамъ же, стр. 261.
b) Тамъ же, стр. 262.

„Мы, полагая надежду на ваше усердіе къ службѣ Нашей и ревность къ отечеству, учреждаемъ васъ, дабы общимъ вашимъ трудомъ разсмотрѣли во-первыхъ: всю коммерцію Россійскаго Государства, въ чемъ оная утѣсняется, или въ чемъ недостаточна, и постановили оную на такихъ принципіяхъ или основаніяхъ, отъ которыхъ бы открылся прямой путь къ торгу, свойственному Нашимъ областямъ“ [a]. По плану, начертанному Императрицей, Коммиссія должна была руководиться въ своихъ работахъ двумя главными основаніями, а именно: 1) извлекать „удобовозможные способы“ къ увеличенію вывоза изъ Россіи за границу различныхъ „произращеній въ натурѣ и въ дѣлѣ“; и 2) упрочить кредитъ русскаго купечества какъ внутри государства, такъ и на заграничныхъ рынкахъ. Императрица, учреждая Коммиссію о коммерціи, представила на ея разсмотрѣніе и собственныя свои „разсужденія и примѣчанія, совокупивъ оныя въ одно мѣсто“; при этомъ Государыня замѣчаетъ, чтобы Коммиссія не считала ея мнѣній за правило, а лишь приняла-бы ихъ въ соображеніе: „ежели (говорится въ указѣ) что въ нихъ полезное найдется, то оныя припамятованіемъ .служить ей могутъ. Впрочемъ Мы васъ съ тѣмъ опредѣляемъ къ сему благопредпріятому Нами столь полезному для отечества дѣлу, что вы можете, собираяся вмѣстѣ или по домамъ, кажный особенно, въ своихъ размышленіяхъ трудиться, только-бы все, что Намъ отъ васъ для разсмотрѣнія и аппробаціи представлено уже будетъ, было прежде разсмотрѣно общимъ вашимъ совѣтомъ. Чего ради и собраніямъ вашимъ по временамъ, какъ вы за благо между собою опредѣлять будете, быть необходимо потребно“. Въ помощь къ главнымъ членамъ этой Коммиссіи, тѣмъ же указомъ были опредѣлены: статскій совѣтникъ Клингштетъ, прокуроръ Коммерцъ-Коллегіи Пушкинъ и надворный совѣтникъ Одаръ, кромѣ канцелярскихъ служителей, назначенныхъ отъ Сената. Въ заключеніе своего указа, Императрица говоритъ: „Мы, по важности въ сей Коммиссіи текущихъ дѣлъ и по неутомленному попеченію о пользѣ народа Нашего, не оставимъ по временамъ и нуждамъ и Сами въ ней Нашею Высочайшею особою присутствоватъ, и потому быть повелѣваемъ сей Коммиссіи въ единственномъ Нашемъ вѣдѣніи и покровительствѣ“ [b].—И. И. Неплюевъ, какъ отлично знавшій торговыя операціи, внутреннія и внѣшнія, былъ главнымъ руководителемъ въ совѣщаніяхъ этой Коммиссіи [c]. Въ своихъ Запискахъ Неплюевъ, между прочимъ, говоритъ: „въ сіе

---

a) П. С. Зак, № 11958, т. XVI, стр. 452—453.
b) Тамъ же.
c) См. въ П. С. З., № № 11931; 11955, 12224 и 12225; т. XVI, стр. 383, 406, 869—888.

отсутствіе[a]) былъ я счастливъ получать собственноручныя Ея Величества повелѣнія, кои всѣ и отданы отъ меня сыну; онъ же, сынъ мой, посланъ былъ отъ меня въ Москву, какъ для познанія его жребія, а болѣе для дѣлъ по данной мнѣ довѣренности“[b]).—Возвращеніе Императрицы въ Петербургъ, по свидѣтельству Неплюева, было радостнымъ событіемъ для всѣхъ жителей столицы, „и я“,—замѣчаетъ Неплюевъ,—„ежедневные имѣлъ знаки Ея Величества ко мнѣ благоволенія и исправлялъ по всей возможности смысла моего всѣ довѣряемыя мнѣ коммиссіи“[c]).

Прошло уже два года со времени воцаренія Екатерины II, а она не могла быть спокойной: въ Шлюссельбургской крѣпости страдалъ и томился въ одиночномъ заключеніи несчастнорожденный императоръ Іоаннъ Антоновичъ. Въ теченіе 24 лѣтъ, начиная съ младенчества и до смерти, онъ былъ безсознательнымъ, слѣпымъ и несчастнымъ орудіемъ политическихъ страстей. Но, не смотря на всѣ предосторожности и заботы правительства Елизаветы Петровны, чтобы самое имя Іоанна Антоновича было забыто въ Россіи, находились люди, которые мечтали объ его освобожденіи; къ числу такихъ лицъ принадлежали: камеръ-лакей Гурчаниновъ, сержантъ Измайловскаго полка Сновидовъ и прапорщикъ Преображенскаго полка Ивашкинъ, которые хотѣли возвести Іоанна Антоновича на престолъ, а Императрицу Елизавету Петровну и Ея наслѣдника, Великаго Князя Петра Θеодоровича умертвить; но этотъ заговоръ, какъ потомъ и заговоръ подполковника Лопухина, дѣйствовавшаго въ сообществѣ австрійскаго посла Маркиза Ботты, былъ открытъ во-время и виновные были наказаны[d]). Въ мартѣ 1762 г. Императоръ Петръ III навѣстилъ несчастнаго узника, въ сопровожденіи барона Корфа, Нарышкина, Волкова и Унгернъ-Штернберга, и нашелъ, что Іоаннъ Антоновичъ былъ не способенъ ни ясно говорить, ни правильно мыслить. Императрица Екатерина II, также видѣвшая Іоанна Антоновича убѣдилась, что онъ былъ лишенъ „разума и смысла человѣческаго“[e]). Однакожъ, не смотря на это, имя шлюссельбургскаго узника не давало ей покоя: она могла опасаться какихъ-либо новыхъ движеній и заговора въ его пользу, какъ это вскорѣ и подтвердилось заговоромъ Мировича. Весной 1764 года въ Петер-

---

a) Когда Императрица Екатерина II жила въ Москвѣ, во время и послѣ коронаціи.

b) Записки Неплюева, стр. 169. Изд. А. С. Суворина, Спб. 1893 г. Оригиналы писемъ Императрицы Екатерины II доселѣ хранятся у Н. Н. Неплюева, а копіи съ нихъ напечатаны въ Русск. Архивѣ за 1884 г. (кн. I, стр. 252—265).

c) Записки Неплюева, стр. 170.

d) См. подробности этихъ заговоровъ, какъ и заговора Мировича, въ статьѣ Бильбасова: „Шлюссельбургская нелѣпа“. Историч. Вѣстникъ 1888 г., май.

e) П. С. З., № 12228, т. XV, стр. 890.

бургѣ стали ходить неясные слухи о какой-то предстоящей катастрофѣ; въ разныхъ мѣстахъ города находили подметныя анонимныя письма, въ которыхъ сообщались даже подробности замышляемаго переворота. Императрица знала объ этомъ и въ одномъ изъ своихъ писемъ говоритъ: „съ Святой недѣли много о семъ происшествіи почти точные доносы были“ [a]; но, относясь съ презрѣніемъ къ подметнымъ письмамъ, она отдавала ихъ графу Н. И. Панину, которому указомъ 10 декабря 1763 г. было поручено завѣдываніе тайными дѣлами. Между тѣмъ Императрица должна была отправиться въ Остзейскія провинціи, для осмотра Балтійскаго порта. Въ самый день ея отъѣзда въ Ригу, 20 іюня, на улицѣ было поднято анонимное письмо, въ которомъ прямо указывалось на замышляемое освобожденіе шлюссельбургскаго узника; но Императрица Екатерина, прочитавъ это письмо, передала его князю Александру Алексѣевичу Вяземскому, назначенному въ февралѣ 1764 г. въ помощники къ графу Панину, для завѣдыванія тайными дѣлами въ государствѣ, а сама въ тотъ же день отправилась въ Ригу.

На все время своего отсутствія изъ Петербурга, Императрица, какъ и раньше, ввѣрила всѣ столичныя войска и попеченіе о спокойствіи города И. И. Неплюеву, который говоритъ въ своихъ Запискахъ: „въ 1764 году, іюня 20 числа, Ея Величеству угодно было отъѣхать въ Остзейскія провинціи, а мнѣ паки поручить въ главную команду Петербургъ и всѣ команды, а Его Высочество, подъ смотрѣніемъ графа Н. И. Панина, остался въ селѣ Сарскомъ, и я, по-прежнему, переѣхалъ жить во дворецъ. По причинѣ бывшей сыну моему лихорадки, разсуждаемо было медиками сдѣлать ему движеніе, почему онъ, будучи на 29 дней уволенъ, поѣхалъ въ новгородскія деревни, я же, въ теченіе Ея Величества отсутствія, награждаемъ былъ почасту наполненными милосердія указами и пребывалъ въ желаемомъ спокойствіи и благополучіи“ [b]. Свидѣтельство Неплюева подтверждается и оффиціальными данными; въ самый день своего отъѣзда въ Ригу, Императрица подписала указъ на имя Неплюева слѣдующаго содержанія: „Повелѣваемъ вамъ, во время отсутствія нашего въ Лифляндію, имѣть въ семъ столичномъ городѣ главное попеченіе о сохраненіи добраго порядка и совершенной тишины. Чего ради о всѣхъ оставшихся въ немъ разныхъ командахъ всевысочайше повелѣваемъ имѣть вамъ свѣдѣніе и принимая отъ нихъ репорты на Имя Наше, командирамъ ихъ на всякія нечаянныя приключенія и происшествія давать свои наставленія, и

---

a) Истор. Вѣстникъ 1888 г., май, стр. 275.
b) Записки Неплюева, стр. 170. Изд. А. С. Суворина, 1893 г.

о томъ къ Намъ репортовать" [a]. Этотъ указъ можетъ служить новымъ доказательствомъ того довѣрія, какое имѣла Екатерина II къ Неплюеву. Зная о предстоящей катастрофѣ, угрожавшей ей опасностью, она ввѣряетъ ему всѣ столичныя войска, а что Императрица предполагала возможность мятежа, это видно изъ того, что графъ Н. И. Панинъ получилъ тайное приказаніе, въ случаѣ какой-либо катастрофы, перевести Наслѣдника престола, оставленнаго съ нимъ въ Царскомъ Селѣ, въ Ригу. Екатерина, безъ сомнѣнія, знала, что въ Петербургѣ были люди, которые, при удобномъ случаѣ, не прочь были бы признать Іоанна Антоновича законнымъ государемъ, чтобы чрезъ то пріобрѣсти вліяніе на дѣла государственнаго управленія. Скоро она должна была убѣдиться и въ томъ, что слухи и анонимныя письма о замышляемомъ переворотѣ, въ пользу Іоанна Антоновича, были вѣрны: въ ночь съ 4-го на 5-е іюля, въ Шлюссельбургской крѣпости разыгралась кровавая драма: несчастнорожденный Іоаннъ Антоновичъ былъ убитъ приставленными къ нему стражниками Власьевымъ и Чекинымъ, а Мировичъ, рѣшившійся освободить шлюссельбургскаго узника, былъ арестованъ и потомъ, какъ извѣстно, поплатился за свою безразсудную попытку жизнью, сложивъ голову свою на эшафотѣ.

Графъ Н. И. Панинъ узналъ о случившемся въ Шлюссельбургской крѣпости на другой же день: 6 іюля въ 12 часу дня онъ получилъ рапортъ коммендантa крѣпости Бередникова и донесенія капитана Власьева и поручика Чекина. Графъ Панинъ тотчасъ же командировалъ въ Шлюссельбургъ подполковника Кашкина, чтобы онъ допросилъ Мировича и составилъ протоколъ о случившемся, а въ Ригу былъ отправленъ курьеръ съ подробнымъ докладомъ Государынѣ о смерти Іоанна Антоновича, „объ отчаянной ухваткѣ одного сущаго злодѣя".—Не смотря на тогдашніе пути сообщенія, курьеръ въ трое сутокъ проскакалъ 568 верстъ и на четвертый день, послѣ катастрофы, вручилъ Императрицѣ донесенія графа Панина.

Въ отвѣтъ на это донесеніе Императрица предписала: „безъимяннаго колодника похоронить по христіанской должности въ Шлюссельбургѣ безъ огласки", а для производства слѣдствія по этому дѣлу назначила генералъ-поручика Веймарна. Опасаясь за послѣдствія случившейся катастрофы, Императрица 11 іюля писала графу Панину: „Я нынѣ болѣе спѣшу какъ прежде, возвратиться въ Петербургъ, дабы это дѣло скорѣе окончить и тѣмъ дальныхъ дурацкихъ разглашеній пресѣчь" [b]. Въ тотъ же день она написала и Неплюеву:

---

a) См. въ приложеніи къ наст. монографіи

b) „Истор. Вѣстникъ" 1888 г., май, стр. 294.

„Иванъ Ивановичъ“!

„Я весьма довольна умными и усердными вашими распоряженіями по Шлюссельбургской нелѣпѣ. Я спѣшу къ вамъ возвратиться, гдѣ увижу, надѣюсь, скорое окончаніе сего безумнаго дѣла. Князьямъ Голицынимъ и Вяземскому прошу поклониться отъ меня. Весьма жаль, что Апполонъ Ушаковъ [a] утонулъ. Сумнительно, что братъ его зналъ его мысли; однако хорошо сдѣлано, что онъ арестованъ“ [b].

Черезъ день послѣ этого письма, Императрица снова писала Неплюеву:

„Иванъ Ивановичъ“!

„Рапорты ваши отъ 10 числа сего мѣсяца получила исправно. Что принадлежитъ до извѣстнаго Шлюссельбургскаго происшествія, къ оному дѣлу надлежащія мѣры отъ меня не только приняты, но и съ довольнымъ наставленіемъ къ Никитѣ Ивановичу о томъ писано, а для слѣдствія и генералъ поручикъ Веймарнъ въ Шлюссельбургъ отправленъ по именному моему указу. Буде уже въ городѣ слухи точные о томъ носятся, то смотрѣть только того, чтобъ они не имѣли никакого вреднаго слѣдствія, и тишина-бъ пребывала ненарушимо. Отсюда выѣдемъ въ Четвергъ, 13 Іюля 1764 г. [c].

Изъ этихъ писемъ Императрицы Екатерины II къ Неплюеву видно, что онъ узналъ о смерти Іоанна Антоновича гораздо раньше, чѣмъ значится въ его Запискахъ, въ которыхъ сообщается объ этомъ слѣдующее: „20 числа Іюля мѣсяца, а въ оное по полуночи во 2 часу, былъ я разбуже ъ по случаю присланнаго ко мнѣ изъ Сарскаго Села отъ Никиты Ивановича Панина бригадира Савина, чрезъ котораго онъ на словахъ приказалъ мнѣ слѣдующее, что нѣкто изъ малороссіянъ, именемъ Мировичъ [d], дослужившись до офицерства и бывъ въ Шлюссельбургской крѣпости на караулѣ, предпріялъ злодѣйскій умыселъ сдѣлать возмущеніе, при коемъ несчастно-рожденный принцъ Іоаннъ лишился жизни, и хотя онъ, Мировичъ, и его сообщники всѣ пореловлены и содержатся подъ карау-

---

a) Апполонъ Ушаковъ, поручикъ Великолуцкаго пѣхотнаго полка, былъ единственнымъ соучастникомъ заговора Мировича, но въ маѣ 1764 г. утонулъ на пути въ Смоленскъ, куда онъ былъ посланъ курьеромъ отъ Военной Коллегіи съ деньгами къ князю Мих. Никитичу Волконскому.

b) Русск. Архивъ 1884 г., кн. I, стр. 263.

c) Тамъ же, стр. 263—264.

d) Василій Яковлевичъ Мировичъ, подпоручикъ Смоленскаго полка, былъ внукъ малороссійскаго полковника Өедора Мировича, измѣнившаго Петру Великому, во время войны съ Карломъ XII, и бѣжавшаго въ Польшу, а отецъ Мировича, женатый на московской купчихѣ Акишевой, за тайныя сношенія съ поляками былъ сосланъ въ Сибирь, гдѣ и родился герой Шлюссельбургской драмы, типъ русскаго проходимца XVIII в. См. о немъ въ журналахъ: «Историческій Вѣстникъ» за 1888 г., май; «Отеч. Записки» 1858 г., CXVIII; „Библіотека для чтенія“ 1859 г., № 2; „Чтеніе общ. исторіи и древн. россійскихъ“ за 1860 г., кн. III, 149; за 1861 г., стр. 182—185. Смѣсь; за 1866 г., кн. III. Сравн. соч. Е. Ковалевскаго: «Графъ Блудовъ и его время». Спб. 1866 г.

ломъ, но потребно взять и въ столицѣ по сему случаю должную предосторожность и сіе объявя, онъ, Савинъ, отъ меня обратно въ Сарское Село поѣхалъ, а я того-жъ моменту послалъ къ себѣ позвать правящаго генералъ-прокурорскую должность Александра Алексѣевича Вяземскаго, и пока онъ ко мнѣ не пріѣхалъ, отправилъ нарочнаго по почтѣ через Новгородъ къ моему сыну [a]), чтобъ онъ, по полученіи моего письма, тотъ-бы часъ и не для чего не отлагая, всевозможно поспѣшилъ скорѣе ко мнѣ возвратиться. По пріѣздѣ онаго князя, сдѣлали мы совѣтъ, что публиковать о семъ происхожденіи не было нужды, а за нужное признали увѣдомить всѣхъ командъ командировъ, а о томъ, что тотъ посчастнорожденный принцъ былъ въ Слюссельбургѣ, мы прежде и не вѣдали, почему и послалъ я къ себѣ звать князя Александра Михайловича Голицына, Ѳедора Ивановича Ушакова, Ѳедора Ивановича Ватковскаго, Семена Ивановича Мордвинова и Николая Ивановича Чичерина и, о семъ имъ сообща, рокомендовалъ, чтобы каждый въ своей командѣ дѣлалъ примѣчанія о порядкѣ и о спокойствіи имѣлъ-бы попеченіе. Съ самой той минуты, какъ я Савинымъ разбуженъ былъ, находился я въ превеликомъ безпокойствѣ, ибо Самъ Богъ, сердца моего зритель, что я здравіе и благополучіе всемилостивѣйшей Государыни моей въ тысячу кратъ дороже считалъ моей жизни, а о происхожденіи и намѣреніи сего злодѣянина я болѣе, какъ выше сказалъ, ничего не вѣдалъ; а происходило о томъ слѣдствіе отъ Никиты Ивановича чрезъ посланнаго отъ него въ Слюссельбургъ генералъ-поручика Веймарна“ [b]).

Такимъ образомъ оказывается, что Неплюевъ, судя по его Запискамъ, узналъ о Шлюссельбургскомъ происшествіи черезъ полмѣсяца, что, по нашему мнѣнію, невѣроятно. Не говоря уже о томъ, что свидѣтельство Неплюева противорѣчитъ вышеприведеннымъ письмамъ къ нему самой Императрицы Екатерины II изъ Риги, отъ 11 и 13 іюля 1764 г., трудно допустить возможность того, чтобы Императрица, отправляясь въ Остзейскія провинціи и ввѣряя Неплюеву всѣ столичныя войска въ главную команду, оставила его въ совершенномъ невѣдѣніи относительно подметныхъ писемъ, въ которыхъ предостерегали ее о замышляемомъ заговорѣ, въ пользу Шлюссельбургскаго узника. Графъ Н. И. Панинъ, узнавшій о насильственной смерти Іоанна Антоновича 5 іюля, также немедленно долженъ былъ извѣстить Неплюева о случившемся, какъ главнокомандующаго всѣми войсками въ Петербургѣ, въ предотвращеніе возможности какого-либо мятежа

---

a) См. выше, стр. 922.
b) Записки Неплюева, стр. 171—173. Изд. А. С. Суворина, Спб. 1893 г.

среди войскъ и жителей столицы, а потому мы думаемъ, что въ Запискахъ Неплюева число 20 ошибочно означено вмѣсто 8 или 10-го іюля. Съ другой стороны непонятно и то, почему Неплюевъ ничего не зналъ раньше о мѣстѣ заключенія Іоанна Антоновича, если это было извѣстно нѣкоторымъ изъ офицеровъ, придворнымъ лакеямъ и даже отставнымъ барабанщикамъ [a]. Мы думаемъ, что проницательная и мудрая Екатерина, оставляя на попеченіе Неплюева Петербургъ и всѣ столичныя войска, не только не имѣла нужды скрывать отъ него содержанія подметныхъ писемъ, а напротивъ, въ видахъ спокойствія жителей столицы и своей безопасности, должна была предупредить его о замышляемой катастрофѣ и дать нѣкоторые совѣты, какъ дѣйствовать, въ случаѣ какого-либо мятежа въ народѣ. Мы указали и выше на несоотвѣтствіе нѣкоторыхъ мѣстъ Записокъ Неплюева дѣйствительности и, отмѣчая настоящій фактъ, склонны думать, что Записки его, во многихъ отношеніяхъ чрезвычайно интересныя и правдивыя, не во всѣхъ своихъ частяхъ заслуживаютъ одинаковаго довѣрія, какъ справедливо замѣчаетъ по этому поводу „Историческій Вѣстникъ" [b]. Намъ уже извѣстно, что Неплюевъ, во время низложенія Іоанна Антоновича и ареста его родителей, самъ былъ арестованъ, лишенъ малороссійскихъ деревень и ордена Св. Александра Невскаго [c]; затѣмъ удаленъ отъ двора въ Оренбургъ, гдѣ оставался до 1758 года, такъ—что всѣ невольныя мытарства несчастнаго младенца-Императора по разнымъ городамъ и весямъ Россіи, включительно до Шлюссельбургской крѣпости, произошли до оставленія Неплюевымъ поста оренбургскаго губернатора, а потому онъ многаго, можетъ быть, дѣйствительно и не зналъ о злосчастной судьбѣ Іоанна Антоновича; но, сдѣлавшись ближайшимъ довѣреннымъ лицомъ, совѣтникомъ и помощникомъ Императрицы Екатерины II, онъ долженъ былъ знать о замышляемомъ переворотѣ, въ пользу Шлюссельбургскаго узника.

Императрица возвратилась въ Петербургъ 25 іюля; въ началѣ августа Веймарнъ представилъ ей „Экстрактъ слѣдственнаго дѣла", 17 августа былъ обнародованъ Высочайшій манифестъ о кончинѣ Іоанна Антоновича [d], а 15 сентября того же года, въ Обжорномъ ряду на Петербургскомъ островѣ, была совершена казнь Мировича, виновника Шлюссельбургской драмы [e].

---

a) Истор. Вѣстникъ 1888 г., май.
b) Истор. Вѣстникъ 1888 г., май, стр. 273, примѣчаніе.
c) См. выше въ наст. монографіи стр. 112—113.
d) См. его въ П. С. З., № 12228, т. XVI, стр. 890—892
e) О наказаніи его соучастниковъ см. въ П. С. З., № 12241, т. XVI, стр. 897--907.

По возвращеніи Императрицы Екатерины II изъ Риги въ Петербургъ, И. И. Неплюевъ переселился изъ дворца въ свой домъ и „наслаждался“, по его выраженію, „монаршею щедротою, а какъ зрѣніе мое“,— замѣчаетъ онъ,—„и вовсе меня оставить приближалось, посему противъ желанія моего (ибо намѣреніе мое было служить до конца жизни) принужденнымъ нашелся просить о увольненіи меня отъ всѣхъ дѣлъ“ [a]. Однажды въ воскресный день, какъ сообщаетъ Голиковъ, Неплюевъ явился во дворецъ съ просьбой къ Императрицѣ объ увольненіи его отъ службы. Когда почти совершенно ослѣпшаго старика подвели къ Императрицѣ, она посадила его подлѣ себя, и когда старецъ заговорилъ, что онъ ослѣпъ и не можетъ служить, Императрица сказала: „Я разумѣю тебя, Иванъ Ивановичъ! Ты, конечно, хочешь проситься въ отставку, но воля твоя,—я прежде тебя не отставлю, пока ты не отрекомендуешь мнѣ на свое мѣсто человѣка съ такими же достоинствами, съ какими и ты“!—Искренніе и ласковыя слова Императрицы растрогали почтеннаго старца до слезъ; но Неплюевъ хорошо сознавалъ, что онъ болѣе уже не способенъ къ службѣ и, считая себя чуждымъ окружающаго его общества придворныхъ карьеристовъ, откровенно сказалъ Государынѣ: „Нѣтъ, Государыня, мы ученики Петра Великаго; проведены имъ сквозь огонь и воду; инако воспитывались, инако думали и инако вели себя; а нынѣ инако воспитываются, инако ведутъ себя и инако мыслятъ. Итакъ я не могу ни за кого, ниже за сына моего ручаться“ [b]. Передавая объ этомъ Голикову, по возвращеніи изъ дворца, Неплюевъ замѣтилъ: „тутъ всѣ были, по мнѣ что за нужда?—Я сказалъ, что чувствовалъ“.

Мы видѣли, въ какое тревожное и опасное время, лично для себя и для спокойствія Россіи, Императрица Екатерина II выразила свое полное довѣріе къ Неплюеву. Припомнимъ, что она, во время дворцоваго переворота 28 іюня 1762 г., поручаетъ Неплюеву всѣ войска, находившіяся въ Петербургѣ; отъѣзжая въ Москву, для коронованія, она оставляетъ на его попеченіе Наслѣдника Престола, Великаго Князя Павла Петровича, и назначаетъ его главнокомандующимъ всѣхъ столичныхъ войскъ; находясь въ Москвѣ, Государыня ведетъ съ нимъ собственноручную переписку, спрашиваетъ его мнѣнія и совѣтовъ, касающихся различныхъ государственныхъ дѣлъ и событій, и въ своемъ письмѣ изъ Братовщины о дѣлѣ воеводы Мясоѣдова откровенно говоритъ: „Я прошу васъ отписать ко мнѣ ваше на то разсужденіе затѣмъ, что *воистину не осталось уже съ кѣмъ*

---

a) Записки Неплюева, стр. 172—173. Изд. А. С. Суворина. Спб. 1893 г.
b) Тамъ же, стр. 196.

здѣсь совѣтоваться" [a]. Отправляясь въ Лифляндію, для осмотра Балтійскаго порта, Императрица снова поручаетъ Петербургъ и всѣ столичныя войска Неплюеву, возлагая на него надежды за спокойствіе и порядокъ въ городѣ. Вышеприведенныя письма Екатерины II къ Неплюеву могутъ служить краснорѣчивымъ доказательствомъ того, съ какой добросовѣстностью и съ какимъ стараніемъ онъ исполнялъ возлагаемыя на него порученія, не смотря на свои преклонные годы и слабость физическихъ силъ. Понятно, что не легко было разстаться Государынѣ съ такимъ опытнымъ, умнымъ, честнымъ и вѣрнымъ слугой отечества; но, не смотря на свое искреннее желаніе удержать Неплюева на службѣ, Императрица должна была принять его прошеніе объ отставкѣ, а 10 ноября 1764 года она подписала два указа на имя Сената, изъ коихъ однимъ Неплюевъ былъ уволенъ, „*по слабости своего изнуреннаго здоровья*", отъ всѣхъ военныхъ и гражданскихъ дѣлъ, получивъ въ награду 20000 рублей на уплату долговъ, а другимъ—ему были пожалованы „*въ вѣчное и потомственное владѣніе*" малороссійскія волости Чеховская и Янпольская, со всѣми принадлежащими къ нимъ хуторами, деревнями, мѣстечками и селами [b]. Такъ закончилъ свою полувѣковую службу отечеству Ив. Ив. Неплюевъ, который послѣ этого прожилъ еще девять лѣтъ, а какъ протекли послѣдніе годы его жизни, увидимъ изъ слѣдующей послѣдней главы монографіи.

---

a) См. выше въ наст. монографіи, стр. 916.

b) Эти указы, копіи съ которыхъ мы приводимъ въ приложеніи, могутъ служить новымъ доказательствомъ несостоятельности мнѣнія Е. П Карновича о присвоеніи Неплюевымъ имѣній кабинетъ-министра А. П. Волынскаго, на что нами было указано и раньше, (Смотр. въ настоящей моногр. стр. 90—92).

ГЛАВА XXX.

Частная жизнь Неплюева въ Петербургѣ, его отъѣздъ въ Малороссію и болѣзнь.—Прибытіе сына Неплюева и осмотръ имъ малороссійскихъ волостей, пожалованныхъ его отцу Императрицей Екатериной II.—Возвращеніе Неплюева въ Петербургъ и частная жизнь его въ Поддубьѣ.—Приготовленіе къ смерти, христіанская кончина и погребеніе Ивана Ивановича Неплюева.—Характеристика Неплюева и память о немъ въ потомствѣ.—Неплюевскій кадетскій корпусъ и новый соборный храмъ въ Оренбургѣ.—Чествованіе двухсотлѣтней памяти Неплюева со дня его рожденія—Предположенный памятникъ Неплюеву въ Оренбургѣ.—Заключеніе.

«Се уже приближается вѣкъ мой: слабость тѣла и памяти предвѣщаетъ разрушеніе моего тѣла, въ чемъ я и предаюсь судьбамъ Всевышняго. Ожидаю смерти съ должнымъ повиновеніемъ и, насколько возможно человѣку, спокойнымъ духомъ».

(Изъ письма Неплюева—къ сыну).

«Люби свое отечество и въ защищеніе того пользы не щади не только благосостоянія, но и жизни. Подчиненнымъ твоимъ, а паче крестьянамъ будь больше отецъ, нежели господинъ, имѣя присно въ памяти слово Божіе: «Милости хощу, а не жертвы», и что они такіе же люди, какъ и ты, кромѣ чиновъ и власти, данной тебѣ гражданскими законами».

(Изъ предсмертнаго письма Неплюева къ сыну)

«Помолитесь обо мнѣ грѣшномъ»!

(Послѣднія слова Неплюева къ [illegible]).

Получивъ чистую отставку и право жить гдѣ угодно, Неплюевъ нѣсколько времени спокойно жилъ въ Петербургѣ, ежедневно присутствуя утромъ за литургіей въ своей домовой церкви; затѣмъ онъ принималъ своихъ друзей и знакомыхъ, изъ коихъ чаще другихъ навѣщали его графы Панины и Чернышевы, князь А. А. Вяземскій, Мещерскіе и Нарышкины. Сама Императрица также иногда бывала у Неплюева и запросто, посемейному, обѣдала у него, пользуясь его совѣтами. Когда на мѣсто А. Р. Давыдова назначенъ былъ губернаторомъ въ Оренбургѣ Дмитрій Васильевичъ Волковъ, бывшій тайнымъ секре-

таремъ у Петра III, Императрица приказала ему отправиться къ Неплюеву, вручивъ собственноручное письмо слѣдующаго содержанія:

„Иванъ Ивановичъ“!

По знанію вашому состоянія и дѣлъ Оренбургской губерніи, приказала я отправленному туда губернатору съ симъ къ вамъ явиться, желая, чтобъ нужныя наставленія въ разсужденіи тамошнихъ обстоятельствъ ему дали. Я уповаю, что ваши совѣты, оставшись въ его мысляхъ, многое подадутъ ему просвѣщеніе“ [a]

Декабря 6 дня 1764 года.

Царское Село.

„Екатерина“.

Во второй половинѣ декабря того же года, Иванъ Ивановичъ, въ сопровожденіи своего сына, отправился въ Поддубье, чтобы „поклониться гробамъ своихъ родителей“, откуда послалъ Ея Величеству поздравительное письмо съ новымъ 1765 годомъ, на которое Государыня въ первый же день новаго года собственноручно отвѣчала старцу:

„Иванъ Ивановичъ“!

„Письмо ваше я получила и за поздравленіе меня съ новымъ годомъ благодарствую; я поздравляю и васъ и желаю, чтобы вы были веселы и здоровы. Невѣсты ваши, сколько ихъ есть, тужатъ, что вы ихъ покинули; а мнѣ кажется, будто вы въ деревнѣ лучше видите, нежели въ городѣ: имя ваше въ письмѣ ко мнѣ такъ [b] хорошо писано, какъ вы въ тридцать лѣтъ не писывали [b].

1 Января 1765 года.

С.-Петербургъ.

„Екатерина“.

Проживъ въ Поддубьѣ одиннадцать дней, Неплюевъ черезъ Москву проѣхалъ въ Малороссію, въ новопожалованныя ему волости, Николай же Ивановичъ, имѣвшій отпускъ лишь до 1 января 1765 года [c], возвратился въ Петербургъ къ своимъ служебнымъ обязанностямъ. Въ началѣ февраля Неплюевъ прибылъ въ Янполь (Черниговскій). Главнымъ командиромъ всей Малороссіи въ то время былъ графъ Петръ Александровичъ Румянцевъ [d], жившій въ Глуховѣ. Онъ и его жена, графиня Екатерина Михайловна,

---

a) Русск. Архивъ 1884 г., кн. 1, стр. 264.

b) Тамъ же.

c) Смотр. въ приложеніи къ настоящей монографіи, стр. 115. Копія съ указа объ отпускѣ Н. Ив. Неплюева.

d) Записки Неплюева, стр. 177. Изд. А. С. Суворина, Спб. 1893 г. Сличи. П. С. З., № 12277, т. XVI стр. 951—962.

относились къ Неплюеву, по его свидѣтельству, „съ такою снисходительностію и ласкою, каковая рѣдко и отъ родныхъ бываетъ; но сіе“,—замѣчаетъ Неплюевъ,—„въ разсужденіи ихъ свойствъ и неудивительно, ибо онъ, будучи человѣкомъ отличнаго разума, а она—житія добродѣтельнаго, воздавали мнѣ тѣмъ усердіемъ, каковымъ я всегда къ дому ихъ былъ наполненъ“.

Изъ Янполя Неплюевъ особымъ письмомъ привѣтствовалъ Императрицу со днемъ Ея рожденія, на которое Государыня отвѣтила ему:

„Иванъ Ивановичъ“!

„Письмо ваше изъ Янполя я получила и за поздравленіе со днемъ рожденія моего благодарствую. Желаю, чтобъ спокойная теперь и беззаботная жизнь, а притомъ и лучшій противъ здѣшняго климатъ подкрѣпили ваши ослабѣвшія силы, возвратили вамъ зрѣніе и продлили вѣкъ вашъ“.[a]

28 Апрѣля 1765 года.
Царское Село.

„Екатерина“.

Отправляясь въ украйну, Неплюевъ намѣревался устроить тамъ конскій заводъ и, приведя его въ должный порядокъ, снова возвратиться въ Петербургъ, чтобы жить на доходы отъ этого завода[b],) но обстоятельства сложились иначе.

Въ концѣ іюля того же года Иванъ Ивановичъ заболѣлъ и на столько былъ слабъ, что „съ великою нуждою и едва могъ“ написать „начальныя литеры“ своего имени и фамиліи въ письмѣ къ сыну, но надѣясь даже увидѣться и проститься съ нимъ; „и то письмо“,—говоритъ Неплюевъ,—„по благодѣянію графа Петра Александровича, съ нарочною штафетою въ Петербургъ отправлено, а я съ сего времени *лишился совершенно зрѣнія, такъ что уже солнечнаго сіянія нимало видѣть не могъ*“ [c]. Получивъ письмо отца, Николай Ивановичъ испросилъ себѣ отпускъ до января 1766 года [d] и немедленно отправился въ Янполь. Неплюевъ въ своихъ Запискахъ, между прочимъ, замѣчаетъ слѣдующее: „23 іюля прибылъ въ Янполь сынъ мой и нашелъ меня при послѣднемъ уже издыханіи, потому что съ самаго начала сея болѣзни я былъ въ безпрерывномъ жару“ [e]. Невольное чувство радости, при свиданіи съ любимымъ сыномъ, подѣйствовало благотворно на больнаго старца: „голосъ его“,—говоритъ Неплюевъ,—„и чрезвычайная моя радость, его осязая, какъ отъ сна меня возбудили, и сими-то двумя движеніями отворились

---

a) Русск. Архивъ 1884 г, кн. I, стр. 265.

b) Записки Порошина, подъ 22 ноября 1764 г. Ср. Записки Неплюева, стр. 174, примѣчаніе. Изд. А. С. Суворина Спб 1893 г,

c) Записки Неплюева, стр. 177.

d) См. копію съ указа, заслушаннаго въ Сенатѣ 25 іюля 1765 г., въ приложеніи къ настоящей монографіи, стр. 115.

e) Записки Неплюева, стр· 177—178.

гемороидальныя крови, и хотя отъ многаго теченія тѣхъ ослабъ, но жаръ весьма умалился, и чрезъ недѣлю я уже въ состояніи былъ вставать съ постели" [a]. По пріѣздѣ въ Малороссію, Неплюевъ нашелъ пожалованныя ему деревни „совсѣмъ разоренными" и чтобы хотя нѣсколько ихъ поправить, онъ сообщилъ сыну необходимыя свѣдѣнія объ этихъ деревняхъ и поручилъ ему осмотрѣть помѣстья, находившіяся въ Переяславскомъ полку. Въ началѣ сентября Николай Ивановичъ выѣхалъ изъ Янполя въ Кіевъ, чтобы помолиться на могилѣ своей матери, [b] и оттуда уже отправиться по деревнямъ для ихъ осмотра. Между тѣмъ Иванъ Ивановичъ къ концу сентября снова заболѣлъ и все время, пока по его письму не возвратился сынъ, пользовался заботами и попеченіемъ графа Петра Александровича Румянцева и его супруги, Екатерины Михайловны; они прислали къ больному доктора и, по свидѣтельству самого Неплюева, „объ его покоѣ и поправленіи здоровья столько старались, какъ бы съ нимъ единоутробные" [c]. Возвращеніе сына снова благодѣтельно подѣйствовало на улучшеніе здоровья Неплюева. Николай Ивановичъ „со слезами" просилъ и убѣждалъ своего отца переѣхать въ Петербургъ и жить съ нимъ вмѣстѣ. Неплюевъ согласился исполнить желаніе сына, но съ тѣмъ, чтобы жить на дачѣ, а не въ городѣ, и 8 января 1766 года они прибыли въ Петербургъ. Проживъ нѣсколько дней въ домѣ сына, Иванъ Ивановичъ переѣхалъ на дачу, гдѣ и оставался по сентябрь того же года. Но трудолюбивому человѣку сидѣть безъ дѣла, какъ говорится, сложа руки, хуже, чѣмъ лѣнивому работать: Неплюеву скоро наскучила дачная бездѣятельная жизнь, и онъ 20 сентября того же года переѣхалъ на постоянное жительство въ свое родное Поддубье, гдѣ покоились вѣчнымъ сномъ его родители. Въ исходѣ декабря Николай Ивановичъ, въ сопровожденіи ассессора Бароловскаго, пріѣхалъ въ Поддубье и прожилъ съ отцемъ три недѣли. Во время этого свиданія, было рѣшено отправить внука Неплюева, Ивана Николаевича, для образованія за границу. Благодаря заботамъ дѣдушки и содѣйствію графа Н. И. Панина, молодой Неплюевъ былъ отпущенъ въ Швецію, гдѣ прожилъ болѣе двухъ лѣтъ. Простившись съ сыномъ, Неплюевъ 20 января 1767 года самъ указалъ мѣсто для построенія каменнаго храма, во имя Св. Крестителя и Предтечи Христова Іоанна. Поручивъ завѣдываніе и управленіе малороссійскими деревнями своему сыну, самъ Иванъ Ивановичъ занялся земледѣліемъ и старался „привести Поддубье въ такое состояніе хлѣбопашества, чтобъ оная деревня довольствовать могла домъ Петербургскій Николая Ивано-

a) Тамъ же, стр. 178.
b. См. выше въ настоящ. монографіи, стр. 103.
c) Записки Неплюева, стр. 178—179. Изд. А.С. Суворина, Спб. 1893 г.

вича и дачу всякимъ хлѣбомъ“ [a]. Въ свободное время Неплюевъ любилъ слушать чтеніе книгъ, для чего и держалъ при себѣ двоихъ чтецовъ, но газеты и разныя новости уже не интересовали его: „ни о какихъ новостяхъ, ниже о газетахъ“,—говоритъ онъ,—„я уже не желалъ слышать, потому что считаю себя уже отшедшаго отъ міра“ [b]. Но Иванъ Ивановичъ не жилъ особнякомъ или отшельникомъ и въ это время,—его домъ былъ всегда самымъ гостепріимнымъ и хлѣбосольнымъ пріютомъ для постороннихъ лицъ: „сосѣди, каковы есть“,—говоритъ онъ въ Запискахъ,—„всѣ ко мнѣ ласковы и ежедневно у меня изъ нихъ по нѣскольку бываетъ“ [c]. Сосѣднее дворянство, дѣйствительно, съ удовольствіемъ и часто навѣщало престарѣлаго Неплюева, обращалось къ нему за разными совѣтами въ затруднительныхъ случаяхъ и любило слушать его интересные разсказы о быломъ, а извѣстно, старики гораздо лучше помнятъ то, что было давнымъ-давно, когда ихъ память была воспріимчивѣе и крѣпче, чѣмъ то, что случилось въ ихъ старости [d]. Иванъ Ивановичъ разсказывалъ о происшедшемъ въ его молодости съ такими подробностями и ясностью, какъ будто все это было недавно, да и было чего послушать, когда маститый старецъ, проведшій всю свою жизнь въ постоянныхъ и разнообразныхъ трудахъ, начиналъ разсказывать о минувшихъ временахъ!—Оживленная воспоминаніями прошлаго, рѣчь бывалаго и умнаго старца невольно приковывала къ себѣ вниманіе слушателей, которые и не замѣчали, какъ летѣло крылатое время въ интересной и назидательной бесѣдѣ съ Неплюевымъ.

Въ началѣ декабря 1768 года, навѣстила Неплюева его невѣстка Агриппина Александровна Неплюева, вторая жена Николая Ивановича, съ своимъ пятилѣтнимъ сыномъ Дмитріемъ и, проживъ въ Поддубьѣ десять дней, отправилась на богомолье въ Нилову пустынь [e]. Слѣпой дѣдушка, по его словамъ, „уже лишенъ былъ удовольствія видѣть черты лица своего внука, но и тѣмъ былъ несказанно обрадованъ, что могъ его осязать“ [f]—Въ 1769 году возвратился изъ Швеціи старшій внукъ Неплюева, Иванъ Николаевичъ. Неплюевъ, проживши самъ за границей пять лѣтъ для образованія, хорошо сознавалъ, что внукъ его въ два года своего пребыванія въ Швеціи немного еще могъ пріобрѣсти полезныхъ свѣ-

a) Тамъ же, стр. 180.
b) Тамъ же.
c) Тамъ же.
d) Ср. выше стр. 890.
e) Тамъ же, стр. 181. Дмитрій Николаевичъ впослѣдствіи былъ оберъ-прокуроромъ Св. Синода и умеръ холостымъ 43 лѣтъ, въ 1806 г. Смотр. въ приложеніи радословную Неплюевыхъ, стр. 39.
f) Записки Неплюева, стр. 181.

дѣній, а потому просилъ Императрицу особымъ письмомъ „о пожалованіи его внука въ гвардію офицеромъ и увольненіи его вояжировать въ чужія государства“ [a]). Императрица Екатерина II, высоко цѣнившая заслуги Неплюева, въ октябрѣ того же года пожаловала его внуку чинъ армейскаго капитана и снова отпустила „его вояжировать“ за границу. Въ концѣ ноября того же года, восемнадцатилѣтній капитанъ, Иванъ Николаевичъ Неплюевъ, пріѣхалъ въ Поддубье, въ сопровожденіи маіора Рейценштейна, чтобы поблагодарить своего дѣдушку и погостить у него; проживъ здѣсь съ мѣсяцъ, Иванъ Николаевичъ возвратился въ Петербургъ къ отцу, а въ январѣ 1770 года отправился, вмѣстѣ съ Рейценштейномъ, въ заграничное путешествіе на два года. Николай Ивановичъ, проводивъ своего сына, навѣстилъ отца и нѣсколько дней прожилъ въ Поддубьѣ, куда онъ пріѣзжалъ и въ слѣдующемъ году. Въ мартѣ 1772 года внукъ Неплюева, Иванъ Николаевичъ, возвратился изъ своего путешествія съ богатымъ запасомъ различныхъ свѣдѣній и съ знаніемъ итальянскаго языка, которому онъ научился, желая доставить удовольствіе дѣдушкѣ, а съ апрѣлѣ того же года пріѣхалъ въ Поддубье, чтобы повидаться и подѣлиться съ любимымъ дѣдушкой своими заграничными впечатлѣніями и пріобрѣтенными знаніями.

Поддубскій храмъ, заложенный Неплюевымъ въ 1767 году, былъ окончательно отстроенъ только къ 1772 году и 24 іюня этого года, въ день рождества Св. Пророка, Предтечи и Крестителя Христова Іоанна, торжественно былъ освященъ. По желанію Николая Ивановича Неплюева, сюда было перевезено изъ Оренбурга и погребено въ этомъ храмѣ тѣло его первой жены, Татьяны Ѳеодоровны, урожденной княжны Мещерской, съ которой онъ жилъ лишь четыре года [b]). Въ концѣ апрѣля 1773 года, Неплюевъ получилъ отъ своего сына извѣстіе „съ нарочнымъ, что Ея Величество всемилостивѣйше изволила пожаловать его сына 21 апрѣля въ дѣйствительные статскіе совѣтники“. Не смотря на свою слабость, Неплюевъ попросилъ отвести его въ новопостроенный храмъ и здѣсь, въ сообществѣ всѣхъ случившихся у него гостей и домочадцевъ, выслушалъ благодарственный съ колѣнопреклоненіемъ молебенъ за здравіе Императрицы,—такъ цѣнилъ старый и честный слуга отечества вниманіе къ себѣ и къ своему роду Государыни!—Въ половинѣ іюля Неплюевъ былъ обрадованъ новымъ утѣшительнымъ извѣстіемъ о томъ, что его внукъ,

---

a) Тамъ же.

b) См. въ наст. монографіи выше, стр. 859.

Къ стр. 934.

Наружный видъ Поддубскаго храма.

Къ стр. 940.

Надгробные памятники внутри храма.

Иванъ Николаевичъ, былъ произведенъ въ секундъ-маіоры, „за что и будетъ хвала всѣхъ благъ подающему Богу",—говоритъ Неплюевъ,— „и сіе тѣмъ наипаче, что получаемыя мною отъ него, внука моего, изъ арміи о военныхъ его подвигахъ (извѣстія) утверждали надежду мою, кою я всегда полагалъ на него, что увижу въ немъ усерднаго слугу отечества, жертвующаго ему жизнью", [a]. Спустя послѣ этого почти три мѣсяца, а именно 4 октября Неплюевъ получилъ отъ сына письмо, извѣщавшее о бракосочетаніи Наслѣдника престола, Великаго Князя Павла Петровича съ Великой Княжной Наталіей Алексѣевной, а также и о томъ, что его сынъ „всемилостивѣйше пожалованъ въ Правительствующій Сенатъ въ оберъ-прокуроры". Письмо Николая Ивановича обрадовало старика—отца „даже до слезъ". Неплюевъ такъ говоритъ объ этомъ въ своихъ Запискахъ: „Сколь я ни слабъ былъ, однакожъ ту жъ самую минуту велѣлъ себя вести въ домовую церковь, и собравъ всѣхъ моихъ служителей, принесли благодарственное наше съ колѣнопреклоненіемъ молебное моленіе Господу Богу о здравіи Всемилостивѣйшей нашей Государыни и о ниспосланіи Его святаго благословенія на сочетавшихся Ихъ Высочествъ: да утвердитъ, милуя Россію, Богъ корень ихъ во вѣкъ вѣковъ. Сколь ни усилились мои болѣзненные припадки и сколь я уже былъ ни безнадеженъ о моей жизни, однако таковыя извѣстія наполняли меня радостію, что судилъ мнѣ Господь Богъ дождать сего въ старости моей" [b].

Въ октябрѣ того же 1773 года, Иванъ Ивановичъ Неплюевъ, по его выраженію, „началъ покойно пріуготовлять себя къ смерти". Желая въ послѣдній разъ обнять своего сына и „на его рукахъ испустилъ духъ свой", онъ написалъ ему слѣдующее трогательное письмо:

„Мой любезный сынъ, Николай Ивановичъ!"

„Святость пророческихъ словъ: дни лѣтъ нашихъ яко семьдесятъ, аще-ли въ силахъ—осемьдесятъ лѣтъ, какъ я и нынѣ себя чувствую, исполняется надо мною; се уже приближается вѣкъ мой и къ послѣднему назначенному времени жизни человѣческой, а умножающаяся не токмо день ото дня, но и часъ отъ часа слабость не только тѣла моего, но и памяти, предвѣщаетъ разрѣшеніе храмины, въ чемъ я и предаюсь судьбамъ Всевышняго; ожидаю смерти съ должнымъ повиновеніемъ и, по колику человѣку возможно, спокойнымъ духомъ; но Онъ зритъ сердце мое и знаетъ, чего еще въ жизни моей желаю, а именно только того, чтобъ мнѣ еще прежде кончины обнять тебя въ послѣднее и на твоихъ рукахъ про-

a) Записки Неплюева, стр. 183. Изд. 1893 г., Спб.
b) Записки Неплюева, стр. 184—185.

дать духъ мой и чтобы твои руки закрыли глаза мои; я знаю твою ко мнѣ горячность, увѣренъ о твоемъ всегдашнемъ послушаніи, а сіе уже будетъ и въ послѣднее: утѣшь меня, буде возможно. Командиръ твой и особенный благодѣтель, князь Александръ Алексѣевичъ [a] въ томъ тебѣ помочь можетъ; буде же ты разсудишь, что по новости опредѣленія твоего къ мѣсту или за чѣмъ другимъ того сдѣлать не сходно, то и я предварительно въ томъ съ тобою и соглашаюсь, да и по настоящей распутицѣ какъ тебѣ ѣхать?—И такъ да будетъ милость Божія надъ тобою" [b].

Настоящее письмо, помѣченное 17 числомъ октября 1773 года, было отправлено въ Петербургъ съ Лаврентіемъ Бархатовымъ; Николай Ивановичъ съ нимъ же послалъ отцу и отвѣтъ, увѣдомляя, что онъ, вслѣдствіе распутицы и по нѣкоторымъ „основательнымъ причинамъ", не можетъ быть. Лишенный удовольствія увидѣть сына въ послѣдній разъ, Иванъ Ивановичъ не могъ заглушить въ себѣ думъ о немъ: „малѣйшее движеніе въ моемъ покоѣ,"—замѣчаетъ онъ—„предвѣщаетъ мнѣ входъ Николая Ивановича; съ нимъ однимъ отдѣляюсь я отъ должнаго въ моемъ состояніи богомыслія, а прежде, нежели потеряю совершенную память, то желаю отписать къ нему еще" [c]. Удрученный мыслію о скорой кончинѣ и совершенно ослабѣвшій, Иванъ Ивановичъ самъ уже не могъ писать и почти трое сутокъ диктовалъ свое послѣднее предсмертное письмо къ сыну, обливаясь слезами. Вотъ что продиктовалъ умирающій 80-ти лѣтній старецъ, въ назиданіе своему сыну и потомкамъ:

„Напрасно, мой любезный сынъ, надеждою себя ласкаешь увидѣть меня живаго: чувствую, что уже смерть моя приближается, къ чему не столько болѣзненные припадки, какъ лѣта меня опредѣляютъ,—въ разсужденіи чего и печаль твоя должна быть умѣренна, въ чемъ я на твое благоразуміе и надѣюсь, да инако и волѣ Господней противно. Прежде, нежели душа моя отъ тѣла разлучится, въ должности нахожусь сказать тебѣ, Николай Ивановичъ, въ послѣднее: сохраняй святую вѣру, вразумляй о той дѣтей твоихъ; исполняй по возможности заповѣди Господни. Онъ Всевышній есть источникъ всѣхъ благъ небесныхъ и земныхъ, и вѣруяй въ Него никогда не постыдится. Сохраняй въ совершенствѣ вѣрность твою къ Ея Величеству и къ учреждаемымъ отъ Нея и чрезъ Нее наслѣдникамъ; наблюдай правду во всѣхъ твоихъ дѣлахъ и поступкахъ, хотя бы иногда и непріятное что тебѣ за то понесть случилось; вѣдай, что Богъ и Ея Величество правды твоея будутъ покровители:

---

a) Вяземскій, генералъ-прокуроръ.
b) Записки Неплюева, стр. 185—186.
c) Тамъ же, стр. 187.

Къ стр. 937.

Николай Ивановичъ
Неплюевъ.

Иванъ Николаевичъ
Неплюевъ.

Дмитрій Николаевичъ
Неплюевъ.

если не въ это время, то послѣ тебѣ черезъ нихъ откроется. Люби свое отечество, отъ коего весь родъ твой облагодѣтельствованъ былъ и потомки будутъ, и въ защищеніи того пользы не щади не токмо благосостоянія, но и жизни. Я по всей возможности симъ шелъ путемъ, мой любезный сынъ, и ты всѣхъ лучше знаешь бывшія иногда мнѣ огорченія, сколь я ихъ сносилъ терпѣливо, и наконецъ, Богъ, владычествуяй всѣми, воззвалъ меня въ такое состояніе, каковаго только человѣку при моихъ свойствахъ ожидать было возможно. Подчиненнымъ твоимъ и паче крестьянамъ будь больше отецъ, нежели господинъ, имѣя присно въ памяти слово Божіе: „милости хощу, а не жертвы", и что они—такіе же люди, какъ и ты, кромѣ чиновъ и власти, данной тебѣ гражданскими законами. Наконецъ скажу: умѣряй свою вспыльчивость; она не токмо здоровью твоему вредна, но и познанію каждаго дѣла въ точномъ его видѣ препятствуютъ; я знаю твое доброе сердце, знаю твои свойства, знаю же и расположеніе души твоея и потому спокойнѣе умираю и скажу тебѣ еще въ послѣднее: прости, Николай Ивановичъ!".

„Прошу тебя по смерти моей исполнить все по моему завѣщанію.— Вамъ, Аграфена Александровна, [a] искренно всѣхъ благъ желаю. Скажи пожалуй, Николай Ивановичъ, при случаѣ извѣстному господину, что я предъ нимъ никогда виноватъ не былъ, въ чемъ и умираю, и клянусь; буде же онъ меня почитаетъ виноватымъ, то прошу его, Бога ради, простить меня, а я ему какъ прежде, такъ и нынѣ всѣхъ благъ истинно желаю. Дочери моей Аннѣ Ивановнѣ и дѣтямъ ея, и дѣтямъ дочери моей Марьи Ивановны [b] оставляю Божіе и мое благословеніе, а Михайлѣ Купріановичу [c] искренно всѣхъ благъ желаю. Заключая жъ сіе, всѣмъ вамъ совокупно и деткамъ твоимъ, Ванюшкѣ [d] и Митѣ [f], преподаю отеческое благословеніе, а къ Тебѣ, Отецъ щедротъ и милосердія, обращаю мою молитву: сохрани ихъ совершить теченіе сея жизни Тебѣ угодное въ вѣрности къ нашей Государынѣ и въ пользу отечества. Еще прости, мой любезный сынъ Николай Ивановичъ; мысленно тебя обнимаю, цѣлую; да будетъ благодать Господня надъ тобою; когда любишь дѣтей своихъ такъ, какъ я тебя, представляя мое теперешнее состояніе, можешь себѣ и то представить, сколь горестна моя съ тобой разлука, Творцемъ велѣнная и Его милосердіемъ; и какъ мнѣ на судъ явиться должно, я наполнилъ свои мысли, но признаюсь и каюсь въ томъ, что ты меня

a) Вторая жена Николая Ивановича, А. А. урожденная Нарышкина. См. въ приложеніи родословную Неплюевыхъ, стр, 38.

b) М. Ив. Неплюева, бывшая въ замужествѣ за В. Я. Римскимъ—Корсаковымъ, имѣла три сына: Александра, Якова и Петра и дочь Марію, по мужѣ Зубову (писательница). Сообщилъ профессоръ Д. А. Корсаковъ.

c) Лунину, мужу Анны Ивановны.

d) Иванъ Николаевичъ Неплюевъ, сынъ Николая Ивановича отъ первой жены.

e) Дмитрій Николаевичъ, сынъ Николая Ивановича отъ второй жены.

столько же занимаешь; представленіе тебя предстоитъ неотлучно предо мною а молитва моя о себѣ препровождается купно и о тебѣ; не могу больше писать. Боже всякаго милосердія, сохрани его такъ, какъ я желаю“ а).

Это предсмертное и трогательное письмо умирающаго старца было написано, подъ его диктовку, находившимися при немъ княземъ Андреемъ Ивановичемъ Мышецкимъ и Василіемъ Васильевичемъ Татищевымъ; самъ же Иванъ Ивановичъ до того былъ слабъ, что не могъ даже безъ посторонней помощи подписать иниціаловъ своего имени и фамиліи: его ослабѣвшею рукою водилъ по бумагѣ князь А. И. Мышецкій. 29 октября письмо это было отправлено въ Петербургъ съ нарочнымъ, а въ ночь на 30-е октября Иванъ Ивановичъ почувствовалъ такой сильный жаръ, что окружавшіе его опасались за жизнь больного, думая, что онъ не доживетъ и до утра; но къ утру жаръ нѣсколько уменьшился, больной забылся на полчаса, а потомъ, проснувшись, спросилъ: „Поѣхалъ-ли посланный въ Петербургъ“?—3-го ноября, когда температура больнаго нѣсколько понизилась, Неплюевъ спросилъ: „Кто стучитъ тамъ?—Не пріѣхалъ-ли Николай Ивановичъ“?—И потомъ, разсуждая какъ-бы самъ про себя, продолжалъ: „но зачѣмъ ему ко мнѣ и ѣхать!?—Я съ нимъ уже простился, и все, что имѣлъ, сказалъ, и что бы теперь сказать ему могъ?—Уже ничего не осталось“.—Помолчавъ нѣсколько минутъ, Неплюевъ тяжело вздохнулъ и снова заговорилъ: „Если бы онъ и пріѣхалъ, то кромѣ огорченія себѣ ничего ненайдетъ; я знаю его нѣжное чувство; онъ, увидя меня въ такой уже слабости, поврежденіе своему здоровью сдѣлать можетъ, а меня присутствіемъ своимъ и болѣе отвлечь отъ моего долга“.—Разсуждая такъ, умирающій отецъ обливался слезами и тихо, съ покорностію Промыслу Божію, сказалъ: „Ты, Боже, ниспосли ему Свою милость!“—Такъ былъ озабоченъ Иванъ Ивановичъ и на одрѣ смерти судьбою и будущностью своего сына,—примѣръ, достойный подражанія.

Въ тотъ же день Иванъ Ивановичъ, какъ глубоко вѣрующій христіанинъ, попросилъ священника отслужить литургію и, очистивъ душу свою покаяніемъ, пріобщился Святыхъ Таинъ, съ вѣрою и надеждою на милосердіе Божіе. Послѣ этого, больной старецъ въ теченіе цѣлой недѣли не могъ поднять головы своей, а утромъ 11 ноября спросилъ: „будетъ-ли сегодня обѣдня?“.—Получивъ утвердительный отвѣтъ, онъ съ глубочайшимъ смиреніемъ и тихою грустью сказалъ: „*Помолитесь обо мнѣ грѣшномъ!*“—и затѣмъ спокойно предалъ духъ свой Богу. Такова была кончина честнаго и полезнаго для Россіи работника, энергичнаго и разумнаго государственнаго дѣятеля, добраго и попечительнаго отца семейства, искренно вѣрующаго христіанина. Не смотря на то, что Неплюевъ

а) Записки Неплюева, стр. 187—191. Изд. А. С. Суворина, 1893 г. Спб.

скончался на 81 году жизни, лицо умершаго даже въ гробу сохранило слѣды его нѣкогда дивной красоты,[a] какъ свидѣтельствуетъ о томъ въ своемъ письмѣ одинъ изъ современниковъ, присутствововавшихъ при его погребеніи. При жизни обыкновенный костюмъ Неплюева состоялъ изъ коричневаго камзола, кружевной манишки, черныхъ шелковыхъ панталонъ до колѣнъ, чулковъ и башмаковъ съ простыми золотыми пряжками. Въ то время заслуженные люди почти никогда не снимали съ себя орденовъ, и Неплюевъ постоянно носилъ орденъ Владиміра первой степени и Андреевскую звѣзду съ алмазными знаками, а по праздникамъ, даже въ деревнѣ, онъ надѣвалъ и Андреевскую ленту; въ гробъ же положили его въ великолѣпной мантіи и цѣпи кавалеровъ ордена Св. Андрея Первозваннаго. Погребеніе было совершено 20 ноября, въ девятый день послѣ его кончины. Приготовляясь къ смерти, Иванъ Ивановичъ самъ сдѣлалъ подробныя наставленія, относительно церемоніи при погребеніи, заранѣе указалъ мѣсто для своей могилы въ построенномъ имъ храмѣ и даже продиктовалъ надгробную себѣ надпись. Отпѣваніе и обрядъ погребенія тѣла Ивана Ивановича, какъ можно предполагать, были торжественны, глубокотрогательны и поучительны. Дѣти и внуки, окружавшіе вѣчный покой труженика, хоронили не только отца и дѣда, глубоко ихъ любившаго, но и честнаго, вѣрнаго слугу отечества, нещадившаго для блага Россіи ни силъ, ни здоровья, ни жизни. Гробъ былъ поставленъ въ указанномъ имъ мѣстѣ Поддубскаго храма, расположеннаго крестообразно на возвышеніи недалеко отъ дома Неплюева. Въ глубинѣ церкви противъ алтаря, съ лѣвой стороны, доселѣ возвышается гробница изъ лиловатаго камня, покрывая чугунною плитою, съ выпуклыми изображеніями человѣческихъ костей и череповъ и съ слѣдующею надписью:

„Здѣ лежитъ
Действительной
Тайной Совѣтникъ
Сенаторъ
и обоихъ россійскихъ орденовъ
Кавалеръ
Иванъ Неплюевъ
Зрите вся та тщетная слава
могущество и богатство
исчезаетъ и все сіе камень
покрываетъ
и тело его истлеваетъ
умеръ
Отъ рожденія на 81-мъ году
мѣсяца ноября 11-го дня
1773 году“.

---

[a]) Смотр. выше въ настоящей монографіи, стр. 44.

Эта надпись, скопированная въ 1876 году съ надгробной плиты священникомъ села Поддубья Арсеніемъ Калачовымъ,[a] нѣсколько разнится отъ той, которая приведена въ Запискахъ Неплюева [b]. Съ другой стороны храма, противъ могилы Неплюева, находится подобный же памятникъ надъ прахомъ Татьяны Θеодоровны, урожденной княжны Мещерской, первой жены Николая Ивановича Неплюева, а между ними—два высокіе гроба изъ бѣлаго мрамора, покрытые вызолоченными досками, съ гербами и надписью; подъ ними покоятся тѣла Ивана Николаевича Неплюева (+ 1823 г.), члена Государственнаго Совѣта, и его супруги, Натальи Васильевны (+ 1838 г.), урожденной Самариной [c]. Здѣсь же, внутри бронзовой рѣшётки, съ вызолоченнымъ на ней гербомъ, погребены ихъ дѣти: полковникъ Иванъ Ивановичъ Неплюевъ (1800—1858 г. и офицеръ Адріанъ Ивановичъ Неплюевъ (1804—1829 г.); тутъ же и могила князя—младенца Ивана Валер. Урусова. На стѣнахъ храма находится нѣсколько мраморныхъ досокъ, съ гербами и надписями о времени рожденія и кончины другихъ потомковъ и родственниковъ Неплюева. Въ 1838 г. Поддубскій храмъ былъ поновленъ правнукомъ Неплюева, полковникомъ лейбъ-гусарскаго полка Иваномъ Ивановичемъ Неплюевымъ. Церковная утварь и богослужебныя книги были пожертвованы въ Поддубскій храмъ еще его строителемъ и сохранились доселѣ [d].

И. И. Голиковъ, который болѣе двадцати лѣтъ „почти ежедневно наслаждался разговорами и разсужденіями" Неплюева, такъ характеризуетъ его: „Сей достопочтеннѣйшій мужъ имѣлъ разумъ твердый и тонкій дѣятельность неусыпную, рѣшимость въ дѣлахъ скорую и основательную, правосудіе строгое и никакими пристрастіями и интересами непоколебимое. Сіе, между прочимъ, и то одно доказать можетъ, что онъ никогда ни отъ кого, ни за какое дѣло, ничего не взялъ, и никто не смѣлъ къ нему показаться ни съ какими подарками; засвидѣтельствуютъ сіе всѣ бывшіе подъ его начальствованіемъ. Доступъ до него былъ всякому невозбранный; выслушивалъ онъ каждаго съ внимательнымъ терпѣніемъ; интересы отечества предпочиталъ онъ самой жизни и благосостоянію своему, и правило его было служить оному до послѣдняго изнеможенія силъ, а потому и несносны ему были всѣ, а паче въ молодыхъ лѣтахъ оставляющіе службу и выходящіе въ отставку; защищалъ всегда ревностно самодержав-

---

a) Отношеніе священника Іоанно-Предтеченской церкви села Поддубья, Арсенія Калачова, отъ 1 іюня 1876 г. за № 60.

b) Смотр. Зап. Неплюева, стр. 193. Изд. 1893 г. Спб.

c) Родная тетка Юрія Θеодоровна Самарина.

d) Вышеозначенное отношеніе священника Арсенія Калачова.

Къ стр. 940.

Иконостасъ Поддубскаго храма.

ное, какъ наилучшее изъ всѣхъ другихъ, правленіе и исполнялъ съ благоговѣніемъ волю верховной власти; къ памяти Петра Великаго имѣлъ безпредѣльное почитаніе и имя его не инако произносилъ, какъ священное, и почти всегда со слезами; вѣру и благочестіе соблюлъ до конца ненарушимо и не выѣзжалъ никогда со двора, не отслушавъ святыя литургіи, которая въ домовой церкви его ежедневно отправлялась; былъ врагъ вольнодумства, суевѣрія, ласкательства и потаковщиковъ; всякія несчастія и прискорбности сносилъ съ благодареніемъ Богу, вѣруя несомнѣнно Провидѣнію Его, управляющему жребіемъ смертныхъ; искренность сердца его изливалась и на языкъ его въ дѣлахъ тайности неподлежащихъ. Всѣ описанныя мною добродѣтели его извѣстны были мнѣ совершенно, и могу сказать, что всѣ движенія сердца его не могли отъ меня быть сокрытыми" [a].

На сколько вѣрна эта характеристика Неплюева, читатели настоящей монографіи могутъ сами судить о томъ, имѣя предъ собою тридцать главъ книги, основанныхъ на многочисленныхъ источникахъ и оффиціальныхъ документахъ, къ которымъ авторъ относился съ возможной осторожностью и критически, провѣряя частныя свѣдѣнія оффиціальными данными и не во всемъ довѣряя даже Запискамъ самого Неплюева [b]. При оцѣнкѣ дѣятельности и нравственныхъ качествъ Неплюева, не слѣдуетъ забывать и того, что онъ жилъ болѣе чѣмъ за сто лѣтъ до нашего времени, когда среди лицъ высшаго круга господствовали разные противообщественные пороки: поразительная жестокость однихъ [c], произволъ и взяточничество другихъ [d], изувѣрство и пошлая клевета третьихъ, раболѣпство и тупоуміе многихъ, безумная роскошь и сибаритство сильныхъ міра и вліятельныхъ богачей [e]; Неплюевъ жилъ въ то время, когда иные помѣщики отличались отъ своихъ крестьянъ только покроемъ платья и большею возможностью безнаказанно совершать разныя преступленія, начиная съ воровства и разбоя и кончая убійствомъ; когда право сильнаго было правомъ злодѣя, богатство и общественное положеніе—защитою отъ наказанія [f]. И среди такого состоянія нравственной расшатанности и духовнаго убожества, Неплюевъ, подобно немногимъ другимъ, является свѣтлою и симпатичною личностью. Не желая идеализировать духовно-прав-

a) Дополн. къ Дѣяніямъ Петра Великаго, т. XVII, стр. 447—450. Сравн. Записки Неплюева, стр. 194—196. Изд. А. С. Суворина 1893 г., Спб.
b) Смотр. въ наст. монографіи гл. XXVIII.
c) См. въ наст. монографіи гл. XII, стр. 322—326.
d) См. гл. VIII въ наст. монографіи.
e) См. стр. 657, тамъ же.
f) М. И. Семевскій. Великіе Луки и Великолуцкій уѣздъ. Спб. 1857 г., стр. 128—136. Ср. ж. „Атеней" за 1858 г., II, стр. 393 и д.

ственный образъ Неплюева, вопреки исторической истинѣ, мы должны сказать, что и онъ, какъ человѣкъ и сынъ своего вѣка, не всегда дѣйствовалъ безукоризненно съ точки зрѣнія абсолютной нравственности: случалось, что иногда онъ, для достиженія доброй цѣли, обращался къ крутымъ и суровымъ мѣрамъ, даже допускалъ, какъ исключительное средство, пытки „съ пристрастіемъ", по отношенію къ нарушителямъ закона и общественной безопасности. Заботясь о благѣ отечества, онъ, въ силу политическихъ соображеній, прибѣгалъ иногда къ подкупу и обману, какъ это, напримѣръ, было во время его борьбы съ злѣйшимъ врагомъ Россіи, киргизскимъ Абдулъ-Хаиръ-Ханомъ и при усмиреніи башкирскаго мятежа въ 1755 году, когда мулла Батырша вознамѣрился поднять все магометанское населеніе Поволжья и Прикамья, чтобы, во имя Ислама, произвести всеобщую рѣзню русскихъ [a]. Неплюевъ, какъ мы знаемъ, былъ вынужденъ принять участіе, по волѣ графа Остермана, въ слѣдственномъ дѣлѣ надъ княземъ Д. М. Голицынымъ и кабинетъ—министромъ А. П. Волынскимъ, за что потомъ и поплатился арестомъ, съ временнымъ лишеніемъ ордена Св. Александра Невскаго, и двумя тысячами крестьянскихъ дворовъ въ Малороссіи [b]. Но всѣ эти невольныя уклоненія Неплюева, оберегавшаго себя и благо отечества, какъ-бы въ сторону практическихъ разсчетовъ, всетаки не умаляютъ его громадныхъ заслугъ передъ Россіей, которой онъ посвятилъ всю свою жизнь и труды, обоснованные на непоколебимой вѣрѣ въ Промыслъ Божій, на его нелицемѣрной любви къ отечеству, на твердой и разумной волѣ, энергіи, самоотверженіи и на его государственно-административныхъ талантахъ. Петръ Великій и Екатерина II, обладавшіе необыкновенной способностью угадывать людей, особенно цѣнили дарованія, трудолюбіе и заслуги Неплюева и сами засвидѣтельствовали о нихъ передъ современниками, исторіей и потомствомъ,— Петръ *Первый* при началѣ службы Неплюева, Екатерина *Вторая*— при ея концѣ. Воспроизводя мысленно въ головѣ полувѣковую службу Неплюева отечеству, въ ея разнообразныхъ проявленіяхъ, мы невольно, притомъ искренно и убѣжденно, чувствуетъ къ нему глубочайшее уваженіе и благодарность за его труды и заслуги для Россіи. Иванъ Ивановичъ Неплюевъ, по нашему убѣжденію, основанному на долговременномъ изученіи его жизни и дѣятельности, былъ великій государственный мужъ, самоотверженно служившій благу отечества, строгій и неуклонный блюститель дѣйствовавшихъ при немъ законовъ и порядка, полезный и счастливый

a) См въ наст. монографіи стр. 873—876.

b) См. въ наст. монографіи стр. 81 и д., гл. IV.

администраторъ—иниціаторъ, искусный инженеръ, ловкій и находчивый дипломатъ, добрый и попечительный отецъ и начальникъ, гуманнѣйшій человѣкъ, вѣрный сынъ Св. Церкви и Русскихъ Царей и Царицъ, смиренно и глубоковѣрующій православный христіанинъ, сохранившій въ своей благородной душѣ искру Божію до послѣдняго вздоха. Сознавая слабости человѣческой природы, онъ передъ самымъ исходомъ души изъ бренной оболочки тѣла обращается къ окружавшимъ его съ глубоко-трогательной просьбой: „*Помолитесь обо мнѣ грѣшномъ!*"—Что касается его заслугъ по отношенію къ Оренбургскому краю, то безъ преувеличенія можно сказать, что Неплюевъ пробудилъ его отъ смерти къ жизни, выростилъ, взлелѣялъ и, совершенно устроивъ его, подарилъ остальной Россіи,—это его родное, возлюбленное дѣтище, которому онъ посвятилъ лучшіе годы своей жизни и которое никогда не забудетъ своего любящаго и за гробомъ отца.

Важное значеніе Неплюева въ исторіи Оренбургскаго края еще болѣе уясняется для насъ, когда мы хотя бѣгло взглянемъ на внутреннее состояніе его, при ближайшихъ преемникахъ Неплюева. Въ 1771 году, когда Иванъ Ивановичъ доживалъ свой вѣкъ въ Поддубьѣ, произошло бѣгство калмыковъ, кочевавшихъ въ астраханскихъ степяхъ, въ Китай въ числѣ 90 тысячъ кибитокъ, въ коихъ было до 350000 душъ, на половину погибшихъ во время своего пути. [a] Припомнимъ также, что вскорѣ, по увольненіи Неплюева отъ должности оренбургскаго губернатора, среди Яицкаго войска начинаются внутренніе безпорядки; между старшинской и народной партіей возникаетъ и ведется снова междоусобная борьба еще съ большимъ ожесточеніемъ, чѣмъ это было до Неплюева, закончившаяся братоубійственной январской рѣзней [b] и участіемъ Яицкихъ казаковъ въ Пугачевщинѣ. Внутри Башкиріи и въ Пріаицкихъ степяхъ снова, какъ и до Неплюева, запылали села, деревни, храмы, заводы и крѣпости, надъ устройствомъ которыхъ такъ разумно, энергично и самоотверженно трудился Неплюевъ; снова, при заревѣ пожаровъ, засверкали казачьи сабли и копья; полетѣли въ воздухѣ-смертоностныя стрѣлы башкиръ и киргизцевъ; послышались пушечные и ружейные выстрѣлы; затрещали висѣлицы, закачались на нихъ невинныя жертвы мятежа; воздухъ, пропитанный пороховымъ дымомъ и зловоніемъ отъ гніющихъ труповъ людей и животныхъ, огласился криками раненныхъ и стонами умирающихъ; полилась ручьемъ христіанская и чужеродная кровь, безъ всякой пользы для тѣхъ и другихъ и съ величайшимъ вредомъ для

a) См. выше стр. 615.
b) См. выше стр. 367—368

обѣихъ сторонъ. Много было въ это время разрушено и сожжено храмовъ и заводовъ, опустошено селъ и деревень, много было жертвъ безумнаго мятежа, пролито невинной крови. Пугачовщина, начавшаяся на востокѣ Россіи, ураганомъ понеслась на западъ, угрожая Москвѣ. Случись эти событія, при управленіи Оренбургскимъ краемъ Неплюева, онъ не допустилъ бы калмыковъ до бѣгства въ Китай, Яицкихъ казаковъ до братоубійственной рѣзни и до участія ихъ въ Пугачевщинѣ, а Оренбургскій край спасъ-бы отъ разоренія. Припоминая его разумныя стратегическія распоряженія, во время волненія мятежниковъ, тептярей и бобылей въ Уфимской провинціи [a], его мѣры къ прекращенію мятежа башкирцевъ въ 1755 году [b], мы положительно увѣрены въ томъ, что Неплюевъ скоро изловилъ-бы кровожаднаго ворона, Пугачева, и обрѣзалъ-бы ему крылья, какъ нѣкогда Батыршѣ Алѣеву, потушивъ бунтъ въ самомъ его началѣ; но, къ сожалѣнію, мудрый и неусыпный стратегъ Оренбургскаго края въ это время лежалъ на смертномъ одрѣ, а черезъ два съ половиной мѣсяца, послѣ появленія Пугачева на Яикѣ, Неплюевъ опочилъ сномъ вѣчнаго покоя.

Промчалась наконецъ, какъ смерчъ, и Пугачевщина и снова началась работа надъ устройствомъ розореннаго и опустошеннаго Оренбургскаго края, организаторъ и отецъ котораго покоился въ Поддубскомъ храмѣ. Но изчезновеніе тѣни отъ предмета, поступающаго въ область свѣта, не можетъ еще служить доказательствомъ совершеннаго уничтоженія самаго предмета,—Неплюевъ, переселившись въ иной свѣтлый міръ, продолжалъ жить и на землѣ: въ то время, какъ тѣло его истлѣвало и обращалось въ прахъ, его дѣла, мысли, желанія, проэкты и мнѣнія были живы: они сохранились или въ многочисленныхъ вещественныхъ памятникахъ, уцѣлѣвшихъ отъ его времени, или еще въ болѣе многочисленныхъ архивныхъ бумагахъ. Преемники Неплюева по управленію Оренбургскимъ краемъ читали его проэкты, реляціи, рапорты и т. п. бумаги въ разныя государственныя и административныя учрежденія: въ Сенатъ, въ Военную Коллегію, въ Коллегію Иностранныхъ Дѣлъ и др., и старались въ своихъ дѣйствіяхъ руководиться ими и подражать Неплюеву, когда и гдѣ это было возможно. Графъ Павелъ Петровичъ Сухтеленъ, [c] управлявшій Оренбургскимъ краемъ съ 1830—1833 г., читая проэкты и мнѣнія Неплюева, однажды выразился такъ: „*Мною еще не выполнено того, о чемъ*

---

a) См. въ наст. монографіи глав. XV, стр. 424, 428—430 и 435.

b) Тамъ, глав. XXVII, стр. 845 и далѣе.

c) Графъ П. П. Сухтеленъ умеръ отъ холеры и погребенъ въ оградѣ Петропавловской церкви, въ Оренбургѣ.

когда-то помышлялъ Неплюевъ. Занимая мѣсто Неплюева и читая его мнѣнія, не могу не поддаться обаянію Неплюева и желалъ-бы исполнить его волю". Но особенно относился съ уваженіемъ къ уму, трудамъ и заслугамъ Неплюева князь Григорій Семеновичъ Волконскій, управлявшій Оренбургскимъ краемъ почти столько же лѣтъ, какъ и Неплюевъ. [a] Желая увѣковѣчить память о Неплюевѣ князь Волконскій задумалъ учредить въ Оренбургѣ особое училище и назвать его Неплюевскимъ.

Нужно замѣтить, что почва для этого была уже подготовлена. Императоръ Александръ I подписалъ 15 августа 1801 г. рескриптъ, данный на имя оренбургскаго военнаго губернатора, генералъ-маіора Бахметева; въ этомъ рескриптѣ Государь выразилъ желаніе, чтобы въ нѣкоторыхъ губерніяхъ, въ томъ числѣ и въ Оренбургской (въ г. Оренбургѣ) были учреждены дворянскія военныя училища, воспитанники которыхъ могли бы потомъ поступать въ кадетскіе корпуса и ближайшіе университеты, для дальнѣйшаго и окончательнаго приготовленія однихъ къ военной, а другихъ къ гражданской службѣ. Предназначивъ на постепенное построеніе сихъ заведеній и на ежегодное содержаніе ихъ полмилліона рублей въ годъ, Государь приказалъ генералъ-маіору Богичеву отправиться въ тѣ мѣста, гдѣ предполагалось устроить военныя училища, и сдѣлать „вѣрнѣйшіе разсчеты какъ по строенію, такъ и содержанію оныхъ, примѣняясь къ мѣстнымъ способамъ и существующимъ цѣнамъ". Въ помощь Богичеву данъ былъ особый архитекторъ, который долженъ былъ составлять планы, смѣты и описанія предположенныхъ строеній подъ училища. Поручая оренбургскому военному губернатору Бахметеву содѣйствовать во всемъ генералу Богичеву, Государь въ то же время возложилъ на него обязанность объявить Дворянству Оренбургской губерніи о своемъ желаніи: „Поручаю Вамъ (говорится въ высочайшемъ рескриптѣ) удостовѣрить его, что подвигъ таковой принятъ будетъ мною со всѣмъ уваженіемъ руководствующаго къ нему начала и ознаменуетъ болѣе, нежели всѣ другія доказательства, колико Россійское Дворянство всегда готово единодушно дѣйствовать на пользу общую. Но при семъ не упустите изъ виду самое существенное правило, чтобъ добрая воля и свободное движеніе чести было единымъ побужденіемъ его дѣйствія, чтобъ удаленъ былъ отъ него самый видъ понудительныхъ внушеній. Я отвращаюсь жертвъ, приносимыхъ съ сожалѣніемъ или по нуждѣ, и малѣйшее отягощеніе Государства вѣситъ въ понятіяхъ моихъ болѣе, нежели всѣ счастливыя

---

[a] Кн. Г. С. Волконскій былъ Оренбургскимъ г.-губернаторомъ съ 1803—1817 г.

предположенія. Внушите Дворянству сіи истины, меня руководствующія, и дайте полную свободу дѣйствовать отечественнымъ его видамъ Я увѣренъ, что возможность будетъ единою мѣрою его усердія" [a]. Такимъ образомъ, первая мысль объ открытіи въ Оренбургѣ военнаго училища принадлежитъ Государю Императору Александру I и относится къ первымъ годамъ его царствованія, осуществить же ее выпало на долю энергичнаго оренбургскаго генералъ-губернатора, князя Г. С. Волконскаго, которому безпорно принадлежитъ честь исполненія воли Государя и честь увѣковѣченія имени Неплюева въ потомствѣ.

Для осуществленія своего намѣренія, кн. Волконскій обратился къ общественной благотворительности и, къ величайшему своему удовольствію, встрѣтилъ полное сочувствіе и живѣйшую готовность нѣкоторыхъ лицъ помочь ему въ этомъ добромъ дѣлѣ; особенно крупное пожертвованіе сдѣлалъ Иванъ Николаевичъ Неплюевъ,[b] приславшій на училище 10000 р.[c] Собравъ въ одинъ годъ болѣе 20000 р., кн. Волконскій въ маѣ 1806 года представилъ на высочайшее усмотрѣніе Императора Александра Павловича проэктъ предположеннаго имъ училища, присоединивъ къ нему и списокъ жертвователей. [d]

Въ своемъ всеподданнѣйшемъ докладѣ Государю Императору Александру I, кн. Волконскій говоритъ: „Трехгодичное пребываніе мое въ Оренбургской губерніи и наблюденіе надъ народами, обитающими во Всевысочайше ввѣренномъ управлаⁿію моему краѣ, подали мнѣ довольно способовъ къ узнанію ихъ душевныхъ способностей и нравовъ. Казаки Оренбургскаго войска, башкиры, тептяри и мещеряки и всѣ азіатцы имѣютъ природныя дарованія душевныя, не устрашимы, но нравы грубые. При каждомъ удобномъ случаѣ обнаруживается въ сихъ людяхъ склонность къ переимчивости; но и доселѣ способности ихъ покрываются, такъ сказать, мракомъ заблужденія и лучъ наукъ еще не проникалъ въ жилища сихъ необразованныхъ народовъ, между тѣмъ какъ по всей Россіи свѣтъ просвѣщенія разливается съ полною быстротою. Сострадая о таковомъ положеніи сихъ народовъ, погруженныхъ отъ начала своего исхожденія въ невѣжество, я осмѣливаюсь, Всемилостивѣйшій Государь, предположить средства къ образованію сихъ умовъ заведеніемъ въ городѣ Оренбургѣ училища подъ названіемъ Неплюевскаго, и въ семъ намѣреніи сообщилъ предпріятіе мое нѣкоторымъ особамъ, которыя уже и пожертвовали на сіе заведеніе слишкомъ за 20 тысячъ рублей. Имѣя счастіе Всеподданнѣйше

a) См. въ приложеніи къ Пам. кн. Оренб. губерніи на 1871 г., стр. 1—4. Ср. Архивъ бывшаго Оренбургскаго генералъ-губернаторскаго управленія, Оренбургъ 1889 г. Вып. I, стр. XXIV—XIX.

b) Тайный Совѣтникъ, генералъ-губернаторъ Минской области и членъ Государственнаго Совѣта († 6 іюля 1823 г.), внукъ И. И. Неплюева.

c) См. въ приложеніи къ наст. монографіи, стр. 120.

d) См. тамъ же, стр. 119.

представить на Высочайшее Вашего Императорскаго Величества благоразсмотрѣніе планъ сему училищу, осмѣливаюсь испрашивать Высочайшаго дозволенія назвать оное именемъ Неплюева, какъ основателя Оренбургскаго края, коего дѣла и теперь еще напоминаютъ о пользахъ сей области и память его жива въ сердцахъ грубыхъ, но благодарныхъ народовъ. Во всеглубочайшемъ благоговѣніи подношу у сего списокъ особъ, благотворившихъ на сіе заведеніе, и осмѣливаюсь повергнуть ихъ Всемилостивѣйшему Вашего Императорскаго Величества воззрѣнію. Ежели планъ сей удостоится Высочайшаго утвержденія, то благоволите, Всемилостивѣйшій Государь, повелѣть взять для занятія учительскихъ должностей изъ воспитанниковъ Казанскаго военно-сиротскаго отдѣленія способнѣйшихъ, а въ надзиратели изъ Оренбургскаго гарнизоннаго полка". [a]

Недовольствуясь частными пожертвованіями, которыя продолжали поступать на училище [b], князь Волконскій просилъ еще на его устройство 40000 р. изъ казны; но отечественная война 1812 г. помѣшала этому: по случаю опаснаго положенія Россіи, заботы объ ея образованіи и внутреннемъ преуспѣяніи были отложены до болѣе благопріятнаго времени. Князь Волконскій проэктировалъ открыть училище съ шестилѣтнимъ курсомъ, при трехъ отдѣленіяхъ, для казенныхъ и своекоштныхъ учениковъ; число послѣднихъ не было ограничено, а количество первыхъ было опредѣлено въ 40 чел. Кромѣ наукъ, предполагалось обучать воспитанниковъ верховой ѣздѣ, метанію стрѣлъ и копій. Лучшіе изъ учениковъ должны были получать на экзаменѣ похвальные листы, а кончившіе съ успѣхомъ полный курсъ могли быть выпускаемы изъ заведенія съ чиномъ хорунжскаго, если они были русскіе, и въ чинѣ сотника, если то были башкирцы и другіе инородцы. На содержаніе 40 каз. учениковъ было ассигновано 1500 р. въ годъ, полагая по 37 р. 50 коп. на каждаго; на жалованье учителямъ, надзирателю, повару и прачкѣ 900 р.; отопленіе и освѣщеніе были отнесены на счетъ остатковъ отъ обмундировки учениковъ. Для первоначальнаго помѣщенія училища, кн. Волконскій предполагалъ отвести одно изъ свободныхъ казенныхъ зданій; училище должно было находиться въ вѣдѣніи Пограничной Коммиссіи, подъ главнымъ надзоромъ начальника Оренбургскаго края. Оставляя въ 1817 году службу въ Оренбургскомъ краѣ, князь Г. С. Волконскій сообщилъ Пограничной Коммиссіи, что капиталъ на устройство Неплюевскаго учили-

a) Копія съ настоящаго рапорта, равно какъ и другіе матеріалы объ устройствѣ Неплюевскаго училища, сообщены намъ подъесауломъ Оренбургскаго казачьяго войска С. Н. Севастьяновымъ, которому и выражаемъ нашу искреннюю благодарность.

b) Смотр. въ приложенія къ наст. монографіи, стр. 119.

ща возросъ до 38986 р., считая въ томъ числѣ 6678 руб. $17^1/_2$ коп. процентовъ, наросшихъ по ссудамъ частнымъ лицамъ изъ этого капитала. Въ 1824 году Императоръ Александръ Благословенный осчастливилъ Оренбургъ своимъ посѣщеніемъ [a] и тогда же повелѣть соизволилъ, чтобы Неплюевское училище было открыто въ самомъ непродолжительномъ времени, а 2 января 1825 года Высочайшая воля была исполнена. Хотя открытіе Неплюевскаго училища послѣдовало при г.-губернаторѣ Петрѣ Кирилловичѣ Эссенѣ, но инициатива его учрежденія, какъ достойнаго памятника Неплюеву, принадлежитъ всецѣло князю Г. С. Волконскому, который первый собралъ значительныя суммы на его устройство. Сначала Неплюевское училище помѣщалось въ скромномъ деревянномъ домѣ, затѣмъ было переведено въ тотъ каменный корпусъ, гдѣ нынѣ—женская гимназія, а въ 1872 году для него выстроено громадное каменное зданіе на Караванъ-Сарайской площади, съ домовой церковью, во имя обновленія храма Воскресенія Христова въ Іерусалимѣ. Въ алтарѣ этого храма, какъ мы уже знаемъ, хранится замѣчательный памятникъ церковной древности: иконостасъ походной церкви Воскресенія Христова, подаренный Императоромъ Петромъ Великимъ его крестнику, калмыцкому тайдшѣ Баксадай-Дорджи, а по крещеніи Петру Петровичу Тайшину, а также—антиминсъ, потиръ, звѣздица, крестъ, ризы и другія церковныя принадлежности этого походнаго храма. [b]

Въ теченіе своего семидесятилѣтняго существованія, Неплюевское училище подвергалось различнымъ преобразованіямъ, вызываемымъ потребностями времени, и называлось сначала Неплюевскимъ военнымъ училищемъ (съ 1825—1844), потомъ—Неплюевскимъ кадетскимъ корпусомъ (1844—1867), затѣмъ Неплюевской военной гимназіей (1867—1882) и наконецъ съ 1882 г. снова—Неплюевскимъ кадетскимъ корпусомъ, оставаясь съ этимъ названіемъ доселѣ. Первымъ директоромъ Неплюевскаго училища былъ Григорій Θеодоровичъ Генсъ, любитель мѣстной исторіи, [c] служившій потомъ предсѣдателемъ въ Пограничной Коммиссіи, въ вѣдѣніи которой училище находилось до 1862 года; за нимъ слѣдовали: полковникъ Артюховъ (1832—1833); Иларіонъ Михайловичъ Марковъ (1833—1848), умершій отъ холеры; Михаилъ Сергѣевичъ Шиловъ

---

a) Въ память этого посѣщенія на берегу Урала воздвигнутъ памятникъ (колонна).

b) См. объ этомъ храмѣ и его принадлежностяхъ выше (стр. 505—507), и въ приложеніи къ наст. монографіи, стр. 24—26.

c) Въ Оренбургской публ. городской библіотекѣ хранится доселѣ часть его рукописей (8 тетрадей), заключающихъ въ себѣ цѣнный матеріалъ по исторіи Оренбургскаго края.

Къ стр.954.

Новый Казанскій соборъ въ Оренбургѣ.

Къ стр. 948.

Неплюевскій Кадетскій корпусъ.

(1848—1862), скончавшійся въ Петербургѣ въ 1889 году; Петръ Логиновичъ Энгельке, исправлявшій временно должность директора (1862—1865) до назначенія новаго лица; Павелъ Васильевичъ Доморщиковъ (1865—1876) и настоящій директоръ генералъ Ѳеофилъ Матвѣевичъ Самоцвѣтъ, занимающій эту должность безсмѣнно уже 20 лѣтъ, начиная съ 1876 года. Не мало вышло изъ Неплюевскаго училища—гимназіи—корпуса полезныхъ дѣятелей, которые съ честію и славою трудились и трудятся внутри и на далекихъ окраинахъ обширной Россіи, а иные изъ нихъ давно уже сложили свои головы на полѣ брани, сражаясь самоотверженно и храбро за Вѣру, Царя и Огечество. [а)]

Покойный законоучитель Неплюевской военной гимназіи, о. протоіерей Сахаровъ, 11 ноября 1873 г., въ столѣтнюю годовщину со дня кончины И. И. Неплюева, въ своей прекрасной Рѣчи, произнесенной имъ передъ панихидой о Неплюевѣ, между прочимъ, сказалъ: „Есть въ (нашемъ) городѣ памятникъ (Неплюеву) и съ самимъ его именемъ: это—наше учебное заведеніе. Оно не имъ воздвигнуто, но именно посвящено имени его, какъ памятникъ объ немъ. Вотъ на какомъ памятникѣ начертано славное имя его и начертано съ такою силою и ясностію, что читается не вблизи только,—въ нашемъ городѣ,—но и со стороны, издалека: за тысячи верстъ отъ насъ живущіе читаютъ и знаютъ, что въ Оренбургѣ есть Неплюевское учебное заведеніе“. Затѣмъ, обращаясь къ своимъ сослуживцамъ, почтенный протоіерей продолжалъ: „Братіе—сочлены этого учебнаго заведенія! Намъ, носителямъ, такъ сказать, столь славнаго имени надобно быть внимательными къ чести носить такое славное имя, которое, повидимому, случайно намъ досталось. У Промысла Божія ничего не бываетъ случайнаго, а потому надобно вникать въ Его распоряженія. Можетъ быть посвященіемъ нашего училища памяти Неплюева Промыслу Божію угодно было поставить его намъ, какъ-бы почетнымъ безсмертнымъ попечителемъ, побуждающимъ всѣхъ и каждаго самымъ именемъ своимъ на дѣла благополезныя; можетъ быть Промыслу угодно было, чтобы члены этого училища, и воспитанники и руководители ихъ, постоянно воспоминая имя такого образцоваго человѣка, тѣмъ самымъ побуждались подражать высокимъ качествамъ его,—какъ-бы сохранять и умножать духовное—нравственное наслѣдство, отъ него намъ завѣщанное въ высокихъ примѣрахъ его жизни, трудолюбивой и проникнутой сердечною вѣрою. Вѣдь, такое подражаніе есть дѣло вполнѣ христіански-благотворное. Апостолъ

а) Начиная съ 1886 г., бывшіе воспитанники Неплюевскаго училища каждогодно собираются 15 января на общій обѣдъ, для скрѣпленія товарищескихъ добрыхъ отношеній между собою.

языковъ убѣждаетъ христіанъ поминать наставниковъ своихъ и подражать имъ: *„поминайте наставники ваша“*,—говоритъ Св. Апостолъ Павелъ,“—*ихъ же взирая на скончаніе жительства, подражайте вѣрѣ ихъ*“. [a] (Евр. гл. XIII, ст. 7.)

Проходили десятки, сотни лѣтъ со времени кончины И. И. Неплюева, а память о немъ не только была жива среди жителей Оренбургскаго края, а съ каждымъ новымъ поколѣніемъ она какъ-бы освѣжалась и укрѣплялась, все болѣе и болѣе уясняя величавый образъ основателя Оренбурга и вѣрнаго слуги отечества. 11 ноября 1873 года исполнилось ровно сто лѣтъ со дня блаженной кончины И. И. Неплюева, о чемъ предупредилъ оренбургскихъ гражданъ Р. Г. Игнатьевъ († 1886 г.) своимъ письмомъ, напечатаннымъ въ Оренбургскихъ Епарх. Вѣдомостяхъ,[b] по нашему совѣту. Въ этотъ достопамятный день для Оренбурга, во многихъ мѣстахъ молились объ упокоеніи души И. И Неплюева. Въ Оренбургѣ, Уфѣ, Уральскѣ, Троицкѣ, Гурьевѣ и другихъ городахъ края была совершена заупокойная литургія и паннихида по Неплюевѣ, въ присутствіи представителей разныхъ учрежденій и мѣстныхъ воинскихъ командъ. Въ Уральскомъ Александро-Невскомъ православномъ соборѣ, куда собрались 11 ноября всѣ военные и гражданскіе чины, заупокойную литургію и паннихиду совершилъ старѣйшій протоіерей собора А. П. Добровидовъ [c], въ сослуженіи городскаго духовенства изъ всѣхъ единовѣрческихъ церквей, причемъ священникъ о. Евладовъ познакомилъ собравшихся въ храмѣ съ жизнью Неплюева и съ его заслугами по устройству Яицкаго войска, а послѣ литургіи былъ разводъ и парадный смотръ казачьимъ войскамъ. Но особенной торжественностью отличалось чествованіе памяти Неплюева въ столѣтнюю годовщину его кончины, въ Оренбургѣ. Преосвященный Митрофанъ, епископъ оренбургскій и уральскій, въ этотъ день, совмѣстно съ городскимъ духовенствомъ, служилъ въ оренбургскомъ соборѣ, построенномъ еще Неплюевымъ причемъ, протоіерей Семеновъ (нынѣ покойный) произнесъ приличное случаю слово на текстъ: *„Боящагося Господа*

---

a) Оренб. Епарх. Вѣдомости 1873 г., № 23, стр. 923—924.

b) За 1873 г., № 18, стр. 719—720.

c) Алексѣй Парменовичъ Добровидовъ, воспитанникъ Уфимской Духовной семинаріи, рукоположенъ въ санъ іерея 10 октября 1846 г; слѣдовательно въ настоящемъ году 10 октября исполнится 50 лѣтъ его священническаго служенія, изъ коихъ 46 лѣтъ онъ провелъ въ Уральскѣ, при Александро-Невскомъ соборѣ, съ 1850—1859 г. въ санѣ священника, а съ 10 марта 1859 г.—въ санѣ первенствующаго протоіерея того же собора. Кромѣ наградъ, полученныхъ имъ по представленію Епархіальнаго начальства, почтенный о. протоіерей имѣетъ *золотой крестъ*, поднесенный ему прихожанами, и *бриліантовый крестъ*, пожалованный ему Его Высочествомъ Государемъ Наслѣдникомъ, нынѣ благополучно царствующимъ Государемъ Императоромъ Николаемъ Александровичемъ, во время посѣщенія имъ г. Уральска въ 1891 году, по случаю празднованія 300 л. юбилея существованія Уральскаго Казачьяго Войска.

не срящетъ зло: аще и въ напасть впадетъ, паки изметъ его. Мужъ премудръ не возненавидитъ закона. Жертва мужа праведнаго пріятна, и память ея незабвенна будетъ" [a] (кн. Іисуса, сына Сирахова, гл. XXXIII, ст. 1 и 2; гл. XXXV, ст. 6). Въ домовой церкви Неплюевской военной гимназіи литургію и панниxиду совершалъ о. законоучитель, протоіерей Сахаровъ, который передъ началомъ панниxиды сказалъ глубоко-прочувствованное „Слово" на текстъ: *„Тѣлеса ихъ въ миръ погребена быша, а имена ихъ живутъ въ роды. Премудрость ихъ повѣдятъ людіе, и похвалу ихъ исповѣстъ Церковь"* [b] (кн. Іисуса сына Сирахова, гл. XLIV, ст. 13 и 14). Познакомивъ воспитанниковъ и всѣхъ собравшихся въ храмѣ съ личностью и заслугами И. И. Неплюева, маститый о. законоучитель (нынѣ покойный), между прочимъ, сказалъ слѣдующее: „Сегодня, въ столѣтній юбилей его (Неплюева), нынѣ г. Оренбургъ благодарно вспомнилъ объ немъ и воздаетъ ему должное дѣло христіанской признательности,—совершаетъ поминовеніе о своемъ попечительномъ основателѣ и строителѣ. По приведеніи въ ясность его высокихъ качествъ и заслугъ, не смущаетъ-ли насъ, братіе—сограждане, мысль, что столь много обязанный ему городъ и край доселѣ не собрался воздвигнуть ему памятникъ, какіе нерѣдко воздвигаются благодарною признательностію въ честь великихъ лицъ?—Должно признаться, что подобное выраженіе признательности къ нему было-бы дѣломъ достодолжнымъ и достохвальнымъ. Но съ другой стороны нельзя умолчать, что иного рода памятники ему есть въ нашемъ городѣ. И во первыхъ—памятникъ, воздвигнутый еще имъ самимъ, памятникъ чисто-христіанскій, теплѣе холоднаго мрамора, сохраняющій память достойнаго мужа,—это Преображенскій соборъ. *Въ память вѣчную будетъ праведникъ*: въ этомъ соборѣ на каждой литургіи возносится молитва къ Господу объ упокоеніи души его храмоздателя, и такимъ образомъ помнится онъ и помнится съ любовію, и любовію христіанскою, тщательно исполняется послѣдняя предсмертная просьба его: „молитесь обо мнѣ"!—И какой памятникъ лучше памятника храма?—Только тѣсенъ сталъ теперь и бѣденъ этотъ храмъ, чтобы быть ему главнымъ соборнымъ храмомъ значительнаго города, и уже не соотвѣтствуетъ ни развившемуся народонаселенію, ни богатству города, ни величинѣ и красотѣ городскихъ построекъ. Давно сознается потребность воздвигнуть главный въ городѣ храмъ такой, кото-

---

a) См. слово протоіерея Семенова въ Оренб. Епарх. Вѣдомостяхъ за 1874 г., № 1, стр. 30 и д., и № 2.

b) Обстоятельная Рѣчь о. протоіерея Сахарова была напечатана въ Оренб. Епарх. Вѣдомостяхъ за 1873 г., № 23, стр. 914—924.

рый гармонировалъ-бы съ цѣлымъ городомъ,—чтобы домъ Божій не казался убогимъ предъ очень и очень многими жилищами человѣческими. Но и когда созрѣетъ христіанское усердіе,—когда воздвигнется новый, лучшій храмъ,—этотъ маститый старецъ—храмъ останется достойнымъ памятникомъ своего храмоздателя: всякій знаетъ и не забудетъ, что этотъ храмъ въ свое время, во время благочестиваго Неплюева, былъ огромнѣйшее и великолѣпнѣйшее зданіе во всемъ городѣ. Только на этомъ памятникѣ—храмѣ не начертано, какъ-бы слѣдовало, во всеобщее извѣстіе, имя храмоздателя,—этотъ недостатокъ восполнить было-бы дѣломъ достойнымъ признательности къ нему, даже и въ томъ случаѣ, если бы созрѣло усердіе поставить ему особый, собственно такъ называемый, памятникъ" [a]).

Нужно замѣтить, что желаніе почтеннаго о. протоіерея Сахарова имѣть въ Оренбургѣ новый соборный храмъ не было единичнымъ,—это было только открытое выраженіе желанія многихъ, цѣнившихъ заслуги Неплюева и сознававшихъ тѣсноту существующихъ лѣтняго и зимняго соборовъ, построенныхъ при Неплюевѣ. Преосвященный Митрофанъ, епископъ Оренбургскій и Уральскій, первый подалъ мысль о постройкѣ въ Оренбургѣ новаго соборнаго храма, какъ памятника христіанской вѣры среди мусульманъ, на далекой окраинѣ Европейской Россіи. Н. А. Крыжановскій, послѣдній оренбургскій генералъ-губернаторъ, вполнѣ раздѣляя мнѣніе преосвященнаго, энергично принялся за это дѣло, видя сочувствіе къ нему многихъ именитыхъ и состоятельныхъ граждан Оренбурга. Въ своей прекрасной Рѣчи, сказанной имъ въ Неплюевской военной гимназіи 11 ноября 1873 г., послѣ божественной службы, Н. А. Крыжановскій высказалъ свои убѣжденія и соображенія о необходимости и благовременности приступить къ сбору пожертвованій на сооруженіе новаго соборнаго храма въ Оренбургѣ и тутъ же первый подписалъ на его построеніе 500 р., присовокупивъ, что „лучшаго памятника Неплюеву, какъ православный Божій храмъ, въ воспоминаніе его заслугъ, нельзя и придумать". Съ этого времени мысль о построеніи новаго соборнаго храма въ Оренбургѣ сдѣлалась какъ-бы священнымъ обѣтомъ всего Оренбургскаго общества. Въ твердой надеждѣ на помощь всего Русскаго народа, отличающагося своимъ усердіемъ къ сооруженію и украшенію храмовъ Божіихъ, генералъ-адъютантъ Н. А. Крыжановскій обратился съ ходатайствомъ на Высочайшее имя о разрѣшеніи повсемѣстной подписки и сбора пожертво-

---

а) Оренб. Еп. Вѣд. 1873 г., № 23, стр. 922—923. Въ настоящее время эта надпись существуетъ. (См. выше въ нашей монографіи стр. 190). Судя по ея транскрипціи, она сдѣлана гораздо раньше 1873 г. и для насъ остается непонятнымъ, почему о. протоіерей Сахаровъ заявилъ объ ея отсутствіи.

ваній на построеніе въ Оренбургѣ новаго храма, и Государь Императоръ Александръ II, въ 9 день августа 1874-го года, соизволилъ разрѣшить эту подписку. Въ 1875 году на мѣстѣ предположеннаго собора былъ построена часовня, которая потомъ, благодаря попеченіямъ оренбургскихъ купцовъ П. М. Дѣева и С. И. Щербакова, обращена во временную двухпрестольную церковь, сдѣлавшуюся мѣстомъ сбора пожертвованій на построеніе собора [a]. Но страшный пожаръ 1879 года, истребившій большую часть Оренбурга, и послѣдовавшія затѣмъ бѣдствія голода отдалили дѣло построенія храма на долго. Въ 1881 году, 19 января, Н. А. Крыжановскій созвалъ наиболѣе вліятельныхъ гражданъ Оренбурга, и энергически высказался о необходимости и благовременности приступить къ сооруженію храма безъ промедленія. Предложеніе генералъ-губернатора было принято единодушно, а Городская Дума въ томъ же году отвела подъ соборъ мѣсто на Караванъ-Сарайской площади, въ количествѣ 25000 кв. саженъ, которое тогда же было освящено съ водруженіемъ Св. Креста. Но впослѣдствіи это мѣсто было признано неудобнымъ, и Дума отвела другое на болѣе обширной и центральной *Сакмарской* площади, прежнее же мѣсто обращено въ скверъ. Изъ нѣсколькихъ проэктовъ [b] предположеннаго собора, составленныхъ архитекторами Императорской Академіи Художествъ, былъ признанъ наиболѣе подходящимъ и соотвѣтствующимъ денежнымъ средствамъ проэктъ академика архитектуры г. Ященко, который получилъ за свой трудъ изъ суммъ Строительнаго Комитета 4000 р. [c] Въ 23 день января 1886 года проэктъ г. Ященко былъ высочайше утвержденъ Государемъ Императоромъ, въ Бозѣ почившимъ Александромъ III, а 8 сентября того же года, въ праздникъ Рождества Богородицы, было положено основаніе новому храму, при весьма торжественной обстановкѣ. Земляныя высокія стѣны, окружавшія площадь закладки храма, углубленную на $10^1/_2$ аршинъ, были обнесены перилами, украшенными флагами и древесными вѣтвями, а для входа въ углубленіе были устроены съ русской рѣзьбой ворота, также украшенныя флагами и зеленью, сохранившіяся доселѣ. Среди многочисленной массы народа, были расположены войска и три хора духовой музыки. Послѣ божественной литургіи, ровно въ 12 часовъ дня, преосвященный Макарій, съ духовенствомъ и крестнымъ ходомъ, направился по земляному откосу къ

---

a) Со времени построенія этого храма по 12 октября 1895 г. въ немъ было собрано 57793 р. 78 коп. См. Оренбургскій Листокъ за 1895 г., № 43, стр. 2, столб. 2.

b) См. о нихъ въ Оренб. Листкѣ 1895 г., № 43: въ обстоятельной статьѣ: „*Новый соборный храмъ въ Оренбургѣ*". (Историческая справка).

c) 3500 р. за проектъ и смѣту, для представленія въ Техническо-строительный Комитетъ Министерства Внутреннихъ Дѣлъ, и 500 р. на поѣздку изъ Петербурга въ Оренбургъ.

мѣсту закладки храма. Когда крестный ходъ, съ чудотворной иконой Табынской Божіей Матери, [a] тихо спускался въ углубленіе для храма, хоры духовой музыки, при колокольномъ звонѣ во всѣхъ городскихъ церквахъ, торжественно исполняли гимнъ: *„Коль славенъ нашъ Господь въ Сіонѣ“*. Помѣстившись подъ особо устроенной сѣнью, вмѣстѣ съ духовенствомъ и представителями всѣхъ вѣдомствъ, преосвященный Макарій сначала, по обычаю, прочиталъ и потомъ заложилъ металлическую позлащенную доску съ соотвѣтствующей надписью, [b] укрѣпивъ первый камень новаго соборнаго храма.

Торжественная закладка новаго собора, соединеннаго съ благодарною памятью основателю Оренбурга, значительно усилила притокъ пожертвованій на его сооруженіе. Въ тотъ же день, въ 3 часа по полудни, въ Городской Думѣ состоялся общественный обѣдъ, который почтилъ своимъ присутствіемъ и преосвященный Макарій. Во время этого обѣда было пожертвовано разными лицами на построеніе собора болѣе 30000 рублей [c] и выражено единодушное желаніе увидѣть новый храмъ скорѣе отстроеннымъ. Послѣ этого работы по сооруженію храма пошли быстро и безостановочно. Въ 1887 году былъ выложенъ бутъ и обложенъ кирпичемъ подвальный этажъ; въ 1888 г.—устроенъ цоколь; въ 1889—1893 г. производилась кирпичная кладка храма по ярусамъ; въ 1894 году были окончены штукатурныя работы сводовъ и внутреннихъ стѣнъ собора. Въ ноябрѣ 1893 г. Оренбургъ готовился праздновать полуторавѣковой юбилей своего существованія и почтить 200—лѣтнюю память со дня рожденія И. И. Неплюева, а между тѣмъ денежныя средства на построеніе собора истощились и возникли опасенія, что отдѣлка храма и его освященіе отдалятся на продолжительное время. Но въ это время пришла на помощь вдова оренбургскаго купца М. Л. Иванова, пожертвовавшая на окончаніе работъ 30000 рублей, къ невыразимой радости строителей храма. Вся эта сумма была употреблена на устройство иконостаса, на иконы и колокола [d]. Иконостасъ (въ главномъ храмѣ и придѣльныхъ) сдѣланъ въ византійскомъ стилѣ; иконы написаны извѣстнымъ художникомъ В. Маковскимъ; стѣны и сводъ купола внутри собора выкрашены въ

---

a) Икона Табынской Казанской Божіей Матери ежегодно приносится въ Оренбургъ осенью. См. о ней въ настоящей монографіи на стр. 385, зам. (е).Ср. „Расколъ въ Уральскомъ войскѣ“ В. Н. Витевскаго, стр. 201 202.

b) См. эту надпись въ приложеніи, стр. 121—122.

c) Наиболѣе крупныя пожертвованія на этомъ обѣдѣ сдѣлали слѣдующія лица: купецъ В. Е. Мякиньковъ 3000 р., братья Дѣевы—2000 р., братья Оглодковы, О. Н. Оглодкова, С. М. Ивановъ, Н. А. Дюковъ, А. М. Рябцовъ, Н. П. Савинковъ, Н. И. Мохинъ и генералъ И. В. Черновъ по 1000 рублей.

d) Вѣсъ большаго колокола 723 п. 32 ф., меньшаго 302 п 33 ф.

свѣтло-голубой цвѣтъ, а полы—сѣрой краской. Въ придѣльныхъ алтаряхъ и въ главной части храма (подъ куполомъ) полъ насланъ изъ плитъ гребенскаго камня, на солеяхъ—изъ терракотовыхъ пластинокъ сѣраго и краснаго цвѣта, а въ главномъ алтарѣ—изъ паркетныхъ досокъ. Въ соборѣ устроены хоры, для входа на которые, а также на колокольню и галлерею главнаго купола, установлена винтовая лѣстница съ чугунными ступенями (числомъ 152 ступени). Внутренность новаго собора отличается благолѣпіемъ, церковная утварь изящная и цѣнная; соборъ очень просторенъ и можетъ вмѣстить въ себѣ свыше 2000 человѣкъ. Доселѣ на построеніе его израсходовано до 350000 р. да еще потребуется до 70000 руб. на стѣнную живопись, на ризницу, на дома для причта и проч., такъ-что стоимость собора въ совершенно законченномъ видѣ обойдется неменѣе 420000 р.—Освященіе главнаго престола, во имя Казанской Божіей Матери, было совершено 19 октября 1895 года, въ четвергъ, преосвященнымъ Макаріемъ, при участіи городскаго духовенства и при небываломъ стеченіи народа. Чтобы удовлетворить благочестивому желанію многихъ тысячъ народа [a]) помолиться въ новомъ соборномъ храмѣ, составляющемъ лучшее украшеніе города, преосвященный Макарій сряду три дня (19, 20 и 21 октября) совершалъ божественныя службы въ этомъ величественномъ храмѣ. Сооруженіе и освященіе новаго собора въ Оренбургѣ составляетъ великое и радостное событіе въ жизни всего Оренбургскаго края. Мы потому сочли нелишнимъ сказать нѣсколько словъ объ его сооруженіи и освященіи мѣста и самого храма, что первоначальная мысль о немъ возникла, подъ вліяніемъ благодарныхъ чувствъ жителей Оренбурга къ заслугамъ И. И. Неплюева, въ столѣтнюю годовщину чествованія его памяти, когда весь Оренбургскій край молился объ упокоеніи многотрудившейся души своего устроителя. Искренно, отъ всей души, желаемъ, чтобы этотъ храмъ, привлекая къ себѣ вниманіе жертвователей и молящихся, украшался все болѣе и болѣе, во славу Божію, въ честь Русскихъ Царей и въ знаменіе прочнаго водворенія православія и русской народности на рубежѣ Азіи. Пусть этотъ грандіозный храмъ, созданный на доброхотныя даянія русскихъ людей, послужитъ нагляднымъ доказательствомъ того, какъ Русскій народъ высоко, дорого и свято чтитъ память истиннодостойныхъ и полезныхъ слугъ отечества, вѣрныхъ сыновъ Св. Православной Церкви и своихъ законныхъ Государей.

а) Въ это время въ Оренбургѣ особенно было многочисленное стеченіе простаго народа изъ селъ и деревень, по случаю проводовъ чудотворной иконы Табынской Божіей Матери, которые должны были совершиться 22 октября, т. е. черезъ два дня послѣ освященія собора.

Такимъ образомъ въ Оренбургѣ въ настоящее время имѣется два памятника, достойные заслугъ его основателя: Неплюевскій кадетскій корпусъ и новый соборный храмъ, находящіеся одинъ противъ другаго и служащіе просвѣщенію ума и религіозно-духовнымъ потребностямъ сердца многихъ поколѣній; о Неплюевѣ напоминаетъ и одна изъ городскихъ улицъ, названная въ честь его Неплюевской. Но чествованіе памяти и заслугъ Неплюева не ограничилось и этимъ,—впереди ожидали его новыя почести, иныя формы выраженія къ нему благодарности и уваженія: приближался полуторавѣковой юбилей основаннаго имъ Оренбурга и 200 лѣтняя годовщина, со времени его рожденія, о чемъ авторъ настоящей монографіи оповѣстилъ въ печати еще въ 1891 году, по случаю 300-лѣтняго юбилея существованія Уральскаго казачьяго войска, [a] а 15 апрѣля 1893 г. онъ же представилъ въ Совѣтъ „Общества археологіи, исторіи и этнографіи, при Императорскомъ Казанскомъ университетѣ" Докладную Записку слѣдующаго содержанія: *„5 числа ноября текущаго 1893 года исполнится 200 лѣтъ, со дня рожденія И. И. Неплюева, основателя настоящаго Оренбурга и устроителя обширнаго Волжско-Камскаго края. Въ виду особенныхъ заслугъ этого замѣчательнаго государственнаго дѣятеля, потрудившагося болѣе полвѣка на пользу Россіи, начиная съ Императора Петра Великаго до Императрицы Екатерины II, я осмѣливаюсь предложить Совѣту Общества, не угодно-ли будетъ ему почтить память покойнаго въ 200-лѣтнюю годовщину со дня его рожденія, выработать особенную программу чествованія его памяти и опубликовать о томъ въ „Извѣстіяхъ" Общества и другихъ періодическихъ изданіяхъ"*.—Въ виду скораго наступленія вакаціоннаго времени, обсужденіе настоящей Записки, было отложено до начала осени. Между тѣмъ 23 іюня того же года В. Н. Витевскій послалъ въ Оренбургъ два письма: одно на имя Городскаго Головы Н. А. Середы, другое оренбургскому военному губернатору Владиміру Ивановичу Ершову.

Въ своемъ письмѣ къ губернатору В. И. Ершову, авторъ настоящей монографіи, между прочимъ, говоритъ слѣдующее: *„Въ настоящемъ году исполнится 150 лѣтъ существованія г. Оренбурга, основаннаго первымъ оренбургскимъ губернаторомъ И. И. Неплюевымъ по высочайшему указу 15 октября 1742 года (П. С. Зак., т. XI, № 8630), а 5 ноября сего же года минетъ 200*

---

a) В. Н. Витевскаго: „И. И. Неплюевъ, вѣрный слуга своего отечества, основатель Оренбурга и устроитель Оренбургскаго края", стр. III. Казань, 1891 г.

лѣтъ со дня рожденія Ив. Ив. Неплюева. Предполагая, что Оренбургскій край вспомнитъ своего организатора въ этотъ знаменательный день, я послалъ сегодня письмо Н. А. Середѣ, предложивъ ему, какъ представителю городскаго самоуправленія, возбудить въ Думѣ вопросъ о празднованіи полуторавѣковаго существованія города Оренбурга и о чествованіи памяти И. И. Неплюева въ 200-лѣтній день со времени его рожденія. Неплюевскій кадетскій корпусъ и созидаемый въ Оренбургѣ новый соборный храмъ будутъ служить всегда лучшими памятниками о дѣятельности незабвеннаго колонизатора и устроителя Оренбургскаго края; но хорошо было-бы, если-бы Караванъ-Сарайская площадь или берегъ Урала украсился особымъ памятникомъ Неплюеву, какъ основателю Оренбурга. Мнѣ кажется, что теперь насталъ самый благопріятный моментъ для того, чтобы Оренбургская Дума, пользуясь случаемъ, обратилась съ ходатайствомъ на Высочайшее Имя о разрѣшеніи повсемѣстной подписки на памятникъ И. И. Неплюеву, какъ это сдѣлалъ Таганрогъ, по случаю 200-лѣтняго существованія города, основаннаго въ 1693 году, чтобы открыть подписку на сооруженіе памятника Петру Великому, а Неплюевъ, любимый ученикъ Преобразователя Россіи, былъ самымъ лучшимъ и энергичнымъ выполнителемъ его плановъ, по отношенію къ Оренбургскому краю. Пусть дѣло устройства и открытія памятника Неплюеву въ Оренбургѣ будетъ не скоро, но важно положить этому начало. Позвольте, Ваше Превосходительство, быть увѣреннымъ, что и Вы, какъ одинъ изъ преемниковъ Неплюева, раздѣляете мое мнѣніе и, безъ сомнѣнія, окажете свое содѣйствіе Оренбургской Городской Думѣ, если бы она вздумала осуществить этотъ планъ". Вслѣдствіе настоящаго письма, 14 октября того же 1893 года состоялось засѣданіе Оренбургской Городской Думы, въ которомъ городской голова Н. А. Середа, согласно желанію г начальника губерніи, предложилъ на обсужденіе вопросъ объ увѣковѣченія памяти устроителя и колонизатора Оренбургскаго края, И. И. Неплюева, сооруженіемъ ему памятника, по случаю 150-лѣтняго юбилея существованія Оренбурга[a]. Дума единогласно постановила: 1) обратиться съ прошеніемъ на Высочайшее Имя о разрѣшеніи подписки на сооруженіе памятника И. И. Неплюеву въ Оренбургѣ, на Караванъ-Сарайской площади, въ видѣ бронзовой статуи на каменномъ пьедесталѣ изъ мѣстныхъ породъ; 2) пріобрѣ-

a) «Въ Оренбургскомъ Листкѣ», отъ 17 октября 1893 г., гдѣ сообщается о рѣшеніи Думы, встрѣчается грубая опечатка: вмѣсто 1743 года, когда былъ заложенъ Оренбургъ, означенъ *1843 годъ*.

сти 120 экземпляровъ очерка [a] В. Н. Витевскаго о Неплюевѣ для раздачи въ приходскія училища, и 3) отслужить въ зданіи Городской Думы 5 ноября 1893 года панихиду по И. И. Неплюевѣ. Что касается чествованія памяти Неплюева въ Казани, то г. предсѣдатель „Общества археологіи, исторіи и этнографіи", заслуженный профессоръ университета Н. А. Ѳирсовъ († 24 апрѣля 1896 г.), предложилъ мнѣ, вслѣдствіе моей „Докладной Записки" отъ 15 апрѣля 1893 года, составить особую программу чествованія 200 л. памяти И. И. Неплюева, которая и была представлена мною, при особомъ письмѣ отъ 28 октября г. предсѣдателю Общества, а 30 октября 1893 года я получилъ слѣдующее увѣдомленіе отъ Н. А. Ѳирсова: „Ваше предложеніе, изъясненное въ письмѣ ко мнѣ отъ 28 сего октября, принято какъ Совѣтомъ Общества, такъ и общимъ собраніемъ его, которому я призналъ за лучшее представить его на одобреніе. Согласно Вашему предложенію, какъ Совѣтъ Общества, такъ и общее собраніе Общества постановили: 1) назначить чрезвычайное собраніе общества на 7 ноября [b], послѣ литургіи и панихиды въ университетской церкви; 2) отправить 4 или 5 ноября соотвѣтствующія телеграммы, отъ имени Общества, оренбургскому Городскому Головѣ и Н. Н. Неплюеву; 3) постановлено одобрить предложеніе Совѣта о томъ, чтобы въ вышеозначенномъ собраніи Общества были доложены: а) вступительное слово г. предсѣдателя о связи дѣятельности И. И. Неплюева съ государственной программой Петра Великаго; б) дѣйствительнаго члена Общества Н. Н. Ѳирсова рефератъ: „Политическое и финансовое значеніе колонизаціонной дѣятельности И. И. Неплюева", и г) Ваше сообщеніе" (о жизни и дѣятельности И. И. Неплюева).

Такимъ образомъ славная память И. И. Неплюева достойно была почтена и въ 200 л. годовщину, со времени его рожденія: въ Оренбургѣ 5, а въ Казани 7 ноября 1893 года. Согласно постановленію Совѣта „Общества археологіи, исторіи и этнографіи", были посланы телеграммы оренбургскому Городскому Головѣ и Н. Н. Неплюеву, отъ имени Общества; независимо отъ этого, авторъ настоящей монографіи привѣтствовалъ, лично отъ себя, съ полуторавѣковымъ юбилеемъ гражданъ г. Оренбурга, телеграммой на имя г. начальника губерніи, и съ 200-лѣтней годов-

---

a) Въ «Оренбургскомъ Листкѣ» (17 окт. 1893 г.) сообщено невѣрно: Дума постановила пріобрѣсти и дѣйствительно пріобрѣла мой *«Очеркъ» о Неплюевѣ*, стоющій 1 р. 25 коп., а *не монографію*, цѣна которой дороже въ 8 разъ цѣны «Очерка».

b) 5 ноября Казанскій университетъ празднуетъ годовщину своего открытія торжественнымъ актомъ, на которомъ читаются рѣчи и заслушивается отчетъ, а потому чествованіе памяти Неплюева въ этотъ день и не могло состояться.

щиной Неплюева его потомка Николая Николаевича Неплюева, на что и получилъ благодарственные отвѣты. Въ то же время директоръ Неплюевскаго кадетскаго корпуса, генералъ Самоцвѣтъ привѣтствовалъ иниціатора этого юбилея особой телеграммой, на которую онъ отвѣтилъ также благодарностью [a]. Въ Воскресенье 7 ноября 1893 г., въ церкви Казанскаго университета, въ присутствіи г. предсѣдателя и членовъ „Общества археологіи, исторіи и этнографіи", была совершена о. законоучителемъ студентовъ, протоіереемъ Н. К. Миловидовымъ († 4 іюня 1896 г.), заупокойная литургія съ панихидой объ упокоеніи души Ив. Ив. Неплюева, а въ 12 ч. дня состоялось торжественное собраніе членовъ Общества въ профессорскомъ залѣ, при многочисленной посторонней публикѣ, состоявшей изъ лицъ обоего пола. Н. А. Ѳирсовъ предсѣдатель Общества, открылъ засѣданіе прочтеніемъ слѣдующей телеграммы, полученной имъ отъ Николая Николаевича Неплюева, потомка основателя Оренбурга: „*Прошу Васъ принять и передать членамъ Общества мою сердечную благодарность за привѣтствіе, коимъ благоволили меня почтить по поводу юбилея нашего предка. Чествуемъ память Ивана Ивановича молитвеннымъ собраніемъ, на которомъ члены Крестовоздвиженскаго Трудового Братства, воспитанники и воспитанницы нашихъ школъ, молясь о немъ, будутъ молиться и о тѣхъ, кто въ Казани и Оренбургѣ съ любовію чествуетъ его память*".—По прочтеніи телеграммы, г. предсѣдатель Общества сказалъ вступительное „Слово" о связи дѣятельности И. И. Неплюева съ государственной программой Петра Великаго; затѣмъ дѣйствительный членъ Общества В. Н. Витевскій произнесъ „Рѣчь" о жизни и дѣятельности организатора Оренбургскаго края, а въ заключеніе былъ заслушанъ рефератъ Н. Н. Ѳирсова: „Политическое и финансовое значеніе колонизаціонной дѣятельности И. И. Неплюева".—Торжественное засѣданіе Общества, почтившаго достойнымъ образомъ память Неплюева, было закрыто въ 3 часу по-полудни, при восторженныхъ апплодисментахъ собравшейся публики, въ числѣ которой былъ и генералъ-адъютантъ Г. В. Мещериновъ, командующій войсками Казанскаго округа и почетный членъ Общества археологіи, исторіи и этнографіи при Императорскомъ Казанскомъ университетѣ. Въ $10^1/_2$ ч. вечера наканунѣ этого дня, авторъ настоящей монографіи имѣлъ удовольствіе получить отъ Н. Н. Неплюева слѣдующую телеграмму: „*Позвольте потомку Ивана Ивановича Неплюева съ любовію и благодарностью привѣтствовать въ Васъ*

a) См. текстъ телеграммъ въ приложеніи къ настоящ. монографіи, стр. 123—124

того, кто такъ много потрудился на дѣло закрѣпленія доброй памяти о немъ".

Между тѣмъ ходатайство Оренбургской Думы объ открытіи по Имперіи повсемѣстной подписки, для сбора пожертвованій на памятникъ И. И. Неплюеву, было представлено г. начальникомъ губерніи въ Министерство Внутреннихъ Дѣлъ. Послѣднее, находя и съ своей стороны устройство памятника Неплюеву дѣломъ желательнымъ, признало однакожъ ходатайство Оренбургской Думы несвоевременнымъ, въ виду послѣдовавшаго открытія всенародной подписки на сооруженіе памятника въ Москвѣ въ Бозѣ почившему Императору Александру III. Такимъ образомъ вопросъ о сооруженіи памятника И. И. Неплюеву пока остается открытымъ; но мы не сомнѣваемся, что въ недалекомъ будущемъ онъ получитъ желаемое разрѣшеніе, благодаря благосклонному вниманію къ заслугамъ Неплюева для Оренбургскаго края Нашего Всемилостивѣйшаго и Возлюбленнѣйшаго Государя Императора Николая Александровича, Который своей нравственной поддержкой и матеріальной помощью автору настоящей монографіи воскресилъ величавый образъ этого вѣрнаго и честнаго слуги Россіи и ея монарховъ, въ назиданіе современникамъ и потомству. Мы положительно увѣрены въ томъ, что пройдетъ еще нѣсколько лѣтъ,—и граждане Оренбурга съ радостію и любовію, съ благородной гордостью патріотовъ, съ уваженіемъ и благодарностію къ И. И. Неплюеву, будутъ созерцать бронзовую фигуру своего умнаго и попечительнаго начальника—устроителя, возвышающуюся на каменномъ или мраморномъ пьедесталѣ на Караванъ-Сарайской площади, между новымъ соборнымъ храмомъ и Неплюевскимъ кадетскимъ корпусомъ. Намъ теперь неизвѣстно, кто будетъ творцомъ проэкта этого памятника; но уже и въ настоящее время мы имѣемъ основаніе предположить, что Оренбургъ отнесется къ этому дѣлу съ должнымъ вниманіемъ и неспѣшностію, которыя онъ проявилъ по отношенію къ устройству новаго соборнаго храма. Не надѣясь дожить до открытія памятника И. И. Неплюеву, авторъ настоящей монографіи осмѣливается лишь выразить свои пожеланія, чтобы составители проэкта памятника не забыли и предшественниковъ Неплюева по управленію Оренбургскимъ краемъ: Ив. К. Кириллова, Вас. Ник. Татищева и князя Вас. Алексѣевича Урусова, равно какъ и главнаго сотрудника ихъ и самого Неплюева, оренбургскаго исторіографа П. И. Рычкова, послужившаго 40 лѣтъ перомъ и дѣломъ Оренбургскому краю. Такъ-какъ труды ихъ послужили какъ-бы фундаментомъ многополезной и разносторонней дѣятельности И. И. Неплюева, то вполнѣ было-бы справедливо украсить пьедесталъ памятника ихъ изображеніями, а на самомъ пьедесталѣ поставить бронзовую статую самого Неплюева, обращеннаго лицомъ къ собору

и какъ-бы говорящаго соотвѣтствующимъ жестомъ руки обучающимся въ Неплюевскомъ корпусѣ воспитанникамъ: „Дѣти! учитесь всему полезному и доброму, но не забывайте, что счастіе и спасеніе Отечества и ваше—вотъ здѣсь, въ храмѣ Божіемъ, въ искренней вѣрѣ во Христа, искупившаго своими крестными страданіями родъ человѣческій отъ грѣха, проклятія и смерти! Ваша опора на жизненномъ пути—въ непоколебимой надеждѣ на безконечную благость и любовь Божію къ людямъ, въ безропотной покорности волѣ Господней“.—Такъ или иначе будетъ проэктированъ и устроенъ памятникъ основателю Оренбурга,[a] И. И. Неплюеву; но во всякомъ случаѣ, съ построеніемъ новаго соборнаго храма, нельзя и указать въ Оренбургѣ лучшаго мѣста для его постановки, какъ Караванъ-Сарайская площадь, между соборомъ и кадетскимъ корпусомъ имени Неплюева: съ одной стороны—храмъ молитвы,съ другой—храмъ науки и среди нихъ—величественная бронзовая фигура основателя города Оренбурга и устроителя всего Оренбургскаго края, вѣрующаго христіанина, убѣжденно сознававшаго пользу наукъ и образованія, и насадителя Православной Вѣры и русской національности среди инородцевъ Восточной Россіи,—большаго и желать нельзя.

Окончивъ, при помощи Божіей, Нашего Возлюбленнѣйшаго Государя и просвѣщенноотзывчивыхъ людей, настоящій многолѣтній трудъ, который я, по мѣрѣ силъ и возможности, старался выполнить добросовѣстно, обращаюсь къ тебѣ, великій государственный мужъ нашего отечества—Россіи! Прими отъ меня сей историческій трудъ, какъ неложное выраженіе моего глубочайшаго уваженія къ твоимъ заслугамъ на пользу Россіи, въ которой я имѣлъ счастіе родиться, вырости, получить образованіе и служить дѣлу воспитанія и просвѣщенія русскихъ дѣтей и различныхъ инородческихъ племенъ, при трехъ императорахъ: при Царѣ-Освободителѣ Александрѣ II, при Царѣ-Миротворцѣ Александрѣ III и при ихъ достойномъ преемникѣ, Богомъ избранномъ Государѣ Императорѣ Николаѣ II. Пусть моя настоящая монографія послужитъ *нерукотворнымъ* памятникомъ о тебѣ и твоихъ трудахъ и какъ-бы дополненіемъ къ памятникамъ вещественнымъ, воздвигнутымъ русскими людьми въ Оренбургѣ, въ вѣчное воспоминаніе о тебѣ и въ славу твою, Царя и Очечества. Россія никогда не забудетъ твоихъ священныхъ завѣтовъ: молиться о тебѣ и помогать ратаю полей. Миръ твоему праху, вѣрный и честный слуга Русскихъ Царей и Отечества, и царство небесное многотрудившейся душѣ твоей, глубоковѣрующій христіанинъ и членъ Св. Православной Церкви!—Молимся и бу-

---

a) Рекомендуемъ также будущимъ составителямъ проэкта памятника Неплюеву обратить вниманіе на *патентъ*, выданный киргизскому Нурали-Хану (Смотр. въ наст. монографіи стр. 758). Этотъ патентъ можетъ послужить матеріаломъ для детальной разработки проэкта памятника.

демъ молиться, чтобы обширная и многомилліонная Россія не оскудѣвала такими умными, энергичными, сердечными и религіозно-нравственными тружениками, какимъ былъ ты во время своей земной жизни. Съ любовію и благодарностью Св Русь шлетъ тебѣ привѣтъ съ земли на небо, будучи увѣрена въ твоей искренней и пламенной любви къ ней и въ загробной жизни, но „за могилой рѣчь безмолвна!"……

Оглавленіе къ третьему тому.

ОПЕЧАТКИ,

замѣченныя при чтеніи третьяго тома.

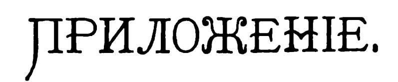
Стран.	Строки.	Напечатано.	Должно быть.
624	8 снизу	назвазъ	названь,
625	6 сверху	Иледкая	Илецкая
625	9 снизу	означеннаго	озңаченнаго
627	10 —	нредложилъ	предложилъ
636	13 —	ианесенные	нанесенные
642	4 сверху	Выгод	Выгоды
642	7 —	пиродня	природныя
643	13 снизу	сталн	стали
643	12 —	Вити	Вятки,
653	3 сверху	впослѣдствін	впослѣдствіи
656	13 сниту	нмѣвшіе	имѣвшіе
657	14 сверху	отказавшнсь	отказавшись
657	20 —	н	и

Стран.	Строки.		Напечатано.	Должно быть
657	12	снизу	истощснія	истощенія
658	7	—	землм	земли
662	17	сверху	былн	были
663	5	—	порцелейиной	порцелейной
670	13	—	н	и
671	10	—	терговля	торговля
673	3	снизу	нъ	въ
677	4	сверху	хивинскнхъ	хивинскихъ
677	10	—	мсходъ	исходъ
678	5	—	торжествеино	торжественно
679	11	снизу	меня	меня
680	19	—	Бъ	Въ
682	9	сверху	прм	при
683	6	снизу	успокоеяніе	успокоеніе
688	6	—	угнаиныхъ	угнанныхъ
691	12	сверху	н	и
698	3	—	скоеъ	скотъ,
700	3	—	понялъ	понялъ.
705	7	снизу	посламцевъ	посланцевъ
706	14	—	возвраценіи	возвращеніи
708	1	сверху	степана	Сената
710	5	снизу	Т“мъ	Тамъ
716	19	—	бсбъ	безъ
717	16	сверху	злсвидѣтельствовать	засвидѣтельствовать
732	2	—	но	не
733	17	-	н	и
738	17	снизу	хуистіанскую	христіанскую
739	2	сверху	подподковникъ:	подполковникъ:
740	17	—	возможнымъ	возможнымъ
743	4	—	здюшнюю	здѣшнюю
754	1	снизу	Джакъ-Бекъ	Джанъ-Бекъ
762	18	—	хама	хана
787	9	—	вожскихъ	волжскихъ
798	8	сверху	врмя	время
800	20	—	но	по
800	14	снизу	отправнть	отправить
802	4	—	ма	на
806	2	—	калныкъ	калмыкъ
818	1	сверху	русскія	русскіе
826	7	—	оные	оные
—	13	—	кеторой	которой
—	—	—	сгорону	сторону
826	11	снизу	личмо	лично
831	8	сверху	зашиты	защиты

Стран.	Строки.	Напечатано.	Должно быть.
846	15 сверху	собщила	сообщила
—	7 снизу	жь	жъ
847	9 —	полкъ	полкъ,
850	9 сверху	Государыни	Государыни,
851	8 —	охиѣлѣвшіе	охиелѣвшіе
—	4 и 6 снизу	киргиской	киргизской
854	7 сверху	возваніе	воззваніе
855	5 —	вышеписаннымъ	вышеписанныхъ
857	20 —	цѣпи	цѣли
858	10 —	поданныхъ	подданныхъ
860	12 —	отъ	отъ
863	5 снизу	Кнутовъ	Кнутовъ;
867	11 сверху	присутстіи	присутствіи
868	14 снизу	малолютство	малолюдство
878	14 сверху	Зейлары	Зейлара
879	11 —	скрыпнули	скрипнули
883	11 —	его	его,
885	9 —	не остивилъ	не оставилъ
889	13 снизу	неудался	не удался
890	3 —	башкирцевъ	башкирцамъ
892*)	8 —	рубле	рублей,
893	16 —	еше	еще
899	12 сверху	уходнть	уходить
—	1 снизу	старипныхъ	старинныхъ
901	7 —	ѣ)	а)
—	4 —	тѣльца	тельца
903	3 —	всо	все
905	1 сверху	и оставшихся	оставшихся
906	10 —	цридумать	придумать
908	16 —	пропушаемы	пропущаемы
917	11 снизу	сь	съ
919	7 —	мзвѣстія	извѣстія
920	5 —	присутствоватъ	присутствовитъ
924	7 —	разбужеъ	разбуженъ
933	15 сверху	чѣтъ	чѣмъ
939	19 снизу	покрывая	покрытая
940	12 —	тонкій	тонкій,
—	22 —	(1800—1858 г. . . .	(1800—1858 г.)

*) Между послѣдней строчкой на стр. 892-й и первой строкой на стр. 893-й пропущены слѣдующія семь строкъ: на границу въ Орскъ или въ Яицкій городокъ, смотря по обстоятельствамъ. Свиданіе ихъ произошло сначала въ Кулагинской крѣпости, а потомъ въ Илецкой крѣпостцѣ. Нурали-Ханъ, будучи въ декабрѣ 1755 г. въ Кулагинской крѣпости, обѣщался „крайнее стараніе употребить къ склоненію старшинъ своихъ, дабы они бѣглецовъ башкирцевъ добровольно отдали“. Тевкелевъ предложилъ хану, чтобы съ наступленіемъ весны онъ „учинилъ при какой-либо крѣпости на Яикѣ, ниже Оренбурга, генеральное собраніе всѣмъ знатнымъ (далѣе начинается стр. 893-я).

Стран.	Строки.	Напечатано	Должно быть
944	15 —	изчезновеніе	исчезновеніе
946	2 сверху	видамъ	видамъ.
—	7 —	безпорно	безспорно
947	11 снизу	хорунжскаго	хорунжаго
949	11 —	рисноряженія	распоряженія
954	15 и 16 —	безостановично . . .	безостановочно
955	13 сверху	неменѣе	не менѣе
—	23 —	самого	самаго
956	14 —	университотѣ	университетѣ,
—	16 —	лѣтъ, ...	лѣтъ
—	10 снизу	Записки, ...	Записки
957	24 сверху	пргвосходительство . . .	првосходительство



ПРИЛОЖЕНІЕ.

ЗАМѢЧАНІЯ и ДОПОЛНЕНІЯ

къ тексту монографіи.

Къ страницѣ 20-й.

1. *Братья Денисовы*, насадившіе во многихъ мѣстахъ расколъ, оказали важную услугу тѣмъ, что, странствуя по Россіи, они собрали частію хитростью, частію за деньги изъ разныхъ библіотекъ множество старинныхъ книгъ и рукописей, нерѣдко скрѣпленныхъ подписью князей и архіереевъ; кромѣ того, они оставили богатое собраніе крестовъ и церковной утвари. До сихъ поръ сохранилось нѣсколько портретовъ Семена Денисовича, знаменитаго расколоучителя. Одинъ изъ такихъ портретовъ нарисованъ на кускѣ шелковой матеріи. Семенъ Денисовичъ изображенъ на немъ указывающимъ на развернутую рукопись, что ясно свидѣтельствуетъ о желаніи живописца дать высокое понятіе объ учености Семена Мышецкаго. Одинъ изъ его портретовъ былъ на выставкѣ историческихъ картинъ въ С.-Петербургѣ, въ 1870 году; портреты его можно также видѣть въ нѣкоторыхъ московскихъ и черниговскихъ ризницахъ; изображеніе его было даже хоругвью у раскольниковъ. Разсказываютъ, что Семенъ Денисовичъ, во время своей поѣздки въ Новгородъ, былъ выданъ новгородскому митрополиту Іову и заключенъ въ тюрьму, гдѣ содержался четыре года; но подкупивши стражу, уже по смерти Іова, бѣжалъ изъ тюрьмы. Другой братъ Андрей былъ сосланъ на Петровскій заводъ, но потомъ былъ освобожденъ. Эти несчастія заставили братьевъ крѣпко держаться другъ друга. Они не только съумѣли примирить съ собою Петра Великаго, но и выхлопотали указъ, въ силу котораго они могли совершать богослуженіе. Въ 1710 г. Денисовы-Мышецкіе взяли въ аренду огромныя пашни, построили кельи, развели хлѣбопашество и скотоводство и занялись торговлей. Братья Денисовы, какъ люди практическіе, поставили свою общину въ мирныя служебныя отношенія къ государству. Раздѣляя мнѣніе о воцареніи антихриста, въ лицѣ Петра Великаго, они въ то же время говорили съ уваженіемъ «о Пресвѣтлѣйшемъ, Императорскомъ Величествѣ»; Андрей Денисовъ написалъ даже «панегирикъ, выражавшій высоту и отличіе въ россійскихъ вѣнценосцахъ Императора Петра Алексѣевича. Вмѣстѣ съ тѣмъ выговцы исправляли казенныя работы на Повѣнецкихъ заводахъ, строили суда по новому образцу, посылали письма и гостинцы государю, состоявшіе изъ оленей, коней и быковъ; по кончинѣ Петра они записались въ раскольническіе списки, платили двойной окладъ и въ заключеніе всего—вслѣдствіе доноса нѣкоего Ивана Круглаго, опасаясь со стороны правительства разоренія, ввели въ богослуженіи молитву за царя и царствующій домъ.—въ защиту чего писали даже сочиненія[1]). Въ Выговской пустыни они учредили также школу иконописцевъ, писцовъ и пѣвцовъ[2]).

---

[1]) См. соч. Н. Ивановскаго: «Руководство по исторіи и обличенію старообрядческаго раскола», часть I, стр. 106 и 107. Казань, 1889 г.

[2]) О сочиненіяхъ Семена Денисова въ защиту раскола смот. «Библіогр. Записки» за 1861 г., №№ 8, 9 и др.

Къ страницѣ 21-й.

2. *Юрьевскій монастырь* принадлежитъ къ числу *первѣйшихъ* монастырей въ Россіи какъ по своей древности и богатству, такъ и по великолѣпію зданій. Здѣсь въ 1233 г. былъ погребенъ любимый новгородцами князь, Св. Ѳеодоръ Ярославичъ, братъ Св. Александра Невскаго; мощи его почивали 370 лѣтъ открыто, а въ 1614 г. перенесены отсюда въ Новгородскій Софійскій соборъ.

Къ страницѣ 22-й.

3. Въ Новгородской епархіи находится *три Поддубья:* 1) *въ Леохновскомъ* приходѣ *Старорусскаго* уѣзда; 2) въ *Еглинскомъ* приходѣ *Валдайскаго* уѣзда; и 3) въ *Горскомъ* приходѣ *Новгородскаго* уѣзда; но ни одно изъ этихъ селеній не принадлежало Неплюеву. Поддубье, въ которомъ жилъ, умеръ и погребенъ И. И. Неплюевъ, находится въ настоящее время въ *Лужскомъ* уѣздѣ Петербургской губерніи, въ 30 верстахъ отъ г. Луги, во второмъ станѣ *Поддубьевской* волости. Въ молодости Ив. Ив. Неплюева оно принадлежало къ Новгородской области и нѣкогда, можетъ быть, составляло часть тѣхъ вотчинъ, которыми новгородцы наградили отца Андрея Ивановича Кобылы. Съ 1837 г. оно сдѣлалось майоратомъ штабсъ-капитана Николая Ивановича Неплюева, у котораго сохранялись подтвердительныя грамоты на право владѣнія отъ временъ Іоанна Васильвича Грознаго. Настоящія свѣдѣнія о Поддубьѣ основаны на слѣдующихъ данныхъ, имѣющихся въ нашихъ рукахъ: 1) отношеніе Новгородской Духовной Консисторіи, отъ 14-го марта 1875 г. за № 59, на запросъ Р. Г. Игнатьева, отъ 2-го марта 1875 г. за № 46; 2) отношеніе священника села Горскаго, отъ 8-го марта 1875 г. за № 22; 3) отношеніе Лугскаго Полицейскаго Правленія, отъ 16-го апрѣля 1876 г. за № 1172, на запросъ Р. Г. Игнатьева, отъ 19 марта 1876 г. за № 76, изъ Уфы; 4) письмо Н. Н. Неплюева, владѣльца с. Поддубья, проживающаго въ Вознесенскомъ, Глуховскаго уѣзда Черниговской губерніи.

Къ страницѣ 37-й.

4. *Львовъ* получалъ 1000 ефимковъ; состоявшій при немъ священникъ 120 ефимковъ и столько же положено было на переводчика. Но въ 1711 году *Львовъ* писалъ адмиралтейскому коммиссару Бѣляеву, что за эту сумму не только переводчика, но и лакея содержать тамъ трудно[1]).

Къ той же страницѣ.

5. Въ Московскомъ Главномъ Архивѣ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ хранятся два дѣла: 1) 1723 г. іюня 11-го, о заплатѣ долговъ, нажитыхъ посланными во Францію для науки гардемаринами: княземъ Барятинскимъ, Жеребцовымъ и Полянскимъ; 2) 1725 г. мая 6, по письму французскаго министра Морепа къ французскому въ Россіи послу Кампредону, о заплатѣ долговъ умершихъ въ Тулонѣ и Брестѣ русскихъ гардемариновъ: князя Барятинскаго и Ив. Дубровскаго[2]). Жеребцовъ (Александръ) за долги просидѣлъ въ тюрьмѣ 2 года и 1 мѣсяцъ[3]).

---

[1]) См. «Русск. Вѣстн.» за 1875 г., ноябрь, примѣч. на стр. 94.
[2]) Морск. Сборн. 1868 г. «Кр. и библіогр.» 31, сл. стр. 105.
[3]) „Общій Морск. Списокъ“—Ѳ. Веселаго, Спб. 1885 г. ч. II, стр. 137.

Къ страницѣ 38-й.

6. Копія съ атестату, какой далъ мнѣ венеціанскій генералъ Пансквалиго для свидѣтельства сверхъ вышеписаннаго.

«Мы Жорзій Пансквалиго, проведиторъ-генералъ морской, съ полномочіемъ генералъ-капитана, между молодыхъ московскихъ дворянъ, которые по благодѣянію возвышеннаго сената были содержаны въ галерномъ венеціанскомъ флотѣ со удовольствіемъ всякимъ для наученія практики и обыкновенія военнаго,—изъ нихъ господинъ Иванъ Неплюевъ обѣ прошедшія кампаніи былъ содержанъ на галерѣ дворянина Виценца Капелло супракомита, съ онымъ былъ на баталіи съ турками 19 числа іюля, штиль новый. 1717 году, въ заливѣ Елеусъ, въ портѣ Паганія, и при взятіи двухъ фортецъ, Превезы, Вонницы и при крѣпкой осадѣ фортецы Дульцына отъ венеціанъ А нынѣ оный господинъ Неплюевъ по указу отзывается во свое отечество; того ради даемъ ему для подтвержденія вышеписаннаго сіе наше свидѣтельство, которое ему во увѣреніе о себѣ объявить своему монарху. Данъ въ Корфу 1 числа февраля 1718 года. Маре Венето». У подлиннаго подписалъ своею рукою *Жорзій Пансквалиго*, проведиторъ-генералъ морской; у подлиннаго печать. Приписалъ *Цезаре Ваннаго*, секретарь; на сторонѣ приписалъ «рагіонатъ (ре) гистрато», волдиръ[1]): онъ же и вписалъ въ книгу[2]).

Къ страницѣ 41-й.

7. Въ «Общемъ Морскомъ Спискѣ» (ч. 1, стр. 66) Ѳ. Веселаго показанъ князь Алексѣй Бѣлосельскій, который *въ 1719 г. находился въ Испаніи*; въ 1721 г., по возвращеніи въ Россію, произведенъ въ мичмана и назначенъ въ Астраханскую флотилію, гдѣ служилъ по 25 іюля 1735 г., когда былъ уволенъ, въ чинѣ лейтенанта маіорнаго ранга, за болѣзнію. Такъ-какъ въ числѣ гардемариновъ, находившихся въ Испаніи въ 1719 г., *другого Алексѣя Бѣлосельскаго не было*; то положительно становится непонятнымъ, какимъ образомъ *умершій въ Кадиксѣ гардемаринъ воскресъ* для службы въ своемъ отечествѣ?!.

Въ спискѣ гардемариновъ правителя Испанскаго Морскаго Корпуса въ Кадиксѣ, Франциска, кавалера де-Винтузена, представленномъ имъ 11 Января 1774 г. русскому полномочному министру при Испанскомъ дворѣ Степану Степановичу Зиновьеву, приводятся слѣдующія лица, съ именами ихъ отцевъ и матерей, съ обозначеніемъ возраста каждаго и отмѣткою времени прибытія ихъ въ корпусъ и выѣзда въ Россію:

1. *Иванъ Чириковъ*, сынъ Ивана и матери Анны, 27 лѣтъ.
2. *Артемій Толбугинъ*, сынъ Ильи и матери Ирины, 20 лѣтъ.
3. Князь *Тимоѳей Щербатовъ*, сынъ Ивана и матери Агафьи, 20 лѣтъ.
4. *Иванъ Обрютинъ*, сынъ Ивана, 20 лѣтъ.
5. *Степанъ Шипиловъ*, сынъ Трофима и матери Анны, 20 лѣтъ.
6. *Иванъ Аничковъ*, сынъ Ивана и матери Анны, 20 лѣтъ.
7. *Василій Татищевъ*, сынъ Ивана и матери Ѳедосіи, 21 года.
8. *Алексѣй Бѣлосельскій*, сынъ Андрея и матери Авдотьи, 21 года.
9. *Иванъ Зиновьевъ*, сынъ Павла и матери Ѳедоры, 21 года.

---

[1]) Vuol-dire, то есть.

[2]) Записки Неплюева, стр. 39 и 40. Изд. А. С. Суворина, 1893 г. Ср. Русскій Арх. 1871 г., стр. 602—603.

10. *Иванъ Алексѣевъ*, сынъ Антона и матери Авдотьи, 22 лѣтъ.
11. *Андрей Сухотинъ*, сынъ Филиппа и матери Анны, 22 лѣтъ.
12. *Иванъ Кукаринъ*, сынъ Максима и матери Мареы, 22 лѣтъ.
13. *Петръ Кашкинъ*, сынъ Гаврилы и матери Маріи, 23 лѣтъ.
14. *Петръ Пороховъ*, сынъ Евстафія и матери Анисьи, 23 лѣтъ.
15. *Петръ Зиновьевъ*, сынъ Павла и матери Өедоры, 23 лѣтъ.
16. *Василій Филисовъ*, сынъ Якима и матери Акулины.
17. *Яковъ Рославлевъ*, сынъ Өомы и матери Авдотьи, 25 лѣтъ.
18. *Еѳимъ Цимермановъ*, сынъ Ивана и матери Анны, 25 лѣтъ.
19. *Иванъ Кайсаровъ*, сынъ Ивана и матери Зиновіи, 25 лѣтъ.
20. *Иванъ Неплюевъ*, сынъ Ивана и матери Мареы, 26 лѣтъ.
21. *Степанъ Коновницинъ*, сынъ Богдана и матери Февроніи.
22. *Семенъ Дубровскій*, сынъ Моисея и матери Мавры.

Мать Обрютина и возрастъ послѣднихъ двухъ не означены.

Противъ Бѣлосельскаго—отмѣтка: умеръ въ Кадиксѣ 24 августа 1719 года; противъ остальныхъ въ спискѣ однообразно отмѣчено: «пріемъ его въ корпусъ 15 августа 1719; отъѣхалъ въ Голландію, по приказу своего Государя, 28 февраля 1720 года»[1]).

Ив. Ив. Неплюевъ въ своихъ «*Запискахъ*» прямо говоритъ: «13 ч. августа умеръ нашъ товарищъ гардемаринъ, князь Алексѣй Бѣлосельскій; затѣмъ насъ осталось 20 человѣкъ[2]).» Остается предположить, что былъ еще другой Алексѣй Бѣлосельскій, который не былъ въ Испаніи въ 1719 г. Въ «Общ. Морск. Спискѣ» Ѳ. Веселаго приводится послужной списокъ еще князя Михаила Андреевича Бѣлосельскаго[3]) (можетъ быть, брата Алексѣя Андреевича, умершаго въ Кадиксѣ), начавшаго службу въ 1717 г. гардемариномъ и бывшаго при Императрицѣ Елизаветѣ Петровнѣ докладчикомъ дѣлъ по морскому вѣдомству, въ званіи генералъ-кригсъ-коммисара; онъ скончался 19 января 1755 г. и погребенъ въ Александро-Невской Лаврѣ, въ С.-Петербургѣ. Другаго князя Алексѣя Бѣлосельскаго въ «Общемъ Морскомъ Спискѣ» Ѳ. Веселаго нѣтъ. Между тѣмъ въ «*Спискѣ морскимъ чинамъ 1732 г.*, приложенномъ къ книгѣ В. Берха: «Жизнеописаніе первыхъ россійскихъ адмираловъ»[4]), встрѣчается въ числѣ унтеръ-лейтенантовъ флота князь Алексѣй Бѣлосельскій,—вотъ этотъ-то Алексѣй Бѣлосельскій и служилъ, вѣроятно, въ Астраханской флотиліи, но онъ, судя по даннымъ, которыми мы располагаемъ, никогда не былъ въ Испаніи, а что его не было въ Кадиксѣ въ 1719 г., это видно изъ вышеприведеннаго списка гардемариновъ и свидѣтельства Неплюева о смерти князя Алексѣя Бѣлосельскаго, послѣдовавшей $^{13}/_{24}$ августа 1719 г. въ Кадиксѣ.

Къ страницѣ 43-й.

8. Вмѣстѣ съ Неплюевымъ, какъ это видно изъ списка гардемариновъ (см. выше примѣч. 7-е), были одновременно: Иванъ Максимовичъ *Кукаринъ* и Иванъ Ивановичъ *Кайсаровъ*, Куракина же не было. Л. Н. Майковъ думаетъ, что здѣсь нужно разу-

---

[1]) См. въ «Русск. Вѣстн.» за 1875 г., ноябрь, статью А. В. Рачинскаго: «Первые русскіе гардемарины за границей въ XVII столѣтіи». По документамъ Моск. Главн. Архива Мин. Ин. Дѣлъ, стр. 83-85.

[2]) Записки Неплюева, изд. А. С. Суворина, 1893 г., стр. 75. Ср. Русск. Архивъ за 1871 г., стр. 624.

[3]) Ч. I, стр. 66 и 67.

[4]) Спб. 1831 г., ч. 1, стр. 27.

мѣть *Кайсарова,* какъ онъ и напечаталъ въ «Запискахъ» Неплюева;[1]) но, по нашимъ соображеніямъ, вѣрнѣе чтеніе Голикова, т. е. «*Кукаринъ*», а не «*Кайсаровъ*», какъ у Майкова, и не «*Куракинъ*», какъ въ рукописи Неплюева. Изъ сообщенія адмирала Алексѣя Ивановича Нагаева, отъ 26 апрѣля 1774 г., на запросъ вице-канцлера Александра Михайловича Голицина, отъ 28-го марта того-же (1774) года, видно, что послѣ экзамена, бывшаго 1 іюля 1720 г., *Кукаринъ былъ пожалованъ въ лейтенанты*, т. е. въ поручики галернаго флота; тотъ же чинъ получили Неплюевъ и Алексѣевъ; Цимермановъ и Аничковъ остались гардемаринами въ галерномъ флотѣ, а *Кайсаровъ*, какъ и прочіе его товарищи, *получилъ чинъ унтеръ-лейтенанта* въ томъ же галерномъ флотѣ.[2]) Въ «Общемъ Морскомъ Спискѣ» Ѳ. Веселаго (ч. I, стр. 165 и 200) такъ же находимъ подтвержденіе нашего мнѣнія: «*Кайсаровъ* Ив. Ивановичъ, по возвращеніи въ Россію, *произведенъ* 1 іюля 1720 г. *въ унтеръ-лейтенанты* галернаго флота; *Кукаринъ* Иванъ Максимовичъ *въ лейтенанты* галернаго флота». Наконецъ и въ рукописи Неплюева гораздо легче объяснить опискою «*Куракинъ*» чрезъ простую перестановку согласныхъ буквъ *к* и *р*, чѣмъ «*Куракинъ*» изъ «*Кайсаровъ*». Ив. Ив. Кайсаровъ въ 1750 г. былъ назначенъ командиромъ галернаго порта, въ 1752 г. опредѣленъ на должность директора Адмиралтейской Конторы, а 17 авг. 1753 г. за болѣзнію уволенъ отъ военной и гражданской службы и отпущенъ по паспорту въ домъ «до указу». Иванъ Максимовичъ Кукаринъ, дослужившись до чина капитана, уволенъ 11 декабря 1741 г. отъ службы «за пьянство со взятіемъ рекрутъ».—Считаемъ также нужнымъ оговориться, что и въ нашемъ очеркѣ: «*Неплюевъ и Оренбургъ*», напечатанномъ въ Уральск. Войск. Вѣдомостяхъ за 1873—1875 г.[3]), встрѣчается Куракинъ и, кромѣ того, сказано, что, «въ рукоп. запискахъ Неплюева Куракинъ названъ Кайсаровымъ», что, какъ мы убѣдились впослѣдствіи, невѣрно.

Къ страницѣ 45-й.

9. Матвѣй *Измаиловичъ*[4]) Змаевичъ (Zmaewitch) былъ родомъ славянинъ изъ Пераста въ Далмаціи, по вѣроисповѣданію католикъ, и происходилъ изъ одной очень богатой и знатной фамиліи. Въ молодости онъ имѣлъ непріятную встрѣчу съ однимъ изъ первѣйшихъ вельможъ своего отечества и, убивъ его на дуэли, долженъ былъ удалиться изъ Далмаціи. Въ русскую службу онъ былъ принятъ графомъ Петромъ Андреевичемъ Толстымъ, бывшимъ посломъ въ Константинополѣ въ 1710 году. Въ ноябрѣ того-же года, Турція объявила Россіи войну, и графъ Толстой былъ посаженъ въ семибашенный замокъ Едикуль, вмѣстѣ съ капитаномъ Змаевичемъ. Пробывъ въ заключеніи около двухъ лѣтъ, Змаевичъ получилъ свободу и явился къ Петру Великому въ Карлсбадѣ, по желанію коего и былъ отправленъ въ С.-Петербургъ. Находясь въ русской службѣ, Змаевичъ 7 мая 1724 г. былъ произведенъ въ адмиралы; въ 1728 году, по доносу подчиненныхъ, преданъ суду и приговоренъ къ смерти; но, по Высочайшей конфирмаціи, помилованъ и пониженъ въ вицъ-адмиралы; умеръ въ Таврѣ 25 августа 1775 года; тѣло его погребено въ Москвѣ.[5])

---

[1]) „Русск. Арх.“ 1871 г. стр. 636, 638 и 641. Записки Неплюева, изд. А. С. Суворина 1893 г., стр. 100, примѣчаніе 1.

[2]) См. „Русск. Вѣстн.“, 1875 г. ноябрь стр. 109.

[3]) Въ отдѣльномъ оттискѣ см. стр. 42, пр. 1; стр. 45, пр. 1.

[4]) Въ „Общ. Морск. Спискѣ“ Ѳ. Веселаго (ч. I, стр. 153). Матвѣй Христофоровичъ.

[5]) Смотри о немъ въ книгѣ В. Берха: „Жизнеописанія первыхъ россійск, адмираловъ“. Спб. 1873 г.; ч. II, стр. 1—48; и въ „Общ. Морск. Спискѣ“ Ѳ. Веселаго, гл. I. стр. 153—155.

Къ страницѣ 83-й.

10. При Русскомъ Дворѣ были посланниками двое Мардефельдовъ, которыхъ часто смѣшиваютъ и которые были между собой двоюродными братьями. *Баронъ Густавъ* фонъ-*Мардефельдъ*, потомокъ извѣстнаго шведскаго фельдмаршала, былъ прусскимъ посланникомъ въ Россіи при Петрѣ I, Екатеринѣ I и Петрѣ II. Въ маѣ 1728 г. король Фридрихъ-Вильгельмъ I отозвалъ изъ Россіи барона Густава, который въ томъ же году и умеръ, а на его мѣсто былъ назначенъ чрезвычайнымъ посланникомъ тайный военный совѣтникъ и камергеръ, *баронъ Аксель фонъ-Мардефельдъ*, который родился въ 1691 году и умеръ въ Берлинѣ 8 декабря 1748 года. Депеши барона Густава фонъ-Мардефельда начинаются съ 24 декабря 1717 года; но профессоръ Германнъ сообщилъ въ редакцію «Сборника Имп. Русск. Истор. Общества» его донесенія лишь съ января 1728 г.; эти донесенія напечатаны въ XV т. «Сборника» упомянутаго общества; тамъ напечатана и часть депешъ барона Акселя фонъ-Мардефельда. Во время своего посланничества при Русскомъ Дворѣ, Аксель фонъ-Мардефельдъ неоднократно оставлялъ Россію; такъ, напримѣръ, въ началѣ 1734 г., выѣзжая изъ Петербурга, онъ, на время своего отсутствія, поручилъ блюсти прусскіе интересы извѣстному секретарю прусскаго посольства фонъ-Фокероту. Депеши барона Акселя фонъ-Мардефельда за первые годы пребыванія его въ Россіи не представляютъ особеннаго интереса, вслѣдствіе еще недостаточнаго его знакомства съ Россіей; но онѣ не лишены историческаго интереса за послѣдніе годы его пребыванія въ Россіи. У него, напримѣръ, дѣло Волынскаго представлено правдоподобнѣе, чѣмъ у Германна, который при изложеніи этого дѣла въ своей: «Heschichte des Russische Staat's», пользовался депешами саксонскаго повѣреннаго *Петцольда*, крайне пристрастными и основанными на слухахъ.[1])

Къ страницѣ 84-й.

11. *Юстъ Липсій*, пользовавшійся громадной извѣстностью у своихъ современниковъ и ближайшихъ потомковъ, преподавалъ исторію въ университетахъ Іенскомъ, Лейденскомъ и Луврскомъ и, зная хорошо латинскій языкъ, по преимуществу изучалъ исторію Рима и комментировалъ сочиненія Тита Ливія, Тацита, Цицерона, Сенеки и др. римскихъ писателей. Изъ его сочиненій особенно замѣчательны: Taciti opera cum notis» (1547 г.) и «Politicorum sive civilis doktrinae libri sex» (1589 г.); въ нихъ Юстъ Липсій, проводя параллель между правами Римской Имперіи и современнаго ему европейскаго общества, рѣзко обличаетъ нравственный политическій развратъ римскихъ императоровъ и общества эпохи упадка Римской имперіи. Будучи врагомъ суевѣрія и всякой церковной исключительности, Липсій считалъ религію политическимъ установленіемъ и признавалъ только одно государственное религіозное исповѣданіе, обрекая всѣхъ диссидентовъ на казнь и сожженіе. Онъ самъ нѣсколько разъ мѣнялъ религію: въ Іенѣ онъ былъ лютераниномъ, въ Лейденѣ—кальвинистомъ, въ Луврѣ—католикомъ. Поэтому онъ пользовался одинаковымъ расположеніемъ и со стороны католиковъ, и со стороны протестантовъ; но и при жизни, и

---

[1]) См. въ журналѣ „Древняя и Новая Россія" (за 1876 г., № 1, гдѣ цитуется „Biographiskt Lexicon öfver Namn—100, Kunnige Svenska män". Upsala, 1843. IX Band p. 39; и „Oettinger: Moniteur des Dates". Leipzig, 1869, стр. 173. Въ послѣднемъ изданіи показаны свѣдѣнія невѣрныя. Ср. Der Genealogische Archivarius auf das jahr 1731, heraus gegeben von Mich. Rauft. T. III, стр. 685.

послѣ смерти его обвиняли въ двухъ совершенно противоположныхъ заблужденіяхъ: въ религіозномъ фанатизмѣ и индефферентизмѣ. Въ 1721 году іеромонахъ *Кохановскій* перевелъ на русскій языкъ «Политическія ученія» Липсія подъ слѣдующимъ заглавіемъ: «*Увѣщанія и приклады политическіе, отъ различныхъ историковъ Юстомъ Липсіемъ на латинскомъ языкѣ собранные*».

У Волынскаго было найдено слѣдователями нѣсколько сочиненій Юста Липсія въ подлинникѣ и въ переводахъ—нѣмецкомъ, французкомъ и русскомъ[1]).

Къ страницѣ 89-й.

12. Вотъ подробная опись этого дома Волынскаго, которая была представлена въ Канцелярію Егермейстерскихъ Дѣлъ полковникомъ фонъ-*Трескоу*. Заимствуемъ ее изъ книги: «Старый Петербургъ» (стр. 250—251) *М. И. Пыляева* и приводимъ дословно, такъ какъ она даетъ общее представленіе о загородныхъ домахъ вельможъ того времени. «*Опись загородному двору, что на Фонтанкѣ, Артемія Волынскаго.* А въ немъ покоевъ: три горницы и одна каморка дѣтиныхъ. Изъ оныхъ въ одной горница обита камкою красною; въ двухъ горницахъ печи синія кафленыя, а въ третьей бѣлая; обиты полотномъ и выбѣлены. Подлѣ тѣхъ трехъ горницъ, чрезъ сѣни, свѣтлица, въ ней два окошка, окончины стеклянныя; печь бѣлая, полъ выстланъ кирпичемъ; въ той же горницѣ 22 рамы въ окно, безъ стеколъ. Въ его покояхъ: 1) въ одной свѣтлицѣ обиты стѣны голубою камкою отъ полу до потолка, въ двухъ углахъ отъ окошка до окошка; 2) свѣтлица, въ ней печь и каминъ кафленые синіе; и въ первой и во второй двери за стекломъ, обиты бѣлымъ полотномъ; 3) свѣтелка, противъ нея другая; въ нихъ каминъ штукатурной, бѣлый, обита полотномъ; 4) спальня съ однимъ окномъ столярнымъ; въ ней двери двои со стеклами: обито по панели камкою таусиною, травы красныя; 5) свѣтлица подлѣ спальни, обита камкою голубою отъ полу до потолка стѣны всѣ кругомъ, печь бѣлая; 6) залъ, въ немъ печь кафленая синяя; по панеля обито обоями вощанкою цвѣтною; 7) свѣтлица безъ печи въ ней четыре скамьи столярныя; по другой сторонѣ въ дѣтинахъ же горницахъ: въ первой обито полотномъ, столъ дубовый съ полами, двѣ скамьи столярныя и въ другой тоже. Каморка безъ печи, въ ней семь стульевъ орѣховыхъ плетеныхъ. Еще свѣтлица черезъ сѣни; обита полотномъ, въ ней печь бѣлая, скамья столярная. На переднемъ дворѣ: поваренная изба съ сѣньми и при ней кухня съ очагомъ и печью, въ нихъ восемь окончинъ со стеклами. Баня съ прибанникомъ; въ ней печь, въ прибанникѣ камины; чрезъ сѣни столярная изба; а въ нихъ, въ избѣ и банѣ, семь окончинъ стеклянныхъ, восемь избъ людскихъ. Пять амбаровъ, два погреба, конюшня, въ ней три двери отворчатыя на крючьяхъ желѣзныхъ и запоры желѣзные, въ ней стоелъ 28, затѣмъ еще три конюшни, въ нихъ по 15 стоелъ, два сарая деревянныхъ. Кругомъ всего двора огорожено барочнами досками». Въ этомъ дворѣ помѣстили шесть пикеровъ, прибывшихъ въ Петербургъ въ 1740 г. съ собаками, купленными въ Англіи и Франціи для придворной охоты. Вотъ имена этихъ первыхъ охотниковъ: Вабершенцъ, Миллеръ, Вильсонъ, Броунъ, Жанъ-Дюбуа и Люксъ-Жое. Англичане получали жазованье по 280 р., нѣмцы по 180 р., французы по 200 р. Для

---

[1]) См. о Юстѣ Липсіи въ статьѣ *Д. А. Корсакова*: «*А. П. Волынскій.*» (Др. и Нов. Россія, 1877 г.; № 8, стр. 286 и 287). Біографія Юста Липсія, списокъ его сочиненій и библіографія литературы о немъ, находящіяся въ статьѣ бельгійскаго ученаго S. Thonissena, помѣщен. въ Nouv. biogr. générale dr. Hoeffer'a, edit. Firmin Didot freres, t. XXXI, Paris, 1860, стр. 330—341.

травли звѣрей были собаки борзыя англійскія *«хорты»* и *«тарсіеры»*, *«биклосы»* и затѣмъ были собаки для труфли. Клички собакамъ были: *Отлань, Скозырь*, *Трубей*, *Гальфатъ*; въ числѣ болѣе сорока разныхъ породъ собакъ было до 20 русскихъ разныхъ породъ.

Въ 1740 году псовая свора на этомъ дворѣ пополнилась собаками, отписанными у Волынскаго, въ числѣ 57, отъ Бирона 68 и купленными во Франціи и Англіи 194. Въ Франціи были куплены для Императрицы русскимъ посломъ княземъ Кантеміромъ, 34 пары бассетовъ (коротконогихъ), въ томъ числѣ нѣсколько ищущихъ труфли, за 1100 рублей; въ томъ же (1740) году въ Англіи русскій посланникъ князь Щербатовъ купилъ у министра Вальноля 63 пары разныхъ породъ собакъ: гончихъ, биклесовъ, борзыхъ и хортовъ; пріобрѣтеніе этихъ собакъ обошлось въ 481 ф. стерлинговъ, 17 шиллинговъ и 5$^1/_2$ пенсовъ, что составляло по существовавшему тогда курсу 2234 р. 77 к.—При Императорѣ Павлѣ и долго въ первые годы царствованія Александра I, здѣсь происходила травля медвѣдей, на которую съѣзжалась вся петербургская знать. Это мѣсто долго въ народѣ называлось *Волынскимъ* дворомъ; теперь этотъ дворъ занятъ мастерскими, принадлежащими Техническому Институту, основаніе которому положено въ 1829 г. графомъ Канкринымъ[1]).

Къ страницѣ 93-й.

13. *Князь Мещерскій* былъ мичманомъ (тогда унтеръ-офицерскій чинъ) при Астраханскомъ портѣ; онъ былъ приближеннымъ человѣкомъ генерала *Матюшкина*, исполняя въ его домѣ роль шута; грубый, необразованный и безнравственный Мещерскій позволялъ себѣ иногда неприличныя выходки противъ Матюшкина и Волынскаго; первый спускалъ своему шуту его дерзости, а Волынскій нѣсколько разъ жаловался на него Матюшкину, но *„сатисфакцій“* не получилъ. Тогда Артемій Петровичъ вздумалъ самъ проучить Мещерскаго. Однажды (въ декабрѣ 1723 г.) Мещерскій пришелъ къ Волынскому за квитанціей въ принятомъ отъ него остаточномъ морскомъ провіантѣ и пивѣ; Волынскій началъ бранить мичмана «всякою непотребною бранью» и, выгнавъ отъ себя, приказалъ посадить его на деревянную кобылу. Спустя нѣсколько дней, Волынскій встрѣтилъ Мещерскаго на улицѣ и приказалъ арестовать его. Къ вечеру Волынскій позвалъ мичмана къ себѣ и тутъ-то начались истязанія и глумленія надъ Мещерскимъ. Волынскій велѣлъ одному штыкъ-юнкеру и своимъ людямъ бить Мещерскаго по щекамъ и вымарать ему лицо сажей, затѣмъ надѣть на него вывороченный наизнанку его кафтанъ. Посадивъ Мещерскаго въ этомъ шутовскомъ нарядѣ съ собой ужинать, Волынскій заставлялъ его выпить большой стаканъ вина, и когда мичманъ не могъ осушить его сразу, то Волынскій приказалъ прислугѣ бить его по головѣ. Послѣ ужина, Мещерскій въ вывороченномъ кафтанѣ и съ искаженнымъ лицомъ былъ отправленъ подъ караулъ. На другой день начались новыя истязанія и посмѣшища надъ мичманомъ. Волынскій приказалъ плацъ-подполковнику *Неялову* посадить Мещерскаго на кобылу, вмѣстѣ съ шутомъ Иваномъ *Кузьминымъ;* къ каждой ногѣ мичмана было привязано по пудовой гирѣ и по живой собакѣ задними ногами. Въ такомъ положеніи Мещерскаго продержали два часа. Но и этимъ дѣло не кончилось. Волынскій велѣлъ снять Мещерскаго съ деревянной кобылы и безъ панталонъ голымъ тѣломъ посадить его на ледъ, посыпанный солью. Въ этомъ позорномъ

---

[1]) См. Штретера: «Путеводитель Петербурга» 1822 г. Сл. «Опис. сен. арх.» Баранова, т. II, №№ 7686—7909.

положеніи продержали Мещерскаго цѣлый часъ. Какъ бы ни былъ грубъ и какъ бы ни велъ себя Мещерскій, но такое *инквизиторское* обращеніе съ нимъ Волынскаго, не смотря на всю грубость тогдашнихъ нравовъ, конечно, не говоритъ въ пользу Артемія Петровича[1]).

Къ страницѣ 96-й.

14. Вотъ какъ разсказываютъ объ этомъ случаѣ современники: «За нѣсколько дней до смерти Анны Іоанновны, караулъ стоялъ въ комнатѣ, возлѣ Тронной залы, часовой былъ у открытыхъ дверей. Императрица удалилась во внутренніе покои; было уже за полночь, и офицеръ усѣлся, чтобы вздремнуть. Вдругъ часовой зоветъ на караулъ, солдаты выстроились, офицеръ вынулъ шпагу, чтобы отдать честь. Всѣ видятъ—Императрица ходитъ по Тронной залѣ взадъ и впередъ, склоня задумчиво голову, не обращая ни на кого вниманія; весь взводъ стоитъ въ ожиданіи, но, наконецъ странность ночной прогулки по Тронной залѣ начинаетъ всѣхъ смущать. Офицеръ, видя, что Государыня не желаетъ идти изъ залы, рѣшается, наконецъ, пройти другимъ ходомъ и спросить, не знаетъ ли кто намѣреній Императрицы. Тутъ онъ встрѣчаетъ Бирона и рапортуетъ ему.—Не можетъ быть, говоритъ Биронъ: я сейчасъ отъ государыни, она ушла въ спальню ложиться!—Взгляните сами,—она въ Тронной залѣ.—Биронъ идетъ и тоже видитъ ее.—Это что-нибудь не такъ, здѣсь или заговоръ, или обманъ, чтобы дѣйствовать на солдатъ,—говоритъ онъ,—бѣжитъ къ Императрицѣ и уговариваетъ ее выйдти, чтобы въ глазахъ караула изобличить самозванку, пользующуюся нѣкоторымъ сходствомъ съ ней. Императрица рѣшается выйдти какъ была въ пудермантелѣ. Биронъ идетъ съ нею. Они видятъ женщину, поразительно похожую на Императрицу, которая ни мало не смущается.—Дерзская!—говоритъ Биронъ и вызвалъ весь караулъ; солдаты и всѣ присутствующіе видятъ *„двѣ Анны Іоанновны“*, изъ которыхъ настоящую и призракъ можно было отличить (одну) отъ другой только по наряду и потому, что она пришла съ Бирономъ. Императрица, постоявъ минуту въ удивленіи, подходитъ къ ней, говоря: «Кто ты? Зачѣмъ ты пришла»?—Не отвѣчая ни слова, привидѣніе пятится, не сводя глазъ съ Императрицы, къ трону, входитъ на него, и на ступеняхъ, обращая глаза еще разъ на Императрицу, исчезаетъ. Императрица обращается къ Бирону и произноситъ: «Это моя смерть, и уходитъ къ себѣ»[2]).

Къ страницѣ 99-й.

15. Въ романѣ Лажечникова: *„Ледяной Домъ“*, явившемся въ 1835 г., Волынскій нисколько не походитъ на несчастнаго кабинетъ-министра. Поэтъ женилъ вдоваго Волынскаго на молодой красавицѣ, сестрѣ Перокина (Еропкина); придумалъ связь Волынскаго съ какой-то небывалой молдованской княжной; самое время казни, бывшей 27 іюня 1740 г., отнесъ къ зимѣ, представивъ при этомъ мастерское описаніе лютаго морознаго дня. Не менѣе пострадали въ поэтической передѣлкѣ романиста и «конфиденты» Волынскаго съ анаграматическими фамиліями: Щурховъ замѣнилъ Хрущова, а Суминъ-Купшинъ—Мусина-Пушкина и т. п.[3]).

---

[1]) См. «Др. и Нов. Россія», 1877 г. № 3, стр. 300 и 301. Ср. Русск. Стар.» 1873 г., гл. V, стр. 949—951; Ѳ. Веселаго: «Общ. Морск. Списокъ», ч. I, стр. 243; С. М. Соловьева: «Исторія Россіи» т. XVIII, 187—188, 344; «Русск. Арх.» 1866 г., стр. 1452.

[2]) См. «Записки графини Блудовой» и «Старый Петербургъ» М. И. *Пыляева,* вып. II стр. 57—58.

[3]) См. „Русск. Старина“ 1883 г., май, стр. 468. Сравн. иллюстриров. журналъ „Общезанимательный Вѣстникъ“, 1857 г., вып. XVI.

Къ страницѣ 99-й.

16. *Василій Гладковъ* былъ секретаремъ у Волынскаго; онъ содержался въ ножныхъ кандалахъ до 21 ноября 1740 г.; 2 декабря того же года онъ былъ прощенъ и освобожденъ, на основаніи «Милосердаго указа» отъ 23 октября 1740 года, «для поминновенія блаженныя и вѣчно-достойныя памяти вел. государыни императрицы Анны Іоанновны и для многолѣтняго его императорскаго величества (Іоанна Антоновича) здравія и благополучнаго царствованія».[1]) Въ Санктъ-Петербургѣ публично, при барабанномъ боѣ, объявлено было о невинности Василія Гладкова, съ запрещеніемъ порицать его содержаніемъ подъ карауломъ и понесенными истязаніями въ Тайной Канцеляріи.[2])

Къ страницѣ 100-й.

17. Первоначальный памятникъ надъ могилой Волынскаго былъ воздвигнутъ его дѣтьми, въ первые годы царствованія Елизаветы Петровны, и состоялъ изъ каменной плиты, въ $1^1/_4$ арш. длины и $^3/_4$ арш. шир. При Екатеринѣ II на эту плиту былъ поставленъ цоколь изъ желтоватаго плитняка, на него жолобчатая колонка изъ бѣлаго мрамора. Съ одной стороны пьедестала на плитѣ была высѣчена мертвая голова, съ двумя крестообразно сложенными внизу костями, а съ другой (стороны) слѣдующая надпись:

«Во имя въ триех лицехъ
Единаго Бга
Здѣ лежитъ Артемеі
Петровичь Волынскоі
Которой жизни своея
Имѣлъ 51 годъ».

Та же надпись была высѣчена мелкими печатными буквами въ двѣ строки на широкомъ ободкѣ мраморной урночки съ слѣдующимъ добавленіемъ:

«преставися июня
27 дня 1740 году
Ту же погребены
Андрей Ѳедоровичь
Хрущовъ и Петръ
Еропкинъ».

Въ 1883 г. урна на памятникѣ исчезла, колонка обвалилась, нижняго цоколя тоже не стало и надпись мѣстами изгладилась. Въ томъ же году покойный редакторъ «Русск. Старины», М. И. Семевскій открылъ подписку на возобновленіе памятника надъ могилой казненнаго тріумвирата.[3]) Къ 12 марта 1884 года пожертвованія на возобновленіе памятника достигли 1355 р., и тогда же М. И. Семевскій обратился къ нѣкоторымъ художникамъ съ просьбою выработать проэктъ памятника на этой могилѣ. Академики *М. А Щуруповъ* и Н. Б. доставили чертежи своихъ проэктовъ, которые и были приложены къ апрѣльской (стр. 221) и майской (стр. 406) книж-

---

[1]) „Др. и Нов. Россія“, 1877 г. № 11, стр. 244. замѣч. 5.
[2]) Барановъ Опис. Сен. Архива, т. III № 8478 (іюня 1, 1741). С. А. CXL, 2.
[3]) См. „Русск Стар.“ 1883 года, май, стр. 464—471; октябрь, 269—271; декабрь 723—724.

камъ «Русской Старины» за 1884 г. Избранъ былъ проэктъ Щурупова.[1]) Сущность проекта проф. М. А. Щурупова заключается въ слѣдующемъ: памятникъ имѣетъ видъ пирамидальнаго монолита, вышин. 5 арш., приподнятаго на плитномъ фундаментѣ и насыпи еще на одинъ арш.; къ пьедесталу примыкаетъ саркофагъ, изъ подножія котораго, въ свою очередь, выступаютъ наружу меньшіе два саркофага, выходя всего одною четвертью своей вышины и украшенные вѣнками. Такимъ образомъ основаніе памятника показываетъ, что здѣсь находится не одна, а три могилы. Въ средней части памятника съ лѣвой стороны помѣщается барельефъ, представляющій женскую фигуру—богиню исторіи, держащую въ рукахъ пальмовую вѣтвь и свитокъ съ начертанными на немъ строками изъ записки Императрицы Екатерины II:

«Волынскій былъ добрый и усердный патріотъ и ревнитель къ полезнымъ направленіямъ своего отечества»

(слова Императрицы Екатерины II, 1765 г.)

Ниже этихъ строкъ два стиха:

. . . . «будетъ жить
Въ сердцахъ и памяти народной».

(Дума: «Волынскій», 1822 г.).

Ниже свитка, къ правому углу барельефа, изображена урна съ числомъ и годомъ кончины: «27 іюня 1740 года», и подъ нею змѣя, какъ аллегорія зла. Надъ нею находится горящій свѣтильникъ—олицетворяющій *правду*, обвитый оливковымъ деревомъ въ знакъ *примиренія* съ прошлымъ.

На обратной сторонѣ барельефа на памятникѣ предпол. контуръ прежняго монумента на могилѣ Волынскаго и подъ нимъ подпись, наход. на плитѣ его, такъ какъ послѣдняя настолько испорчена, что при поднятіи ея она неминуемо должна быть разсыпаться на части.

Верхняя часть памятника, украшенная полукруглымъ фронтономъ, заканчивается валютами, обращенными вверхъ; въ срединѣ помѣщается гербъ Волынскаго, на щитѣ котораго находятся одинъ лишь крестъ—словно нарочно поставленный къ нему судьбой, въ ознаменованіе несенія тяжелаго креста, ниспосланнаго на долю Волынскаго. Такое соображеніе заставило художника украсить памятникъ Волынскаго именно его гербомъ.

На бокахъ памятника находятся потухающіе факелы, обращенные огнемъ внизъ; кругомъ саркофага предп. сдѣлать подпись именъ тѣхъ лицъ, по почину, заботами и иждивеніемъ которыхъ сооруженъ памятникъ.[2])

Памятникъ этотъ исполненъ изъ бронзы, подъ непосредственнымъ наблюденіемъ самого М. А. *Щурупова*, въ мастерской сер. и брон. дѣлъ художника—мастера А. И. Соколова; барельефъ вылѣпленъ извѣстнымъ скульпторомъ А. А. *Опекушинымъ*. Памятникъ поставленъ на гранитномъ пьедесталѣ (даръ г. Брусова) и обнесенъ желѣзною рѣшеткою, безмездно исполненною г. Собенниковымъ по рисунку профессора Ѳ. Г. Солнцева. Стоимость памятника около 1900 р. 25 к.; изъ нихъ 1000 р. пожертвованы г-жей Селифонтовой, матерью и опекуншей малолѣтней дочери Н П. Селифонтовой, представительницей рода А. П. Волынскаго. Патятникъ оконченъ и поставленъ въ декабрѣ 1885 г., а 15 марта 1886 года настоятель церкви Св. Самсонія

---

[1]) „Русск. Стар." 1884 г., ноябрь, стр. 444.
[2]) См. подробн. въ „Русск. Стар." 1885 г. № 1, январь, стр. 242—244.

О. Владимірскій, въ присутствіи редактора «Русск. Старины» [1]) М. И. Семевскаго, проф. М. А. Щурупова, В. В. Еропкиной[2]) и многихъ другихъ лицъ, отслужилъ на могилѣ Волынскаго, Еропкина и Хрущева, предъ новымъ памятникомъ, панихиду.

При производствѣ земляныхъ работъ для фундамента, въ могилѣ оказался одинъ гробъ изъ дубоваго дерева, въ видѣ большаго ящика, и рядомъ съ нимъ доска отъ другихъ гробовъ. Въ большомъ гробѣ найдено много костей и одна задняя часть черепа, съ плотно прилипшей къ нему рогожей. Въ черепѣ найденъ высохшій мозгъ, сохранившійся въ своей формѣ, и тутъ же желѣзная скобка.[3])

Необходимая поправка (вниманію читателей). Начиная съ страницы 103-й настоящей монографіи, по недосмотру корректора и самаго автора, произошла путаница въ цифрахъ, означающихъ порядокъ примѣчаній и дополненій къ тексту, а потому авторъ, извиняясь предъ читателями за этотъ недосмотръ, проситъ ихъ обращать вниманіе на страницы, предшествующія каждому замѣчанію. Возстановляя въ приложеніи должный порядокъ примѣчаній и дополненій, авторъ считаетъ необходимымъ предпослать имъ допущенныя опечатки, чтобы потомъ не дѣлать оговорокъ при каждомъ отдѣльномъ случаѣ.

Стран.	Строка.	Напечатано.	Должно быть.
103	3 снизу.	См. примѣч. 17	18.
127	1 »	» 19	22.
134	1 »	» 20	23.
141	3. »	» 21	24.
142	1 »	» 22	25.
150	4 »	» 23	26.
151	12 »	» 24	27.
161	7 »	» 23	26.
164	8 »	» 25	28.
185	8 сверху.	» 26	29.
259	8 снизу.	» 25	30.
295	3 »	» 28	31.
363	1 »	» 29	32.
507	2 »	» 30	33.
513	8 »	» 31	34.
582	4 »	» 33	35.
612	2 »	» 33	36.

Къ страницѣ 103-й.

18. На стр. 103-й, въ примѣчаніи (с), мною уже было указано на грубыя ошибки кн. Долгорукова и П. Н. Петрова, допущенныя ими въ родословной Неплюевыхъ; привожу здѣсь выдержку изъ сочиненія Петрова: «Исторія родовъ русскаго дворянства»: «Ив. Ив. Неплюевъ былъ женатъ дважды: въ первомъ бракѣ на Ѳедосьѣ

---

[1]) „Русск. Стар." 1886 г., Янв., стр. 263; и іюнь, стр. 770; здѣсь прилож. видъ новаго памятника и барельефа (717—724).

[2]) См. въ Русск. Старинѣ" за мартъ 1886 г. „Замѣч. и родосл. Еропкиныхъ", сообщ. В. В. Еропкиной, а въ іюльской кн. за тотъ же годъ приложенъ портретъ Петра Михайловича Еропкина.—Родосл. свѣдѣнія объ Андреѣ Ѳеодоровичѣ Хрущовѣ см. въ „Русск. Стар.", XXXVIII, 472—476, т. XXXI, 194).

[3]) Портретъ А. П. Волынскаго приложенъ къ статьѣ Д. А. Корсакова. См. „Др. и Нов. Росс." 1877 г., № 1.

Өедоровнѣ Татищевой († 1740), отъ которой имѣлъ старшаго сына Адріана Ивановича (род. 19 авг. 1712 г. † 1750 г. 8 ноября въ чинѣ статскаго совѣтника), посланника въ Констатинополѣ; отъ второй жены Анны Ивановны Паниной (род. 1717 † 12 іюня 1745 г.) имѣлъ Ив. Ив. Неплюевъ сына Николая (род. 1731 г.), бывшаго при Павлѣ Первомъ сенаторомъ, да дочерей Марью (род. 14 іюля 1714), бывшую за вице-адмираломъ Воиномъ Яковлевичемъ Римскимъ-Корсаковымъ, и Анну (род. 19 янв. 1730 г.), выданную за тайнаго совѣтника Михаила Купріановича Лунина» (стр. 381, 2 ст.). Изъ простаго сопоставленія времени рожденія дѣтей Ив. Ив. Неплюева и его второй жены, Анны Ивановны Паниной, можно убѣдиться, на сколь цѣнны данныя, сообщаемыя въ отмѣченномъ сочиненіи. Вообще нужно замѣтить, что въ родословныхъ дворянскихъ фамилій встрѣчается не мало анахронизмовъ; нѣкоторые изъ нихъ мы отмѣтили и въ приложенной въ настоящей монографіи родословной дворянъ Неплюевыхъ.

Къ страницѣ 104-й.

19. Воинъ Яковлевичъ Римскій-Корсаковъ, старшій зять Неплюева, въ 1731 году былъ командированъ для описанія лѣсовъ, расположенныхъ вокругъ Ладожскаго и Онежскаго озеръ, отъ Шлиссельбурга до Повѣнца, и составилъ карту всей Кореліи и Олонецкаго уѣзда. Въ 1734 году, командуя гальотомъ Керсъ-Макеръ, плавалъ въ Данцигъ и въ маѣ, близъ Пилау, былъ взятъ въ плѣнъ французами. Въ 1739 г. былъ командированъ въ Кубанскую степь и составилъ ея ландъ-карту. Въ 1740 г. сопровождалъ графа Румянцева, полномочнаго посла къ Турецкому Султану, «за маршала отъ флота», а въ 1742 году, по возвращеніи изъ Константинополя, былъ назначенъ совѣтникомъ въ Коммиссаріатъ. Въ 1743 году крейсировалъ у Гангута, для наблюденія за непріятелемъ, командуя кораблемъ «Азовъ» въ эскадрѣ адмирала графа Головина. Въ 1745 году участвовалъ въ празднествахъ, происходившихъ по случаю бракосочетанія Наслѣдника престола, управляя вновь построеннымъ кораблемъ «Св. Великомученица Варвара». Въ сентябрѣ 1747 г. В. Я. Римскій-Корсаковъ произведенъ въ контръ-адмиралы, награжденъ орденомъ Св. Анны и назначенъ начальникомъ Петербургской карабельной команды. Въ 1751 г. онъ командовалъ Кронштадтскою эскадрою, имѣя флагъ на кораблѣ «Уріилъ», а въ 1752 году повелѣно ему присутствовать въ Адмиралтейской Коллегіи. В. Я. Римскій-Корсаковъ имѣлъ отъ Марьи Ивановны (Неплюевой) три сына: Александра († 15 янв. 1767 г.), Якова, Петра и дочь Марію, которая была въ замужествѣ за ст. сов. Зубовымъ и занималась литературой. Петръ Воиновичъ имѣлъ пять сыновей, прижитыхъ имъ внѣ брака; по ходатайству графа Аракчеева, они получили права законныхъ дѣтей. Изъ нихъ Андрей Петровичъ (Волынскій), женатый на княжнѣ Мещерской, былъ гражданскимъ губернаторомъ, а Николай Петровичъ, женатый на Поликсенѣ Ивановнѣ Сухотиной, скончался въ чинѣ вице-адмирала флота 31 октября 1848 года.

Къ страницѣ 105-й.

20. Въ «Запискахъ» Неплюева отецъ графовъ Паниныхъ (р. 1673 † 1736 г.) названъ Иванъ Ивановичемъ, а въ «Русс. Родословной» кн. Долгорукова (т. I, стран. 166) и у Лонгинова (XVIII в., III, 168)—Иваномъ Васильевичемъ. Нужно бы думать, что показаніе Неплюева болѣе точно, какъ раньше мы и предполагали[1]), но

---

[1]) Неплюевъ и Оренбургъ. Отд. оттискъ изъ «Уральскихъ Войск. Вѣдомостей» за 1873—1875 г., стр. 67, прим. 2.

послѣ убѣдились въ противномъ: отецъ гр. Паниныхъ былъ не Иванъ Ивановичъ, а Иванъ Васильевичъ: его сестра Анна Васильевна была фрейлиной Императрицы Елизаветы Петровны; она умерла незамужней въ 1782 году и погребена въ Андроніевомъ монастырѣ, въ Москвѣ, гдѣ сохранилась и надпись на ея могилѣ. Она имѣла дѣтей, которымъ Императрица Елизавета Петровна пожаловала дворянство: сыновья, принятые отъ кн. Меньшикова, получили фамилію Запольскихъ и Евреиновыхъ, а дочь—Радивиловой. Покойный Р. Г. Игнатьевъ[1]), извѣстный археологъ, имѣлъ портретъ Анны Васильевны Паниной, доставшійся ему отъ его матери, а ей—отъ бабушки, крестницы А. В. Паниной. Отецъ Анны Вас. былъ колл. сов. Василій Алексѣевичъ, а мать Надежда Андреевна дочь колл. ассесора Андрея Юрьевича Лодыженскаго. Императрица Екатерина II любила Анну Васильевну: она была молода и красива. При содѣйствіи графа Орлова, Анна Васильевна была даже одно время просватана за дѣйств. камергера С. С. Лопухина (р. 1732 † 16 мая 1784 г.[2]) Петръ Ивановичъ Панинъ (р. 1721 † 1789 г.) былъ женатъ на Аннѣ Алексѣевнѣ Татищевой;[3]) Никита Ивановичъ Панинъ, воспитатель Цесаревича Павла Петровича, скончался въ 1783 году (род. въ 1718 г.)

Къ страницѣ 106-й.

21. Семенъ Александровичъ Неплюевъ былъ сынъ генералъ-криксъ-коммисара арміи, Александра Ивановича Неплюева, а его жена Евфросинья Петровна была правнукой малороссійскихъ гетмановъ Ивана Скоропадскаго и Даніила Апостола. Когда И. И. Неплюевъ пріѣхалъ въ Глуховъ, С. А. Неплюевъ занималъ мѣсто одного изъ трехъ великороссійскихъ членовъ въ Коммиссіи, управлявшей судебными дѣлами Малороссіи; впослѣдствіи онъ получилъ чинъ дѣйств. тайн. совѣтника и былъ сенаторомъ; родства между нимъ и И. И. Неплюевымъ почти не было никакого, хотя они и происходили отъ одной вѣтви. У Ѳедора Ивановича Неплюя было четыре сына, получившихъ фамилію Неплюевыхъ; отъ старшаго Гавріила Ѳедоровича происходилъ Ив. Ив. Неплюевъ, а отъ третьяго Андрея Ѳеодоровича—Александръ Ивановичъ Неплюевъ, отецъ Семена Александровича Неплюева.

Къ страницѣ 127-й.

22. Закамская или Черемшанская линія, начатая въ 1732 г., строилась подъ главнымъ наблюденіемъ тайнаго сов. Ѳеодора Васильевича Наумова. Начинаясь у пригорода Алексѣевска, при сліяніи р. Кинели съ р. Самарой, она шла прямо на С., на рѣку Сокъ, черезъ редутъ Красный къ Красноярской крѣпости; затѣмъ зигзагообразно направлялась на СВ., по лѣвому берегу р. Сока, черезъ Чернорѣчинскій фельдшанецъ; при Сергіевской крѣпости пересѣкала рѣку Сокъ и шла на Кундурчинскій фельдшанецъ и Черемшанскую крѣпость и, перейдя р. Шешму, оканчивалась у Кичуйскаго фельдшанца. (См. «Топогр. Ор. губ.» Рычкова, стр. 312 и 313. Изд. 1887 г.).

Къ страницѣ 134-й.

23. Грамота на тарханство и сабля хранятся въ родѣ Шаимовыхъ, проживающемъ въ деревнѣ Ялторовой девятаго башкирскаго контона.

---

[1]) См. о немъ въ «Извѣст. Общ. арх., исторіи и этнографіи» при И. Каз. Универ.» 1893 г., № 2-й, гдѣ напечатаны мною краткія біографическія свѣдѣнія о жизни покойнаго.
[2]) Р. Старина 1871 г., т. IV, 379—380.
[3]) Тамъ же, т. III, стр. 469.

Къ страницѣ 141-й.

24. Вся башкирія была раздѣлена на четыре части, называемыя дорогами,— эти дороги были слѣдующія: *Казанская*, *Осинская*, *Ногайская* и *Сибирская*. Такъ-какъ эти дороги всегда служили главнымъ театромъ военныхъ дѣйствій противъ бунтовавшихъ башкирцевъ; то мы считаемъ не лишнимъ точнѣе обозначить ихъ границы и взаимное положеніе, руководствуясь генеральной картой Башкиріи, составленной Красильниковымъ въ 1755 году. Верхнее и среднее теченіе бассейна рѣки Бѣлой (съ ея притоками: Нугушемъ, Илимомъ, Инзерью и Демой) омывало Ногайскую дорогу, а нижнее (съ притоками: Таныпомъ, Чермасаномъ и Сюнью) находилось въ предѣлахъ Казанской дороги. По Осинской дорогѣ протекали рѣки Буй и Бирь, а по Сибирской— р. Уфа съ своими притоками Аемъ и Юрезенью. Западная граница Казанской дороги начиналась въ вершинѣ р. Ика (лѣвый притокъ Камы) и шла черезъ Каму къ рѣкѣ Ижъ (прав. притокъ Камы), откуда начиналась сѣверная граница, которая, пересѣкши Каму, простиралась до Осинской дороги. Восточная граница шла съ С. на Ю. черезъ р. Таныпъ на Бирскъ и Уфу, примыкая на этомъ пространствѣ непосредственно къ Осинской дорогѣ; далѣе она прилегала къ Ногайской дорогѣ и направлялась, почти параллельно теченію рѣки Демы къ верховьямъ рѣки Ика, образуя на Ю. какъ-бы вершину треугольника. Осинская дорога, начинаясь почти у города Осы, врѣзывалась узкой, неправильной полосой между дорогъ Казанской и Сибирской и оканчивалась у города Уфы, примыкая здѣсь къ Ногайской дорогѣ. На В. отъ южной части Казанской дороги шла Ногайская дорога, простираясь до верхняго теченія р. Бѣлой и Верхняго Кизила (правый притокъ р. Яика, или Урала). Къ С. отъ Ногайской дороги находилась Сибирская дорога, граничившая на В. съ Исетской провинціей, на З—съ Осинской дорогой, а на С. съ Кунгурскимъ уѣздомъ и частію съ Екатеринбургскимъ вѣдомствомъ. Вообще, Казанская дорога занимала западную часть Башкиріи, Сибирская—восточную, Осинская—среднюю и Ногайская—юговосточную, (см. карту 4-ю въ атласѣ: «Оренб. губернія по «ландкартамъ» Красильникова и «топографіи» П. И. Рычкова).

Къ страницѣ 142-й.

25. Кирилловъ пригласилъ на торжество закладки новаго города Нурали-Салтана, старшаго сына Абулъ-Хаиръ-Хана и почетныхъ киргизъ. Въ праздникъ Успѣнія Божіей Матери, 15 августа 1735 г., въ присутствіи Кириллова и всѣхъ бывшихъ при немъ чиновъ, Нурали-Салтана и почетныхъ киргизъ, при собраніи войскъ, священникъ отслужилъ молебенъ и окропилъ св. водою всѣ тѣ мѣста, гдѣ предполагалось сдѣлать валъ, ровъ и бастіоны. Вслѣдъ затѣмъ Кирилловъ угощалъ въ палаткахъ «съ великимъ трактаментомъ» Нурали-Салтана, штабъ и оберъ-офицеровъ своей команды, чиновниковъ и киргизскихъ старшинъ. При стрѣльбѣ изъ пушекъ, пили тосты за Абулъ-Хаира, Нурали-Салтана и киргизскій народъ. Пушечные выстрѣлы пугали непривычныхъ къ нимъ киргизцевъ; на потѣху и удивленіе имъ пускались ракеты. На другой день, 16 августа, принявъ всѣ мѣры предосторожности, стали воздвигать земляной валъ и бастіоны, окружили будущій городъ рвомъ, устроили землянки и даже избы для гарнизона. Кирилловъ руководилъ работами и за всѣмъ наблюдалъ самъ лично, не жалѣя въ то же время для киргизцевъ—гостей быковъ, барановъ, кумыса и другихъ угощеній въ азіатскомъ вкусѣ. (См. отд. оттискъ статьи Р. Игнатьева: «Карасакалъ, лже-ханъ Башкаріи», стр. 18—19).

Къ страницамъ 150-й и 161-й.

26. Въ историческомъ очеркѣ: «Откуда взялись казаки» (Оренбургъ, 1881 г.) Ф. М. Старикова время основанія нѣкоторыхъ крѣпостей показано невѣрно, напр. Верхнеяицкая крѣпость была основана въ 1734 г., а не въ 1738 (см. 160); крѣпости: Тевкелевъ бродъ (Новосергіевская), Переволоцкая, Чернорѣченская и Ельшанская основаны не Кирилловымъ, а Татищевымъ; крѣпости по р. Сакмарѣ: Пречистенская и Воздвиженская построены не въ 1741, а въ 1742 г. (См. въ наст. моногр. стр. 179 и 276).

Къ страницѣ 151-й.

27. Въ указателѣ Баранова къ III т. «Описанія Сенатскаго Архива» находятся слѣдующія свѣдѣнія о Соймоновѣ. Леонтій Яковлевичъ Соймоновъ 21 марта 1729 года былъ пожалованъ въ бригадиры и назначенъ на службу въ Низовый Корпусъ (Верх. т. сов. а, 348); 23 ноября 1731 г. опредѣленъ коммендантомъ въ Кронштадтъ (34, 254); 11 декабря того же года, по высочайшему повелѣнію, уволенъ по болѣзни на годъ въ отпускъ (34, 318); 3 апрѣля 1733 г., по именному указу, назначенъ въ коммиссію для разсмотрѣнія счетовъ казны съ купцомъ Мееромъ (38, 238); 26 іюля 1736 г. посланъ вице-губернаторомъ въ Астрахань; ему же было поручено и завѣдываніе калмыцкими дѣлами (45, 46); 25 августа 1736 г. произведенъ въ генералъ-маіоры (45, 137); 26 января 1737 г. ему поручается завѣдываніе Башкирской Коммиссіей въ Уфимской провинціи и команда надъ расположенными тамъ войсками (47, 112); 25 мая онъ назначается слѣдователемъ по дѣлу объ отдачѣ полковникомъ Анненковымъ солдата Казанцева въ работу башкирцамъ (48, 87); 3 марта 1740 г. назначенъ въ Казань вице-губернаторомъ (57, 178); 3 ноября 1740 г. пожалованъ въ генералъ-лейтенанты (CXXXIII, 71); затѣмъ по смерти князя В. А. Урусова, назначается глав[illegible]ъ командиромъ Оренбургской Коммиссіи, а 16 января 1742 года ему велѣно при[illegible] въ Москву (66, 133).

Къ страницѣ 164-й.

28. Князь Василій Алексѣ[illegible]ичъ Урусовъ въ 1708 году былъ посланъ «для науки» въ Голландію и, во время его пребыванія тамъ, плавалъ на англійскихъ военныхъ корабляхъ до Португаліи и къ городу Архангельску. Изъ Голландіи, «за скудостью въ Амстердамѣ кораблей», онъ отправился въ Данію и здѣсь въ 1713 году поступилъ въ чинѣ поручика на датскій флотъ. Въ январѣ 1716 г. онъ возвратился въ Россію, а въ маѣ 1718 г. былъ посланъ въ Астрахань для описанія Каспійскаго моря. Находясь здѣсь, Урусовъ описалъ восточный берегъ Каспійскаго моря съ бывшимъ устьемъ Аму-Дарьи, и въ ноябрѣ того же года отправилъ къ графу Апраксину отчетную карту произведенныхъ имъ работъ. Въ слѣдующемъ году, подъ его присмотромъ и руководствомъ, были построены въ Казани суда, на которыхъ онъ сплылъ по Волгѣ въ Астрахань, для плаванія по Каспійскому морю, а 6 Января 1721 года, «за прилежную службу при описи Каспійскаго моря», произведенъ въ капитанъ-поручика. Въ февралѣ 1722 года посланъ былъ въ Астрахань съ капитаномъ фонъ-Верденомъ, и наблюдалъ за постройкою судовъ для персидскаго похода. Въ іюлѣ того же года кн. Урусовъ назначенъ командиромъ третьей эскадры ластовыхъ судовъ на Каспійскомъ морѣ, а въ августѣ находился на тялкѣ № 3, нагруженной артиллеріей и провіантомъ, близъ Дербента у р. Миликенти. Въ 1723 г. участвовалъ при блокадѣ и

при взятіи русскими г. Баку; 7 февраля 1724 г. произведенъ въ капитаны 3 ранга; съ 1725—1726 г. исправлялъ временно должность завѣдывающаго Астраханскимъ портомъ; 11 оксября 1727 г. «за долговременныя при Астраханскомъ Адмиралтействѣ службы» получилъ чинъ капитана 2 ранга, со старшинствомъ съ 1 января 1727 г.

Черезъ годъ (31 янв. 1729 г.) В. А. Урусовъ «за долговременное бытіе при Астраханскомъ Адмиральтействѣ» уволенъ, по прошенію, отъ должности и переведенъ въ Балтійскій флотъ; 28 апрѣля 1730 г. пожалованъ въ капитанъ—командоры и назначенъ совѣтникомъ Московской Адмиралтейской Конторы, а 25 октября слѣдующаго года опредѣленъ директоромъ той же Конторы; 29 декабря 1732 г. его назначили совѣтникомъ Адмиралтействъ—Коллегіи, въ контръ-адмиральскомъ рангѣ, а 28 февраля слѣдующаго 1733 г. ему же поручили завѣдываніе Морской Академіей и школами.

7 января 1737 г. В. А. Урусовъ былъ назначенъ членомъ генеральнаго суда надъ сенаторомъ Кн. Д. М. Голицынымъ; 17 іюня 1739 г. произведенъ въ генералъ поручики, съ повелѣніемъ быть ему главнымъ командиромъ Оренбургской Коммиссіи, вмѣсто т. сов. В. Н. Татищева. [1]) Василій Алексѣевичъ былъ женатъ на княжнѣ Прасковьѣ Петровнѣ Долгоруковой, которая по смерти своего мужа переѣхала въ Москву, куда взяла съ собой и башкирца *Бигилича*, жившаго въ ихъ домѣ, подъ именемъ Елисея. Интересны отношенія П. П. Урусовой къ этому башкирцу. Проживъ въ Москвѣ у своей госпожи три года, Елисей-Бигиличъ вдругъ получаетъ отъ княгини приказаніе исповѣдываться и пріобщиться св. Таинъ вмѣстѣ съ другими ея людьми. Бигиличъ заявилъ, что онъ еще не крещенъ, хотя ему въ Тобольскѣ и было дано христіанское имя «Елисей», но княгиня не приняла этого во вниманіе и настояла на своемъ: башкирецъ сталъ ходить въ церковь, выучился молитвамъ и въ теченіе 12 лѣтъ пріобщался Св. Таинъ; Бигиличъ пожелалъ было научиться и русской грамотѣ, но княгиня почему-то этого ему не дозволила. Когда Бигиличъ задумалъ креститься, то возникъ вопросъ, какъ слѣдуетъ отнестись къ тому, что этотъ иновѣрецъ, не бывъ крещеннымъ, пріобщался, по приказанію своей госпожи, нѣсколько разъ Св. Таинъ— вопросъ этотъ и пришлось рѣшать духовной власти. [2])

Василій Алексѣевичъ Урусовъ имѣлъ двухъ братьевъ: Григорія и Ивана Алексѣевичей. Считаемъ не лишнимъ замѣтить, что былъ еще князь Василій Урусовъ, состоявшій въ морской службѣ съ 1716—1740 г., который оказался «за пьянствомъ и незнаніемъ дѣла къ скужбѣ негоднымъ», почему и былъ уволенъ. Въ 1742 г. его снова приняли на службу во флотъ, но онъ въ томъ же году посадилъ на голландскомъ рифѣ на мель фрегатъ «Гекторъ»; фрегатъ разбился, команда была спасена, командиръ оправдался, но за пьянство его снова уволили и прикомандировали къ Сенату, гдѣ онъ числился съ 1744—1753 г., когда получилъ чистую отставку въ чинѣ надворнаго совѣтника. [3])

Къ страницѣ 185-й.

29. О заведеніи Усть-Уйскаго поселья монастырскій актъ сообщаетъ слѣдующее: «Лѣта 7194 іюля въ день (1686), по указу Великихъ Государей, Царей и Великихъ Князей Іоанна Алексѣевича и Петра Алексѣевича всея Великія и Малыя и Бѣлыя Россіи Самодержцевъ, память на Царево-Городище, прикащику Григорью Шарыгину».

---

[1]) *Веселаго.* Общ. Морск. Списокъ, ч. I, стр. 381 и 382. Спб. 1885 г.

[2]) Дѣло о Бигиличѣ хранится въ Моск. Архивѣ Ин. Дѣлъ (Башкирскія дѣла, связка 2). См. соч. Н. А. Ѳирсова: „Инородч. населеніе прежняго Каз. царства въ новой Россіи до 1762 г.," стр. 137. Казань 1867 г.

[3]) *Веселаго.* Общ. Морск. Списокъ, ч. I, стр. 383.

«Въ нынѣшнемъ во 194 году били челомъ Великимъ Государемъ Успенскаго монастыря старцы игуменъ Исаакъ съ братіею, и въ Тобольску въ Приказной Палатѣ боярину и воеводамъ Алексѣю Петровичу Головину съ товарищи, служебникъ ихъ Парѳенко Ивановъ подалъ челобитную, а въ челобитной ихъ написано въ нынѣшнихъ-де годѣхъ по Исетѣ рѣкѣ облюднѣло и поселилось государскихъ слободъ и иныхъ жителей много, и по Исетѣ рѣкѣ рыба къ нимъ доходитъ на—малѣ, а озеръ и иныхъ рыбныхъ ловель къ монастырю не прилегло, и питаться имъ нечѣмъ. А есть-де вверхъ Тобола рѣки, выше Верхнія слободы и Царева Кургану, въ днищахъ въ четырехъ, и больша рѣчка Уй, пала устьемъ въ Тоболъ же рѣку и по ней курьи и затоны, а около тѣхъ же рѣчки и источины и луговыя озера, и Великіе Государи помиловали бъ ихъ, велѣли на тѣхъ угодьяхъ про свою нужду неводомъ и какъ мочно рыбы ловить, и для корма скотскаго сѣна ставить. И какъ къ тебѣ сія память придетъ, и ты-бъ ѣхалъ изъ слободы Царево-Городища, по челобитью Успенія обители Далматовскаго монастыря старцевъ, игумена Исаака съ братіею, про р. Уй, и про озеро, и про рыбныя ловли по урочищамъ, и про сѣнные покосы сыскалъ большимъ повальнымъ обыскомъ тѣ рыбныя ловли и покосы, порозжи-ль и не близко-ль слободъ, и тѣ урочища описать, и сѣнные покосы измѣрить, и сколько далече отъ слободы Царево-Городище; а по сыску и по досмотру, и по описи, и по мѣрѣ будетъ объявится порозже, велѣть тѣми рыбными ловлями и сѣнными покосы владѣть до указу Великихъ Государей; а сыскъ и досмортъ, и описаныя, и мѣрныя книги прислать въ Тобольскъ, а о томъ писать къ боярину Алексѣю Петровичу Головину съ товарищи». (См. «Откуда взялись Казаки». Ф. М. Старикова, стр. 161—162, сносокъ.)

Къ страницѣ 259-й.

	РЕЭСТРЪ укрѣпленій Нижне-Яицкой линіи, образовавшейся при Неплюевѣ.	Разстояніе.	
		Отъ Оренбурга.	Мѣсто отъ мѣста.
1.	**Гурьевъ** городокъ, на устьѣ Яика рѣки, впадающей въ Каспійское море	744.	—
	Между оными форпосты:		
	1. Сарайчиковъ	685.	59.
	2. Ямanхалинскій	665.	20.
	3. Баксаевъ	651.	14.
	4. Тополевый	627.	24.
	5. Зеленый Колокъ	611.	16.
2.	**Кулагинъ городокъ**	590.	21.
	6. Гребенщиковъ	571.	19.
	7. Кошъ-Яикъ	555.	16.
	8. Харкинъ	543.	12.
	9. Красный Яръ	527.	16.
3.	**Калмыковъ городокъ**	512.	15.
	10. Котельный	497.	15.
	11. Антоновъ	479.	18.
	12. Каменные Орѣшки	456.	23.
	13. Сахарный	441.	15.
	14. Мергеневъ	408.	33.
	15. Сундаевъ	385.	23.
	16. Кажахаровъ	363.	22.
	17. Бударинъ	348.	15.
	18. Кошъ-Яикъ	326.	22.
	19. Чаганскій	304.	22.
4.	**Городъ Яицкъ**	269.	35.
5.	**Илекъ**	124.	145.

П. И. Рычковъ, приводя этотъ реэстръ въ своей «Топографіи Оренб. губерніи» (стр. 294—295, изд. 1887 г.), замѣчаетъ: «Сей реэстръ съ напечатаннымъ при Оренбургской Исторіи» имѣетъ нѣсколько разности, но потому вѣроятнѣйшій, что въ 1759 году, въ бытность въ Оренбургѣ войсковаго атамана Андрея *Бородина*, поправленъ имъ самимъ и войсковымъ дьякомъ *Суетинымъ*, которые съ бывшими при нихъ старшинами, и все выше и ниже описанное, прочтя и учиня токмо немногія поправки, подтвердили. Къ тому же надлежитъ знать и сіе, что изъ напечатанныхъ въ прежнемъ реэстрѣ нѣкоторые форпосты совсѣмъ оставлены, а къ самому Гурьеву городку прямѣйшія дороги проложены».

Къ страницѣ 295-й.

31. *Рычковъ*, по ходатайству Неплюева, получилъ въ Оренбургской губерніи землю; на этой-то дарственной землѣ Петръ Ивановичъ поселилъ деревню, изъ которой потомъ и возникло село **Спасское**, описанное Палласомъ въ его „Путешествіи" [1]). Село Спасское находится въ Бугульминскомъ уѣздѣ Самарской губерніи, въ 15 верстахъ отъ города Бугульмы, въ округѣ третьяго стана; всѣхъ крестьянъ въ селѣ 210 душъ обоего пола, изъ нихъ половина собственниковъ, живущихъ на дарственной землѣ отъ помѣщика, а остальные пользуются землей, на извѣстныхъ условіяхъ, отъ г. **Тетеревникова** и жены покойнаго штабсъ-капитана *Малокіенко*, въ вѣдѣніе котораго село Спасское перешло отъ г.г. Рычковыхъ въ 1844 году. Храмъ въ селѣ каменный и весьма древній; онъ былъ заложенъ, по желанію основателя и первовладѣльца села П. И. Рычкова, въ 1757 г. членомъ святѣйшаго синода, казанскимъ епископомъ Гавріиломъ, преемникомъ Луки Конашевича, и построенъ на собственныя деньги самимъ Рычковымъ; въ 1765 году храмъ былъ совершенно отстроенъ и въ томъ же году освященъ, въ честь Вознесенія Господня. Въ 1773 году башкиры изъ скопищъ Пугачева напали на Спасское, ворвались въ храмъ, разграбили и осквернили его, почему въ 1775 году онъ снова былъ освященъ, по благословенію казанскаго архіепископа Веніамина, бугульминскимъ благочиннымъ Аѳанасіемъ Петровымъ, какъ это видно изъ надписи [2]) на крестѣ, хранящемся въ церкви села Спасскаго. Первоначально въ этомъ храмѣ былъ только одинъ престолъ, а потомъ, въ сороковыхъ годахъ текущаго столѣтія, Любовь Дмитріевна Рычкова пожелала устроить въ немъ еще два придѣла: одинъ въ честь Покрова Божія Матери—на правой сторонѣ, и другой, во имя Митрофанія Воронежскаго чудотворца, на лѣвой сторонѣ храма; оба придѣла освящены въ 1855 году. Между церковными вещами этого храма заслуживаютъ вниманія, по своей древности, слѣдующія: льняной антиминсъ, освященный казанскимъ архіепископомъ Веніаминомъ въ 1760 году, потиръ и дискосъ, сдѣланные изъ олова; Евангеліе и Апостолъ, печатанные въ 1745 г., Мѣсячныя Минеи [3]) 1734 года и Мѣсячныя Минеи [4]) 1768 г. На нѣкоторыхъ книгахъ сохранилась слѣдующая надпись: „книга сія Вознесенія Господня, что въ селѣ Спасскомъ, и кое принадлежитъ статскому совѣтнику Петру Ивановичу Рычкову. Куплена съ протчими всего годоваго теченія книгами въ Москвѣ—1769 году за 25 руб. за 50 коп. на деньги, данные по обѣщанію того-жъ села Спасскаго выборнаго крестьянина Герасима Федорова сына Благова".

---

[1]) Изданіе 2. С.П.Б. 1809 г., ч. I, стр. 148.
[2]) Смотр. дальше копію съ надписи.
[3]) Всѣ 12 мѣсяцевъ въ одномъ корешкѣ.
[4]) Каждый мѣсяцъ въ отдѣльномъ переплетѣ.

Кромѣ поименованныхъ вещей, въ церкви сохранился крестъ съ слѣдующею надписью:

„Въ лѣто
Отъ сотворенія міра
7265
еже бѣ:

Благополучныя державы Благочестивѣйшія Самодержавнѣшія Великія Государыни Императрицы Елисаветы Петровны Всепресвѣтлѣйшия Всемилостивѣйшаго

Петра Великаго

дражайшей дщери отрожденіяжъ ея 48: году заложенъ сей Божій Храмъ вознесенія Господня

Благословеніемъ
Архипастырскимъ:

Святѣйшаго Правительствующаго Синода члена Преосвященнѣйшаго Гавріила Епископа казанскаго и свіяжскаго:

строенъ

въ бытность сему селу помѣщика и начинателя перваго Статскаго Совѣтника Санктъ Питеръ Бургской Императорской Академіи Наукъ кореспондента и члена Оренбургской Канцеляріи Петра Іванова сына Рычкова при женѣ ево Еленѣ Денисовой дочери по отцѣ Чириковой:

Сооруженъ

отъ сотворенія міра 7273: отъ Рождества Христова 1765: года

Освященъ былъ

въ благополучное Государствованіе всесвѣтлѣйшія державнѣйшія премудрыя Государыни Імператрицы Екатерины Алексѣевны достойнѣйшей Петра Великаго внуки и царствованія ея въ 4: отъ рождества жъ 36 лѣто при любезномъ ея Вечичества сынѣ и наслѣдникѣ благовѣрномъ Государѣ Івеликомъ князѣ Павлѣ Петровичѣ въ II лѣто отъ рожденія его. И обруганъ былъ басурманами и башкирами въ лѣто отъ созданія міра 7281 отъ рождества Христова 1773 декабря 18 дня.

Вновь освятися при державѣ Благочестивѣйшия Самодержавнѣйшія великія Государыни Екатеринѣ Алексѣевны Імператрицы всероссійскія Іпринаслѣдникѣ ея Благовѣрномъ Государѣ и великомъ князѣ Павлѣ Петровиче по благословенію Святѣйшаго Правительствующаго Синода члена Преосвященнѣйшаго Івеликаго Господина нашего Веніамина Архіепископа казанскаго и свіяжскаго влѣто отъ созданія 7283 отъ рождества 1775 Индикта 9 мѣсяца Генваря 14 числа на память преподобныхъ отецъ нашихъ Павла Фивейскаго, Іоанна Кущника закащикомъ Ісвященникомъ бугульминской слободы Афанасіемъ Петровымъ».

Послѣдніе пять или шесть лѣтъ жизни П. И. Рычкова были временемъ самыхъ тяжелыхъ для него испытаній: Спасское было разорено скопищами Пугачева, при чемъ несчастный Рычковъ понесъ болѣе, чѣмъ на 20 тысячъ убытку;[1]) сооруженный имъ храмъ былъ разграбленъ и оскверненъ; *Рейнсдорпъ* донималъ старика разными придирками и ругалъ его въ своихъ письмахъ къ Миллеру; завистники старались мѣшать трудолюбивому Рычкову въ его литературныхъ занятіяхъ, а въ августѣ 1774 г. подъ Карсуномъ былъ убитъ его сынъ Андрей Петровичъ, бывшій симбирскимъ коммендантомъ, въ борьбѣ съ Пугачевскимъ отрядомъ; послѣднее обстоятельство особенно потрясло Рычкова. Тѣло этого храбраго 35-ти лѣтняго героя было

---

[1]) *Пекарскій.* Жизнь и литер. переписки П. Ив. Рычкова, стр. 143.

привезено въ село Спасское и, съ дозволенія казанскаго архіепископа Веніамина, погребено въ церковной трапезѣ, на лѣвой сторонѣ, близъ арки, отдѣляющей трапезу отъ настоящаго храма, или такъ называемаго корабля. До сихъ поръ еще хорошо сохранилась на его могилѣ слѣдующая надпись на холстѣ, сдѣланная самимъ П. И. Рычковымъ:

„Андрѣй Петровичъ Рычковъ

цвѣтъ и надежда свого Роду отрада и утѣшеніе отцу ево оскудевающему въ силахъ. Находясь въ военной службѣ былъ онъ въ нутре и внѣ государства въ разныхъ походахъ и сільныхъ дѣйствахъ. Служа позванию чиновъ своихъ беспорочно и ревностно потомъ на тридцать пятомъ году отъ рожденія его бывъ полковникомъ и города Симбирска комендантомъ исполняя присяжную возложенную на него должность какъ верный рабъ и сынъ отечества предводительствовалъ военнымъ отрядомъ съ которымъ государственнаго злодея бунтовщика Пугачева разбивъ две многолюдныя партіи со многочисленною злодейскою жъ толпою въ сраженіи бывшимъ подъ пригородомъ Карсуномъ подвизаясь мужественно и безстрашно отъ многихъ ранъ окончилъ жизнь свою на самомъ месте того сраженія августа 25 дня 1774 года тело его оттуда перевезено и здесь поткамнемъ положено по указу данному отъ преосвященнаго веніамина казанскаго и свияжскаго генваря 15 дня 1775 году. Лишась любезнаго мне сына чрезъ то печаль сношу что онъ какъ верный рабъ и сынъ отечества скончался, что я и самъ давно уже тудажъ спешу блаженъ онъ много темъ, что кровию венчался."[1])

Изъ „Лѣтописи Рычкова," между прочимъ, видно, что, въ бытность свою въ Симбирскѣ, онъ имѣлъ случай видѣть Пугачева лично и—разговаривать съ нимъ о смерти своего сына. Когда Рычковъ вошелъ въ комнату, гдѣ находился Пугачевъ, послѣдній сидѣлъ и ѣлъ изъ деревяннаго блюда уху; увидѣвъ Рычкова, Пугачевъ обратился къ нему съ слѣдующимъ привѣтствіемъ: „добро пожаловать!" и приглашалъ его сѣсть съ нимъ обѣдать, а когда Рычковъ отказался, Пугачевъ „нетолько удвоилъ, но и утроилъ" свою просьбу. Рычковъ однакожъ не принялъ приглашенія и, немного помолчавъ, спросилъ Пугачева, какъ онъ могъ отважиться „на такія злодѣйства и продерзости." Пугачевъ отвѣтилъ, что онъ сознаетъ свои вины предъ Богомъ и Ея Величествомъ и подъ клятвою увѣрялъ, что онъ постарается загладить свои преступленія. Затѣмъ Пугачевъ пожелалъ знать, съ кѣмъ онъ говоритъ. Рычковъ, сообщивъ ему о своемъ званіи, присовокупилъ, что онъ совершенно разоренъ его сообщниками и что лишился своего сына, убитаго подъ Карсуномъ его мятежниками; Пугачевъ, въ оправданіе свое, заявилъ, что все то дѣлалось безъ его вѣдома, что сообщники его, не спрашиваясь, дѣлали, что хотѣли. Далѣе Рычковъ передаетъ: „А какъ я, выговоря о моемъ покойномъ сынѣ, смутился и отъ слезъ удержаться не могъ, тогда яко бы и онъ Пугачевъ, какъ то бывшіе со мною штабъ и оберъ-офицеры увѣряли, заплакалъ же; но сіе было въ немъ,—замѣчаетъ Рычковъ,—отъ его великаго притворства, къ которому, какъ отъ многихъ слышно было, такъ онъ пріучился, что, когда-бъ ни захотѣлъ, могъ дѣйствительно плакать." [2]) Изъ вышеприведенной надписи надъ гробомъ А. П. Рычкова видно, что онъ убитъ 25 августа 1774 г., а указъ на его погребеніе въ Спасскомъ Вознесенскомъ храмѣ данъ отъ преосвященнаго Веніамина только въ половинѣ января слѣдующаго года; слѣдо-

[1]) Надпись эта, равно какъ и надпись на крестѣ, доставлена намъ покойнымъ Р. Г. *Игнатьевымъ*, получившимъ ее отъ священника села Спасскаго Іоанна *Лопастейскаго*, чрезъ мѣстнаго благочиннаго, протоіерея Ник. Өедорова, вслѣдствіе распоряженія покойнаго преосвященнаго Герасима, бывшаго епископа самарскаго и ставропольскаго, а потомъ епископа астраханскаго. Вся переписка по этому дѣлу находится въ нашихъ рукахъ.

[2]) Соч. А. С. Пушкина. Изд. 1855 г., см. т. VI, стр. 521 и 522.

вательно черезъ 143 дня, или почти черезъ пять мѣсяцевъ,—гдѣ-же въ это время находился трупъ храбраго полковника?—Какъ бы ни были не проѣздны дороги того времени, по всетаки 5 мѣсяцевъ на путь отъ Карсуна до села Спасскаго—слишкомъ много; остается предположить, что убитый Рычковъ первоначально былъ преданъ землѣ на мѣстѣ битвы или въ Карсунѣ, и потомъ уже вырытъ и привезенъ въ Спасское, или же—схороненъ на настоящемъ мѣстѣ раньше полученія указа отъ Веніамина, вслѣдствіе словесной просьбы или письма къ нему П. И. Рычкова.

Къ страницѣ 363-й.

32. Левшинъ невѣрно считаетъ первою службою Яицкихъ казаковъ ихъ походъ въ 1655 году противъ Поляковъ, и совершенно умалчиваетъ о походахъ 1629, 1634, 1656, 1684, 1685 и 1697 годовъ. Изъ «Историческихъ Актовъ» (т. I, № 230) видно, что еще въ 1591 году было командировано 500 Яицкихъ казаковъ на Кавказъ въ «Царскія войска» противъ «Царскаго непослушника» *Шамхала Тарковскаго*[1]). На этомъ основаніи Уральское Казачье Войско и праздновало въ 1891 году трехсотлѣтній юбилей своего существованія, въ соучастіи Августѣйшаго Атамана всѣхъ казачьихъ войскъ, **Наслѣдника Цесаревича Николая Александровича,** нынѣ благополучно царствующаго Государя Императора, который на обратномъ пути изъ далекаго путешествія на Востокъ осчастливилъ Уральскъ своимъ посѣщеніемъ[2]), имѣющимъ для Уральскаго Войска весьма важное значеніе[3]). Въ XVII и XVIII столѣтіяхъ намъ извѣстны слѣдующія командировки изъ Яицкаго (Уральскаго) войска:

Въ 1629 году Яицкіе казаки (неизвѣстно, въ какомъ числѣ) находились въ войскахъ князя *Солнцева-Засѣкина* и воеводы *Благова,* посланныхъ противъ крымскихъ татаръ.

Въ 1634 году, въ отрядѣ боярина Михаила Борисовича *Шеина,* при осадѣ Поляками г. Смоленска, было 380 Яицкихъ казаковъ, изъ коихъ, по заключеніи перемирія, 36 человѣкъ осталось за болѣзнію въ Смоленскѣ, а 344 вышли изъ города въ числѣ остальнаго русскаго войска.

Въ 1655 и 1656 г. Яицкіе казаки принимали участіе въ войнѣ съ Поляками, подъ командою князя *Хованскаго.*

Въ 1681 г. изъ Яицкаго войска командировано 100 человѣкъ, при походномъ атаманѣ Прокопьѣ Семеновѣ, подъ Чигиринъ въ команду князя Булата Мусаиловича *Черкасскаго.*

Въ 1682 г. туда же командировано 200 казаковъ съ атаманомъ Иваномъ *Бѣлоусовымъ.*

Въ 1683 г., въ іюлѣ мѣсяцѣ, послано 500 Яицкихъ казаковъ въ Уфимскую провинцію, для усмиренія бунтовавшихъ башкирцевъ.

---

[1]) Слич. Высочайшую грамоту, пожалованную Уральскому Казачьему войску 6 мая 1884 года при „Общемъ войсковомъ Георгіевскомъ знамени“. Смотр. „Сборникъ Уральскихъ казачьихъ пѣсенъ“ Н. Г. *Мякушина,* стр. 287 и 288.

[2]) Наслѣдникъ Цесаревичъ Николай Александровичъ прибылъ въ Уральскъ около 6 час. вечера 29 іюля, а 1 августа въ 6 ч. утра изволилъ отбыть на станцію Оренбургско-Самарской дороги „Бузулукъ“.

[3]) По случаю 300-лѣтняго юбилея, Уральскому Казачьему Войску пожалована Высочайшая подтвердительная грамота на владѣніе рѣкою Ураломъ, въ замѣнъ утраченной прежней (см. въ наст. монографіи стр. 222—224). 31 іюля, послѣ литургіи въ Михайло-Архангельскомъ соборѣ, совершенной Преосвященнымъ Макаріемъ, епископомъ оренбургскимъ и уральскимъ, на площади предъ соборомъ, гдѣ была расположена походная церковь Уральскаго Войска, былъ отслуженъ молебенъ и совершено освященіе знамепъ, въ присутствіи Его Высочества, а затѣмъ наказный атаманъ генералъ-маіоръ Н. Н. *Шиповъ* громко, во всеуслышаніе, прочиталъ Высочайшую грамоту, пожалованную Войску.

Въ 1684 г. отправленъ былъ отрядъ въ 150 казаковъ, при атаманѣ Прокопіи *Тагаевскомъ*. въ Крымскій походъ князя Василія Васильевича *Голицина*.

Въ 1685 г. туда же командировано вновь 200 казаковъ съ атаманомъ Яковомъ *Васильевымъ*.

Въ 1695 г. съ Яика отправилось 500 казаковъ, съ атаманомъ Андреемъ *Головачемъ*, въ составъ 75-тысячной русской арміи, которой командовалъ бояринъ Алексѣй Семеновичъ *Шеинъ* при осадѣ и взятіи Азова.

Въ 1696 г. подъ Азовъ, въ команду князя Бориса Алексѣевича *Голицина*, командировано 300 казаковъ съ атаманомъ Ѳеодоромъ *Семеновымъ*.

Въ 1697 г., во время вторичнаго похода Шеина подъ Азовъ, командировано 200 казаковъ при атаманѣ Андреѣ *Аѳанасьевѣ*.

Въ 1701 г. 600 Яицкихъ казаковъ, подъ начальствомъ атамана *Витошнова*, были въ Шведскомъ походѣ, въ битвѣ подъ Нарвой. Главнокомандующимъ всей нарвской арміей былъ графъ *Шереметевъ*, а казаки (Яицкіе и Малороссійскіе) находились въ командѣ наказнаго атамана *Лизогуба* и полковниковъ *Искры* и *Ободовскаго*.

Въ 1703 г. туда же было командировано 500 яицкихъ казаковъ при атаманѣ Матвѣѣ *Мироновѣ*.

Въ 1704 г. атаманъ Матвѣй *Рекуновъ* привелъ туда же еще 500 Яицкихъ казаковъ, а въ 1707 г. сюда же было командировано еще 500 казаковъ, подъ командою походнаго атамана Митрофана *Пименова*.

Въ 1708 г. противъ бунтовавшихъ башкирцевъ былъ посланъ атаманъ Ѳеодоръ *Семенниковъ*, во главѣ 1225 Яицкихъ казаковъ.

Въ 1711 г. въ Кубанскій походъ съ бояриномъ Петромъ Матвѣевичемъ *Апраксинымъ*, командировано 1000 казаковъ при атаманѣ Кононѣ *Никѣевѣ*. Во время Кубанскаго похода Яицкіе казаки, равно какъ и Малороссійскіе, находились подъ командою гетмана *Скоропадскаго*. который долженъ былъ удержать крымскаго хана отъ помощи турецкимъ войскамъ, во время неудачной войны Россіи съ Турціей въ 1711 году.

Въ 1713 году при томъ же бояринѣ П. М. Апраксинѣ находилось 1500 Яицкихъ казаковъ съ атаманомъ Матвѣемъ *Ивановымъ*.

Въ 1714 году на Каспійское море, къ князю Бековичу *Черкасскому*, командировано 100 казаковъ, съ походнымъ атаманомъ Иваномъ *Котельниковымъ*. Въ 1715 г. туда же отправлено 500 казаковъ при атаманѣ Зиновіи *Михайловѣ*.

Въ 1716 году къ нему же, для хивинской экспедиціи, командировано 1102 человѣка казаковъ, подъ командой походнаго атамана Никиты *Бородина*.

Въ 1716 году къ Бековичу *Черкасскому* отправлено еще 368 казаковъ. Въ томъ же году командировано съ Яика 1500 казаковъ, съ атаманомъ Матвѣемъ *Ивановымъ*, въ Украинскій походъ, въ команду боярина Апраксина.

Въ 1720 году 120 Яицкихъ казаковъ находились въ походѣ противъ Шведовъ и ихъ союзниковъ.

Въ томъ же году 1000 казаковъ были расположены по *Иртышской* линіи, въ Сибири.

Въ 1723 году 150 казаковъ, съ атаманомъ Иваномъ *Тимоѳеевымъ*, а въ 1724 году 700 казаковъ, съ походнымъ атаманомъ Ив. *Логиновымъ*, участвовали въ кровопролитномъ боѣ съ нагайцами и каракалпаками на рѣкѣ Утвѣ и за Утвою.

Въ томъ-же 1724 году 1000 казаковъ, съ атаманомъ Сидоромъ *Дурмановымъ*, находилось въ «Низовомъ корпусѣ», на Кавказѣ. Начиная съ этого года по 1774 г.

Яицкое войско безпрерывно должно было отправлять отъ 400 до 1000 человѣкъ на Кавказъ, въ «Низовой корпусъ» [1]).

Въ 1729 году 500 Яицкихъ казаковъ, съ атаманомъ Иваномъ *Турыбринымъ*, находились въ Кавказскомъ походѣ.

Въ 1730 году туда же было отправлено еще 500 человѣкъ съ атаманомъ Михаиломъ *Купренинымъ*, а въ слѣдующемъ (1731) году походный атаманъ Иванъ *Щелкинъ* привелъ на Кавказъ еще 400 Яицкихъ казаковъ.

Въ 1735—1740 и въ 1755 годахъ Яицкіе казаки оказали важныя услуги въ усмиреніи башкирцевъ, а по указу Правительствующаго Сената 1743 г. (за № 2525); въ линейной службѣ по Яику находилось 1705 казаковъ, при 2 штабъ-офицерахъ, 16 оберъ-офицерахъ и 24 урядникахъ.

Въ 1747 году на линейной службѣ въ г. Гурьевѣ находилось 165 казаковъ, при 2 оберъ-офицерахъ и 4 урядникахъ. Съ этого времени и до 1877 года ежегодно командировалось въ Гурьевъ отъ 150 до 200 казаковъ. Съ 1747 года и до 1877 г, также каждогодно назначалось отъ 300 до 500 человѣкъ въ Уральскъ и на передовые посты за Ураломъ.

Въ 1758 году 1000 Яицкихъ казаковъ, съ походнымъ атаманомъ *Шепелевымъ*, были расположены на Ново-Сибирской линіи [2]).

Къ страницѣ 507-й.

33. Вмѣстѣ съ иконостасомъ, Петръ Великій подарилъ своему крестнику напрестольный крестъ, священные сосуды, Евангеліе, ризы, богослужебныя книги и др. предметы, хранящіеся доселѣ въ домовой церкви Неплюевскаго кадетскаго корпуса. Особенно заслуживаетъ вниманія напрестольный, серебряный, вызолоченный крестъ; онъ имѣетъ девять вершковъ въ длину, пять вершковъ въ ширину и $^{6}/_{8}$ вершка въ толщину или глубину. На лицевой сторонѣ креста находятся слѣдующія литыя, серебрянныя, выпуклыя изображенія: а) Тайная Вечеря, б) распятіе Іисуса Христа, в) снятіе со креста, г) положеніе во гробъ, д) орудія казни Христа Спасителя, и е) сошествіе Іисуса Христа во адъ, по Его воскресеніи. На обратной сторонѣ креста имѣются вырѣзанныя скорописью надписи о находящихся внутри креста частицахъ двадцати различныхъ святыхъ, а именно: мощей Св. Пророка Даніила и Апостола Андрея Первозваннаго (вверху креста), Лазаря Четверодневнаго, Василія Великаго, Іоанна Милостиваго (нѣсколько пониже); Ѳеодора Стратилата, Андрея Стратилала, Пимена Великаго и Ефрема Сирина (въ центрѣ креста), Спиридона Чудотворца, Царя Константина, Георгія Побѣдоносца, Ѳедора Тирона (съ правой стороны), Евангелистовъ Марка и Луки, Архидіакона Стефана, Игнатія Богоносца (съ лѣвой стороны), Михаила Маленна, Григорія Декополита и Великомученицы Варвары (внизу Распятія). Частицы святыхъ мощей хранятся внутри креста, въ особыхъ серебряныхъ ящичкахъ, которые привинчены ко кресту. На нижней части креста находится слѣдующая надпись: «Сей Святый крестъ состроися 1703 лѣта Господня, который отданъ по благословенію Св. Правительствующаго Сѵнода въ походную церковь Воскресенія Христова новопросвѣщенному владѣльцу калмыцкому Петру Петровичу Таиши 1725 г.» [3]).

---

[1]) Уральскія Войсковыя Вѣдомости за 1869 г., № 25, стр. 7; № 37, стр. 6.

[2]) Дальнѣйшій перечень походовъ, командировокъ и боевыхъ подвиговъ Яицкаго войска включительно по 1882 годъ смотр. въ приложеніи (272—287) къ сборнику „Уральскихъ казачьихъ пѣсенъ" II Г. *Мякушина*, СПБ. 1890 года.

[3]) Начало надписи до слова „который" сдѣлано скорописью, а далѣе по черни—печатнымъ шрифтомъ.

Изъ другихъ вещей, заслуживающихъ вниманія, замѣчательны: антиминсъ, запрестольная икона Богоматери, запрестольный крестъ, фелонь, Евангеліе и Библія. **Антиминсъ**—шелковый, съ очень хорошо сохранившимися изображеніями (литограф.) на немъ: въ срединѣ—положрніе Христа Спасителя во гробъ и по краямъ—изображенія четырехъ Евангелистовъ и орудій казни. [1])

Размѣръ антиминса 10 вершковъ въ длину и 12 вершковъ въ ширину; на немъ находится слѣдующая надпись: „Сій антиминсъ сі есть трапеза священная на приношеніе безкровныя жертвы въ Божественной литургіи, освятися благодатію Пресвятаго и Животворящаго Духа, сего ради имѣетъ власть священнодѣйствовати въ храмѣ походномъ Воскресенія Христова, данномъ новопросвѣщенному калмыцкому державцу Петру Петровичу. Повелѣніемъ благовѣрнаго Государя Петра Великаго, отца отечества, Императора Самодержца всероссійскаго, благословеніемъ же Святѣйшаго Правительствующаго всеросійскаго Синода, священнодѣйствованъ преосвященнымъ Леонидомъ, [2]) архіепископомъ Сарскимъ и Подонскимъ 1725 года (числа нѣтъ) мѣсяца января». Антиминсъ находится на стѣнѣ, съ лѣвой стороны жертвенника.

Запрестольная икона Богоматери представляетъ собою 12-вершковый квадратъ изъ красной шелковой матеріи; въ срединѣ—ликъ Богоматери, вверху и внизу—шестикрылатые Серафимы, съ правой стороны—изображеніе Маріи Египетской, а съ лѣвой—Іоанна Златоуста. Лики Святыхъ, Серафимовъ и Богоматери вышиты шелками, а одежда—золотомъ. Всѣ изображенія сдѣланы по діагонали квадрата.

Запрестольный Крестъ состоитъ изъ 8-вершковаго квадрата голубоватой атласной матеріи; въ срединѣ находится шестиконечный крестъ, вышитый золотомъ, а на немъ—изображеніе Распятаго Христа, сдѣланное шелками: по бокамъ креста—изображенія Іоанна и Лонгина (справа), Богоматери и женъ Мироносецъ (слѣва), расшитыя золотомъ (одежда) и шеклами (лики). По краямъ имѣется слѣдующая интересная въ текстуальномъ отношеніи надпись; «Спаси Господи люди Своя и благослови достояніе Свое. Побѣды благовѣрному Царю нашему на сопротивныя даруй и Своя сохраняя крестомъ люди. Вознесыйся на крестъ волею тезоименитому нынѣ граду Твоему щедроты Твоя даруй, его же возвесели силою Твоею.»

Обѣ иконы помѣщаются внутри алтаря, надъ царскими вратами.

Фелонь, или священническая риза, сшита изъ золотой, съ краснымъ отливомъ, гладкой парчи, отороченной по краямъ расшитою шелками каймою, и съ золотыми шитыми украшеніями по голубому фону; фелонь и обыкновенная эпитрахиль сохранились такъ хорошо, какъ будто онѣ сшиты недавно, а не 170 лѣтъ тому назадъ.

Евангеліе, напечатанное при Императорѣ Петрѣ Великомъ и Наслѣдникѣ его Алексѣѣ Петровичѣ, имѣетъ крышки, окованныя серебряными вызолоченными (обыч-

---

[1]) Молотокъ, гвозди, лѣстница и др., тутъ же—и рыцарская перчатка, какъ-бы изображающая ладонь, которою ударяли мучители по ланитамъ Страдальца—Христа.

[2]) *Леонидъ*, епископъ сарскій и подонскій, хиротонизанъ 18 февраля 1722 г. изъ архимандритовъ Московскаго Петровскаго монастыря. Съ этого времени до 4 марта 1736 г. онъ былъ совѣтникомъ синодскимъ; въ 1736 г. опредѣленъ на епархію, а 1 сентября 1742 г., по его желанію, былъ уволенъ и поселился въ Московскомъ Новоспасскомъ монастырѣ. Въ 1739 г., въ исполненіе Высочайшаго указа, онъ основалъ въ Вяземскомъ Предтеченскомъ монастырѣ Крутицкую семинарію; тогда же были заведены имъ и школы, для обученія священно-церковно-служительскихъ дѣтей чтенію письму и нотному пѣнію. См. Записку объ упраздненномъ Ливенскомъ Сергіевомъ монастарѣ, составленную, по порученію Графа М. Ф. *Канкрина*, предсѣдателемъ Орловской Казенной Палаты *Бурнашевымъ* въ 1838 году. О Крутицкой епархіи см. въ книгѣ іеромонаха Леонида «Исторія Церкви въ предѣлахъ нынѣшней Калужской губерніи и Калужской іерархіи». Калуга, 1876 г, стр. 56—115, 259—264. Слич. И. Г. Росс. Карамзина, т. IV, стр. 56 Изд. 1842 г: Эйнерлинга. Ср. *Ратшина:* «Полное собр. истор. свѣд. о всѣхъ монастыряхъ», стр. 264—267.

ными) изображеніями. Изъ книгъ особенно заслуживаетъ вниманія Библія, напечатанная въ Москвѣ въ 1663 году съ Острожской; на верхней доскѣ переплета, сдѣланнаго въ 1844 году, находится серебряный ромбоидъ и государственный гербъ. На первомъ пергаментномъ листѣ, вставленномъ послѣ, находится слѣдующая надпись, сдѣланная печатными золотыми буквами: «Сія Святая Библія, то есть книга Ветхаго и Новаго Завѣта, во изъявленіе Высочайшаго благоволенія Благочестивѣйшаго Государя Императора Петра Великаго и благословенія Святѣйшаго Правительствующаго Синода, дарована калмыцкому владѣльцу Петру Петровичу Тайшину, по просвѣщеніи его Св. крещеніемъ, въ лѣто отъ Р. Х. 1725 января въ 15 день». Но эта надпись, вѣроятно, сдѣлана послѣ переплетчикомъ, который, заботясь о красотѣ переплета, отдѣланнаго въ малиновый бархатъ, срѣзалъ во многихъ мѣстахъ старинную надпись (скрѣпу) по листамъ, на нижней части ихъ.

Судя по уцѣлѣвшимъ отрывкамъ этой надписи, сдѣланной старнннымъ, но четкимъ и яснымъ почеркомъ, она заключалась въ слѣдующемъ:

«Библія въ 1725 г. Января 15 Правительствующимъ Синодомъ дарована новопросвѣщенному Св. крещеніемъ Петру Петровичу. Подписалъ Св. Синода секретарь Петръ *Тишинъ*».

Кромѣ вышеописанныхъ вещей, подаренныхъ Императоромъ Петромъ Великимъ его крестнику, доселѣ въ домовой церкви Неплюевскаго корпуса сохраняются еще слѣдующіе серебряные вызолоченные предметы, непредставляющіе, впрочемъ, ничего особеннаго: довольно большой сосудъ (потиръ), дискосъ, звѣздица, дарохранительница, блюдо и лжица; сохранилось также и нѣсколько богослужебныхъ книгъ небольшаго формата (въ 8 д. л.) въ кожанныхъ переплетахъ. Всѣ книги напечатаны въ Москвѣ въ 1710—1712 г; на нѣкоторыхъ имѣетса надпись о принадлежности ихъ Ставропольской Троицкой церкви, сдѣланная, вѣроятно, въ то время, когда княгиня Анна Тайшина жила въ Ставрополѣ, гдѣ въ числѣ другихъ храмовъ была церковь и во имя Пресвятыя Троицы, въ которой могли быть употребляемы эти книги.

Походная церковъ Петра Петровича также, со всѣми принадлежностями къ ней, была перевезена его женой, княгиней Анной Тайшиной въ Ставрополь, гдѣ и находилась до 1842 года въ тепломъ соборѣ, на мѣстѣ теперешняго придѣла во имя Казанской Божіей Матери. Въ 1842 году Ставропольскіе калмыки были переселены за-Оренбургъ на новую линію и тогда же взяли съ собой походную церковь, а въ Ставропольскомъ соборѣ, вмѣсто нея, былъ устроенъ придѣлъ во имя Св. Митрофана Воронежскаго; затѣмъ, когда придѣлъ этотъ сгорѣлъ въ 1877 году, на мѣстѣ его построенъ настоящій придѣлъ во имя Казанской Божіей Матери.[1]) Что касается походной церкви Воскресенія Христова, то сначала предполагалось устроить для нея особый храмъ въ станицѣ *Великопетровской*, находящейся въ Верхнеуральскомъ уѣздѣ, въ 700 верстахъ отъ Оренбурга, но потомъ, въ 1852 году, по ходатайству оренбургскаго губернатора В. А. *Перовскаго*, она была передана на храненіе въ Неплюевскій кадетскій корпусъ, гдѣ, какъ намъ уже извѣстно, она и сохраняется доселѣ, а въ станицѣ Великопетровской въ 1860 году былъ построенъ каменный храмъ во имя Св. Апостоловъ Петра и Павла [2]). Въ Оренбургской Духовной Консисторіи между другими дѣлами сохранилось письмо о походной церкви оренбургскаго генералъ-губернатора В. А. Перовскаго къ Преосвященному Іосифу, епископу оренбургскому и уфимскому, съ котораго и прилагается здѣсь копія.

---

[1]) См. Клировыя Вѣдомости Ставропольскаго Собора.

[2]) См. Клировыя Вѣдомости причта Великопетровской церкви.—Великопетровская станица находится на сѣверной окраинѣ лѣсной пущи «*Ждабыкъ-Караганъ*» ($30'_5{}^0$ в. долг., $53^1/_5{}^0$ с. шир.)

УПРАВЛЕНІЕ
ОРЕНБУРГСКАГО
и
САМАРСКАГО
Генералъ-Губернатора.

18 Января 1853 года.
№ 205.

Его Преосвященству,
Іосифу, Епископу
Оренбургскому и Уфимскому

«Ваше Преосвященство,

Милостивый Архипастырь!

На отношеніе Вашего Преосвященства, отъ 31 прошлаго Декабря за № 8084, имѣю честь увѣдомить Васъ, Милостивый Архипастырь, что по первому предмету Высочайше утвержденнаго 6 ноября 1852 года положенія Военнаго Совѣта, а именно: о постройкѣ въ стан. Великопетровской каменной церкви, дѣлаются въ настоящее время соображенія о способахъ приведенія сего въ исполненіе; что же касается до втораго предмета—о походной церкви, пожалованной Императоромъ Петромъ I Калмыцкому владѣльцу Тайшѣ, то еще, согласно ходатайству моему, Высочайшимъ повелѣніемъ 28 іюля 1852 года Церковь эта предоставлена навсегда Неплюевскому кадетскому корпусу, въ которомъ воспитывается юношество Оренбургскаго казачьяго войска.

Испрашивая Вашего Архипастырскаго благословенія, съ совершеннымъ почтеніемъ и преданностью имѣю честь быть

Вашего Преосвященства
покорный слуга
Василій Перовскій».

(Копію снималъ, по моей просьбѣ, съ подлиннаго отношенія въ Оренбургской Духовной Консисторіи Священникъ Іоаннъ *Разсыпнинскій*).

Къ страницѣ 513-й.

34. ***Высочайшая грамота на имя княгини Анны Тайшиной.***

«Божіею милостію, Мы Анна Императрица и Самодержица Всероссійская и протчая, и протчая, и протчая.

Нашего Императорскаго Величества вѣрной подданной калмыцкой крещеной княгинѣ Аннѣ Тайшиной

Наша Императорская милость.

Понеже Мы, Великая Государыня, Наше Императорское Величество, по смерти мужа твоего калмыцкаго крещенаго владѣльца Петра Тайшина, по всеподданнѣйшему твоему прошенію, изъ Высочайшей Нашей къ тебѣ милости, жалуя тебя Всемилостивѣйше, соизволили именовать и писать тебя княгинею и поручить въ вѣденіе и управленіе твое всѣхъ крещеныхъ калмыкъ и для пребыванія твоего съ зайсанги выше Самары и близъ Волги рѣки построить крѣпость и въ ней святую церковь и дворы, и на то назначенное мѣсто собрать всѣхъ крещеныхъ калмыкъ, которые около той крѣпости имѣютъ по обыкновенію своему кочевать, а въ той крѣпости при тебѣ быть коменданту Нашему полковнику Андрею *Змееву*, подъ дирекціею Нашего Тайнаго Совѣтника Василія Татищева, и давать тебѣ Нашего Императорскаго жалованья денегъ по пяти сотъ рублевъ, муки ржаной по пяти сотъ четвертей въ годъ, а зайсангомъ Наше жалованіе учинено будетъ впредь.

И того ради, Мы Великая Государыня, Наше Императорское Величество, тебѣ Нашей вѣрной подданной симъ Всемилостивѣйше повелѣваемъ:

1-е) Надовсѣми крещеными калмыками правленіе и содержаніе оныхъ въ добромъ порядкѣ имѣть тебѣ по прежнимъ Нашимъ обыкновеніямъ чрезъ назначенныхъ

къ тому тобою зайсанговъ Ивана *Шору*, Петра *Менку*, Кирила *Шарапа*, Матвѣя *Батуменку*, Ивана *Чидора*. Протчимъ же зайсангамъ каждому собственнымъ Айманомъ, подъ ихъ надзираніемъ, управлять и надъ ними зайсанги смотрѣть тебѣ, чтобы они во всемъ поступали по твоему примѣру и наставленію въ лутчую пользу всѣхъ крещеныхъ калмыкъ.

2-е) Какъ при тебѣ въ крѣпости живущимъ, такъ и около оной кочующимъ крещенымъ калмыкамъ въ отведенныхъ и показанныхъ имъ мѣстахъ и урочищахъ звѣрей ловить, и лѣсъ и дрова рубить, и скотомъ траву травить, и сѣна косить и хлѣба сѣять, и въ рѣкахъ и въ озерахъ рыбу ловить свободно, и для того и изъ русскихъ мужиковъ съ пашпортами въ работы наймовать позволяется.

3-е) Какъ вышеписаннымъ пяти, такъ и протчимъ зайсангамъ приказывать тебѣ за протчими крещеными калмыками смотрѣніе имѣть, чтобы они жили спокойно и смирно и какъ въ сосѣдствѣ живущимъ, такъ и проѣзжающимъ близъ ихъ кочевья россіянамъ и другихъ націй людямъ подданнымъ нашимъ обидъ отъ нихъ не было-бъ, да и отъ улусовъ бы некрещеныхъ калмыкъ конныхъ и скотскихъ табуновъ не отгоняли и тѣмъ бы къ ссорѣ и задорамъ причинъ не подавали, а въ случающихся ссорахъ между россіянъ и крещеныхъ калмыкъ судъ производить и рѣшеніе чинить по россійскимъ правамъ.

4-е) И понеже какъ ты, такъ и подчиненные тебѣ зейсанги и рядовые калмыки сподобились принять святое крещеніе, и для того между крещеными калмыки, яко христіаны, иновѣрцевъ держать не надлежитъ, а которые калмыки изъ улусовъ впредь будутъ приходить для принятїя святого крещенія и для житія съ прочими крещеными калмыками и таковыхъ немедленно объявлять полковнику Змееву, которому оныхъ со свидѣтельствомъ принимать велѣно.

5-е) Когда нужда востребуетъ прислать тебѣ ко двору Нашему съ какимъ прошеніемъ своихъ посланцевъ, оныхъ имѣетъ отправлять и кормовые деньги и подводы и провожатыхъ давать полковникъ Змеевъ, съ которымъ во всемъ вышеписанномъ, что принадлежитъ къ правленію и доброму содержанію всѣхъ крещеныхъ калмыкъ, имѣть тебѣ доброе согласіе и чинить и поступать съ общаго съ нимъ согласія, и о чемъ онъ и тайный Нашъ совѣтникъ *Татищевъ* и генералъ - маіоръ Леонтій *Соймоновъ* будетъ тебѣ указомъ нашимъ объявлять и тому тебѣ вѣрить и исполненіе чинить.

Въ протчемъ же, что принадлежитъ къ содержанію православной христіанской вѣры и къ должной къ Намъ Великой Государыни вѣрности, и Мы уповаемъ, что въ томъ будешь ты поступать и другихъ къ тому приводить, по силѣ учиненной тобою присяги, и для того, какъ и выше написано, во всемъ томъ, что принадлежитъ до общей пользы всѣхъ крещеныхъ калмыкъ, согласовать тебѣ съ полковникомъ Змеевымъ, такожде и со опредѣленною при тебѣ духовною персоною, за что напредь всегда въ Высочайшей Нашей Императорской милости оставлена не будешь.

Во знакъ же сего, сію Нашу Императорскую Всемилостивѣйшую грамоту Государственною Нашею печатью укрѣпить повелѣли. Дано въ Санктъ-петербургѣ лѣта 1737-го Іюня 20-го дня, государствованія Нашего осьмаго года [1]).

---

[1]) Копія съ сей грамоты взята изъ дѣлъ Ставропольской Градской Думы, и снята съ копіи, выданной 17 Ноября 1789 года изъ войсковой канцеляріи Ставропольскаго калмыцкаго войска въ общее Ставропольскаго Городоваго Магистрата и Уѣзднаго Суда присутствіе, и въ вѣрности съ подлинною грамотою удостовѣрена въ то время подписомъ Войсковаго Судьи Ѳедора *Барышевскаго* и коллежскаго регистратора и переводчика Петра *Казамцева*. Сравн. „Ставрополь и его храмы“, отдѣл. оттискъ изъ „Самар. Епар. Вѣдомостей“ за 1882 годъ, стр. 14—16.

Къ страницѣ 582-й.

35. Калмыцкіе владѣльцы, не смотря на ограниченіе ихъ власти надъ простыми калмыками, не могли вдругъ помириться съ своимъ положеніемъ и, при удобномъ слу чаѣ, старались пожить на счетъ калмыкъ черной кости. Нѣкоторые изъ вновь прибывшихъ въ Ставрополь калмыковъ обратились съ просьбою къ протопопу *Чубовскому* о томъ, чтобы ихъ освободили «отъ службы, поборовъ и подводъ подъ командировъ на 5 лѣтъ», начиная съ 1748 г.—*Чубовскій*, пользовавшійся особеннымъ довѣріемъ улусныхъ калмыкъ, послалъ Неплюеву письмо слѣдующаго содержанія:

«Премилосердый Государь и Отецъ
Иванъ Ивановичъ!

Вашему Высокопревосходительству, въ бытность въ Ставрополѣ прошедшаго года, съ какимъ увольненіемъ, для вступленія въ пашни и домовое строеніе, калмыки наши желаютъ,—словесно доносилъ, а нынѣ о томъ сообщилъ и въ здѣшнюю канцелярію, съ котораго сообщенія прилагаю при семъ копію. Чего ради покорнѣйше прошу, чтобы учинить съ сими желающими первыми всякую милость. И хотя, можетъ быть, покажется много пять лѣтъ, однакожъ первымъ пожаловать прошу не менѣе четырехъ лѣтъ вольготы, а другимъ и 3 года, и по два довольно будетъ, только они наипаче просятъ, чтобъ уволить ихъ отъ всякихъ податей, поборовъ, подводъ и работъ зайсангамъ, владѣльцамъ и прочіимъ ротнымъ командиромъ, и отъ казенныхъ пашней.

Что же до службы касается, то они не желаютъ отрицаться; но и сами со охотою ѣздить хотятъ, только де намъ трудно отъ податей всякихъ.

Ежели-бъ Ваше Высокопровосходительство изволили спросить, какія то подати и прочее, то отвѣчаютъ:

1) Какъ я самъ ихъ спрашивалъ, что Павелъ *Торгоудскій* ѣздитъ на ихъ подводахъ и лошадь въ прошломъ году уморили. Онъ же (какъ мнѣ считали и сказывали въ одной ротѣ) на 5 руб. на 40 коп. овецъ (которыхъ покупали) съѣлъ; жены ихъ, напримѣръ, господина *Шарапа*, ѣздятъ, про нихъ покупаютъ русскихъ овецъ по рублю и менѣе, что мало и слыхано, кь тому жъ вина и проч.

2) Напримѣръ къ Григорію, войсковому есаулу, нанимаютъ людей, кибитку въ услуженіе при Ставрополѣ держитъ, на 4 мѣсяца по 3 руб. по 50 коп. и болѣе.

3) Берутъ ротные командиры, какъ оной же есаулъ, но подъ видомъ прошенія, въ походъ верблюда, лошадей и тѣхъ ино продадутъ, ино уморятъ и платятъ всѣмъ улусомъ и прочее.

4) Что же владѣльцы, хотя мало и зайсанги, а паче нахалливъ Григорій есаулъ, за что ему отъ Бориса Лукича [1]) великія безчестія и выговоры были, то уже о томъ много считать.

Въ Красномъ Яру у *Дербетевыхъ* многія жалобы на владѣльцевъ (ибо ихъ много) происходятъ.

Но сіе я доношу не въ жалобу, ибо мнѣ и дѣла въ такихъ поступкахъ нѣтъ, но только для моего сообщенія.

Въ прочемъ какъ соизволитѣ, въ томъ всѣхъ и меня предаю въ лучшее разсмотрѣніе.

И остаюсь
Вашего Высокопревосходительства
нижайшій богомолецъ
Андрей Чубовскій."

Май 2. Ч:
1747 года
Ставрополь.

---

[1]) Б. Л. Останковъ, коммендантъ Ставропольской крѣпости.

Къ страницѣ 612-й.

«Славный бояринъ Моисей Лаврентьичъ
Въ Москву почту отправлялъ;
Въ Петербургъ указы посылалъ:
Калмыки дерутся съ Кошкинскими.
Изъ-за чего они дерутся—ругаются?
Нѣтъ у Кошкинцевъ земли пахать,
Нѣтъ у нихъ и луговъ косить,—
Изъ-за этого дерутся они съ ногаями,
Дерутся они за волосы до крови.
Изъ-за этого самаго Моисей Лаврентьичъ
Въ Москву письма отправлялъ,
Въ Петербургъ указы посылалъ.
Оттуда, изъ Москвы, изъ Питера
Указъ приходилъ о Кошкинской грани.
Онъ извѣщалъ стариковъ трехъ селеній;
Изъ трехъ селеній понятыхъ призывалъ:
Изъ перваго селенія—Краснаго Поселка;
Краснопоселкинскіе старики отвѣтъ дали:
«Мы не пойдемъ,—съ Калмыками хлѣбъ-соль ведемъ.»
Изъ другаго селенія—Шанталы,—
И Шанталинскіе старики отвѣтъ дали:
«Мы не пойдемъ,—съ Калмыками хлѣбъ-соль ведемъ.»
Изъ третьяго селенія—Новой Бѣсовки
Первый собрался старикъ Шипкай,
Второй Рузанъ, третій Анаська.
Шипкай сѣлъ на красиваго соловка,
Рузанъ сѣлъ на тонкаго гнѣдка,
Анаська сѣлъ на красиваго рыжка;
Они поскакали къ Моисею Лаврентьичу;
Онъ послалъ ихъ грань провести.
Шипкай скачетъ—разгоняетъ русскихъ и калмыковъ;
Рузанъ--старикъ вѣхи ставитъ.»

Далѣе говорится въ пѣснѣ, какъ Моисей Лаврентьичъ наградилъ ихъ дарственной землей и какъ они, по возвращеніи домой, хвалились этимъ.

Пѣсня записана со словъ Дмитрія Степановича, крестьянина средней Бѣсовки—Ставроп. уѣзда Самарской губерніи.[1])

---

[1]) Эту пѣсню доставилъ мнѣ на мордовскомъ и русскомъ языкѣ А. Ф. *Юртовъ*, природный мордвинъ, который, по окончаніи курса въ Казанской учительской семинаріи, сначала былъ учителемъ въ мордовской школѣ при ней, потомъ—сельскимъ учителемъ, а въ 1890 году былъ посвященъ въ санъ іерея и опредѣленъ въ одно мордовское село Уфимской губерніи и уѣзда. Въ 1882—1883 г. Православное Миссіонерское Общество издало два выпуска его труда: «Образцы мордовской народной словесности». Вып. I. Пѣсни на Эрзянскомъ и нѣкоторыя на Мокшанскомъ нарѣчіи. Казань 1882 г. Вып. II. Сказки и загадки на Эрзянскомъ нарѣчіи мордовскаго языка съ русскимъ переводомъ. Казань 1883 г.

Родословная дворянъ Неплюевыхъ.

I.

1. Литталаонъ I Конунгъ Алановъ, Летовъ, Венедовъ, Готоновъ, Игиллiоновъ, Агалиндовъ, Суденовъ, Ставановъ, Аорсовъ, Суляновъ, Трансмонтановъ, Цестобоковъ, Кореловъ и Самогитовъ † 366 году по Р. Хр.

II.

2. Прутено Конунгъ. Въ 366 году отказался отъ власти и пошелъ въ верховные жрецы, принявъ имя Кирiе-Кирейто. Въ память его одинъ изъ клановъ назвался Пруссами, а верховныхъ жрецовъ называли Криве-Кривейто. Ему приписываютъ основанiе Романова (Roma Nova) на берегу Вислы, впослѣдствiи Хеплизенъ-Лейль (Святая сѣкира), около древняго города Торнiума (Торнъ). Послѣ его смерти ему воздвигнутъ былъ храмъ. Царь Iоаннъ „Грозный" отъ него производилъ Рюрика 1

(Эразмъ Стеллiй. Хрон. Стриковскаго, стр. 142)

3. Вейдевутъ. Умиротворилъ междоусобiе. Онъ говорилъ народу: „Если вы имѣли бы хоть разумъ пчелъ, то ссоры ваши давно бы прекратились; знайте, что рой повинуется одной маткѣ и что она для каждой пчелы опредѣляетъ особую работу, изгоняя лѣнивыхъ изъ улья"... Онъ былъ знаменитъ умомъ и богатствомъ. Болѣе кроткими наставленiями, нежели строгостiю, онъ прiучилъ своихъ подданныхъ къ трудолюбiю, земледѣлiю и скотоводству.

(Хроника Стриковскаго).

Когда онъ состарился, то рѣшилъ для увѣковѣченiя своихъ узаконенiй, будучи 116 лѣтъ, вмѣстѣ съ братомъ своимъ верховнымъ жрецомъ Прутено, принести себя въ жертву богамъ священнаго дуба. Они созвали общеенародное собранiе въ Рамовѣ. Верховный жрецъ Прутено, снявъ съ себя развѣвающуюся жреческую одежду, явился въ праздничномъ одѣянiи, а Вейдевутъ въ царскомъ нарядѣ, въ порфирѣ. Они объявили народу, что боги при-

глашаютъ ихъ на такой пиръ, который далеко превосходитъ всякое земное счастіе; за тѣмъ, сказавъ народу назидательную рѣчь, потребовали избранія новаго царя и новаго верховнаго жреца. Рука объ руку оба старца взошли на костеръ, который и былъ подожженъ жрецами 1

(Хроника Епископа Христіана).

III.

4. Конунгъ Самбо далъ имя свое Самбіи .
5. Конунгъ Судо далъ имя свое Судовіи . } 3
6. Конунгъ Натанго далъ имя свое Натангіи
7. Конунгъ Недронъ далъ имя свое Недроляндіи † 509 году; утонулъ, преслѣдуемый братомъ своимъ Литво 3
8. Князь Слово или Сколяво
9. Князь Барто . . . . } 3
10. Князь Голиндо далъ имя свое Голиндіи
11. Князь Вармо далъ имя Вармеляндіи . } 3
12. Кн. Озго или Наддо . . . .
13. Кн. Помезо далъ имя Помезіи } 3
14. Кн. Кумла далъ имя Вкульменлядіи 3
15. Кн. Литталаонъ II или Литво въ 509 году за убійство брата своего Недрона изгнанъ изъ Рамова Литовскаго 3

IV.

16. Вейлево. Конунгъ Недроляндскій 7

V.

17. Добліанъ или Добликъ. Конунгъ Недроляндіи 16

VI.

18. Востопелло. Конунгъ Недроляндіи 17

VII.

19. Карма или Кермесъ. Конунгъ Недроляндіи основалъ городъ Каршавинъ въ Сколической землѣ 18

VIII.

20. Сугурбо. Конунгъ Недроляндіи 19

IX.

X.

XI.

XII.

XIII.

XIV.

XV.

XVI.

XVII.

XVIII.

XIX.

XX.

XXI.

XXII.

XXIII.

XXIV.

XXV.

XXVI.

XXVII.

XXVIII.

Королевскую Академію въ Кадиксѣ. 1 іюня 1720 г. проэкзаменованъ Петромъ Великимъ; 25 января 1721 назначенъ резидентомъ въ Константинополь; 25 августа 1723 г. награжденъ чиномъ морскаго капитана 1 ранга и 400 душъ въ Устюжно-Желѣзопольскомъ уѣздѣ. 17 іюля 1728 г. получилъ чинъ капитанъ-командора галернаго флота, а 2 декабря 1730 г.—чинъ шоубенахта того же флота. Въ 1735 г. возвратился въ Россію, пожалованъ въ тайные совѣтники и назначенъ присутствующимъ въ Коллегію Иностр. Дѣлъ; въ 1737 былъ представителемъ Россіи на конгрессѣ въ Немировѣ; въ 1741 назначенъ намѣстникомъ Малороссіи. Въ декабрѣ 1741 г. былъ арестованъ въ Глуховѣ, по дѣлу Остермана, лишенъ ордена Св. Александра Невскаго и деревень въ Малороссіи; въ началѣ января 1742 г. признанъ невиннымъ въ замыслахъ Остермана, получилъ снова орденъ Св. Александра Невскаго, возложенный на него Самой Императрицей Елизаветой Петровной, и назначенъ главнымъ командиромъ Оренбургской Коммиссіи и Киргизъ-Кайсацкихъ ордъ. Въ 1743 основалъ городъ Оренбургъ и нѣсколько крѣпостей по рѣкамъ Яику, Ую и Исети; съ 1744 г. первый оренбургскій губернаторъ; въ 1751 г. произведенъ въ дѣйств. тайные совѣтники; съ 1760 сенаторъ и конференцъ-министръ; съ 28 іюня 1762 главноначальствующій въ С.-Петербургѣ; въ 1764 вышелъ въ отставку. Кавалеръ Ордена Св. Андрея Первозваннаго † 11 ноября 1773 года въ Поддубьѣ и похороненъ въ церкви фамильнаго склепа. Ж. 1-я съ 9 сентября 1711 Ѳеодосія Ѳеодоровна Татищева, племянница новгородскаго намѣстника Ивана Юрьевича † 4 декабря 1740 въ Кіевѣ; погребена надъ Ѳеодосіевскими пещерами, внутри церкви у землянаго вала. 2-я жена съ 7 октября 1741 фрейлина Высочайшаго Двора Анна Ивановна Панина, сестра графовъ Никиты и Петра Ивановичей Паниныхъ, по красотѣ и образованію считалась украшеніемъ Русскаго Двора; р. 1717 † 12 іюня 1743 въ Орской крѣпости, гдѣ и похоронена 73

XXIX.

75. Адріанъ Ивановичъ р. 19 августа 1712 въ Поддубьѣ; 31 октября 1722 отбылъ учиться въ Голландію. Служилъ посломъ въ Саксоніи и Турціи. Кавалеръ Ордена Св. Александра Невскаго. † 8 ноября 1750 г. въ Константинополѣ; похороненъ въ Вуюкъ-Дере 74

— Марія Ивановна р. 14 іюля 1714 въ Поддубьѣ † 31 іюля 1769 въ С.-Петербургѣ; въ супружествѣ была за вице-адмираломъ и кавалеромъ Ордена Св. Александра Невскаго Воиномъ Яковлевичемъ Римскимъ-Корсаковымъ; р. 4 іюня 1702 † 30 іюля 1757 г.—Оба похоронены на Лазаревскомъ кладбищѣ Александро-Невской Лавры 74

76. Иванъ Ивановичъ р. въ Поддубьѣ 1 марта 1716 † въ іюлѣ 1723 г. въ Поддубьѣ же 74

— Анна Ивановна р. въ Константинополѣ 19 января 1730 † 1790 вдовою дѣйств. тайн. сов. и кавал. Ордена Св. Александра Невскаго, президента Камеръ-Коллегіи Михаила Кипріановича Лунина, мать извѣстнаго филантропа Михаила Михайловича Лунина 74

77. Николай Ивановичъ р. 12 мая 1731 г. въ Константинополѣ. Сенаторъ и кавалеръ ордена Св. Александра Невскаго † 24 мая 1784 г. въ С.-Петербургѣ въ домѣ, гдѣ нынѣ Училище Правовѣдѣнія; гдѣ похороненъ, неизвѣстно. Ж. 1-я съ 30 мая 1751 княжна Татьяна Өеодоровна Мещерская, дочь С.-петербургскаго оберъ-коменданта князя Өеодора Васильевича, правнука боярина Артамона Сергѣевича Матвѣева; р. 1730 † 20 іюля 1755 г. въ Оренбургѣ; тѣло ея перевезено въ Поддубье и похоронено въ церкви фамильнаго склепа 21 мая 1772 г.;—2-я съ 28 января 1760 года Агриппина Александровна Нарышкина, дочь двоюроднаго брата Императора Петра I, оберъ-гофмаршала ордена кавалера Св. Андрея Первозваннаго, Александра Львовича Нарышкина отъ брака его съ племянницею Царицы Мареы Матвѣевны, Графинею Еленою Александровной Апраксиной, Статсъ-Дама Высочайшаго Двора и кавалерственная дама Ордена Св. Екатерины; р. 12 мая 1731 † въ Петербургѣ въ домѣ, гдѣ нынѣ Училище Правовѣдѣнія; гдѣ похоронена—неизвѣстно 74

XXX.

78. Иванъ Николаевичъ р. въ С.-Петербургѣ 26 марта 1750 г.[1] Въ 1766 посланъ учиться въ Швецію; въ 1769 отправленъ путе-

[1]) Изъ «Записокъ» Неплюева видно, что бракосочетаніе Николая Ивановича съ Татьяной Өедоровной Мещерской, на которой онъ женился *«по волѣ отца»*, было совершено 30 мая 1751 г., а между тѣмъ рожденіе ихъ перваго сына Ивана отнесено къ 26 марта 1750 г., а втораго Николая—къ 1751 году. Чѣмъ и какъ объяснить настоящій анахронизмъ, не знаемъ,—возможны только два предположенія: 1) или эти дѣти родились до совершенія брака, или-же 2) Ив. Ив. Неплюевъ невѣрно означилъ годъ ихъ рожденія въ своихъ Запискахъ; послѣднее предположеніе, по нашему мнѣнію, вѣроятнѣе: въ «Введеніи» къ монографіи мы отмѣтили нѣкоторыя и другія ошибки Неплюева въ его «Запискахъ».

шествовать за границу, при чемъ по указу Императрицы Екатерины II назначенъ состоять при немъ маіоръ Рейценштейнъ. Воспитателемъ его былъ историкъ Голиковъ. Генералъ-Адъютантъ Императора Павла. Генералъ-Губернаторъ Минскій. Сенаторъ. Членъ Государственнаго Совѣта. Кавалеръ Орденовъ Св. Александра Невскаго, Св. Владиміра Большаго Креста и Св. Георгія Побѣдоносца † 6 іюля 1823 въ С.-Петербургѣ, въ домѣ, гдѣ нынѣ Училище Правовѣдѣнія; погребенъ въ церкви фамильнаго склепа; ж. Статсъ-Дама и кавалерственная дама ордена Св. Екатерины Меньшаго Креста, Наталія Васильевна Самарина, дочь сенатора Василія Николаевича Самарина отъ брака его съ княжною Маріею Васильевною Мещерскою, родная тетка Юрія Θеодоровича Самарина, р. 17 сентября 1777 г. † 10 февраля 1838 г. въ С.-Петербургѣ, въ домѣ, гдѣ нынѣ Училище Правовѣдѣнія; похоронена въ с. Поддубьѣ, въ церкви фамильнаго склепа. . . 77

79. Николай Николаевичъ р. въ С.-Петербургѣ 1751. † 13 мая 1755 въ Оренбургѣ 77

80. Самсонъ Николаевичъ р. и † 1754 въ Оренбургѣ 77

— Елена Николаевна р. 1761 .
— Θеодосія Николаевна р. 1762.
— Александра Николаевна р. 1762
} младенцы 77

81. Дмитрій Николаевичъ р. 16 декабря 1763. Генералъ-Адъютанъ. Сенаторъ. Статсъ-Секретарь. Кавалеръ Ор. Св. Александра Невскаго † 18 октября 1806 года; похороненъ въ С.-Петербургѣ на Лазаревскомъ кладбищѣ Алекс.-Невской Лавры 77

XXXI.

82. Иванъ Ивановичъ р. 24 апрѣля 1800. Воспитывался въ Пажевскомъ Корпусѣ; 28 декабря 1823 года изъ камеръ-пажей вышелъ въ Лейбъ-Гусарскій полкъ корнетомъ. Полковникъ съ 1834; продалъ родовой домъ въ С.-Петербургѣ подъ Училище Правовѣдѣнія Принцу Ольденбургскому; 29 іюня 1839 учредилъ Поддубскій маіоратъ † 26 октября 1858 года въ С.-Петербургѣ, похороненъ въ церкви фамильнаго склепа. Жена Баронесса Берта Васильевна Дибичъ, родная племянница генералъ-фельдмаршала Графа Ивана Ивановича Дибича-Забалканскаго, р. 10 декабря 1794; съ 1840 года проживала за границею. Съ 1848 г. жила въ Парижѣ и купила имѣніе въ Пикардіи, близъ замка Pierrefonds. Въ 1864 г. переѣхала въ Баварію, гдѣ

и жила до самой смерти: зимою—въ Мюнхенѣ, а лѣтомъ—въ Фельдафингѣ † 25 марта 1869 года въ Мюнхенѣ; похоронена на берегу озера Штарнбергъ. 78

83. Адріанъ Ивановичъ р. 28 января 1804 года, 28 декабря 1823 г. произведенъ изъ камеръ-пажей въ корнеты Лейбъ-Гусарскаго полка † 21 апрѣля 1829 года, простудившись на парадѣ; похороненъ въ Поддубскомъ фамильномъ склепѣ 78

— Марія Ивановна р. 1805 † 17 марта 1881 года; въ супружествѣ была за княземъ Элпидифоромъ Парфентіевичемъ Энгалычевымъ, другомъ знаменитой Татариновой † 20 января 1853 г. Погребена въ церкви Святаго Духа въ Александро-Невской Лаврѣ 78

XXXII.

84. Николай Ивановичъ р. 30 октября 1825 г. въ С.-Петербургѣ въ домѣ, гдѣ нынѣ училище Правовѣденія. Крещенъ въ церкви Мраморнаго Дворца. Воспріемниками его были Адріанъ Ивановичъ Неплюевъ и Софья Юрьевна Самарина, урожд. Нелединская-Мелецкая. Воспитывался въ Швейцаріи и затѣмъ въ школѣ гвардейскихъ подпрапорщиковъ; 31 декабря 1844 года произведенъ въ офицеры. Служилъ въ Лейбъ - Гвардіи драгунскомъ и конногренадерскомъ полкахъ. Съ 1863 г. состоялъ глуховскимъ уѣзднымъ предводителемъ Дворянства, а съ 1872 г. черниговскимъ губернскимъ предводителемъ Дворянства.[1] По смерти отца получилъ Поддубьевскій маіоратъ и мѣстечко Янполь въ Черниговской губерніи, а по смерти матери—имѣніе въ Пикардіи. Тайный Совѣтникъ, Кавалеръ Ордена Св. Владиміра 2-й ст. † 17 января 1890 года въ Черниговѣ; похороненъ въ м. Янполь; ж. съ 23 апрѣля 1849 года баронесса Александра Николаевна Шлиппенбахъ р. 17 іюля 1827 г., воспитывалась въ Петербургскомъ Екатерининскомъ институтѣ. Осиротѣвъ, жила въ домѣ бабушки своей, баронессы Маріи Сергѣевны Шлиппенбахъ, рожденной графини Миныхъ, правнуки генералъ-фельдмаршала Графа Бурхарда-Христофора Миниха. Учредила въ Черниговѣ общежитіе при женской гимназіи и въ Глуховѣ—отдѣленіе общества Краснаго Креста. Состоитъ попечительницей

---

[1]) См. его портретъ и некрологъ въ «Черниговскихъ Губернск. Вѣдомостяхъ» № 262, 28 октября 1894 г.

женской гимназіи въ Черниговѣ и женской прогимназіи въ Глуховѣ. 82

— Наталія Ивановна р. 1826. Воспитывалась въ Германіи. Получила с. Никольское въ Черниговской губ. и с. Головятино въ Кіевской г. † 5 августа 1856 года, похоронена въ с. Никольскомъ. Въ супружествѣ была за графомъ Карломъ фонъ-деръ-Шуленбургъ † 7 февраля 1874 г.; похороненъ въ с. Никольскомъ 83

— Александра Ивановна р. 1825, получила м. Охромѣнчи Сосницкаго уѣзда Черниговской губерніи † 1855, похоронена въ м. Охромѣнчахъ; въ супружествѣ была за княземъ Валеромъ Семеновичемъ Урусовымъ (его первая жена) 82

85. Иванъ Ивановичъ р. 3 марта; воспитывался въ Артиллерійскомъ Училищѣ. Камеръ-Юнкеръ Высочайшаго Двора. Получилъ Михайловское-Пери въ Новгородской губерніи и дома—въ Петербургѣ. Былъ устюженскимъ уѣзднымъ предводителемъ Дворянства. Жена Софія Васильевна Абрамова, живетъ во Франціи . . . 82

86. Василій Ивановичъ р. въ 1833 г. Воспитывался въ школѣ гвардійскихъ подпрапорщиковъ. Получилъ м. Чернобай въ Полтавской губерніи. Состоялъ Золотоношскимъ уѣзднымъ предводителемъ Дворянства. Купилъ виллу Селиньи на берегу Женевскаго озера и замокъ Корбьеръ въ Фрибургскомъ кантонѣ. Жена Наталія Петровна Бемъ, живетъ въ Венеціи 82

87. Дмитрій Ивановичъ р. 1838, воспитывался въ Училищѣ Правовѣденія. Получилъ с. Тургиново въ Тверской губерніи † 1865 въ Венеціи, похороненъ въ с. Тургиновѣ; ж. Александра Ивановна Шмидтъ, дочь Ив. Ив. Шмидтъ, отъ брака его съ княжною Софіею Владиміровною Шаховскою; жена до 1882 года проживала въ Италіи 82

XXXIII.

88. Николай Николаевичъ р. 11 сентября 1851 года въ м. Янполь. Въ 1875 окончилъ курсъ С.-Петербургскаго университета. Съ 1876—1878 состоялъ при Посольствѣ въ Мюнхенѣ; съ 1878—1880 былъ вольнослушателемъ Петровской Академіи. Въ 1885 учредилъ Воздвиженскую сельско-хозяйственную школу. Въ 1886, послѣ тяжкой болѣзни, посѣтилъ Египетъ и Палестину. Состоитъ почетнымъ мировымъ судьею, попечителемъ Воздвиженской сел.-хозяйст. школы и блюстителемъ Крестовоздвиженскаго Трудоваго

---

[1]) Уставъ этого Братства Высочайше утвержденъ 26 сентября 1894 г. въ Бозѣ почившимъ Императоромъ Александромъ III.

[2]) Н. Н. Неплюевъ положилъ на ноты стихотворенія А. С. Хомякова: *„Труженикъ“*, *„Какъ часто во мнѣ пробуждается душа отъ лѣниваго сна“*, *„Вдохновеніе“*; имъ же положены на ноты для хороваго пѣнія три молитвы: 1) „Господи и Владыко живота моего (мол. Ефрема Сирина); 2) братская молитва: „Кресту Твоему покланяемся, Христосъ, и св. имя Твое призываемъ“; и 3) Дѣтская молитва (для трехъ дѣтскихъ голосовъ): „Господи, любовію наполни сердце мое»: Изъ печатныхъ трудовъ его намъ извѣстны: 1) Историческое призваніе русскаго помѣщика, Москва—1880 г.; 2) Совѣсть, Москва 1881 г.; 3) Мысли и совѣты искренняго друга, С-пб. 1882 г.; 4) Хлѣбъ насущный, Москва 1883 г.

КОПІИ

СЪ ВЫСОЧАЙШИХЪ УКАЗОВЪ, ГРАМОТЪ И ДРУГИХЪ АРХИВНЫХЪ МАТЕРІАЛОВЪ,

нигдѣ еще доселѣ ненапечатанныхъ *).

Къ страницѣ 65-й.

Божіею Милостію Мы **Екатерина Императрица** и Самодержица Всероссійская и протчая, и протчая, и протчая.

Нашей Каморъ Коллегіи

Указали Мы по прошенію резидента Нашего обрѣтающагося при турскомъ дворѣ Ивана Неплюева отпустить отсюду кнему вцарьгородъ жену ево и вразсужденіи многихъ помянутаго резидента Неплюева вбытность ево при турскомъ дворѣ вынтересахъ Нашихъ служебъ дать женѣ ево надорожной до царяграда проѣздъ пять сотъ рублевъ, да наямские подводы отсюда до москвы на двадцать а отмосквы до киева на тридцать подводъ прогонные деньги искаморъ коллегіи. И повелѣваемъ Нашей Каморъ Коллегіи учинить о томъ по сему Нашему указу, и вышеозначенные деньги для отдачи женѣ резидента Неплюева отпустить внашу Коллегію Иностранныхъ дѣлъ. Данъ внашемъ верховномъ Тайномъ Совѣтѣ Февраля 20 дня 1727 году.

По указу **Ея Императорскаго величества** Карлъ Фридерихъ
Генералъ Адмиралъ Графъ Апраксинъ
Канцлеръ Графъ Головкинъ
Графъ Петръ Толстой
Андрей Остерманъ.

Василій Степановъ.

(См. Высоч. ук. Сен. Архива кн. LXXXI, л. 9).

*) Настоящіе документы печатаются съ соблюденіемъ ореографіи подлинниковъ.

Къ страницѣ 65-й.

Божіею милостію **Мы Екатерина Императрица** и Самодержица Всероссійская и прочая, прочая, прочая.

Нашей Ямской Канцеляріи

Указали Мы по прошенію Резидента Нашего обрѣтающагося при Турскомъ Дворѣ Ивана Неплюева отпустить отсюда къ нему въ Царь городъ жену его и дать ей отсюда до Москвы двадцать, а отъ Москвы до Кіева тридцать подводъ ямскихъ, и повелѣваемъ Нашей Ямской Канцеляріи учинить о томъ по сему Нашему указу. Данъ въ Нашемъ Верховномъ Тайномъ Совѣтѣ Февраля 23 дня 1727 года. По указу **Ея Императорскаго Величества** Дѣйствительный Статскій Совѣтникъ Василій Степановъ. Оберъ-Секретарь Иванъ Юрьевъ.

1727 года Марта въ 5 день, по сему **Императорскаго Величества** указу дать подорожную до Москвы ямскихъ на двадцать, а отъ Москвы до Кіева ямскихъ-же, также въ Малороссійскихъ городахъ уѣздныхъ на тридцать подводъ за одинакія прогоны.

(Высоч. ук. Сен. Архива, кн. LXXI, л. 4).

Божіею милостію **Мы Петръ** вторый **Императоръ и Самодержецъ** Всероссійскій, и протчая, и протчая, и протчая.

Нашему Сенату

Сего Июня 7-го дня пожаловали Мы обрѣтающагося вцареграде Нашего резідента, морскаго флота Капитана Ивана Неплюева указали за службы ево и затамошнѣе пребываніе, отдать ему ввѣчное владѣніе вустюжскомъ уѣздѣ, вареполовской волости, село перъ здеревнями, которые ввѣдомствѣ адмиралтейской колегіи, и повелѣваемъ Нашему Сенату учинить о томъ по сему нашему указу, а вадмиралтейскую колегию о томъ нашъ указъ посланъ. Данъ въ Нашемъ Верховномъ Тайномъ Совѣтѣ, Июня 13 дня 1727 году.

По указу **Его Императорскаго Величества** Тайной Совѣтникъ Василей Степановъ.

Оберъ-секретаръ Анисимъ Масловъ.

Канцеляристъ Антонъ Гривцовъ.

(Высоч. указы Сенат. Архива, кн. Б, л. 387).

1727 года Июня въ 7 день **Его Императорское Величество**, по жалобамъ обрѣтающагося вцареграде резидента морскаго флота Капитана Ивана Неплюева указалъ за службы ево и за тамошнѣе пребываніе отдать ему ввѣчное владѣніе въ Устюжскомъ уѣздѣ варепеловской волости, село перъ здеревнями которые нынѣ ввѣдомствѣ—адмиралтейской Колегіи, и отомъ всенатъ и вадмиралтейскую Колегію послать указы.—

Александръ Меншиковъ
Канцлеръ Графъ Головкинъ
Князь Дмитрій Голицынъ
Генералъ Адмиралъ Графъ Апраксинъ
Андрей Остерманъ
Василій Степановъ

Подписанъ Іюня 7 дня
1727 года.

(Высоч. ук. Сен. Архива, кн. О, л. 40).

1729 года Іюня въ 2-й день **Его Императорскаго Величества** ство по реляціямъ Резидента Неплюева и по доношеніи Генерала-Фельдмаршала Князя Михаила Михаиловича Голицина, которые получены въ Коллегіи Иностранныхъ Дѣлъ указалъ:

1. Вслучае стурской стороны розрыву вѣчнаго мира вовсемъ поступать поучиненному впрошломъ 1723 году дѣда **Его Величества** блаженныя и вѣчнодостойнныя памяти Петра Великаго плану и поданной ему Генералу Фельтьмаршалу тогда инструкціи имѣя главную команду надвсѣми обрѣтающимися тамо, какъ регуляръными, такъ и нерегулярными войски слободскихъ полковъ, тако-жъ донскими и чугуевскими казаками и калмыками, и старатца, дабы войска вдоброе состояние и порядокъ были приведены и для того ввоенную колегию, сверхъ прежнихъ подтвердить еще указомъ, что всѣ армѣйские полки стоящіе какъ вкомандѣ его Генерала-Фельтьмаршала, такъ и протчие другихъ корпусовъ совершенно были укомплетованы, людми, лошадми и мундиромъ и аммунициею, дабы вслучай войны вовсемъ были вготовности, такожь и пограничные гварнизоны снабдены были ружьемъ и артилериею вовсякой исправности;

2. На Воронежъ квице адмиралу Смаевичу послать указъ чтобы онъ всѣ прежняго строения прамы, галеры и прочие суды, которые хранятца втаврове имѣлъ всвоей комисіи и смотреніи, и ежели поосмотру ево вчемъ явятца неисправны, тѣ какъ такелажемъ, такъ артилериею, и протчими припасами вовсемъ исправилъ, дабы вслучай нужды вовсемъ были вготовности, и о томъ о всемъ ему репортовать вверховный Тайный Совѣтъ и кгенералу Фельтьмаршалу Князю Михаилу Михаиловичу Голицину;

3. Кгетману Апостолу послать грамоту изъ иностранной Колегій, дабы онъ вовремя требования отнего Генерала Фельтьмаршала влутчую предосторожность и охранения жилищъ отъ неприятелей надлѣжащѣе число малороссійскихъ войскъ, сколько потребно будетъ подкомандами полковниковъ, или генералной старшины, отправлялъ вовремя-же строгого воинскаго случая и самъ совсѣми войски малоросійскими внадлежащие мѣста выступалъ беспрепятствия и неописываясь о томъ, дабы между такими переписками, изанеотправлениемъ отнего Гетмана войскъ незапно неприятель немогъ приключить подданнымъ **Его Императорскаго Величества** вреда и что онъ Гетманъ о неприятельскихъ оборотахъ имѣть будетъ о томъ ему сообщать кнему Генералу-Фельтьмаршалу.

4. Который лѣсъ по указу прошлого 1725 году сверхъ вышеписанного изготовленъ еще на двадцать галеръ тотъ ему Вице-Адмиралу осмотрѣть всели вцелости и ктому строению годенъ ивдобромли порядкѣ хранитца, и буде чего того лѣсу неизготовлено, то оной, или которой явитца негодной, то вмѣсто того другой изготовить ему немедленно тѣмижъ адмиралтейскими работниками какими готовленъ прежней, и содержать всохраненіи подкровлями противъ вышеписаннагожъ вдобромъ порядкѣ, а что впредь вовремя нужды, тѣ галеры могли здѣланы быть вскоре, того ради по примѣру тому, какъ повелено содержать такой готовой на галеры лѣсъ при санктъ-питербурхе, большую щепу отесывать, и всето исправлять адмиралтейскими работники;

5. Построенныхъ прежде бударъ чего вуказное четырехъ сотное число за разными употребленіи недостаетъ достраивать (немедленно) прежде опредѣленными отнего Генерала Фельтьмаршала работными людьми, которые наряжены изслободскихъ полковъ, а наличные будары которые состоятъ въ Павловску,

на Воронеже, при Изюмѣ и надонце осмотрѣть, и что надлѣжитъ починить, и вовсемъ исправить и которые по прежнимъ указамъ изъ воды на берегъ невытасканы, тѣ вытаскать и поставить, также подкровли, чтобъ для предбудущаго случая вовсемъ были исправны и вготовности, такожъ которые и вновь будутъ здѣланы, тѣ потомужъ поставить подкровли и содержать всѣ оные вдобромъ смотреніи, а на дѣло тѣхъ недостаточныхъ бударъ, и напочинку готовыхъ и навсякия материалы осигновать изкамеръ Колегій вворонежскую и вбѣлогородскую губерніи гдѣ ему Генералу-Фельтьмаршалу будетъ потребно до трехъ тысячъ рублевъ, такожъ буде и сверхъ того понадобитца, чтобъ по ево Генерала-Фельтьмаршала требованию отпустили еще до двухъ тысячъ рублевъ, дабы втомъ дѣлѣ впереписках время неупускалось, а какъ тѣ будары здѣланы будутъ, тогда оные отдать всохранение Вице-Адмиралу Смаевичу;

6. Которую артилерию по указу прошлого 1723 года велено исправить Генералу Фелцейхмейстеру Графу Брюсу о чемъ указомъ прошлого 1726 года изъ верховнаго Тайнаго Совѣта военной Коллегіи подтверждено, чтобъ содержана была вдобромъ смотреніи и готовности, о томъ нынѣ той Колегіи подтвердить еще указомъ чтобъ оная совершенно во всемъ по силѣ прежнихъ указовъ была исправлена, и пушки и мартиры осмотрены, и опробованы, и ежели что еще неисправлено, то исправить, также порохъ сверхъ того числа, что по репорту военной колегіи показано, по разсужденію той колегіи умножить, и для передѣлки негодного пороха послать смосквы на очереду нарочныхъ мастеровъ, такожъ вобрянску, вкиевѣ и вдругихъ вовсѣхъ ближнихъ ктурскимъ границамъ мѣстахъ, гдѣ какая артилерия, и вкакомъ состояніи въ числѣ пушекъ, мартиръ, пороху, свинцу и протчихъ артилерійскихъ припасовъ и у кого гдѣ всмотреніи состоитъ, и сколко при оныхъ какихъ артилерійскихъ офицеровъ, и протчихъ служителей обрѣтается, о томъ взять извоенной колегіи для разсмотренія вѣдомость, и сверхъ того послать указъ кгенералъ маеору Витверту, чтобы онъ вовсѣхъ тамошнихъ пограничныхъ мѣстахъ артилерию противъ вышеписанного осмотрѣлъ, и вкакомъ состояніи нынѣ находятца, и о всемъ прислалъ подлинную вѣдомость, объявя именно гдѣ вчемъ исправно и что поправить надлѣжитъ;

7. Полкамъ быть втѣхъ мѣстахъ, какъ нынѣ онъ Генералъ Фельтьмаршалъ вкомпаменты расположи такожъ и вбудущую винтеръ-квартиру ежели случай будетъ тѣхъ полковъ вдаль неотводить, но вудобныхъ мѣстахъ расположить ему Генералу Фельтьмаршалу, по своему разсмотренію, и для того сверхъ обрѣтающихся запасныхъ магазійновъ заготовить сколко потребно провианта, а гдѣ вновь провиантъ заготовить и магазейны учинить, надлежитъ, о томъ ему Генералу Фельтьмаршалу прислать свое мнѣние, и гдѣ онъ Генералъ Фельтьмаршалъ заблагоразсудитъ тѣ магазейны учредить, чтобъ провиантъ конечно приготовленъ былъ заблаговременно, для того послать Генералу Провиантъ Мейстеру кого истоварищей своихъ который-бы могъ все то исправить здобрымъ смотрѣниемъ;

8. Когда стурской стороны учинятца прямые неприятельские поступки, тогда втакомъ случае какъ онъ генералъ Фельтмаршалъ представляетъ, послать къ запорожцомъ сообнадеживаниемъ **Его Императорскаго Величества** милости и жалованьемъ, чтобъ они оставя прежния свои кросійской имперіи поступки учиня вкрыму знатное около перекопи жителелемъ тамошнимъ разореніе и озлобленіе Были подъ протекцию **Его Императорскаго Величества**, и вовсемъ-бы поступали тогда по указомъ **Его Императорскаго Величества** присланнымъ отнего Фельтьмаршала, а дотого времяни, ихъ обнадеживать **Его Императорскаго Величества** милостию какъ прежия указы повелѣваютъ:

9. А опочинке царицынской линеи поступать ему Генералу Фельтьмаршалу попрежде посланнымъ кнему отверховнаго Тайнаго Совѣта указомъ;

10. Заготовленной на полисады, и для болшихъ рогатокъ по указу прошлаго-жъ 1723 году лѣсъ, буде изуказъного числа куды вросходе есть, то вмѣсто того толикое-жъ число изготовить велѣть ему Генералу Фельтъмаршалу вновь и содержать всохраненіи;

11. Прамы и галеры которые по указу прошлого 1726 году Февраля 15 дня начаты строить во брянску, а по указу Июля 4 дня 1727 году тѣхъ прамовъ и галеръ до указу строить неведено, а приготовленой лѣсъ, и припасы, велено положить въ удобные мѣста всохранение подкровли и втомъ смотрение имѣть колегіи адмиралтейской, о томъ вту колегію подтвердить указомъ

чтоб тѣ начатые суды и заготовленные лѣса и припасы были вдобромъ сохраненіи, дабы впредь послучаю тѣ суды построить, и вовсемъ исправить можно было вскорости, и для того послать истой Колегіи изофицеровъ нарочно доброго человѣка; а выписанное все приуготовление чинить ему генералу Фельтьмаршалу смотря по поступкамъ турецкимъ и по вѣдомостямъ получаемымъ отъ резидента Неплюева.

Канцлеръ Графъ Головкинъ
Князь Василій Долгорукой
Князь Дмитрій Голицынъ
Василій Степановъ.

Подписанъ Іюня 11 дня 1729 г. (См. указ. Сен. Арх., кн. В., л. 59).

Къ страницѣ 69-й.

Изкабинета **Ея Императорскаго Величества** вправительствующій сенатъ.

Сего Генваря 28 числа **Ея Императорское Величество** Всемилостивѣйше пожаловала Контръ Адмирала Неплюева завѣрныя ево службы втайныя совѣтники иотомъ правительствующему сенату симъ объявляется.

Андрей Остерманъ
Генваря 30 дня — Павелъ Ягушинскій
1736 году — К. Алексѣй Черкаской

(Высоч. ук. Сен. Архива, кн. 44, л. 35).

Изкабинета **Ея Императорскаго величества** вправительствующій Сенатъ.

Ея Императорское Величество Имяннымъ своимъ указомъ за подписаниемъ Ея Величества собственныя руки указала Тайнаго Совѣтника Неплюева определить кдѣламъ вколегию иностранныхъ дѣлъ, а жалованье давать ему до сочинения штата изштатсъ конторы противъ морскаго Вице Адмирала по двѣ тысячи подвѣсти пошестидесятъ почетыре рубли поосмидесятъ по четыре споловиною копѣйки, и о томъ правительствующему сенату симъ сообщается.

Андрей Остерманъ
Марта 25 дня — Павелъ Ягушинской
1736 году. — К. Алексѣй Черкаской

(Высоч. ук. Сен. Архива, кн. 44, л. 248).

Къ страницѣ 69-й.

Изкабинета **Ея Императорскаго Величества** въ штатсъ контору.

По указу **Ея Императорскаго Величества** состоявшемуся въ 1736 году определено Тайному Совѣтнику Неплюеву давать **Ея Императорскаго Величества** годового жалованья до сочинения штата, изштатсъ конторы противъ морского вице Адмирала по двѣ тысячи по двѣсти по шестидесятъ по четыре рубли по осмидесятъ по четыре копѣйки споловиною, которое ему Тайному Совѣтнику вбытность его здѣсь на 1736 и на 1737 давано по асигнациямъ изштатсъ конторы а на 1738 и на 1739 годы когда онъ обрѣтался для нѣкоторой порученной ему коммисіи вкиевѣ, произведено ему оное жалованье избывшей у него тогда вѣдомства тайной канцеляріи суммы искоторой онъ и сего 1740 году на первую Генварскую треть жалованья получилъ, а на другие настоящаго году двѣ трети того окладного жалованья ему Тайному Совѣтнику дачи какъ вкиевѣ такъ и здѣсь небыло.

И понеже нынѣ онъ Тайной Совѣтникъ какъ извѣстно опредѣленъ быть вкиевѣ Губернаторомъ, и для того надлѣжитъ Штатсъ Конторе определение учинить, чтобъ ему Тайному Совѣтнику вышеозначенное жалованье какъ на сей годъ досталное, такъ и впредь полное давано было вкиевѣ изсуммы положенной изтамошнихъ доходовъ вадмиралтейство, а здѣсь толикое число денегъ отсылать вадмиралтейскую колегию изштатсъ конторы, о чемъ штатсъ конторе для надлежащаго исполненія симъ объявляется.

Андрей Остерманъ
Іюля 10 дня К. Алексѣй Черкаской
1740 году.

(Выс. ук. Сен. Архива, кн. LXXXVII, л. 55).

Къ страницѣ 74-й.

Указъ Нашему Сенату

Указали мы отправляющимся отсюду на Конгресъ ради трактования стурками Министрамъ Дѣйствительному Тайному Совѣтнику и Сенатору Барону Шафирову, Оберъ Егеръ Майстеру Волынскому, Тайному Совѣтнику Неплюеву, дать для того конгреса на подъемъ и на тамошнее содержаніе и на другие росходы де-

негъ дватцати тысячь рублевъ; червонныхъ золотыхъ купя три тысячи, да мяхкой рухляди на четыре тысячи рублевъ, и все оное для отдачи имъ посламъ отпустить изштатсъ конторы и откуду надлежитъ, вколлегию иностранныхъ дѣлъ немедленно и нашему Сенату учинить о томъ посему Нашему указу,

Марта 19-го дня АННА
1737 году.—

(Высоч. ук. Сен. Архива, кн. 47, л. 399).

Искабинета **Ея Императорскаго Величества** вштатсъ контору

По **Ея Императорскаго Величества** указу отправляются отсюду на конгресъ для трактованія стурками дѣйствительной тайной совѣтникъ и сенаторъ баронъ Шафировъ и тайной совѣтникъ Неплюевъ, которымъ для той посылки надлѣжитъ опредѣленное по чину ихъ **Ея Императорскаго величества** окладное жалованье на нынѣшней 1737 весь годъ выдать изштатсъ конторы сполна денгами немедленно;

Апрѣля 14 дня
1737 году. Андрей Остерманъ
К. Алексѣй-Черкаской.

(Высоч. ук. Сен. Архива, кн. LXXXV, л. 19).

Искабинета **Ея Императорскаго величества** вправительствующій Сенатъ.

Отправляющимся на конгресъ для трактования стурками чрезвычайнымъ и полномочнымъ посламъ надлѣжитъ дать подводъ отсюду до Москвы Дѣйствительному Тайному Совѣтнику и Сенатору Господину Барону Шафирову пятьдесятъ Оберъ Егеръ Мейстеру Господину Волыскому и Тайному Совѣтнику Господину Неплюеву по сороку а отмосквы до киева имже посламъ противъ того сприбавкою, а именно: первому по шестидесятъ, второму и третьему каждому по пятидесятъ да определеннымъ притомъ посольствѣ чинамъ отсанктъпетербурха до москвы и до киева, Секретарю посольства Андреяну Неплюеву семь, поддѣла и канвойныхъ притомъ солдатъ четыре, переводчику Ивану Бакунину шесть, регистратору Александру Алексѣеву четыре, подканце-

ляристу Николаю Арсеньеву три, копiисту илье Соймонову двѣ, сверхъ того обрѣтающимся вмосквѣ, которые при ономъже посольствѣ ѣхать имѣютъ, оттуду докиева дворянину посолства леибгвардiи преображенского полку, капитану Поручику Федору Ушакову семь, тремъ толмачамъ четыре, подмяхкую рухлядь три, и хотя о даче тѣхъ подводъ здѣсь и впути по ямамъ, указъ **Ея Императорскаго Величества** искабинета вьямскую канцелярию посланъ, но понеже подоное посолство потребно подводъ число немалое, и одними ямскими лошадми втомъ исправится невозможно, а **Ея Императорское Величество** указала имъ посламъ ѣхать на помянутой конгресъ немедленно. Того ради надлѣжитъ исправительствующаго сената внадлѣжащие остюду до москвы и докилева мѣста отправить крѣпчайшие указы чтоб для ускорения того посольства ѣзды译прибавку кьямскимъ лошадямъ гдѣ оныхъ недоставать будетъ благовремянно собирали и при приѣзде оныхъ вкаждое мѣсто беззамедлѣния давали уѣздные подводы дабы затѣмъ тому посолству впути никакой остановки приключится немогло. О чемъ правительствующему сенату для надлѣжащаго и немедлѣннаго исполненiя симъ сообщается.

дня 20 Апрѣля
1737 г.

Андрей Остерманъ
К. Алексѣй Черкаской

(Высоч. ук. Сен. Архива, кн. 47, л. 573).

Къ страницѣ 76-й.

Всепресветлѣйшая Державнейшая Великая Государыня **Императрица Анна Iоановна** Самодержица Всероссiйская.

Бьетъ челомъ морскаго флота Лейтенантъ Воинъ Яковлевъ сынъ Римскiй—Корсаковъ, а очемъ мое прошенiе тому слѣдуютъ пунткы.

1.

По указу Вашего **Императорскаго Величества** дано место на фонтанке речке тестю моему Тайному Совѣтнику Ивану Ивановичу Неплюеву подле аглинскаго купца Элмъзала которой несколько саженъ того места завладелъ о чемъ и вглавной полицымейстерской канцелярiи и прошение подано но и понынѣ решения ободдаче неучинено.

2. *Къ сей челобитной*

А нынѣшняго 1737 году какъ былъ пожаръ вболшой и малой Морской улицахъ домъ тестя моего разломанъ и на мѣсте гдѣ оной былъ по указомъ Вашего **Императорскаго Величества** строитца не повелено чего для имѣю я писма оттестя чтобы оной разломанной домъ перенесть на фонтанку на вышереченное место,

Отъ флота Лейтенантъ,

Всемилостивѣйшая Государыня Императрица прошу **Вашего Императорскаго Величества** да повелитъ державство **Ваше** о семъ моемъ челобитьѣ решеніе учинить. Августа дня 1737 году.

Воинъ Римскій Корсаковъ руку приложилъ.

По сему прошенію о завладѣніи купцомъ Элмзелемъ земли освидѣтельствоватъ и ежели оной купецъ нѣсколько саженъ того мѣста завладѣлъ то отдать ему Тайному Совѣтнику Неплюеву безволокитно.—

Августа 23 дня 1737 году. Андрей Остерманъ
К. Алексѣй Черкаской

(Высоч. ук. Сен. Архива, кн. XXXII, л. 70).

Изкабинета **Ея Императорскаго Величества** вполицемейстерскую Канцелярию

Понеже отъ 23 прошедшаго Августа по подписанной вкабинете резолюціи на челобитной морскаго флота Лейтенанта Воина Римскаго Корсакова объ отведенномъ мѣстѣ тестю его Тайному Совѣтнику Ивану Неплюеву и что при ономъ мѣсте нѣсколько саженъ завладѣлъ купецъ Эмзель велено о томъ завладѣніи земли освидетельствовать и ежели оной купецъ нѣсколько саженъ того мѣста завладѣлъ то отдать помянутому Тайному Совѣтнику Неплюеву безволокитно токмо какъ онъ Неплюевъ и нынѣ писмянно объявляетъ что то дѣло и посе время нерешено того ради полицеместерской Канцеляріи о немедленномъ того дѣла рѣшеніи и о удовольствованіи помянутаго Неплюева ежели ему то по указомъ принадлежитъ чрезъ сие подтверждается.

Октября 16 дня 1737 году, Андрей Остерманъ
К. Алексѣй Черкаской

(Высоч. ук. Сен. Архива, кн. XXXII, л. 72).

Къ страницѣ 77-й.

Изкабинета **Ея Императорскаго Величества** вправительствующій Сенатъ.

Сентября 5 числа сего 1737 году, по указу **Ея Императорскаго Величества** писано изкабинета вправительствующій сенатъ о переводѣ въ кіевъ для употребленія на конгресѣ Нимировскомъ на чрезвычайные росходы десяти тысячъ рублевъ, которые по полученному изоного отъ 18-го Сентября сообщенію определено вправительствующемъ сенатѣ асигновать штатсъ конторѣ вкіевъ вскорости изближнихъ ко оному мѣстъ; но нынѣ доносилъ вкабинетъ тайной совѣтникъ Иванъ Неплюевъ отъ 14 сего Декабря изкіева гдѣ онъ по указу **Ея Императорскаго Величества** оставленъ снѣкоторою отъ бывшаго посольства на немировскомъ конгресе свитою для содержанія нужнѣйшей винтересахъ **Ея Императорскаго величества** корреспонденціи, что оной суммы десяти тысячъ рублевъ по то число вкіевъ еще непереведено, вчемъ привrученной ему комисіи имѣется нужда. Того ради надлежитъ изправительствующаго сената вштатсъ контору указомъ подтвердить и оную наикрѣпчайше побуждать, дабы вышеозначенная сумма денегъ завычетомъ изнихъ взятыхъ вкабинетъ на дачу римско цесарскому резиденту гохголцеру восмисотъ рублевъ. О чемъ всообщеніи изкабинета вправительствующій сенатъ минувшаго Ноября отъ 1 писано, всеконечно немедленно откуду способнѣе вкіевъ переведена и тамо помянутому Тайному Совѣтнику Неплюеву отдана была.—

Декабря 30 дня 1737 года — Андрей Остерманъ, К. Алексѣй Черкаской

(Высоч. ук. Сен. Архива, кн. 49, л. 434).

Искабинета **Ее Императорскаго Величества** вправительствующій сенатъ,

По указу **Ея Императорскаго величества** Тайнолу Совѣтнику Ивану Неплюеву обрѣтающемуся вкіевѣ поручена комисія всодержаніи нѣкоторой заграничной нужнѣйшей корреспонденціи, которой кпроизвожденію надлежитъ кнему тайному совѣтнику на чрезвычайные расходы послать измосквы изсибирскаго приказу мяхкой рухляди соболѣй и мѣховъ разныхъ по приложенному

присемъ реэстру по ценѣ на двѣ тысячи на двадцать на пять рублевъ на восемьдесять копѣекъ немедленно и потребно ту мяхкую рухлядь для отъправленія кпомянутому Тайному Совѣтнику вкіевъ отпустить изоного приказу вмосквѣ колегіи иностранныхъ дѣлъ вкантору очемъ вправительствующій сенатъ для надлежащаго исполненія симъ сообщается.

Генваря 29 дня
1739 году

Андрей Остерманъ.
К. Алексѣй Черкаской.
Артемій Волынской.

Реэстръ мяхкой рухляди впосылку ктайному Совѣтнику Господину Неплюеву, на чрезвычайные росходы измосквы изсибирскаго приказу.

Соболей впарахъ.

Пара . . . . 32 р. 40 к.
Пара . . . . 32 — 40
Пара . . . . 30 „

Всорокахъ

Сорокъ 480
Сорокъ 456
Сорокъ 360

Итого соболей въ сорокахъ и парахъ на . . . . 1390 р. 80 к.

мѣховъ

лисьихъ завоичатыхъ красныхъ здѣлав вновь одинъ. . . . . . 200 р.
другой 180
Горностаевыхъ вновь-же здѣлавъ 5 мѣховъ по 30— 150
Бѣльихъ здѣлавъ-же вновь 6 мѣховъ изнихъ 3 по 20 р.
3-жъ по 15 руб. . 105 р.

Итого мѣховъ на 635 р.

Всего оной мяхкой рухляди придетъ на . . . . 2025 р. 80 к.

Искабинета **Ея Императорскаго Величества** вправительствующїй сенатъ.

Въ прошломъ 1737 году по указу **Ея Императорскаго Величества** отправлено было измосквы изъ сибирского приказу кгенералу Фельтьмаршалу Графу фонъ Миниху на чрезвычайные дачи разныхъ Сибирскихъ товаровъ на тысячу насто насемьдесять надевять рублевъ, которые у него какъ онъ Генералъ Фельтмаршалъ **Ея Императорскому Величеству** доносилъ всѣ вросходъ и имѣется нынѣ при немъ во оныхъ для интересовъ **Ея Императорскаго Величества** немалая нужда. Того ради надлежитъ кнему Генералу Фельтьмаршалу на такїе чрезвычайные употребленїя послать изсибирского приказу мяхкой рухляди мѣховъ и соболей и камокъ по приложенному при семъ реэстру на двѣ тысячи начетыреста насорокъ на девять рублевъ на девяносто копѣекъ. И все то потребно коonому Генералу Фельтьмаршалу отправить измосквы исканторы сенатской немедленно, о чемъ вправительствующїй сенатъ для надлежащаго исполненїя симъ сообщается.

Генваря 29 дня 1739 году

Андрей Остерманъ
К. Алексѣй Черкаской
Артемїй Волынской

Реэстръ о потребной мяхкой рухляди и камкахъ впосылку кгенералъ Фелтмаршалу Графу фонъ Миниху на чрезвычайные росходы измосквы изсибирскаго приказу

		Рубли.	Копѣйки.
	Мѣховъ лисьихъ		
	1 Загривчатой	192.	„
	1 Чемровой	24.	„
	1 Черевей.	24.	„
	Завойчатыхъ ленскихъ лисицъ		
	1.	84	
	1.	20.	40
	1.	19.	20
дѣланныхъ нѣтъ, а бѣлки есть.	10 мѣховъ бѣльихъ хребтовыхъ вновь здѣлать 5 по 20 р., 5-же по 15 р.	175 р.	
	3. Мѣха горностаевыхъ	108.	
	Еще вновь здѣлать изгорностаевъ-же 7 мѣховъ по 30 р.	210	
	Итого.	856.	60.

Соболей,	Рубли.	Копѣйки.
Сорокъ	432.	„
Сорокъ	384	„
Сорокъ	240	„
Сорокъ	216	„
Сорокъ	180	„
Итого .	1452.	
Камокъ.		
Новоманерныхъ красныхъ		
1 Косякъ.	12	„
1 „	9.	60
1 „	9.	60
Двослишнихъ.		
1	11.	40
1	14.	40
Жаркихъ.		
1	30.	20
1	13.	20
Канеъ малой руки зеленыхъ.		
2 косяка по 13 рублевъ по 80 копѣекъ	27.	60.
1	9.	90.
1	10.	80.
1	9.	60.
Итого камокъ	141 *).	30.

Всего мѣховъ, соболей и камокъ на. 2449 р. 90 к.

(Высоч. ук. Сен. Архива, кн. 52, л. 115).

Къ страницѣ 80-й.

Искабинета **Ея Императорскаго Величества** вшатсъ контору.

По указу **Ея Императорскаго Величества** велено обретающемуся вкиеве Тайному Совѣтнику Неплюеву на нѣкоторые чрезвычайные расходы дать тамо находящиеся вкиевской губернской Кан-

*) Итогъ не вѣрепъ: слѣдовало бы означить 158 р. 30 коп., а потому и общій итогъ 2449 р. 90 коп. меньше дѣйствительнаго на 17 рублей.

целяріи денги вѣдомства Канцеляріи Тайныхъ розыскныхъ дѣлъ пять тысячъ восемьсотъ дватцать рублевъ, и о томъ истайной канцеляріи вту губернскую Канцелярию уже писано, а то число денегъ потребно вту тайную Канцелярію возвратить здѣсь; того ради пітатсъ конторе надлежитъ ту сумму пять тысячь восемьсотъ дватцать рублевъ впомянутую тайную Канцелярію отпустить.

Февраля 27 дня 1740 году.

Андрей Остерманъ
К. Алексѣй Черкаской
Артемій Волынской

(Высоч. ук. Сен. Архива, кн. LXXXVII, л. 34).

Изкабинета **Ея Императорскаго Величества** вправительствующій Сенатъ.

По указу **Ея Императорскаго Величества** отправляются для разграничения, по новозаключенному между Россійской Импѳріей и порты отоманской вѣчного мира трактату земель стурками сроссіоской стороны комисарами, одинъ со стороны Азова и Кубани, Генералъ Лейтенантъ Князь Репнинъ, другой начавъ отъ рѣки Буга до Днепра и отъ Днепра до Миюса, Тайной Совѣтникъ и Киевской губернаторъ Неплюевъ, при которыхъ при разграниченіи для осмотрения тамошнихъ мѣстъ и сочинения лантъ картъ потребны быть искусные геодизисты; и для того надлѣжитъ вправительствующемъ сенатѣ определеніе учинить на тѣ обѣ комисіи отправить, изобрѣтающихся при сенате или отъ адмиралтейской колегіи геодезистовъ добрыхъ, трезвыхъ и искусныхъ всвоей наукѣ по три человѣка хкаждому комисару, спринадлежащими ктому инструменты, давъ имъ жалованье какъ окладное на сей годъ, такъ и для комисіи на подъемъ и на содержание ихъ тамо, противъ другихъ такихъ примѣровъ вдвое, чтобы отскудости вкакое погрешение впасть немогли.

Апрѣля 19 дня 1740 году.

Андрей Остерманъ.
К. Алексѣй Черкасской.

(Высоч. ук. Сен. Архива, кн. 57, л. 506).

Указъ Нашему Генералу Маеору и Лейб Гвардіи Измайловского полку Маеору Шипову.

На доношеніе ваше отъ 1-го Маия, вкоторомъ вы репортовали о полученіи отправленнаго квамъ Нашего указу искабинета о нарядѣ хкомисарамъ назначеннымъ кразграниченію стурками земель къ азовской сторонѣ Генералу Лейтенанту Князю Репнину на низъ Днепра къ Тайному Совѣтнику и киевскому Губернатору Неплюеву военныхъ измалороссійскихъ и слобоцкихъ полковъ казаковъ и знающихъ старинные границы и степные мѣста людей. Такожъ и маркитантовъ, и о приготовленіи для оныхъ съѣстныхъ запасовъ и протчаго, и какие вы о томъ диспозиціи учинили спредставленіемъ притомъ о нѣкоторыхъ пунктахъ своего разсужденія. Симъ врезолюцию вамъ объявляется.

1. Когда вы заспособно признаваете кпомянутымъ комисиямъ употребить вмѣсто городовыхъ казаковъ охочіе конные полки, то имѣете ихъ тотъ часъ нарядить и коонымъ комисиямъ отправить, токмо стакимъ вовсемъ снабдѣніемъ ружьемъ, амуниціею, лошадми, провіантомъ и протчими потребностми, какъ квамъ о томъ вуказѣ нашемъ минувшаго Апрѣля 19-го числа писано.

2. И понеже вышеозначенные коммисары на тѣ коммисіи уже дѣйствително отправляются и вскорѣ отсюду ѣхать имѣютъ. Того ради симъ вамъ наикрѣпчайше подтверждается, дабы тѣ малороссійскіе и слобоцкихъ полковъ казаки, которые для обоихъ сихъ коммисей кразграниченію наряжены, нетокмо къ походу вовсемъ вготовности были, но и дѣйствительно вмаршъ выступили, и потомъ контонировали или лагеромъ впристойныхъ мѣстахъ стали, а имянно тѣмъ которые при Генералѣ Лейтенантѣ Князе Репнинѣ быть имѣютъ, потребно итти кБахмуту, а которые наряжены кТайному Совѣтнику Неплюеву, кДнепру, или хотя уже и Днепръ переправясь впристойномъ мѣсте по пути крекѣ Бугу гдѣ разграниченіе начнется, стать.

3. Генералного обознаго Лизогуба яко знающаго степные мѣста, и бывалого прежде сего у разграниченія стурками земель, нарядить вамъ хкомисіи ктайному Совѣтнику Неплюеву, и приказать ему, чтобъ онъ оставя порученные ему дѣла, и собрався ѣхалъ безпродолженія вкиевъ и тамо ожидалъ прибытия оного Тайного Совѣтника. При немъ-же Тайномъ Совѣтникѣ при оной комисіи приказать вамъ быть для показыванія мѣстъ и прежнихъ

границъ, между рекъ Днепра и Буга Полковнику Киевскому Танскому, или кому другому изстаршинъ, которой втой сторонѣ прежния владѣнія, а особливо отъ полской границы положение земель, отъ Буга до Днепра знаетъ, и потому-жъ его отправить вкиевъ.

4. Что касается о назначеномъ отъ васъ числѣ къ закупанию для отправления квышепомянутымъ комисарамъ во время разграничения вслучае у нихъ вприпасахъ недостатку рогатого скота, птицъ и другихъ съѣстныхъ припасовъ и такого числа нынѣ вдругъ закупить непотребно, дабы изтого прежде времѣни, что утратитца немогло, но надлежитъ отъ означеннаго отъ васъ числа для каждого комисара приготовить отовсего напримѣръ потретей доли, и содержать вспособныхъ ктѣмъ комисіямъ при границахъ мѣстахъ, вготовности и приставить ктому нарочныхъ надежныхъ людей приказавъ имъ, что когда они комисары вступя впорученныя имъ комисіи разграниченія, будутъ, чего изъ тѣхъ припасовъ требовать, тобъ оные неописываясь квамъ немедленно книмъ отправляли. А протчее-бъ затѣмъ все такимъ образомъ вготовности содержали, чтобъ по первому ихъ комисаровъ требованию немедленножъ книмъ отправлено быть могло. А чего-бъ потребованиямъ ихъ комисаровъ иногда недоставало, тобъ покупая вновь коонымъ посылали, и о тѣхъ людехъ определенныхъ кпомянутымъ припасамъ, дать вамъ знать, обоимъ комисарамъ, чтобъ они могли коонымъ о потребныхъ имъ припасахъ сами прямо писать. Данъ всанктъ петербурге Іюня 2 дня 1740 года.

По **Ея Императорскаго Величества** указу.

Аднрей Остерманъ
К. Алексѣй Черкаской

(**Высоч. ук. Сен. Архива, кн. 68, л. 693.**)

Искабинета **Ея Императорскаго Величества** вштатсъ контору,

Понеже вкиевѣ тамошней губернаторъ Тайной Совѣтникъ Неплюевъ какъ онъ отъ 3 числа сего Августа доносилъ, поданному ему искабинета **Ея Императорскаго Величества** указу на нѣкоторые чрезвычайные росходы употребилъ денегъ тысячу рублевъ, иззборныхъ на адмиралтейство таможенныхъ и кабацкихъ доходовъ. Того ради надлежитъ толикое число денегъ отдать здѣсь

вадмиралтейскую колегию изъ штатсъ конторы дабы инако о томъ впредь вщотахъ конфузіи небыло; о чемъ для изполнения оной симъ сообщаетца;
а вадмиралтейскую колегию о приѣме тѣхъ денегъ искабинета знать дано будетъ.
Августа 27 дня 1740 году.

Андрей Остерманъ.
К. Алексѣй Черкаской.
Алексѣй Бестужевъ-Рюминъ.

(Высоч. ук. Сен. Архива, кн. LXXXVII, л. 59).

Къ страницѣ 81-й.

Указъ **Нашему** Сенату.

Понеже по слѣдствію внашемъ вышнемъ судѣ князь Дмитрій Голицинъ явился нетокмо предъ нами и государствомъ но и предсамимъ Богомъ вважныхъ преступленіяхъ которые какъ по закону Божію такъ и по правамъ гражданскимъ терпимы быть немогутъ: того ради указали Мы ево Князь Дмитрія судить по государственнымъ правамъ и указомъ всенатѣ кабинетному Министру, Сенаторамъ, вышняго суда членомъ обще сгенералитетомъ и флагманами и сколескими призидентами и членами которымъ при семъ прилагается реэстръ, а о преступленіяхъ ево князь Дмитріевыхъ экстрактъ, и засѣдать имъ втомъ судѣ всѣмъ по своимъ рангомъ, а что по тому суду будетъ опредѣлено подписавъ сентенцію для нашего разсмотрѣнія и аппробаціи подать Намъ. И повелѣваемъ учинить о томъ по сему нашему указу. АННА.

Генваря 7 дня
1737 году.

Реэстръ опредѣленнымъ къ суду.

1) Дѣйствительной Тайной Совѣтникъ и кабинетной Министръ Князь Черкаской
2) Генералъ Ушаковъ
3) Адмиралъ Иванъ Головинъ.
4) Дѣйствителной Тайной Совѣтникъ князь Трубецкой.
5) Адмиралъ Графъ Головинъ
6) Дѣйствительный Тайной Совѣтникъ Баронъ Шафировъ.

7) Оберъ Сталъ Мейстеръ князь Куракинъ
8) Оберъ Егеръ Мейстеръ Волынской
9) Вице Адмиралъ Синявинъ
10) Тайной Совѣтникъ Графъ Головкинъ
11) Гофъ Маршалъ Шепелевъ
12) Генералъ Полицымейстеръ Салтыковъ
13) Тайной Совѣтникъ Нарышкинъ
14) *Тайной Совѣтникъ Неплюевъ*
15) Тайной Совѣтникъ Графъ Мусинъ Пушкинъ
16) Генералъ Маеоръ Игнатьевъ
17) Адмиралтейской Колегiи Совѣтникъ Князь Урусовъ
18) Юстицъ Колегiи Президентъ Князь Щербатовъ.
19) Камеръ Геръ Князь Юсуповъ
20) Оберъ Кригсъ Комисаръ Соймоновъ

Генваря 7 дня АННА.
1737 году.

(Высоч. ук Сен. Архива, кн. 47, л. 29).

Къ страницѣ 103-й.

По указу **Его Императорскаго величества** Правительствующiй Сенатъ по сообщенiю изкабинета **Его Императорскаго величества** сего Августа 27 дня **приказалъ:** обрѣтающимся при порученной Тайному Совѣтнику Неплюеву Коммисiи у разграниченiя по учиненному между Россiйскою Имперiею и Портою Отоманскою мирному трактату земель, геодезiи прапорщикамъ Василiю Сомову, Еремѣю Владыкину, Геодезисту Авраму Пасынкову для разграничения отреки днепра чрезъ крымскую степь до рѣки Мiюса быть при немъ Тайномъ Совѣтнике по прежнему, и для того имъ **Его Императорского Величества** жалованье на нынѣшней 741 годъ на весь по окладамъ ихъ что кому надлѣжитъ, да имъ же на подъемъ и на томошнѣе содержанiе противъ прошлогодней дачи прапорщикамъ по сту по пятидесятъ рублевъ, геодезисту сто рублевъ выдать изштатсъ конторы, а имянно прапорщику Владыкину Генваря съ 1 Мая по 13 число сего 741 года жалованье по расчету геодезическое а стого числа Генваря по 1 число будущаго 742 года прапорщичье, а наподъемъ и на содержанiе противъ вышеписаннаго сполна здѣсь, а прапорщику Сомову и геодезисту пасынкову все какъ жалованье такъ и на

подъемъ противъ прежняго вкиевѣ, да сверхъ того оному прапорщику Владыкину до киева выдать здѣсь-же на одну ямскую подводу прогонные деньги по указу, и о томъ въ Штатсъ контору и для вѣдома виностранную Колегію и къ Тайному Совѣтнику Неплюеву послать указы. Августа 27 дня 1741 года.

Григорій Чернышевъ
Александръ Нарышкинъ
Федоръ Наумовъ
Василій Новосильцовъ
Василій Стрешневъ
Статскій Совѣтникъ Василій Демидовъ
Секретарь Дмитрій Львовъ

(Высоч. ук. Сен. Архива, кн. CXLII. л. 197).

Къ страницѣ 104-й.

По Имянному **Его Императорскаго Величества** указу за подписаниемъ именемъ **Его Императорскаго Величества Ея Императорского Высочества** Государыни Правительницы, Великия Княшни **Анны** всея Россіи собственыя руки сего Августа 11 дня на прошеніи Тайнаго Совѣтника Ивана Неплюева Правительствующій Сенатъ во исполнение онаго приказалъ изостаточныхъ вмалой Россіи за раздачею маетностей встародубовскомъ полку ропскую волость со всѣми принадлежащими ко оной селы деревнями и протчими всякаго звания угодьями да втомже полку село рыково и село бакланъ такожъ совсѣми коонымъ принадлежностьми отдать ввѣчное и потомственное владѣние, и о томъ въ Малую Россію вгенеральную войсковую Канцелярію послать указъ.

Августа 14 дня 1741 года.

Григорій Чернышевъ
Андрей Ушаковъ
Александръ Нарышкинъ
Федоръ Наумовъ
Василій Новосильцовъ
Василій Стрешневъ
Махайла Философовъ
Статской Совѣтникъ Василій Демидовъ.
Секретарь Михайла Новоторжцовъ

(Высоч. ук. Сен. Архива, кн. CXLII. л. 95).

Секретное.

Къ страницѣ 108-й.

Божіею Милостію Мы **Іоаннъ** третій **Императоръ** и **Самодержецъ Всероссійскій** и протчая, и протчая, и протчая.

Нашему Тайному Совѣтнику Неплюеву

Понеже извѣстие секретное имѣется что въ Швеціи нѣкоторые злодейския возмутительные пасквили и писма образомъ манифеста сочинены для разсѣванія въ государствѣ ивграницахъ Нашихъ. а для разсѣванія оныхъ безсовѣстной непріятель Нашъ, безсумнѣнія всякия пути и способы изискивать буде, для препятствованія чего, необходимо потребно вездѣ награницахъ, заставахъ и вовсѣхъ мѣстахъ чрезъ которые такія писма прокрадены и разглашены быть моглибъ, надлежащее наиприлѣжнѣйшее смотрение имѣть: Того ради надлежитъ и вамъ отомъ въ вашемъ мѣстѣ потребное опредѣление учинить и какъ тамо въ Глуховѣ, такъ и впротчихъ вѣдения вашего мѣстахъ, наикрѣпчайше подтвердить дабы такие съ непріятельской стороны пасквили, манифесты и возмутительныя писма какогобъ звания нибыли, нигдѣ до розсѣванія допущены и приняты небыли. А ежелибъ такия гдѣ иногда чрезъ писма и пакеты, или какимъ ниесть инымъ случаемъ явились тобъ оныя тотчасъ безпрочтения сожжены были, и будебъ кто съ непріятельской стороны съ подобными писмами для розсѣвания поиманъ былъ илибъ кто иной забывъ Бога оныя розсѣвать и разглашать дерзнулъ, такого злодѣя, ежели онъ съ непріятельской стороны по предъидущемъ надлежащемъ слѣдствіи другимъ въ страхъ и для удержания такого пакостнаго злодѣйства живаго на колъ посадить надлежитъ, а ежели онъ не съ непріятельской стороны но кто иной, какогобъ звания нибылъ, то взявъ онаго держать подъ крѣпчайшимъ карауломъ и немедленно сюда въ кабинетъ нашъ сообстоятельствами о томъ доносить. И дабы сие наше всемилостивѣйшее соизволеніе и указъ толь наисправнѣйше въ дѣйство произведену былъ, то потребно есть, дабы на всѣхъ форпостахъ и заставахъ по границамъ и вездѣ гдѣ то для предосторожности надобно быть можетъ команду и управленіе имѣющимъ наикрѣпчайше о томъ подтверждено было, дабы каждый въ своемъ мѣстѣ противъ вышеписаннаго-жъ неотмѣнно поступалъ подъ

опасеніемъ что въ противномъ случаѣ, ежели о томъ донесено будетъ яко злодѣй и преступникъ указовъ наказанъ будетъ, однакожъ всѣ такия мѣры и опредѣленіи учинены быть имѣютъ секретно и безлишняго розглашения. Дано въ санктъ-петербурхѣ 24 дня Сентября 1741 года.

По **Его Императорскаго Величества** указу.

Андрей Остерманъ
К. Алексѣй Черкаской
Графъ М. Головкинъ

(Высоч. ук. Сенат. Архива, кн. CIX, л. 20).

Къ страницѣ 108-й

Божіею Милостію Мы **Елисаветъ** первая **Императрица** и **Самодержица Всероссійская**, и протчая, и протчая, и протчая.

Нашему Тайному Совѣтнику Неплюеву

Хотя отправленнымъ квамъ напредь сего отъ 24 Сентября указомъ велѣно вамъ наявляющиеся иногда, вмѣстахъ вѣдѣния вашего чужие какие подимянемъ манифеста или иные разсѣянные предосудительные писма крѣпчайшее смотрение имѣть, и когда подобнаго, что является, то втомъ, какъ стакими писмами, такъ и стѣми которые соными поимаются, такимъ образомъ поступать, какъ то впомянутомъ указѣ пространнѣе изображено, то однако-же нынѣ всемилостивѣйше заблаго и потребно разсудили, оной указъ чрезъ сие втакой силѣ отмѣнить, что хотя натакие явлющиеся писма смотрение и предосторожность продолжать, и тѣхъ у которыхъ они сыщутся потребованию состояния оныхъ пристойнымъ образомъ задержать иоб обстоятельствахъ дѣлъ откуда и какимъ образомъ они тѣ писма получили спрашивать надлежитъ, однако-же болѣе втомъ ничего непредвоспріять но токмо всѣ такіе писма, купно съ репортомъ и извѣстіемъ о тѣхъ у которыхъ они являются, тотъ часъ сюда кнамъ прислать. Данъ всанктпетербурхе Декабря 1 дня 1741 году.

По **Ея Императорскаго Величества** указу

К. Алексѣй Черкаской.

(Высоч. ук. Сен. Архива, кн. 68, л. 733).

Къ страницѣ 171-й.

Рѣчь князя Урусова къ бунтовщикамъ—башкирамъ.

„Отчаянные воры башкирцы, разорители своего покоя и отечества“!

„Все нынѣшнее ваше воровское собраніе, въ которомъ вы теперь, будучи во многихъ тяжкихъ своихъ смертельныхъ винахъ, Ея Императорскаго Величества просите всемилостивѣйшаго прощенія, приводитъ меня въ великое удивленіе, довольно вѣдая, что къ сей крайности и конечной бѣдности ничѣмъ инымъ приведены, какъ токмо воровствомъ своимъ, коего между другими подаными народы не слыхано. И правда: жалобу приносить вамъ не накого; всякъ самъ себѣ сдѣлался и дѣлается врагомъ и народнымъ губителемъ“....

„Я совершенно нахожу, что всѣ высочайшія милости ко всему башкирскому народу отъ Ея Императорскаго Величества Всемилостивѣйшей Государыни и отъ высокихъ ея Императорскаго Величества предковъ, въ разныя времена оказанныя вамъ, не только не чувствительны, но и не памятливы, а которые отъ возмутителей вашихъ хотя про оныя высочайшія и чрезвычайныя милости не только извѣстны были, но они, вмѣсто того, чтобы прославить государей своихъ и вѣрныя службы оказывать, паче тщались, чтобы подлымъ (черни) натолковывать,—якобы то, боясь васъ, дѣлалось и тѣмъ всегда глупыхъ и безразсудныхъ людей возмущали, а о себѣ всегда вы мнили, акибъ между всѣми россійскими подданными вы знатнѣйшіе и, какъ я здѣсь слышалъ, старинными господами себя называли.... Но ежели-бъ объ васъ истинно разсудить, кто вы таковы сперва были и напослѣдокъ и какое благополучное состояніе чрезъ высочайшія милости россійскихъ государей приведены, оное еще больше удивленіе причиняетъ. Я уповаю, что вамъ оное мало, или паче неизвѣстно, ибо всегдашнее воровство, въ какомъ сами себя признаете, не допущало. Жили вы всегда, послѣдуя воровскому своему башкирскому названію: „башкуръ“ называется „главный воръ“, и сіе имя придано вамъ ругательно отъ нагайцевъ (татаръ), откочевавшихъ въ степи во время владѣнія сибирскихъ и казанскихъ хановъ, ибо сіи башкирцы, будучи съ оными, за Яикъ не пошли. Но я вамъ чрезъ сіе о томъ кратко объявляю, чтобъ вы высочайшія милости, оказанныя отъ всемилостивѣй-

шихъ россійскихъ государей, при нынѣшней вашей крайности, узнать и почувствовать могли; потому можете узнать, какъ вы о себѣ не смыслили. Башкирскій вашъ народъ, между которымъ всегда съ начала вашего подданства наибольшая часть воровъ и возмутителей, (а добрыхъ самое малое число),—изстари былъ одинъ съ нагайцами, который, отъ сибирскихъ хановъ утѣсненъ будучи, принужденъ изъ своихъ мѣстъ съ нѣкоторымъ своимъ ханомъ, называемымъ Турея, удалиться и придти въ разсѣяніе; вы же, называемые нынѣ башкирцы, еще тогда же, владѣльцамъ своимъ будучи не послушны, умыслили въ прежнихъ мѣстахъ остаться, за которое ваше непокореніе безъ остатку были ограблены и разорены и пропитаніе свое съ нуждою имѣли звѣремъ и рыбою, а о хлѣбѣ и не вѣдали.... Въ такомъ бѣдномъ состояніи достались ваши предки казанскимъ и сибирскимъ ханамъ. Но оные еще въ большее разореніе ихъ привели и несносныя подати и разореніе претѣрпѣвать вы принуждены были до тѣхъ поръ, когда вы, во время Государя Царя Іоанна Васильевича, россійскими подданными учинилися. Тогда учинилось ваше благополучіе, а именно: ясакъ положенъ самый легкій, который принимаемъ отъ васъ былъ всегда со всякою справедливостью, и, чтобъ въ платежѣ онаго вамъ затрудненія не было, по указу вашихъ государей, нарочито построенъ городъ Уфа и учреждена Уфимская провинція; земли вамъ даны почти всѣ тѣ, гдѣ весь нагайскій народъ жилище свое имѣлъ. Сверхъ того учинены многіе изъ васъ—тарханами. На тѣхъ данныхъ вамъ пространныхъ вотчинахъ и земляхъ не запрещено было поселяться такъ называемымъ тептерямъ изъ разныхъ уѣздовъ, которые всѣ платили вамъ съ земли оброкъ, отъ чего впервые вашъ воровской родъ получилъ скотъ, хлѣбъ и всякое довольствіе; жили уже вы на пожалованныхъ съ великимъ довольствомъ земляхъ, обогатились деньгами и всякими пожитками. Однимъ словомъ сказать: ни одному изъ подданныхъ Ея Императорскаго Величества народовъ такой высочайшей милости и защищенія не показано, какъ вашимъ воровскимъ предкамъ"....

«Но за оное всепресвѣтлѣйшихъ и всемилостивѣйшихъ государей россійсскихъ оказыванное къ вамъ милосердіе, вмѣсто подданической вашей вѣрности, напослѣдокъ, когда вы и ваши воровскіе отцы приведены къ наибольщему благополучію и бо-

гатству, учинили многопротивные проступки, за которые тогда-жъ подлежали вы конечному искорененію и погибели. Не нужно многое припоминать вамъ; но ежели о томъ иономъ сказать, то изъ васъ большая часть припамятовать могутъ; того и сего на обличеніе злѣйшихъ вашихъ противностей будетъ весьма довольно. Тому еще не съ большимъ тридцать лѣтъ, какъ вы бунтовскія свои намѣренія оказали подъ предводительствомъ главныхъ вашихъ возмутителей, а именно: Казанской дороги Кусюма, Ногайской дороги—Алдара, Казанской—Измаила, при которыхъ вашихъ воровскихъ и бунтовщичьихъ поступкахъ ни одна тысяча вѣрныхъ россійскихъ подданныхъ отъ васъ воровъ побиты. За сіе одно надлежало весь вашъ родъ искоренить, чтобъ памяти оставаться не могло. И затрудненія къ тому ни единаго не было. Россійскимъ оружіемъ не только вы, бездѣльники, но и всѣ сильнѣшія непріятели побѣждаются!—Но при рѣдкой милости всемилостивѣйшихъ государей за тѣ тяжкія и важныя ваши бунтовщичьи вины почти вамъ ничего ни учинено: пожалованны вы даже всемилостивѣйшимъ прощеніемъ. Но сіе привело васъ къ большему неистовству, особливо же послѣ того, когда Ея Императорское Величество Всепресвѣтлѣйшая и Всемилостивѣйшая Государыня по природному своему материнскому милосердію, въ пользу вѣрныхъ своихъ подданныхъ, указала построить городъ Оренбургъ, съ нѣкоторыми подлежащими къ нему крѣпостями. Въ самомъ того началѣ составили вы паки, въ противностъ высочайшаго Ея Имперскаго Величества указа, бунтовское свое намѣреніе, которое, какъ токмо оное Ея Императорскаго Величества повѣленіе первымъ дѣйствіемъ произведено, отъ васъ воровъ явное бунтовство и оказалось, а именно.

„Впервые: въ 1735 году, внезапно напавъ на идущія изъ Уфы Вологодскаго полка и Драгунскаго пять ротъ, убили командующаго подполковника Чирикова со многими людьми; послѣ жъ идущій изъ сибирскихъ слободъ провіантскій обозъ остановили и едва оный отъ воровскихъ вашихъ набѣговъ съ потеряніемъ ни малаго числа людей освобожденъ. На команду статскаго совѣтника Кириллова нападали, и еще въ томъ же 1735 году въ разныхъ смѣтахъ многое число россійскихъ людей отъ васъ воровъ побито, и разныя деревни разорены и выжженны, и расглашены самые возмутительные слухи. Въ 1736 году вы же от-

важились нападеніе учинить на команду генерала господина Румянцева и великій вредъ причинили; послѣ еще наибольшія пакости чинили въ командахъ полковниковь Арсеньева, Мартюкова, Тевкелева и Мерзлянина; у всѣхъ оныхъ командировъ многія тысячи вѣрныхъ подданныхъ Ея Императорскаго Величества рабовъ отъ васъ воровъ пропало, а послѣ еще въ томъ же году не допустили вы въ Оренбургъ провіантскій обозъ, отъ чего въ ономъ городѣ многое число отъ неимѣнія провіанта померло. Тогда же и Верхояицкая пристань съ имѣющимися въ ней людьми безъ остатку отъ васъ воровъ розорена и погублена. По такимъ вашимъ малослыханнымъ противностямъ, когда праведное Ея Императорскаго Величества оружіе надъ вами принуждено было дѣйствовать, тогда, т. е. въ 1737 и въ 1738 годахъ, хотя и принуждены были вы нѣсколько отъ воровскихъ своихъ намѣреній поотставать и въ винахъ своихъ просить всемилостивѣйшаго прощенія, коимъ многимъ изъ васъ по природному Ея Императорскаго Величества материнскому человѣколюбію и пожалованы, но все оное было токмо ваше притворство: ибо снаружи казались вы повинными, а внутрь между собою злѣйшими противниками и бунтовщиками. А къ концу прошлаго 1739 г. то ваше бунтовское намѣреніе паки явно открылось и, вымысля между собою вора башкирца Миндегула, Карасакаломъ назвали его,—Салтанъ-Гиреемъ, а послѣ и ханомъ, съ которымъ вновь вѣрноподданнымъ Ея Императорскаго Величества неисчетныя причинили разоренія и продолжали до тѣхъ поръ, пока войска Ея Императорскаго Величества внутрь воровскихъ башкирскихъ жительствъ не введены, и вышеупомянутый Карасакалъ, также и другіе ваши возмутители искорены не были; ибо хотя съ начала нынѣшняго вашего послѣдняго возмущенія посланы ыли отъ меня къ вамъ ворамъ универсалы, отъ 22 апрѣля и 14 іюня, съ тѣмъ Ея Императорскаго Величества повелѣніемъ, дабы вы возмущеніямъ онаго Карасакала не вѣрили и, отставъ отъ него, жили-бъ въ покоѣ и, въ знакъ своего общенія, того-бъ вора и главныхъ своихъ зачинщиковъ поймавъ, ко мнѣ привели; при чемъ всѣ ваши противности и нарушенія присягъ довольно были истолкованы; но и но сему ничего отъ васъ воровъ не учинено всегда ваши воровскіе поступки продолжались, а вы слѣдовали часто упоминаемому Карасакалу до тѣхъ поръ, пока онъ изъ

глазъ вашихъ, яко возмутитель, не изчезъ, и приставшее къ нему для побѣгу ваше жъ воровское собраніе не погубилъ".

„Больше воровства и бунтовщичьи ваши поступки объявлять вамъ ворамъ, также и настоящую вашу крайнѣйшую бѣдность протолковывать вамъ нечего. Сами всѣ до единаго знаете. Также и судить не почто. Сами вы поступки и дѣла свои знаете. Судите-же сами себя, какого помилованія достойны вы?-Токмо все то зависитъ отъ высокомонаршей Ея Императорскаго Величества милости". *)

Къ страницѣ 759-й.

Почтеннѣйшая госпожа ханша пупай

Къ Ея Імператорскому Величеству нашей Всемилостивѣйшей Государынѣ всеподаннѣйшее ваше доношеніе, чрезъ зятя Вашего джанабѣкъ солтана здѣсь получено, і я посодержанію онаго о прошеніи вашемъ Ея Імператорскому Величеству, всенижайше доносилъ, и помянутой зять вашъ джанабѣкъ солтанъ съ старшиною предъ Ея Імператорское Величество былъ допущенъ, и прошеніе Ваше отъ Ея Імператорскаго Величества, конфировавано о чемъ обстоятельно усмотрѣть можете извысочайшаго Ея Імператорского величества указа, къ солтанамъ, бѣямъ старшинѣ, і ковсему киргисъ касацкому народу отправленного и тако вы и впредь навысочайшую Ея Імператорскаго Величества милость благонадежны быть можетѣ, якоже нынѣ во знакъ того присемъ посылается квамъ въжалованье отъ Ея Імператорскаго Величества кусокъ парчи. вмосквѣ.. 2 „маія 1749" года.

Ея Імператорскаго Величества
канцлѣръ дѣйствительный тайный совѣтникъ сенаторъ
и кавалеръ, Графъ Алексѣй Бестужевъ-Рюминъ.

(См. въ Тург. Арх. „Указы 1749 г.," л. 40).

---

*) Эта „Рѣчь," составленная, по мнѣнію Р. Г. Игнатьева, П. И Рычковымъ, включена имъ въ его „Оренбургскую Исторію" и напечатана въ журналѣ академика Миллера: „Ежемѣсячныя Сочиненія за 1759 г."—Въ библіотекѣ Оренбургскаго Отд. Императорскаго Геогр. Общ. хранится доселѣ манускриптъ „Орепб. Исторіи" Рычкова, гдѣ помѣщена и настоящая „Рѣчь". Смотр. ст. Р. Игпатьева: „Карасакалъ, лже-ханъ Башкирій". Отдѣльн. оттискъ, стр. 45—52, слич. стр. 54—55.

Къ страницѣ 770-й.

Форма присяги нурали хану киргисъ касацкому.

Я нижепоимянованный обѣщаюся и клянуся всемогущимъ Богомъ, что хощу идолженъ Ея Імператорскому величеству моей истинной Государынѣ Імператрице Елисаветѣ петровнѣсамодержице всероссійской, іпротчая, іпротчая, ипротчая. И Ея Імператорского величества высокому законному наслѣднику Его императорскому высочеству Государю великому князю петру феодоровичу, которой поизволенію ісамодержавной Ея Імператорского величества власти опредѣленъ, івпредь отъ Еяжъ Імператорского величества посамодержавной Ея Імператорского величества власти опредѣляемымъ наслѣдникамъ вѣрнымъ добрымъ іпослушнымъ подданымъ быть іслужить Ея величеству вѣрно, какъ то вѣрному подданному надлѣжитъ, іникакой противности ніявно нитайно нечинить, и поданному мнѣ ханскому достоинству вовсемъ поступать іисполненіе чинить, по Ея императорского величества указомъ не жалѣя живота своего, подчиненнойже мнѣ киргисъ-касацкой народъ содержатъ понашему обыкновенію вправосудіи іспокойствѣ, іовсякихъ предпріятій противу інтересовъ Ея імператорского величества ісобственной киргисъ касацкого народа общей пользы отвращать, а ежели собою сего учинить немогу, отомъ заблаговремянно россійскимъ пограничнымъ командиромъ знать давать, взаключеніеже сей моей клятвы цѣлую куранъ, и прилагаю мою печать.

Перевод. Турчениновъ.

(Тамъ же л. 51, а на л. 52 находится киргискій текстъ присяги).

Божіею милостію мы Елисаветъ первая. Імператрица и самодержица всероссійская і протчая, и протчая, и протчая.

Нашего Імператорскаго величества подданнымъ, киргисъ касацкимъ солтанамъ, беямъ, старшинѣ, і всему киргисъ касацкому народу наша Імператорская милость.

Кнамъ великой Государынѣ къ нашему **Імператорскому величеству**, всеподданнѣйше ваше доношеніе, чрезъ джанабѣкъ солтана, здѣсь получено, которымъ вы всенижайше представляли, что вы посмерти подданнаго нашего абулхаиръ хана киргисъ

касацкого, избрали на мѣсто его вханы, старшаго его сына, нурали солтана, і наше **Імператорское величество** всеподданнѣйше просили, о всемилостивѣйшемъ онаго вашего избранія подтвержденіи.

И мы великая Государыня, наше **Імператорское величество** сей вашъ доброй іподданическою вашею knамъ должностію сходственной поступокъ милостиво похваляемъ и ізбраніе ваше нурали солтана вкиргисъ касацкіе ханы всемилостивѣйше конфирмуемъ, вящееже того утвержденіе, нашъ Імператорской всемилостивѣйшей дипломъ, нато ханское достоинство знаки, яко то саблю, шубу соболью и шапку съ опушками черной лисицы, имѣетъ онъ получить отъ тайнаго нашего совѣтника и кавалера, и оренбургскаго губернатора ивана неплюева, приучиненіи присяги всемъ новомъ Его достоинствѣ, въдолжной кнамъ великой Государынѣ вѣрности, и въ содержаніи киргисъ касацкого народа, повашему обыкновенію вправосудіи и спокойствіи.

Мы Великая Государыня уповаемъ, что вы подданные наши солтаны, беи, и старшина, видя всебѣ сію **нашу Імператорскую высочайшую** милость, ивпредь будетѣ намъ великой Государынѣ, посвоей подданнической должности служить вѣрно и простой киргисъ касацкой народъ къ томужъ приводить непреминетѣ, за что ивящею нашею Імператорскою милостію обнадежены быть можетѣ. Якоже и нынѣ вознакъ того, посланецъ вашъ джанбѣкъ солтанъ съ старшиною предъ наше **Імператорское величество** допущенъ, иснагражденіемъ отпущены квамъ попрежнему. Данъ вмосквѣ Мая 2-го дня 1749 года.

Подлинная вмѣсто подписи припечатана Государственною меньшею печатью.

(Тамъ же, л. 39).

Письмо Канцлера Графа Безтужева-Рюмина къ Нурали-Хану.

Всепресвѣтлѣйшія, дѣржавнѣйшія Великія Государыни Імператрицы и самодержицы Всеросійскія, подданный нурали ханъ киргисъ касацкой.

Повсеподданнѣйшимъ доношеніямъ вашему, матери вашей ханши, также солтаномъ, біемъ, старшинъ и народа киргисъ касацкаго, которыми просили о пожалованіи васъ поихъ выбору намѣсто отца вашего, вкиргисъ касацкіе ханы, я вразсужденіи

показанной къ **Ея Императорскому Величеству** нашей Всемилостивѣйшей Государынѣ отца вашего абулхаиръ хана вѣрности, такоже и вашихъ добрыхъ поступокъ, здѣсь чрезъ тайнаго совѣтника неплюева, и бригадира тевкелева засвидѣтельствованыхъ, всевозможнымъ образомъ старался, ито исходатайствовалъ что Ея Імператорское Величество учиненное о васъ избраніе всемилостивѣше конфирмовать соизволила. И тако я уповаю что вы видя такую всевысочайшую Ея Імператорскаго Величества квамъ милость и будучи уже ханомъ повсеподданнѣйшей вашей должности ревностно кслужбѣ Ея Імператорскаго Величества простиратся непреминете. И для того повысочайшимъ Ея Імператорскаго Величества указомъ кнамъ присылаемымъ также и посовѣтамъ господина тайнаго совѣтника кавалера іоренбургского губернатора неплюева, неотменное исполненіе чинить будете, почему івпредь мнѣ подадите впрошеніяхъ вашихъ вамъ помогать, пребывая всегда вамъ доброжелательнымъ. вмосквѣ „2-го Маія“ 1749 года.

Ея Імператорскаго Величества
Канцлѣръ, дѣйствительный тайный совѣтникъ, сенаторъ
и Кавалеръ Графъ Бестужевъ-Рюминъ.

(См. тамъ же, л. 41 на обор. и л. 42).

Къ страницѣ 802 и 803-й.

Переводъ съ листа къ **Ея Иператорскому Величеству**, писаннаго отъ хивискаго гаибъ могомедъ богадыръ хана, присланнаго при доношеніи астараханскаго губернатора Брылкина, изъ астарахани отъ 28 сентября, въ коллегіи полученнаго 11 октября 1751 года.

въ началѣ того листа въ верху особо написано тако, бѣлая **Імператрица**.

Всепресвѣтлѣйшая державнѣйшая славнѣйшая великомѣстнѣйшая величайшая высочайшая всегда побѣждающая высокостепеннѣйшая **Імператрица** героиня нынѣшняго вѣка. высокомочнѣйшая и высоковластнѣйшая великая всероссійская монархиня, да даруетъ Господь Богъ вашему величеству долголѣтное здравіе и благополучное государствованіе намногія лѣта. извѣстно вамъ да будетъ что мы здѣсь во вла-

дѣніи и на престолѣ отца нашего дѣйствително въблагополучіи находимся, и весь народъ подъправосудіемъ нашимъ во всякомъ покое и тишинѣ пребываютъ, и совсѣхъ сторонъ каждой день ковладѣнію нашему пристойныя вѣдомости получаемъ, а понеже издревнихъ лѣтъ Хаваризмскаго владѣнія Государи предки наши, россійской Імперіи съ великими Государями предками вашими между собою дружескую корреспонденцію имѣли, а нынѣ хäваризмское *) правленіе намъ досталось, и поднесь между хаваризмскимъ владѣніемъ, и росссійскою Імперіею ни какой противности къ дружбѣ не оказано а наше желаніе за всегда состоитъ въ— томъ дабы между обоими Государствами лутче прежняго дружба твердая содержана была, и наши послы, купеческія караваны, хаджи, и другія проѣзжія люди въ россійской Імперіи, въ которой городъ ѣхать пожелаютъ, дабы вездѣ свободно пропускаемы были ибо россійской Імперіи послы, купеческія караваны и другія проѣзжія люди по пріѣздѣ ихъ сюда по ихъ желаніямъ въ тюркюстанъ, въ индію, бадакшанъ, и въ другія мѣста по древнему обыкновенію безвсякаго задержанія пропускаются, а въ прошломъ году къ вашему Імператорскому Величеству отправленъ былъ отнасъ посолъ а оренбургской губернаторъ того посла нашего съ обрѣтающими при немъ купцами, ко двору Вашего Величества не пропустилъ, назадъ отправилъ, и оставя древнюю дорогу, негодную дорогу отворилъ, ежелибъ послы купцы ихаджи ѣздили, изтого обоимъ Государствамъ полза, и купцамъ бы прибытокъ воспослѣдовалъ, того ради при нынѣшнемъ благополучномъ времени, намъ вѣрнаго посланца нурулла Бая, и снимъ вмѣстѣ мурадъ бая, и бабá бая, къвысочайшему двору Вашего Величества отправилъ, съ такимъ желаніемъ, дабы и наши послы купцы,

*) всё хивинское владѣніе генерално называотся Хаваризмъ.

и хаджи въ россійской Імперіи, въ которой городъ ѣхать пожелаютъ, о свободномъ ихъ пропускѣ, какъ Оренбургскому такъ и другимъ губернаторамъ.

Вашего Величества Указомъ подтверждено было, что обоимъ Государствамъ въ ползу служить—можетъ, а посланецъ нашъ очемъ словесно представлять будетъ, всѣму вѣру подавать писано

1751 года. по зади того листа чернилная печать, въ которой изображено имя его Ганбъ магомедъ богадыръ ханъ. 1164 года.

См. въ Тург. Арх. „Указ. Пох. канц." за 1751—53 г., л. 93—94).

Къ страницѣ 830-й.

Письмо канцлера къ бухарскому хану.

Почтеннѣйшій и высокостепенный бухарскіе земли нынѣ владѣющій ханъ.

Ея Імператорское величество, мою всемилостивѣйшую Государыню, хивинской гаибъ могомедъ богадырь ханъ, листами своими, чрезъ посланниковъ его ширбѣка, и нуруллу бай кутлуметь хожиева, прошлымъ 1850 и 1751: годовъ въ оренбургѣ, ивъ астарахани бывшихъ просилъ, оботпускѣ вхиву россійскихъ карavановъ, и осбодномъ допущеніи хивинскаго купечества до оренбурга, очемъ и прежде бывшие ханы хивинскіе, напредь сего многократно просили жъ, такъже ибухарской сеидъ Эбулфеизъ магомедъ багадырь ханъ, въ 1730-мъ ивъ 1734-мъ годѣхъ чрезъ посланниковъ своихъ, ядыгера, и везирь бѣка, просилъ оботпускѣ въ бухары россійскихъ же каравановъ, обѣщая провожать оные идалѣе бухаръ, вдругіи мѣста, и городы куда оные пожелаютъ.

ІЕя Імператорское Величество, всемилостивѣйшая Государыня, иавгустѣйшая монархиня, повсеподданнѣйшему о томъ докладу вразсужденіи прошеней и желаней хивинскихъ, и бухарского хановъ, многократно повторенныхъ, ичто истакого, въобѣ стороны отправляемого волнаго купечества, многіе народы могутъ ползоватся, ивзаимную дружбу произвесть, всемилостивѣйше указать соізволила.

1-е какъ бухарскимъ, хивинскимъ, такъ и другимъ ізтамошнихъ далнихъ мѣстъ купцамъ, къ оренбургу приѣзжающимъ, до-

нынѣ продолжаемую волность удобь возможнымъ образомъ сохранять итѣмъ оные кбольшему приѣзду приохотить.

2-е. Ізроссіискихъ купцовъ охотникамъ дать позволѣніе, караваны ихъ вхиву, вбухарію, иврдугие тамошніе далніе мѣста отправлять спаспортами зарукою и печатью оренбургского губернатора.

3-е. мнѣ къвамъ высокопочтенному хану писать итребовать дабы тѣ россійскіе караваны въ бытность ихъ въбухарахъ были подъ особливымъ вашимъ истаршинъ тамошнихъ охраненіемъ, Іимѣли всякое дозволѣніе, исвободу въ ихъ купечествѣ, такъ-же и вовремя ихъ проѣзда чрезъ бухарію, вдругие тамошніе отдаленные мѣста, и привозврашеніи ихъ отътуда такуюжъ бы вовсемъ волность інепремѣнную свободу імѣли, и вовсемъ томъ свами исхивинскимъ ханомъ исперьвыми старшинами велѣно согласится, ипостановить іутвердить на писмѣ запечатми, ідля того постановленія вышепомянутому и высокостепенному господину тайному совѣтнику кавалеру и оренбургскому губернатору неплюеву послать въ хиву и квамъ вбухары, нарочно знатную іповѣренную персону здостаточнымъ наставленіемъ.

даивпротчемъ вовсемъ что довзаимной ползы принадлежитъ можете вы высокопочтенный ханъ імѣть дружескую пересылку и корреспонденцію съгубернаторомъ оренбургскимъ, которому повысочайшему **Ея Імператорскаго Величества** указу, всѣ тамошніе пограничные дѣла, и комерція въвѣрены и поручены, Ідля того очемъ онъ квамъ будетъ писать тому совершенно вѣрить.

при окончаніи сего, желаю вамъ высокопочтенному хану добраго здравія и всякаго благополучия, и пребуду смоимъ доброжелателствомъ.

Подлинное подписано по сему. Графъ Алексѣй Бестужевъ-Рюминъ.

Ея Імператорскаго величества
всероссійской, канцлѣръ дѣйствительный тайный совѣтникъ
сенаторъ икавалеръ.

ізСанкт петербурга
28 апрѣля 1752 года.

(См. тамъ же, лл. 76 и 77).

Почтеннѣйшiй и высоко Степенный Юргенскiя, и хивинскiя земли владѣтель Гаибъ могомедъ Багадырь ханъ.

Прошлыхъ „1750“ и „1751“ годовъ получены здѣсь чрезъ оренбургского, и астараханскаго губернаторовъ, порученные имъ отъ бывшихъ тамо вашихъ посланниковъ ширбѣка, и нуруллы Бай кутлумаметь хожiева, листы ваши, Iизъ Содержанiя оныхъ здѣсь усмотрено, чинимо вами, **Еѣ Iмператорскому Величеству Самодержицѣ Всеросiйской**, моей Всомилостивѣйшей Государынѣ, онынѣшнемъ вашемъ вхивинскомъ владѣнiи ханствѣ объявленiе, спредставленiемъ притомъ, чтобъ свами пересылку и корреспонденцiю, такъ же и происходящѣе между обоими сторонами купечество всегда продолжать, и распространять обще народной пользѣ и протчая. Очемъ и реченные посланники ваши ширбѣкъ, и нурулла Бай, имянемъ вашимъ помянутымъ оренбурскому и астараханскому (и астараханскому) Губернаторамъ словесно изясняли,

И потому **Ея Iмператорскому величеству** моей **всемилостивѣйшей Государынѣ**, овсемъ томъ я всеподанѣйше доносилъ, соприбавленiемъ сего что и напредь сего въ „1730-мъ году хивинской и бухарскiе ханы, чрезъ бывшаго Унихъ Россiйского Караванъ башу Ядыгера. Въ „1734„ году Бухарской сеидъ Эбулъ феизъ магомедъ богадыръ ханъ чрезъ посланника его везирь Бѣка. въ „1735“ ив „1739„ годѣхъ, хивинской Iлбарсъ магомедъ богадырь ханъ, чрезъ посланниковъ своихъ муллу рагимъ джана, и артыкъ батыря въ „1742-мъ“ ив „1744-мъ“ Годѣхъ сынъ его хивинской же Эбулъ казы Iлбарсъ магомедъ богадыръ ханъ, чрезъ посланниковъ своихъ алла верду, и аджи магомедъ муллу турсунова, все единогласно просили объ отпускѣ вхиву и вбухары россiйскихъ каравановъ, причемъ хивинскiе ханы представляли, чтобъ таковые Россiискiе караваны изастарахани отправлялись моремъ, домангышлака, обѣщая оттуда дохивы препровождать ихъ подсвоимъ хивинскимъ канвоемъ, абухарской ханъ обѣщалъ таковые Россiискiе караваны провожать и далѣе бухаръ вдругiе мѣста и Городъ куда оные пожелаютъ, да притомъ же **Ея Императорскому Величеству** всеподданнѣйше донесено, и сiе что россiйскiе караваны отъ астарахани до мангышлака моремъ, а оттуда до хивы сухимъ путемъ за недостаткомъ тамо верблюдовъ и лошадей ходить охоты не Iмѣютъ, авмѣсто того купечество свое

донынѣ отправляютъ съ хивинцами съ бухарцами, исдругими тамошними народами, приѣзмающими къ ново построенному на рѣке яикѣ Городу Оренбургу.

И **Ея Императорское Величество** Всемилостивѣйшая Государыня, и Августѣйшая Монархиня, вразсужденіи прошеней, и желаней хивинскихъ и Бухарскихъ хановъ много кратно повторенныхъ, и что истакого вобѣ стороны отправляемого волного купечества, многіе народы могутъ ползоватся, Івзаимную дружбу произвѣсть Всемилостивѣйше Указать соизволила.

1-е Какъ хивинскимъ, бухарскимъ, такъ и другимъ истамошнихъ далнихъ мѣстъ, купцамъ къ Оренбургу приѣзжающимъ, донынѣ продолжаемую волность удобь возможнымъ образомъ сохранять, и тѣхъ оныхъ кболшему приѣзду приохотить, очемъ прошлого „1750“ года, и посланнику вашему ширбѣку поуказу отсюда высокопочтеннымъ Губернаторомъ оренбургскимъ и брегадиромъ тевкелевымъ обстоятелно объявлено Ізъяснено.

2-е изъ Россійскихъ купцовъ охотникамъ дать позволеніе, караваны ихъ въ хиву, въ бухарію, и въ другіе тамошніе далніе мѣста отправлять спаспортами зарукою и печатью оренбургскаго Губернатора.

3-е мнѣ квамъ высоко степенному хану писать и требовать, дабы тѣ россійскіе караваны, въ бытность ихъ въ хивѣ, были подъ особливымъ вашимъ и старшинъ тамошнихъ охраненіемъ, Іимѣли всякое дозволеніе и свободу въ ихъ купечествѣ, такъ-же и вовремя ихъ проѣзда чрезъ хиву въ бухарію, ивдругіе тамошнія отдаленныя мѣста, и при возвращеніи ихъ оттуда, такую-жъ бы вовсемъ волность и непременную свободу имѣли, и вовсемъ томъ свами испервыми старшинами хивинскикими велѣно согласится и постановить и утвердить на писмѣ запечатьми, и для того постановленія выше помянутому и высоко степенному Господину тайному совѣтнику кавалеру иорен бургскому Губернатору неплюеву, послать квамъ въ хиву нарочно знатную и повѣренную персону, съ достаточнымъ наставленіемъ, да и впротчемъ вовсемъ что довзаимной ползы принадлежитъ, можетѣ вы высокопочтенный ханъ имѣть дружескую пересылку и корреспон-

денцію съ оренбургскимъ Губернаторомъ которому повысочайшему **Ея Императорскаго Величества** Указу, всѣ тамошнія пограничныя дѣла и комерція ввѣрены и поручены, и для того очемъ онъквамъ будетъ писать, тому совершенно вѣрить.

При окончаніи сего желаю вамъ высокопочтенному хану добраго здравія и всякаго благополучія, и пребуду смоимъ доброжелательствомъ.

Подлинное подписано посему. Графъ Алексѣй Бестужевъ-Рюминъ.

Ея Императорскаго Величества
Всероссійской, канцлѣръ дѣйствительный
тайный совѣтникъ сенаторъ и кавалеръ.
Изъ Санкт петербурга
28-го апрѣля 1752 года.

(См. тамъ же, лл. 74 и 75).

Письмо канцлера къ киргискому хану Нурали.

Всепресвѣтлѣйшія Державнѣйшия Великия Государыни Императрицы исамодержицы всероссійскія подданный Нурали ханъ киргисъ касацкой,

Ея Императорское Величество нашу Всемилостивѣйшую Государыню, хивинской гаибъ могомедъ ханъ, листами своими чрезъ посланниковъ своихъ ширбѣка инуруллу бай-кутлумаметь хожиева, прошлыхъ 1750 и 1751 годовъ, въоренбургѣ ивъастарахани бывшихъ, всенижайше просилъ освободномъ допущеніи хивинскаго купечества дооренбурга, иботпускѣ вхиву россійскихъ карявановъ, очемъ напредь сего ипрежде бывшие ханы хивинскіе, такъ-же въ 1730-мъ ивъ 1734-мъ годѣхъ ибухарской ханъ, чрезъ нарочноприсыланныхъ своихъ посланниковъ много кратно просили.

а понеже какъ вамъ такъ ивсему киргисъ касацкому народу доволно ізвѣстно, что пощастливомъ вашемъ вступленіи, вподданство **Ея Императорского Величества** самодержицы всероссійской, городъ оренбургъ построенъ, поособливому прошенію, покойнаго отца вашего абулхаиръ хана, влутчую всего киргисъ касацкаго народа ползу, которая нынѣ, поприѣздѣ ктому городу, исхивы изъбухаріи изъ ташкента и издругихъ тамошнихъ отдаленныхъ мѣстъ купечества, всѣмъ вамъ стала быть очевидна, тѣмъ наипаче что всѣ тѣ азіатскіе купцы къоренбургу проѣзжаютъ чрезъ киргисъ касацкой народъ ізапрепровожденіе ихъ киргисцамъ

дають плату, почему и россійское купечество въоренбургѣ стало умножатся, іслѣдственно отътого, итовары всякіе которыхъ напредь сего какъ киргисъ касаки, такъ идругие тамошніе народы, ниоткуда достать немогли, анѣкоторые чрезъ персію хотя и получали, и то преднынѣшнею цѣною гораздо дороже, анынѣ уже всамомъ дѣлѣ усмотрено, что изтого приоренбургѣ и притроицкой крѣпости волнаго торгу неодни россіани, ноихивинцы, такъ-же бухарцы, ташкенцы и другие азіатскіе купцы, дѣйствительно пользуются, акиргисъ касацкой народъ отъ того уже разбогатѣлъ, искоты свои весьма умножилъ, ичрезъ продажу оного вхивѣ, доволное число получастъ серебра и золота. носіябъ общая всѣхъ народовъ полза иеще весма умножится могла, ежелибъ нѣкоторые изъ киргисъ касакъ неразсудительные иобщаго покоя и пользы ненавидящія люди, несвоевольничали, ивпроѣздѣ чрезъ киргисъ касацкой народъ изхивы избухаръ, такъ-же иизъ другихъ тамошнихъ отдаленныхъ мѣстъ, къоренбургу иктроицкой крѣпости, иотоныхъ городовъ втамошніе мѣста, купечеству, болшимъ ималымъ грабленіемъ идругими привалками непрепятствовали; того ради **Ея Императорское Величество** наша всемилостивѣйшая Государыня вразсужденіи общенародной ползы, высочайшимъ своимъ **Імператорскимъ** Указомъ, повелѣтъ соизволила.

1-е какъ киргисъ касацкимъ, хивинскимъ, бухарскимъ, такъ идругимъ ізтамошнихъ далнихъ мѣстъ купцамъ, къоренбургу иктроицкой крѣпости приѣзжающимъ донынѣ продолжаемую волность удобь возможнымъ образомъ сохранять, итѣмъ оныхъ для собственной ихъ пользы, къ большему приѣзду приохотить.

2-е Ізроссійскихъ купцовъ охотникамъ дать позволеніе, караваны ихъ въ хиву въ бухарію, ивдругіе тамошніе далніе мѣста отправлять, спаспортами зарукою ипечатью оренбургского губернатора.

Ея Императорское Величество всемилостивѣйше повелѣла, мнѣ квамъ писать дабы всѣ проѣзжие чрезъ киргисъ касацкой народъ разныхъ націй купцы доставлены были совершенною навсегдашнѣе время безопасностію, ичтобъ вы, такъ-же солтаны и знатная старшина возъимѣли отомъ совѣтъ, сгосподиномъ тайнымъ совѣтникомъ ковалеромъ иоренбургскимъ губернаторомъ неплюевымъ избрегадиромъ тевкелевымъ, ипоизысканіи ктому пристойннымъ инадежныхъ срѣдствъ, единаче постановили оное

написмѣ, иутвердили печатми, что и киргисъ касацкому народу лутчею ползою икъобогащенію оного добрымъ инепремѣннымъ способомъ быть можетъ, аея **Імператорское Величество** късвоей благоугодности принять, иквамъ вящшую свою **Імператорскую** милость оказать соизволитъ, яко таковымъ покоемъ должная ваша къ **Ея Імператорскому Величеству** подъданническая вѣрность засвидѣтельствована будетъ, въ протчемъ же я всегда пребуду вамъ доброжелательнымъ.

Подлинное подписано посему. Графъ Алексѣй Бестужевъ-Рюминъ.

Ея Імператорскаго Величества
канцлѣръ, дѣйствительный тайный
совѣтникъ сенаторъ и кавалеръ,

Ізсанктъ петербурга
28 апрѣля 1752 года.

(Смотр. тамъ же, лл. 72 и 73).

Къ страницѣ 840-й.

Ведомость воренбургской пограничной таможнѣ учиненная коликое число сначала оренбургскаго торга, то есть спрошедшаго 1745-го года по 1-е число декабря сего 1774-го года, сдошедшихъ изъзаграницы отъ азиатскихъ народовъ вроссію нотпущенныхъ имъ ссторонны россійской товаровъ искота вказну **Ея Императорскаго Величества** таможенныхъ пошлинъ идругихъ доходовъ вприходъ вступило инакакое количество суммы товаровъ скота идругихъ вещей сообоихъ сторонъ спошлиною и беспошлинно обращалось вторговле значится ниже.

		взборѣ пошлинъ				накакое количество суммы сстороны россійской и дошедшихъ иззаграницы вроссію спошлиною и безпошлинно обращалось вторговле.					
		скакихъ товаровъ, настоящихъ таможен. и особливыхъ доходовъ вприходъ вступило.		ІТОГО.		Отпущено заграницу,		вступило иззаграницы,		ІТОГО.	
		Рубли.	Копейки.	Рубли.	Копейки.	Рубли.	Копейки.	Рубли.	Копейки	Рубли.	Копейки.
въ 1745	Скиргизскихъ товаровъ искота .	2506	8								
	Сазиатскихъ . .	554	24 1/2	8524	12 1/4	108604	9 1/2	105707	76 1/2	214311	86
	Спривозныхъ россійскихъ воренбургъ иорскую крепость товаровъ же полавочныхъ и другихъ пошлинъ. . . .	5463	79 3/4								
въ 1746	Скиргискихъ товаровъ искота .	1820	29 1/2								
	Сазиатскихъ . .	320	52 1/4	7632	70 1/4	110435	59 1/4	65893	92 1/2	176329	51 3/4
	Спривозныхъ россійскихъ товаровъ же полавочныхъ и другихъ пошлинъ	5491	88 1/2								
въ 1747	Скиргискихъ товаровъ искота. .	3456	58								
	сазиатскихъ. . .	1190	85 1/2	12689	34	118615	71	124733	27 1/2	243348	98 1/2
	сприврозныхъ россійскихъ воренбургъ товаровъже полавочныхъ и другихъ пошлинъ	8041	90 1/2								

		взборѣ пошлинъ				накакое количество суммы сстороны россійской и дошедшихъ иззаграницы вроссію спошлинною и безпошлинно обращалось вторговле.					
		скакихъ товаровъ, настоящихъ таможен. и особливыхъ доходовъ вприходъ вступило.		ІТОГО.		Отпущено заграницу,		вступило иззаграницы.		ІТОГО.	
		Рубли.	Копейки	Рубли.	Копейки.	Рубли.	Копейки	Рубли.	Копейки.	Рубли.	Копейки.
въ 1748	Скиргискихъ товаровъ искота. .	4996	55 1/4								
	сазиатскихъ. . .	3891	16 1/2								
	Сроссійскихъ привозныхъ воренбургъ товаровъ же полавочныхъ идругихъ доходовъ	10864	37 3/4	19752 втомъ числе серебра 11 ф. 94 з.	9 1/2	139739	33 3/4	143368	47	283107	80 3/4
въ 1749	Скиргискихъ товаровъ искота .	3698	56 3/4								
	Сазиатскихъ . .	4920	3 3/4								
	Сроссійскихъ привозныхъ воренбургъ товаровъ же ипригоннаго скота полавочныхъидругихъ доходовъ. .	35124	32	43742 втомъ числе серебра 3 п. 60 1/4 з.	92 1/2						
въ 1750	Скиргискихъ товаровъ искота .	1892	47 1/3								
	Сазиатскихъ . .	1233	95 1/4								
	Сроссійскихъ привозныхъ воренбургъ товаровъ же и пригоннаго скота полавочныхъ идругихъ доходовъ	10076	54 1/4	43202 втомъ числе серебра 33 ф. 41 1/2 з.	97	506698	33 3/4	47061	79 1/2	553760	13 1/4
въ 1751	Скиргискихъ товаровъ искота .	1726	41 1/2								
	Сазиатскихъ . .	1059	16 1/4								
	Сроссійскихъ привозныхъ воренбургъ ипригоннаго скота полавочныхъ идругихъ доходовъ .	70042	93	72828 втомъ числе серебра 1 пуд. 2 ф. 13 золот.	50 3/4	950842	96	77026	39 3/4	1027869	35 3/4

		взборѣ пошлинъ: скакихъ товаровъ, настоящихъ таможен. иособливыхъ доходовъ вприходъ вступило. Рубли.	Копейки	ІТОГО. Рубли.	Копейки.	Накакое количество суммы сстороны россійской и дошедшихъ иззаграницы вроссію споншлиною и безпошлинно обращалось вторговле. Отпущено заграницу. Рубли.	Копейки.	вступило иззаграницы. Рубли.	Копейки	ІТОГО. Рубли.	Копейки.
въ 1752	Скиргискихъ товаровъ искота .	3367	41								
	Сазиатскихъ . .	915	31 $^1/_2$								
	Сроссійскихъ привозныхъ воренбургъ ипригоннаго скота полавочнымъ идругихъ доходовъ .	47674	23	52156 втомъ числе золота 75$^1/_4$$^1/_8$ зол. серебра 1 пуд. 7 фун. 15$^3/_4$ зол.	95 $^1/_2$	619938	66	239114	94 $^1/_4$	859053	60 $^1/_4$
въ 1753	Скиргискихъ товаровъ искота .	7169	91 $^1/_2$								
	Сазиатскихъ . .	1226	91 $^1/_2$								
	Сроссійскихъ привозныхъ воренбургъ товаровъ же нпригоннаго скота полавочныхъ идругихъ доходовъ	20756	93 $^1/_2$	29133 втомъ числе серебра 1 п. 39 ф. 21$^1/_2$ зол.	78 $^1/_2$	168912	19 $^1/_4$	385103	73 $^3/_4$	534015	93
Итого съ 745-го по 754 годъ	Скиргискихъ . .	30834	29	289683 втомъ числе золота 75$^1/_4$$^1/_8$ зол. серебра 8 п. 14 ф. 54з.	40 $^1/_4$	3458026	35	1344186	69 $^1/_4$	4802213	4 $^1/_4$
	Сазиатскихъ . .	15312	17								
	Сроссійскихъ товаровъ.	243536	94 $^1/_4$								
въ 1754	Скиргискихъ товаровь искота .	8705	62 $^3/_4$								
	Сазиатскихъ . .	6777	87 $^3/_4$								
	Сотпущенныхъ заграницу россійскихъ товаровъ же полавочныхъ идругихъ пошлинъ	19025	33 $^3/_4$	34508 втомъ числе серебра 3 п. 10 ф. 30$^1/_2$$^1/_8$ зол.	84 $^1/_4$	22123	70	298326	89 $^1/_2$	519350	39 $^1/_2$

А весь ли оной на 3458026 р 35 к. россійской товаръ заграницу стого 745-го по 754 й годъ вышелъ инакакое количество вроссіи осталось точности предуанать и разделить неможно потому что поделамъ воренбургскои пограничной таможне стого 745-го по 754-й годъ достоявія оботрешенія внутренной таможне указа, того *разделенія чинено не было.*

		взборѣ пошлинъ				накакое количество суммы состороны россійской и дошедшихъ иззаграницы вроссію спошлиною и безпошлинно обращалось вторговле.					
		скакихъ товаровъ, настоящихъ таможен. и особливыхъ доходовъ вприходъ вступило.		ІТОГО.		Отпущено заграницу.		вступило иззаграницы.		ІТОГО.	
		Рубли.	Копейки	Рубли.	Копейки.	Рубли.	Копейки.	Рубли.	Копейки.	Рубли.	Копейки.
	Скиргискихъ товаровъ искота .	5406	5 1/2								
	Сазиатскихъ . .	7089	90 3/4								
въ 1755	Сроссійскихъ отпущенныхъ заграницу товаровъ же скота сразнаго хлеба полавочныхъ идругихъ пошлинъ	8624	35	21120 втомъ числе серебра 2 п. 20 ф. 33 3/4 зол.	31 1/4	124597	7 3/4	222367	89	346964	96 3/4
	Скиргискихъ товаровъ искота .	5411	48								
	Сазиатскихъ . .	2787	86 3/4								
въ 1756	Сроссійскихъ товаровъ же идругихъ полавочныхъ доходовъ. . . .	9648	41 1/2	17847 втомъ числе серебра 2 п. 13 ф. 53 3/4 зол.	46 1/4	183810	57 1/2	181204	73	365015	30 1/2
	Скиргискихъ товаровъ искота .	6291	35 1/2								
	Сазиатскихъ . .	3968	40 3/4								
въ 1757	Сроссійскихъ товаровъ же соскота полавочныхъ идругихъ доходовъ.	13869	66	24129 втомъ числе серебра 4 п. 4 ф. 2 3/4 1/8 зол.	42 1/4	282797	73 1/4	320750	68 1/4	603548	41 1/2
	Скиргискихъ товаровъ искота .	9201	50 1/2								
	Сазиатскихъ . .	927	7 3/8								
въ 1758	Сроссійскихъ товаровъ же исоскота полавочныхъ идругихъ доходовъ. . . .	9970	6 1/2	20098 втомъ числе серебра 21 ф. 3 1/4 з.	64 3/4	135252	51 1/2	138658	57 3/4	273911	9 1/4
	Скиргискихъ товаровъ искота .	8149	4 1/4								
въ 1759	Сазиатскихъ . .	3052	37								

		вьборе пошлинъ.				на какое количество суммы состороны россiйской и дошедшихъ иззаграницы вроссiю спошлиною и безпошлинно обращалось вторговле.					
		скакихъ товаровъ, настоящихъ таможен. иособливыхъ доходовъ вприходъ вступило.		ІТОГО.		Отпущено заграницу.		вступало иззаграницы.		ІТОГО.	
		Рубли.	Копейки.	Рубли.	Копейки	Рубли.	Копейки.	Рубли.	Копейки.	Рубли.	Копейки.
	Сроссiйскихъ товаровъ же полавочныхъ идругихъ пошлинъ .	13343	13	24544 втомъ числе серебра 2 п. 6 ф. 12 1/2 1/16 з	54 1/4	133896	74 3/4	135962	43 3/4	274839	1
въ 1760	Скиргискихъ товаровъ искота .	5608	1 1/2								
	Сазиатскихъ . .	7092	79								
	Сроссiйскихъ товаровъ же скота ихлеба полавочныхъ идругихъ доходовъ. . . .	8523	36 1/4	21224 втомъ числе серебра 4 п. 5 ф. 44 1/4 1/16 з	16 3/4	119033	28 1/2	226369	88 1/4	345403	1
въ 1761	Скиргискихъ товаровъ искота .	8760	15 3/4								
	Сазиатскихъ . .	2965	15 1/2								
	Сроссiйскихъ товаровъ же скота ихлеба полавочныхъ идругихъ доходовъ. . . .	9411	37 1/4	21136 втомъ числе серебра 1 п. 23 ф. 13 1/16 зол.	68 1/2	76002	67 1/2	100931	54 3/4	176934	2
въ 1762	Скиргискихъ товаровъ искота .	18066	71 1/4								
	Сазиатскихъ . .	7104	70 1/2								
	Сроссiйскихъ товаровъ же ихлеба полавочныхъ идругихъ доходовъ. .	15623	89 1/2	40795 втомъ числе серебра 4 п. 10 ф. 35 1/4 1/8 1/16 з	31 1/4	162827	65	156423	51 1/2	319251	1
въ 1763	Скиргискихъ товаровъ искота .	18303	59								
	Сазиатскихъ . .	3402	46 1/4								
	Сроссiйскихъ товаровъ схлеба искота также полавочныхъ идругихъ доходовъ .	13810	38 3/4	35516 втомъ числе серебра 2 п. 13 ф. 13 1/2 1/16 з.	44	125987	62 3/4	158916	65 3/4	284904	2

		взборе пошлинъ.				накакое количество суммы состороны россiйской и дошедшихъ иззаграницы въ россiю шпошлиною и безпошлинно обращалось вторговле.					
		скакихъ товаровъ, настоящихъ таможен. и особливыхъ доходовъ вприходъ вступило.		ІТОГО.		Отпущено заграницу,		вступило иззаграницы,		ІТОГО.	
		Рубли.	Копѣйки.	Рубли.	Копейки.	Рубли.	Копейки	Рубли.	Копейки.	Рубли.	Копейки.
въ 1764	Скиргискихъ товаровъ искота .	14415	73 3/4								
	Сазиатскихъ . .	5138	6 1/2								
	Сроссiйскихъ товаровъ же полавочныхъ идругихъ пошлинъ .	12900	95 1/4	32454 втомъ числе серебра 2 п. 23 ф. 30 3/4 1/16 з.	75 1/2	122640	66 1/2	149387	88	272028	54 1/2
въ 1765	Скиргискихъ товаровъ искота .	10616	76 1/4								
	Сазиатскихъ . .	4652	75 3/4								
	Сроссiйскихъ товаровъ искота полавочныхъ идругихъ доходовъ .	12203	70	27473	22	93984	56 1/2	96005	11	189989	67 1/2
въ 1766	Скиргискихъ товаровъ искота .	13179	21 1/4								
	Сазиатскихъ . .	7588	69 3/4								
	Сроссiйскихъ товаровъ же искота полавочныхъ идругихъ доходовъ.	12417	4	33184 втомъ числе серебра 4 п. 6 ф. 5 1/8 зол.	95	102352	44 1/4	140937	53	243289	97 1/4
въ 1767	Скиргискихъ товаровъ искота .	20534	19 1/4								
	Сазиатскихъ . .	2453	22 3/4								
	Сроссiйскихъ товаровъ же искота исразнаго хлеба полавочныхъ идругихъ доходовъ.	14295	23 1/2	37282 втомъ числе серебра 1 п. 10 ф 70 1/2 1/8 з.	65 1/2	108246	41 3/4	150185	74	258432	15 3/4
въ 1768	Скиргискихъ товаровъ искота .	25935	24 1/4								
	Сазиатскихъ . .	16777	58 1/8								

		въборе пошлинъ.				накакое количество суммы сстороны россiнской и дошедшихъ иззаграницы вроссiю спошлиною и безпошлинно обращалось вторговле.					
		скакихъ товаровъ, настоящихъ таможеп. и особливыхъ доходовъ вприходъ вступило.		ИТОГО.		Отпущено заграницу.		вступило иззаграницы.		ИТОГО.	
		Рубли.	Копейки.	Рубли.	Копейки.	Рубли.	Копейки.	Рубли.	Копейки.	Рубли	Копейки.
	Сросiнскихъ товаровъ жеразнаго хлеба полавочныхъ идругихъ доходовъ . . .	22335	22 1/2	65048 втомъ числе серебра 8 п 39 ф. 63¾ 1/16 з.	5 1/4	158755	77 1/2	246434	88	405190	65 1/2
	Скиргискихъ товаровъ искота .	22434	46 3/4								
	Сазиатскихъ . .	23007	49 3/4								
въ 1769	Сроссiнскихъ товаровъ же сразнаго хлеба полавочныхъ идругихъ пошлинъ	19108	8 1/4	64550 втомъ числе серебра 9 п. 31½ ⅛ фунт.	4 3/4	237232	22 3/4	264059	92 3/4	321292	15 1/2
	Скиргискихъ товаровъ искота .	15959	48 1/4								
	Сазиатскихъ . .	13943	44								
въ 1770	Сроссiнскихъ товаровъ же разного хлеба полавочныхъ идругихъ доходовъ. . . .	13936	49 3/4	43839 втомъ числе серебра 1 фунтъ 77¼ ⅛ 1/16 зол.	42	155588	42 1/4	170028	29 3/4	325616	72
	Скиргискихъ товаровъ и скота .	24055	91								
	Сазиатскихъ . .	9517	61 1/4								
въ 1771	Сроссiнскихъ товаровъ же сразъного хлѣба полавочныхъ и другихъ пошлинъ .	15499	20	49072	72 1/4	171194	38 1/2	188390	94 1/2	359855	33
	Скиргискихъ товаровъ искота .	29276	94 1/4								
	Сазиатскихъ . .	16836	44								
въ 1772	Сроссiнскихъ товаровъ же соскота исразнаго хлеба полавочныхъ идругихъ доходовъ.	18310	54	64423	89 1/4	285335	51 1/2	244592	74 1/4	479928	25 3/4

		взборе пошлинъ.				накакое количество суммы сстороны россiйской и дошедшихъ иззаграницы въ россiю шпошлиною и безпошлинно обращалось вторговле.					
		скакихъ товаровъ, настоящихъ таможен. иособливыхъ доходовъ вприходъ вступило.		IТОГО.		Отпущено заграницу,		вступило иззаграницы,		IТОГО.	
		Рубли.	Копѣйки.	Рубли.	Копейки.	Рубли.	Копейки	Рубли.	Копейки.	Рубли.	Копейки.
въ 1773	Скиргискихъ товаровъ искота .	28839	85 $\frac{1}{4}$								
	Сазиатскихъ . .	9043	49 $\frac{1}{2}$	55144	94 $\frac{1}{4}$	199732	18	204788	46 $\frac{3}{4}$	404520	64 $\frac{3}{4}$
	Сроссiйскихъ товаровъ же соскота иразного хлеба полавочныхъ и другихъ доходовъ.	17261	59 $\frac{1}{2}$								
съ 1774 по 1-е число декабря.	Скиргискихъ товаровъ искота .	4785	68 $\frac{3}{4}$								
	Сазиатскихъ . .	7540	82 $\frac{1}{2}$	15875	7 $\frac{1}{4}$	61047	39	64378	64 $\frac{3}{4}$	125426	3 $\frac{3}{4}$
	Сроссiйскихъ товаровъ же отпущенныхъ заграницу полавочныхъ идругихъ пошлинъ	3548	56								
итого съ 754-го по 774 годъ декабря по 1-е число.	Скиргискихъ . .	303936	73	749271	56 $\frac{1}{2}$						
	Сазиатскихъ . .	161668	23 $\frac{1}{4}$	втомъ числе серебра 56 п. 30 ф 76$\frac{1}{2}$ зол.		3233609	56 $\frac{3}{4}$	3859102	98 $\frac{1}{4}$	7092712	55
	Сроссiйскихъ товаровъ	283666	60 $\frac{1}{4}$								
всего сначавшейся во ренбурге сазiатскими народами торговли то есть съ 745-го по 1-е. число декабря 774 года взборе пошлинъ	Скиргискихъ товаровъ искота .	334771	2								
	Сазиатскихъ . .	176980	40 $\frac{1}{4}$	1038954 втомъ числе дошло казне золота 75$\frac{1}{4}\frac{1}{8}$ з. серебра 65 пуд. 5 фун. 34$\frac{1}{2}$ зол.	96 $\frac{3}{4}$	6691635	91 $\frac{3}{4}$	5203289	67 $\frac{1}{2}$	11894925	59 $\frac{1}{4}$
	Сроссiйскихъ товаровъ же пригоннаго скота иразнаго хлеба полавочныхъ идругихъ доходовъ	527203	54 $\frac{1}{2}$								

Отъ 770-го года понеимению уазиатцовъ серебра принадлежащая сниxъ затовары пошлина брата была россiйскими деньгами.

Къ страницѣ 845 и 846-й.

Письма о предполагавшемся бунтѣ казанскихъ татаръ въ 1748 году были присланы въ Сенатъ въ нижеслѣдующихъ копіяхъ [1]).

1) „Въ писмѣ, писанномъ къ Андрею Нестеровичу (коего писма въ надписи подписано тако) Государю моему дядюшкѣ Андрею Нестеровичу, его честности Нѣслову почтенно, і по написаніи прочихъ партикулярныхъ благодареній и прошеній, во окончаніе написано тако: Еще Государь прошу насъ увѣдомить, что нѣтъ-ли извѣстія въ Казани, а мы слышали отъ людей, что хотятъ татары на масленой бунтовать за Камою и въ иныхъ мѣстахъ, а подлиннаго извѣстія не имѣемъ. Покорно мой Государь прошу обо всемъ увѣдомить. Симъ окончавъ, остаюсь покорный Вашъ слуга Моего Государя „Логинъ Логиновъ нижайше кланяюсь“.

2) *Полянскому:* „Разсужденіе прорицательнаго плача Казанскія царицы въ ҂ЗѮА годъ октября Г дня по взятье города Казани. Будетъ Казань за татары; по-русски лучше не могу толмачить. Я былъ самъ татаринъ, нынѣ крещеный, а татарски (sic) ладна и складна, а по-русски будетъ Казана взята черезъ тридцатное и еще Г, и еще Г, и еще Г годовъ, то какъ будетъ ЛѲ годовъ перво время въ ҂ЗР году“.

„Другое время и пора черезъ тритцать девять годовъ въ ҂ЗРЛѲ году; третья пора и время черезъ тритпать девять годовъ въ ҂ЗРОИ году. Четвертое время черезъ ЛѲ годовъ въ ҂ЗѲЗІ году. Я помню татары тогда Казань хотѣли взять, съ ..огъ зачали и уѣздъ разоряли“. А нынѣ хотятъ воевать съ головы зачать, въ Казани всѣхъ до малаго робенка перерубить и розделя добычу, по ногамъ и по рукамъ идти, то есть по уѣзду всѣхъ рубить и того ожидать черезъ ЛѲ годовъ.—Д҃ время прошло, а пятое нынѣ приходитъ въ ҂ЗѲНЅ году. Нада опасенье имѣть въ началѣ сего года, по рожденіи мѣсяца, марта въ третій день, въ отдачу вечернихъ часовъ, а то время случится вновь на чистой понедѣльникъ, а то будетъ отъ татарской слободы; и тѣмъ погубленіемъ русскихъ избудутъ крещенья и платежа несноснаго подати, и у татаръ нынѣ имѣется острой

---

[1]) Копіи съ настоящихъ писемъ доставлены автору настоящей монографіи сенаторомъ Г. К. Рѣпинскимъ.

и крѣпкой помыселъ, чего очень въ семъ году христіаномъ въ Казанѣ опасатца отъ напраснаго погубленія. Я бы себя объявилъ, да боюсь татаръ. И сего письма никому не таить и начальникамъ явить".

„На конвертѣ, въ коемъ оное письмо вложено, надпись такова: Гдрю Михаилу Григорьевичу Гдну секретарю Палянскому изъ Москвы въ Казань. Оный конвертъ запечатанъ краснымъ сургучемъ, а вмѣсто печати припечатанъ орломъ ходячей денежки".

3. *Маматову.* А—разсужденья прорицательнаго плача казанскія царицы въ ҂ЗѮА году октября Г дня по взятьѣ града Казани. В.—По русски не умѣю лучше растолмачить татарски слова, будетъ Казань за татары черезъ Г десятка, и еще Г, и еще Г, и еще Г, просты годы означить оны слова ЛѲ годовъ.

Г.—Перво время въ ҂ЗР году
Друго время въ ҂ЗРЛѲ
Третье время въ ҂ЗРОИ
Четверто время въ ҂ЗСІЗ
Пято время въ ҂ЗСНЅ

} время ЛѲ года . . . . . } я помню разоряли Русь.

Д. Нада опасенье имѣть въ началѣ сего года, по рожденіи перваго м-ца марта Г дня въ отдачу вечернихъ часовъ.

Є.—Пережь зачали брать Казань съ ногъ, по уѣзду, а нынѣ, чаю, зачнутъ съ головы Казань въ Г часа, что ни одного русскаго не оставятъ.

Ѕ. Итѣмъпогубленьемъизбудутъ крещеньяи несноснаго платежа.

З. И у татаръ въ слободѣ и уѣздѣ идетъ охотной острой, и крѣпкій помыселъ.

И.—Я бы за это былъ бы отъ русскихъ съ великими, коли бы самъ явился, да татаръ боюся.

Ѳ.—Кто сіе найдетъ, не мѣшкавъ начальникомъ явить, не таить.

І.—Татары говорятъ: лучше умереть, нежели креститца, а до т крещенья отъ подати разоритца."

„На конвертѣ, въ коемъ оное письмо вложено, надпись такова: Гдрю Александру Алексѣевичу гдну полковнику Мяматову изъ Москвы въ Казань". Оный конвертъ запечатанъ краснымъ сургучемъ, а вмѣсто печати припечатанъ орломъ ходячей денежки".

(Дѣло ех-секретной Камеры № 9482, въ Сен. Архивѣ).

Переводъ учиненной воренбургской губернской канцеляріи присланнаго воонную при репортѣ изъ Уфимской правинціальной канцеляріи Сентября 15 числа 1755 году татарского писма вкоемъ значитъ

Я Абдулла Мягзялдинъ уповая на Бога імилость пророка, о послѣдуя стезям потомковъ ево учениковъ, воспоминаю и вразумляю вышшѣе повеленіе вамъ вроссійском государстве живущим іотневѣрныхъ россіанъ разными нападками и коварствами обидимым и пришедшим воизнеможеніе інесостояніе івтом пребывающим правовѣрным слѣдующим образом

Знаитѣ и чювствуйтѣ каким мы ссторони невѣрныхъ россіанъ крамоламъ бедам печалем и горестям и раскаяніям подвержены, и наконецъ оставя правой нашей вѣры славные ідобрые дѣла всуетных неподобныхъ и развратныхъ обращаемся и презря узаконеніе праотцевъ и отцовъ и ахуновъ—вѣры нашея и обетованіе правовѣрным пророка нашего безвсякой нужды імъ невѣрным іобидящим россіанам поддались и собственным другъ надруга коварством сварами и раззореніем имъ невѣрным россіанам впослушаніе подверглись и поднявъ ихъ невѣрную руку кподкрепленію вѣры ихъ сами притчиною здѣлались, а свою правую и держащих оную въ уничтоженіе іукоризну привели.

А понеже вамъ есть вѣдомо да їискнигъ откровенно а нескрытно, во время прошедшее наши Болгарцы правовѣрные будучи все водномъ согласіи идолопоклонниковъ и вправовѣрие ісоюз для помощи и силы своей однимъ своимъ толко ученіемъ приводили, даионымъ невѣрнымъ іобидящим россїанам за нарушеніе іми мѣждоусобного обещанія їво время намѣренія їхъ противъ нашихъ правовѣрныхъ квозстановленію крамолы и разорения ниже обявленное учинено; а имянно: все болгарскїе правовѣрные совѣщався и согласясь единодушно прося помощи у истинного великого івышняго Бога і положа надежду свою їупованіе нанего единого и представя ему ходатая пророка Мухаммея облеклись ввоенное оружїе и вседши на военных лошадей на нихъ поганцовъ невѣрных выезжали, їихъ губили і многихъ мечем и копїемъ умерщляя души ихъ невѣрных вгеенну посылали и притомъ многихъ же их невѣрныхъ россіанъ Черемисъ Вотяковъ и прочих стра́хом во правовѣріе приводили, что нескрытно їбо

їнынѣ тѣхъ родовъ вправѣрной нашей вѣре пребывающія есть.. и такимъ образомъ тѣ предки наши препроводя жизнь свою впокое їблагополучїи отсего свѣта пресилились и вбожіе упокоеніе приобщились, а и отпослѣдующихъ имъ вѣчную їблагую память и похвалу воспрїяли; которым сицѣ глаголется, вѡблагом житіи ввеселіи ївщастїи жизнь свою изнурившие они сего свѣта преселившіяся.

Да нескрытно же їто, что івсим краю отнихъ невѣрныхъ россіанъ отпостроенія города Оренбурга по нынѣ мѣжду нарицаемым правовѣрнымъ нашимъ народомъ, какія неистовства и разореніи явились а имянно: нѣкоторые изнарицающихся правовѣрными со оными невѣрными россїанами учинились единодушными їихъ невѣрные войска вжилищахъ своихъ содержать допустили и правовѣрной свой народ, тотъ, которой по примѣру дедовъ їотцовъ своихъ нежелаетъ быть їм невѣрнымъ россіанам впослушаніи и печется о жилище своем разорять и їменіе ихъ грабить, а дѣтей мужескъ и-женскъ полу впленъ и вслуги брать подвергли; которые многихъ правовѣрныхъ и распродали и раздарили; итакъ спонощеніемъ сгубили, вѣдомо же есть исіе что некоторыя ї изнашихъ придержащіяся россїаном по суевѣрію своему помянутых правовѣрных нашихъ башкирцовъ дѣтей мужеска и женска полу слугами и служанками учиня вработу употребили и девокъ беззаконного брака насилно наложницами учинили, а сами правовѣрными себя быти мнятъ; однако таковые нѣесть правовѣрные но невѣрные і отступники, ибо сему есть довод сказанной тако, яко вжестокости пребывающей поганецъ неможетъ никакъ вѣрным себя учинить нынѣ же некоторые нечестивые называющіяся старшинами всуевѣріи пребываютъ и надѣяся на невѣрных россіанъ присовѣтныхъ беседахъ не толко правовѣрным требуемаго совѣта недаютъ ївъ ихъ несостояніи помощи недѣлаютъ, но еще іналагаемые отневѣрныхъ подати їналоги чиненные принимая за благо їх правовѣрных отягчаютъ. нескрытно же есть что когда оные невѣрные изнасъ правовѣрныхъ на некоторых осмигривенной, а некоторыхъ ідватцати пяти копѣешной оклад налагали, тогда оные старшинами называющіяся по нечестию своему пекущихся вползу ї благоденствіе правнвѣрных їмѣющихъ согласіе їнамѣреніе кдаче їм невѣрным отвѣта учиня імъ насильство и поимавъ отдали тѣмъ невѣрным росіанамъ, откоторых они бѣдные поруганы і изгублены; какое

же благо і какой плод быть можетъ втом народе, которой между собою неимѣетъ союза, но оной кгибели своей сам причиною, какой же покой ї какое благоденствіе тотъ народ получитъ; которой пребываетъ между невѣрными жилищами; їмѣетъ постановленных надсобою нечестивых старшинъ, вѣрность являющих невѣрным їотставя своихъ законныхъ правовѣрных судей їученых людей требуютъ суда оттѣхъ неискусных нечестивцовъ старшинъ, откоторыхъ получая тщетной суд імня ему быть їстинну лихоимственно їменіе собираютъ інныхъ же позволенную отбога плату удерживаютъ.

Что всѣм вамъ вѣрным і исповѣдующимъ единаго Бога предложа совѣтую отвышеписанныхъ дѣлъ ї непотребных дѣйствъ отстать; то есть сневерными россіанами всогласіи не быть, правовѣрныхъ не разорять и кровь ихъ не проливать, їменія не грабить їсамихъ вслуги ївпленъ неимать їим невѣрнымъ россіанамъ головами вашими їименіемъ вовсякой службѣ то есть на службѣ влопатничьей работѣ не быть їим невѣрным городовъ не строить і неутверждать, їихъ отжила дожила, іотгорода до города на подводах вашихъ невозить, ясака и фуражу не давать і наземляхъ иводахъ іскони дедам їотцами вашими владѣющихъ им невѣрнымъ города крѣпости їзаводы строить воли не давать, ивдругихъ службахъ їимъ ненахадится,—їкподнятию руки ім невѣрнымъ способа недавать, и правовѣрной народъ отбезчисленных обидъ іналогъ защищать и правой вѣре нашей день отдни померцать іхулить недопускать, а о прежнемъ своем втом погрешеніи принесите ваше покаяніе їтѣм испросите оставленіе и возимѣйте надежду на истинного великого івышняго Бога, которой есть щедръ їмилостивъ їможетъ намъ правовѣрнымъ вославу и возвышеніе вѣры нашея изрядныхъ наднами духовныхъ опекуновъ определить, а имѣющихся у насъ поставленныхъ отневѣрныхъ нечестивыхъ старшинъ изсреды насъ извергнуть їнам благословеніе благодать помощь їсилу подать іденъ отдня правую нашу вѣру укрѣпить, какъ о сем собственным языком Богомъ ізбранной пророкъ нашъ рекъ сице: вы мое стадо просите от Господа вашего оставленія греховъ вашихъ іпотом принесите ему покаяніе ваше, которой зато снебеси низспослетъ на пашни ваши дождь многъ їумножитъ силу вашу, їнадругом мѣсте чрезъ пророка ноя сказано что за прошеніе отпущенія греховъ іпокаяніе бываетъ отбога благодать іумноженіе рода, помощь сила

и крѣпость; и вѣдайте что покояніе ссокрушеннымъ сердцем всякаго греха дѣлаетъ человѣка свободна іупокоенна ныне івбудущем вецѣ. ітако вам вѣрующим—іисповѣдующим единого Бога овышепомянутых неподобных раззорительных невѣрным приличныхъ прелестныхъ дѣлахъ надлежитъ принесть покаяніе іпросить отпущенія, таким образом что мы невѣрным россіанам были впослушаніи іпокореніи итѣм правовѣрным людям и правой вѣре своей вредъ и хулу нанесли, вминувшѣе уже время, аотнынѣ уже тѣмъ невѣрным впослушаніи івпокорности быть неимѣмъ іпотомъ дѣйствително кнепослушанію іпепокоренію іимъ невѣрным иприступим, и правовѣрным нашим и правой вѣрѣ нашей доселе приключавшейся вредъ і хулу отвратим, а понеже мы івпрошлых годех будучи вразно імъ невѣрным службѣ лишились головъ своих іменей земель іжилищъ такожъ многія ізнасъ претерпели напасти и страсть і многіяжъ печали ігоресги, то подобно тому інынѣ для правой нашей вѣры и для правовѣрных души свои іголовы положить імение и протчее істратить не пожалѣем те, ібо кто здѣсь для правой вѣры своей постраждетъ ічто претерпитъ то всѣ вменится ему вслужбу богу, а втѣсто того вдень возстанія мертвым дадутся тому аще богъ восхощетъ райскіе степени;

вы други мнѣ вѣрные чистую вѣру кбогу імѣющіе старайтесь, старайтесь, старайтесь, военныхъ лошадей и оружие приготовляйте, сабли копья луки стрелы ивсякіе ктому принадлежности по возможности своей припасайте ібожію повеленію повинуйтеся, откотораго попрося помощи іположа на него надежду нашу і упованіе іпредставя ему ходатая себѣ ізбранного пророка нашего Мухаммета, оныхъ невѣрныхъ россіанъ раззорять начнемъ те іихъ ісземли своей ізженем ісгубим те івжилищахъ своихъ мечети іучилищи построимъ и правыя нашея вѣры ко укрепленію попечемся, ібо вказанской губерніи ізбедныхъ нашихъ казанского симбирского ісвияжского уѣздов спять тысячь іли болѣе человѣкъ отнасилія іобид іхъ невѣрныхъ россіанъ пришедъ воизнеможение інесостояніе іхъ невѣрныхъ вѣру воспріяли, токмо із нихъ некоторые оную притворно імѣютъ а самымъ сердцем нашу вѣру держатъ і ждутъ когда правовѣрные надними невѣрными руку прдымут тогда іони затоежъ нашу правую вѣру головы положить идуши испустить неоставятъ, ітако оныхъ бѣдных втаком состояніи і плаче живущихъ о избавленіи попечемся, яко

нам вѣрным непристойно есть ни единого правовѣрнаго оставлять ікпоношенію допускать, вы сами изволите взять вразсужденіе давъ волю имъ невѣрным сколко человѣкъ нашихъ правовѣрныхъ неимѣя ниединого себѣ помощника, погибло. іещели отнихъ невѣрных впередъ добра ожидаете, которые начальника вѣры нашея и пророка Мухаммета врагом почитаютъ, а снамили дружно пребывать будутъ; они градъ болгарской опустошили и правовѣрных нашихъ ізженули, мечети раззорили, а вмѣсто того свои построили для проповѣданія своей суетной вѣры, а наконецъ деревнили наши такъ оставятъ, іли кпостроенію мечетей їли коукрепленію правовѣрия нашего способ дадутъ,

вы вѣрующіе іисповѣдующіе единого Бога будте вѣдомы, что они невѣрныя россіаня разными умыслы ілестию імногими подарками киргисъ каисаков обманули, і сына Абулгаира хана отнихъ снекоторыми служителями въ аманаты ксебѣ вгород Оренбургъ взяли, втаком предпріятіи чтоб чрезъ него всехъ іхъ киргизъ каисаков ксебѣ вподданство привесть, іпомом день отдни между іми вмещатся і построя на земляхъ іхъ города и крѣпости їхъ ізгнать ітѣмъ побѣду получить, такъ какъ они іуфимского уѣзду на роду учинили та-кожъ іближнія правовѣрныя города, яко то Ташкентъ, Бухарию и протчия раззорить і надправовѣрными побѣду получить желаютъ, такъ какъ они і надболгорским нашимъ градом сдѣлали даикооренбургу подчиненныхъ нашихъ правовѣрных отягча многими податми и дѣлами и приведя воизнеможеніе, всуютную свою вѣру привѣсти хотятъ, такъ какъ інадпочиненными вказанѣ учинили и нынѣ чинятъ іихъ невѣрныхъ россіанъ желаніе втомъ состоитъ, ежели б ихъ была возможность тобъ они водно время всехъ живуших вгосударстве ихъ правовѣрныхъ, наложа на нихъ несносные тяжкие подати і приведя іхъ внесостояніе всвою суетную вѣру силно привели, однако ктому чтоб то вскоре учинить столко силы іхъ невѣрныхъ недостаетъ; а притом и страхъ імѣютъ и разсуждаютъ что ізтого Уфимского уѣзду всехъ четырехъ дорогъ народ правовѣрной сообщась скиргизъ каисаками могутъ возстать и свой правовѣрный мечъ поднявъ ихъ россїанъ раззорять і ксебѣ впомощь испротчихъ правовѣрных градовъ войска іспросить, какъ то ївпрошлом году они невѣрные страхъ воизмѣли по той приттчине когда провѣдали они четырех дорогъ народа правовѣрного тайное мѣжду собою о выездѣ краззоренію іхъ невѣрныхъ совѣ-

тованіе — їксообщенію скиргизъ каисаками согласие, и то чрезъ некоторых вышеупомянутых же нечестивыхъ старшинъ, іхотя о томъ свѣдали, однако же ничего неспроворили за невозможностию ихъ коотвращенію оттого. но по прежнему своему обыкновенію умышленно ілестно къ успокоенію іхъ старались единымъ токмо оплошных вѣрных нашихъ обманом то есть сбашкирцов і мещеряковъ сложеніем ясака їснекоторых товаровъ пошлины и речных перевозных денегъ іотложеніем заставъ, не толко водномъ уфимском нои вближних кооному другихъ уѣздахъ втотъ видъ чтоб уфимского уѣзду всехъ четырех дорогъ народ то почел ксебѣ за милость государеву іслужилъ, ітакъ онои іззатого паки остался втерпеніи бездвиженія, однако многія іскудного разума іоплошные люди сей їхъ невѣрныхъ умыселъ і обманъ наконецъ узнали и за то ихъ невѣрныхъ таким образом надними чиненное наруганіе пришед правовѣрной народ нашъ всердце и ревность, алчетъ їхъ невѣрных тѣло есть и жаждетъ ихъ кровь пить, для того хотя оные невѣрные какъ выше упомянуто івпали было встрахъ, токмо предпріятіе свое іволю исполнили; то есть іcказны Божіей получаемую ізгоръ іозеръ соль брать воспретили, а исказны своей покупать принудили, інасилно іздревле завотчинные земли платимой ясакъ платежемъ отставили івтомъ взяли снасъ подписку чтобъ мы тое соль іcказны покупали, а вмѣсто того ясакъ неплатили, которую подневолею, а якобы снашимъ удовольствіемъ іволею ідали, приложа кооной руки ітамги: їзсего явно учинилось, что отнасъ іcказны Божией получаемая на илекѣ ис озер соль і попрежднему примеру землями и водами владеніе стало быть отрешенно ізатѣм втѣ земли іводы приступать и держатся нам резону неосталось.

Еще будте вѣдомы что оныя невѣрные россіаня хотятъ послать войско на киргизъ каисаков існим насъ для раззоренія ихъ за недачу імиясака ізанеподданство всехъ іхъ, втаком предъпріятіи и желаніи чтоб поприведеніи ихъ киргизцовъ всехъ вподданство насъ всредине іхъ оставить ідень отдня нам притесненіи чинить існими киргизцами, поссоря, кровь пролить ивпредь сними имѣющей нами миръ и согласие опровергнуть и возстановя мѣжду нами сними крамолу надежду нашу и вѣрность книмъ имѣющую уничтожить; и сие бы дѣло оные невѣрные вскоре учинили токмо імѣютъ страхъ, оттого что правовѣрные сообщась сними киргизъ каисаками могутъ вооружится і на них

россїанъ напасть, вразсужденіи чего оные невѣрные івсегда пребываютъ.

Вы вѣрующіе іисповѣдующіе единого Бога юноши істарые конные іпешие собирайтесь и выезжайте споспешеніемъ не жалейте тѣла іимѣнія своего а повинуитеся Божию повеленію какъ онъ изволил чрезъ пророка рещи: вкуране какъ то выше сего упомянуто, а притом вы вѣруюпціе не боитесь інестрашитесь оттѣхъ невѣрныхъ а уповайте крѣпко на Бога, ібо ежели Богъ намъ поможет, то никто не можетъ наднами побѣды получить, какъ то самъ Богъ вкуранежъ повѣлелъ когда одно дѣло по согласію дѣлать вознамѣритеся, тогда втом упованіе ваше на Господа своего возлагайте, которой уповающих на него цѣлых учинитъ и другами себѣ возимѣетъ, еще повелел ежели Богъ вам поможетъ то не будетъ надвами побѣдителей, а ежели Богъ оставитъ васъ то кто вамъ помощи подастъ. по оставленіи Божіемъ, тако імы вѣрные упованіе наше возложим на Бога.

Вы же вѣрующія нестрашитеся інемните что насъ правовѣрныхъ мало а ихъ невѣрныхъ россіанъ много ічто мы противъ іхъ возстать не можемъ, для того понеже вкуране Божіемъ повелено дотоле не устрашитъ васъ множество войска доколе оно отвасъ никакой вѣщи не отторгнетъ, ібо оного іпространное на васъ мѣсто будетъ во время вашего побѣга тесно, іеще повелелъ хотя вѣрующихъ імалые будутъ полки а невѣрныхъ многие однакожъ вѣрующіе за свою вѣру наднevѣрными побѣду получатъ Божіею помощію івспоможеніемъ яко онъ терпящимъ силу іпомощь подаетъ, іпаки повелелъ ежели ізвасъ прибою іумерщвленіи будетъ терпящих числом дватцать оные побѣду могутъ получить над двумя стами тѣхъ суевѣрныхъ, і такой противъ врага каждой терпелъ іне отступалъ да іизбранной нашъ пророкъ Мухамметъ повелелъ побѣждены не будутъ двенатцать тысящь отмалости когда будетъ внихъ слово и согласіе едино ітако інам надлежитъ сними невѣрными россїанами квоспротивленію подвизатся, ивидя іхъ войска множество нестращится іподвига своего не оставлять ібо насъ числомъ несдвенадцать тысячь быть номного сотъ тысячь набратся можетъ, аще Богъ восхощетъ, для того что я бедной Мягзалдинъ, оренбургской губерніи башкирскаго імещеряцкого народовъ сдостойными і хорошими людми, осем уже переговаривалъ існосился, тайность ісостояніе другъ друга познали, которые находятся водномъ словѣ, і усерди чтобъ

положить за вѣрную нашу вѣру головы свои ідушъ лишится стаким при тсм отнихъ выговоромъ что они душъ своихъ каждой яко мухъ непожалеютъ и ждутъ, а хотя измещеряковъ несколко нечистивыхъ іпо нынѣ вжилище ихъ невѣрныхъ інаходится іим ввѣрности будучи нашим правовѣрнымъ обиды інасиліе чинить отваживаются но толко іхъ мещеряковъ настоящіе правовѣрные говорятъ чтоб напередъ ихъ нечестивцовъ побить, для того что оные нам свои мятежники, но совсемъ тѣм ихъ правовѣрных слова и вѣрность свѣрою нашею ізаконом сходственны. какъ то сам богъ вкуранѣ ісобственно ізбранной ево пророкъ Мухамметъ повелѣваютъ на нихъ нечестивыхъ возставать, да и все ученые люди ктому согласуютъ,

Еще знайте что и-киргизъ каисаки снами водномъ слове ісовѣте состоятъ, да отпроччих правовѣрныхъ градовъ імъ невѣрнымъ россіанамъ внынѣшнемъ времени боязнь і страхъ есть, ітако вы правовѣрные ізволтѣ надѣятся что аще богъ восхощетъ то мы отнего помощь получимъ іправую нашу вѣру укрепимъ

Миръ да буди вам правовѣрнымъ, ізатѣмъ ізволте знать івѣдать что я Абдулла Мягзялдинъ всехъ четырехъ дорогъ народа правовѣрного, состояніе ітайность какь вышеупомянуто развѣдал іпозналъ іизоного снекоторыми попечителми, учеными ісмышленными іподлыми людми совѣтовал іусловясь срокъ предположили чтоб всим 1755-мъ году послѣ праздника и разговенья нашего, то есть Іюля І-го числа возстать іпослѣдуя стезям пророка нашего і повинуяся повеленію Божию устроя себя ввоенном оружіи іхъ невѣрныхъ россіанъ раззорять, во славу бога івчесть возлюбленника ево приступим те, ібо вовсе стороны писма івѣсти отнасъ разосланы, чтоб квышепомянутому назначенному дни ізготовились івыезжали.

Да ивам вправой вѣре пребывающим малым і большим надлѣжитъ квышеупомянутому постановленному сроку приготовлятся іне препятствовать ни одного дни їничаса, кромѣ того положенного дни непродолжатся, понеже тому сроку препятствие и продолженїе сочинить можетъ правовѣрнымъ несогласіе и раззореніе, а неверным укрепленіе і кподнятию руки вспособъ, і тако вы вѣрующіе пожалуйте старайтесь, старайтесь, старайтесь, ітакой учиненной справовѣрными секретъ советъ ісогласия іпредположеніе термина не упускайте, іто себѣ за благополучие і щастие признавайте ібо отсколкихъ лѣтъ мы правовѣрные

другъ сдругом тайно несовѣтовали, анынѣ такъ сообщились исие благополучие іщастие не губите и руки своей неоткладывайте додругаго совѣтованія і предположенія термина ібо невѣдомо какие мѣжду того мятежи явится могут. токмо держитеся одному вышеписанному предположенному послѣ праздника и разговенія тоесть Іюля І-го дня термину, а ежели прежде того термина оные невѣрные россіаня сіи їмѣющія мѣжду нами обстоятельства свѣдаютъ ібудутъ какое худо чинить, то есть ежели кнамъ полки пошлютъ іпротчїе тому подобные дѣиства чинить, тогда мы ниединого правовѣрнаго своего оставить не должны, но втаком случае інедожидаяся того термина выезжать, іположа упованіе свое на вышняго великого Бога дѣло военное начнем те, вчемъ нам аще онъ Богъ восхощетъ поможетъ.

Сие благословенное писмо послано кживущимъ на сибирской дорогѣ правовѣрным, которое їзволте разсмотреть іктому положенному дѣлу приготовлятся і неплошится,

Сие писмо кому вруки ни попадетъ, изволте ево отжила дожила немецкая возить дабы наши правовѣрныя не вѣдая въ оплошности не были, їсие писмо ітайность отнихъ невѣрных и вѣрныхъ ім нашихъ нечестивцовъ скрывали, а затѣм всехъ васъ вѣрующихъ сам Богъ да защитникъ іподастъ получить вам желаніе ваше.

На сихъ дняхъ іотсалтана турецкого ізтуркїи силные войска на астрахань пришли для воспротивленія іумерщвленія оныхъ невѣрныхъ россіанъ, да и еще какъ слышно імнително їдутъ [1]).

---

[1]) Просматривая подлинныя дѣла и переписку о башкирскомъ бунтѣ 1755 года, хранящіяся въ Сенатскомъ Архивѣ, я встрѣтилъ реэстръ разныхъ бумагъ и «возмутительныхъ писемъ» Батырши, переданныхъ изъ Сената 5 декабря 1756 г. за № 1915 въ Тайную Канцелярію. Узнавъ, что дѣла Тайной Канцеляріи, уничтоженной при Петрѣ Ш, хранятся въ Государственномъ Архивѣ, я обратился съ просьбой о содѣйствіи мнѣ въ данномъ случаѣ къ сенатору Г. К. Рѣпинскому, который, благодаря любезности Н. А Губбенета, розыскалъ воззваніе Батырши и выслалъ мнѣ съ него копію въ томъ видѣ, въ какомъ она напечатава въ приложеніи къ настоящему труду. Дѣло о Батыршѣ въ Госуд. Архивѣ отнесено въ VII разрядъ № 1781 и озаглавлено покойнымъ академикомъ Пекарскимъ такъ: „О возмутителѣ въ Башкиріи муллѣ Абдуллѣ Мягзялдинѣ, или Батыршѣ; 1756 г.“ Оно заключается въ 5 частяхъ (или картонахъ). По требованію Канцеляріи Тайныхъ розыскныхъ дѣлъ, дѣла о Батыршѣ были доставлены въ оную изъ Сената, при указѣ отъ 5 декабря 1756 г. за № 1915. Общая оболочка этихъ дѣлъ, вѣроятно, сдѣланная въ Тайной Канцеляріи, слѣдующая: «Присланныя изъ Сената о Батыршѣ и прочихъ дѣла,“ а дѣло, въ которомъ находится воззваніе Батырши, имѣетъ такое заглавіе на оболочкѣ: «Дѣло (съ распросами) о Башкирцахъ. № (не означенъ) октября 2 и 9 числъ 1755 г.»; въ немъ показано нумерованныхъ 71 листъ, въ числѣ коихъ много неписанныхъ или пустыхъ листовъ. Дѣло это заключается IV части и здѣсь (во всемъ картонѣ) татарскихъ рукописей нѣтъ, но ихъ много въ другомъ картонѣ и между ними, можетъ быть, уцѣлѣлъ и татарскій текстъ воззванія Батырши. (Изъ письма Н. А. Губбенета къ Г. К. Рѣпинскому отъ 5 ноября 1891 г.).

Всепресвѣтлѣйшая, Державнѣйшая, Великая Государыня **Императрица Елизавета Петровна** Самодержица Всероссійская Государыня Всемилостивѣйшая.

Впрошломъ 1752 году Ноября 25-го **Ваше Императорское Величество** Всемилостивѣйше пожаловали меня всенижайшаго Дѣйствительнымъ Тайнымъ Совѣтникомъ и Правительствующему Сенату именнымъ **Вашего Императорскаго Величества** указомъ за собственноручнымъ **Вашего Императорскаго Величества** подписаніемъ 1753 году Февраля 11 дня повелѣно по оному чину давать мнѣ денежное жалованье противъ полного генерала срацiонами и денщиками, потому я и получалъ спомянутаго числа по 1 Маія сего 1758 году. А Имяннымъ-же **Вашего Императорскаго Величества** всевысочайшимъ указомъ исконференціи при дворѣ **Вашего Императорскаго Величества** учрежденной, я изъ Оренбурга отозванъ, токмо неполучая жалованья яко небогатой человѣкъ къ содержанію по чину моему крайнѣй недостатокъ имѣю. Того ради **Вашего Императорскаго Величества** всеподданнѣйше и всенижайше прошу Всемилостивѣйше повелѣть за прошедшую Майскую треть опредѣленное мнѣ жалованье выдать и по вышеписанному впредь производить.

Вашего Императорскаго Величества

Всеподданнѣйшій рабъ
Иванъ Неплюевъ.

Октября дня
1758 г.

(Высоч. ук. Сен. Архива, кн. 91, л. 206 и 207).

Экстрактъ изъ протокола учрежденной при дворѣ **Ея Императорскаго Величества** конференціи отъ 7 Генваря 1758 г.

Ея Императорское Величество всевысочайше указать соизволила Дѣйствительнаго Тайнаго Совѣтника и Оренбургской губерніи Губернатора Неплюева за слабостію здоровья взять сюда, а на мѣсто его вгубернаторы представить кандидатовъ. Правительствующій Сенатъ по тому **Ея Императорскаго Величества** имянному повелѣнію неоставитъ должнейшаго исполненія учинить и особливо на его имя приложенной при семъ **Ея Императорскаго**

Величества указъ кнему отправить, а притомъ и то распорядить кто по отбытіи его тамошнія дѣла управлять имѣстъ.

Графъ Алексѣй Бестужевъ-Рюминъ.
Князь Н. Трубецкой.
Слушано 9 Февраля. А. Бутурлинъ.
Графъ Михайло Воронцовъ.
Графъ Александръ Шуваловъ.
Конференцъ Секретарь Дмитрій Волковъ.

(Высоч. ук. Сен. Архива, кн. 91, л. 19).

Экстрактъ изъ протокола учрежденной при дворѣ **Ея Императорскаго Величества** конференціи отъ 4 Октября 1758 г.

Дѣйствителной Тайной Совѣтникъ и бывшей Оренбургской Губернаторъ Неплюевъ поданнымъ въ учрежденную при дворѣ **Ея Императорскаго Величества** конференцію и при семъ оригинално приложеннымъ доношеніемъ проситъ о выдаче определеннаго ему противъ полнаго генерала жалованья сраціонами и деньщичьимъ, котораго онъ съ 1 числа Маія сего года неполучалъ. Правительствующій Сенатъ по тому неоставитъ опредѣленіе здѣлать чтоб помянутому Дѣйствительному Тайному Совѣтнику Неплюеву какъ не полученное имъ съ 1 числа Маія по чину полного генерала жалованье сраціонами и деньщичьимъ выдано, такъ и впредь по тому-же откуда надлежитъ выдаваемо было по силѣ имянного **Ея Императорскаго Величества** указа отъ 11 Февраля прошлаго 1753 года.

Докладывано Октября 14 дня 1758 года.

Князь Н. Трубецкой.
А. Бутурлинъ.
Графъ Михайла Воронцовъ.
Графъ Александръ Шуваловъ.
Графъ П. Шуваловъ.

Конференцъ Секретарь Дмитрій Волковъ.

Указъ Нашему Сенату.

Чтобъ **Нашему** о благосостояніи и ползѣ **Имперіи** попеченію всѣ судебныя и разныя дѣла в ихъ правленіи имѣющія мѣста толь лушче соотвѣтствовать могли; то заблагоразсудили **Мы** на-

полнить оныя присудствующими, а нѣкоторыхъ переминить и потому всемилостивѣйше жалуемъ: 1., в Сенаторы: Нашего Генерала Графа Шувалова, *Дѣйствительнаго Тайнаго Совѣтника Неплюева, повелевая ему присудствовать и внашей конференціи*, Дѣйствителного Камергера и Генерала Порутчика Жеребцова, Дѣйствительнаго Камергера и Генерала Порутчика Графа Воронцова, Оберъ Коменданта и Генерала Порутчика Костюрина, которой втожъ время и Оберъ Комендантомъ остатся имѣетъ, Генерала Порутчика Суворова, вотчинной колегіи президента Тайнаго Совѣтника Хитрово и Камерколлегіи Президента Князя Шаховскаго, жалуя его въ Тайные Совѣтники. 2., в генералы Прокуроры и Дѣйствителныя Тайные Совѣтники Генерала Кригсъ Комисара Князя Шаховскаго, повелевая ему присудствовать и внашей конференціи. Въ Оберъ Прокуроры всенатѣ Дѣйствителнаго Камергера Графа Чернышева.

3., Президентомъ ввоенную коллегію генерала Фельдмаршала Князя Трубецкаго.

Членами въ онуюжъ Генерала Поручика Языкова и Генералъ Маіора и Кіевскаго Оберъ Коменданта Лопухина.

4) Президентомъ въ Камеръ Коллегію и вдѣйствительные Статскіе Совѣтники Ивана Юшкова, Вице Президентомъ вѻную-же Статскаго Совѣтника Александра Кошелева.

5) Президентомъ ввотчинную Коллегію и въ Дѣйствит. Статскіе Совѣтники Комерцъ Колегіи Вице Призидента Михайлу *Лунина*- Вице Президенцомъ вонную-жъ и в статскіе Совѣтники Колежскаго Совѣтника Михайлу Салтыкова, а нынѣшняго Вице Президента Камынина для его старости отъ службы уволняемъ.

6., Вице Президентомъ вкомерцъ колегію и встатскія совѣтники Прокурора Николая Самарина.

7., Президентомъ вбергъ Колегію и вдѣйствителные Статскіе Совѣтники Статскаго Совѣтника Шлаттера, которому быть втожъ время Главнымъ Судьею и вмонетной канцеляріи, а нынѣшняго. Президента Михайлу Опочинина отъ дѣлъ отставляемъ.

8., Президентомъ вревизіонъ колегію Дѣйствителного Статскаго Совѣтника Федора Кнутова.

9., Президентомъ въ Юстицъ Колегію и вдѣйствительныя Статскіе Совѣтники Статскаго Совѣтника Бориса Щербачова, а нынѣшняго Президента Желябужскаго за слабостію здоровья отъ службы уволняемъ.

10., Вице Президента Мануфактуръ Колегіи Генингера за его старостію отъ службы уволняемъ. сжалованьемъ по тысячѣ рублевъ на годъ по жизнь его, а на его мѣсто и встатскія совѣтскія совѣтники Колежскаго Совѣтника Никиту Коковинскаго.
11., Главнымъ Судьею всоляную Контору Камеръ Колегіи Вице Президента Матвея Козмина.
12., вглавный Кригсъ Комисаріатъ в должность Генерала Кригсъ Комисара Оберъ Прокурора Глебова.
13., впровіантскую канцелярію Генераломъ Провіантмейстеромъ Полковника *Якова Римскаго Корсакова*
14., вгерольдмейстеры Колежскаго Совѣтника Федора Квашнина Самарина.
15., воберъ Секретари: всенатъ, Колежскаго Совѣтника Ивана Козлова счиномъ Статскаго Совѣтника и гвардіи Капитана Порутчика Николая Гурьева, да всинодъ колегіи иностранныхъ дѣлъ Секретаря Степана Писарева.
16., въ Губернаторы: вмосковскую губернію Генерала Порутчика и гвардіи Маіора Князь Петра Черкаскаго, вкіевскую, артиллеріи Генерала Порутчика Глебова.
всмоленскую, Дѣйствителнаго Статскаго Совѣтника Исая Аршеневскаго, вказанскую, Дѣйствителнаго Статскаго Совѣтника Князь Василія Тенишева, внижегородскую, Дѣйствителнаго Статскаго Совѣтника Сергея Измайлова.
вновгородскую, Генералъ Маіора Князь Григорія Мещерскаго.
вастраханскую, Статскаго Совѣтника Василія Неронова счиномъ Дѣйствителнаго Статскаго Совѣтника, а нынѣшняго тамо Губернатора Жилина отъ службы отставляемъ.
17., ввице губернаторы: вбелогородскую Дѣйствителнаго Статскаго Совѣтника Григорія Толстова.
вворонежскую, Дѣйствителнаго Статскаго Совѣтника Ивана Кошелева; вастраханскую, Дѣйствителнаго Статскаго Совѣтника Ивана Беклемишева.
вархангелегородскую, Дѣйствителнаго Статскаго Совѣтника Григорія Сухотина.
внижегородскую Статскаго Совѣтника Максима Макшеева.
вновогородскую, Полковника Іевлева, Мы увѣрены пребываемъ, что всѣ и каждой сею нашею милостію пожалованныя и довѣренностію взысканныя должность свою по точному содержанію присяги и по лутчему разумѣнію исполнять старатся будутъ, дабы

дальнѣйшей **Императорской** милости и благоволенія удостоится. А притомъ Нашему Сенату повелеваемъ, протчія нижнія порожнія мѣста частію наполнить достойными и способными людми, частію-же къ наполненію намъ представить, наблюдая прямое достоинство и заслуги, а нестаршинство, такимъ образомъ, дабы по представляемымъ намъ Мы и о протчихъ судить могли.—

Елисаветъ.

Въ Петергофе Августа 16 дня 1760 году.
(Высоч. ук. Сен. Архива, кн. 94, л. 66).

Экстрактъ изъ протокола учрежденной при дворе **Ея Императорскаго Величества** конференціи отъ 26 Октября 1761 г.

Ея Императорское Величество указать соизволила, Подполковницѣ вдовѣ княгинѣ Наталье Федосеевой дочере князь *Лукиной* женѣ *Долгорукова*, хотя она и послѣдняя вроде позволить продать Его Превосходительству Дѣйствителному Тайному Совѣтнику и Кавалеру Ивану Ивановичу *Неплюеву* извысочайшей милости другимъ невобразецъ, и для росплаты ея долговъ всанктъ петербурге на адмиралтейской части внабережной линіи по невѣ рекѣ каменной ея домъ доставшейся ей по наслѣдству отъ отца ея Федосея Скляева совсемъ каменнымъ строеніемъ, какъ на неву реку, такъ и назаднюю линію; притомъ-же домъ и тосненское ея мѣсто вшлюсельбургскомъ уѣздѣ вверхъ по невѣ рекѣ, выше реки Тосны какъ вданной отцу ея значится содним крестьяниномъ и сьево женою и дѣтми. О чемъ Правительствующему Сенату для надлежащаго исполненія чрезъ сіе сообщается.—

Князь Н. Трубецкой
Графъ Михайла Воронцовъ
Графъ Александръ Шуваловъ
К. Яковъ Шаховской

Статскій Совѣтникъ Дмитрій Волковъ.

(Высоч. ук. Сен. Архива, кн. 100, л. 127).

Правительствующаго Сената въ Контору

Ихъ Превосходительствамъ Господамъ Сенаторамъ оставшимъ здѣсь въ Сенатской Конторѣ, имѣлъ я честь объявить **Ея Императорскаго Величества** Высочайшій указъ за Собственно-

ручнымъ **Ея Величества** подписаніемъ 26 минувшаго Августа, а мною полученный 31 того-жъ, съ котораго при семъ точную копію прилага́ю и по оному куда о чемъ надлежитъ о посылкѣ указовъ прошу, а въ какой силѣ о томъ до прочихъ мѣстъ сообщить, прилагаю при семъ-же изъ помянутаго Высочайшаго указа экстрактомъ записку.—Иванъ Неплюевъ.—Сентября „ „ дня 1762 года.

Указъ **Нашему** Тайному Дѣйствительному Совѣтнику и Сенатору Неплюеву.

На какомъ основаніи оставляемъ Мы, по отсутствіи Нашемъ въ Москву, теченіе государственныхъ дѣлъ въ СПетербургѣ, о томъ Сенату Нашему дали Мы знать особливымъ нашимъ отъ 19 Іюля указомъ, а вамъ, какъ старшему изъ назначенныхъ во ономъ указѣ въ Сенатскую Контору Сенаторовъ, препоручаемъ сверхъ того, главное попеченіе о сохраненіи добраго порядка въ семъ столичномъ городѣ, Всевысочайше притомъ повелѣвая, чтобъ вы о всѣхъ оставшихся въ СПетербургѣ разныхъ командахъ имѣли свѣдѣніе и, принимая отъ нимъ репорты, командирамъ ихъ на всякія незапныя приключенія и происшествія давали свои наставленія, почему вы, кромѣ обыкновенныхъ конторскихъ репортовъ, можете доносить прямо на имя Наше реляціями, какъ о состояніи города и въ немъ тишины, такъ и о добромъ во всѣхъ мѣстахъ порядкѣ; но чтобъ вы, будучи главнымъ въ городѣ командиромъ, неимѣли недостатка въ содержаніи по характеру вашему благопристойнаго стола, а наипаче для празднованія торжественныхъ дней и для какихъ либо знатныхъ проѣзжающихъ чужестранныхъ, которые нерѣдко у васъ случиться могутъ, повелѣваемъ вамъ получать изъ нашей статсъ-конторы на столъ вашъ, пока Мы въ отсутствіи пробудемъ, по пяти сотъ рублевъ на мѣсяцъ и оное время жить вамъ въ лѣтнемъ деревянномъ Нашемъ дворцѣ, въ крайнемъ флигелѣ со стороны покоевъ Любезнѣйшаго Нашего сына, въ которомъ и пристойной караулъ Нашей гвардіи подъ вѣдомствомъ вашимъ находиться будетъ; учинивши такой распорядокъ, твердо Мы уповаемъ, что вы соизволенію Нашему во всемъ соотвѣтствовать непремините, и что установленная тишина и благоденствіе въ семъ столичномъ городѣ и въ отсутствіе Наше непоколебимы пребудутъ. На подлинномъ **Ея Императорскаго Величества** собственною рукою въ указѣ

тако подписано.—„**Екатерина**“ августа 26 дня 1762 г. Съ подлиннымъ свидѣтельствовалъ Секретарь Борисъ Сахаровъ.

1762 году Сентября 6 дня въ собраніи Правительствующаго Сената Контора имѣли разсужденіе по подписанному сего Сентября 3 дня, учиненному по Имянному **Ея Императорскому Величеству** указу о препорученіи главнаго попеченія о сохраненіи добраго порядка въ семъ столичномъ городѣ и о прочемъ Сенатору, Дѣйствительному Тайному Совѣтнику и Кавалеру Ивану Ивановичу Неплюеву, опредѣленію Приказали: въ посылаемомъ по тому опредѣленію въ Академію Наукъ указѣ написать, чтобъ онаго указа въ газетахъ не припечатывать, Подлинный за подписаніемъ Правительствующаго Сената Конторы. Секретать Петръ Епифановъ. Съ подлиннымъ читалъ Канцеляристъ Петръ Романовъ.

(Сенат. Арх., дѣло Прав. Сената 1762 г., № 219).

Правительствующаго Сената въ Контору.

Почтенно сообщаю, что 20 минувшаго Ноября держанъ мною совѣтъ съ командующими здѣсь Генаралитетами, въ пресѣченіе безпокойствъ въ здѣшнемъ городѣ и близь онаго, происходящихъ отъ злодѣевъ, и учинено нами общее опредѣленіе, которое Высочайшимъ **Ея Императорскаго Величества** Именнымъ указомъ отъ 26 того-жъ Ноября Всемилостивѣйше апробовано, а каково на то **Ея Императорскаго Величества** Высочайшее повѣленіе я получилъ, таково выписавъ, также и съ помянутаго опредѣленія копію для свѣдѣнія оной Конторѣ при семъ прилагаю.—Иванъ Неплюевъ. Декабря 3 дня 1762 года. Докладывано 3 Декабря 1762 года.

Опредѣленіе. (Копія.)

По умножающимся въ городѣ продерзостямъ и грабежамъ, а особливо въ двухъ домахъ воспослѣдовавше наглымъ подобно разбоемъ и грабежемъ и битьемъ въ шести верстахъ отъ Санктъ-Петербурга французскаго курьера и случившимся въ разныхъ мѣстахъ смертнымъ убивствамъ, яко нѣкоторыя тѣла мертвыя въ разныхъ мѣстахъ найдены, того для Дѣйствительный Тайный Совѣтникъ Неплюевъ 20-го Ноября призывалъ къ себѣ командующій Генералитетъ, а имянно: Генерала Аншева Корфа, Глав-

наго Директора надъ полиціями, Сенатора и Кавалера, съ тѣмъ, что ежели онъ болѣнъ, какъ то за нѣсколько дней онъ отзывался, тобъ прислалъ Генерала Полиціймейстера и Кавалера Дивова; Генерала Лейтенанта, Лейбъ-Гвардіи Преображенскаго полку Подполковника, Сенатора и Кавалера Ушакова; Генерала Лейтенанта отъ артиллеріи и Кавалера Бороздина; Вицъ-Адмирала и Кавалера Мордвинова; присовокупя къ тому Гвардіи Маіора Князя Гагарина; и такъ, противъ вышеписаннаго, всѣ съѣхались, а Генералъ Корфъ, за болѣзнію, быть не могъ, а прислалъ означеннаго Генерала Полиціймейстера Дивова; и по многомъ общемъ разсужденіи о спокойствѣ города и къ оному принадлежащихъ мѣстъ, признали задовольно слѣдующій распорядокъ: понеже имѣющаяся въ командѣ Генерала Аншефа и Кавалера Корфа драгунская команда признаваема, по малолюдству, за недовольною къ содержанію спокойства въ городѣ, того ради постановили учинить 1-е) за рѣкою Фонтанкою отъ Большой прешпективой, даже до края жилья, къ Невскому монастырю, какъ по рѣкѣ, такъ и по оной Прешпективой, храненіе имѣть и спокойство содержать помянутымъ генераламъ Лейтенантамъ Ушакову и Бороздину, яко ихъ команды въ той сторонѣ расположены, тожъ и партикулярной верфи караулы по близости къ Генералу Бороздину, кромѣ своей команды, о цѣлости репортовать должны; чтожъ касается отъ Глухой рѣчки, которая морскими слободами идетъ и ниже сколько жила есть, имѣть храненіе и о цѣлости попеченіе Вицъ-Адмиралу Мордвинову, по его морской командѣ, а въ верхъ, даже до Вознесенской улицы. Средина жъ города, отъ Невы рѣки до Ямской Московской слободы, кромѣ гвардіи полковъ (которые въ командѣ Генерала Лейтенанта и Кавалера Ушакова) о храненіи тишины и цѣлости попеченіе имѣть и содержать все то отъ главнаго Генерала Полиціймейстера по полиціи Володимерскаго полку драгунскою командою и по-Прешпективой къ Тремъ Рукамъ и далѣе, къ Вологодской ямской и къ Красному Кабачку, или куда нужда востребуетъ, тою разъѣзды содержать. При всемъ томъ, отъ полиціи рогаточные караулы содержать и офицерамъ полицейскимъ по ночамъ дозорами самимъ ѣздить и паче всего рогатки вездѣ въ состояніе привести, а гдѣ нѣтъ—сдѣлать, чтобъ къ ночи заметываны, а пропущаемы-бъ люди были неинако, какъ съ фонарями, въ указанные часы, и стоящіе-бъ при рогаткахъ имѣли трещетки икакъ скоро

какая продерзость явится, тобъ въ тѣ трещетки били, а обывателибъ каждой изъ своего дому, какъ то обыкновенно при пожарахъ, по одному человѣку высылали для вспоможенія той тревоги; а сверхъ всего того, нужно, чтобъ по крайней мѣрѣ отъ четырехъ или пяти домовъ быть одному человѣку на улицѣ ночью карауломъ предъ воротами, чтобъ скорое вспоможеніе на каждую тревогу дать можно, токмо-бъ напрасныхъ нигдѣ тревогъ небыло и нигдѣ-бы нестрѣляли, по силѣ прежнихъ указовъ; и о семъ сообщить вовсѣ команды, какъ и о происхожденіи отъ всѣхъ сообщать по всякое утро, а о нужномъ въ какой-бы то часъ ни случилось, неожидая формалиты письменной, но словесно; что учинено въ Санктъ-Петербургѣ Ноября 20-го дня 1762 года.— У подлиннаго подписано тако: Иванъ Неплюевъ, Федоръ Ушаковъ, Корнилій Бороздинъ, Семенъ Мордвиновъ, Князь Матвѣй Гагаринъ.—Съ подлиннымъ читалъ Сенатскій переводчикъ Христіанъ Фридрихъ Фелкнеръ.

По секрету.

Въ указѣ **Ея Императорскаго Величества** за собственноручнымъ **Ея Величества** подписаніемъ отъ 26 Ноября къ Дѣйствительному Тайному Совѣтнику Неплюеву написано по сему:

Отъ 21 сего мѣсяца мы репортъ вашъ и съ приложеніями получили. Учиненныя вами, съ общаго съ генералитетомъ совѣта, распорядки для предохраненія въ городѣ и загородомъ тишины и спокойствія, Мы весьма аппробуемъ, полагаяся на васъ, что вы и впредь столько-же благоразумныхъ мѣръ принимать въ подобныхъ случаяхъ неоставите.—Съ подлиннымъ свидѣтельствовалъ Сенатскій переводчикъ Христіанъ Фридрихъ Фелкнеръ.

Господинъ Генералъ Корфъ.

Увѣдомилися Мы что нѣкоторыя начинаются безпокойствы проходящимъ и проѣзжающимъ, нетокмо въ близости подъ Петербургомъ, но и въ самой столицѣ по улицамъ мертвыя тѣла находятся, а въ домахъ дѣлаются грабежи, на подобіе разбоя; вамъ извѣстно на какомъ Мы основаніи оставили Нашего Тайнаго Дѣйствительнаго Совѣтника Неплюева, яко Сенатора старшаго, которому особливымъ указомъ и препоручили наипаче наблюденіе тишины и общаго спокойствія, съ тѣмъ, дабы онъ отъ всѣхъ

мѣстъ обовсемъ, что потому въ городѣ происходитъ, былъ нетокмо свѣдомъ, но и подавалъ въ противномъ случаѣ наставленіе. И такъ, Мы учиненный имъ 20 Ноября совѣтъ къ принятію надлежащихъ мѣръ для отвращенія безпокойствъ, начинающихся уже въ городѣ, весьма похваляемъ, а вамъ повелѣваемъ принятымъ въ томъ совѣтѣ мѣрамъ содѣйствовать, такъ, какъ Нашему вѣрному и ревностному слугѣ, и впредь согласоваться съ общими полезными распорядками въ силу Нашего указа, которымъ Мы его Сенатора нашего Неплюева, яко старшаго, снабдить при отъѣздѣ Нашемъ изъ Петербурга восхотѣли.—На подлинномъ собственною **Ея Императорскаго Величества** рукою подписано тако: **Екатерина.**—1762 года Ноября 26 дня.—Съ подлиннымъ свидѣтельствовалъ Секретарь Иванъ Яковлевъ.

Правительствующаго Сената въ Контору.

Оная Контора изволитъ быть извѣстна, какія распорядки мною, обще съ генералитетомъ, учинены къ прекращенію безпокойствъ и къ содержанію тишины въ здѣшнемъ городѣ и близь онаго, и учинено о томъ опредѣленіе, которое **Ея Императорскимъ Величествомъ** Всемилостивѣйше апробовано. А какимъ образомъ та высочайшая апробація воспослѣдовала, отомъ отъ меня въ оную Контору 3 сего Декабря сообщено, съ приложеніемъ копіи съ помянутаго опредѣленія, въ которомъ токмо говорено о учрежденіи по сю сторону Невы рѣки, а о Санктъ Петербургскомъ и на Васильсвскомъ островахъ и о Выборгской сторонѣ ничего неупомянуто, для того что тогда ни какой комуникаціи за рѣку небыло. А понеже и тамъ оказались отъ злодѣевъ разныя безпокойства; того ради Господиномъ Генераломъ Лейтенантомъ, Сенаторомъ и Кавалеромъ Иваномъ Ивановичемъ Кастюринымъ на оныхъ островахъ, а на Выборгской сторонѣ Генераломъ отъ Артилеріи и Кавалеромъ Господиномъ Бороздинымъ, а въ Галерной гавани отъ Адмиралтейства сверхъ полицейскихъ осторожностей учреждены пикеты и дозоры, яко ихъ команды тамо квартиры имѣютъ, и такъ во всемъ городѣ и близь онаго съ 21 минувшаго Ноября безпокойства пресѣклись, и нѣсколько подозрительныхъ людей и злодѣевъ и безпашпортныхъ кроющихся людей тѣми командами переловлено и отъ каждой по порядку таковые въ полицію отсылаются и тишина совершенная обстоитъ, чего я и впредь, въ

силѣ **Ея Императорскаго Величества** Высочайшихъ Имянныхъ указовъ, мнѣ данныхъ и Правительствующаго Сената Конторѣ извѣстныхъ, по долгу моему, наблюдать непремину; о чемъ отъ меня **Ея Императорскому Величеству** всеподданнѣйше донесено, а для свѣдѣнія Правительствующаго Сената Конторѣ чрезъ сіе почтенно сообщаю.—Иванъ Неплюевъ.—Декабря 8 дня 1762 года.

По секретной экспедиціи.—1762 года декабря 10 дня. По указу **Ея Императорскаго Величества** правительствующаго сената контора: по вѣдѣнію правительствующаго сената, въ которомъ объявлено, что по полученному изъ С.Петербурга отъ Г. Генерала Фельдмаршала и кавалера графа фонъ Миниха отъ 20 ноября репорту, изъ котораго, между прочимъ, усмотрѣно — хотя-де тамошняя полиція крайнее попеченіе имѣетъ о безопасности, однако-жъ такія грабительства и разбой въ самомъ городѣ происходятъ, что ночью безъ конвоя ни кто съ своей квартиры отлучится не можетъ, почему въ правительствующемъ сенатѣ опредѣлено въ Главную Полицеймейстерскую канцелярію послать указъ, велѣть по полученіи онаго въ самой крайней скорости въ правительствующій сенатъ репортовать сколь давно такія грабительства и разбои въ С.Петербургѣ оказались и какая ко искорененію сихъ злодѣйствъ предосторожность учинена и продолжается; и ежели въ самомъ дѣлѣ такъ, какъ генералъ-фельдмаршалъ графъ фонъ Минихъ въ сенатъ представляетъ, такія грабительства и разбои есть, то наикрѣпчайше подтверждается къ безопасности тамошнихъ жителей о искорененіи оныхъ всекрайнѣе стараніе приложить, употребя къ тому изъ тамошнихъ воинскихъ командъ столько сколько надлежитъ того требовать будетъ, о чемъ и въ сенатскую контору сообщить вѣдѣніе, дабы оная надлежащее къ тому распоряженіе сдѣлала и въ сенатъ обстоятельно о всемъ, чрезъ первую-жъ почту, сообщила. И по учиненной въ сенатской конторѣ справкѣ приказали: въ Правительствующій Сенатъ сообщить вѣдѣніе, въ которомъ объявить, что сего декабря 3 дня въ Сенатскую контору дѣйствительный тайный совѣтникъ, сенаторъ и кавалеръ Иванъ Ивановичъ Неплюевъ при письменнымъ объявленіи приложилъ съ учиненнаго по держанному имъ 20 минувшаго ноября совѣту съ командующими здѣсь генералитетами въ пресѣченіе безпокойствъ, въ

здѣшнемъ городѣ и близь онаго происходящихъ отъ злодѣевъ, общаго опредѣленія точную копію, которое Высочайшимъ **Ея Императорскаго Величества** именнымъ указомъ отъ 26 того жъ ноября всемилостивѣйше апробовано, изъ коего такожъ выписавъ при томъ пріобщилъ. Потому жъ и генералъ-аншефъ, сенаторъ и кавалеръ Николай Андреевичъ Корфъ при объявленіи своемъ сообщилъ съ полученнаго имъ Высочайшаго **Ея Императорскаго Величества** за подписаніемъ собственныя руки отъ тогожъ 26 ноября указа копію, чтобъ ему, генералу-аншефу, о вышеозначенномъ по принятымъ мѣрамъ содѣйствовать и прочее, съ которыхъ предъ симъ въ правительствующій сенатъ при вѣдѣніи изъ сенатской конторы сообщены точныя копіи; а сего 9 числа декабря помянутый же дѣйствительный тайный совѣтникъ, сенаторъ и кавалеръ въ сенатскую контору письменно объявилъ, что оная контора извѣстна какіе распорядки имъ обще съ генералитетомъ учинены къ прекращенію безпокойствъ и къ содержанію тишины въ здѣшнемъ городѣ и близь онаго и учинено о томъ опредѣленіе, которое **Ея Императорскимъ Величествомъ** всемилостивѣйше апробовано; а какимъ образомъ тая высочайшая апробація воспослѣдовала, а о томъ отъ него въ оную контору 3-го сего декабря сообщено, съ приложеніемъ копіи съ помянутаго опредѣленія, въ которомъ токмо говорено о учрежденіи по сю сторону Невы рѣки, а о С.Петербургскомъ и Васильевскомъ островахъ и о Выборгской сторонѣ ничего не упомянуто, для того что тогда ни какой коммуникаціи за рѣку не было, а понеже и тамъ оказались отъ злодѣевъ разныя безпокойства,—того ради господиномъ генераломъ-лейтенантомъ, сенаторомъ и кавалеромъ Иваномъ Ивановичемъ Кастюринымъ на оныхъ островахъ, а на Выборгской сторонѣ генераломъ отъ артиллеріи и кавалеромъ Бороздинымъ, а въ галерной гавани отъ адмиралтейства сверхъ полицейскихъ осторожностей учреждены пикеты и дозоры, яко ихъ команды тамо квартиры имѣютъ, и такъ во всемъ городѣ и близь онаго съ 21-го минувшаго ноября безпокойства пресѣклись и нѣсколько подозрительныхъ людей и злодѣевъ и безпаспортныхъ, кроющихся людей тѣми командами переловлено и отъ каждой по порядку таковые въ полицію отсылаются и тишина совершенная обстоитъ; чего онъ, дѣйствительный тайный совѣтникъ и кавалеръ, и впредь въ силѣ **Ея Императорскаго Величества** высочайшихъ именныхъ указовъ, ему данныхъ и секретной конторѣ извѣстныхъ, по

долгу своему, наблюдать не преминетъ, о чемъ отъ него **Ея Императорскому Величеству** всеподданнѣйше донесено; что же въ репортѣ въ правительствующій сенатъ отъ генерала-фельдмаршала графа фонъ-Миниха показано, что здѣсь, въ самомъ городѣ, такія грабительства и разбои происходятъ, что ночью безъ конвоя ни кто съ своей квартиры отлучиться не можетъ; но о томъ сенатская контора, какъ прежде, такъ и нынѣ, никакого свѣдѣнія ни отъ кого неимѣетъ и репортовъ ни отъ куда въ подачѣ не было, такъ какъ и въ упоминаемыхъ отъ сенатора и кавалера Ивана Ивановича Неплюева объявленныхъ того не значится, слѣдовательно и къ учиненію о томъ распоряженія сенатской конторѣ приступить не съ чего, а паче за воспослѣдованною отъ **Ея Императорскаго Величества** на вышепрописанное опредѣленіе высочайшею конфирмаціею и неможно.—Подлинной за подписаніемъ Правительствующаго Сената конторы.

(Сенатскій Архивъ, дѣла Прав. Сената 1762 г. № 220).

Къ стр. 919.

Указъ Нашему Сенату.

Всемилостивѣйше жалуемъ Мы Подполковника *Николая Неплюева* въ Вице-Президенты въ Коммерцъ-Коллегію съ жалованьемъ по чину его Вице-Президентскому отъ того-же мѣста.— **Екатерина.**—1763 года, Апрѣля 17-го.—Полученъ 18-го Апрѣля 1763 года.—Слушанъ того-же числа.

(Высоч. указы, кн. 106, л. 77).

Указъ Нашему Сенату.

На какомъ основаніи Мы учредили при Дворѣ Нашемъ Коммисію о поправленіи коммерціи въ Государствѣ Нашемъ и кому въ ней быть повелѣли членами, съ тѣхъ указовъ копіи при семъ прилагаемъ Сенату для вѣдома, а притомъ повелѣваемъ оному-же Сенату во всемъ по требованіямъ той коммиссіи дѣлать вспоможеніе и о семъ дать знать въ надлежащія мѣста. **Екатерина.**— Декабря 8 дня 1763 года.—Полученъ того-же числа.—

Приложеніе къ этому указу составляетъ указъ, данный Дѣйствительнымъ Тайнымъ Совѣтникамъ Ивану Неплюеву, Князь Якову Шаховскому и Графу Миниху, помѣщенный въ Полн. Собр. Зак., № 11985.

(Выс. ук. Сен. Арх., кн. 108, л. 258).

Къ стр. 922.

Указъ Нашему Тайному Дѣйствительному Совѣтнику и Сенатору Неплюеву.

Чрезъ сіе повелѣваемъ вамъ во время отсутствія Нашего въ Лифляндію имѣть въ семъ столичномъ городѣ главное попеченіе о сохраненіи добраго порядка и совершенной тишины, чего ради о всѣхъ оставшихся въ немъ разныхъ командахъ Всевысочайше повелѣваемъ имѣть вамъ свѣденіе, и принимая отъ нихъ репорты на Имя Наше, командирамъ ихъ на всякія незапныя приключенія и произшествія давать свои наставленія, и о томъ къ Намъ репортовать. Подлинной подписанъ Собственною **Ея Императорскаго Величества** рукою тако: **Екатерина.**—Іюня 20 дня 1764 году. Санктъ-Петербургъ. Съ оригиналомъ свидѣтельствовалъ Правительствующаго Сената Секретарь Семенъ Ждановъ.—Въ Сенатѣ объявленъ оригинальной и слушанъ 21 Іюня 1764 года.

(Высоч. указы, кн. 111, стр. 209).

Къ стр. 928.

Указъ Сенату о Неплюевѣ.

Тайной **Нашъ** Дѣйствительный Совѣтникъ и Сенаторъ Неплюевъ по долговременной предкамъ **Нашимъ** Намъ и отечеству службѣ пришедъ въ глубокую старость всеподданнѣйше просилъ, по слабости своего *изнуреннаго* здоровія, увольненія отъ всѣхъ военныхъ и гражданскихъ дѣлъ, такъ какъ и свободы окончать остатки жизни своей спокойно гдѣ онъ пожелаетъ. Мы, нетокмо совершенно вѣдая все прошедшее время похвальной его службы, но и сами довольные имѣя опыты отличной его вѣрности и усердія къ намъ и отечеству, *симъ* всемилостивѣйше снисходя на его прошеніе, дозволяемъ ему, Сенатору Неплюеву, по смерть его жить ему свободно отъ всѣхъ военныхъ и гражданскихъ дѣлъ тамъ гдѣ онъ пожелаетъ. И сверхъ того жалуемъ ему на оплату долговъ *его* двадцать тысячъ рублей, **Екатерина.**—10 Ноября 1764 года. С.-Петербургъ. Полученъ 13 Ноября 1764 года. Слушанъ 15 Ноября 1764 года.—

(Высоч. указы 1764 г. кн. 112, стр. 217).

Къ стр. 928.

Указъ Нашему Сенату.

Тайному Дѣйствительному Совѣтнику и Сенатору Неплюеву, за долговременную и *безпорочную* его службу, а особливо за учиненное имъ въ бытность его въ Оренбургѣ знатное приращеніе государственныхъ доходовъ, всемилостивѣйше пожаловали Мы Малороссійскія волости Чеховскую и Янпольскую со всѣми принадлежащими къ нимъ хуторами, деревнями, селами и мѣстечками и принадлежностями въ вѣчное и потомственное владѣніе, о чемъ Сенату заготовя грамоту, для подписанія Намъ представить.—**Екатерина.**—10 Ноября дня 1764 года, С.-Петербургъ.— Полученъ 13 Ноября 1764 года. Слушанъ 15 Ноября 1764 года.

(Высоч. указы 1764 г., кн. 112, стр. 218).

Къ стр. 930.

Ея Императорское Величество Всемилостивѣйше соизволила Вице-Президента Комерцъ-Коллегіи Николая Неплюева уволить отсюда для препровожденія отца его, наступающаго года Генваря по 1-е число.—Генералъ Квартирмейстеръ Князь Вяземской.— Декабря 13 дня 1764 года. Слушанъ 14 Декабря 1764 года.

(Кн. 112, л. 282).

Къ стр. 931.

Отъ Сенатора Никиты Панина.

По полученному извѣстію о приключившейся опасной болѣзни находящемуся въ украинскихъ своихъ деревняхъ Дѣйствительному Тайному Совѣтнику Ивану Ивановичу Неплюеву, **Ея Императорское Величество** Всемилостивѣйше пожаловала позволеніе, сыну его, Статскому Совѣтнику и Вице-Президенту Коммерцъ-Коллегіи Николаю Неплюеву отлучиться туда на срокъ до будущаго Генваря мѣсяца, повелѣвая мнѣ о семъ въ Правительствующемъ Сенатѣ записать свой Высочайшій указъ.—С.-Петербургъ 23 Іюля 1765 года. Н. Панинъ. Слушанъ 25 Іюля 1765 года.

(Выс. ук. Сен. Арх., кн. 115, л. 114).

Къ 340-й страницѣ.

Ведомость колико въ приезде воренбургъ азиатцкихъ купцовъ и что вьявкѣ серебра алъмазныхъ вещей и товару значитъ подсимъ генваря 21 числа 1757 году.

	число вещей.	по весу. пуды.	фунты.	золотники.	по цене. рубли.	копейки
Города Бухары владенія хана губандуллы шатьмурова Бухарцовъ пять человѣкъ да города ташкента владенія хана абляза елбарисова ташкенецъ одинъ при нихъ кощеевъ тринадцать человѣкъ лошадей 25						
коими вьявке						
серебра врупеяхъ и вслиткахъ	—	10	33	48	6242	40
камня лаписъ лазури вкомьяхъ	—	28	3	48	8988	—
камняхъ лаписъ лазули тертого	—	—	10	48	84	—
товару						
алачей полосатыхъ полушелковыхъ штукъ.	12	—	—	—	12	—
бумажныхъ	2	—	—	—	1	—
бязеи красныхъ набивныхъ травачки . .	6	—	—	—	4	20
оловомъ						
синихъ сшелковыми и мишурными травками.	3	—	—	—	7	50
белыхъ смишурными и шелковыми травками	7	—	—	—	21	—
белыхъ тонкихъ сшелковыми травками маломерныхъ.	49	—	—	—	122	50
среднихъ.	26		—	—	65	—
толстонитныхъ	90	—	—	—	180	—
простыхъ синихъ средн. руки. . .	1	—	—	—	—	35
белыхъ большой руки	44	—	—	—	17	60
малыхъ	41	—	—	—	12	30
выбоекъ бухарскихъ средней руки. . .	10	—	—	—	4	—
малыхъ	2	—	—	—	—	60
занавѣсокъ малой руки	13	—	—	—	7	80
кушаковъ бумажныхъ поношенныхъ . .	1	—	—	—	—	40
корсоковъ	25	—	—	—	12	50
лисицъ киргискихъ хорошихъ.	1	—	—	—	—	80
карагацокъ	3	—	—	—	1	20
мерлушекъ бухарскихъ послѣдней доброты.	21	—	—	—	12	60

	число вещей.	фунты.	по цене. рубли.	копейки.
мерлушекъ киргискихъ разныхъ шерстей . .	3	—	—	18
рубашекъ избязи белой сшелковыми травками.	2	—	3	
семя цытварнаго тертого	—	$10^1/_2$	10	50
сусовъ бумажныхъ полосатыхъ штукъ . . .	1	—	1	
ѳлеру шелковаго штукъ	2	—	3	
оерезей полушелковыхъ полосатыхъ	2	—	4	
белыхъ бязинныхъ	1	—	—	70
изалачи полосатой	1	—	1	
искисеи белой смишурными и шелковыми травками	6	—	18	
избязи белой сшелковыми травкмми	4	—	8	
избязижъ белой сшелковыми и мишурными травками.	1	—	2	50
халатовъ избязи белой сшелковыми травками.	17	—	51	
искисеи белой сшелковыми и мишурными травками поношенныхъ. . .	5	—	20	
изалачи полосатой тонкихъ . . .	21		52	50
полушелковыхъ полосатыхъ . . .	3	—	9	
шелковыхъ полосатыхъ поношенныхъ.	1	—	3	
штукъ бумажныхъ белыхъ тонкихъ	14	—	21	
толстонитныхъ	7	—	8	40

У оныхъ же Бухарцовъ и ташкенца алмазныхъ вещей по-объявленной отнихъ цене.

Искръ алъмазныхъ мелкихъ 88 кратъ по	8	руб. крата
алъмазныхъ каменьевъ малыхь 160 кратъ по	15	руб.
искръ алъмазныхъ мелкихъ—80 кратъ по	7	руб.
алъмазныхъ каменьевъ среднихъ—90 кратъ по	30	руб.
искръ алъмазныхъ мелкихъ—180 кратъ по	5	руб.
алъмазныхъ каменьевъ мелкихъ—130 кратъ по	15	руб.
впяти каменьяхъ алмазныхъ—34 краты по	100	руб.
вдесети каменьяхъ алмазныхъ—40 кратъ по	50	руб.
вдвадцати каменьяхъ алмазныхъ-же —40 кратъ по	25	руб.

Итого вьявке вышеписаннаго по цене

серебра на . . . . 6242 р. 40 к. } Безпошлинно

каменьевъ алмазныхъ и лаписъ лазули на 24686 р. } 30928 р. 40 к.

товару на . . . . 700 р. 13 коп.

а всего на. . . . . 31628 р. 53 коп.

Къ страницѣ 946.

Списокъ жертвователей на устройство Неплюевскаго училища въ Оренбургѣ.

Тайный Совѣтникъ Иванъ Николаевичъ **Неплюевъ** . . . . 10000 р.[a]

Жена Статскаго Совѣтника Ирина Ивановна **Бекетова** . . . . 5000 р.

Оренбургскій помѣщикъ, надворн. совѣтникъ **Тоузаковъ** . . . . 5000 р.

Петербургскій купецъ Василій Алексѣевичъ **Злобинъ** . . . . 4500 р.[b]

Отъ четырехъ мещеряцкихъ кантоновъ и отъ пятаго башкирскаго . . . . 1806 р. 35 к.

Жена статскаго совѣтника, Екатерина Ивановна **Козицкая** . . . . 1500 р.

Статскій совѣтникъ Николай Алексѣевичъ **Дурасовъ** . . . . 1000 р.

Надворный совѣтникъ **Новосильцевъ** . . . . 1000 р.

Московскій гражданинъ **Кнауфъ** . . . . . 1000 р.

Жена колежскаго ассесора Дарья Иванова **Пашкова** . . . . 1000 р.

Московскій купецъ Михаилъ Павловичъ **Губинъ** . . . . 500 р.

Ростовскій купецъ Николай Алексѣевичъ **Кенинъ** . . . . 500 р.

Итого . 32806 р. 35 к.

Копія съ письма князя Гр. Сем. Волконскаго къ Ив. Николаевичу Неплюеву, внуку Ив. Ив. Неплюева.

Милостивый Государь
Иванъ Николаевичъ!

„Уважая съ отличнымъ почтеніемъ знаменитаго Вашего дѣда по заведеніямъ его въ Оренбургскомъ краѣ, прославляя всегда

---

a) А не 15000 р., какъ сообщаетъ Р. Г. Игнатьевъ въ Памятной кн. Оренб. губерніи на 1871 г.—Смотр. въ приложеніи стр. 1.

b) В. А. Злобинъ пожертвовалъ 1000 р. деньгами и деревянный двухъ-этажный домъ, оцѣненный при пріемѣ въ 3500 р. и потомъ проданный Маріи Осиповнѣ *Секретаревой* за 3000 рублей.

основателя благоустройства въ дѣлахъ здѣшнихъ странъ, я за пріятный долгъ постановилъ увѣковѣчить память Господина Дѣйствительнато Тайнаго Совѣтника Ивана Ивановича Неплюева, прочнымъ и полезнымъ заведеніемъ въ Оренбургѣ—Неплюевскаго училища.

Въ бытность мою прошедшаго года въ столицѣ, я лично имѣлъ счастіе Всеподданнѣйше докладывать о семъ Государю Императору и Его Императорское Величество Всемилостивѣйше соизволилъ принять предложенія мои по сему предмету въ уваженіе, о чемъ я имѣлъ честь увѣдомить Ваше Превосходительство въ свое время. Государь Императоръ соизволилъ предназначить на содержаніе училища сего особенную сумму, сверхъ пожертвованной, но стеченіе смутныхъ обстоятельствъ въ Европѣ положило, кажется, тому предѣлы.

Потому-то совѣтъ о военныхъ училищахъ отклонилъ мое намѣреніе отъ заведенія особеннаго Неплюевскаго училища и предлагалъ пожертвовать взнесенною суммою на народное училище.

Поставивъ за правило почтить память Ивана Ивановича и видя нерасположеніе правительства, я предположилъ составить при уѣздномъ училищѣ особенное отдѣленіе, въ которомъ ученики будутъ именоваться *Неплюевскими* воспитанниками, и Ваше Превосходительство почтительнѣйшимъ письмомъ отъ 21 Ноября изволили изъявить согласіе *на употребленіе 10 тысячъ руб., пожертвованныхъ Вами на сей предметъ.*

Принося Вамъ, Милостивый Государь, за сіе совершенную благодарность, я долженъ увѣдомить Ваше Превосходительство, что и всѣ внесшія посильныя пожертвованія, съ особеннымъ удовольствіемъ, по вторичному моему предложенію, обратили свои приношенія на образованіе Неплюевскихъ воспитанниковъ.

Имѣя теперь достачочно видовъ къ сему заведенію, я не могу однакоже ограничить своего желанія устроеніемъ одного отдѣленія для Неплюевскихъ воспитанниковъ при уѣздномъ училищѣ: намѣреніе мое стремится къ тому, чтобы сдѣлать достойный памятникъ основателю здѣшняго края, и есть ли бы Ваше Превосходительство не находилисъ теперь въ Астрахани, то я бы убѣдительнѣйше просилъ Васъ содѣйствовать проведенію въ исполпеніе прежняго предположенія моего, сообщеннаго Вамъ въ Петербургѣ. Я поставилъ себѣ долгомъ, если благоволитъ Всевышній быть мнѣ въ предстоящемъ лѣтѣ въ С.-Петербургѣ,

Всеподданнѣйше просить Государя Императора о устроеніи здѣсь особеннаго Неплюевскаго училища, я и буду тогда просить также Вашего содѣйствія, но если уже не послѣдуетъ на сіе Высочайшаго соизволенія, то составится особенное отдѣленіе для Неплюевскихъ воспитанниковъ при уѣздномъ училищѣ.

Съ истиннымъ почтеніемъ и преданностью имѣю честь быть Вашего Превосходительства покорный слуга,

Князь Волконскій.

11 Декабря 1807 г.

Оренбургъ.

(См. дѣло о построеніи въ Оренбургѣ училища подъ названіемъ Неплюевскаго за 1806—1817, стр. 91).

Къ страницѣ 954.

Надпись на металлической доскѣ, заложенной преосвященнымъ Макаріемъ въ основаніе новаго соборнаго храма въ Оренбургѣ 8 сентября 1886 года.

„Во имя Отца, и Сына и Святаго Духа“.

„Въ благополучное царствованіе Благочестивѣйшаго Самодержавнѣйшаго Государя Императора и Самодержца всея Россіи Александра Александровича, святый соборный храмъ сей основанъ во славу Пресвятыя Владычицы нашея Богородицы и въ честь чудотворныя иконы Ея, именуемой Казанскія, въ 8 день сентября 1886 года. Заложенъ епископомъ оренбургскимъ и уральскимъ Макаріемъ, по Высочайше утвержденному проэкту академика архитектуры Яценко, на мѣстѣ, освященномъ для того оренбургскимъ епископомъ Веніаминомъ“. [a]

„Первоначальная мысль о постройкѣ сего храма въ г. Оренбургѣ преподана бывшимъ оренбургскимъ епископомъ Митрофаномъ [b] въ 1873 году, по случаю столѣтія со дня кончины устроителя Оренбургскаго края, Ивана Ивановича Неплюева, какъ памятникъ вѣры христіанской среди мусульманъ, на далекой окраинѣ Россіи. Храмъ сей предположено совершить ижди-

---

a) Преосвященный Веніаминъ былъ потомъ переведенъ на Воронежскую каѳедру, гдѣ и скончался.

b) Преосвященный Митрофанъ былъ переведенъ изъ Оренбурга на архіепископскую каѳедру въ Новочеркасскъ Донскаго казачьяго войска, гдѣ въ Бозѣ и почилъ.

веніемъ доброхотныхъ пожертвованій, изысканію которыхъ много способствовалъ бывшій оренбургскій генералъ-губернаторъ Николай Андреевичъ Крыжановскій. При закладкѣ храма присутствовали и святому дѣлу Божію посильно содѣйствовали: оренбургскій губернаторъ и наказный атаманъ Оренбургскаго казачьяго войска и предсѣдатель Соборнаго Совѣта Николай Алексѣевичъ Маслаковецъ, оренбургскій вице-губернаторъ и предсѣдатель Соборнаго Комитета А. А. Ломачевскій, оренбургскій городской голова Н. А. Середа, церковный староста С. И. Щербаковъ, казначей А. М. Лавровъ, строители храма инженеры Д. П. Коринъ и А. К. Левенштернъ, выборные отъ городскаго общества, члены Соборнаго Комитета: о. Н. Н. Полидоровъ, о. А. К. Шильновъ, пр. П. А. Сахаровъ, Е. И. Ивановъ, Н. А. Дюковъ, П. М. Дѣевъ, В. Е. Мякиньковъ, А. Н. Захо, А С. Свѣшниковъ, С. П. Мошковъ, И. Г. Скворцовъ, В. М. Семеновъ и члены Соборнаго Совѣта: И. В. Черновъ, А. Д. Холодковскій, А. М. Сильновъ, В. Ф. Андреевъ, Э. Х. баронъ Корфъ, В. П. Сахаровъ, І. А. Короткевичъ—Корвинъ, Д. Г. Ѳеофилактовъ, Р. Э. Маллеръ, А. А. Сейфертъ, К. Е. Штенбергъ, А. И. Камбулинъ, Н. В, Одинцовъ, М. В. Любочестновъ, М. Н. Зварыкинъ, С. Е. Ванюшинъ, С. И. Назаровъ. О. П. Дегтяревъ, С. М. Ивановъ, В. М. Баныкинъ, В. М. Дѣевъ, П. С. Шибаевъ, А. Ѳ. Баштовенковъ, М. И. Карандаковъ, В. Х. Юровъ, А. К. Кибиревъ, В. А. Чистозвоновъ, Н. П. Савинковъ, А. А. Бѣловъ, М. Г. Алексѣевъ, И. Б. Сачковъ, И. В. Ладыгинъ, А. А. Шашинъ, Г. Н. Мещеряковъ и Ив. Ив. Евѳимовскій—Мировицкій, высшія мѣстныя военныя, гражданскія и духовныя власти и множество православныхъ христіанъ-обывателей города. Каменную кладку храма началъ нижегородскій цеховой мастеръ К. Рукавишниковъ".

„Владыко Господи! помози рабомъ твоимъ!". [a)]

Къ страницѣ 954.

Для отливки колоколовъ къ новому соборному храму былъ приглашевъ въ Оренбургъ мастеръ извѣстнаго въ Москвѣ колокольнаго Финляндскаго завода, а 6 декабря 1894 года было

а) Оренбургскій Листокъ, № 43 за 1895 г., стр. 3, столб. 1 и 2.

совершено освященіе мѣди предъ ея закладкой въ плавильную печь, нарочно для того устроенную на базарной площади, близъ христіанскаго кладбища. Въ тотъ же день было совершено освященіе большаго креста на главный куполъ собора (въ 11 аршинъ вышины), а 9 декабря того же мѣсяца, по совершеніи молебна преосвященнымъ Макаріемъ, произошло торжественное поднятіе верхней части креста и его водруженіе. [a]

Къ страницѣ 959—960.

5 Ноября 1893 года.

Телеграммы,

относящіяся къ чествованію двухсотлѣтней памяти И. И. Неплюеза, со дня его рожденія.

Глуховъ, Неплюеву.

(*Изъ Казани*).

Привѣтствую съ двухсотлѣтней годовщиной основателя Оренбурга. [b]

Витевскій.

Оренбургъ,

Оренбургскому Губернатору.

(*Изъ Казани*).

Прошу Ваше Превосходительство передать гражданамъ города мой душевный привѣтъ, по случаю полуторавѣковаго существованія Оренбурга, и пожеланіе его процвѣтанія на пользу и славу отечества.

Витевскій.

(Изъ Оренбурга).

Въ Казань, Владиміру Николаевичу Витевскому.

Празднуя двухсотлѣтнюю годовщину дня рожденія незабвеннаго Оренбургскому краю Ивана Ивановича Неплюева, Не-

---

a) Тамъ же, столбецъ 3, примѣчаніе.

b) Отвѣтная телеграмма помѣщена на стр. 959—960 монографіи.

плюевскій кадетскій корпусъ признательно вспоминаетъ Ваши литературные труды и пьетъ Ваше здоровье.

Генералъ Самоцвѣтъ.

7 Ноября 1893 г.

Оренбургъ,

Директору Неплюевскаго корпуса.

(Изъ Казани).

Благодарю за память. Сегодня въ Университетѣ паннихида и рѣчи о Неплюевѣ.

Витевскій.

На поздравительную телеграмму, посланную мною 5 ноября на имя оренбургскаго губернатора, послѣдовалъ слѣдующій отвѣтъ отъ испр. должность оренбургскаго городскаго Головы, 16 ноября 1893 г., за № 464.

„Его Высокородію,
Г. Статскому Совѣтнику и кавалеру Витевскому".

„При докладѣ Городской Думѣ копіи съ телеграммы Вашей за № 3231, препровожденной ко мнѣ изъ канцеляріи Оренбургскаго Губернатора 6 сего ноября за № 476, Городская Дума за душевный Вашъ привѣтъ гражданъ г. Оренбурга и всѣ благожеланія Ваши, 11 сего ноября постановила: искренно благодарить Васъ".

ПИСЬМЕННЫЕ ИСТОЧНИКИ

и матеріалы, которыми авторъ пользовался при составленіи монографіи:
„И. И. Неплюевъ и Оренбургскій край до 1758 года.“

А.

Дѣла, хранящіяся въ архивѣ Правительствующаго Сената въ С.-Петербургѣ.

1. Дѣло 1744 года, по проэкту тайнаго совѣтника Неплюева и генерала фонъ-Штокмана, о мѣрахъ противъ Киргизъ-Кайсаковъ—на 245 листахъ.
2. О предосторожностяхъ отъ Калмыковъ. Дѣло 1745 года, за № 197—на 58 листахъ.
3. О нападеніи Киргизъ-Кайсаковъ, объ отправленіи въ Орду бригадира Тевкелева и о жалобѣ Яицкихъ казаковъ. Дѣло 1747 г., № 181—на 147 листахъ.
4. О сопротивленіяхъ тептярей, мещеряковъ и черемисъ при платежѣ ясака. Дѣло 1748 г., № 156—на 171 листѣ.
5. О наказаніи Оренбургскихъ татаръ за тайный провозъ ружей за границу. Дѣло 1755 г., № 1057—на 20 листахъ.
6. О назначеніи капитана Ивана Тимашева директоромъ Оренбургской Пограничной Таможни. Дѣло 1756 г., № 946—на 16 листахъ.
7. О количествѣ вымѣненныхъ киргизцами (у киргизцевъ?) на товаръ плѣнныхъ ими зюнгорскихъ калмыкъ. Дѣло 1756 г., № 1224—на 23 листахъ.
8. По письму тайнаго совѣтника Неплюева къ генералъ-прокурору, съ вѣдомостью прибывшимъ въ Оренбургъ азіатскимъ купцамъ и привезеннымъ ими товарамъ. Дѣло 1757 года, № 435—на 5 листахъ.
9. Дѣло о башкирскомъ бунтѣ 1755 г., № 1582—на 1054 лист.
10. Дѣло о башкир. бунтѣ 1756—1759 г., № 1594—на 1942 лист.

Итого 3436 листовъ.

Всѣ означенныя „Дѣла", по ходатайству г. Управляющаго Сенатскимъ архивомъ, сенатора *Г. К. Рѣпинскаго*, были высылаемы мнѣ, съ разрѣшенія Г. Министра Юстиціи, въ канцелярію директора Казанской учительской инородческой семинаріи, гдѣ я въ свободное отъ служебныхъ занятій время, особенно въ лѣтнія каникулы, и занимался ихъ чтеніемъ, дѣлая изъ нихъ выписки, а по минованіи въ нихъ надобности возвращалъ ихъ въ Сенатскій архивъ черезъ г. директора той-же семинаріи.[a)]

Б.

Дѣла и указы, хранящіеся въ архивѣ Тургайскаго областнаго правленія въ Оренбургѣ.

11. Дѣло объ отправленіи переводчика Уразлина да казака Арапова въ Киризъ-Кайсацкую Орду, для развѣдыванія о тамошнихъ обстоятельствахъ 1745 г.—на 159 листахъ.
12. Дѣло о киргизъ-кайсацкихъ набѣгахъ и о поселеніи при Гурьевѣ Яицкихъ казаковъ, 1746 г.—на 236 листахъ.
13. Дѣло 1748 г. о смерти Абулъ-Хаиръ-Хана—на 344 лист.
14. Доношеніе въ Государственную Коллегію Иностранныхъ Дѣлъ посланное, какимъ образомъ въ бытность киргизскаго Нурали-Хана съ салтанами и старшинами о ханствѣ его Нуралея публиковано тѣмъ салтанамъ и старшинамъ, и при томъ журналъ, держанный при ономъ объявленіи 1749 г, 9 августа—на 122 листахъ.
15. Дѣло по репортамъ войска Яицкаго объ отправленныхъ отъ Хивинскаго хана въ Астрахань тридцати чел. посланцахъ, 1751 г.—на 28 листахъ.
16. Связка дѣламъ о словосказателяхъ, 1752 г.—на 157 листахъ.
17. Переписка объ ученикахъ татарской школы, находившейся въ вѣдѣніи Оренбургской губернской канцеляріи (1745—1777) —на 185 листахъ.
18. Дѣло, по предложенію Его Сіятельства Графа Петра Ивановича Панина, о собранныхъ къ сочиненію двухъ истори-

---

а) См. въ канцеляріи г. директора Казанской учительской семинаріи: отношенія С.-Петербургскаяо Сенатскаго Архива, отъ 12 февраля 1890 г., за № $^{95}/_{154}$ и отъ 20 февраля 1890 г. за № $^{95}/_{192}$. Препровод. бумага г. директора семинаріи, отъ 26 окт. 1895 г. за № 133.

ческихъ о киргизъ-кайсацкомъ и башкирскомъ народахъ экстрактовъ извѣстіяхъ, 1775 г.—на 192 листахъ.[a]

19. Указы 1742 года именные и изъ Правительствующаго Сената, къ тайному совѣтнику Неплюеву присланные—на 73 листахъ
20. Указы, изъ разныхъ мѣстъ къ тайному совѣтнику Неплюеву 1742 года присланные—на 109 листахъ.
21. Указы 1743 года—на 326 листахъ.
22. Указы Неплюеву изъ разныхъ мѣстъ 1744 года. Книга 1-я на 88 листахъ, кн. 2-я—на 277 листахъ.
23. Указы 1745 года—на 298 листахъ.
24. Указы 1746 года—на 150 листахъ.
25. Указы 1747 года—на 192 листахъ.
26. Указы 1748 года—на 196 листахъ.
27. Указы 1749 года по секретной и походной экспедиціи на 153 листахъ.
28. Указы 1750 года—на 184 листахъ.
29. Указы 1751 года—на 124 листахъ.
30. Указы Походной канцеляріи Неплюева 1751—1752 г. въ 2 книгахъ: первая (1751—1752 г.)—на 155 листахъ, вторая (1752 г.)—на 194 листахъ.
31. Указы 1753 года—на 144 листахъ.
32. Указы 1754 года—на 66 листахъ.
33. Указы 1755 года—на 486 листахъ.
34. Указы 1756 года—на 302 листахъ.
35. Указы 1757 года—на 105 листахъ.

Итого въ Тургайск. арх. 5017 листовъ.

Дѣла и разные указы, обнимающіе собою все время управленія Оренбургскимъ краемъ Неплюева, были высланы мнѣ черезъ Оренбургскій Губернскій Статистическій Комитетъ, при особой описи ихъ, и возвращены мною черезъ г. директора Казанской учительской семинаріи по осени 1895 года.[b] Всѣ вышепоименованные „Указы“ Тургайскаго областнаго архива

---

a) Сравн. стр. 397 и 471 въ настоящей монографіи.

b) См. въ канцеляріи г. директора Казанской учительской семинаріи отношеніе, отъ 28 ноября 1895 г. за № 1249, въ Тургайское Обл. Правленіе, и отвѣтъ послѣдняго за № 369, отъ $^{16}/_{17}$ января 1896 года.

переплетены въ кожу, остальныя же „Дѣла“ просто подшиты, кромѣ „Дѣлъ“, означенныхъ здѣсь подъ №№ 17 и 18,—они переплетены въ обыкновенный корешокъ.

В.

Смѣсь.

Кромѣ вышеозначенныхъ „Дѣлъ“ и „Указовъ“ Сенатскаго и Тургайскаго архивовъ, авторъ пользовался, при составленіи настоящей монографіи, еще слѣдующимъ рукописнымъ матеріаломъ смѣшаннаго характера.

36. Копіи съ высочайшихъ указовъ, грамотъ и другихъ архивныхъ матеріаловъ, напечатанныя въ приложеніи къ настоящей монографіи (стр. 43—116)[a]

37. Біографическія данныя и семейныя преданія объ Ив. Ив. Неплюевѣ, а также „*Родословная*“ дворянъ Неплюевыхъ, доставленная Николаемъ Николаевичемъ ***Неплюевымъ***, блюстителемъ Крестовоздвиженскаго Трудового Братства.

38. Переписка Р. Г. *Игнатьева* съ разными учрежденіями и лицами о мѣстѣ рожденія, смерти и погребенія Ив. Ив. Неплюева.[b]

39. Черновыя рукописи I. И. *Желѣзнова* и матеріалы по исторіи Уральскаго Казачьяго Войска, извлеченныя имъ изъ архива Военной Коллегіи, преимущественно изъ кн. Казачьяго Повытья.[c]

---

a) Большая часть этихъ копій (копіи Сенатскаго Архива) доставлена сенаторомъ *Г. К. Рѣпинскимъ*.

b) До 1876 г. ни мнѣ, ни Р. Г. Игнатьеву не было извѣстно, гдѣ находится деревня *Новолокъ*, въ которой родился Ив. Ив. Неплюевъ, и село *Поддубье*, въ которомъ онъ скончался и погребенъ. Вслѣдствіе этого, Р. Г. Игнатьевъ вошелъ въ переписку съ новгородскимъ архипастыремъ, съ Новгородской и Псковской духовной консисторіей, съ настоятелями нѣкоторыхъ монастырей и новгородскихъ церквей, съ уѣздными и волостными правленіями и др. лицами и учрежденіями, направляя ихъ отвѣты ко мнѣ. Вся переписка по этому дѣлу находится въ нашихъ рукахъ.

c) О бумагахъ, оставшихся послѣ *I. И. Желѣзнова*, мною была напечатана особая статья въ газетѣ: «Волжскій Вѣстникъ» (за 1887 г. № 92), которая вызвала появленіе на страницахъ той-же газеты (№ 116) письма Н. Бородина. Не ознакомившись должнымъ образомъ съ дѣломъ и съ моими трудами по исторіи Уральскаго Войска, Н. Бородинъ хотѣлъ набросить на меня тѣнь плагіата, по отношенію къ бумагамъ I. И. Желѣзнова. Въ отвѣтъ на его письмо, не чуждое клеветы и передержки фактовъ, я тогда же отвѣтилъ въ «Волжскомъ Вѣстникѣ» (№ 132) статьей: «За и противъ», которая, по моему желанію, выраженному въ письмѣ къ наказанному атаману Уральскаго Войска Н. Н. Шипову, была перепечатана и въ Уральскихъ Войсковыхъ Вѣдомостяхъ, въ интересахъ истины и въ назиданіе Уральскимъ казакамъ. Послѣ этого г. Бородинъ послалъ, по его выраженію, «заключительное письмо» въ редакцію «Волжскаго Вѣстника», но оно почему-то не было напечатано и содержаніе его намъ неизвѣстно. Смотр. Уральцы. Полн. собраніе сочиненій I. И. Желѣзнова, т. 1, стр. LXIII—LXIV. Изданіе 2-е. Спб. 1888 г.

40. Дѣло о самовольной порубкѣ лѣса жителями города Самары и о присвоенiи ими земель, принадлежащихъ казакамъ станицъ Самарской и Алексѣевской—на 332 листахъ. Начато 4 ноября 1823 г., кончено 4 ноября 1844 г.[a]

41. Клировыя Вѣдомости Великопетровской Петропавловской церкви,[b] Свято-Троицкой—въ Ставрополѣ (на Волгѣ), Вознесенской—въ Оренбургѣ, Казанскаго собора—въ Самарѣ, Вознесенской церкви въ селѣ Спасскомъ (Бугульминскаго уѣзда), Александро-Невскаго собора въ Уральскѣ, въ церквахъ селъ Старой Бѣсовки и Старой Малыклы Ставропольскаго уѣзда Самарской губернiи и нѣкоторыхъ другихъ.

42. Различныя преданiя, сказки, пѣсни, описанiе вещественныхъ памятниковъ, относящихся къ содержанiю монографiи, портреты, надгробныя и другiя надписи, рисунки и планы отъ руки, сообщенные автору Р. Г. Игнатьевымъ, Н. Н. Неплюевымъ, П. Н. Распоповымъ, Н. А. Гурвичемъ, В. Н. Матвѣевымъ, В. В. Голубцевымъ, А. П. Альбановымъ, А. И. Оводовымъ, В. В. Катаринскимъ и нѣкоторыми другими лицами.

43. Частная переписка автора съ Н. Н. Неплюевымъ, Р. Г. Игнатьевымъ, сенаторомъ Г. К. Рѣпинскимъ, академикомъ Л. Н. Майковымъ, профессорами университета: П. А. Висковатовымъ, В С. Иконниковымъ, А. А. Кочубинскимъ, съ наказными атаманами Оренбургскаго и Уральскаго казачьихъ войскъ: В. И. Ершовымъ и Н. Н. Шиповымъ, съ самарскими епископами Герасимомъ и Серафимомъ, съ оренбургскимъ преосвященнымъ Митрофаномъ, съ вице - губернаторомъ Уральской Области Я. Т. Рогали-Левицкимъ и др. лицами.

44. Копiи съ писемъ И. И. Неплюева къ сибирскому губернатору Сухареву, доставленныя автору изъ Тобольскаго архива профессоромъ В В. Миротворцевымъ († 1891 г.)

45. Копiи съ писемъ Императрицы Екатерины II къ Неплюеву, сохранившихся у Н. Н. Неплюева.

---

a) Настоящимъ дѣломъ авторъ пользовался въ извлеченiи, сдѣланномъ изъ него С. Н. Севастьяновымъ.

b) Великопетровская станица находится въ 700 верстахъ отъ Оренбурга, въ Верхнеуральскомъ уѣздѣ.

II.

Печатные источники и матеріалы.

а) Оффиціальныя и спеціальныя изданія.

1. **Первое Полное Собраніе Россійскихъ Законовъ** (1649—1825 г.).
2. **Указатель** именъ и фамилій, находящихся въ П. Собр. Законовъ Россійской Имперіи. Составилъ Григорій Рѣпинскій. Спб. 1873 года.
3. **Архивъ Правительствующаго Сената.** Описаніе дѣлъ, составленное П. Барановымъ. Три тома. С. Петербургъ, 1872—1878 гг.,
4. **Сенатскій Архивъ.** Семь томовъ, издан. подъ редакціей сенатора Г. К. Рѣпинскаго. Первый томъ, вышедшій въ 1888 году, заключаетъ въ себѣ именные указы Императора Павла I, а остальные шесть томовъ, изданные въ 1889 -1895 г., состоятъ изъ журналовъ и опредѣленій Правительствующаго Сената, начиная съ 1732 года до 1746 г. съ пропускомъ нѣкоторыхъ лѣтъ, изъ протоколовъ Сената и списка военнымъ чинамъ первой половины XVIII в. При каждомъ томѣ имѣется „Указатель именъ и названій“.
5. **Полное Собраніе Русскихъ лѣтописей.**
6. **Акты Археографической Коммисіи.**
7. **Акты Историческіе** и дополненія къ нимъ.
8. **Архивъ бывшаго Оренбургскаго генералъ-губернаторскаго Управленія.** Выпускъ I. Изданіе Оренбургской ученой Архивной Коммиссіи. Оренбургъ, 1889 года.
9. **Общій Морской Списокъ.** Матеріалы для исторіи русскаго флота, изданные подъ редакціей Ѳ. Веселаго, въ пяти частяхъ. С. Петербургъ, 1885—1890 г.
10. **Указы** Императрицы Екатерины I и Государя Императора Петра II, состоявшіеся съ 1725 г. января съ 28 числа по 1730 годъ, напечатанные по указу Императрицы Елизаветы Петровны, при Императорской Академіи Наукъ. С.-Петербургъ, 1743 года.

11. **Сборникъ** статистическихъ, историческихъ и археологическихъ свѣдѣній по бывшей Оренбургской и нынѣшней Уфимской губерніи, изданный подъ редакціей Н. А. Гурвича. Уфа, 1868 г.
12. **Сборникъ** матеріаловъ для исторіи Уфимскаго дворянства. Составилъ В. А. Новиковъ. Уфа, 1879 года.
13. **Городъ Уфа** (1586—1886). Юбилейный Сборникъ. Составилъ и редактировалъ Н. А. Гурьвичъ. Уфа, 1887 года.
14. **Памятная книжка** Уфимской губерніи за 1873 годъ.
15. **Памятныя книжки** Оренбургской губерніи на 1865, 1870 1871 и 1872 годы.
16. **Труды IV** Археолегическаго Съѣзда въ Казани. Два тома съ атласомъ. Т. I, 1884 г., т. 2, 1891 г. Казань.

---

b) *Пособія*: атласы, карты и планы.

17. Оренбургская губернія съ прилежащими кь ней мѣстами, по „ландкартамъ" Красильникова и топографіи П. И. Рычкова. 1755 г. Изд. Оренб. отд. Имп. Геогр. Общества. Оренбургъ, 1880 г.
18. Карта генеральная Оренбургской губерніи и смежныхъ къ ней мѣстъ 1755 г., хранящаяся въ Сенатскомъ архивѣ за № 240.
19. Карта Оренбургской пограничной линіи, составленная 3 іюня 1764 г. и приложенная къ указамъ 1764 г.
20. Планъ Орской крѣпости 1744 г.
21. Планъ настоящаго Оренбурга, составленный при Неплюевѣ.
22. Планъ площади и мѣстонахожденія Илецкой соли, составленный геодезіи прапорщикомъ Аринкинымъ 18 сентября 1744 г.
23. Планъ г. Оренбурга съ показаніемъ проэкта провода воды изъ рѣки Урала, составл. 31 августа 1828 г.
24. Планъ г. Оренбурга 1841.
25. Современныя карты Оренбургской губерніи и смежныхъ съ ней мѣстъ, входившихъ раньше въ ея составъ.

III.

Азбучный указатель

отдѣльныхъ замѣтокъ, статей и книгъ, которыми авторъ пользовался при составленіи своей монографіи.

Алекторовъ А. Исторія Оренбургской губерніи. Оренбургъ, 1883 г. въ 16 д. л., стр. 1—128. Изданіе 2-е.

— Географическій очеркъ Оренбургской губерніи. Отд. оттискъ изъ „Оренбургскаго Листка" за 1884 и 1885 гг., въ 18 д. л., стр. 115.

Артемьевъ. О народныхъ переписяхъ (Русск. Вѣстникъ, 1857 г.)

Бантышъ-Каменскій, Д. Словарь достопамятныхъ людей Русской земли. Ч. 1—5, Москва 1836 г., 8°. Ч. I—III. Спб. 1847 г., 8°

Барсуковъ. А. Родъ Шереметевыхъ. Т. I—IV, Спб. 1881—1884 г., 4°.

Благовѣщенскій А. Исторія Казанской Духовной семинаріи. Казань, 1883 г.

Беневени. Донесенія и письма (IX т. Записокъ Императорскаго Русск. Геогр. Общества).

Берхъ В. Жизнеописанія первыхъ россійскихъ адмираловъ, или опытъ исторіи Россійскаго флота. Спб. Часть. I, 1831 г.; ч. II, 1833г.; ч III, 1834 г. Съ факсимиле адмираловъ.

Бестужевъ-Рюминъ. О колонизаціи велико-русскаго племени (Журн. М. Н. Просв, 1867 г. Іюнь).

Бородинъ Н. Экономическая перепись населенія земли Уральскаго казачьяго войска, въ зиму 1885—1886 года. (Сѣверн. Вѣстникъ, 1889 г. іюнь).

— Уральское казачье войско. Статистическое описаніе въ двухъ томахъ, съ 10 картами. Уральскъ, 1891 г.

Броневскій. Исторія войска Донскаго. Спб. 1834 года, три части.

Будринъ, священикъ. Записки его, какъ очевидца, о путешествіи русскихъ въ Бухару, въ 1820 г. (Справочная кн. Оренб. губерніи на 1871 г).

Бѣляевъ. Д. И. О станичной и сторожевой службѣ. (Чтен. Общ. истор. и древн. росс, 1846, IV).
— Крестьяне на Руси. Изслѣдованіе о постепенномъ измѣненіи значенія крестьянъ въ русскомъ обществѣ. Изд. 1, 1860 г. Изданіе 2-е, Москва 1879 г.
Вейдемейеръ, А. Обзоръ главнѣйшихъ происшествій въ Россіи, съ кончины Петра Великаго до вступленія на престолъ Елизаветы Петровны, ч. I—III, Спб. 1848 г., 8°, изд. 4-е.
Веселаго Ѳ. Очеркъ исторіи Морскаго Кадетскаго Корпуса. 1852 г.
Германъ. Описаніе заводовъ, бывшихъ подъ вѣдомствомъ Екатеринобургскаго горнаго начальства. Екатеринобургъ, 1808 г.
Гротъ Я. К. Петръ Великій какъ преобразователь Россіи. С.-Петербургъ, 1872 г.
Голиковъ. Дѣянія Петра Великаго. Т. II—IV, VI—X, XII—XV. Дополненія къ Дѣяніямъ Петра Великаго, т. XVII
Гуменскій, священникъ. Сказаніе объ иконѣ Казанской Табынской Божіей Матери. Уфа, 1870 г.
Данилевскій. Изслѣдованіе о состояніи рыболовства въ Россіи. С.-Петербургъ, т. III. Уральскос рыболовство.
Даниловъ. Записки.
Долгоруковъ П. В., князь. Россійская Родословная Книга. Ч. I—IV.
Дружининъ. Расколъ на Дону въ концѣ XVII вѣка. С.-Петербургъ, 1889 г.
Дубровинъ Н. Пугачевъ и его сообщники. По неизданнымъ источникамъ. С.-Петербургъ, 1884 г. Три тома, съ картой.
Ешевскій. Колонизація сѣверо-восточнаго края. Москва, 1870 г. См. в. III т. его сочиненій.
— Очеркъ царствованія Елизаветы Петровны. См. въ его сочиненіяхъ и въ „Отечеств. Запискахъ“, начиная съ № 5 за 1868 г.
Жуковскій И. Краткое обозрѣніе достопамятныхъ событій Оренбургскаго края, расположенныхъ хронологически съ 1246 по 1832 г. Оренбургъ, 1832 г., въ 8 д. л., стр. 1—76. Изданіе 2-е 1880 г., въ 18 д. л., стр. 1—103, съ приложеніями и дополненіями Н. А. Гурвича, Р. Г. Игнатьева, М. В. Ласіевскаго и Н. И. Кудрина.
Желѣзновъ I. Уральцы. Очерки быта Уральскихъ казаковъ въ двухъ томахъ, изд. 1858 г. Москва. Изданіе 2-е въ трехъ томахъ, съ дополненіями и включеніемъ неизданныхъ статей. С. Петербургъ, 1888 г.

Знаменскій П. В., профессоръ. Приходское духовенство въ Россіи, со времени Петра Великаго. Казань, 1873 года.

Завалишинъ. Описаніе Западной Сибири. Москва. Т. I, 1862 г., и т. II, 1865 г.

Ивановскій Н. И., профессоръ. Руководство по исторіи и обличенію старообрядческаго раскола. Казань, 1889 г.

Игнатьевъ Р. Г. Верхнеуральскъ (Пам. кн. Оренб. губ. на 1865 г., отд. I., стр. 103—132).

— Міасскіе золотые промыслы въ Оренбургской губ. (Пам. кн. Оренб. губ. на 1870 г., отд. IV, стр. 1—31).

— Отрядъ Чебаркульскій Троицкаго уѣзда (тамъ же, 120—131).

— Вотчина митрополитовъ тобольскихъ и сибирскихъ въ Челябинскомъ уѣздѣ (см. тамъ же, отд. V, 14—26).

— Объ учоныхъ трудахъ П. И. Рычкова (тамъ же, 1—13).

— Населеніе г. Оренбурга въ 1797 году (Справочная кн. Оренб. края на 1871, г. въ приложеніи I—IV).

— Рескриптъ Императора Александра I объ открытіи въ Оренбургѣ военнаго училища (тамъ же, стр. 1—4; перепечатанъ потомъ въ I выпускѣ „Архива бывшаго оренбургскаго генералъ-губернаторскаго управленія", стр. XXIV—XXIX. Оренбургъ, 1889 г.).

— О древнихъ памятникахъ въ Уфимскомъ уѣздѣ (Уфимскія Губ. Вѣдомости 1865 г., № 47).

— Чортово Городище (Уф. Губ. Вѣд. 1867 г, № 2).

— Судъ надъ бригадиромъ Аксаковымъ. Уфа, 1875 г., въ 18 д. л., стр. 1 - 62 (отдѣльный оттискъ изъ „Уфимск. Губ. Вѣд." за 1874 годъ).

— Каракасалъ, лже-ханъ Башкиріи (эпизодъ изъ исторіи Оренб. края XVIII в.), въ 18 д. л., стр. 1—64 (отд. оттискъ изъ „Оренбургскаго Листка" за 1880 г. №№ 7—12, 14—17).

— Хроника достопамятныхъ событій Уфимской губерніи (Пам. кн. Уфимскаго Статист. Комитета на 1873 г., ч. II).

— Киргизы Оренбургскаго вѣдомства въ XVIII в. (Оренбургской Листокъ за 1880 и 1881 г.)

— Походный иконостасъ и церковная утварь, пожалованныя Петромъ Великимъ, въ Оренбургѣ. (Образованіе и Промышленность за 1872 г., № 10).

— Конфидераты въ Уфѣ въ 1772 году (Уфимск. Губ. Вѣдомости за 1874 г., №№ 8—11, 14, 16, 17, 18, 20, 21, и др.).

— Могила В. Н. Татищева (Оренбургскій Листокъ 1880 г., № 5).
— Свѣдѣнія о церквахъ Уфимской губерніи. (Памятн. кн. Уфимской губ. на 1873 г.).
— Письмо Неплюева изъ Петербурга, отъ 27 декабря 1753 года, ко всѣмъ чинамъ и жителямъ Оренбургскаго края (Уфимск. Губ. Вѣдомости 1873 г., № 1).
— И. Н. Неплюевъ, правитель Минской области. (Минскія Губ. Вѣд. за 1878 годъ, №№ 14, 16, 17. 18 и 29).

Иконниковъ В. С.—Графъ Н. С. Мордвиновъ. Историческая монографія. С.-Петербургъ, 1873 года.

Ильинъ В. Ф. Троицкъ (Пам. кн. Оренб. губерніи на 1865 г., отд. I, стр. 1—22).

Ильминскій Н. И. Переписка о чувашскихъ изданіяхъ Переводческой Коммиссіи. Казань, 1890 г.
— Опыты переложенія христіанскихъ вѣроучительныхъ книгъ на татарскій и другіе инородческіе языки. Казань, 1883 г.
— Къ исторіи инородческихъ переводовъ (Православный Собесѣдникъ 1884 г., мартъ—апрѣль).
— Изъ переписки по вопросу о примѣненіи русскаго алфавита къ инородческимъ языкамъ. Казань, 1883 г.

Карабановъ П. Ѳ.-Статсъ-дамы и фрейлины Русскаго Двора (Русская Старина 1870 г., II).

Карамзинъ Н. М. Исторія Государства Россійскаго. Изданіе Эйнерлинга. С.-Петербургѣ, 1842 г.

Карновичъ Е. П. Замѣчательныя богатства частныхъ лицъ въ Россіи. Спб., 1874 года.

Ковалевскій. Графъ Блудовъ и его время. Спб., 1866 г.

Корсаковъ Д. А. Меря и Ростовское княжество. Казань, 1872 г.
— Воцареніе Императрицы Анны Іоанновны. Казань 1880 г.
— А. П. Волынскій (Древн. и Нов. Россія 1876 и 1877 г. Экстрактъ той же статьи смотр. въ „Русской Старинѣ" за 1885 г.).
— Изъ жизни русскихъ дѣятелей XVIII в. Историко-біографическіе очерки. Казань, 1891 г.

Костенко Л. Средняя Азія и водвореніе въ ней русской гражданственности. С. Петербургъ, 1871 г.

Ко(стенко)—**Юр**(ій). Бѣгство калмыковъ въ Китай въ 1771 году (Уральскія Войск. Вѣд. 1869 г., №№ 5—10).

— Борьба партій въ Яицкомъ войскѣ. Историческій очеркъ (Тамъ же, №№ 14, 15 и 16).

Костенко Ю. Уральское казачье войско. Историческій очеркъ и система отбыванія воинской повинности (Военный Сборникъ 1878 г., № 9).

Костенковъ К. И. Распространеніе христіанства у калмыковъ (Журн. Мин. Нар. Просв. 1869 г., августъ).

Котошихинъ. О Россіи въ царствованіе Алексѣя Михайловича. Спб. 1859 г. Изд. 2-е.

Книга Большому Чертежу. Спб. 1838 г.

Курбатовъ, В. Д. Мензелинскъ. (Памятная кн. Оренбургской губ. 1865 г. отд. I, 55—82)

Курбскій. А. М., князь. Сказанія кн. Курбскаго. Спб. 1842 г.

Лазаревсий Ал. Описаніе Старой Малороссіи. Вып. 1 и 2. Кіевъ, 1889 г,

Лакіеръ. Русская Геральдика.

Латкинъ. Законодательныя коммиссіи въ Россіи въ XVIII. Спб. 1887 г.

Листовъ Ю. Илецкій соляной промыселъ. Физико-географическій и статистичеекій очеркъ. Оренбургъ, 1882 г.

Левшинъ. Описаніе киргизъ-кайсацкихъ ордъ и степей. Спб. 1832 г.

Леонидъ, архимандритъ. Исторія церкви въ предѣлахъ прежней Калужской губерніи и Калужской іерархіи. Калуга, 1876 г.

Лепехинъ. Дневныя записки по разнымъ провинціямъ Россійскаго Государства. 1768—1772. Второе изданіе. Ч. I—IV. Спб. 1795—1805 г., 4°.

Липовцевъ. Переводъ съ кит. сочин. Циши о бѣглыхъ калмыкахъ въ Китай. (Сибирскій Вѣстникъ, 1820 г., ч. XII, 168—188).

Лобановъ-Ростовскій А. Б., князь. Русская Родословная Книга, два тома. Изданіе журн. „Русская Старина“ 1873—1876 г.

Майлатъ. Исторія Австріи. Русскій переводъ 1858 г.

Маловъ Е. А., протоіерей—профессоръ. О татарскихъ мечетяхъ въ Россіи. (Прав. Соб. 1867—1868 г.).

— О Новокрещенской Конторѣ. Казань. 1878 г.

— Раиѳская Богородицкая пустынь Казанской епархіи. Казань, 1880 г.

Манштейнъ. Современныя Записки о Россіи 1727—1744, въ исто-

рическомъ, политическомъ и военнодѣйственномъ отношеніяхъ. Перев. съ французск. Гр. Глинка. Ч. I—II. Дерптъ. Изд. 1-е 1810 г., 8°. Изд. 2-е 1823 г., Москва. Изд. 3-е 1873 г., Спб.

Минихъ, фельдмаршалъ, отецъ. Записки.

Минихъ, сынъ. Записки. См. Записки иностранцевъ о Россіи. Спб. 1874 г., 8°.

Монастырскій, С. Спутникъ по Волгѣ. Казань, 1884 г.

Маракуевъ В. Петръ Симонъ Палласъ, его жизнь, ученые труды и путешествіе. Москва, 1877 г.

Маркевичъ, Исторія Малороссіи. Двѣ части, четыре тома. Москва, 1843 г., 8°.

Мейеръ, А. Киргизская степь Оренбургскаго вѣдомства. Спб. 1865 г.

Митуричъ П. В. Очеркъ исторіи Оренбургскаго Неплюевскаго военнаго училища и Оренбургскаго Неплюевскаго кадетскаго корпуса отъ основаній ихъ до послѣднихъ преобразованій. (Памятн. кн. Оренб. губ. на 1870 г., отд. IV, 193—216).

Мнѣніе стариннаго русскаго дипломата о распаденіи Турціи (Др, и Нов. Россія 1887 г., № 7).

Мякушинъ Н. Г. Сборникъ уральскихъ казачьихъ пѣсенъ. Спб. 1890 г.

Небольсинъ. О башкирцахъ. (Отеч. Зап. 1850 г., № 11).

Неплюевъ, И. И. Записки, Спб. 1893 г.

Нефедьевъ. Подробныя свѣдѣнія о волжскихъ калмыкахъ, собранныя на мѣстѣ. Спб. 1834 г., 8°.

Орловъ Д. Н., протоіерей. Ставрополь и его храмы. Отд. оттискъ изъ Сам. Еп. Вѣд. 1882 г., (№№ 1—5, 8—10,12—15.,) въ 8 дол., стр. 1—120.

Орловъ, А. В. Челябинскъ. (Памятн. кн. Оренб. губ. на 1865 г. отд. I, 55—82).

— Историческій очеркъ сообщеній Оренбургской губ. съ прочими городами (Оренб Губ. Вѣд. 1868 г., № 37).

Остроумовъ, Н. П. Первый опытъ словаря народно-татарскаго языка по выговору крещеныхъ татаръ Казанской губ. Казань, 1876 г.

Палласъ. Путешествіе по разнымъ провинціямъ Россійской Имперіи. Ч. 1 и 2. Перев. Ѳ. Томанскій. Ч. 3 перев. В. Зуевъ. Спб. 1774—1788.

Пекарскій, П. П., академикъ. Русскіе мемуары XVIII в. (Современникъ 1855 г., Т. L--LII).

Пекарскій П. П., академикъ. Наука и литература въ Россіи при Петрѣ Великомъ. Спб. 1862 г.

-- Жизнь и литературная переписка П. И. Рычкова, 1867 г. (Рецензія въ Ж. М. Н. Пр. 1868 г., январь).

— Маркизъ де-ла-Шетарди. Депеши французскаго посла при Русскомъ Дворѣ.

— Когда и для чего основаны города Уфа и Самара (Сборн. русск. яз. и словесн. Им. Ак. Наукъ 1872 г., т. X).

— Исторія Академіи Наукъ.

Пекеръ А. Очерки Уфы. (Вѣстн. Им. Географ. Общ. 1860 г., кн. 8-я).

Перетятковичъ, профессоръ. Ч. I. Поволжье въ XV и XVI в. Ч. II. Поволжье въ XVII и нач. XVIII в. Москва 1877—1879 г.

Петровъ П. Н. Исторія родовъ русскаго дворянства. Спб. 1886 г.

Плотниковъ. Описаніе Далматова монастыря.

Поповъ Н. Татищевъ и его время. Москва, 1861 г.

Порай-Кошицъ И. А. Очеркъ исторіи русскаго дворянства отъ половины IX до конца XVIII в. Спб. 1872 г.

Порошинъ, С. Записки, служущія къ исторіи Государя Павла Петровича. Спб. 1844 г.

Посошковъ И., крестьянинъ. Сочиненія. Изданіе Погодина. Москва, 1842 г.

Поспѣловъ. Записки Поспѣлова или Пугачевскій бунтъ по запискамъ современника и очевидца (Оренб. Губ. Вѣд. 1869 г., №№ 26—28; Памятн. кн. Оренб. губ. на 1870 г., отд. IV, 79—120; Вѣстн. Европы 1870 г., № 6. Сообщ. Н. А. Середа).

Пушкаревъ. Исторія Им. россійской гвардіи.

Пушкинъ, А. С. Исторія Пугаческаго бунта. См. т. VI его соч. издан. Анненкова 1859 г.

Пыляевъ М. И. Старый Петербургъ. Со 100 гравюрами. Изд. А. С. Суворина, 1886—1887 г.

Разсыпнинскій Іоаннъ, священникъ. Оренбургская городская Свято-Троицкая церковь. (Историческій очеркъ по преданіямъ и документамъ). Оренбургъ, 1886 г. Отд. оттискъ изъ „Оренбургскихъ Епарх. Вѣдом.“ (за 1886 годъ, №№ 15--18, 23 и 24), въ 16 д. листа, стр. 1—90.

Ратшинъ А. Полное собраніе историческихъ свѣдѣній о всѣхъ бывшихъ въ древности и нынѣ существующихъ монастыряхъ и примѣчательныхъ церквахъ въ Россіи. Москва, 1852 г.

Рачинскій А. Первые русскіе гардемарины за границей въ XVIII столѣтіи, по документамъ Московскаго главнаго арх. М. И. Дѣлъ (Русск. Вѣстн. 1875 г., ноябрь.).

Регельманъ. Повѣствованіе о Малой Россіи.

Реклю, Э. Европейская Россія, т. V, вып. 2. Азіатская Россія. Спб. 1876—1885 г.

Романовичъ—Славатинскій. Дворянство въ Россіи отъ начала XVIII вѣка до отмѣны крѣпостнаго права. 1870 г.

Руммелъ В. В. и Голубцовъ В. В. Родословный Сборникъ русскихъ дворянскихъ фамилій. 1886 г., т. I.

Рычковъ П. И. Топографія Оренбургской губ. Изд. 1762 г. Спб. —Изд. 2-е 1887 г., Оренбугъ.

— Исторія Оренбургская (Ежемѣсячн. соч. и переводы, къ пользѣ и увеселенію служащіе. Журналъ, издав. академикомъ Миллеромъ, за 1759 г. Изд. 2-е подъ редакціею Н. М. Гутьяра въ „Оренб. Листкѣ“ за 1895—1896 г.).

Рычковъ. Журналъ или дневныя записки путешествія капитана Н. Рычкова по разнымъ провинціямъ Россійскаго Государства 1769—1770 и въ киргизъ-касайскія степи 1771 г. Спб. 1770—1772 г.

Рѣпинскій Г. К., сенаторъ. Графъ Готлобъ-Куртъ-Генрихъ Тотлебенъ въ 1715—1763 г.г. Матеріалы для біографіи. (Русск. Старина 1888, т. IX, октябрь, стр. 1—34; 1889 г., т. LXII, іюнь, стр. 513—544; т. LXIII, сентябрь, стр. 459—480; т. LXIV, октябрь, стр. 1—22).

Рябининъ. Уральское казачье войско. Спб. 1868 г. Матеріалы для географіи и статистики Россіи.

Сельскій. Ссылка въ восточную Сибирь замѣчательныхъ лицъ (Русское Слово 1861 г., т. VIII, 22).

Семевскій М. И. Великіе Луки и Великолуцкій уѣздъ. Спб. 1857 г.

Семевскій В. И. Крестьяне въ царств. Императрицы Екатерины II.

— Крестьянскій вопросъ въ Россіи въ XVIII и первой половинѣ XIX в. Спб. 1888 г., два тома.

Семеновъ П. Географическо-статистическій словарь Россійской Имперіи.

Семеновъ. Историческое изученіе свѣдѣній о россійской торговлѣ и промышленности съ XVIII в. Три тома.

Свенсе. Матеріалы для составленія атласа Россійской Имперіи. Изданіе Академіи Наукъ въ 1745 году. (Приложеніе къ IX т. Зап. Академ. Наукъ 1866 года, № 2).

Снегиревъ. Лубочныя картины Русскаго народа. Москва, 1861 г.

Соловьевъ С, М. Исторія Россіи, т. т. XVI—XXVI.

— Политика Россіи во время войны за Австрійское наслѣдство (Ж. М. Н. Пр. 1867 г.).

Стариковъ Ф. М., войсковой старшина. Откуда взялись казаки (Историческій очеркъ). Оренбургъ, 1881 г. Въ 16 д. л., стр. 1—262).

— Краткій историческій очеркъ Оренбургскаго казачьяго войска, съ приложеніемъ статьи о современномъ бытѣ Оренбургскихъ казаковъ и карты. Оренбургъ, 1890 г. Изд. Оренб. Губ. Стат. Комитета.

Суходольскій. Взглядъ на первые слѣды христіанской вѣры въ предѣлахъ Оренбургскаго края. (Оренб. Губ. Вѣд. 1854 г.).

Татищевъ. В. Н. Лексиконъ Россійской, исторической, географической, политической и гражданской. Ч. 1, 2 и 3 Спб. 1793 г.

Толстой, Д. А. Исторія финансовыхъ учрежденій въ Россіи. Спб. 1848 г.

Уманецъ, Ѳ. М. Митрополитъ Филиппъ. (Древн. и Нов. Россія, 1877 г., № 11).

Уоллесъ Мэкензи, Россія. Спб. 1881 г.

Устряловъ, Н. Г. Исторія царствованія Петра Великаго. Т. 1—6. Спб. 1858—1863 г.

— Навигаторы и гардемарины Петра Великаго.

Флоринскій, В. М. Башкирія и Башкиры. (Вѣстн. Евр. 1874 г., декабрь).

Ханыковъ. Обозрѣніе рудокопнаго производства частныхъ заводовъ Оренбургской губерніи. 1841 г.

Хвольсонъ. Извѣстія о хозарахъ, буртасахъ, болгарахъ, мадьярахъ и проч. 1869 г.

Хвостовъ, В. С. Записки. (Русск. Арх. 1870 г., т. I).

Циши. (См. Липовцевъ).

Черемшанскій, В. М. Описаніе Оренбургской губерніи въ хозяй-

ственно-статистическомъ, этнографическомъ и промышленномъ остношеніяхъ. Уфа, 1859 г.

Чичеринъ, Б. Исторія политическихъ ученій. Ч. 1—4. Древность и средніе вѣка. Москва 1869 г.

Чулковъ М. О древней россійской коммерціи при Каспійскомъ морѣ. Спб. 1781 г.

Чупинъ Н. К. Географическо-историческій словарь Пермской губерніи.

Шаховской, князь. Записки Князя Якова Петровича Шаховскаго, писанныя имъ самимъ. Ч. 1 и 2. Спб. 1821 г., изд. 2-е. Изд. 3-е Русск. Старины. Спб. 1871 г.

Шевичъ, В. С. Замѣтки о промышленности Оренбургской губерніи. (Памятн. кн. Оренб. губерніи на 1865 г.. отд. II, стр. 9-48).

— Уфа. (Тамъ же, отд. I, 23—53).

Шестаковъ П. Д. Нѣкоторыя свѣдѣнія о распространеніи христіанства у калмыковъ (Ж. М. Н. Пр. 1869 г., сентябрь).

Шпилевскій С. М., профессоръ. Древніе города и другіе булгарско-татарскіе памятники въ Казанской губерніи. Казань. 1877 г.

Шретеръ. Путеводитель Петербурга. 1822 г.

Штелинъ Я. Подлинные анекдоты о Петрѣ Великомъ. Москва. 1830 г. Четыре части. Изд. 3-е.

Шубинскій С. Н. Арестъ и ссылка Бирона. (Русск. Стар. 1871 г., т. III, 537—561).

Щаповъ, Аф. Пр. Земство и расколъ.

Щепкина. Старый гардемаринъ Петра Великаго, И. И. Неплюевъ. (Родникъ 1888 г., № 2).

Щербатовъ, князь. Неизданное сочиненіе, сообщ. М. Заблоцкій (Отеч. Зап. 1859 г., № 12).

— О поврежденіи нравовъ въ Россіи.

Юштинъ Ѳ. М. Обозрѣніе мѣропріятій правительства къ распространенію христіанства между калмыками (Прилож. къ Астрах. Епарх. Вѣд. за 1883 г., №№ 21—24).

Яблочковъ, М. Исторія дворянскаго сословія въ Россіи. Спб. 1876 г.

Ѳирсовъ Н. А., профессоръ. Положеніе инородцевъ сѣверо-восточной Россіи въ Московскомъ государствѣ. Казань, 1866 г.

— **Инородческое населеніе прежняго Казанскаго царства въ новой Россіи до 1762 г. и колонизація закамскихъ земель въ это время. Казань, 1869 г.**

Ѳирсовъ, Н. Н. Вступленіе на престолъ Императрицы Елизаветы Петровны. 1888 г., Казань.

— Политическое и финансовое значеніе колонизаціонной дѣятельности Неплюева. Казань, 1893 г., въ 18 д. Рѣчь. Отд. оттискъ изъ „Волжскаго Вѣстника“ за 1893 г.

124.

ътъ-
ина

69.
въ

изъ
03.

каго

47.
77.

ісь-

ма-
76,

Ка-
73.
юв-

во-
еп-

изъ

24,

алъ
ихъ

07,

ъ.

*) Въ настоящій «Указатель» вошли всѣ личныя имена, упоминаемыя какъ въ самомъ текстѣ монографіи, такъ и въ приложеніи къ ней, въ подстрочныхъ примѣчаніяхъ и цитатахъ къ тексту.

УКАЗАТЕЛЬ

личныхъ именъ, упоминаемыхъ въ монографіи *).

*) Въ настоящій «Указатель» вошли всѣ личныя имена, упоминаемыя какъ въ самомъ текстѣ монографіи, такъ и въ приложеніи къ ней, въ подстрочныхъ примѣчаніяхъ и цитатахъ къ тексту.

Б.

В.

Г.

Д.

Е.

Ж.

I.

К.

Л.

Н.

О.

П.

Т.

У.

Ц.

Ч.

Ш.

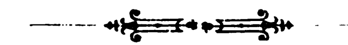
Щ.

Э.

Ю.

Я.

Ѳ.



Географическій указатель *).

---

*) Названія городовъ, селъ, деревень, крѣпостей, форпостовъ, редутовъ, горъ, урочищъ, морей, озеръ, рѣкъ, народовъ, и т. п.

Б.

В.

Л.

М.

Н.

О.

Т.

Дозволено цензурою. Казань, 31 Октября 1896 года.

Казань. Типографія Губернскаго Правленія.

Оглавленіе къ IV тому.

ОПЕЧАТКИ,

замѣченныя при чтеніи IV тома.

Стран.	Строка.	Напечатано.	Должно быть.
1	9 снизу	„ панегирикъ	панегирикъ
—	4 —	всего—	всего,
2	8 сверху	Вь.	В*ъ*
—	списокъ³)	В*и*селаго	В*е*селаго
3	1 сверху	атестату	а*т*тестату
—	10 —	венеціанъ.	венеціанъ,
—	12 —	отцевъ	отц*о*въ
4	сносокъ¹)	въ XVII столѣтіи . .	въ XVIII столѣтіи
6	20 сверху	который.	который,
—	9 снизу	Лі*и*сій	Ли*п*сій
8	8 сверху	Кантем*г*ромъ.	Кантем*и*ромъ
11	1 и 2 —	*Щ*урупова.	*Ш*урупова
—	24 —	быть	был*а*
—	1 снизу	Сам*с*онія	Сам*п*сонія
12	2 сверху	*Щ*урупова	*Ш*урупова
—	3 —	панихиду	па*н*нихиду
—	10 —	сам*а*го	сам*о*го
14	2 —	Васильевичъ	Васильевичъ;
17	20 —	*н*ріобщиться	пріобщиться
22	14 —	На ато*и*ъ	На это*м*ъ
23	20 снизу	турецк*н*мъ.	турецкимъ
24	22 сверху	*к*ъ домовой	*в*ъ домовой
—	27 —	каз*и*н	ка*з*ни
—	27 и 28	соше*е*твіе	соше*с*твіе
25	4 —	поло*жр*ніе.	поло*же*ніе
—	21 —	состо*н*тъ.	состо*и*тъ
—	24 —	мироно*се*цъ	мироно*си*цъ
—	25 —	ше*кл*ами	ше*лк*ами
—	снос. 2. строка 5-я снизу	каэнной.	ка*з*енной
26	3 сверху	гербь.	герб*ъ*
—	10 —	о красот*й*	о красот*ѣ*
—	24 —	имѣетс*а*.	имѣетс*я*

Вып. I. Съ приложеніемъ герба дворянъ Неплюевыхъ и портрета И. И. Неплюева съ его факсимиле. Стр. I—XII+176. Цѣна 1 руб. 60 коп.

Вып. II. Съ приложеніемъ двухъ литографированныхъ видовъ древнѣйшихъ оренбургскихъ храмовъ. Стр. I—XVIII+177—368. Цѣна 2 р.

Вып. III. Съ приложеніемъ литографированнаго вида съ иконостаса походной церкви Воскресенія Христова, сдѣланнаго по рисунку Петра Великаго и подареннаго имъ своему крестнику, калмыцкому тайдшѣ Баксадай-Дорджи, а по крещеніи Петру Петровичу Тайшину. Стр. 1—XXIV+369—616. Цѣна 2 р. 50 коп.

Вып. IV. Промышленность и торговля Оренбургскаго края, въ связи съ отношеніями Неплюева и Русскаго Правительства къ средне-азіатскимъ странамъ и народамъ. Стр. 1—XXI+617—844. Цѣна 2 р.

Вып. V. Съ приложеніемъ портретовъ сына и внуковъ Неплюева видовъ Поддубскаго храма, новаго собора въ Оренбургѣ, Неплюевскаго кадетскаго корпуса, первоначальнаго плана Оренбурга и карты Оренбургской губерніи, составленной въ 1755 году. Стр. I—VIII+846—962 Приложеніе, стр 1—198. Казань, 1897 г. Цѣна 2 р. 50 коп.

Къ свѣдѣнію лицъ, общественныхъ, учебныхъ и частныхъ библіотекъ, пріобрѣтавшихъ монографію отдѣльными выпусками, авторъ считаетъ нелишнимъ сообщить, что вып. 1 и 2 распроданы почти всѣ, остальные же (III, IV и V) выпуски имѣются въ достаточномъ количествѣ и могутъ быть выписываемы отдѣльно и вмѣстѣ, по объявленной цѣнѣ, съ наложеннымъ платежемъ лично отъ автора по адресу: *Казань, Староюршечная улица, домъ № 15 Вишневскаго,* Владиміру Николаевичу Витевскому. Монографія удостоена ИМПЕРАТОРСКОЮ Академіею Наукъ почетнаго отзыва; Учен. Комитет. Мин. Нар. Просв. *одобрена* для фундаментальныхъ библіотекъ всѣхъ среднихъ учебныхъ заведеній и для безплатныхъ народныхъ библіотекъ и читаленъ; Главнымъ Управлен. Военно-Учебныхъ Заведеній *рекомендована* для фунтамент. библіотекъ всѣхъ военно-учебныхъ заведеній.

Желающіе пріобрѣсти полное изданіе монографіи, состоящее изъ четырехъ томовъ, платятъ *девять (9) рублей* за книги и за пересылку почтовой за 6 фун. по разстоянію.

Цѣна 3 руб. 50 коп.

Цѣна 3 руб. 50 коп.